РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт географии
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА
Экономико-географическая секция

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Москва, 2005

ISBN 5-8965 58 - 002 9
Сборник издан при поддержке РГНФ - Грант 05-02-14001 г.

Утвержден к печати Ученым Советом
Института географии РАН 29 ноября 2005 г.

В сборник вошли материалы XXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Саратов, 4-6 июня 20005 г. Большинство статей сборника посвящено проблеме сессии – взаимодействию городских и сельских местностей в территориальной организации расселения и хозяйства разных регионов России. В целом сборник достаточно хорошо отражает современное состояние экономико-географических исследований по региональной проблематике.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Под редакцией д.г.н. Ю.Г.Липеца,
Москва, ИГ РАН, 348 стр. включая карты и рисунки
Компьютерный набор и техническая редакция:
Н.М.Болятко, Т.А.Корнилова, Е.П.Олешкевич

Рецензенты: доктор географических наук С.С.Артоболевский
доктор экономических наук А.Б.Куприянов

© Институт географии РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отношения «город-село» всегда привлекали внимание географов. В изучении этих проблем даже сложилась определенная парадигма, созданная В.П.Семеновым Тян – Шанским в его классическом труде «Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами». СПб.,1910г. Памяти автора посвящен труд «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен», М.. ИГ РАН 2001г. В нем нашли отражение множество процессов и кардинальных сдвигов в российских поселениях под воздействием трех революций, двух мировых войн, гражданской войны, индустриализации и коллективизации и, наконец, распада СССР и возникновения современной Российской Федерации с переходной экономикой и тяжелейшими социально-экономическими и национальными проблемами.

Среди этих проблем очень остро стоит углубляющийся разрыв между городской и сельской местностью в уровнях душевых доходов, обеспечении сельских жителей транспортом, медицинскими и образовательными услугами. Этот разрыв, во многом объяснимый и наследием советской эпохи, и диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, усугубляется не менее резким разрывом в общих показателях социально-экономического развития между регионами РФ. Очевидно, что в подобных условиях «двойной асимметрии» без взаимодействия городских и сельских местностей в каждом из субъектов Российской Федерации и стране в целом вряд ли можно говорить успешном региональном развитии.

Все статьи сборника, по традиции, сгруппированы в три раздела: общие, региональные и отраслевые проблемы. При этом, конечно, в статьях общего раздела много региональной и отраслевой тематики, а в двух других немало общих теоретических и методологических положений.

В общем разделе большой интерес вызывают статьи о современных процессах урбанизации и взаимодействии города и деревни в общем и территориальном аспектах, опыт разработки целевых федеральных программ, характеристика регионального экологического синдрома. Во втором разделе весьма интересны статьи по проблемам Севера и Сибири, о Московском регионе, Самарской области как примере создания информационного общества, о пограничных регионах России. В третьем разделе много материалов по развитию локальной энергетики, столь важной сейчас для сельской местности, транспорту, отраслям АПК. В заключение рассмотрены важные проблемы зарубежных стран – нефтепереработки, автомобильной промышленности, сотовой связи. В целом сборник дает определенное представление об уровне и направленности экономико-географических исследований по широкому спектру региональных проблем.

Следует отметить, что успешное проведение XXII ежегодной сессии было бы невозможно без помощи ректора Саратовского государственного университета проф. Леонида Юрьевича Коссовича, проректора по науке проф. Дмитрия Александровича Усанова, декана геофака проф. Алексея Николаевича Чумаченко и особенно зав.кафедрой экономической географии доцента Александра Михайловича Демина и всех сотрудников его кафедры.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ……..…….....3

РАЗДЕЛ I ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

НефедоваТ.Г.,ТрейвишА.И. Город и деревня: конвергенция или дивергенция**?.....** 4
ЛаппоГ.М. Российский город – симбиоз городского и сельского **……...** 23
СеменовП.Е. Роль федеральных целевых программ в развитии производительных сил регионов ……... 30
Вардомский Л. Б. Межрегиональные различия в контексте политики федерального центра ……..35
Пилипенко И.В. Конкурентоспособность и формы организации производства в регионах России ……42
Клюев Н.Н. Региональный экологический синдром ……51
ТарховС.А. Административно-территориальное деление постсоветского пространства ……... 57
ЛейзеровичЕ.Е. Опыт типологии малых территорий по их экономико-географическому положению ……**……**71
СамсоновВ.Б.,КолисникИ.И. Региональные геосистемы: опыт философско-синергетического осмысления ……**……**.....74
ТкаченкоА.А.,БогдановаЛ.П.,ЩукинаА.С. Оценка социально-экономической ситуации муниципальных образованиях: поиск адекватных подходов…….. ……79
Левинтов А.Е. Региональное пространство городского и сельского мировоззрения ……...87
Макар С.В. Эколого-экономические особенности и проблемы развития пригородных территорий (подходы к исследованию)…….91
Трифонова З.А. Фунциональные изменения в столицах республик России на рубеже XX-XXI веков ……..….95
Палилов Д.Е. Государственная инновационная политика и методы ее реализации (зарубежный опыт)…….103
СмирновМ.А., Родина Н.В. Различия в поведении на инновационных рынках между городскими и сельскими группами потребителей…… ….108
ОтставноваЕ.В. Перспективы развития социальной инфраструктуры села в зависимости от степени урбанизации сельских районов ……..114
НефедоваТ.Г.,Макеева А.А. Производство зерна и города России ……...116
Махов А.А. Городские агломерации – центры промышленно-информационного комплекса США ……..……..126
Тузова А. А. Теневой сектор в странах с переходным типом экономики…… ……...130

ЧАСТЬ II . РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Лаженцев В.Н., ТерентьевВ.В. О механизме функционирования системы «город-село». Пример севера. ……...140
Мелентьев Б.В. Да не оскудеет восточная земля людьми нашими…….....149
Родоман Б.Б. Москва и Подмосковье окольцованные регионы …. ……158
Аносов А.В. Взаимодействие «центра» и «региона», на примере Москвы и Нижегорогдской области ……162
Пилясов А.Н. Самарская область – на пути к информационному обществу……..166
Сергеева К.П. Нижний Новгород – столица ПФО ……...202
Бубнова А.Р., Стрелецкий В.Н. Этноконтактные зоны Нижегородской области ……...205
Логинова Н.Н. Социально-демографическое развитие городов и сельской местности в Мордовии ……215

Волкова И.Н., КрыловП.М., Ханташкеева Т.В. Социально-экономическое развитие городских и сельских поселений Псковской области в пограничной ситуации……...223
Бородина Т.Л. Динамика населения и изменения в сельском расселении в 1990-е годы (на примере Смоленской и Белгородской областей) ……230
ГрицаенкоЕ.А. Внешняя торговля Воронежской области агропродовольственной продукцией…237
Соловьев А.Б. Современная стратегия развития жилищного строительства в городах Белгородской области: проблемы и перспективы ……....243
Лукьяев А.В. Локальные свободные зоны в Калининградской области……...249
Нежданов В.А. Система расселения муниципального образования (Ромодановского района республики Мордовия)…….....257
Комарова Т.М Оценка современного уровня хозяйственного освоения и заселения территории среднего Приамурья (на примере Еврейской Автономной области)……...266
Мищук С.Н. Особенности отраслевой структуры экономики Еврейской Автономной области ……...271

ЧАСТЬ III ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Атаев З.А. Территориальная организация локальной энергетики: актуальность, проблемы, перспективы (на примере сельской местности Рязанской области)…….....276
Атаева Н.А. Программа развития малой гидроэнергетики, как основа сельской электрификации Рязанской области (1940-1960гг.)…….....285
Ляпин А.В. Использование социальных резервов и факторов при проектировании объектов АПК в сельских регионах……..289
Красноярова Б.А Целевые системы аграрного природопользования ……...294
Милованов С.С. Антропотипы гелиозависимости и социальной стабильности населения Саратова…….....300
КузьминаН.В., КолчинаА.Г. К вопросу об эндоэкологических проблемах подрастающего поколения Саратовского региона……..303
Рагимова О.А., Колисник И.И. Проблемы здоровья школьников и молодежи в русле модернизации Российского образования …….307
Колисник И.И., Мышковая М.Е. Ценностные ориентации народного образования ……309
Приваловский А.Н. Факторы организации локальных транспортных сетей в разных условиях современной России ……..311
Семина И. А. Транспорт как региональный ресурс : подходы к исследованию (на примере республики Мордовия)……...316
Фоломейкина Л. Н. Территориальные особенности воздействия автомобильного транспорта республики Мордовия на окружающую среду: подходы к исследованию ……..323
Кашутин П.С. Социально-экономические особенности и проблемы развития сотовой связи в Северной Америке……..329
Черница С.И. Крупнейшие мировые центры нефтепереработки в начале XIX века…….335
Трофимов Д.А. Роль и место развивающихся стран в автомобильной промышленности мира ……...337

РАЗДЕЛ I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Нефедова Т.Г.,Трейвиш А.И.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ: КОНВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ ДИВЕРГЕНЦИЯ?

Дихотомия город – село присутствует на разных уровнях, от глобального до местного. Последний конкретнее, но не всегда очевиднее. Изба с огородом и козой на городской окраине – это город или деревня? А многоэтажные сельские «черемушки»? Всеобщих критериев фактического города нет, остается один: де-юре. У нас существует официальная промежуточная категория поселков (пгт); во многих странах нет и ее. Тем не менее, все мы более или менее уверенно различаем город и село как типы поселений, местности, образа жизни.

Стираются грани между ними или заостряются, преодолевается или углубляется старая противоположность? Понимая, что тема вечна и обширна, предложим несколько сюжетов по России с учетом ее места в мире, глобального масштаба. С него в качестве краткого вступления и начнем.

Не сегодня-завтра на Земле тихо совершится условное эпохальное событие: доля горожан на Земле перевалит за 50%. Это ничуть не повлияет на концентрацию всей массы населения мира в его континентально-азиатской части, где в среднем 2/3 жителей останутся сельчанами, и на триполярную олигополию «мирового города» (США, Европа и «расширенная» Япония). Экономическая масса «мировой деревни» явно неадекватна демографической, несмотря на ускоренный рост городов-гигантов, ибо важен не столько их размер или количество, сколько качество.

Элитный, «командный» состав образует сеть *глобальных городов*, сгустки которых приурочены к тем же «аренам глобализации»: Американской, Европейской (самая плотная гроздь глобальных городов) и Азиатско-Тихоокеанской.[1] В миллиардной Индии с тремя десятками городов-миллионеров вообще нет глобальных. В Китае – четыре, но два из них, Гонконг и Тайбэй, выращены не в КНР. У России, Бразилии, Индонезии есть по одному, причем Москва – глобальный город «второго сорта» (т. н. серии бета), а Петербургу до нее далеко. В общем, Россия выглядит этаким мировым пгт, причем какие признаки ни возьми, результат примерно тот же: мы проигрываем если не Западу, то колоссам Востока. А надо ли за ними гнаться, что хорошего в этих всюду бездушных небоскребах и офисах с одинаково бездушными клерками? Ведь чем «глобальнее» такой город-чужак, чем ближе он к Нью-Йорку, Лондону или Гонконгу, тем дальше от ближних сел и городков.

Нас интересует именно связь города и деревни, как бы их ни разграничивать, а также их сближение или расхождение. Из множества направлений, по которым можно проследить такую эволюцию в нашей стране, мы выбрали пять основных:

1. Соотношение динамики сельского и городского населения.
2. Эволюция пространственных форм городской и сельской местности.
3. Соотношение уровней и типов социально-экономического развития.
4. Сельский и городской образы жизни.
5. Взаимопроникновение типов землепользования и обустройства.

1. Соотношение динамики двух этажей расселения

Город обычно крупнее села, что подтверждает их средняя людность в России в XX веке **(Рис. 1).** У сел и деревень она оставалась в рамках 200-300 чел. (у 60% пунктов нет и 100), у пгт – выросла к 1959 г. до 7, а потом упала до 5-6 тыс. чел. Город в среднем вырос в 4-5 раз, пока не застрял на уровне 85-90 тыс. Допустим, что *опережающий рост городов (урбанизация) есть дивергенция, и*

[1] Британские эксперты (Beaverstock, Smith, Taylor, 1999) выделили ее по наличию офисов международных корпораций, предоставляющих 4 вида деловых услуг: финансовые, бухгалтерские, юридические, рекламные. Ни политического статуса центра, ни привычной людности! Однако на Западе эти критерии и саму сеть считают вполне адекватными эпохе глобального постиндустрального развития.

наоборот [2] **(Рис. 2)** и выделим шесть типов сельско-городской динамики по сочетанию общедемографической (рост или убыль населения) и соотносительной (сближение или расхождение).

[2] В социальном смысле вопрос куда сложнее; наполнение городов сельскими мигрантами можно трактовать и как конвергенцию, временное «одеревенщивание» города.

Типам мы дали свои кустарные названия, хотя налицо сходство с эволюционной схемой урбанизации Дж. Джиббса (1963). Правда, у Джиббса **(см. рис. 6)** на 4-й стадии динамика верхнего «этажа» расселения (крупные города) и близкого к селу среднего (малые города) расходится. Мы же оставим типологию «двухэтажной»: город-село; иначе она будет слишком сложна. Вместо этого поднимем потолок нижнего этажа во второй половине XX века: до 1959 г. рассчитаем по регионам РФ (без столиц) индексы динамики сельского и городского населения, а затем включим в нижний этаж все поселения менее 50 тыс. человек.

Результаты по 20-30-летним периодам представлены на картах **(рис. 3 и 4).** В 1897-1926 гг. росло и сельское и городское населения, хотя обычно лидировал город, т. е. преобладала «прогрессивная урбанизация». Исключение – 25 регионов, где лидером роста была деревня, т. е. сохранялась конвергенция города и деревни, присущая России до 1861 года. Помимо окраинных регионов этот тип теплится в «субчерноземной» полосе от Орла до Мордовии. На депрессивном тогда Урале обозначился новый тип «урбанизации с поляризацией», т. е. с убылью селян, отчасти из-за присвоения городских прав заводским поселениям, лишенным его до 1917 г.

Этот тип доминирует в пору промышленно-городского «скачка» 1926-59 гг. Война его не остановила, но забрала столько жизней, что резко ускорила сельскую депопуляцию. Новых типов на карте нет. Два других, описанных выше, просто сдвинулись к окраинам, особенно восточным, причем опережающий рост сельского населения стал редким: 10 регионов вместо 25. Его вытеснила «прогрессивная урбанизация», хотя она отступала, с одной стороны, к периферии страны, а с другой – к центру, в Подмосковье.

Отрезок 1959-79 гг. мало что изменил, несмотря на пересмотр «поэтажного плана здания» с включением в нижний этаж малых городов и пгт. А вот за 1979-2002 гг. полоса классической урбанизации сжалась, давая место недоставшим типам: дивергентному с убылью на верхнем и еще быстрее – на нижнем этаже (Север, старопромышленный Центр), а также конвергентным с ускоренной убылью населения городов, знаменующей, по Джиббсу, контрурбанизацию. Однако регионы, где это происходило (Ивановская область, Кузбасс, Камчатка), наводят на мысль о кризисной природе данного явления.

Последний период разнороден, совмещая позднесоветское время с постсоветским. Поэтому на **рис. 5** отдельно показан период 1989-2002 гг. Вот где пестрота и хаос: тут и дивергенция, и конвергенция, и рост и убыль населения! Депопуляция обоих этажей охватила 39 регионов, поляризующая динамика – 27 (11 с убылью только верхнего этажа, 16 – нижнего), конвергенция – 28 регионов. Нашинкованы они как капуста с морковью. Нижний этаж рос при убыли верхнего в Подмосковье, Чечне и на востоке страны (на Юге Урала и Сибири, в Иркутской области и на Дальнем Востоке). При этом о смене стадий можно говорить, пожалуй, лишь в первом случае. В остальных – это скорее кризис или результат резкой смены миграционных процессов: притока в села южных районов, потерь городского населения восточными. Ясно одно: контрурбанизация западного типа, если она и есть в России, то скорее как исключение.

2. Эволюция пространственного взаимодействия города и села

Общую геоэволюционную логику изложила Ж.А. Зайончковская (1991, с 12-18), выделив 3 стадии: 1) автономного развития города, 2) стягивания к нему сельской сети поселений и 3) их интеграции **(рис. 6).** Но тут не хватает самой ранней стадии, примерно соответствующей 1-й стадии Джиббса. Ведь интегрированным расселение бывало и в старину. Сельское расселение, вписанное в контуры агропромысловых угодий, имело сеть городков – резиденций сеньоров, ярмарочных центров, убежищ окрестных крестьян. Колонизационные и внешнеторговые базы на краю «ойкумены» (Мангазея, Архангельск, Петербург) либо формировали свои сельские округи, либо хирели. И в начале XX в. у нас преобладали города-центры сельских уездов, включая назначенные таковыми при Екатерине II; по виду и сути – большие села.

Эпоха автономной урбанизации усиливала отрыв промышленных, транспортных и других центров от сельской сети, сплошь покрывавшей агрозоны, пока для этого хватало демографических ресурсов. С их истощением освоенное пространство сжимается, вокруг городов формируются зоны более плотного расселения: «геодивергенцию» сменяет новая конвергенция**.** Реконструкция Д.Н. Лухмановым плотности сельского населения по низовым районам Европейской России в 1897-1989

гг. показала, что территории среднего и густого сельского заселения (соответственно 10-25 и более 25 чел. / км²) уменьшились в два раза (Город и деревня, 2001, с. 229-250). В начале века она составляла половину площади Европейской России, теперь – только четверть. Общие потери таких территорий (переход их в слабозаселенные) составили 1 млн. км² (там же, с. 298-302).

Запустение сельской местности, забрасывание полей и целых деревень наиболее характерны для Нечерноземья. Пригородные и полупригородные зоны вокруг больших городов с повышенной плотностью населения и активностью его деятельности составляют здесь не более 20% территории. Потери населения в Центрально-Черноземном районе не привели к таким катастрофическим изменениям, основная часть территории просто стала среднезаселенной. А на Северном Кавказе, где поляризация и прежде была невелика, станицы и села по размерам не уступают иным городам, сельская плотность увеличилась. В общем, к концу советской эпохи дрейф села к городу в Нечерноземье почти завершился, что видно на графиках плотности сельского населения внутри регионов Нечерноземья **(Рис. 7)** с перепадами в 10-12 раз. В южной части ЕТС оно сохранило известную долю автономности от региональных центров.

Уплотнение населения с его деятельностью и мобильностью, сближение и совмещение двух образов жизни формируют, по Зайончковской, интегрированное, т. е. неоконвергентное расселение. Это происходит в агломерационных скоплениях поселений всех размеров либо вокруг одиночного центра, большого, а то и малого, хотя там скорее теплится первичная интеграция «исконного» типа.

По числу больших городов (от 100 тыс. жит.) прикинем базы конвергенции. В России их 167, в США – почти 250, у шести стран ЕС – 300, у Китая и Индии – по 400 с лишним и даже у Бразилии – 214. Это на более скромных и часто более проницаемых территориях. В развитых странах зоны сельско-городской интеграции могут обнимать до половины их площади. В России они как оазисы в пустыне (полупустыне). Или как архипелаг редких центров а океане периферии.

Если, используя сетку микрорайонов Е.Е. Лейзеровича, выявить районы центральные (крупнейшие города с их окружением), полупериферийные (средние города и окружающие их районы) и периферийные (малые города и сельские районы) и посчитать по ним динамику населения, то можно убедиться, что стягивание продолжается, хотя и медленнее (**рис. 8**). Центральные и полупериферийные микрорайоны – «плацдарм» конвергенции – сосредоточили на 27% площади европейской России 74% населения (что, кстати, равно доле горожан в стране). Это более 1 млн км² европейской территории России и столько же в азиатской; из них 550 тыс. км², целая Франция, – районы центрального типа. Все они концентрируют 107 млн чел., в т. ч. около 50 млн – районы центра. Правда, их насыщенность падает с запада на восток: в западной части России она вдвое ниже, чем у центральных районов Европы (150 чел./ км²), а в Сибири – на порядок (30 чел./ км²). При этом огромные части страны из-за их «разреженности» просто выпадают из процессов новой сельско-городской конвергенции, диктуемых стадиальной логикой и наблюдаемых вблизи больших городов. Для нижнего «слоя» поселений здесь важен не так размер, как положение относительно крупных центров. Если город недалеко, у деревни есть шанс на развитие; в противном случае ключевые нововведения до нее не доходят, застревая по дороге.

3. Уровни и типы социально-экономического взаимодействия

Общеэкономическую конвергенцию или дивергенцию города и села выявить довольно сложно. Валовой продукт по ним не разрабатывается и не всегда работает: сами деньги разные при разной монетаризации обмена и потребления. Или их натурализации, а это как раз признак нашей деревни в широком смысле слова. Как писал В.Л. Каганский (2001, с. 251), в крупных городах важен курс валюты, в сельской глубинке – урожай картошки. Об усилении поляризации такого рода, то есть, по-нашему, о дивергенции в последние годы вообще говорили очень много. Ускоренная модернизация крупных городов и архаизация деревни, сельская бедность (официальные зарплаты, которые, было, сравнялись к 1990 г., снова резко разошлись), безработица и апатия, ножницы цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, упадок и дороговизна общественного транспорта – вот неполный перечень примет расхождения. Впрочем, истина конкретна.

Имеются оценки располагаемых ресурсов домохозяйств (Сельскохозяйственная деятельность, 2003) с учетом денежных и натуральных поступлений. Эта статистика, как любая, не очень надежна. Но мы рискнули взять ее, а также данные об уровне образования и продолжительности жизни горожан и обитателей села, чтобы составить нечто вроде ИРЧП, соотносительного для города и деревни в каждом регионе. Эти сводные оценки уровней развития, правда, статичные, выявили некоторое сходство с демографической динамикой **(рис. 9).** В Центре, на Севере и Урале преобладает условная дивергенция, т.е. контрастность. А антиподы – очень разные: 1) пристоличные, где город «подтянул» к себе село; 2) депрессивные, где он скорее опустился до него (Ивановский

ареал); 3) отставшие в городском развитии южные «этнические» с традиционно мощным селом, где живут зачастую дольше, чем в городе (меньше патологий, здоровее среда), и лишь немногим скуднее;

4) смешанного типа на аграрном Дальнем Востоке. Смягченно-смешанные варианты содержит и приволжская полоса умеренной конвергенции.

Экономическое сближение может начинаться с еще большего подчинения деревни городу. Такая конвергенция выражается в связях городских и сельских предприятий, например, в агропромышленной интеграции. Прежде, даже при наличии известных зон снабжения городов сельхозпродукцией, это были отдельные и зачастую искусственно скроенные системы (исключение составляли подсобные хозяйства промпредприятий со слабой базой). Теперь многие переработчики сельскохозяйственного сырья, особенно мясные и молочные комбинаты, стараются покупать или иным образом контролировать агропредприятия, поставляя им средства, оборудование, менеджеров и включая их в свои технологические цепочки. Распространяется интеграция городских предприятий и фирм с независимыми колхозами.

Самый мощный агрохолдинг – у Газпрома, он купил уже 76 предприятий площадью полмиллиона гектаров, на которых занято 25 тысяч селян. Другой пример – «Стойленская Нива», подразделение одноименного ГОКа в Старом Осколе. Еще в 1980-х гг. он помимо добычи руды завел швейные и пищевые производства с целью диверсификации возможной прибыли, а в 90-х стал скупать колхозы Белгородской и соседних областей. Ф. Клюка хотел довести свою «империю» до миллиона гектаров. Новые владельцы (московская группа «Металлоинвест») ограничились 270 тыс. га в 60 хозяйствах с 10 тысячами работников. Прибыль и от них больше, чем от основного производства на ГОКе. Городских инвесторов особенно привлекают эффективные южные зерновые хозяйства.

Рыночный город «пошел в деревню». Хорошо это для нее или плохо судить рано, но превращение бывших советских колхозов, многие из которых были разворовываемыми богадельнями, в обычные предприятия с наемными работниками налицо. Усиливает ли это экономическую конвергенцию города и села – вопрос спорный. Ведь помимо сближения самой формы организации деятельности, разрыв между городскими и сельскими предприятиями в финансовых результатах, зарплатах работников и т.п. сохраняется, а порой и усиливается.

Конвергенция проявляется и территориально. Большой город «поднимает», прежде всего, экономику ближних районов. Это видно по состоянию крупных агропредприятий (см. Нефедова, 2003а, сс.122-142, 290-305; Иоффе, Нефедова, 2001, а также статью Макеевой, Нефедовой в этом сборнике). Лучшие хозяйства Нечерноземья, интенсивные технологии, продуктивные земли находятся в пригородах и «полупригородах» – рядом с большими городами и особенно центрами регионов. Это связано не только с экономическим (спрос, инвестиции, транспортные издержки, менеджмент), но и с социально-инфраструктурным влиянием городов на их окружение (дороги, условия жизни, возможности выбора работы). Те же факторы стягивали население к городам, определяя количество и качество трудовых ресурсов села. Процессы концентрации создали в пригородах социально-экономическую среду, отличную от дальней «загородной» (эксурбии) и сходную с городской.

Повышение уровня аграрной экономики в пригородах – феномен второй половины XX века. Раньше, при более густом и равномерном сельском населении, он был выражен слабее. В то же время укрепление агросектора в пригородах, особенно заметное на фоне деградации периферии, сочетается с вытеснением этого сектора (в силу огромного спроса горожан) во вторые дачные жилища и, главное, высокой стоимости пригородной земли. Кто победит в борьбе за землю, очевидно. Беда, однако, в том, что в условиях России с ее разреженным социально-экономическим пространством крепкие сельские хозяйства вдали от городов единичны или вовсе отсутствуют.

Небольшие частные фермы также имеют ограничения по местоположению относительно города. В пригородах, как правило, много фермеров (сельское население активнее), но хозяйства у них мелкие и доля в производстве очень мала. Развернуться им трудно при конкуренции с крупными предприятиями, дачниками и при дороговизне земли. А в лесной глубинке им не выжить как в безлюдном бездорожном пространстве, так и с пьющим консервативным населением. Оптимальной для них зоной в Нечерноземье оказалась полупригородная-полупериферийная. В южных зерновых районах удаленность от города сама по себе менее важна. Но обширность регионов и затрудненность связей тянут фермеров ближе к городам, в ту же переходную зону.

Доля индивидуальных хозяйств населения наиболее велика на периферии, где практически полностью разложился коллективный сектор. Тем не менее, не стоит строить иллюзий, что товарные хозяйства сельских жителей вдали от городов заменят колхозы и совхозы. Хотя они производят в

среднем по России почти половину продовольствия, на периферии эти хозяйства в значительной степени натуральные (товарность выше опять же в пригородах). Общие объемы сельскохозяйственного производства в целом резко падают от центров к периферии регионов, а городские переработчики крайне редко работают с отдельными частными хозяйствами.

Все эти процессы формируют своеобразный опорный каркас агропроизводства, особенно ярко выраженный в Нечерноземье. Концентрация устойчивых предприятий в перспективных пригородных ареалах растет, рынок все больше расслаивает предприятия и целые районы на «передовые» и отстающие. Обратной стороной концентрации стало формирование огромных зон экономической, причем не только аграрной, депрессии – так называемых черных дыр (Нефедова, 2003а, с.137; Нефедова, 2003б). В основном они удалены от больших городов, но их сгущения также приурочены к ареалам максимальной депопуляции и к маргинальным природным условиям. Таким образом, *следует говорить не столько о дивергенции города и деревни, сколько об экономической поляризации самой деревни, а шире, внегородского пространства.*

Сколько больших городов не хватает в Европейской России хотя бы для успешной деятельности агропредприятий? Считая, что влиянием города они обеспечены в ближних административных районах (соседях 1-го и 2-го порядка), можно заключить, что нехватка составит 64 города, а только для черных дыр – 50 **(таблица 2).**

Таблица 2.

Число больших городов, «недостающих» в Европейской России для успешного функционирования коллективных агропредприятий

Макрораоны	По удаленности от городов для всей территории	То же для «черных дыр» агропроизводства
Европейская Россия (без северных районов)	**64**	**50**
Северо-Запад (включая Вологодскую область)	8	7
Центр	10	15
Волго-Вятский район	9	6
Центральное Черноземье	2	2
Северный Кавказ	2	3
Поволжье	13	10
Урал	20	7

Карта (**рис. 10**) показывает эти недостающие города и места их сгущения. Так, в Новгородской, Тверской, Кировской и Волгоградской областях недостает по три больших города. Их дефицит ощутим на стыках регионов и макрорайонов, где по «разломам» тянутся зоны депрессии. Но нехватка 50 больших городов не означает, что для спасения бывших колхозов и совхозов нужны 5 млн. горожан. Ведь средние или малые города есть. По переписи 2002 г. в некогда областном центре Балашове 98 тыс. жит. и достаточно, чтобы «вытащить в середнячки» ближние районы. Борисоглебску (69 тыс.), Урюпинску (42 тыс.), Сердобску (38 тыс.) это не удается. И так очень часто.

Аграрную функцию села считают важнейшей. Но она давно не единственная, как не сводятся к промышленным и роли города. О характере функций и их динамике обычно судят по составу занятого населения. Увы, тома переписи населения 2002 г. не содержит таких данных в разрезе «город-село» по регионам, нет их и в текущей статистике труда. А если бы и были, то не отражали бы реалий, игнорируя вторые-третьи, официальные и теневые занятия тех же самых людей.[3] Без них можно выявить лишь главные общероссийские тенденции.

Доля аграрных занятий резко упала на селе, где еще лет 10 тому назад превышала ½ (теперь – 1/3). Во второй половине века и город, и деревня двинулись к «третичной» структуре, причем село даже быстрее. Разрыв по доле занятых в услугах так сократился, что их уже нельзя назвать городскими. По Б.Н. Миронову (1999, с. 309), русский город XVIII века был еще доиндустриальным, в XIX веке стал раннеиндустриальным и резко оторвался от аграрной деревни. В XX в. он стал типично и избыточно индустриальным. Затем его постигла обвальная деиндустриализация, а село – немногим более медленная деаграризация. В общем, время вело деревню прямо в город (через миграции), к нему поближе (в пригород) и за ним вдогонку в структурном отношении. Но все это для РФ в целом, по «основным» местам приложения труда и получения дохода.

[3] Значение таких занятий было велико сто лет назад (отходничество, сельский «полипрофессионализм») и теперь, а в середине XX века временно уменьшалось.

Правда, переписи отражают источники средств существования горожан и жителей села по регионам. В деревне это, конечно, личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Их в 2002 г. назвали таким источником треть сельчан, а местами в Приволжье, на юге Сибири – куда больше. Часто ЛПХ там же

экономически значимы и в городских поселениях: 5,7% по РФ, а в ряде «бедных» округов – 30-60%. Все эти данные сильно занижены, ибо если человек занят в 2-3 местах, скажем, по найму (токарь на заводе, грузчик в магазине и сторож на складе), то наша поистине убогая перепись считает их одним, а не разными источниками его достатка. Но все равно любопытно, что эта условная «многоработность» села и города географически конвергентна.

Какова все-таки роль труда на земле, сколько у нас тех, кого она всерьез кормит? Видимо, раза в два больше, чем формально занятых в агросекторе – не 11-13%, а около ¼. По данным Т.Л. Горбачевой (2000), общие затраты труда россиян на земле больше, чем в любой другой отрасли производства. Так, в индустрии в 1999 г. было отработано чуть более 600 млн чел.-часов (с учетом совместителей), а в «большом» сельском хозяйстве – 245 млн, что и отражает стандартный состав занятых. На личное агрохозяйство затрачено еще 420 млн часов. При пересчете по норме рабочего дня на условных работников, в промышленности занято около 15, а во всем агросекторе с приусадебным, садовым и прочим – 17 млн чел., как раз вдвое больше, чем по статистике труда. Почему же горожане так вовлечены в сельское хозяйство?

4. Сельско-городской образ жизни

Ответ обычно ищут в недавней и спешной урбанизации (лишь 1/6 – горожане в третьем поколении), в «слободизации» городов, их окраин. Это существенно. У недавних горожан крепки связи с селом, они работают на участках родителей, кормятся с них, подхватывают эстафеты огородничества в наследуемых деревенских домах. У обитателей малых городов и «шанхаев», у миллионов садоводов и дачевладельцев – свои, пусть даже крошечные, земельные участки.

Но главные резоны не в генах, а в экономических реалиях. Не так давно мощным фактором был дефицит продовольствия на городских прилавках, в кризисные годы – его вздорожание на фоне обнищания масс. Зато товарное индивидуальное хозяйство (скажем, в таких районах овощеводства, как подмосковный Луховицкий) давало горожанам доходы, превышающие их городские заработки (Нефедова, 2003а, сс.184-205). Даже если это лишь подспорье для снабжения городской семьи, оно не менее важно, особенно в малых и средних городах с их кризисом основных работодателей, отсутствием зарплат. Там городские предприятия учитывали аграрные нужды своих работников, предоставляя им дополнительные сезонные отпуска, укорачивая рабочую неделю и т.п.

Тяга к полусельской жизни в той или иной форме характерна для горожан всего мира и не сводится к экономической. Выгоды агро-рекреационной деятельности в России с учетом транспортных затрат вообще сомнительны. Картошка, доставленная с «дачи» где-нибудь в Тверской глубинке в Москву, обойдется дороже, чем купленная в Москве. Но это при нормальном разделении труда и сравнительном благополучии. Сбои и кризисы быстро реанимируют экономические мотивы городского сельского хозяйства.[4]

Таблица 3

Индивидуальные и садоводческие хозяйства населения в Псковской, Орловской и Ростовской областях в середине 1990-х гг. (по данным опросов)

		Псковская	Орловская	Ростовская
Столица	Доля семей, имеющих приусадебное хозяйство или сад за городом, %	36	76	30
	Средний размер участка, соток	22	22	10
	В т.ч. для сельскохозяйственного использования, %	42	51	55
	Время, проведенное на участке, часов в год	449	386	326
Прочие города	Доля семей, имеющих приусадебное хозяйство или сад за городом, %	58	89	55
	Средний размер участка, соток	16	13	8
	В т.ч. для сельскохозяйственного использования, %	55	48	59
	Время, проведенное на участке, часов в год	520	565	377

Источник: Harm Tho Seeth и др, 1998.

Основную массу горожан в деревне, вернее их сезонный приток, у нас составляют «дачники». Сравнение производства и потребления продуктов питания в самой деревне выявляет излишки и особенно в районах сельской депопуляции, что связано именно с активностью горожан. На огородах

[4] Совершенно русские на вид огороды в самом центре депрессивного и полупустого, потерявшего половину населения фордовского Детройта (кадры с выставки «Shrinking cities» в Берлине, 2004) подтверждают универсальность этого тезиса.

они проводят в 2-3 раза меньше времени, чем сельчане. Однако поделим 400-600 часов в год на 4 месяца основного сезона. Получим 4-5 часов в день – почти вторую работу. Судя по **таблице 3**, сельские земли и трудозатраты горожан максимальны на Орловщине; в северной Псковской области они не ниже, чем в южной Ростовской. С учетом массовой садово-огородно-дачной деятельности пропасть между городской и сельской жизнью тает. Эта конвергенция еще и ментальная: многие горожане душой погружены в сельские заботы и предаются им со страстью (неважно, расположен участок рядом с городским домом или за сотни верст).

Дача – понятие обобщающее, хотя типы «усадеб» и образ жизни в них разные. Основных типов четыре: *классические дачи, сады-огороды, сельские дома и новорусские виллы-замки*. По первому, третьему и четвертому типам нет официальной статистики, а жителей старейших дач и новейших вилл не относят к агропроизводителям, хотя на дачах среди цветов и деревьев все же есть грядки. Самый массовый тип, сады и огороды, заполнил все значительные пригороды. В 1950 г. в садовых кооперативах имелось 40 тыс. членов, теперь «садоводов» 14,6 млн семей, «огородников» – 4,7 млн (Сельское хозяйство…, 2002, с.87). Покупка (наследование) сельских домов примерно с 1970-х гг. стал третьим типом проникновения горожан в депопулирующую деревню. Сделки купли-продажи сперва носили теневой характер с фиктивным оформлением на местного жителя. В 90-х годах началась скупка земли, цена которой прямо зависит от дистанции до крупных городов. Неизвестно, кто купил, и кто унаследовал эти дома и землю, сколько времени люди там проводят, чему его посвящают.

Тут формируются и первые ростки контурбанизации, когда городские семьи (чаще пожилые) остаются зимовать «на даче». Городскую квартиру они обычно сдают в аренду, получая добавку к пенсии. Потребности горожан, особенно москвичей и петербуржцев, во втором жилье способствуют сохранению многих формально умерших деревень, которые оживают летом. Сезонное заселение сельской местности горожанами, начинаясь с пригородов, захватывает и глубинные районы, население которых возрастает в летний период в несколько раз. Мы попытались изобразить, как расплываются летом хотя бы Москва и Петербург **(рис. 11).** Без статистики, ибо всемирно известные, как бабушка или спутник, понятие и явление «русская дача» у нас почти не изучены. Так «размазываются» все крупнейшие города, но столичные зоны дачного освоения, сомкнувшиеся на юге Псковской и Новгородской областей, уникальны. В Валдайском районе на полпути из Москвы в Петербург (400 км) постоянных жителей 30 тысяч, а летом – до 100 тыс. При этом на живописном востоке района больше москвичей (ближайший к столице моренно-озерный край!), а на равнинном западе – петербуржцев.

В целом *дача*, как собирательное понятие, не есть продукт какой-то особой русской ментальности. Это результат вписывания общей для всех народов тяги к совмещению достоинств городской и сельской жизни в исторические и географические условия России. Летние жители дач, садовых и огородных участков составляют не менее 65% горожан. Те, у кого есть наследные, покупные дома в деревне или такие, где еще живет сельская родня, учету не поддаются. «Дачезация» населения явно опередила автомобилизацию (но уже ее ускоряет). Зато наши климат, бедность и дачные традиции осложняют переход к новой универсальной стадии расселения, контрурбанизации. Ее по существу заменяет сезонно пульсирующая агро-рекреационная форма. Даже новые виллы обычно служат их хозяевам дачами, мало влияя на местную экономику и инфраструктуру. Это скорее конвергенция сельско-городского бытия самих людей, нежели местности.

И все же сельская местность перестает быть функциональным придатком сельского хозяйства, становясь местом жизни. В этом качестве она неистребима. Эпоха острого дефицита или ценовой недоступности продуктов питания для большинства россиян прошла, а дачный образ жизни не кончается как и тяга к земельной собственности. На земле деятельность нашего горожанина остается смешанной аграрно-рекреационной, и аграрная компонента не исчезает полностью, даже если она нерациональна, поскольку ведется по инерции, вернее по глубокой социально-культурной традиции.

Как известно, типовая *геобиогеография* американца примерно такова: родился в пригороде, учился в университетском городке, начал карьеру в крупном центре, обзавелся семьей – перебрался в пригород, а под старость и дальше. Подвижность российского горожанина в течение жизни ниже, но он не лишен охоты к перемене мест, а в течение года, учитывая маятник «город-дача», меняет их очень часто. Есть и *долговременные циклические закономерности возрастной мобильности*, показанные А. Никулиным (1999). Ребенок обычно живет летом с бабушками-дедушками в деревне или на даче. По мере взросления он переориентируется на город. Из села молодежь едет туда же работать. Городская – в деревне гостит редко, разве для помощи в тяжелой работе. Семейные люди уже тянутся к

загородной «даче», уровень которой зависит от достатка. Чем они старше, тем больше времени там проводят: если не весь год, то большую его часть. На лето им привозят внуков, и начинается новый цикл.

Помимо циклических и центробежных, существуют центростремительные потоки людей. Большие города притягивают гастарбайтеров и собственных граждан с периферии и нижних этажей расселения (сел, малых и средних городов). Упадок агропредприятий выявил значительные излишки трудовых ресурсов в деревне, даже нечерноземной. Отходничество стало важным фактором ее выживания, хотя пробиться, скажем, в Москву труднее, чем раньше – вырос экономический барьер, особенно цены на жилье. Наша «деревня» на заработках в Москве живет хуже турок: по 10-20 человек в комнате.

Взаимодействие, срастание города и деревни – мощный общечеловеческий, как говаривал М.С. Горбачев, мотив. Когда географы в разных странах показывают разным людям разные пейзажи, спрашивая «где хочешь жить?», то получают похожие ответы. Мало кого влечет очень дикая и очень техногенная среда. Большинство выбирает уютный традиционный культурный ландшафт – полусельский, полугородской. Мест на все вкусы и возрасты у нас хватает. Им бы еще минимум удобств!

5. Обустройство среды обитания: деревня в городе и город в деревне

Ландшафтно город и деревня выражают себя в землепользовании, застройке и обустройстве, что зависит от характера их конвергенции или дивергенции, от природы и традиций. Старый русский город, как бы чувствуя, в какие просторы он погружен, не так компактен, чем европейский. Отсюда типовые недоумения: им наш городок кажется селом; их сельские коммуны кажутся нам городками. «Сельскость» городов включает две составляющие: сельское хозяйство и сельские бытовые элементы в городской среде.

Идеи «города-сада» волнуют умы не одно столетие. В начале XX в. в Англии появился образцовый город-сад Лечворс: коттеджи с земельными наделами, вписанные в окружающие сельскохозяйственные угодья (Бунин, Саваренская, 1979). Ранстад Холланд с «зеленым сердцем» внутри агломерации – этакий город вокруг огорода – воплотил ту же идею сочетания городской застройки с полями и парками. В России (СССР) она отражена в утопиях экономистов-аграрников, в дискуссиях и планах 20-30-х гг. В исторических городах Европы агроугодья и усадебная застройка занимали не менее 25% территории. В советских городах к 1990 г. они составляли в среднем 32%, а природно-парковые пространства – 14,5% (Черкес, 1992, с.72-73).

Вроде бы, разница невелика, но в России, как обычно, все так и не так. Элементы села и сельского хозяйства в нашем городе («частный сектор») – признак его недоразвития или упадка. Доля и динамика агроземель, конвергенция либо дивергенция городских и сельских занятий горожан исторически и географически реагируют на смуты, разлады в системе разделения труда. При этом расширяются садово-огородные зоны как вокруг городов, так и внутри них, стирая грани между городом и деревней на кризисный манер.

В крупных и преуспевающих городах, где дороги земля и жилье, многоэтажная городская застройка, наоборот, вытесняет сельскую с огородами и проч. Однако, даже в Москве к концу XX века оставалось 30 агропредприятий, с 4,8 тыс. га, или 4,5% площади города (Доклад о состоянии…, 1998). Расположены они в основном за МКАД на новых территориях для массовой застройки, а некоторые тепличные комбинаты (“Горьковец”, “Московский”, “Белая дача”) – частью внутри кольца. Поразительно соседство на западе столицы элитного района Крылатское с комбинатом “Матвеевский” и полуживыми убогими деревеньками Терехово, Нижние Мневники. Земли их «обкусаны», но 150 га (из былых 420) на пойме Москвы-реки и 300 работников к 2000 г. еще оставались. Кроме того, до 100 московских га занимали земли приусадебных хозяйств, 282 га – дачи, 120 га – садоводства: всего около 500 га.

Такие угодья в крупных городах существуют лишь благодаря земельным льготам. Сельхозпредприятия освобождены от арендных платежей, ставки налога за землю для них минимальны, а они и его не платят. Для частников федеральным законодательством также снижена арендная плата. Ясно, что городские власти стремятся их вытеснить, переведя в категории пользователей, обязанных платить за аренду все 100%.

Иное дело, когда городу надо просто выживать на подножных кормах, подобно деревушке. Вот, скажем, в уральском Кизеле, добывавшем сто лет назад 18% угля России, спешно закрыли все шахты. Их должны были заменить прочие отрасли, но они рухнули вслед за угольной. К 2003 г. от былого производства остался 1%. Работать в 40-тысячном городе можно в администрации, в едва

живой социальной сфере, в окрестных лагерях да на немногих «левых» промыслах. И на огородах, хотя они в этой горно-таежной зоне донельзя скудные (Трейвиш, 2004).

В Самарской области, где ситуация в целом близка к среднероссийской, доля сельхозугодий в городах колеблется от 15% в Самаре до 50% в Новокуйбышевске и Октябрьске, 78% в Похвистнево. При этом от 4% в Самаре до 1/3 в черте Похвистнево составляет пашня. Понятно, что это во многом связано как с размером города, так и с нарезкой его земель, которая часто делалась с запасом.

Степень «сельскости» городов видна и в характере застройки. По переписи 2002 г. домохозяйств в собственных домах тем больше, чем город южнее **(рис. 12).** Значит, по мере движения на юг он как бы сближается с селом. Впрочем, от того, семейный это дом или многоквартирный, еще не зависит образ жизни в нем (к первой группе относятся и новейшие дворцы, и халупы). Важнее уровень их бытового комфорта.

Прежде (Город и деревня, 2001; Нефедова,Трейвиш, 2003) мы брали за критерий сельского быта туалет; если он во дворе, то быт явное «опущен» до деревенского. Бытовая урбанизация как доля городских домохозяйств с канализацией от всех домохозяйств, в 1994 г., по данным выборочных обследований, не превышала 60%, при официальной доле горожан – 73%. Уровень бытовой урбанизации в **таблице 4** показан по трем критериям: «мягкому» (наличие водопровода), среднему (канализация) и «жесткому» (все удобства, включая горячую воду и душ). Бытовая урбанизация в городах по мягкому критерию составляет 65%, по среднему – 62% (близко к оценке 1994 г.), по жесткому – едва перевалила за 50%. Официальная урбанизации превышает 70% в 38 регионах РФ, а в 11 регионах ниже 50%. Между тем, бытовая урбанизация по мягкому критерию выше 70% только в 20 регионах. По жесткому – всего в 4, а в 2/3 регионов она ниже 50% (**рис. 13)**.

Таблица 4.

Доля российских домохозяйств, обеспеченных бытовыми удобствами, в 2002 г., %

Обеспеченность	Всего	В т. ч. в % от всех российских домохозяйств	
		В городах	В селах
Водопроводом	76	65	11
Канализацией	70	62	8
Всеми удобствами	58	54	4

С другой стороны, конвергенция проявляется не только в «опрощении» условий жизни в городе, но и в «подтягивании» обустройства деревни к городскому уровню. Его проводником у нас долго служило строительство на селе многоэтажных домов. Советский идеал агрогорода воплощался в отдельных местах на юге, а в лесной зоне был скорее следствием сельской депопуляции, экономической депрессии, а также считался выходом из них. Держать фермы в дальних «пенсионных» деревушках или гонять туда технику, чтобы пахать мелкие поля, было невыгодно, и колхозы-совхозы стягивали своих людей и средства к центральной усадьбе, где строили многоэтажки, магазины, клубы и т. д., рурбанизируя сельскую местность.

Власть вообще предпочитала «пролетарский» город «мелкобуржуазной» деревне и разделяла высказывание К. Маркса «об идиотизме деревенской жизни». Со временем к политике подчинения села городу добавилось деление деревень на «перспективные» и «неперспективные». Первые строили по городским планам с геометрическим росчерком улиц, стандартными домами без приусадебных земель. Считалось, что они уже ни к чему. Но кварталы 3-5-этажек тут же обрастали огородиками, скотными дворами, стогами сена – стихийно или с согласия начальства. Попытки вынести их за пределы села вызывали протесты: люди хотели жить рядом с грядками и скотом, требующими постоянного присмотра. Тут же строили погреба и сараи, их отсутствие в многоквартирных домах тоже нарушало привычный уклад жизни.

Сельская рурбанизация подчиняется природной зональности и повышена в районах Севера, Дальнего Востока с суровыми условиями **(рис. 14).** Конвергенция сельской и городской застройки характерна для нечерноземных и волжских сел, но там многоэтажки имели четкую внутрирегиональную локализацию, зависящую от состояния коллективных хозяйств. Один полюс – пригороды с густым населением, богатыми агрокомплексами широкого профиля, привлекающими мигрантов (особенно Московская и Ленинградская области). Другой – районы депопуляции с обилием неперспективных деревень, откуда население и скот «сгоняли» в центральные усадьбы, где и строили многоэтажки, частично за счет государства. На юге тенденция приближения облика деревни к городу выражена слабее. Если агропредприятия строили там дома своим работникам, то скорее усадебные, одно-двухквартирные. Однако облик южного города ближе к сельскому, так что степень конвергенции там, пожалуй, даже выше. Просто *в целом Россия, городская на севере, становится все более сельской на юге, причем как в городе, так и в деревне.*

Многое зависит и от их размера. Чем город крупнее, тем он заметнее отрывается от села по обустройству (**таблица 5**). В крупных селах, особенно в райцентрах, обычно есть пятиэтажки, магазины, кафе. Но это не отменяет общей закономерности нарастания их «сельскости» с севера на юге. Южные многотысячные станицы представляют собой по облику преимущественно сельские поселения, в том числе в сравнении с крупными северными селами.

Таблица 5.

Уровень благоустройства в городах разной людности в конце XX века

Число жителей, тыс. человек	Доля жилой площади, обеспеченной (в %):	
	Канализацией	Горячим водоснабжением
Москва и С.-Петербург	99	93
Более 1000	89	82
500 – 1000	90	83
250 – 500	88	80
100 – 250	86	75
50 – 100	79	68
20-50	68	53
10 – 20	56	40
Менее 10	46	28

.

В 1990-е гг. многоэтажная застройка деревни уступила место индивидуальной, в основном собственными силами жителей села или городских дачников. В обезлюдевших деревнях, где по статистике не осталось постоянного населения, появляются новые улицы. Таким образом, ренессанс их сельского облика сопровождается переплетением городского и сельского населения и образа жизни, что в целом все же можно считать усилением конвергенции города и деревни.

А если дом собственный, то какой? Карта домохозяйств в индивидуальных домах со всеми удобствами от электричества до ванны (душа), независимо от статуса поселений, отражает их «урбанизированность» по бытовым условиям и заодно достаток населения. Где же у нас больше

частных «небедных» домов **(рис. 15)**? Да тоже на юге, в Черноземье, ну и в Подмосковье, хотя оно – не чемпион (уступает Кубани, Ставрополью, Северной Осетии и особенно Кабардино-Балкарии). Значит ли это, что сельско-аграрный и, судя по прочей статистике, все еще нередко бедный Юг на самом деле взял реванш над промышленно-городским Севером? Этот вопрос напрашивается давно, но ответ на него не так-то прост. Очевидно, что Юг демографически «здоровее» Севера, что его обустройство облегчает сплошное и компактное заселение (по сравнению с громадными социальными пустынями Севера), лучшая транспортная доступность и т. д. Ясно также, что мы имеем дело с разными сельско-городскими пропорциями и традициями. Но все это требует более глубоких исследований.

* * *

Сближение (конвергенция) города и деревни – не утопическая социальная или проектная «конструкция». Судя по всему, оно заложено в неких общих законах эволюции расселения. Подобно жизненному циклу отдельной личности, такое сближение особенно характерно для «детского» и «пенсионного» возрастов расселения (урбанизации). Юные и взрослые города склонны к отрыву от деревни в разных отношениях.

Как минимум, три фактора нарушают сей закон. Во-первых, слишком быстрое взросление городов в России, Латинской Америке, где они, словно подростки-акселераты, вырастали, не успевая созревать и не имея должных ресурсов для адаптации «втянутых» в них сельских элементов – самого населения, образа и среды его жизни. Во-вторых, сбои, кризисы, стагнации и депрессии, когда город, теряя часть городских «опор» и функций, обращается к сельскому хозяйству и быту. Масштаб зависит от географии кризиса (застоя), варьируя от местного до наднационального. В-третьих, это историко-географический тип взаимодействия города и деревни, сочетания двух образов жизни. Сюда, по нашему мнению, следует отнести общероссийскую специфику сезонно-дачной суб- и дезурбанизации, описанные различия Север-Юг и массу этнокультурных вариантов конвергенции и дивергенции, для анализа которых в у нас не хватило места (да и материала).

Так или иначе, все это формирует в России целую гамму переходов от города к деревне. Типично сельская местность (по ландшафту, функциям, стилю жизни) может в той или мере, виде, форме присутствовать в «формальном» городе, или наоборот. Этого разнообразия административно как бы не существует: есть города, поселки городского типа да сельская местность. Так, дачные поселения вокруг крупных городов не имеют официального статуса, хотя могут занимать огромные площади на землях всех категорий (лесные, пахотные, городские, сельские, водоохранные, полосы отчуждений, неудоби и др.). В наших агломерациях они часто соединяют, «склеивают» официальные населенные пункты так же, как это делает «одноэтажная» селитьба американских субурбий.

Пропасть между городом и деревней всегда была условной. И сейчас в России есть мощный слой населения, находящийся между ними. Можно, конечно, сказать, что он не относится ни к селу, ни к городу. А мы скажем: и к селу, и к городу. Сколько таких людей – зависит от критериев оценки: до 100 млн, считая всех жителей села, имеющих жилье или работу городского типа, и всех горожан, владеющих клочком земли, проводящих на нем часть досуга и извлекающих из него материальную пользу. Нам, как географам, легче сказать, где находится этот слой, чем выявить тенденции его изменения, хотя мы пытались делать и то, и другое.

В целом, универсализм и совмещение функций, социально-экономических ролей, развитые в русской деревне ввиду ее географического отрыва от города, перекочевали вместе с населением в города. Только порядок другой. Раньше вспомогательными для миллионов были роли городские, теперь – сельские. Это делает нас более стойкими, гибкими в лихолетья и времена крутых перестроек, а в нормальных условиях затрудняет развитие страны, рост разделения труда вширь и вглубь. Но кто же рискнет сказать, что наши лихолетья кончились, что наступила какая-то окончательная «норма»?

1. Литература
2. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искуства. В 2 т., М, 1971, т.1.
3. Горбачева Т.Л. Использование данных обследования населения по проблемам занятости в России для определения параметров теневой экономики // Вопросы статистики. 2000. № 6.
4. Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен /Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001.
5. Доклад о состоянии и использовании земель города Москвы. М.: Правительство Москвы; Московский земельный комитет, 1998.
6. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6.
7. Жилищные условия населения. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года., том.11, М.,Федеральная служба государственной статистики,2005
8. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., Наука, 1991.

9. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
10. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типологии) М., 2004
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х тт. – СПб: "Дмитрий Буланин", 1999.
12. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство, 2003.
13. Нефедова Т.Г. Пространственная организация сельского хозяйства России // Известия РАН, сер.геогр., 2003, № 5, с. 43-55.
14. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Между городом и деревней// Мир России, 2002, № 2
15. Никулин А. Конгломераты и симбиозы в России: село и город, семья и предприятие// Неформальная экономика/ под ред. Теодора Шанина,М: «Логос», 1999
16. Сельское хозяйство в России. М.: Госкомстат России, 2002.
17. Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России. М.: Госкомстат России, 2003.
18. Трейвиш А.И., Образы и парадоксы депрессивных городов России // Города и городские агломерации в региональном развитии (матер. XXI сессии экономико-географической секции МАРС). – М.: ИГРАН-МАРС, 2003
19. Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии// Архитектура и строительство Москвы, 1988, № 1-5
20. Черкес Б.С. Город и аграрная среда. Львов: Издательство «СВИТ», 1992
21. Beaverstock J.V., Smith R.G., Taylor P.J. A Roster of World Cities – http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb5.html, 1999
22. Gibbs J. , 1963. The Evolution of Population Concentration // Economic Geography. 39 . P. 119-129.
23. Harm Tho Seeth, S. Chachnov and A. Surinov. Russian Poverty: Muddling Throuth Ekonomic Transition with Garden Plots // World development. 1998. Vol. 26. № 9.

Лаппо Г.М.

РОССИЙСКИЙ ГОРОД – СИМБИОЗ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО

Всепроникающая особенность российской урбанизации – ее устойчивые сельские черты. Они имеют глубокие корни, широко распространены, демонстрируют поразительную жизненность. Проявляясь в разной форме, присущи всем без исключения городам России, что, впрочем, и не удивительно в стране, многомиллионная столица которой заслужила название большой деревни.

А.Г.Вишневский пишет об «урбанизации по-деревенски» (Вишневский, 1998). А.И.Трейвиш считает, что «в целом каждый третий город страны – это скорее село, где преобладает так называемый «частный сектор»: одноэтажная Россия с огородом, скотом, птицей».(Трейвиш, 2203, с.60). В коллективной монографии, посвященной крупным городам, отмечается, что «…не менее двух третей городских семей (в России, Г.Л.) заняты в той или иной степени обработкой принадлежащих им земельных участков в садово-огородных товариществах, на дачах, близ деревенских усадеб и т.п.» (Крупные горда …, 2003, с.7).

Причины возникновения у российских городов сельских черт.

1. «Деревенское происхождение». Примерно 330 ныне существующих городов РФ выросли из сельских поселений, нередко (в 140 случаях) подтверждая это явно сельскими именами – Жуковка, Сосновка, Козловка, Ивантеевка и т.п. В Брянской области есть город с названием, прямо противоречащим городскому статусу, - Сельцо, в Смоленской области – Починнок, в Алтайском крае – Яровое. Города преобразовывались из сел в разные времена. Может быть одним из первых случаев было образование в 1600 по распоряжению центральной власти города Мезени из слобод Складниково и Кузнецово. В ходе административной реформы 1775-1785 гг. ранг города получили (в пределах РФ) 165 поселений. Сейчас 18 из них поселки городского типа, 21 вновь сельские населенные пункты. В более скромных масштабах эта практика продолжалась и в XIX в. А в советское время наряду со строительством новых городов в еще больших размерах происходило преобразование сельских поселений в города (таких городов примерно в 2,3 раза больше, чем городов-новостроек). Известный писатель русского зарубежья М.Осоргин писал: что города России «выросли из деревенской грибницы».

2. *Города поглотили сотни, а может быть и тысячи сельских поселений*. Только в 1960 г. в городскую черту Москвы вошли 150 сел и деревень. За 35 лет, прошедшие с тех пор, столица энергично переработала включенные территории, сформировав периферийный жилой пояс. От сельских поселений остались названия улиц и микрорайонов - Тропарево, Зюзино, Коньково, Выхино, Черемушки, усадьбы и церкви. Другие крупные города или также трансформировали включенные в их черту поселения или же оставляли их «деревнями в городе», сравнительно мало изменившими облик.

3. *Масштабное явление в российских городах, в том числе больших, создание районов «на сельский манер».* Они застраивались одноэтажными домиками, имели во дворе хозяйственные постройки, рядом сады и огороды. Обитатели держали домашний скот и птицу. На них наступала многоэтажная застройка. Но там, где для нее условия были не благоприятны, например, в оврагах, на крутых склонах, в заболоченных местах, сохранились районы с атмосферой малого горда или даже села. Практически они есть во всех областных центрах России.

4. Наибольшее значение имел огромный и устойчивый, начиная с пореформенного времени и на протяжении всего XX века, *миграционный поток из сельской местности в города.* Он исчислялся десятками миллионов человек – поистине «великое переселение народов». Миграция «село – город» и в предвоенные пятилетки и в годы послевоенного восстановления хозяйства сильно «разбавила» коренных горожан, снизила их долю и сформировала многочисленное маргинальное население. Роль миграционного фактора в придании городам сельских черт была наиболее весома. Города наполнялись, а часто и переполнялись, населением, для которого город оставался чужим. А город терпел ущерб, поскольку маргиналы служили благоприятной средой для возникновения криминогенной ситуации, разных явлений социальной патологии. Возникло серьезное противоречие между сущностью и функциями города, требовавшим работников с городской культурой, высокообразованных, повышающих квалификацию, расширяющих кругозор, и значительной частью жителей, которые перестали быть сельчанами, но и горожанами не стали – по поведению, интересам, способам проведения досуга. Показательно название книги известного урбаниста Л.Б.Когана: «Требуются горожане»!

В 1882 г. из 753 тыс.жителей Москвы лишь 26,2% составляли коренные жители.

А.И.Алексеев и Н.В.Зубаревич считают, что доля горожан в третьем поколении в России составляет менее 20%, «горожане…буквально растворены огромным потоком сельских жителей» (Алексеев, Зубаревич, 1999, с.83).

В крупных городах недавние выходцы из деревни обычно концентрируются в определенных частях города. Ю.Г.Вешнинский выделяет «две Москвы», контрастирующие друг с другом и называет восточную часть столицы «внутренней провинцией» (1998, с.223).

Одним из следствий соединения городского и сельского начал в российских городах явилось размывание границ, разделяющих две основные формы расселении я- город и село. Статистический комитет МВД в справочнике «Города России в 1904 г.» ввел термин «город-село» (об этом сообщает В.П.Семенов-Тян-Шанский в книге «Город и деревня в Европейской России»). Когда готовилось правительственное постановление о придании крупному текстильному центру Иваново-Вознесенску городского статуса, жители его предложили название «город – Село Иваново».

Глубокие корни сельскохозяйственных занятий российских горожан.

Сельскохозяйственная деятельность городских жителей и связанный с этим сельский облик российских городов имеют глубокие корни, проявлялись на всех этапах истории нашей страны. Их нельзя считать порождением только советского времени. В России всегда были «города-огородники», известность которым создавали продукция садов и огородов. Муром и Суздаль славились огурцами, Владимир – вишней. Верея еще в XVI в. была крупным производителем лука. Ростов Великий издавна слыл центром знаменитого района огородничества. Жители Боровска занимались отхожим огородным промыслом. Весной они покидали свой город, арендовали землю в окрестностях крупных центров, разбивали огороды и сбывали поблизости огородную продукцию. Поздней осенью, завершив сезон, возвращались в Боровск, в котором все лето у домов были заколочены окна.

Л.В.Милов, специально исследовавший развитие торгового огородничества в тех городах Центральной России, которые не обладали условиями для превращения в значительные промышленные центры, пишет о «приспособлении населения малых городов к обстановке, когда малые горда были «отодвинуты в сторону» от ключевых позиций развития промышленности». (Милов, 1968, с.59). Автор делает вывод: «В итоге на периферии крупных городских центров и в толще Центрально-Промышленного района сложился ряд городских центров, представленных … малыми городами, где серьезное развитие получило торговое огородничество и садоводство» (там же, с.64).

Свидетельств, подтверждающих сельскохозяйственные занятия российских горожан, множество. Бургомистры, отвечая на анкету, разосланную в 1782 г. по указанию Екатерины II, на вопрос «В чем упражняются обыватели?» ответили: «Обыватели упражняются черной огородной работаю» (цит. по Глазычеву, 2003, с.119). Академик И.И.Лепехин, совершив путешествие по России,

опубликовал свои наблюдения: «Жители Тюменские большою частию питаются хлебопашеством…», в Муроме «всему гражданству общий промысел состоит в огуречных огородах».

И столетие спустя сельскохозяйственные работы горожан считались делом само собой разумеющимся. «Географическо-статистический словарь Российской империи» сообщает о Селенгинске: «Жители города ленивы и беспечны, держат мало скота, не занимаются земледелием» (т. IV, с.538), т.е. отлынивают от своих прямых обязанностей. Города в России учреждались, получая обязательный аграрный довесок в виде выгонов и пашни. Когда городам утверждались гербы (в массовом порядке это делалось в царствование Екатерины Великой), то сельскохозяйственные орудия и аграрная продукция изображались на них чаще, чем атрибуты промышленности. Капитальный труд «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», созданный под руководством В.П.Семенова Тян-Шанского, наполнен свидетельствами аграрных занятий городских жителей. Не случайно А.Геттнер писал в начале XX в.: «…большинству городов… еще до сих пор недостает настоящей городской жизни». (Геттнер, 1907, с.114).

У довольно значительного числа российских городов чередовались городской и сельский периоды жизни. В 1781 г. слобода при Далматском Успенско-Исетском монастыре была преобразована в уездный город Долматов Пермского наместничества. В 1797 г. по ходатайству жителей (!) новоиспеченный город вновь стал селом, получившим в XIX в. известность, как значительный центр по выращиванию огурцов, сбору и продаже дикого хмеля. Видимо, жителям Далматова городские обязанности оказались не по душе, возможно, даже мешали. В 1947 г. Далматов вновь получил ранг города, сохранив название сельского звучания – Далматово.

Видный историк Б.Н.Миронов пишет: «До середины XVIII в. города не были отделены от деревни в административном, социальном и экономическом отношениях. Четкое размежевание города и деревни произошло в России с проведением реформы 1775-1785 гг.». (Миронов,1999, с.54). Стоит добавить, что размежевание имело в основном юридический характер. В экономическом отношении оно было провозглашено, но в реальности четких границ между городом и деревней не возникло.

Б.С.Черкес предлагает схему циклического развития русского города:

1.На начальном этапе преобладание аграрных пространств над урбанизированными; 2. Аграрное и урбанизированное уравновешиваются; 3. Городская застройка вытесняет аграрную, а сельскохозяйственная деятельность горожан переносится в пригородную зону. (Черкес, 1992).

Этот же автор указывает на аграрные корни русских городов на самой заре их возникновения. Он пишет о том, что древнерусские города – Киев, Новгород, Смоленск, Ладога и др. – состояли из нескольких концов, т.е. бывших сел, совокупность которых и представляла город (с.47).

Сельские черты в городах зарубежных стран.

Сельские черты городов – закономерное явление в мировой урбанизации. Аграрные занятия горожан имели место во всех странах. В прошлом повсеместные, они до настоящего времени сохранились на прежних позициях в странах третьего мира и в виде своеобразного исторического анахронизма в развитых странах.

Для понимания связи аграрного и урбанистического начал на заре урбанизации многое дает замечательная статья В.А.Пуляркина «Город и его сельское окружение на доколониальном Среднем Востоке», опубликованная в Четвертах сократических чтениях
и повторенная в сборнике избранных произведений (В.А Пуляркин, 2005).

Вначале В.А. считает необходимым сказать об очень важном, по его мнению, моменте – о недооценке достижений деревни в развитии человеческой цивилизации. Он утверждает: «Без должного признания осталось то принципиальное обстоятельство, что города начинают возникать и расти лишь когда в сельской местности появляется избыточный (прибавочный) продукт» (с.55). И далее: «Чтобы города в качестве базиса цивилизации получили импульсы роста, потребовались предварительные прогрессивные сдвиги в аграрной сфере…» (с.55-56).

Сельское хозяйство, обеспечившее своими успехами старт урбанизации, продолжало и в дальнейшем создавать условия для развития и роста городов, их не покидая. В.А.отмечает, что «эллистические города держались, в первую очередь, на земельной собственности и земледелии, образуя нерасчлененное единство с деревней» (подчеркнуто мной, Г.Л.). Приводится пример Пергама в Малой Азии, достигшего высокого расцвета благодаря богатейшим сельскохозяйственным угодьям. Причины, препятствовавшие возрождению Карфагена, видятся в том, что этот прославленный город, поднявшийся на посреднической торговле, не смог взять под свой контроль лежавшие в удалении от

него богатые и высокопродуктивные очаги земледелия, без продукции которых он не мог полноценно существовать.

Не соглашаясь с трактовкой средне-восточного города как особого социально-экономического феномена – антипода деревни, В.А. пишет, что территории и жители мусульманских поселений «не были ни исключительно городскими, ни исключительно сельскими, а комбинациями того и другого» (с.63).

Индийский экономико-географ Р.Сингх в докладе на Общем семинаре-3 (по урбанизации) XXIII МГК (Москва,1976) сказал: «Если для Европы характерна картина горожан в деревне, то для стран Азии – наличие сельских жителей в городе». В.В.Покшишевский пишет о деревнях, «перенесенных внутрь городов» многих стран Африки (Озерова, Покшишевский, 1981, с.184).

В США «стремясь обеспечить себе преимущества, предоставляемые городом, американцы в то же время пытались сохранить там «сельский уклад жизни» (Эстол, 1977, с.363). Б.Н.Черкес приводит данные И.М.Кузиной: 40% всех занятых в сельском хозяйстве США - горожане. Виднейший американский геоурбанист Ч.Гаррис пишет о «городах-селах», которые встречаются в Новой Англии, в районах искусственного орошения штатов Юта, Техас, Калифорния. Он также отмечает, что значительное число мелких городов в США является по преимуществу рыбопромышленными, лесозаготовительными или сельскохозяйственными центрами» (Гаррис, 1965, с.133).

Оценивая аграрную составляющую в городах Европы Б.Н.Миронов, ссылаясь на многочисленные источники, пишет: «Сельскохозяйственные занятия среди горожан были распространены даже в крупных городах в XVIII в., не говоря уже о малых городах» (Миронов, с.300).

Города венгерского Альфельда выросли из крупнейших сел и долгое время немногим от них отличались (Страны и народы… Восточная Европа, 1980, с.201). Дебрецен – самый крупный город в Альфельде (190 тыс.жит.) называют «городом одной улицы». По обе стороны от главного проспекта раскинулась на десятки квадратных километров одноэтажная деревня (там же, с.198).

В Австрии и «поныне еще нередко встречаются «аграрные города», по планировке и постройкам почти ничем не отличающиеся от сельских поселений. Большинство их жителей занято в сельском хозяйстве, поэтому здесь при каждом городском доме имеются хозяйственные постройки» (Страны и народы…Западная Европа), 1980, с.361).

В широко известной у нас книге Ж.Боже Гарнье и Ж.Шабо предостаточно свидетельств о сельской составляющей в городах. «Огороды рабочих семей стали частью городского пейзажа, и именно они во всех странах (подч.мною, Г.Л.) указывают путешественнику, что город уже близок» (Боже-Гарнье, Шабо, 1967, с.85), «во все времена горожане владели сельскохозяйственными землями» (с.375). авторы пишут о «полурабочих-полукрестьянах», сообщая, что «даже в начале XIX в. Городская жизнь мало отличалась от сельской» (там же).

Мои личные впечатления при посещении некоторых районов Франции, Венгрии, Болгарии, Польши, США дают основание судить о том, что сельские черты в облике городов и аграрные занятия горожан этих стран отнюдь не исчезли. Просто они отошли еще дальше на второй план, заслоненные впечатляющими картинами урбанизации в крупных центрах. И особенность российских городов состоит не в том, что им до сих пор присущи сельские черты и аграрные элементы в функциональной и планировочной структурах, а в том движении вспять, которое выразилось в усилении сельскохозяйственных занятий жителей города всех рангов, пытающихся в постсоветское время свести концы с концами в своих доходах и расходах.

Сюжеты, характеризующие сельские черты зарубежных городов, обычно не пользуются вниманием авторов. Описания сельских окраин крупных центров опускаются. Перечисляются промышленные объекты, историко-культурные памятники, а сельские черты не фиксируются. И даже в описании малых городов, у которых не только облик, но и специализация определены сельскохозяйственным производством и связанными с ним перерабатывающими отраслями промышленности, об аграрной составляющей городов пишется скудно или вовсе не пишется.

В то же время причины, заставляющие заниматься садами, виноградниками и огородами, держать домашний скот и птицу, в городах России и развитых зарубежных стран далеко не сходны. Надобность в них в советское время никогда не переставшая существовать, в постсоветские годы усилилась. Для жителей российских городов – это, по выражению А.И.Трейвиша, «самопрокорм», а некоторых зарубежных городов – занятие, определяющее производственный профиль города.

Живучесть сельских черт в российских городах и ее причины.

Характеризуя ход и особенности урбанизации в нашей стране, историк А.С.Сенявский делает важный вывод: «Не нужно забывать, что в «переходном»… обществе и город не мог существовать в «чистом виде», как нечто по сути сформированное и был явлением переходным, со множеством издержек этого состояния». (Сенявский, 2003, с.80). Можно добавить, что история России не только в XX в. состояла из «переходных» периодов, и города, будучи зеркалом страны, это отразили. Урбанизация в СССР – России не имела времени и средств для того, чтобы как следует потрудиться над своим творением – городом. Поэтому он и получился в виде некоего «полуфабриката».

Стремительная урбанизация определила молодость городов, непродолжительность «их городского стажа». Хронический дефицит средств – следствие «остаточного принципа» финансирования, не позволил городам укрепить градообразующую базу развить инфраструктуру, осуществить благоустройство, поднять жизненный уровень горожан. Молодость и недостаток средств не позволили стереть сельские черты, имевшиеся у многих городов с рождения, даже тогда, когда это было целесообразно. А.Г.Вишневский напоминает: «В Западной Европе быстрому количественному росту городов в XIX-XX вв. предшествовали столетия их качественного возвышения» (Вишневский, 1999, с.95). А у сотен российских городов городской стаж составил несколько десятилетий.

Сохранение аграрного элемента в территориальной структуре городов лишь отчасти можно объяснить отмеченным выше дефицитом средств. Часто вместо решительной реконструкции старых районов осваивались, растягивая городскую территорию, свободные земли за пределами сложившейся застройки. Препятствием реконструкции выступали также естественные причины: малоэтажная застройка полугородского-полусельского характера занимала территории, неудобные для многоэтажной застройки. В итоге доля аграрного элемента в городах СССР была очень высока.

По данным А.О.Кудрявцева, проанализировавшего земельный баланс 181 городов СССР разных размеров, в среднем эта доля составила 32,3%. Интересно, что в малых городах она была меньше, чем в больших соответственно 27,6% и 34,4% , в крупных составила 42,5%, в крупнейших 31,9%. (А.О.Кудрявцев, 1971)[5]. В среднем по СССР территории усадебной застройки занимали в 1971 г. 74% общей площади жилых районов городов (с.79)

И еще одна существенная причина. В постсоветское время аграрные занятия горожан получили дополнительный импульс вследствие тех трудностей, которые на них обрушила «шоковая терапия», проводимые реформы. Рост цен, низкая зарплата, безработица заставили расширить сельскохозяйственную деятельность и в городе (если для этого были условия), и в пригородной зоне. Используя навыки, унаследованные от предыдущих поколений, люди приспосабливаются к переменам.

В ряде случаев работа на земле давала не только средства для выживания, но и порождала огородную специализацию города. Т.Г.Нефедова описывает ставший очень известной «огородной слободкой» город Луховицы Московской области (в прошлом село Рязанской губернии): «В …г.Луховицы, на 2/3 застроенном частными домами…участки необычны; часто не имеют ни одного дерева и весной сплошь покрыты низкими длинными (тоннельными) пленочными парниками. И горожане, независимо от рода официальных занятий, и все селяне вдоль Оки выращивают ранний редис и огурцы. Первый урожай редиса снимают в апреле, огурцов – в конце мая. Отработанная десятилетиями дешевая, но трудоемкая технология позволяет за сезон с одной сотки небольшого (по 25 соток) участка получить 3-4 тыс.руб.чистого дохода…» (Нефедова, 2001, с.62).

Выполнение административных обязанностей городами и селами.

В Российской империи город – это прежде всего административный центр, возглавлявший уезд (округ, отдел) или губернию (область). Административная функция для города была главная. Л.Е.Иофа вслед за Н.Д.Чечулиным приводит мнение Земского собора 1566 г. «И тому ся стати мочно ли, чтоб городу быти без уезда? Ано и село и деревня без поль и без угодий не живут, а городу как быти без уезда? (Иофа,1851, с.6).

Город, не имевший административных обязанностей, переводился «за штат», как бы получая серьезное предупреждение о своем неполном служебном соответствии. По данным переписи 1897 г., на территории России (в пределах РФ) числилось 37 заштатных городов. Многие из них уже угасали, не имея перспектив развития, что подтверждалось мизерной людностью (Богатый Курской области -

[5] Стоит отметить, что «аграрный элемент» в составе городских земель трактовался довольно расширительно. В него включались: а) сельскохозяйственные земли за пределами городской застройки, но в пределах городской черты; б) сельскохозяйственные земли в пределах городской застройки; в) жилые кварталы одноэтажной застройки.

450 жит., Воротынск, Калужской – 776 жит., Илимск Иркутской – 629 жит.). В том же 1897 г. в знак былых заслуг сельских поселений, некогда бывших городами, приведены данные о числе их жителей. Среди них Городец на Волге, в котором при возвращении из Золотой Орды скончался Александр Невский (7 тыс.жителей), Старая Рязань, которая возможно была третьим по значению городом домонгольской Руси (600 жит.), Старая Ладога (500 жит.), Изборск (500 жит.).

Однако правило, когда поселение, назначенное административным центром, получало статус города, не действовало автоматически. В конце XIX в. 30 уездов, отделов возглавлялись сельскими поселениями. Некоторые из них впоследствии стали городами, в том числе Армавир, Баталпашинск (Черкесск), Нальчик, (Уссурийск, Никольское), Сочи. В Донской области из 9 округов только три (Черкасский, Ростовский, Таганрогский) возглавлялись городами, в остальных центрами были станицы.

Сейчас положение совершенно иное.[6] Дефицит городов при подборе райцентров очень заметен. По состоянию на момент переписи 2002 г. в РФ числилось 1866 районов (без городских). Из них 742 (39,8%) возглавлялись городами, 495 (26,5%) =- поселками городского типа, 629 (33,7%) – сельскими поселениями. Таким образом, 1/3 административных районов имеют центрами сельские поселения, которые, выполняя городские обязанности, проходят «кандидатский стаж» преобразования в города или, по крайней мере, в поселки городского типа.

Выводы.

1. Сельские черты присущи российским городам от рождения. Аграрная деятельность горожан существовала всегда. В зарубежных городах она со временем утрачивала свое значение и сходила на нет, в постсоветской России произошел ее значительный всплеск. В некоторых городах РФ производство садово-огородной продукции стало товарной отраслью и определило профиль города, что, впрочем, имело место и в прошлом.

2. Самой массовой причиной возникновения сельских черт в российских городах явилось их сельское происхождение. Сотни городов получились в результате «вызревания» из фабричных и кустарных сел, заводских поселков (жители которых составили «рабочие-крестьяне»), слобод, станиц, пристанционных поселков.

3. Индустриализация, на волне которой проходила российская урбанизация в XX в., как ни парадоксально на первый взгляд, способствовала сохранению и умножению сельских черт в городах, особенно в образе жизни их обитателей, значительную часть которых составили вчерашние сельские жители.

4. Причинами, обусловившими устойчивость и жизненность сельских черт в российских городах, явились молодость городов, не успевших вследствие непродолжительности городского стажа стать истинными городами, дефицит средств, который постоянно испытывали города, невысокий уровень жизни населения, для которых аграрные занятия служили необходимым подспорьем. Работа на огородах давала средства в борьбе за выживание. Российские горожане не только не отрываются от земли, наоборот, связь с ней становится все более крепкой.

5. Наряду со «скрытым городским населением», о котором говорил С.А.Королев, существует и «скрытое сельское население». Его доля высока в малых городах и поселках городского типа. Показательно, что с начала 90-х годов сотни поселков городского типа вновь обращены в сельские населенные пункты (в одном 2004 г. преобразованы 266 пгт). Граница между городским и сельским населением проходит через поселения, а не между ними.

6. Будучи симбиозом городского и сельского начал, российские города, благодаря концентрации в них прогрессивных видов деятельности, достаточно успешно выполняют свои городские обязанности. Рурализация городов не разрушает базовую, приоритетную функцию города создавать «ресурсы для будущего» (П.Щедровицкий), выполнять тем самым свою историческую миссию[7]

7. Сельские черты городских поселений в России не сделали (и не делают) отечественную урбанизацию квазиурбанизацией. Процесс возрастания роли городов в жизни общества в России

[6] Число нынешних административных районов значительно превосходит число уездов (отделов, округов).

[7] В этой связи хотелось бы привести суждение Г.А.Гольца, которое он высказывает в завершающем разделе недавно вышедшей книги. Говоря о сельских занятиях жителей в городах прошлых эпох, Г.А.подчеркивает, что это вовсе не препятствовало городам выполнять их главные функции. Он пишет: «Собственно сельская деятельность – обработка земли, сбор урожая и т.п. – присутствовали иногда непосредственно на территории городов древности и средних веков, но это не мешало им быть городами как таковыми. Ибо в них был главный элемент городской, а не сельской культуры – место хранения коллективного интеллекта и подсознательное ощущение исключительной важности этого обстоятельства в жизни прошлых, настоящих и будущих поколений людей» (Гольц, 2002, с.392).
Вывод Г.А.Гольца относится к городам прошлого. Однако, он, по нашему мнению, имеет более общий принципиальный характер: сельская деятельность в городах может сочетаться с истинно городской и не мешает городам выполнять собственно городские обязанности.

очевиден. Города-лидеры, сосредоточившие прогрессивные отрасли и виды деятельности, обеспечили модернизацию страны, прорыв в более высокие сферы экономики, технологии, науки, образования , культуры.

8. Сельская составляющая, столь отчетливо выраженная в подавляющем большинстве российских городов, в разных формах присутствующая во всех городах без исключения в период перемен, сопровождающихся обострением жизненной ситуации, помогает горожанам решать свои проблемы. То, что можно считать анахронизмом, недостатком городов, в трудные времена обернулось благом для множества людей.

9. Уровень урбанизации следует оценивать на основе показателей, способных выразить суть этого сложного процесса, его фундаментальные свойства, преобразовательную роль городов-создателей нового в жизни общества. Урбанизацию надлежит измерять по наивысшим ее достижениям, не заслоняя наиболее сильно выраженные черты урбанизации явлениями и свойствами, присущими преимущественно «арьергарду урбанизации, - поселковостью, сельскими чертами, низкой благоустроенностью, неразвитостью сферы обслуживания и т.п.

Заманчиво создать интегральный показатель, отражающий многогранность и сложность урбанизации. У частных единичных показателей возможности для этого ограничены. В первом приближении подходил\т доля населения больших городов или крупных городских агломераций. Она в наибольшей степени корреспондируется с результатами урбанизации. Показатели развития жилищно-коммунального хозяйства от этого гораздо дальше, характеризуют не результат, а условия (и то лишь частично), в которых он достигался. В обществе потребления значимость таких доказательств, конечно, возрастает, но суть при этом мало меняется.

Литература:

1. Алексеев А., Зубаревич Н. Кризис урбанизации и сельская местность России //Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.,1999
2. Бедный М.С. Продолжительность жизни в городах и селах. М.,1976.
3. Боже-Гарнье Ж, Шабо Ж.. Очерки по географии городов. М.,1967.
4. Вешнинский Ю.Г. Социокультурная топография Москвы от 1970-х к 1980-м // Москва и «московский текст» русской культуры. М.,1998.
5. Вишневский А.Ю. Серп и рубль. М.,1998.
6. Гаррис Ч. Функциональная классификация городов США //География городов. М.,1965.
7. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т.IV, СПб.1873
8. Геттнер А. Европейская Россия. М.,1907.
9. Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000. М.,2003.
10. Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVШ-XX вв. (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, 2002.
11. . Иофа Л.Е. Города Урала. Т.1 Феодальный период. М., 1951.
12. Крупные города и вызовы глобализации. М.,2003.
13. Кудрявцев А.О. Рациональное использование территорий при планировке и застройке городов СССР. М.,1971.
14. Милов Л.В. О так называемых аграрных городах России XVIII в. //Вопросы истории, 1968, №6.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1, СПб, 1999.
16. Нефедова Т.Г. Хозяйства населения как экономический стержень и социальный феномен современной аграрной России //Регионализм и централизм в территориальной организации обществ и региональном развитии. М.,2001.
17. Озерова Г.Н., Покшишевский В.В. География мирового процесса урбанизации. М.,1981.
18. Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве (взгляд географа). М.,2005.
19. Россия. Энциклопедический словарь. Л.,1991 (создан на основе материалов энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона конца XIX в. т. 54, 55).
20. Сенявский А.С. Урбанизация в России в XX в. Роль в историческом процессе. М.,2003.
21. Страны и народы. Зарубежная Европа. Восточная Европа. М.,1980.
22. Страны и народы. Зарубежная Европа, Западная Европа. М.,1980.
23. Трейвиш А.И. Центр, район, страна. Инерция и новации в развитии российского крупногородского архипелага // Крупные город и вызовы глобализации. М., 2003 .
24. Численнность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г., т.1. М., 2004.

Семенов П.Е.,

РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РЕГИОНОВ

В своем докладе я попытаюсь проанализировать актуальные методические проблемы программно-целевого метода, в разработке которого активно участвуют многие экономисты и экономико-географы. В данной аудитории профессионалов нет необходимости говорить, что понимается под этими методами и какова их научная роль.

Как известно, любое научное направление проходит определенные этапы своего развития. Это зависит от многих причин как объективного, так и субъективного характера. Особенно активное использование программирования происходило в советское время и в первое десятилетие формирования рыночной экономики.

На советском периоде нет необходимости останавливаться подробно, так как он широко известен. Видимо, более актуально рассмотрение методических и организационных проблем программирования в рыночных условиях, в решении которых автору довелось длительное время принимать непосредственное участие, работая в Госплане СССР и Минэкономразвития России.

В последнем десятилетии прошлого века было разработано и началась реализация примерно двух сотен целевых программ только федерального уровня, т.е. программ, которые разработаны по специальным решениям Федерального правительства и им же были утверждены, из них примерно 60 приходилось на региональные программы.

Именно в этот период активной разработки и реализации Федеральных целевых программ мы, сотрудники Минэкономразвития Российской Федерации, разработали порядок и методику их подготовки и использования, которые были утверждены Правительством. Ими руководствуются научные и практические организации до сих пор. В это же время был создан в Минэкономразвития специализированный Департамент региональных программ. Руководство Министерства поручило мне его организовать и возглавить. Правительство Российской Федерации также создало Правительственную Комиссию по руководству процессом реализации федеральных целевых программ. Мне, как ответственному секретарю этой комиссии, пришлось много заниматься подготовкой рассмотрения программ на правительственном уровне. Кроме того, правительственные комиссии были созданы по реализации ФЦП Дальнего Востока и Забайкалья, Сибири и др. масштабных программ, разработкой которых, в основном, занималась главная региональная научная структура страны – СОПС.

Учитывая большую актуальность программирования, на федеральном уровне посчитали также необходимым создать при Правительстве специальный комитет по координации и реализации ФЦП. Мы разработали обстоятельное положение и структуру этого правительственного органа. Я об этих организационных мероприятиях говорю так подробно лишь для того, чтобы показать непоследовательность последующих практических и организационных шагов в работе над программами. Дело в том, что в конце 90-х годов, когда, как говорится, процесс пошел, работа над программами по инициативе, прежде всего, федеральных органов начала интенсивно сворачиваться. Указанный правительственный комитет по программам так и не был создан, правительственная комиссия была упразднена, количество программ, финансируемых из федерального бюджета, было резко сокращено.

Перед отъездом на настоящую конференцию многим присутствующим здесь москвичам, в том числе и мне, довелось принять участие в расширенном заседании ученого Совета СОПСа и научно-практической конференции вновь созданного Министерства регионального развития, где в некоторых выступлениях под разными благовидными предлогами фактически ставился вопрос о сворачивании программного направления.

Естественно, возникают вопросы, почему первоначально произошел всплеск, а затем резкое падение интереса к программированию в нашей стране.

Программный бум, по моему мнению, был связан с несколькими причинами. Первая причина, и я ее считаю основной, заключалась в том, что в начале 90-ых годов при внедрении рыночных механизмов произошел практически одномоментный отказ от централизованного планирования и уход государства от руководства главными экономическими процессами в стране в расчете на то, что рынок автоматически будет их направлять в нужном для страны векторе развития.

Принимая участие в работе коллегии Госплана СССР, а затем Минэкономики СССР и Минэкономики России, ведущим экономистам страны стало ясно, что такой взгляд на роль государства в развитии экономики берет верх и с ходу отметаются другие точки зрения на роль

государства в рыночной экономике. Однако время и практика очень скоро показали, что это одно из опаснейших заблуждений радикальных реформаторов.

При таком подходе к развитию экономических процессов довольно быстро появились крупнейшие диспропорции в общих параметрах экономики и особенно в региональном развитии. Даже самым упертым реформаторам стало ясно, что для преодоления диспропорций или хотя бы их некоторого смягчения необходимо и в рыночных условиях искать соответствующие рычаги государственного воздействия на экономическое развитие.

Так самой жизнью и в рыночных условиях было востребовано государственное программирование. Начали активно создаваться и реализовываться отраслевые, функциональные и региональные программы. Попутно замечу, что и в советский период широкое применение программного подхода было также в то время, когда или еще не в полном объеме сформировалась плановая система или, когда чрезмерно увлекались текущим в ущерб перспективному планированию. Например, знаменитый план ГОЭЛРО это, в классическом понимании, не план, его в то время еще не было, а самая настоящая, масштабная федеральная программа, целью которой было создать основы социалистической экономики на новой производственной базе - электрификации страны. Это лучшее подтверждение того, что государственные программы востребуются самой жизнью.

Вторая причина востребованности программ заключалась в том, что в регионах взамен советских появились новые управленческие структуры, пришли новые управленцы, часть экономики стала негосударственной, другая находилась в управлении государством. Чтобы разобраться в новых экономических условиях, увязать важнейшие экономические элементы в одно целое потребовалась глубокая программная проработка.

Третью причину резкого и в какой-то мере искусственного повышения интереса к программам можно отнести к субъективным причинам. Речь идет о принятии постановления Правительства № 1440, которое установило, что финансовая поддержка регионам оказывается лишь на основе разработанных региональных программ федерального уровня. Исключение было сделано лишь для стихийных ситуаций. Учитывая такую установку, естественно, большинство руководителей субъектов Федерации ринулись разрабатывать соответствующие программы.

Наконец, четвертая причина повышения интереса к региональным программам связана с новым демократическим устройством федерального государства. Почти каждый вновь избираемый руководитель региона считал необходимым разработать программу не только для того, чтобы разобраться в экономической ситуации своего региона, но и использовать процесс разработки и принятия программы, как предвыборную пиар-акцию, поскольку эта тема становилась повседневной в средствах массовой информации с акцентом на создание с помощью программ светлого будущего региона. Конечно, как и всякий другой масштабный процесс, интерес к программам вызывался и вызывается сейчас многими другими причинами. Мною названы лишь главные из них.

Дальше попробуем кратко ответить на второй злободневный вопрос – почему процесс программирования стал первоначально затухать, а сейчас даже появились сторонники отказа от разработки программ.

Официально такой постановке дается простое и вполне понятное объяснение – в казне нет денег, государство не в состоянии в полном объеме финансировать столь обширный перечень программ, имеющиеся небольшие у государства средства приходится рассредоточивать на большое количество программ, из-за недостатка ресурсов заложенные в программах цели реализуются крайне неудовлетворительно. Однако это объяснение легко опровергается. Реализовываться должно не множество, а лишь небольшое количество ключевых государственных программ. Обилие программ в значительной мере породило указанное выше постановление Правительства № 1440. К тому же, деньги, и немалые, в казне имеются и на действительно необходимые программы их можно найти.

Более весомым, безусловно, является утверждение, что программный метод является недостаточно эффективным. Значительно, по мнению Министерства финансов, более эффективен традиционный бюджетный механизм распределения денег и нет смысла заниматься искусственным внедрением в него программ.

В этом утверждении легко просматриваются взгляды радикальных реформаторов о полном уходе государства из экономики. По их мнению, положение в экономике более-менее стабилизировалось и нет необходимости заниматься программами. Свои подходы они и аргументируют тем, что сам метод не эффективен. Приводят для подтверждения своей позиции, как им кажется, убийственные примеры. Они называют десятки программ, которые были реализованы всего на 5-10 и редко 15%, хотя времени на их исполнение затрачено в 2-3 раза больше, чем предусматривалось при их утверждении. То что было претворено в жизнь, по их мнению, можно

было бы реализовать через обычные статьи федерального бюджета. Они считают, нужно создавать не программы, а стратегии развития: отраслевые, функциональные, пространственные и заниматься их увязкой между собой.

От этих аргументов, на наш взгляд, нельзя просто отмахнуться, поскольку в жизни именно так и происходит: на разработку множества программ расходуются немалые деньги, а практический результат оказывается нередко почти нулевым.

Наука должна помочь разобраться в этой непростой ситуации. Можно, конечно, привести множество примеров из зарубежной практики в пользу эффективности использования программно-целевого метода. Знакомясь на месте с опытом его разработки в США, Англии, Китае, Германии, и в других странах Евросоюза, мы видели, что программно-целевой метод успешно используется в рыночных условиях. Например, успешно претворены в жизнь знаменитые региональные программы в США по бассейну р. Теннесси, по Аппалачам, в Китае по свободным экономическим зонам, в Англии и Голландии по реструктуризации экономики бывших региональных угольных баз.

Но когда знакомишься с зарубежными разработками программного характера, то убеждаешься, что глубина их обоснования, методы реализации, финансовые источники существенно отличаются от наших. Поэтому не удивительно: то, что эффективно используется в программировании у них, оказывается часто не эффективным в наших условиях.

В пределах данной статьи попытаемся разобраться в причинах так называемой неэффективности реализации наших программ.

Таких причин множество. Назовем лишь основные три причины: методические, организационные и финансовые. Подробно эти причины изложены в соответствующих опубликованных работах в разных изданиях, включая и работы докладчика[8].

Как уже отмечалось, порядок с основными методическими положениями был разработан и утвержден Правительством РФ в 1995 г. Когда мы его готовили, то исходили из того, что по главным аспектам это рамочный документ, где зафиксированы лишь наиболее принципиальные вопросы, касающиеся всех программ. Намечалось в дополнение к нему разработать специальные механизмы по подготовке и реализации отраслевых, функциональных и региональных программ. Так получилось, что в составе разработчиков оказалось больше отраслевиков и в общем порядке более конкретно освещена работа с отраслевыми программами. Для разработки и реализации региональных программ он оказался мало пригодным. В то же время специальные механизмы по разработке и реализации различных видов программ так и не были созданы.

В результате в работе по программам появилась масса нерешенных вопросов. Назову лишь некоторые из них.

1. Не определен основной источник финансирования разработки региональных программ.
2. Осталось не ясным, что является основанием для принятия решения Правительства о разработке и реализации той или иной программы.
3. Крайне противоречивым оказался порядок определения государственного заказчика программ. Администрациям субъектов Федерации в общем порядке такого права не было предоставлено. Им, как гласит порядок, должен быть только федеральный орган. В результате государственным заказчиком ряда региональных программ оказался Госстрой, Миннац и др. ведомства, которые позже были заменены, как непрофильные ведомства, на Минэкономразвития. В ведении указанного государственного заказчика оказались десятки региональных программ. С таким объемом работы оно физически не могло справиться. Более того, возникла вообще парадоксальная ситуация. Как известно, важнейшая задача государственного заказчика – это подготовка ежегодной заявки на финансирование программ и передача ее в Минэкономразвития. Получалось, что Министерство экономического развития готовило и передавало заявку само себе.
4. Крайне запутанным оказался контроль над ходом реализации программ. Предполагалось, что Минэкономразвития должно отслеживать этот процесс и готовить предложения для заслушивания на заседании Правительства государственных заказчиков, у которых реализация программ идет особенно неудовлетворительно. Получалось, что оно должно предлагать для этой процедуры само себя. Конечно, министерство ни разу этого не сделало.

[8] Семенов П.Е., академик РАЕН, д.э.н., проф. Трансформация методов разработки и роли целевых программ в развитии производительных сил регионов. М., 2004.
Семенов П.Е., академик РАЕН, д.э.н., проф. Совершенствование методов и организационных форм разработки и реализации Федеральных целевых программ развития регионов. Улан-Удэ, 2004.
Семенов П.Е., академик РАЕН, д.э.н., проф. Роль Федеральных целевых программ в устойчивом развитии производительных сил регионов. Санкт-Петербург, 2003.

5. Не были четко определены и разделены функции государственного заказчика и заказчика-координатора программ. В частности, было не ясно, кто из них должен готовить указанную выше ежегодную финансовую заявку на реализацию программ.
6. В общем порядке не был конкретно решен вопрос о создании исполнительного органа – Дирекции реализации программ. Там лишь сказано, что дирекцию организует государственный заказчик, т.е. федеральный орган. Но оказалось, что сделать это было практически невозможно. Когда мы, члены правительственной комиссии, пытались это сделать по Дальневосточной программе, то выяснилось, что Минэкономразвития может принять такое решение лишь за счет денег, выделяемых министерству на содержание своего аппарата. Какой же министр пойдет на такой шаг. Поэтому Минэкономразвития так и не создало ни одной дирекции по программам, по которым оно было утверждено Правительством государственным заказчиком.

Имеется и ряд других методических недоработок по разработке и реализации программ, на которых я не буду останавливаться из-за недостатка времени.

Дальше я назову организационные и правовые недоработки.

Практика работы с программами показала, чтобы сделать процесс подготовки и реализации региональных программ более эффективным, требуется кардинально решить ряд правовых вопросов этой непростой проблемы.

В каком направлении проходила указанная работа?

Первое направление – разработка в парламенте соответствующих законодательных решений. В Государственной Думе был подготовлен самостоятельный проект о работе с федеральными региональными программами. Он при отрицательном отношении Правительства прошел все чтения в Государственной Думе и был утвержден в Совете Федерации, но не подписан по рекомендации Правительства Президентом России Б.Н.Ельциным.

Государственная Дума уже следующего состава опять разработала аналогичный проект закона, который прошел два чтения. Мне довелось принимать участие в этой процедуре, и я убедился в напористости депутатов Думы в решении рассматриваемого вопроса. При наличии отрицательного заключения Правительства, которое было зачитано перед голосованием, Государственная Дума опять-таки поддержала этот проект. Сейчас этот документ дорабатывается во вновь созданном Министерстве по региональной политике.

Второе направление по поиску путей повышения эффективности реализации региональных программ осуществляется в Минэкономразвития, которое является главным методологом и координатором работы по федеральным целевым программам. Однако, механизм, который оно подготовило и реализует по работе с региональными программами, с моей точки зрения, не повышает эффективность этой работы. В порядке, утвержденным министерством, фактически снижается статус региональных программ.

Если в общем порядке, о котором я уже говорил, у них был федеральный статус, то в порядке Минэкономразвития эти программы низведены до регионального уровня. Если раньше указанные программы утверждало Правительство Российской Федерации, то по новому порядку эта функция теперь возлагается на законодательное собрание соответствующего субъекта Федерации. Госзаказчиком также теперь выступают не федеральные министерства, а исполнительные органы регионов. Правительство берет на себя обязательство финансировать не всю программу, а лишь те объекты, которые имеют федеральное значение. Да и это обязательство является крайне неопределенным, поскольку оговорено, что такое финансирование осуществляется лишь при наличии соответствующих финансовых возможностей.

Указанные изменения являются весьма существенными. При утверждении программ в федеральном правительстве требовалось обязательное их согласование с заинтересованными министерствами и рассмотрение в госэкспертизе. При проведении этой процедуры происходила увязка отраслевых, региональных и общегосударственных интересов. Таким образом, они действительно были федеральными.

Теперь же разработка, рассмотрение и утверждение программ дело самого региона со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Несколько замечаний выскажу по финансированию реализации программ.

Существующий механизм финансирования и по общему порядку, и по порядку Минэкономразвития во многом несовершенен. В программах утверждаются одни объемы выделения финансовых средств из федерального бюджета, в проекте годового бюджета другие, а реально предусматриваются новые объемы.

Во многих программах главным источником финансирования являются внебюджетные источники. Это до сих пор практически не ясная сфера. Толком никто не знает, как при разработке программ рассчитать этот источник, а именно этого требует общий порядок. Перед утверждением в Правительстве Дальневосточной программы Минэкономразвития совместно с главным разработчиком – СОПСом и руководителями экономических служб субъектов Федерации экспертным путем оценило размер всех источников финансирования программ. Без таких расчетов программу просто бы не утвердили. Всего финансовых источников оказалось около двух десятков, из них примерно полтора десятка приходилось на внебюджетные источники, которые при реализации программы удалось привлечь в лучшем случае на 10-15% от расчетных данных.

В финансировании реализации программ главными являются средства бюджетов субъектов Федерации, предприятий и лишь символическое место занимают средства федерального бюджета, например, 2-3% по ФЦП «Дальний Восток и Забайкалье».

Мало того, что на ФЦП развития регионов выделяется минимальное количество финансов, но и распределяются они с методической точки зрения просто нелогично.

Приведу только один факт. Финансирование программ в определенных размерах осуществляется из Федерального фонда регионального развития. Примерно две трети указанного фонда расходуется на программы по благополучным регионам страны – на программы по Татарстану и Башкортостану, а на остальные, в том числе кризисные регионы достаются сущие крохи.

Финансы, которые выделяются для указанных республик, должны компенсировать им потери при возвращении их в общегосударственное правовое поле бюджетных отношений. Но при чем здесь Федеральный фонд регионального развития. Для этого должны использоваться другие статьи федерального бюджета.

Мне представляется, что столь несовершенный механизм разработки и реализации Федеральных целевых программ в принципе не дает оснований делать выводы о неэффективности самого метода программирования. Это все равно, что согнуть ствол ружья, а потом сказать, что из него нельзя стрелять. Как известно, оружейники первоначально приводят в порядок ружье, а лишь потом оценивают его техническую эффективность. Вот и нам необходимо этим заняться в части программирования.

Утверждение о неудовлетворительной реализации программ, что якобы свидетельствует о бесспорной неэффективности самого метода, также является большой натяжкой.

Даже при несовершенном механизме разработки и реализации, но при более-менее нормальном объеме финансирования (независимо от правомерности самих статей расходов) программы по Татарии и Башкирии отличаются хорошей эффективностью. Это признается и на федеральном, и на региональном уровне. То же самое происходит со многими зарубежными программами.

В заключение хотелось бы несколько слов сказать о правомерности замены программ различными стратегиями. Эта постановка в принципе не верна. Противопоставлять указанные понятия – значит проявлять методологическую и методическую безграмотность. Нужно и то, и другое. Никто и никогда не разрабатывал программы без предварительного определения, пусть лишь экспертно, стратегических направлений. И никто из профессионалов не считал единственным и тем более конечным этапом в определении путей развития регионов стратегические разработки.

Не следует в очередной раз заново изобретать велосипед. Экономистам и экономико-географам давно и хорошо известна методическая цепочка обоснования развития производительных сил страны: стратегия (или директивы, основные положения, контрольные цифры), концепция, схема, программа, районная планировка и т.д. Можно и нужно дискуссировать о последовательности этих звеньев, но нельзя одно звено заменять другим. Сложность не в этом. Нередко отдельные звенья в этой работе или отсутствуют, или очень слабо представлены. Особенно большие сложности возникают при отсутствии головных звеньев. Например, до сих пор нет обстоятельной стратегии экономического развития страны в целом и ее регионального аспекта. Вот это обстоятельство действительно кардинально снижает эффективность разработки и реализации последующих звеньев указанной цепочки, особенно таких исключительно затратных, каким являются программы.

Вардомский Л.Б.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА

Что угрожает единству российского пространства?

Одним из главных приоритетов российской политики является обеспечение **единства России, целостности и неделимости ее пространства**. Угрозы целостности страны виделись и видятся в ограниченной способности федерального центра контролировать политические и социально-экономические процессы в субъектах Федерации. Как вполне реальная угроза в Кремле воспринимается экономическая и политическая власть региональных элит, которая может нарушить единство пространства России, усилить центробежные тенденции и, как следствие этого, вызвать распад государства.

Одновременно угрозу единству российского пространства создают внешние факторы. В условиях глобализации оно подвергается неизбежному экономическому, культурному, идеологическому и информационно-пропагандистскому воздействию извне. Наиболее серьезные угрозы для целостности страны возникают в ее порубежье, на межнациональных и культурно-цивилизационных стыках. Общеизвестна внешняя поддержка радикальных исламских сил в стране. Большие проблемы для федерального центра создает эксклавная Калининградская область. Определенную озабоченность вызывает экономическое и демографическое давление Китая на сибирские и дальневосточные регионы России. Некоторые политические силы в странах Балтии и Финляндии предъявляют России территориальные претензии.

Однако наиболее существенную угрозу целостности российского пространства, на мой взгляд, создает усиление его **внутренних социально-экономических различий** в ходе рыночной трансформации и глобализации экономики. Эти различия или контрасты, измеряемые величиной отклонений от средних значений параметров регионального развития, предстают в виде **территориальных диспропорций экономики и социальной сферы.**

Неудовлетворенность элит и населения регионов ходом социально-экономического развития и проводимых реформ, растущее расслоение субъектов РФ по уровню доходов населения, безработицы и другим социальным показателям, отсутствие внимания федерального центра к проблемам отдельных территорий, не учет их этно-культурной и экономической специфики, создают питательную среду сепаратизма.

Территориальные диспропорции в принципе неизбежны. Рост межрегиональной дифференциации - одна из закономерностей рыночной трансформации, отражающая появление выигрывающих и проигрывающих территорий. Но особую энергетику этот процесс имеет в странах переходной экономики невысокого и среднего уровня развития и включающих в себя территории разного уровня освоения и участия в глобальных экономических процессах. Так, например, в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии межрегиональные контрасты по ВРП на одного жителя не превышают 3 раз а, если и растут, то весьма медленно [9]. В Китае же они превышают 10-кратный размах и устойчиво увеличиваются[10]. В Украине, имеющей одну из наиболее освоенных территорий из стран СНГ, разница между регионами по производству ВРП на душу населения составляет 6 раз, а в Казахстане в нефтедобывающих областях запада страны этот показатель более чем в 10 выше, чем в аграрных областях юга.

Результативность борьбы с региональными диспропорциями обусловлена финансовыми возможностями стран. Мировой опыт свидетельствует о том, что, чем выше уровень развития страны, тем ниже приемлемый для общества уровень дифференциации.

Таким образом, наличие межрегиональных различий в определенных пределах имеет позитивный характер, поскольку они побуждают отстающие регионы к поиску путей ускорения своего развития. Но по достижению определенной величины неравенство, **диспаритет** между регионами создает серьезные проблемы. Как показывает мировой опыт, сильные диспропорции вызывают социальную и политическую напряженность, понижают авторитет власти, не способствуют инвестиционной привлекательности и конкурентоспособность экономики страны в целом, сокращают емкость национального рынка. Сильные различия вызывают экономическое и социальное разобщение национального пространства, что сказывается на темпах развития страны и

[9] Вардомский Л.Б. – Региональное развитие в Центральной Европе и России. «Россия и центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков». М., ИМЭПИ РАН, 2004 г.

[10] Самбурова Е.Н. – Географическая логика диспропорциональности территориального развития Китая в пореформенный период, «Проблемы геоконфликологии» т.2, М., «Пресс-Соло», 2004 г.

ее глобальном позиционировании. В этом смысле речь может идти о геополитической цене регионального диспаритета.

Факторы и динамика различий

Пространственные диспропорции в России выражаются в громадных различиях между регионами по плотности населения и его доходам, по величине и структуре человеческого капитала, экономическому, экспортному и инновационному потенциалу, емкости рынков, инвестиционной привлекательности и предпринимательскому климату в целом. В этих различиях преломляется **исторический ход освоения территории страны**. Оно имело дискретный, очаговый характер и ярко выраженную центро-периферийную структуру. Отражением этого является то, что на один квадратный километр площади в Московском регионе (Москва и столичная область) - историческом центре освоения российского пространства, в 2003 г. был произведен более чем в 95 раз больший валовый региональный продукт (ВРП), чем в среднем по России (соответственно 64,5 млн. и 677,3 тыс. руб.) и в 690 раз больший, чем в среднем по Дальневосточному федеральному округу (93,4 тыс.руб)[11].

На историческое наследие накладываются результаты рыночной трансформации, которые выражаются в трансрегиональных перемещениях трудовых и финансовых ресурсов, стремящихся в места, в которых наиболее благоприятно соотношение между ожидаемыми доходами и рисками предпринимательской деятельности. Это крупнейшие города и городские агломерации, центры нефте-газодобычи, узлы международных коммуникаций, в которых все сильнее концентрируется экономическая жизнь России.

В условиях экономической либерализации Москва и другие крупнейшие города России (правда, в существенно меньшей степени) получают дополнительный доход, обусловленный их экономическим потенциалом и инновационным превосходством. Так, в конце 2004 г. проникновение Интернета (число регулярных пользователей паутины к общему числу жителей) в Московском регионе (Москва и столичная область) составило 16% против 5% в среднем по России.[12]

Таким образом, рыночная модернизация экономики России, как ранее и освоение ее пространства, имеет очаговый характер, концентрируясь в Москве и других крупнейших городах. При этом **нарушилась историческая линия экономической экспансии на север и восток.** Она многие десятилетия централизованного развития шла благодаря громадным финансовым усилиям государства. В условиях рыночной децентрализации этот процесс пошел вспять. Миграционное возвращение населения в европейскую часть свидетельствует о новом этапе регионального развития России, для которого характерна концентрация ресурсов на модернизации небольшой части староосвоенных территорий и развитии нефтегазового сегмента экономики.

За 1994 – 2003 гг. доля Урала (в границах экономического района) в ВРП России сократилась с 14,7% до 11,4%, а регионов восточнее Урала - с 27,9 до 26,2%, а без учета Тюменской области с автономными округами - с 21,6 до 15,9%.

Доля же Москвы и Московской области в ВРП страны за 1994 – 2003 гг. увеличилась с 14,8% до 24,9%[13], а Тюменской области – главного нефтегазодобывающего района России - с 6,2 до 10,3%.

Помимо данных регионов свою долю заметно увеличили регионы с большой численностью населения и разнообразной экономикой, играющие важную роль в системе внешнеэкономических связей - Санкт-Петербург, Краснодарский край, Ленинградская область, республика Татарстан. У остальных регионов доля либо уменьшилась, либо осталась на прежнем уровне.

В 2003 г. 25 субъектов РФ имели ВРП 1% и более от совокупного ВРП России, тогда как в 1994 г. их было 33. Большинство субъектов РФ не в состоянии проводить сколько-нибудь целенаправленную социальную и экономическую политику из-за слабой финансовой базы и ограниченного инновационного потенциала.

Неблагоприятный предпринимательский климат на периферийных территориях связан с их удаленностью от главных российских рынков, малой потребительской емкостью собственных региональных рынков и их дисперсностью (на севере и востоке) в силу низкой плотности населения и экономики. Например, на территории, расположенной в радиусе 1 тыс. км от Саратова

[11] Здесь и далее расчеты сделаны автором по данным ВРП, публикуемым Госкомстатом РФ.
[12] Интернет в России, Эксперт, № 15,2005 г., с. 4.
[13] Опережающий рост столиц наблюдаются и в других странах переходной экономики. Например, доля Киева в общем ВРП Украины увеличилась с 9,7% в 1997 г. до 18,0% в 2003 г.

размещается около 40% населения России и половина производимого ВРП. На такой же территории вокруг Улан Удэ проживает всего около 3% населения и создается примерно такая же доля ВРП. У регионов с низкой плотностью населения и экономики ниже способность производить, воспроизводить и усваивать технологические и организационные инновации[14].

Кроме того, одной из главных причин усиления различий между регионами по социально-экономическим и финансовым показателям в ходе рыночной трансформации является **разная степень участия во внешнеэкономических связях.** Территориальные диспропорции в России производны от обособленности экспортного и импортозамещающего секторов. Обособленность обусловлена не только разной сбытовой ориентацией, но и значительно большей инвестиционной привлекательностью экспортного сектора. Большая часть финансовых ресурсов страны также связана с экспортной деятельностью.

Происходящие изменения в географии экономики базируются на традиционной международной специализации хозяйства России. При резком преобладании топливно-сырьевых отраслей во внешнеэкономических связях большая часть субъектов РФ пока не обрела места в глобальной экономике. В 2003 г. у 25 субъектов РФ объем экспорта не превышал 100 млн. долл., а еще у 10 - лишь немногим превышал эту величину.

Высокая экономическая динамика Москвы связана с концентрацией в ней институтов, обеспечивающих международные связи и тем, что столица является главным окном России во внешний мир. В 2003 г. через столицу прошло 22% экспорта и 35% импорта России. Важное место в экспорте страны занимает Тюменская область (23%), в импорте – Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области. [15]

Масштабы современных диспропорций в России чрезвычайно велики. В 2003 г. ВРП на душу населения в Тюменской области (вместе с округами) - 363 тыс. руб. - более чем в 35 раз превосходил этот показатель в Республике Ингушетия – 10,2 тыс. руб. при среднероссийском показателе 80,3 тыс. руб. Только 26 субъектов РФ из 89 имели ВРП на одного жителя больше, чем в среднем по России.

Столь же велики различия между регионами по объемам инвестиций в основной капитал. В 2003 г. на 10 субъектов РФ с наибольшими объемами капитальных вложений (Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Санкт-Петербург, Московская и Сахалинская области, Краснодарский край, республики Татарстан и Башкортостан, Свердловская область) пришлась половина всех инвестиций в основной капитал, произведенных в РФ. В том же году только у 23 субъектов РФ инвестиции в основной капитал на душу населения превышали средний по РФ уровень в 15,1 тыс. руб. Причем разница между максимальным и минимальным значением этого показателя колебались между 443 тыс. руб. на одного жителя в Ненецком АО и 1,5 тыс. руб. в республике Ингушетия.

Размеры диспаритета можно выразить через объемы виртуальной экономики. Например, если бы во всех субъектах РФ ВРП на душу населения в 2003 г. создавался в том же объеме, что в Тюменской области, то общий объем ВРП страны был бы в 4,5 раза больше, чем реальный.

Величина межрегиональных различий является своего рода территориальным измерением громадного социального неравенства, сложившегося в России. **Бедность** - одна из главных проблем периферийных территорий. У 2/3 субъектов РФ доля населения с доходами ниже прожиточного минимума превышает средний показатель по России.

Хотя доля бедного населения за 2000 -2004 гг. уменьшилась с 28,9 до 17,8%, но одновременно усилилась дифференциация населения по уровню доходов. Средний уровень доходов у 10% наиболее обеспеченного населения в 2004 г. почти в 15 раз превысил средний уровень доходов 10% наименее обеспеченного населения.[16] Бедность населения, а также административные ограничения затрудняют миграции населения из депрессивных регионов в регионы с растущей экономикой, что само по себе могло бы сдерживать рост межрегиональных различий.

С региональным диспаритетом тесно связана **дезинтеграция или фрагментация** российского социально-экономического пространства. В ее основе изначально были высокие транспортные тарифы, вызывающие дистанционную обособленность территорий, либерализация внешнеэкономических связей, а также политика региональных властей, направленная на защиту

[14] Бабурин В.Л. География развития инновационных процессов в пределах российского пространства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук, М., 2002 г.

[15] Смотри об этом подробнее – Вардомский Л.Б., Скатерщикова Е.Е - Внешнеэкономическая деятельность регионов России, М,, «Аркти», 2002 г., 220 с.

[16] Гулюгина А.А., Уровень жизни 2000-2004 гг. Уровень жизни регионов России №2,2005, http:/www,vcug.ru/doc/.Gulugina.doc

экономических интересов региональных элит. Сегодня важным фактором дезинтеграции стали структурно-экономические и социально-культурные различия отдельных регионов. В ряде из них наблюдаются многие черты постиндустриальной экономики (Москва, Санкт-Петербург), в то же время некоторые регионы в результате деиндустриализации и натурализации хозяйства фактически вернулись на доиндустриальную стадию развития (республики Тыва, Горный Алтай, Чечня, Калмыкия, ряд автономных округов). Обращает на себя внимание то, что это приграничные субъекты РФ. В целом большая часть периметра приграничных регионов относится к числу проблемных территорий, охваченных либо хронической депрессией, либо социально-экономической отсталостью. В этих регионах имеет место быть повышенный фон теневой экономики, шире развита ее клановость при низком потенциале саморазвития.

В российском порубежье наблюдается сложение негативных внутренних и внешних воздействий, ослабляющих единство страны.

В этом смысле весьма важно подчеркнуть, что единство России и интеграция ее пространства возможно только при условии, когда составляющие ее территории в плане социально-экономического развития движутся в одном направлении, пусть и с разной скоростью. Но когда это развитие регионов противоположно направлено - неизбежны расколы, дезинтеграция и фрагментация российского пространства.[17]

Растущий диспаритет и ослабление связанности российского пространства отражают экономическое и социальное разобщение страны, что, безусловно, создает угрозу для ее единства. В этой связи представляет интерес тот факт, что согласно данным ВЦИОМ, 74% опрошенных россиян отмечают, что между москвичами и жителями других городов существует неприязнь, а у 44% опрошенных речь идет о сильной неприязни.[18] Неприязнь значительной части населения к столице во многом объясняется резким отрывом последней от остальной России по доходам населения и темпам модернизации экономики.

Политика центра – инструменты и результаты

Рост межрегиональных различий и их громадный по мировым меркам масштаб объясняется отсутствием адекватного учета в экономической политике федерального центра особенностей российского пространства и хозяйственной специфики регионов. Так, проводимый правительством РФ курс на снижение налоговой нагрузки, безусловно, стимулирует экономический рост в стране. Но он в основном способствует развитию сильных регионов, в которых высока плотность предпринимательской деятельности. В частности, упразднение дорожного налога вызвало сокращение объемов строительства автодорог в стране[19] и косвенно способствует концентрации экономической жизни в наиболее освоенной в инфраструктурном отношении части российского пространства.

Сохраняющийся высокий уровень инфляции толкает инвестиции в высокооборотные сферы деятельности, которые концентрируются в наиболее развитых частях страны.

Кредитная, налогово-бюджетная и валютная политика федерального центра также способствует концентрации инвестиций в наиболее развитых и наиболее доходных частях российского пространства.

Нововведения 2005 г. – федеральный закон об особых экономических зонах, создание на основе федеральных бюджетных ресурсов инвестиционного фонда и возможно, российского инвестиционного фонда технологий и инноваций -, на мой взгляд, также будут способствовать усилению различий, учитывая принцип софинансирования и разработку качественных бизнес-планов. У слабых регионов нет необходимых финансовых и интеллектуальных ресурсов для исполнения условий получения инвестиций через эти источники.

Предлагаемая в среднесрочной программе социально-экономического развития России на 2006-2008 гг. инновационная модель развития при ее успешной реализации, в моем представлении, будет способствовать усилению межрегиональных различий. Инновационное развитие будет опираться на центры науки и высокотехнологичного производства, которые, концентрируясь в (и возле) крупнейших городов страны (Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Екатеринбурга, Томска и др.), весьма неравномерно размещены по территории страны. Возможное усиление, благодаря инновационной модели, межрегиональных различий, естественно, не должно

[17] Вардомский Л.Б., Трейвиш А.И. – Проблемы устойчивости экономического пространства России в контексте внешнеэкономической либерализации, в сб. материалов семинара «Внешнеэкономические связи и региональное развитие в России» , М., «Эпикон», 1999, с. 203.
[18] «Главные враги России – евреи и милиция», Коммерсантъ, 6. 12. 2004, с. 11.
[19] Финансирование строительства дорог из федерального бюджета с 2002 г. сократилось в 2,5 раза и эти средства получает менее половины субъектов РФ, «Ведомости», 22.06.05., с. А3

препятствовать переходу России на инновационный путь развития. Но одновременно должны быть предложены модели развития для территорий, лишенных инновационного потенциала.

Фундаментальной ошибкой проводимой экономической политики является то, что российское пространство трактуется как однородная субстанция, к которой применяются единые модели развития, законы, нормы и правила. Этим как бы соблюдается единство пространства страны и равенство составляющих его субъектов Федерации.

В целом среди множества проблем, с которыми сталкивается в настоящее время Россия, рост различий - одна из наименее упоминаемых тем в выступлениях федеральных руководителей[20]. Видимо считается, что проблемы бедности, ускоренного экономического роста и инфляции более значимы, чем проблема межрегиональных различий, а их неизбежному росту в ходе рыночной трансформации достаточно эффективно может противостоять межбюджетное перераспределение государственных финансов.

Основной задачей перераспределения финансовых ресурсов из федерального бюджета в региональные бюджеты или, иными словами, от наиболее сильных регионов к слабым регионам является выравнивание бюджетной обеспеченности (объем бюджетных расходов на одного жителя регионов). Федеральным органом исполнительной власти, формулирующим правила межбюджетных отношений и их исполняющим, является Министерство финансов, ставшее в результате этого фактически единственным институтом реальной региональной политики в России.

До сентября 2004 г. формально за региональное развитие России было ответственно Министерство экономического развития и торговли. Но его возможности в этом отношении были значительно меньше, чем непрофильного Минфина. По сути, деятельность МЭРТ, разрабатывающего идеологию экономического развития страны, усиливает региональные диспропорции, а Минфин через межбюджетные трансферты пытается их смягчить.

Финансовая помощь региональным бюджетам осуществляется в основном через выделенный в расходной части федерального бюджета Фонд финансовой поддержки субъектов РФ по статье «Дотации на выравнивание уровней бюджетной обеспеченности», по которой оплачиваются текущие бюджетные расходы субъектов РФ.

Остальная часть средств поддержки регионов расходуется через Фонд регионального развития, из которого финансируются федеральные региональные программы. Причем это финансирование между программами распределяется крайне неравномерно[21].

В целом объемы федеральной помощи сравнительно невелики. В 2005 г. они составили менее 10% расходной части федерального бюджета или примерно 1,6% ВВП России, что заметно меньше, чем в странах ЕС. Тем не менее, эти фонды рассматриваются как важный инструмент влияния и контроля федерального центра над регионами.

Объемы межбюджетных перераспределений Минфина тесно связаны с целенаправленной централизацией государственных финансов, в результате которой доля федерального бюджета в консолидированном бюджете России увеличилась с 45% в 1998 г. до 57% в 2003 г. В 2004 г. она превысила 60% и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Несмотря на это, превышение бюджетной обеспеченности 10 самых «богатых» над бюджетной обеспеченностью 10 самых «бедных» регионов на сегодня остается крайне большим – около 20 раз. Более того, по мнению ряда исследователей, политика бюджетной обеспеченности неизбежно приводит к усилению межрегиональных различий.[22]

Дальнейшее выравнивание возможно при условии еще большей концентрации финансовых ресурсов у федерального центра. Но это фактически приведет к угасанию российского федерализма и ослаблению устойчивости российского пространства.

Одновременно для Минфина и других ответственных федеральных ведомств все последние годы была характерна передача регионам бюджетных мандатов, превосходящих их финансовые возможности. Наиболее ярко это проявилось в реализации печально известного федерального закона № 122 от 24.08.04.

Субъектам РФ были переданы самые многочисленные группы льготников - более 21 млн. из 35,5 млн. чел. При этом Минфин и Министерство здравоохранения и социального развития не учитывали разные финансовые возможности и потребности регионов по переводу льгот из натуральной формы в денежную. Большинство субъектов РФ не могло наскрести в своих бюджетах

[20] Сельверстов В. – Современные тенденции федерализма и региональной политики в России в условиях укрепления вертикали власти, «Казанский федералист», Казань, 2004, № 2, с. 24 - 25.

[21] Конев Ю.М., Легостаев А.В. – Проблемы законодательного обеспечения региональной политики, в сб. материалов конференции «Методы обоснования перспектив развития регионов», под ред. Штульберга Б. М., М., 2004, с. 17.

[22] Лавровский Б., Постникова Е. – Трансфертный механизм: преодолен ли кризис?, Вопросы экономики, 2005 г., № 8.

200 руб. компенсаций за утрачиваемые натуральные льготы, рекомендованные Минфином. Все это вызвало в первой половине январе 2005 г. массовые протесты населения, вмешательство Президента РФ, пожарные меры правительства по увеличению пенсий и помощи федерального бюджета региональным бюджетам по увеличению сумм компенсаций. Цена ошибки федеральных ведомств составила 380 млрд. руб.[23]

В целом задачей Минфина никак не может быть региональная политика и региональное развитие. Бюджетные трансферты в региональные бюджеты идут в основном на текущее потребление и непосредственно не участвуют в развитии экономики регионов. Перекачка финансовых ресурсов в неблагополучные регионы имеет социальную направленность и не дает экономической отдачи.

В представлении федерального центра, получаемые из федерального бюджета финансовые ресурсы многими регионами используются неэффективно. Так по данным Д. Козака –полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе - за 2001-2004 гг. расходы консолидированного бюджета по округу (без учета Чечни) увеличились а 2.6 раза, в том числе финансовой помощи из федеральных фондов в 3,4 раза, а безработица возросла в 1,7 раза[24]. По мнению Д. Козака, регионы необходимо стимулировать не к освоению бюджетных средств, а к развитию региональной экономики. В связи с этим «бюджетирование по результатам», то есть увязка бюджетных расходов с конкретными результатами социально-экономического развития регионов должно стать с 2007 г. правилом бюджетного планирования на региональном и местном уровнях.

Иными словами, новые правила предоставления трансфертов из федерального бюджета должны стимулировать регионы к развитию экономики. В этом процессе ведущую роль также призвано сыграть Министерство финансов, которое будет удовлетворять только обоснованные заявки регионов на федеральную помощь.

А что же учрежденное в сентябре 2004 г. Министерство регионального развития России? Оно предполагает работать по нескольким направлениям. Одно из них – федеративные, межнациональные и межконфессиональные отношения, развитие местного самоуправления, другое – разработка схем развития регионов. Министерство предполагает также заняться разработкой концепции региональной политики и необходимого для этого федерального законодательства.[25] Словом, в центре внимание нового министерства будут институты региональной политики. Но без соответствующего подкрепления его деятельности финансовыми ресурсами из федерального бюджета она, на мой взгляд, будет иметь преимущественно информационный характер.

Хотя руководители федеральных ведомств, ответственные за исполнение социальной части федерального закона № 122, публично признали свои недоработки, в представлении федеральных органов власти главные проблемы для России создает неквалифицированное руководство региональных начальников вверенными территориями, их стремление рассматривать регионы, как свои вотчины. Основания для такой оценки деятельности региональных администраторов во многих случаях, несомненно, имеются.

При восприятии федеральными элитами региональных руководителей как носителей «дикого регионализма» и «нецивилизованного конкурентного федерализма»[26] вполне логичным выглядит проводимый с 2000 г. к**урс на усиление центральной власти.**

Восстановление «властной вертикали» после создания федеральных округов, института полномочных представителей Президента РФ в округах и реорганизации Совета Федерации продолжилось в 2003 г. в результате внесения изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"», которые сократили сферу совместного ведения и сделали более четким разграничение властных полномочий между федеральным Центром и субъектами РФ при том, что наиболее существенные полномочия (в частности, использование природных ресурсов) остались за федеральным центром. В августе 2004 г. был принят упоминавшийся закон № 122, который запустил в 2005 г. новые правила разделения полномочий между федеральным центром и регионами и их финансирования.

В декабре 2004 г. принят федеральный закон «Об общих принципах организации законодательный и исполнительный органов государственной власти субъектов РФ», который

[23] Воробьев М. «Мастерства не пропьешь», «Время новостей», 29.09.05
[24] Коммерсантъ, 25.12.04, с. 6
[25] В.Яковлев – «Мы с Грефом не будем делить поле», Коммерсантъ, 22.12.04,с.3
[26] Сельверстов В. – Современные тенденции федерализма и региональной политики в России в условиях укрепления вертикали власти, «Казанский федералист», Казань, 2004, № 2, с.37.

изменил порядок избрания руководителей субъектов РФ. С февраля 2005 г. это происходит путем утверждения предложенной Президентом РФ кандидатуры регионального руководителя местным органом представительной власти.

Политическая и финансово-бюджетная централизация дополняется энергичной политикой по восстановлению контроля федерального центра над энергетическим сектором страны, обеспечивающим основную часть бюджетных поступлений и больше половины доходной части платежного баланса России.

В моем представлении, осуществляемая ныне **централизация в конечном счете является ответом на резко выросшую в условиях глобализации дифференциацию условий развития отдельных частей российского пространства.** Сильный центр призван обеспечивать единство пространства в условиях, когда рыночные силы и глобальные воздействия раскалывают его на отдельные фрагменты.

Но сможет ли растущая политическая и экономическая централизация переломить тенденцию к росту дифференциации российского пространства? Несомненно, назначение губернаторов существенно ограничит возможность появления на этих постах случайных, некомпетентных людей. Но при всей значимости личных качеств руководителей для развития регионов, эффективность их деятельности, на мой взгляд, в основном зависит от конкретных экономических, социальных, культурных и позиционных особенностей региона.

Так или иначе, в политике федерального центра прослеживается недооценка объективного характера усиления региональной дифференциации, которое производно от свойств российского пространства и рыночного поведения экономических агентов. Одновременно переоценивается роль в этих процессах региональных руководителей (субъективного фактора), которые по разным причинами не могут (или не хотят) следовать линии, выработанной федеральными ведомствами.

В настоящее время федеральный центр в качестве одного из методов борьбы с региональным диспаритетом использует **укрупнение субъектов федерации**.[27] Иными словам, речь идет о присоединении экономически слабых, неспособных к саморазвитию регионов к сильным субъектам РФ, которые смогут выступить в качестве локомотивов роста. Однако эта концепция в качестве универсального средства оздоровления российского пространства, по меньшей мере, спорна, поскольку проблема диспропорций перейдет с федерального уровня на региональный.

С другой стороны, как показывает опыт образования Пермского края и объединения Красноярского края, Таймырского и Эвенкийского автономных округов, это весьма затратный для федерального бюджета процесс[28]. Кроме того, не следует забывать, что статус субъекта федерации способствует развитию его главных городов. Сокращение субъектов РФ, безусловно, скажется на динамике городской сети России.

Следует подчеркнуть, что региональное развитие в современной России происходит в условиях «административного либерализма», когда прокламируемый либерально–рыночный подход сочетается с усилением административного контроля и давления на бизнес, когда стремление активизировать экономическую жизнь в регионах идет в паре с жесткой регламентацией хозяйственной деятельности территориальных властей со стороны центра. В этих условиях неизбежно усиление существующих территориальных диспропорций и появление новых.

Политическая централизация нацелена на усиление политического контроля и правовую унификацию пространства России. Но это отнюдь не означает преодоления социального и экономического разобщения страны. Выстроенная вертикаль власти преследует цель нейтрализовать возможные политические и социальные последствия роста дифференциации пространства, но не причины его вызывающие. Принимаемые в рамках этой вертикали решения не всегда продуманы. Хорошей иллюстрацией этого является упоминавшийся закон № 122. Не прошло и полгода с момента его принятия, как встал вопрос о повторной перекройке властных полномочий, но уже в пользу субъектов РФ. Эти вопросы дважды обсуждались в 2005 г. на заседаниях Госсовета в Калининграде и Казани.

В России вполне возможен такой сценарий, при котором усиление региональных диспропорций и экономическая дезинтеграция пространства будут провоцировать дальнейшее укрепление властной вертикали и **постепенное движение страны в направлении унитаризации**. Усиление элементов унитарного государства фактически означает перенос все большей части

[27] Смотри об этом: Сельверстов В. – Современные тенденции федерализма и региональной политики в России в условиях укрепления вертикали власти, «Казанский федералист», Казань, 2004, № 2, с.33-36; Климов А.А. – Особенности обоснования процесса укрупнения российских регионов в в сб. материалов конференции «Методы обоснования перспектив развития регионов», под ред. Штульберга Б. М., М., 2004, с. 146-155.

[28] Коммерсантъ 03.04.05, с.2

ответственности за региональное развитие на федеральный центр, сужение базы партнерства федерального центра, субъектов РФ и местного самоуправления в решении проблем регионального развития, дальнейшее расширение практики применения унифицированных, наиболее простых для власти подходов к управлению российским пространством, сдерживание региональных и местных инициатив, которые сегодня лежат в основе регионального развития многих стран мира (региональные кластеры, промышленные округа, предпринимательские зоны и т.п.)

Централизация власти неизбежно означает игнорирование специфики регионов в социально-экономической политике центра. А в этом, как раз, таится основная угроза стабильности российского пространства.

Таким образом, инерция усиления социально-экономической дифференциации, приобретенная в начале рыночных реформ и в период «феодального федерализма» (по В.Лысенко)[29], вызвала необходимость укрепления властной вертикали, но централизация власти, в свою очередь, может сохранить или даже усилить эту инерцию. При последующей возможной политической децентрализации накопленные противоречия могут вызвать всплеск сепаратизма.

В связи с этим, в моем представлении, необходима активизация на федеральном уровне региональной политики, имея в виду как разработку прогнозно-концептуальных документов по социально-экономической динамике российского пространства, так и перенос акцента в механизмах ее реализации с выравнивания бюджетной обеспеченности регионов на повышение глобальной конкурентоспособности региональной экономики.

При этом для отдельных частей пространства – неосвоенных, отстающих в развитии, депрессивных, проблемных – федеральным Центром должны быть выработаны специфические механизмы поддержки, стимулирующие их развитие и модернизацию в условиях глобальной конкуренции. Это могут быть инвестиционные гранты, венчурные фонды, налоговые преференции, особые зоны и другие инструменты. Разнообразию российского пространства должно соответствовать разнообразие применяемых для его развития инструментов.

Одновременно необходимо создание условий территориальным социумам для поиска путей и ресурсов решения проблем развития своих территорий. В этом смысле неизбежная в настоящее время централизация власти не должна сковывать региональные и местные инициативы и повышать риски предпринимательской деятельности.

Пилипенко И.В.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Необходимость повышения конкурентоспособности хозяйства России

Одной из наиболее актуальных проблем российской экономики является повышение конкурентоспособности ее отраслей в международном разделении труда и связанное с этим повышение жизненного уровня населения. О невысокой конкурентоспособности большинства отраслей российской экономики свидетельствует исключительно сырьевая направленность российского экспорта, сохраняющаяся после распада СССР. Так в 2002 г. на десять первых позиций (нефть, природный газ, бензин, алюминий, сталь, никель, древесина, уголь и др.) приходилось две трети общей стоимости экспорта России, а на три первых позиции (нефть, природный газ и бензин) – 53,8% [http://www.intracen.org/…].

Отечественные товаропроизводители в большинстве отраслей пока не смогли полностью адаптироваться к ужесточению конкуренции как на внутреннем, так и на внешних рынках. Исключение составляют лишь несколько отраслей: нефтегазовый сектор, где компании развиваются высокими темпами в последние 10 лет, используя потенциал, созданный еще в советское время; черная металлургия, в которой предприятия действительно сумели выжить в тяжелых условиях конца 1990-х гг. и повысили свою конкурентоспособность за счет реального снижения издержек и модернизации производства; цветная металлургия, сравнительно безболезненно пережившая потерю

[29] Лысенко В. Увядающий федерализм, «Казанский федералист» № 2 (10), 2004.

ресурсных баз в цинковой и свинцовой промышленности при распаде СССР, компании которой рационально использовали внутренние (дешевая рабочая сила и тарифы на электроэнергию) и внешние (высокие мировые цены на металлы) конкурентные преимущества; наконец, пищевая промышленность, где проникновение иностранного капитала достаточно велико, но все же российские компании занимают в ней пока лидирующее положение [Эксперт-400…, 2005].

Более того, российская экономика характеризуется чрезвычайно большими диспропорциями в конкурентоспособности и уровнем зарплат между сырьевыми отраслями, ориентированными на экспорт, и всеми остальными секторами хозяйства. Так, экспортно-ориентированный сектор обеспечивает 17% ВВП России, характеризуется наивысшей концентрацией капитала и производительностью труда в пять раз бóльшей, чем в отраслях, ориентированных на внутренний рынок, но в нем занято только 6% экономически активного населения [Белоусов, 2005]. В итоге развитость экспортно-сырьевого сектора не может обеспечить высокого уровня жизни значительной части населения страны, что было достигнуто в некоторых малых развитых странах Западной Европы, например, в Ирландии за счет развития высокотехнологичного экспорта [Barry, Bradley, O'Malley, 1999]. Становится очевидной необходимость проведения четкой политики по повышению конкурентоспособности экономики России в мировом хозяйстве с использованием отечественного опыта, накопленного в СССР, с одной стороны, и зарубежного опыта повышения национальной конкурентоспособности, с другой стороны.

Конкурентоспособные формы организации производства в мире

Теоретическую базу для анализа проблемы конкурентоспособности стран и регионов в мировом хозяйстве составляют концепции национальной и региональной конкурентоспособности, которые были объединены нами после анализа развития теоретической мысли с конца XVIII в. в три научные школы, развивающиеся в последние 20 лет: американскую, британскую и скандинавскую [Пилипенко, 2003а; 2005а]. Несмотря на то, что исследователи из этих школ подходят к задаче повышения конкурентоспособности стран и регионов с разных точек зрения, концепции имеют три общие черты.

Во-первых, все исследователи едины во мнении, что конкурентные преимущества создаются и в основном используются на региональном уровне при поддержке центральных государственных органов власти.

Во-вторых, они подчеркивают ведущее значение экономических субъектов как главных факторов в повышении конкурентоспособности экономики, т.е. используют институциональный подход в решении проблемы. Так, представители американской школы выделяют конкурентоспособные фирмы, непрерывно внедряющие инновации в производство, как основу конкурентоспособной отрасли и экономики в целом. Они также подчеркивают важную роль научно-исследовательских институтов (НИИ), получающих новые знания, трансформирующиеся позднее в инновации, а также роль государства, которое должно выступать генератором управленческих инноваций и стимулировать развитие экономики через создание благоприятных базовых условий для деятельности компаний [Porter, 2001; 2003]. Исследователи британской школы акцентируют внимание на разных типах поведения различных по размеру компаний в развивающихся и развитых странах – транснациональных корпораций, предприятий малого и среднего бизнеса [Humphrey, Schmitz, 2000; 2002]. Скандинавские ученые подчеркивают роль научно-образовательных учреждений в развитии процесса обучения в стране и внедрении инноваций в производство, а также государственную поддержку и деятельность компаний по использованию непрерывного процесса обучения для улучшения конкурентоспособности фирм и формирования «экономики обучения» [Lundvall, 1996; Lundvall, Johnson, 1994].

В-третьих, все исследователи подчеркивают роль локальных конкурентных преимуществ, необходимых для создания конкурентоспособных форм организации производства. Американские экономисты и экономико-географы выделяют такие формы организации производства как **промышленный кластер** [Porter, 1998], **региональный/локальный кластер** [Enright, 2002], **промышленные** [Markusen, 1996] и **технологические районы** [Storper, 1992]. Британская школа рассматривает **цепочки добавления стоимости**, постоянно усовершенствуемые ТНК, и локальные кластеры. Скандинавские ученые пришли к выводу о наличии **регионов обучения**, образующихся вокруг промышленных районов и региональных кластеров [Asheim, Isaksen, 1996; 2002].

Таким образом, *конкурентоспособные компании создают новые конкурентоспособные формы территориальной организации производства, определяющие конкурентоспособность отдельных отраслей и хозяйства государства в целом, а также формирующие пространственную*

структуру экономики страны. Новые формы организации производства играют ключевую роль в повышении национальной конкурентоспособности потому, что малые и средние предприятия (численно превалирующие над крупными фирмами и являющиеся основными работодателями в развитых странах (табл. 1), но имеющие в среднем более низкую производительность труда, чем крупные компании – ТНК (табл. 2)) находят в них оптимальные условия для сбалансированного развития и повышения своей производительности труда.

Следует отметить, что понятие «кластер» является в настоящее время наиболее популярным, но и одновременно неоднозначно определенным термином [Пилипенко, 2003b]. Конечно, если использовать «кластер» для обозначения всех процессов концентрации производства, то этот термин неизбежно потеряет всякий смысл. С нашей точки зрения, понятие «кластер» имеет две ярковыраженные составляющие – отраслевую и территориальную. Поэтому *нам представляется необходимым четко определиться с терминами и под промышленным кластером понимать группу родственных взаимосвязанных отраслей агропромышленного комплекса и сферы услуг наиболее успешно специализирующихся в международном разделении труда, а под региональным (локальным) кластером – группу географически сконцентрированных компаний в определенном регионе (штандорте) из смежных отраслей, производящих схожую или взаимодополняющую продукцию и характеризующихся наличием информационного обмена между фирмами-членами кластера и их сотрудниками, за счет которого повышается конкурентоспособность кластера в мировом хозяйстве.* Т.е. *мы различаем кластеры по наличию географической составляющей – к внепространственным кластерам относятся промышленные и национальные кластеры, а к пространственным – региональные, трансграничные и локальные кластеры* [Пилипенко, 2005a].

Далее возникает два вопроса: (1) что необходимо делать с кластерами как новыми конкурентоспособными формами организации производства – стимулировать их развитие или создавать с нуля?; (2) какие формы организации производства существуют в российских условиях?

Кластерная политика и кластерные инициативы

Предложенная нами классификация форм организации производства на основе различий в их генезисе (самостоятельно образующиеся за счет пространственного проявления рыночных сил и создаваемые искусственно с помощью реализации органами власти на практике результатов прикладных исследований) и структуре работающих в них фирм (малые, средние и крупные предприятия) может помочь ответить на первый вопрос [Пилипенко, 2004c].

Ввиду того, что различные типы пространственных кластеров (региональные, локальные и трансграничные) относятся к типу форм организации производства, образующихся самостоятельно за счет проявления рыночных сил, *применение к ним политики создания «с нуля» невозможно*. Создание кластера без уже сложившейся инфраструктуры и специализации местных компаний будет плохой копией ТПК в рыночных условиях с сомнительной эффективностью производства. Поэтому кластеры необходимо выделять с помощью ряда математических и социологических методов[30], а затем прорабатывать *кластерную политику стимулирования их развития.*

В настоящее время можно выделить кластерную политику двух поколений. **Кластерная политика первого поколения** представляет собой комплекс мер, осуществляемых государством по идентификации кластера, определению поля деятельности формирующих кластер фирм, созданию государственных органов поддержки кластера и осуществлению общей политики поддержания всех кластеров в стране. На первом этапе ведущую роль в исследованиях играют экономико-географы и региональные экономисты, которые с помощью средств пространственного моделирования должны выявить кластеры и определить их состав.

Кластерная политика второго поколения базируется на хорошем знании о существующих в стране кластерах. Она подразумевает индивидуальный подход к проблемам развития каждого кластера в отдельности, так как государство может выступать в качестве менеджера, заказчика, инициатора производственного процесса, брокера, сводящего производителя и потребителя внутри кластера, и быть источником финансирования для фирм, работающих в кластере. Так, М. Энрайт выделяет 4 различных типа кластерной политики, которые отличаются друг от друга по роли государства при ее проведении [Enright, 2002, p.18]:

[30] Э. Бергман и Э. Фезер выделяют 6 различных методик выделения кластеров, которые, конечно, были известны и до появления концепции промышленных и региональных кластеров: (1) использование экспертных оценок; (2) использование специальных индикаторов, например коэффициента локализации; (3) построение таблиц межотраслевых балансов (МОБ) для исследования торговли и инноваций; (4) использование теории графов и (5) проведение обзоров (опросов) [Bergman, Feser, 1999; Feser, Bergman, 2000]. Необходимо отметить, что методику МОБ и коэффициент локализации лучше использовать для выделения промышленных кластеров, а остальные методы должны применяться для выделения региональных кластеров.

1. *каталитическая кластерная политика*, когда правительство сводит заинтересованные стороны (например, частные компании и исследовательские организации) между собой, но обеспечивает ограниченную финансовую поддержку реализации проекта;
2. *поддерживающая кластерная политика*, при которой каталитическая функция государства дополняется его инвестициями в инфраструктуру регионов, образование, тренинг и маркетинг для стимулирования развития кластеров;
3. *директивная кластерная политика*, когда поддерживающая функция государства дополняется проведением специальных программ, нацеленных на трансформацию специализации регионов через развитие кластеров;
4. *интервенционистская кластерная политика*, при которой правительство наряду с выполнением своей директивной функции перенимает у частного сектора ответственность за принятие решения о дальнейшем развитии кластеров и посредством трансфертов, субсидий, ограничений или регулирования, а также активного контроля над фирмами в кластере, формирует его специализацию.

Таким образом, в зависимости от поставленных целей и культуры предпринимательства в стране государство может играть различную роль в проведении кластерной политики. Например, относительно малых развитых стран Западной и Северной Европы необходимо сказать, что в большинстве из них в настоящее время осуществляется кластерная политика первого поколения, так как исследования формирования кластеров еще продолжаются. Государственная кластерная политика второго поколения, которую можно отнести, по Энрайту, к типу поддерживающей, проводится в Финляндии, Австрии, Швеции и Нидерландах, где в 2002 г. правительством страны была инициирована программа, ориентированная на решение индивидуальных проблем национальных кластеров.

Согласно исследованию Энрайта, в 40% из 160 региональных кластеров, развивающихся в настоящее время в мире, локальные и региональные органы власти проводят поддерживающую кластерную политику. Каталитическая политика проводится национальными, региональными и локальными органами власти по отношению к примерно 20% региональных кластеров, директивная – по отношению к 5% кластеров, а интервенционистская – для 2-3% кластеров. При этом наблюдается следующая тенденция: при движении по правительственной вертикали сверху вниз (от наднациональных как Европейский союз и национальных к региональным и местным органам власти) увеличивается доля правительств, проводящих специализированную кластерную политику – от 18 до 70% [Enright, 2000, p. 16]. Т.е. видна четкая тенденция: чем «ближе» к региональному кластеру находятся государственные органы, тем они более интенсивно проводят кластерную политику. Это доказывает необходимость активного участия региональных и местных властей в кластерной политике, так как они могут более оперативно и эффективно решать вопросы, связанные со стимулированием развития местных кластеров.

Также инициаторами проведения кластерной политики могут выступить не только центральные органы управления, которые проводят кластерную политику «сверху», но и региональные власти или местные объединения предпринимателей, предлагающие реализацию программ стимулирования развития кластеров «снизу» [Пилипенко 2004a; 2005c]. Такие программы получили название **кластерная инициатива** (cluster initiative), которая определяется как *организованная попытка увеличить темпы роста и конкурентоспособность кластера в определенном регионе, вовлекая в процесс кластерные фирмы, государство и/или исследовательские институты* [Sölvell, Lindqvist, Ketels, 2003]. Необходимо различать термин «кластерная инициатива», в рамках которой снизу инициируется программа повышения конкурентоспособности фирм и хозяйства региона, и термин «региональный кластер» или «промышленный кластер», которые могут быть выделены с помощью математических методов и в отношении которых может не проводиться никакой целенаправленной государственной политики.

Для того чтобы обобщить знания о кластерных инициативах, шведские исследователи О. Сольвелл, Г. Линдквист и К. Кетельс провели исследование, в результате которого выяснилось, что в 2003 г. в мире развивалось 509 кластерных инициатив, из них 238 – участвовали в проведенном ими опросе. По странам кластерные инициативы распределились следующим образом: Новая Зеландия – 32 кластерные инициативы; США – 28; Великобритания – 25; Япония – 20; Австралия, Австрия и Испания – по 13; Финляндия и Швеция – по 11; Германия – 10; Бельгия и Дания – 8; Венгрия, Нидерланды, Франция и трансграничные кластеры (кластеры, располагающиеся на территории нескольких государств) – по 5; Канада и Норвегия – 4; Кипр, Монголия, Турция и Эстония – по 2; Ирландия, Исландия, Латвия, Литва, Малайзия, Польша, Чили, Швейцария и ЮАР – по 1 кластерной

инициативе. Как видно наиболее активно кластерную политику проводят развитые страны и страны Центрально-Восточной Европы. При этом наиболее распространенными отраслями являются: информационные технологии, медицинское оборудование, производственные технологии, телекоммуникационное оборудование, биотехнологии, фармацевтика и автомобильная промышленность. Большая часть кластерных инициатив (72%) стартовала с 1999 г., т.е. процесс активно развивается всего 5 лет (рис. 1).

В итоге можно выделить два общих типа кластерной политики:

1. **кластерная политика «сверху-вниз»** – инициаторами являются федеральные и региональные органы власти; с помощью различных методик исследовательскими организациями выявляются промышленные и региональные кластеры в хозяйстве страны или региона; определяются институты, которые способны оказать помощь кластерам (кластерная политика первого поколения); далее осуществляется комплекс мер по стимулированию развития кластеров (кластерная политика второго поколения).
2. **кластерная политика «снизу-вверх»** – инициатива идет в основном со стороны местных органов власти и объединений местных предпринимателей; определяется круг компаний и институтов, формирующих кластер; нанимаются менеджеры для создания и дальнейшего развития кластерной инициативы.

Формы организации производства в России

Главный вопрос для России, страны обладающей большим научным потенциалом и необходимым «каркасом» из исследовательских организаций, состоит в том, каким образом можно повысить производительность труда и, следовательно, зарплаты и жизненный уровень населения, не занятого в экспортно-сырьевом секторе. Опыт развитых стран Западной Европы показывает необходимость постепенного внедрения кластерной политики повышения конкурентоспособности регионов и страны в целом, разработки стратегий инновационного развития регионов и поощрение развития кластерных инициатив [Пилипенко, 2005a]. Однако простое копирование зарубежных методик в российских условиях приведет скорее к отрицательному результату и их дискредитации, что подтверждается отечественным опытом прежних лет.

Необходимо учитывать, что современная территориальная структура хозяйства России была полностью сформирована в советский период для достижения конкретных целей в условиях плановой экономики и полной интеграции с другими республиками СССР. В отличие от развитых стран в России до сих пор превалируют крупные предприятия, на которых в 2004 г. согласно официальной статистике было занято почти 84% экономически активного населения и создавалось почти 85% ВВП страны [Динамика развития…, 2005, с.25]. Еще меньшую долю (менее 10%) в ЭАН и ВВП занимает малое предпринимательство в других странах СНГ (табл. 3).

Крупные заводы были построены в рамках централизованной системы планирования в жесткой привязке к таким факторам размещения как источники сырья, топлива и местонахождения потребителя (также зачастую промышленных заводов). В восточных регионах бывшего СССР в пространстве еще более четко проявляется взаимодействие между отраслями специализации и комплексирующими производствами, построенными в рамках теории территориально-производственных комплексов (ТПК) для оптимизации использования природных ресурсов.

Хотя собственники предприятий за последние 14 лет изменились и образовались финансово-промышленные группы, производственная кооперация и товарные цепочки между заводами ввиду целесообразности не могли кардинально поменяться, а о создании новых сетевых структур поставщиков из малых и средних предприятий для крупных заводов по западному образцу говорить пока преждевременно. Поэтому выделение промышленных (национальных) кластеров в России с помощью коэффициента локализации и методики МОБ будет повторять исследования по построению ТПК (регион – его исходные параметры – промышленная структура), только в обратной последовательности.

Различия между доминирующими формами организации производства в российской экономике и развитых странах определяют специфику проведения кластерной политики в России. В проведенном нами сопоставлении основных характеристик ТПК и пространственных кластеров, было выявлено существование глубоких различий между этими двумя формами организации производства [Пилипенко, 2004a; 2004b]. Однако при этом необходимо отметить, что кластеры и ТПК не противоречат друг другу, но существуют параллельно в различных отраслях хозяйства России.

Перспективными, по нашему мнению, являются исследования формирования новых пропульсивных отраслей хозяйства, развивающихся после перехода нашей страны к рыночной

экономике в 1991 г. и имеющих в своем составе большое количество малых и средних предприятий – производство информационно-телекоммуникационного оборудования, программного обеспечения, биотехнологий, новых конструкционных материалов и т.п., а также связанной с ними сферы услуг. В создании ВВП страны и занятости населения компании этих отраслей играют пока незначительную роль. Однако они обладают необходимым потенциалом для роста и являются неотъемлемой частью будущих региональных инновационных систем, в которых формируются цепочки трансформации идей в инновации: получение знаний в вузах и НИИ – внедрение инноваций в производство в технопарках, научных парках и т.п. – производство высокотехнологичной продукции в кластерах малых и средних предприятий – взаимодействие с местными и иностранными ТНК [Пилипенко, 2005a]. Кроме того, в будущем малые и средние предприятия могут стать поставщиками для более крупных заводов, которые будут с их помощью модернизировать свою структуру. Потенциал новых пропульсивных отраслей хозяйства может быть использован при переходе России к новой техно-экономической парадигме через инновационное развитие отдельных регионов страны, о чем свидетельствует пример Новосибирской области.

В Академгородке Новосибирска развивается в настоящее время около 150 высокотехнологичных компаний в разных пропульсивных отраслях хозяйства [Попов, 2004]. При этом более 20-ти компаний, работающих в Академгородке в отрасли информационных технологий (ИТ-отрасли), формируют в настоящее время классический локальный ИТ-кластер. В рамках кластера компании взаимодействуют как между собой, так и с научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, так как они являются поставщиками потенциальных высококвалифицированных сотрудников для этих фирм. В 2003 г. компании являлись работодателями для более чем 2 тыс. специалистов-компьютерщиков и имели оборот более 30 млн долл. Основной специализацией этих ИТ-фирм является оффшорное программирование[31]. Это дало возможность, с одной стороны, избежать «утечки мозгов» за рубеж и, с другой стороны, одновременно резко повысить производительность труда и уровень жизни в районе. В настоящее время Новосибирск является третьим после Москвы и Санкт-Петербурга центром ИТ-отрасли в России, и сибирские компании постепенно диверсифицируют свое производство, ориентируясь также на внутренний рынок, хотя и не получают существенной поддержки от государственных структур [Пилипенко, 2005b].

Как видно на этом примере, для решения проблем по повышению конкурентоспособности России в мировом хозяйстве необходима разработка государственной стратегии конкурентоспособного развития страны и региональных инновационных систем, которая включала бы комплекс мер, осуществляемых на макро- (федеральный), мезо- (региональный) и микро- (локальный) уровнях:

- Макроуровень (федеральные власти) – определение текущей и будущей техно-экономической парадигмы развития хозяйства страны; поддержка и совершенствование системы образования и НИИ в стране; создание общих благоприятных условий функционирования малых и средних предприятий в стране и поддержка импортозамещающих технологий, разработанных отечественными компаниями; содействие развитию уже существующих и новых инновационных форм организации НИОКР и производства (технопарки, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, центры знаний и т.п.); проведение кластерной политики «сверху-вниз» – определение новых «точек роста» в территориальной структуре хозяйства страны, развивающихся в пропульсивных отраслях экономики – региональных и локальных экспортно-ориентированных кластеров малых и средних предприятий, и стимулирование их дальнейшего развития.
- Мезоуровень (региональные власти) – определение текущих и будущих конкурентных преимуществ региона во внутристрановом и международном разделении труда; создание положительного образа (бренда) региона на внутрироссийском и международном уровне; координация кластерной политики «сверху-вниз» и «снизу-вверх»; стимулирование развития региональных и локальных кластеров, поощрение развития кластерных инициатив; формулирование стратегии инновационного развития региона; поощрение производства наукоемкой продукции и включения местных компаний в глобальные цепочки добавления стоимости; формирование региональной инновационной системы (выявление слабых сторон в ее современной структуре и стимулирование их развития); привлечение крупных российских

[31] Производство программного обеспечения на экспорт по заказу иностранных компаний и под чужими торговыми марками.

компаний и иностранных ТНК в регион для создания новых рабочих мест и обмена технологиями/менеджментом с местными предприятиями.

- Микроуровень (местные власти) – поддержка или начало кластерных инициатив, объединяющих местные компании и исследовательские организации – проведение кластерной политики «снизу-вверх»; помощь в развитии инновационных форм организации НИОКР и производства; продвижение идей об инновационных и конкурентоспособных формах организации производства и кооперации между предприятиями через образовательные курсы, маркетинг и т.п.

В будущем можно прогнозировать развитие «дуалистичной» пространственной структуры хозяйства России – с одной стороны, будут модернизироваться штандорты крупных предприятий в традиционных отраслях промышленности, построенных в советские годы в рамках теории ТПК, а с другой – будут формироваться региональные и локальные кластеры с преимущественно малыми и средними предприятиями в новых отраслях промышленности и сферы услуг. Однако такое сбалансированное развитие хозяйства страны невозможно без проведения политики по повышению конкурентоспособности через стимулирование развития новых форм внутристрановой пространственной организации производства и кооперации между основными акторами в экономике страны. Только за счет координирования действий и объединения усилий государственных органов власти, образовательных и научных учреждений, малого и крупного бизнеса можно добиться успеха, повысить конкурентоспособность хозяйства и жизненный уровень населения России в условиях жесткой конкуренции в международном разделении труда.

Литература:

1. Белоусов А.Р. Бизнес-идея развития. // «Эксперт». №38 (484), 10 октября 2005. [http://www.expert.ru/expert/current/data/38-belous1.shtml].
2. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2004 году: информационно-аналитический доклад. // Рабочий центр экономических реформ при Правительстве РФ/НИСИПП. – М., 2005. – 36 с. [http://www.nisse.ru]
3. Пилипенко И.В. (2003a) Анализ основных зарубежных теорий конкурентоспособности стран и регионов в мировом хозяйстве // Известия Академии Наук. Серия географическая. – 2003. №6. – С. 15-25.
4. Пилипенко И.В. (2004a) Кластеры и территориально-производственные комплексы: различия двух концепций // Проблемы геоконфликтологии. Т. 2. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: «Пресс-Соло», 2004. – С. 4-49.
5. Пилипенко И.В. (2003b) Конкурентоспособность регионов: анализ теории кластеров М. Портера и региональных кластеров М. Энрайта // Сборник материалов ежегодной сессии «Города и городские агломерации в региональном развитии» экономико-географической секции МАРС, Пущино, 23-25 мая 2003 г. / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 2003. – С. 86-94.
6. Пилипенко И.В. (2005a) Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Москва-Смоленск, 2005. – 496 с.
7. Пилипенко И.В. (2004b) Принципиальные различия в концепции промышленных кластеров и территориально-производственных комплексов. // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. – 2004, №5. – С. 3-9.
8. Пилипенко И.В. (2004c) Развитие концепций конкурентоспособности стран и регионов и эволюция пространственных форм организации производства // «Проблемы приграничных регионов России». Сборник материалов ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Белгород / Харьков, 5-7 июня 2004 г. / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 2004. – С. 33-42.
9. Пилипенко И.В. (2005b) Региональная модель геоэкономической стратегии повышения конкурентоспособности России: перспективы развития региональных инновационных систем в Томской и Новосибирской областях // «Безопасность Евразии» – 2005. №2. – С. 418-429.
10. Пилипенко И.В. (2005c) Факторы и методы повышения конкурентоспособности стран и регионов: анализ теоретических подходов / Сборник научных трудов молодых ученых «Региональная наука». – М.: СОПС, 2005. – С. 8-20.
11. Попов А. «Теневая» наука просит помощи // «Континент Сибирь». – №10 (384), 19 марта 2004. [http://com.sibpress.ru/154/154-52-64.html]
12. Системы поддержки и развития малого бизнеса за рубежом. / Под ред. А.В. Рунова. – М.: Издательство «Уникум Пресс», 2003. – 368 с.
13. Эксперт-400: Рейтинг крупнейших предприятий России – 2005 год. // «Эксперт». №38 (484), 10 октября 2005. [http://www.expert.ru/expert/ratings/exp200/exp2005/38-exp400ogl.shtml].
14. Asheim B.T., Isaksen A. Location, agglomeration and innovation: Towards regional innovation systems in Norway? STEP GROUP, Report №13-96, Oslo, 1996. – 64 p.
15. Asheim B.T., Isaksen A. Regional Innovation Systems: The integration of Local “Sticky” and Global “Ubiquitous” Knowledge // Journal of Technology Transfer, vol. 27, issue 1, 2002. – pp. 77-86.
16. Barry F., Bradley J., O’Malley E. Indigenous and Foreign Industry: Characteristics and Performance // Understanding Ireland’s Economic Growth / Edited by F. Barry. L.: McMillan Press, N.Y.: St. Martin's Press, 1999. – pp. 45-75.
17. Bergman E., Feser E. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications. Regional Research Institute, West Virginia University, 1999. [http://www.rri.wvu.edu]
18. Enright M.J. Regional Clusters: What we know and what we should know. Paper prepared for the Kiel Institute International Workshop on Innovation Clusters and Interregional Competition, 2002. – 25 p.
19. Enright M.J. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results. Working Paper, Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program, University of Hong Kong, 2000. – 21 p.
20. Feser E.J., Bergman E.M. National Industry Cluster Templates: A Framework for Applied Regional Cluster Analysis // Regional Studies, Vol. 34.1, 2000. – pp.1-19.
21. Humphrey J., Schmitz H. Developing Country Firms in the World Economy: Governance and Upgarding in Global Value Chains. Institut für Entwicklung und Frieden der Gerhard-Mercator-Universität Duisburg, INEF Report, Heft 61, 2002. – 37 p.
22. Humphrey J., Schmitz H. Governance and Upgrading: Linking Industrial Cluster and Global Value Chain Research. IDS Working Paper №120, 2000. – 37 p.
23. Lundvall B.-Å. The Social Dimension of the Learning Economy. DRUID Working Paper №96-1, 1996. – 29 p.
24. Lundvall B.-Å., Johnson B. The Learning Economy // Journal of Industry Studies, Vol. 1, 1994. – pp. 23-42.
25. Markusen A. Sticky Places in Slippery Space: A Typology of Industrial Districts // Economic Geography, Vol. 72, Issue 3, July 1996. – pp. 293-313.
26. Porter M.E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review, November-December, 1998. – pp. 77-90.

27. Porter M.E. Innovation and Competitiveness: Findings on the Netherlands. // Lecture given on the Conference «Organizing Innovation in the Knowledge-Based Economy», The Hague, December 3, 2001. – 50 p.
28. Porter M.E. The Economic Performance of Regions: Measuring the Role of Clusters // Gothenburg: TCI Conference, 19.09.2003. – 44 p.
29. Small Businesses, Job Creation and Growth: Facts, Obstacles and Best Practices. Paris: OECD, 1997. – 54 p.
30. Sölvell Ö., Lindqvist G., Ketels Ch. The Cluster Initiative Greenbook. The Competitiveness Institute/VINNOVA, Gothenburg, 2003. – 94 p.
31. Storper M. The Limitations to Globalization: Technology Districts and International Trade // Economic Geography, Vol. 68, Issue 1, January 1992. – pp. 60-93.
32. [http://www.intracen.org/tradstat/welcome.htm] - сайт Международного торгового центра ООН

Клюев Н.Н.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СИНДРОМ[32]

Для определения природно-хозяйственной (экологической) специфики территориальных единиц используются либо наиболее информативные показатели-индикаторы, либо некоторая взаимосвязанная совокупность параметров.

Важнейшим интегральным индикатором является соотношение, с одной стороны, энергопотребления (отражающего величину нагрузки на природу), а с другой - биологической продуктивности естественных ландшафтов, которая в значительной мере характеризует устойчивость природы к техногенезу. Эти соотношения отражены на рис.1. Для его составления использованы данные о биологической продуктивности Н.И.Базилевич и её последователей [4, с.94]. Поскольку Росстат не располагает информацией об энергопотреблении по регионам, вместо них использовались данные о потреблении электроэнергии.

По удельному (на единицу территории) электропотреблению в Центре ярко выделяется столичный регион, а на Северо-Западе – Ленинградский. Удельное потребление электроэнергии в большинстве сибирских регионов невелико (исключение составляет Кемеровская обл.), но по абсолютным величинам оно значительно в Тюменской обл., Красноярском крае, Иркутской и Свердловской обл. В результате эти преимущественно лесные регионы можно сказать «расходуют» создаваемую здесь немалую долю биологической продукции страны. Чистыми «нетто-производителями» биологической продукции выступают лишь Дальний Восток и южно-сибирские территории. Составленная для выявления природно-хозяйственной дифференциации страны, эта картосхема имеет и сопутствующее прикладное значение. Она может быть полезна для определения ответственности регионов за использование и деградацию природной среды.

При всей важности соотношения энергопотребления и продуктивности ландшафтов в качестве индикатора экологической обстановки этот показатель, естественно, не отражает реального многообразия региональных проблем. Для характеристики регионального экологического синдрома (т.е. комплекса признаков, характеризующих специфическую экологическую патологию) выбраны следующие показатели:

1) добыча ископаемого сырья на единицу территории;
2) водопотребление на единицу речного стока;
3) количество опасных объектов на единицу территории;
4) сброс загрязненных сточных вод на единицу речного стока;
5) выбросы вредных веществ в атмосферу на единицу застроенной территории;
6) токсичные твердые отходы (за исключением утилизируемых) на единицу территории.

Эти показатели были нормированы по отношению к среднему значению, полученные данные просуммированы – рис.2. Расчёты произведены по данным: [1;2;3;5]. Эту картосхему наряду с рис 1. следует рассматривать как отражение остроты экологических проблем по регионам России. Они характеризуют её гораздо точнее, чем, например, картограммы промышленной продукции, оцененной в рублях, на единицу территории. Хотя корреляция показателей плотности промышленности и интегральных экологических характеристик оказалась достаточно высокой (r=+0,68), и в том, и в другом случаях к числу самых неблагополучных относятся такие регионы, как столичные области, а также Липецкая, Челябинская, Тульская.

[32] Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №05-06-80298).

Весьма наглядно своеобразие российских регионов удалось отразить с помощью т.н. «региональных экологических пирамид» - рис.3. Для их построения рассчитаны доли регионов в добыче природного сырья, промышленном производстве и отходах производства всей страны. В результате выявляются не только «природоёмкие» (т.е. ресурсодобывающие) и «отходопроизводящие» регионы, но и что гораздо интереснее – типы экологических пирамид по соотношению изъятия ресурсов, производства продукции и образованию производственных отходов. Использовались следующие источники данных: [1;3]. Поскольку Росстат не публикует данные о добыче руд цветных металлов, объемы их добычи по регионам страны оценены экспертно и, следовательно, очень приблизительно. В расчетах учитывалось извлечение из недр только полезных компонентов и не принимались во внимание объемы извлекаемых вскрышных и вмещающих пород. Последние лишь частично учитывались в составе производственных отходов (в части токсичных отходов). Доля региона в отходах производства всей страны рассчитывалась как средняя доля региона в стране по атмосферным выбросам, сбросам загрязненных сточных вод и количеству токсичных отходов. В дальнейшем эти сугубо предварительные расчеты надлежит уточнить на основе более детальной информации.

Выявляются следующие принципиально возможные типы пирамид - рис.4. Экологически оптимальная пирамида с доминированием производственного кольца - пирамида, по-видимому, характерна для Швейцарии на мировой экологической карте, хотя это и последующие страновые сопоставления нуждаются в уточнении (вернее – точном расчёте) на основе детального экологического анализа национальных экономик. «Природоёмкую» и «отходопроизводящую» пирамиду, вероятно, можно назвать «российской». Россия, к сожалению, выделяется на мировом фоне именно таким соотношением эколого-экономических параметров. «Классическую» пирамиду («ёлочку»), по-видимому, можно назвать «канадской». Перевернутая, неустойчивая пирамида с доминированием блока отходов – это, вероятно, Китай на мировом фоне. Пирамиду с гипертрофией производства и отходов при минимальном добывающем кольце есть основания считать «японской». Наконец, выявляется относительно сбалансированная пирамида: {извлечение=производство=отходы }. На рис.5 представлены российские регионы с типичными видами пирамид. Здесь, в отличие от предыдущего рисунка, где были приведены идеальные пирамиды (принципиально возможные), отражены реальные соотношения между производством, добычей минеральных ресурсов и выходом отходов по регионам страны.

Замечу, что экологическая оптимальность в Татарстане, конечно, относительна. Из рис. 1 и 2 можно было видеть, что эта республика является проблемным регионом. Пирамида лишь показывает, что за свои экологические проблемы республика имеет компенсирующую экономическую выгоду. И наоборот, в Кемеровской и Челябинской областях экологические издержки перевешивают над выгодой.

Наконец, рис.6 показывает распределение регионов нашей страны по типам пирамид. Естественно, в России преобладает российский тип, второй по распространенности – китайский. Швейцарский тип в России встречается нечасто.

Таковы некоторые новые приемы определения экологического облика российских регионов. Важнейшей на сегодня географической задачей является изучение пореформенной трансформации этих синдромов.

Литература

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2001 г.». – М.: Гос. центр экологических программ, 2002. – 452 с.
2. Лесной фонд СССР.- Т.1.-М.,1990.
3. Российский статистический ежегодник. 2004: Стат.сб./Росстат. - М., 2004. - 725 с.
4. Россия и ее регионы: внешние и внутренние экологические угрозы. / Клюев Н.Н. и др. - Под ред. Н.Н.Клюева. – М.: Наука, 2001. 216 с.
5. Шахраманьян М.А., Акимов В.А., Козлов К.А. Оценка природной и техногенной безопасности России: теория и практика. – М.: ФИД «Деловой экспресс», 1998. – 218 с.

Тархов С.А.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ПОСТ-СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА[33]

Что произошло с административно-территориальным делением пост-советского пространства за 14 лет после распада СССР? Чтобы ответить на это вопрос, нами была собрана и обобщена информация об изменениях административно-территориального деления (АТД) каждой из бывших советских республик за 1991-2005гг.

В 1991гг. СССР делился на 15 союзных республик: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), Белорусская ССР, Узбекская ССР, Казахская ССР, Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, Литовская ССР, Молдавская ССР, Латвийская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Армянская ССР, Туркменская ССР, Эстонская ССР. Многие республики были разделены также на области, края, автономные республики и округа. Всего к моменту распада СССР в нем было 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов, выделенных по национальному признаку, а также 129 областей и краев. СССР формально распался 25 декабря 1991г.

8 декабря 1991г. лидерами России, Украины и Белоруссии было создано Содружество Независимых Государств (СНГ), к которому затем присоединились Молдова, Казахстан, Армения, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Туркменистан, Грузия. Всего в СНГ вошло 12 новых пост-советских государств. К нему не примкнули бывшие союзные республики Прибалтики (Эстония, Латвия и Литва). В 2005г. из состава СНГ выходит Туркменистан.

Таблица 1.

Территория и население стран СНГ и Балтии в 1989-2005гг.

(Источники: СНГ в 2004г. – М.: МСК СНГ, 2005; Factbook; www.world-gazetteer.com)

страна	Территория тыс. кв.км	Численность населения, тыс. чел. в			Столица и число жителей в ней (тыс. чел. в 2005г.; источник: www.world-gazetteer.com)
		1989г., перепись	По последней национальной переписи (год ее проведения)	2005г., оценка Factbook	
Россия	17.075,4	147.022	145.164 (2002г.)	143.420	Москва – 10.381
Украина	603,7	51.452	48.241 (2001г.)	47.425	Киев – 2514
Узбекистан	447,4	19.810	-	26.851	Ташкент – 1978
Казахстан	2717,3	16.465	14.953 (1999г.)	15.186	Астана – 346
Белоруссия	207,6	10.152	10.045 (1999г.)	10.301	Минск – 1742
Азербайджан	86,6	7.021	7.953 (1999г.)	7.912	Баку – 1117
Таджикистан	143,1	5.093	6.127 (2000г.)	7.164	Душанбе – 543
Киргизия	198,5	4.258	4.823 (1999г.)	5.146	Бишкек – 896
Туркменистан	488,1	3.523	4.438 (1995г.)	4.952	Ашхабад – 798
Грузия	69,7	5.401	4.371 (2002г.)	4.677	Тбилиси – 1049
Молдова	33,7	4.335	3.386* (2004г.)	4.455	Кишинев – 593
Литва	65,3	3.675	3.484 (2001г.)	3.597	Вильнюс – 542
Армения	29,8	3.305	3.201 (2001г.)	2.983	Ереван – 1093
Латвия	64,6	2.667	2.377 (2000г.)	2.290	Рига – 743
Эстония	45,2	1.566	1.370 (2000г.)	1.333	Таллинн – 394
ВСЕГО	22.403,0	286.717	…	287.692	

* без Приднестровья

Из таблицы 1 видно, что после распада СССР население многих бывших республик сократилось; особенно сильно – в Эстонии (-14,9%), Латвии (-14,1%), Грузии (-13,4%), Армении (-9,7%), Украине (-8,2%), Казахстане (-7,8%), России (-2,5%). В Литве (-2,1%), Белоруссии (+1,5%) и Молдове (+2,8%) после некоторого спада численность населения незначительно увеличилась. Совсем иная картина в среднеазиатских странах и Азербайджане. Здесь она увеличивалась по-прежнему благодаря высокому уровню рождаемости. Особенно быстро росло население в Таджикистане (+40,7%), Туркмении (+40,6%), Узбекистане (+35,5%), Киргизии (+20,9%) и Азербайджане (+12,7%). Общая численность населения бывшего СССР, несмотря на массовую эмиграцию, все же

[33] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 04-06 80450

увеличилась в 1989-2005гг. на 0,3%; если же сравнивать с 1991г. (290.077 тыс. чел.), то она сократилась на 0,2%.

Азербайджан

В ноябре 1990г. Нахичеванская АССР была преобразована в Нахичеванскую Республику (столица – г.Нахчыван).

В сентябре 1991г. Нагорно-Карабахская автономная область объединилась с Шаумяновским районом Азербайджана в Нагорно-Карабахскую Республику (4,4 тыс. кв. км; 6 районов, население 194 тыс. чел. (1991г.), столица – г.Степанакерт), провозгласив свою независимость от Азербайджана. Она перестала подчиняться Баку, и была признана только Арменией. В ответ Верховный Совет Азербайджана ликвидировал в ноябре 1991г. Нагорно-Карабахскую АО и не признал самопровозглашенную Нагорно-Карабахскую республику (НКР). В ходе армяно-азербайджанской войны 1991-94гг. войсками НКР было занято около 20% прилегающей к ней территории Азербайджана (Лачинский коридор, Агдам, южные районы Низменного Карабаха – Зангеланский, Кубатлинский, Джебраильский, Физулинский, откуда бежали все азербайджанцы; эти районы обозначены * в табл.2).

Административно-территориальное деление остальной территории страны по сравнению с 1991г. изменилось мало (см. табл.2): в 2003г. имелось 59 районов и 7 городов-муниципалитетов в основной части; 6 районов и 1 город-муниципалитет – в Нахичеванской автономной республике. Территория по-прежнему делится на районы, часть из которых были объединены или изменены их границы. Проектировавшееся разделение территории на области до сих пор не осуществлено.

Таблица 2.

Административно-территориальное деление в 2003г.и численность населения районов и городов Азербайджана в 1999-2004гг. (тыс. чел.)

* - районы, входящие в состав непризнанной Нагорно-Карабахской Республики или занятые ее войсками

Районы и города	Площадь, кв. км	Население, тыс. чел. на 27.01.1999г.	Население, тыс. чел. на 1.1.2004г.	Административный центр
Абшерон (б. Апшеронский)	1360	81,8	89,9	Хырдалан
Агдам*	1150	153,3	163,0	Агдам
Агдаш	1050	89,2	93,3	Агдаш
Агджабеди	1760	107,8	112,6	Агджабеди
Агстафа (б. Акстафа)	1500	73,9	76,1	Агстафа
Город Али-Байрамлы	30	69,5	72,1	-
Астара	620	84,3	89,6	Астара
Ахсу	1020	62,3	65,8	Ахсу
Город Баку	2130	1788,9	1839,8	-
Балакен (б. Белоканы)	920	83,7	86,0	Балакен
Барда	960	129,6	135,1	Барда
Бейлаган (б.Ждановск)	1130	78,5	81,0	Бейлаган
Биласувар (б. Пушкино)	1400	74,9	80,0	Биласувар
Габала (б. Куткашен)	1550	82,8	88,3	Габала
Гадабей (б. Кедабек)	1290	86,2	89,4	Гадабей
Газах (б. Казах)	700	81,0	83,7	Газах
Гах (б. Кахи)	1490	51,2	52,9	Гах
Геранбой (б.Касум-Исмаилов)	1790	86,6	90,1	Геранбой
Гобустан	1370	34,2	36,8	Мараза
Гойчай (б. Геокчай)	740	100,5	104,3	Гойчай
Губа (б. Куба)	2580	136,8	142,0	Губа
Губадлы * (б.Кубатлы)	800	32,9	34,7	Губадлы
Гусар (б. Кусары)	1540	80,8	83,9	Гусар
Город Гянджа	110	299,3	303,1	-
Дашкесан	1050	30,4	31,7	Дашкесан
Девечи (б. Дивичи)	1090	46,0	48,1	Девечи
Джалилабад	1440	170,0	179,6	Джалилабад
Джебраил *	1050	59,3	64,2	Джебраил
Евлах	1540	108,2	111,6	Евлах
Загатала (б.Закаталы)	1350	107,2	110,8	Загатала
Зангилан * (б. Зангелан)	710	35,3	36,7	Зангилан
Зардаб	860	46,1	48,7	Зардаб
Имишлы	1820	104,0	108,2	Имишлы
Исмаиллы	2060	72,1	75,5	Исмаиллы

Кельбаджар *	3050	66,2	71,1	Кельбаджар
Кюрдамир	1630	92,2	97,3	Кюрдамир
Лачин*	1840	63,2	67,2	Лачин
Ленкеран (б. Ленкорань)	1540	189,9	196,1	Ленкеран
Лерик	1080	63,3	68,4	Лерик
Масаллы	720	173,9	182,3	Масаллы
Город Мингечевир (б.Мингечаур)	130	94,0	95,1	-
Город Нафталан	2	7,6	7,5	-
Нефтчала (б. Нефтечала)	1450	71,5	74,7	Нефтчала
Огуз (б. Варташен)	1220	36,5	38,4	Огуз
Саатлы	1180	82,7	86,4	Саатлы
Сабирабад	1470	136,9	142,3	Сабирабад
Сальян (б. Сальяны)	1790	112,0	116,4	Сальян
Самух	1450	49,7	50,5	Набиагалы
Сиазан	700	33,5	35,3	Сиазан
Город Сумгайыт (б.Сумгаит)	80	283,2	290,7	-
Тертер * (б. Мир-Башир)	960	92,2	94,8	Тертер
Товуз (б. Тауз)	1900	142,9	148,8	Товуз
Уджар (б. Уджары)	850	71,3	73,9	Уджар
Физули *	1390	136,5	143,6	Физули
Хаджигабул	1640	57,9	60,5	Гази-Маммад (б. Кази-Магомед)
Город Ханкенди (Степанакерт)*	8	54,5	54,7	-
Ханлар	1030	53,3	54,7	Ханлар
Хачмаз (б. Хачмас)	1050	144,3	151,0	Хачмаз
Ходжавенд *	1460	39,6	40,5	Ходжавенд
Ходжалы * (Аскеран)	940	23,8	24,6	Ходжалы
Хызы	1850	13,1	13,7	Хызы
Шамахы (б. Шемаха)	1610	80,6	84,8	Шамахы
Шамкир (б. Шамхор)	1660	173,4	179,6	Шамкир
Шеки	2430	157,4	163,3	Шеки
Шуша *	290	24,3	25,7	Шуша
Ярдымлы	670	49,0	53,4	Ярдымлы

Нахичеванская автономная республика

Нахичеванская АР	5500	354,1	369,8	Нахчыван (б.Нахичевань)
Город Нахчыван (б. Нахичевань)	130	63,1	64,4	-
Бабек	1170	71,4	…	Бабек
Джульфа	1000	35,9	…	Джульфа
Ордубад	970	40,6	…	Ордубад
Садарак	150	12,0	…	Садарак
Шарур (б. Ильичевск)	1160	110,7		Шарур
Шахбуз	920	20,3	…	Шахбуз

Население Азербайджана увеличивалось во всех районах, но быстрее в Баку, Нахичеванской республике и районе Джалилабад.

Население непризнанной Нагорно-Карабахской Республики на 1 октября 2004г. по оценке местного правительства составляло 146,6 тыс. чел. (в 1991г. – 194 тыс.). В состав НКР входят 6 районов: Аскеран, Гадрут, Мардакерт, Мартуни, Шаумян, Шуши. Столица НКР – Степанакерт. Шаумяновский район НКАО был упразднен Верховным Советом Азербайджана в январе 1991г. и включен в состав Касум-Исмаиловского района, который в связи с этим был переименован в Геранбойский (см. табл.2). Однако де-факто он остался в составе НКР. Площадь НКР официально составляет 4,4 тыс. кв. км; прилегающая территория Азербайджана, занятая войсками НКР (включая саму НКР), составляет 13 тыс. кв. км.

Армения

Административно-территориальное деление страны изменилось в ноябре 1995г., когда вместо советских районов территория была разделена на 10 областей (см. табл.3). После этого АТД не менялось.

Таблица 3.

Административно-территориальное деление в 2005г.и численность населения областей Армении в 1995-2005гг.(тыс. чел.)

Области (марзы)	Площадь (кв. км)	Население, тыс. чел. в 1995г.	Население, тыс. чел. в 2001г.	Население тыс. чел. на 1.07.2005г.	Административный центр (население тыс. чел. в 2001г.)
Армения	**29.743**	**3759,8**	**3213,0**	**3215,9**	Ереван – 1103,5
Арагацотн	2753	161,7	138,3	139,3	Аштарак – 21,5
Арарат	2096	302,1	272,0	273,7	Арташат – 25,1
Армавир	1242	314,0	276,2	278,4	Армавир (б. Октемберян) – 32,0
Вайоцдзор	2308	69,7	56,0	55,8	Ехегнадзор – 8,2
Гегаркуник	5348	255,8	237,7	239,2	Гавар (б. Камо) – 26,6
Котайк	2089	327,1	272,5	274,6	Раздан – 52,8
Лори	3789	391,7	286,4	283,4	Ванадзор (б. Кировакан) – 107,4
Сюник	4506	161,4	152,7	153,0	Капан – 45,7
Тавуш	2704	170,0	134,4	134,4	Иджеван – 20,2
Ширак	2681	357,6	283,4	281,3	Гюмри (б. Ленинакан) – 159,1
Ереван (столица)	227	1248,7	1103,5	1102,3	Ереван

Армения потеряла после распада СССР значительную часть своего населения. Во всех областях в 1995-2001гг. наблюдалась депопуляция, особенно в областях Лори, Ширак, Котайк и Ереване; более слабая депопуляция была характерна для окраинных областей (Сюник, Гегаркуник, Вайоцдзор). После 2001г. начался незначительный рост, за исключением северных областей.

Белоруссия

Административно-территориальное деление верхнего уровня после 1991г. не изменилось (см. табл. 4).

Таблица 4.

Административно-территориальное деление и численность населения областей Белоруссии в 1989-2004гг. (тыс. чел.)

Области	Население, тыс. чел. в 1989г.	Население, тыс. чел. на 14.02.1999г.	Население, тыс. чел. на 1.01. 2004г.	Число сельских административных районов	Административный центр
Белоруссия	10.151,8	10.045,2	9849,1	118	Минск
Брестская	1199,5	1485,1	1462,9	16	Брест
Витебская	1409,9	1377,2	1321,1	21	Витебск
Гомельская	1667,8	1545,1	1505,4	21	Гомель
Гродненская	1163,6	1185,2	1146,1	17	Гродно
Минская	1574,6	1562,0	1503,0	22	Минск
Могилёвская	1279,8	1213,5	1169,2	21	Могилёв
Город Минск	1607,1	1677,1	1741,4	(9 городских)	-

Население Белоруссии медленно сокращается, особенно в восточных областях (Гомельской, Могилёвской, Витебской), а также в Минской. Незначительный рост наблюдался в западных областях (Брестской и Гродненской), но в последние годы он прекратился. Значительно увеличилось население столицы.

Грузия

11 декабря 1990г. Верховным Советом Грузии была ликвидирована Юго-Осетинская автономная область, а в апреле 1991г. ее районы были упразднены и включены в состав соседних сельских районов Грузии (Цхинвальский – в состав Горийского; Корнисский – в состав Карельского; Синагурский сельсовет из Джавского района передан в состав Сачхерского района, а Кировский и Часавальский сельсоветы этого района – в состав Онского района). Статус Южной Осетии после 1990г. не определен, но она существует де-факто (столица Цхинвал).

После грузино-абхазской войны 1992-94гг. из состава Грузии де-факто вышла Республика Абхазия (столица – Сухум), которая провозгласила свою независимость. 80% ее населения имеет российское гражданство.

По новой конституции Грузии 1995г. ее территория была разделена на 9 краев (областей) и 2 республики (см. табл.5). Де-факто самопровозглашенные республики Абхазия и Южная Осетия не входят в состав Грузии.

В январе 2003г. была проведена перепись населения в Абхазии, численность которого по предварительным итогам составляла 330 тыс. чел. (www.abkhaziya.info/GOS/). Население Южной Осетии – 70 тыс. (оценка 2003г.).

Таблица 5.

Административно-территориальное деление в 2002г.и численность населения областей Грузии в 1989-2002гг.(тыс. чел.)

Области	Площадь области (республики), кв. км	Население, тыс. чел. в 1989г.	Население, тыс. чел. на 17.01.2002г.	Административный центр
Грузия	69.493	5400,8	4371,5	Тбилиси
Абхазская Республика	8640	525,1	330?	Сухуми (Сухум)
Аджарская Республика	2880	392,4	376,0	Батуми
Гурия	2032	158,1	143,4	Озургети
Имеретия	6475	766,9	699,7	Кутаиси
Кахетия	11311	441,0	407,2	Телави
Квемо-Картли	6072	608,5	497,5	Рустави
Мцхета-Мтианети	6786	133,9	125,4	Мцхета
Рача-Лечхуми и Земо-Сванети	4990	59,8	51,0	Амбролаури
Самегрело и Земо-Сванети	7440	424,7	466,1	Зугдиди
Самцхе-Джавахетия	6413	235,5	207,6	Ахалцихе
Шида-Картли	5729	321,6	314,0	Гори

Численность населения всех областей и республик сократилась, особенно в Абхазии (из-за войны), Квемо-Картли и Имеретии (из-за гражданской войны). Некоторые области потеряли незначительное число жителей (Аджария, Гурия, Кахетия, Мцхета-Мтианети, Самцхе-Джавахетия), поскольку гражданская война затронула их в меньшей степени. Население Мингрелии (Самегрело и Земо-Сванети) увеличилось за счет беженцев из Абхазии.

Казахстан

В августе 1990г. были восстановлены ликвидированные в 1988г. области Мангышлакская (под новым названием Мангистауская) и Тургайская. В 1992г. проведено переименование областей: Алма-Атинская стала называться Алматинской, Гурьевская – Атырауской, Уральская – Западно-Казахстанской, Целиноградская – Акмолинской, Чимкентская – Южно-Казахстанской. В 1993г. Джамбульская область переименована в Жамбылскую, Кокчетавская – в Кокшетаускую, Талды-Курганская – в Талдыкорганскую; в 1995г. – Джезказганская – в Жезказганскую; в 1996г. – Кзыл-Ординская – в Кызылординскую, а Кустанайская – в Костанайскую.

В 1997г. осуществлена реформа административно-территориального деления, в результате которой были ликвидированы сразу 5 областей (их число сократилось с 19 до 14) и уменьшено число районов. Территории упраздненных областей были переданы в состав соседних областей: Жезказганская – в состав Карагандинской; Кокшетауская – в состав Северо-Казахстанской; Семипалатинская – в состав Восточно-Казахстанской; Талдыкорганская – в состав Алматинской; Тургайская – большая часть ее вошла в состав Костанайской, а ее восточные районы – в состав Акмолинской. Столица страны была перенесена из Алматы в Астану (б. Целиноград).

В 1999-2000гг. областные центры Акмолинской и Алматинской областей были перенесены из столичных городов (Астаны и Алматы) в Кокшетау и Талдыкорган соответственно. В 1999-2003гг. изменены названия некоторых городов (Екибастуз, Сатбаев, Риддер, Туркистан).

Таблица 6.

Административно-территориальное деление в 2003г.и численность населения областей Казахстана в 1989-2002гг.(тыс. чел.)

Области	Площадь (тыс. кв. км)	Число районов	Население, тыс. чел.			Административный центр
			1989г.	**1999г.**	**2002г.**	
Казахстан	**2724,9**	**160**	**16199,1**	**14953,1**	14.820,9	Астана
Акмолинская	121,4	17	1064,4	836,3	719,9	Кокшетау
Актюбинская	300,6	12	732,7	682,6	669,7	Актобе
Алматинская	223,9	16	1642,9	1558,5	1558,2	Талдыкорган
Атырауская	118,6	7	424,7	440,3	450,2	Атырау
Восточно-Казахстанская	283,3	15	1767,2	1531,0	1485,5	Усть-Каменогорск
Жамбылская	144,3	10	1038,7	988,8	980,6	Тараз
Западно-Казахстанская	151,3	12	629,5	616,8	602,6	Уральск
Карагандинская	428,0	9	1745,4	1410,2	1350,8	Караганды
Костанайская	196,0	16	1223,8	1017,7	938,8	Костанай
Кызылординская	226,0	7	574,5	596,2	606,6	Кызылорда
Мангистауская	165,6	4	324,2	314,7	332,4	Актау
Павлодарская	124,8	10	942,3	807,0	758,9	Павлодар
Северо-Казахстанская	123,2	13	912,1	726,0	691,6	Петропавловск
Южно-Казахстанская	117,3	12	1823,5	1978,3	2045,4	Шымкент
Астана, город (акимат)	0,3	-	281,3	319,3	500,0	-
Алматы, город (акимат)	0,3	-	1071,9	1129,4	1136,1	-

Численность населения северных и восточных областей (Актюбинская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Акмолинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская), а такжеКарагандинской сократилась; она увеличилась только в Атырауской, Кызылординской, Мангистауской и Южно-Казахстанской областях, а также в Астане и Алматы.

Киргизия

В октябре 1988г. была ликвидирована Таласская область, районы которой вошли в состав Иссык-Кульской и Ошской областей. В июле 1989г. была упразднена Нарынская область, территория которой была включена в состав Иссык-Кульской области (областной центр был перенесен из г.Пржевальск в г. Рыбачье, который в связи с этим переименован в г.Иссык-Куль). В январе 1991г. были образованы новые области – Чуйская и Джалал-Абадская – и восстановлены ликвидированные до этого Нарынская и Таласская области; областной центр Иссык-Кульской области был перенесен из г.Иссык-Куль (он переименован в г.Балыкчи) в г.Каракол (бывший Пржевальск). В 1999г. на юго-западе страны образована новая Баткенская область. В октябре 2000г. в день 3000-летия Оша этот город был провозглашен второй столицей Киргизии.

Таблица 7.

Административно-территориальное деление в 2001г.и численность населения областей Киргизии в 1989-1999гг.(тыс. чел.)

Области	Площадь (кв. км)	Число районов в 2001г.	Население, тыс. чел. в 1989г.	Население, тыс. чел. в 1999г.	Административный центр
Киргизия	**199.945,0**	**40**	**4257,8**	**4822,9**	**Бишкек**
Город Бишкек	127,3	-	619,9	762,3	-
Баткенская	17.023,9	3	313,0	382,4	Баткен
Джалал-Абадская	33.647,5	8	748,8	869,3	Джалал-Абад
Иссык-Кульская	43.144,0	5	409,6	413,1	Каракол
Нарынская	46.706,9	5	249,4	249,1	Нарын
Ошская	29.165,1	7	947,9	1176,0	Ош
Таласская	11.445,9	4	193,8	199,9	Талас
Чуйская	18.684,4	8	807,8	770,8	Токмак

В межпереписной период незначительно сократилась численность населения только в Чуйской области; в остальных регионах шел быстрый рост, особенно в южных областях (Ошской, Джалал-Абадской, Баткенской) и городе Бишкек.

Латвия

Территория страны по-прежнему, как и в советское время, делится на 26 районов и 7 городских муниципалитетов (см. табл.8).

Таблица 8.

Административно-территориальное деление и численность населения районов Латвии в 2000г.

(тыс. чел.)

Районы	Площадь района, кв.км	Население тыс. чел. на 31.03.2000г.
ЛАТВИЯ	64.589	2377,4
Айзкрауклес	2565	42,0
Алукснес	2243	26,4
Балву	2386	30,6
Баускас	1882	53,2
Валкас	2437	34,3
Валмиерас	2365	60,4
Вентспилс	2472	14,6
Гулбенес	1877	28,2
Даугавпилс	2525	42,8
Добелес	1633	40,2
Екабпилс	2998	56,3
Елгавас	1604	37,4
Краславас	2285	36,8
Кулдигас	2502	38,2
Лиепаяс	3594	46,8
Лимбажу	2602	40,2
Лудзас	2412	35,1
Мадонас	3346	46,5
Огрес	1840	63,1
Прейлу	2041	41,7
Резекнес	2812	43,1
Ригас	3059	144,3
Салдус	2182	38,9
Талсу	2751	49,8
Тукума	2447	54,2
Цесу	3067	60,6

Литва

В 1995г. 44 административных района были объединены в 10 уездов (апскрите; см. табл.9), сами районы сохранены.

Таблица 9.

Административно-территориальное деление и численность населения уездов Литвы в 2001г.

(тыс. чел.)

уезды	Площадь уезда, кв.км	Население тыс. чел. на 6.04.2001г.	административный центр уезда
ЛИТВА	65.300	3484,0	Вильнюс
Алитус	5425	187,8	Алитус
Вильнюс	9760	850,1	Вильнюс
Каунас	8060	701,5	Каунас
Клайпеда	5209	385,8	Клайпеда
Мариямполес	4463	188,6	Мариямполе
Панявежис	7881	300,0	Панявежис
Таураге	4411	134,3	Таураге
Тельшю	4350	179,9	Тельшяй
Утянос	7201	186,0	Утяна
Шяуляй	8540	370,1	Шяуляй

Молдова

В 1990г. из состава Республика Молдова выделилась самостоятельная Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), состоявшая из 5 районов левого берега Днестра (Каменский, Рыбницкий, Дубоссарский, Григориопольский, Слободзейский), городов Тирасполь (столица) и Бендеры (на правом берегу р.Днестр). В 1993г. площадь ПМР составляла 4145 кв. км, население –

717,4 тыс. чел. В 1991г. на юге Молдовы была провозглашена Гагаузская республика (столица – Комрат), которая в 1994г. получила особый статус (автономию) в составе республики Молдова.

В ноябре 1998г. в пределах Республики Молдова были упразднены старые советские районы, и ее территория разделена на 10 уездов (Единец, Сорока, Унгень, Бэлць, Орхей, Кишинэу, Лэпушна, Тигина, Кахул, Тараклия), автономию Гагаузия и «территориальную единицу Левобережья Днестра» (Приднестровье). Попятная реформа этого деления проведена в конце декабря 2001г., когда система уездов была упразднена, а вместо нее восстановлены старые районы и анклавные муниципии (см. табл.10).

По предварительным итогам переписи 5 октября 2004г. численность населения Республики Молдова составила 3386 тыс. чел. Переписью не охвачено Приднестровье вместе с Бендерами (там, по оценке на 1 января 2003г. проживало 611,2 тыс. чел.). Численность населения районов Республики Молдова (без Приднестровья) и состав ее районов приведены в таблице 10.

Таблица 10.

Административно-территориальное деление и численность населения районов Республики Молдова по переписи 2004г.(тыс. чел.)

Районы	Население тыс. чел. на 1.01.2005г.
МОЛДОВА (без ПМР)	3386,0
Муниципалитет Кишинэу	716,7
Муниципалитет Бэлць	127,6
Анении Нои	81,7
Басарабяскэ	29,0
Бричень	77,8
Автономия Гагаузия	155,7
Глодень	60,8
Дондюшень	46,3
Дрокия	86,9
Дубэсарь	34,0
Единец	81,2
Кантемир	60,0
Кахул	119,2
Криулень	72,2
Кэлэрашь	75,1
Кэушень	90,6
Леова	51,1
Ниспорень	65,0
Окница	56,6
Орхей	116,2
Резина	48,0
Рышкань	69,3
Сорока	94,8
Стрэшень	88,9
Сынгерей	87,1
Тараклия	43,1
Теленешть	70,0
Унгень	110,8
Флорешть	89,2
Фэлешть	89,8
Хынчешть	119,8
Чимишлия	60,9
Шолденешть	42,2
Штефан-Водэ	70,6
Яловень	97,8

В Приднестровской республике на 1 января 2001г. проживало 651,8 тыс. чел. (Демоскоп. – 2001. - №37-38), в т.ч. в районах: Слободзейском – 110,7 тыс., Григориопольском – 52,6 тыс., Каменском – 33 тыс.; в городах: Тирасполь – 164,9 тыс., Бендеры – 117,6 тыс., Рыбница – 60,5 тыс., Дубоссары – 29,1 тыс.

Россия

В своей основе система АТД России в пост-советский период принципиально не изменилась, за исключением 1)разделения Чечено-Ингушская АССР в 1992г. на две самостоятельные республики – Чеченскую (столица Грозный) и Ингушетию (сначала столицей был город Назрань, с 11 июня

1999г. стал Магас); 2)образования в 2000г. 7 федеральных округов. Остальные изменения носили «косметический» характер.

Так, в 1991-93гг. поменяли свое официальное название некоторые бывшие автономные республики: Марийская АССР стал именоваться республикой Марий Эл, Калмыцкая АССР – республикой Калмыкия, Татарская АССР – республикой Татарстан, Северо-Осетинская АССР – республикой Северная Осетия – Алания, Башкирская АССР – республикой Башкортостан, Тувинская АССР – республикой Тыва, Якутская АССР – республикой Саха (Якутия). В 2003г. к названию Ханты-Мансийского автономного округа добавлено слово «Югра». С 1996г. районы Якутии называются улусами.

В 1991-93гг. ряд бывших автономных областей вышли из состава краев и областей и получили статус субъектов федерации. К ним относятся республики Адыгея (вышла из состава Краснодарского края), Карачаево-Черкесия (из состава Ставропольского края), Алтай (бывшая Горно-Алтайская автономная область; из состава Алтайского края), Хакасия (из состава Красноярского края); Еврейская автономная область (из состава Хабаровского края) и Чукотский автономный округ (из состава Магаданской области).

Остались в составе прежних краев и областей Ненецкий автономный округ (Архангельская обл.), Коми-Пермяцкий автономный округ (Пермская обл.), Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (в составе Тюменской обл.), Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа (в составе Красноярского края), Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (Иркутская обл.), Агинский Бурятский автономный округ (Читинская обл.), Корякский автономный округ (Камчатская обл.). Часть этих малонаселенных автономных округов (Коми-Пермяцкого, Таймырского, Эвенкийского, Корякского) будет ликвидирована в результате объединения с «материнскими» областями и краями, за что проголосовало большинство их населения. Это произойдет в 2006г. и позже.

В 2000г. территория России была разделена на 7 федеральных округов (Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный).

Таблица 11.

Административно-территориальное деление и численность населения России в 1989-2005гг.

(тыс. чел.)

(Источник: материалы переписей 1989г. и 2002г., ежегодники «Численность населения РФ»)

	Число районов		**Население (тыс. чел.)**			
Регионы	**1987г.**	**2005г.**	**.01.1989г.**	**1.1.1998г.**	**9.10.2002г.**	**1.1.2005г.**
РОССИЯ	1834	1866	147.021,9	147.104,6	145.166,7	143.474,2
Агинский Бурятский автономный округ	3	3	77,2	78,5	72,2	73,5
Республика Адыгея	7	7	432,0	450,4	447,1	444,4
Республика Алтай	9	10	190,8	202,5	202,9	203,9
Алтайский край	58	60	2631,3	2672,0	2607,4	2565,6
Амурская область	20	20	1050,2	1023,2	902,8	887,6
Архангельская область	19	21	1569,7	1492,5	1336,5	1304,5
Астраханская область	11	11	991,5	1029,3	1005,3	998,2
Республика Башкортостан	54	54	3943,1	4111,3	4104,3	4078,8
Белгородская область	18	21	1378,3	1484,4	1511,6	1511,6
Брянская область	26	27	1470,1	1464,9	1378,9	1346,5
Республика Бурятия	20	21	1038,3	1045,6	981,2	969,2
Владимирская область	16	16	1648,8	1630,6	1524,0	1487,2
Волгоградская область	33	33	2592,9	2700,8	2699,2	2655,2
Вологодская область	26	26	1349,0	1338,5	1269,6	1245,5
Воронежская область	32	32	2466,7	2485,6	2378,8	2334,1
Республика Дагестан	39	41	1802,2	2094,6	2576,5	2621,8
Еврейская автономная область	5	5	214,1	205,1	190,9	188,8
Ивановская область	22	21	1313,6	1245,7	1148,3	1114,9
Республика Ингушетия	-	4	См. Чечня	313,3	467,3	481,6
Иркутская область	30	33	2824,9	2773,7	2581,7	2545,3
Кабардино-Балкарская республика	8	10	753,5	791,9	901,5	896,6
Калининградская область	13	13	871,2	943,4	955,3	945,0
Республика Калмыкия	13	13	322,6	317,1	292,4	289,9
Калужская область	24	24	1064,2	1094,1	1041,6	1021,5

Камчатская область	11	11	471,9	396,5	358,8	352,1
Карачаево-Черкесская Республика	8	8	415,0	436,3	439,5	434,5
Республика Карелия	15	15	790,1	776,4	716,3	703,1
Кемеровская область	17	19	3171,1	3022,8	2899,1	2855,0
Кировская область	39	39	1694,0	1612,4	1503,5	1461,3
Республика Коми	16	12	1250,8	1160,7	1018,7	996,4
Коми-Пермяцкий автономный округ	6	6	158,5	153,6	136,1	132,8
Корякский автономный округ	4	4	39,9	31,1	25,2	23,8
Костромская область	24	24	804,3	797,0	736,6	717,5
Краснодарский край	38	38	5052,9	5074,8	5125,2	5100,3
Красноярский край	48	48	3038,6	3080,0	2966,0	2925,4
Курганская область	23	24	1103,7	1105,6	1019,5	992,1
Курская область	28	28	1335,4	1336,4	1235,1	1199,1
Ленинградская область	17	17	1653,7	1681,7	1669,2	1652,9
Липецкая область	18	18	1230,2	1247,8	1213,5	1189,9
Магаданская область	8	8	391,7	245,7	182,7	174,7
Республика Марий Эл	14	14	749,3	763,1	728,0	716,9
Республика Мордовия	21	22	963,5	944,2	888,8	866,6
Город Москва	- (32)	-(10)	8875,6	8629,2	10.382,8	10.406,6
Московская область	39	39	6646,4	6564,1	6618,5	6629,7
Мурманская область	5	5	1164,6	1016,6	892,5	872,8
Ненецкий автономный округ	-	-	53,9	46,6	41,5	42,0
Нижегородская область	47	48	3719,6	3697,0	3524,0	3445,3
Новгородская область	21	21	751,6	738,4	694,4	674,1
Новосибирская область	30	30	2778,7	2749,3	2692,2	2662,3
Омская область	31	32	2141,9	2178,5	2079,2	2046,6
Оренбургская область	35	35	2170,7	2229,6	2179,6	2150,4
Орловская область	23	24	889,1	907,4	860,3	842,4
Пензенская область	28	28	1504,6	1548,6	1452,9	1422,8
Пермская область	37	33	3091,5	2986,6	2819,4	2769,8
Приморский край	25	24	2256,1	2216,2	2071,2	2035,8
Псковская область	24	24	845,3	820,2	760,8	736,7
Ростовская область	42	43	4292,3	4403,9	4404,0	4334,4
Рязанская область	25	25	1347,8	1306,6	1227,9	1194,8
Самарская область	25	27	3262,9	3309,4	3239,7	3201,3
Город Санкт-Петербург	- (17)	-(20)	4990,7	4748,5	4661,2	4600,0
Саратовская область	38	38	2684,5	2723,4	2668,3	2625,7
Республика Саха (Якутия)	32	33	1094,1	1003,3	949,3	950,7
Сахалинская область	17	17	710,2	619,6	546,7	532,4
Свердловская область	30	30	4706,8	4656,0	4486,2	4428,2
Республика Северная Осетия – Алания	8	8	632,4	663,2	710,3	704,4
Смоленская область	25	25	1153,6	1157,5	1049,6	1019,0
Ставропольский край	26	26	2410,3	2682,1	2735,1	2717,9
Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	3	3	55,8	44,5	39,8	39,4
Тамбовская область	23	23	1322,4	1292,1	1178,4	1144,8
Республика Татарстан	39	43	3641,7	3773,8	3779,3	3768,5
Тверская область	36	36	1663,1	1633,0	1471,5	1425,6
Томская область	16	16	1001,7	1073,2	1046,0	1036,6
Тульская область	23	23	1861,4	1785,6	1675,8	1621,9
Республика Тыва	14	17	308,6	310,2	305,5	307,6
Тюменская область	37	38	3097,7	3211,0	3246,8	3307,5
Удмуртская Республика	25	25	1605,7	1636,0	1570,3	1552,8
Ульяновская область	20	21	1396,2	1483,2	1382,8	1350,7
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	6	6	135,9	143,7	135,3	134,1
Хабаровский край	17	17	1597,7	1545,8	1436,6	1420,2
Республика Хакасия	8	8	566,9	584,2	546,1	541,0
Ханты-Мансийский автономный	8	9	1282,4	1357,5	1432,8	1469,0

округ – Югра						
Челябинская область	24	24	3617,8	3681,0	3603,3	3551,4
Чеченская Республика	14	15	1270,4	796,9	1103,7	1141,3
Читинская область	31	31	1375,3	1276,8	1155,3	1135,7
Чувашская Республика	21	21	1338,0	1358,9	1313,8	1288,3
Чукотский автономный округ	8	8	163,9	80,9	53,8	50,7
Эвенкийский автономный округ	3	3	24,8	19,5	17,7	17,4
Ямало-Ненецкий автономный округ	7	7	494,8	497,3	507,0	523,4
Ярославская область	17	17	1469,0	1434,9	1367,4	1338,7

В подавляющем большинстве регионов России наблюдается депопуляция. В 1998-2004гг. население увеличилось лишь в 15 регионах, в т.ч. в Москве и Московской области, регионах Северного Кавказа (Дагестане, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Краснодарском и Ставропольском краях), в пограничных Белгородской и Калининградской областях, а также в нефтегазовых округах севера Тюменской области (Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком). В Татарстане и Башкортостане, где до сих пор наблюдался положительный прирост населения, также началась депопуляция. В 2002-2004гг. она затронула и Северный Кавказ (Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Краснодарский и Ставропольский края).

Таджикистан

В сентябре 1988г. Кулябская и Курган-Тюбинская области и город Нурек были объединены в новую Хатлонскую область (площадь 24,6 тыс. кв. км; 19 районов; центр – г.Курган-Тюбе). В 1991г. предполагалось создать Каратегинскую область с центром в п.г.т. Гарм (в границах прежней Гармской области, упраздненной в 1955г.), но этот проект осуществлен не был. В 1991г. Хатлонская область была упразднена, и вновь образованы Кулябская и Курган-Тюбинская области. После массового бегства жителей из Курган-Тюбинской области в Афганистан, в декабре 1992г. обе области были объединены в Хатлонскую (центр – г.Курган-Тюбе). Ленинабадская область была переименована в 1999г. в Согдийскую. В настоящее время территория страны делится (см. табл.12) на 1 автономную республику (Горный Бадахшан), 2 области (Согдийскую и Хатлонскую) и районы республиканского подчинения.

Таблица 12.

Административно-территориальное деление в 2002г.и численность населения областей Таджикистана в 1989-2000гг.(тыс. чел.)

Области	Площадь (тыс. кв. км)	Число районов	Население, тыс. чел. в 1989г.	Население, тыс. чел. в 2000г.	Административный центр
Таджикистан	**143,1**	**62**	**5109**	**6127**	**Душанбе**
Город Душанбе	0,1	4	594	562	-
Согдийская	26,1	14	1558	1870	Худжанд
Хатлонская	24,6	24	1704	2151	Курган-Тюбе
Районы республиканского подчинения	28,6	13	1092	1338	Душанбе
Горный Бадахшан, автономная республика	63,7	7	161	206	Хорог

В межпереписной период во всех регионах шел быстрый рост населения.

Туркмения

В феврале 1991г. на территории давно упраздненной Красноводской области была создана новая Балканская область (центр – Небит-Даг). В апреле 1992г. названия двух областей были изменены в соответствии с туркменской транскрипцией: Ташаузская стала называться Дашховузской, а Чарджоуская – Чарджевской.

В июне 1992г. была произведена реорганизация административно-территориального деления страны: вместо областей созданы велаяты, вместо районов – этрапы; образован новый, 5-й велаят – Ахалский (бывшая Ашхабадская область), а Чарджевская область переименована в Лебапский велаят. Таким образом, территория Туркмении делится на 5 велаятов (см. табл.13).

Численность населения страны на 1 октября 2001г. составляла 5478,8 тыс. чел., на 1 декабря 2004г. – 6525,8 тыс. чел. (www.turkmenistan.gov.tm/econom/ek&stat.htm).

Во всех регионах страны наблюдался быстрый рост населения, особенно на севере и востоке.

Таблица 13.

Административно-территориальное деление в 2005г.и численность населения велаятов Туркмении в 1994-2001гг.(тыс. чел.)

Велаяты	Площадь (кв. км)	Число этрапов (б. районов)	Население, тыс. чел. на 1.1. 1994г.	Население, тыс. чел. на 10.01. 1995г.	Население, тыс. чел. на 1.10. 2001г.	Административный центр
Туркмения	**488.100**	**46**	**4361,6**	**4993,5**	**5478,9**	**Ашгабат**
Город Ашгабат (Ашхабад)	-	-	…	604,7	712,0	-
Ахалский	97.428	8	1163,9*	722,8	779,4	Аннау
Балканский	138.500	6	396,6	424,7	477,6	Балканабат (б. Небитдаг)
Дашовузский	73.600	8	893,7	1059,8	1183,1	Дашовуз (б.Ташауз)
Лебапский	93.800	13	911,2	1034,7	1147,0	Туркменабат (б. Чарджоу)
Марыйский	86.800	11	996,2	1146,8	1271,2	Мары

* - вместе с Ашхабадом

Узбекистан

Ликвидированные в 1988г. Джизакская (стала частью Сырдарьинской обл.) и Навоийская (вошла в состав Самаркандской обл.) области были восстановлены в январе 1992г. в прежних границах. В январе 1992г. Каракалпакская АССР была преобразована в Республику Каракалпакстан. В остальном административно-территориальное деление страны не изменилось (см. табл.14).

Таблица 14.

Административно-территориальное деление в 2004г.и численность населения областей Узбекистана в 1989-2004гг.(тыс. чел.)

(Источник: карты Республики Узбекистан на 1998, 2001 и 2004гг.)

Области и республики	Площадь (тыс. кв. км)	Число районов	Население в 1989г., тыс. чел.	Население, тыс. чел. на 1.1.1996г.	Население, тыс. чел. на 20.1. 2001г.	Население, тыс. чел. на 1.10. 2003г.	Административный центр (население, тыс. чел. в 2003г.)
Узбекистан	**448,9**	**161**	**19.810,1**	**22.853,7**	**24.487,7**	**25.115,8**	**Ташкент**
Город Ташкент	-	-	2060,2	2130,5	2135,5	2129,8	-
Республика Каракалпакстан	166,59	15	1212,2	1432,8	1503,0	1540,1	Нукус – 212,5
Андижанская	4,24	14	1721,3	2040,4	2186,2	2247,4	Андижан – 342,5
Бухарская	40,32	11	1622,5	1373,6	1419,3	1456,1	Бухара – 238,5
Джизакская	21,2	12	-	891,8	974,8	1005,7	Джизак – 132,2
Кашкадарьинская	28,57	13	1595,8	1987,7	2166,8	2253,7	Карши – 205,2
Навоийская	110,99	8	-	754,1	783,3	795,8	Навои – 141,7
Наманганская	7,44	11	1470,9	1673,1	1924,3	1982,7	Наманган – 394,9
Самаркандская	16,77	14	2281,9	2548,6	2670,3	2749,8	Самарканд – 360,6
Сурхандарьинская	20,1	14	1249,9	1529,6	1736,7	1801,0	Термез – 116,6
Сырдарьинская	4,3	9	1297,9	621,5	642,2	657,2	Гулистан – 55,7
Ташкентская	15,59	15	2143,5	2308,8	2350,2	2390,6	Ташкент – 2129,8
Ферганская	6,76	15	2141,7	2393,6	2664,4	2729,8	Фергана – 183,8
Хорезмская	6,05	10	1012,3	1167,6	1321,9	1369,3	Ургенч – 138,2

Во всех регионах страны наблюдался быстрый рост населения, особенно в Ферганской долине и на юге.

Украина

Административно-территориальное деление страны изменилось незначительно (см. табл.15). В 1991г. Крымская область была преобразована в Крымскую АССР, а в 1992г. переименована в Автономную республику Крым (АРК).

Во всех регионах страны наблюдался сокращение населения, за исключением Киева (здесь высок механический прирост).

Весной 2005г. выдвинут проект реформы АТД – создания громад путем объединения старых районов; границы областей при этом не изменятся. Более радикальный проект ликвидации областей и создания 9 краев (Карпатский, Подольский, Полесский, Киевский, Приднепровский, Причерноморский, Донецкий, Слобожанский, Крым) отвергнут. Проект реформы АТД намечается осуществить сначала в 5 областях Украины, и только затем распространить на все остальные. Например, в Луганской области вместо 31 района и горсовета будет создано 8 районов и 11 городов-

Таблица 15.

Административно-территориальное деление в 2005г.и численность населения областей Украины в 1989-2005гг.(тыс. чел.)

(Источник: материалы переписей)

Области и республики	Площадь (тыс. кв. км)	Число районов	Население по переписи 1989г.	Население, тыс. чел. по переписи 2001г.	Население, тыс. чел. на 1.07. 2005г.	Административный центр
Украина	**603,7**	**490**	**51.706,6**	**48.457,5**	**47.075,3**	**Киев**
Республика Крым	26,1	14	2063,6	2033,7	1988,5	Симферополь
Винницкая	26,5	27	1932,6	1772,4	1710,6	Винница
Волынская	20,2	16	1061,2	1060,7	1042,4	Луцк
Днепропетровская	31,9	22	3881,2	3567,6	3459,1	Днепропетровск
Донецкая	26,5	18	5332,4	4841,1	4644,2	Донецк
Житомирская	29,9	23	1545,4	1389,5	1337,2	Житомир
Закарпатская	12,8	13	1252,3	1258,3	1246,1	Ужгород
Запорожская	27,2	20	2081,8	1929,2	1868,3	Запорожье
Ивано-Франковская	13,9	14	1423,5	1409,8	1390,8	Ивано-Франковск
Киевская	28,1	25	1940,0	1827,9	1770,9	Киев
Кировоградская	24,6	21	1239,4	1133,1	1075,6	Кировоград
Луганская	26,7	18	2862,0	2546,2	2423,7	Луганск
Львовская	21,8	20	2747,7	2626,5	2580,6	Львов
Николаевская	24,6	19	1330,6	1264,7	1224,2	Николаев
Одесская	33,3	26	2642,6	2469,0	2407,2	Одесса
Полтавская	28,8	25	1753,0	1630,1	1562,8	Полтава
Ровненская	20,1	16	1169,7	1173,3	1158,4	Ровно
Сумская	23,8	18	1432,7	1299,7	1235,0	Сумы
Тернопольская	13,8	17	1168,9	1142,4	1115,8	Тернополь
Харьковская	31,4	27	3195,0	2914,6	2834,0	Харьков
Херсонская	28,5	18	1240,0	1175,1	1132,5	Херсон
Хмельницкая	20,6	20	1527,1	1430,8	1380,7	Хмельницкий
Черкасская	20,9	20	1531,5	1402,9	1348,9	Черкассы
Черниговская	31,9	22	1415,9	1245,3	1177,8	Чернигов
Черновицкая	8,1	11	938,0	922,8	909,5	Черновцы
Город Киев	0,8	-	2602,8	2611,3	2672,0	-
Город Севастополь	0,9	-	395,0	379,5	378,3	-

осуществить сначала в 5 областях Украины, и только затем распространить на все остальные. Например, в Луганской области вместо 31 района и горсовета будет создано 8 районов и 11 городов-районов; в Винницкой области вместо 27 нынешних районов – 16. Вся система будет состоять из трех звеньев: громада – район – регион (область); города будут делиться на города-районы и города-регионы (последние более 700 тыс. жителей). Разработаны нормативы численности населения для каждого уровня АТД.

Эстония

Территория страны делится на 15 уездов (мааконд; см. табл.16) – прежние районы. Численность населения страны сокращается.

Таблица 16.

Административно-территориальное деление и численность населения уездов Эстонии в 2000г.

(тыс. чел.)

Уезды (мааконды)	Площадь уезда, кв.км	Население тыс. чел. на 31.03.2000г.	Административный центр
ЭСТОНИЯ	45.227	1370,1	Таллинн
Харью	4333	526,7	Таллинн
Хийу	1023	10,4	Кярдла
Ида-Виру	3364	179,7	Йыхви
Йыгева	2604	38,3	Йыгева
Ярва	2623	38,8	Пайде
Ляяне	2383	28,6	Хаапсалу
Ляяне-Виру	3465	67,8	Раквере
Пылва	2165	32,7	Пылва
Пярну	4807	91,2	Пярну
Рапла	2980	37,6	Рапла
Сааре	2922	36,0	Курессааре
Тарту	2993	149,6	Тарту
Валга	2043	35,8	Валга
Вильянди	3422	58,0	Вильянди
Выру	2305	39,9	Выру

Выводы

В 1991-2005гг. произошли значительные изменения АТД Грузии (ее территория разделена на области), Казахстана (области укрупнены), Киргизии (образованы новые области), Армении (созданы области), Литвы (районы сгруппированы в уезды), Туркмении (созданы новые велаяты вместо ранее упраздненных областей), Молдовы (районы сгруппированы сначала в большие уезды, которые затем упразднены; произошел возврат к старой районной системе). В остальных пост-советских республиках изменения были незначительными (Азербайджан, Россия, Украина). Старая структура АТД сохранилась почти полностью в Белоруссии, Латвии, Эстонии, Узбекистане, Таджикистане.

Таким образом, основные типы изменений сети АТД на пост-советском пространстве – укрупнение размеров единиц АТД высшего звена (Казахстан) или их размельчение (Киргизия); образование единиц высшего звена АТД в тех странах, в которых оно отсутствовало в позднесоветский период (Литва, Армения, Молдова).

Общее число единиц АТД второго уровня (районов) сократилось с 3225 до 3189 (см. табл. 17), число единиц АТД первого уровня (областей), наоборот, увеличилось на 30 единиц благодаря введению областного деления в Грузии, Литве, Армении, увеличению числа областей в Киргизии (при этом сокращенно число областей в Казахстане). На территории пост-советского пространства возникли 4 непризнанных де-юре республики (Приднестровская, Абхазская, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская), которые существуют до сих пор де-факто.

Таблица 17.

Число единиц АТД первого и второго уровней в странах СНГ и Балтии в 1987-2005гг.

(Источники: разные; составлено автором)

	Число единиц АТД высшего звена		Число единиц АТД второго звена		Современное название единиц 2-го звена
	1987г.	2002-2005гг.	1987г.	2002-2005гг.	
Азербайджан	2 автономии	1 автономия	61	59 + 7 городов	Район
Армения	-	10 + столица	37	-	-
Белоруссия	6 + столица	6 + столица	117	118	Район
Грузия	3 автономии	13 (2 автономии + 9 областей) + столица	65	66	Район
Казахстан	19	14 + 2 столичных города	222	160	Район
Киргизия	4	7 + столица	40	40	Район
Латвия	-	-	26	26 + 7 муниципалитетов	Район
Литва	-	10	44	43	Район
Молдова	-	2 автономии	40	32 +5 + 2 муниципии	Район
Россия	86 + 2 города	87 + 2 города	1834	1866	Район, улус
Таджикистан	4 (3 + 1 автономия) + столица	4 (3 + 1 автономия) + столица	45	62	Район
Туркменистан	5	5 + столица	44	46	Этрап
Узбекистан	13 (12 + 1 автономия) + столица	13 (12 + 1 автономия) + столица	155	161	Район
Украина	25	25 (24 + 1 автономия) + 2 города	480	490	Район
Эстония	-	-	15	15	Мааконд
ВСЕГО	**167**	**197**	**3225**	**3189**	-

Лейзерович Е.Е.

ОПЫТ ТИПОЛОГИИ МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ ПО ИХ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ПОЛОЖЕНИЮ[34]

Под малыми территориями подразумеваются экономические микрорайоны / ЭМ / - территориальные части республик, краёв и областей, объединяющие в своих границах по несколько сельских административных районов, и включающие в свой состав находящиеся в пределах этих частей, или примыкающие к ним, города внерайонного – республиканского, краевого, областного подчинения. ЭМ – элементарные территориальные образования, объединяющие города и другие урбанизированные поселения и сельскую местность / 3 /.

Половина крупных административно-территориальных единиц / АТЕ / России – республик, краёв, областей, включает в свой состав от 4 до 7 ЭМ. Но есть такие АТЕ / Адыгея, Ингушетия, Северная Осетия, Горный Алтай, Еврейская автономная область /, которые состоят из одного ЭМ, так как по площади заметно уступают окружающим их АТЕ. С другой стороны – «гиганты» - Красноярский край и Якутия имеют в своём составе по 13 ЭМ.

Мы убеждены, что экономико-географические и социально-географические исследования, проводимые в разрезе ЭМ, дают более адекватную действительности картину, чем аналогичные исследования, проводимые по более крупным территориям – экономическим районам, республикам, краям и областям.

Важной частью изучения социально-экономических районов, как крупных, так и малых, является их типология. Всё многообразие экономико-географических типологий районов и регионов может быть сведено к трём основным видам: по характеристикам, по экономико-географическому положению / ЭГП /, по динамике развития. Ранее нами уже была рассмотрена типология ЭМ по их характеристикам, включавшая учёт плотности населения, соотношения городского и сельского населения, степень концентрации населения в больших городах. В предлагаемой статье содержится краткое изложение опыта типологии ЭМ по их ЭГП.

Каждый ЭМ России имеет своё, без большого преувеличения можно сказать уникальное ЭГП, представляющее, наряду с природными условиями и ресурсами, населением, накоплениями прошлого труда, важнейший фактор развития / или стагнации / данной территории.

Уже давно общепринято рассматривать ЭГП экономико-географических объектов по трём территориальным концентрам: макроположение, мезоположение, микроположение. Если говорить о малых территориях – ЭМ, то для них уникальным является только такой концентр ЭГП, как микроположение. Что касается второго концентра ЭГП – мезоположения, то оно для небольшой по площади республики, края или области, для всех её ЭМ, чаще всего бывает практически одинаковым. Лишь у крупных республик, краёв и областей европейской части России, а тем более у гигантских по площади / за редкими исключениями / республик, краёв и областей восточных районов страны, мезоположение основных частей их территории заметно различается. Третий концентр ЭГП – макроположение, бывает общим даже для целых групп республик, краёв и областей – чаще всего составляющих крупные экономические районы.

Из вышесказанного вытекает, что в основе типологии малых территорий по их ЭГП должно быть, прежде всего, их микроположение. При этом необходимо сделать важную оговорку. У некоторых ЭМ в Сибири и на Дальнем Востоке микроположения как бы и нет. Это такие ЭМ, которые представляют собой чрезвычайно редко заселённые массивы тайги или тундры, на многие сотни километров окружённые такими же пустынными территориями. Поэтому когда характеризуется ЭГП этих ЭМ, речь идёт фактически не об их микроположении, а об их мезоположении.

В предлагаемой типологии микроположение всех ЭМ рассматривается в границах крупных АТЕ - республик, краёв, областей. Однако для некоторых / далеко не всех / ЭМ, расположенных у границ АТЕ, при анализе их микроположения необходимо учитывать и отношение к рядом лежащим ЭМ соседних республик, краёв и областей.

В первом приближении на территории России удалось выделить семь крупных типов ЭМ по их ЭГП. Половина этих типов отнесена нами к центральным районам, другая половина – к периферийным. И первые и вторые, в свою очередь, делятся на несколько типов. Важно отметить, что если все периферийные типы ЭМ действительно находятся на периферии республик, краёв и областей, то далеко не все центральные типы ЭМ, даже те, которые сформировались вокруг

[34] Работа выполняется при поддержке гранда РФФИ 04-06-80458

республиканских, краевых и областных центров, расположены в центральных частях своих АТЕ. Центральность в экономической и социальной географии это не только геометрический показатель, но в определённых условиях и свойство экономико-географического объекта, вытекающее из его специфики и значимости. Поэтому немалое число ЭМ вполне может быть причислено к центральным, даже будучи расположенными далеко от геометрических центров своих республик, краёв и областей.

Тип I. Центральные пристоличные ЭМ. Речь идёт об ЭМ, включающих в свой состав административные центры республик, краёв и областей, и в значительной части представляющих зоны их хозяйственного тяготения. Поскольку, строго говоря, столицы есть только у республик, название типа ЭМ может быть взято в кавычки. ЭМ с пристоличным ЭГП значительно различаются по площади, экономическому потенциалу, численности населения. Однако у ЭГП Московского ЭМ, население которого 15,5 млн.чел., и у ЭГП Магаданского ЭМ, население которого 137 тыс.человек, есть общие черты. Прежде всего это лучшее в своей области инновационное ЭГП. Пристоличные ЭМ – главные в АТЕ аккумуляторы инноваций. И они же – самые важные / в соответствующих значимости АТЕ масштабах / источники и, одновременно, ретрансляторы инноваций в другие ЭМ своих республик, краёв и областей. Тип I делится на два подтипа: пристоличные ЭМ, расположенные в центральной части АТЕ / их 42 /, и пристоличные ЭМ, не занимающие центрального положения в границах АТЕ / их 36 /. За редкими исключениями ЭМ обеих подтипов, имея, как выше отмечено, лучшее инновационное ЭГП в своих республиках, краях и областях, имеют и лучшее транспортно-географическое микроположение среди других ЭМ своих АТЕ. Лишь в отношении третьего из видов ЭГП, важнейшего для стран и районов – соседского положения, центральные пристоличные ЭМ нередко уступают в своей АТЕ другим ЭМ.

Тип II. ЭМ – подцентры в составе АТЕ, сформировавшиеся вокруг больших и некоторых средних городов. Чаще всего ЭМ – подцентры образуются вокруг вторых городов своих республик, краёв и областей / в 36 случаях /. Но есть ЭМ – подцентры, сформировавшиеся вокруг третьих городов / 20 случаев /, реже четвертых / 9 /, пятых / 5 /, шестых / 4 /, седьмых / 3 /, восьмых / 6 / городов. А в восточной части Московской области ЭМ – подцентр сформировался вокруг города Орехово-Зуево – двенадцатого в области по численности населения. Всего ЭМ – подцентров в России 84. Из них 61 – вокруг городов с населением свыше 75 тыс.чел. и 23 – вокруг городов с населением менее 75 тыс.человек. ЭМ – подцентры располагаются как как в центральных частях АТЕ, так и на их периферии. Например, Великолукский ЭМ в Тверской области, Норильский ЭМ – в Красноярском крае. Подобно центральным пристоличным ЭМ, ЭМ – подцентры, как правило, обладают более благоприятным инновационным микроположением, чем окружающие их ЭМ других типов. Обычно у них и неплохое транспортно-географическое микроположение.

Тип III. ЭМ – ресурсные ареалы / в том числе ареалы отдыха /. Это ЭМ, включающие в себя территории, богатые полезными ископаемыми или лесными ресурсами, находящимися в стадии масштабной промышленной разработки или активной подготовки к такой разработке, а также крупные общероссийского значения зоны отдыха, туризма и альпинизма. В нашей сетке ресурсных ЭМ – 48. Они разбросаны по всей стране. В европейской части их 19, больше всего в Уральском экономическом районе, несколько меньше – в Северном и Северо-Кавказском экономических районах. В числе ресурсных ЭМ европейской части и Сочинский ЭМ со средней плотностью населения 87 чел.на кв.км, и Апатито-Мончегорский ЭМ со средней плотностью населения 14 чел.на кв.км, и Ненецкий ЭМ, не имеющий даже железных дорог общего пользования, со средней плотностью населения 0,23 чел.на кв.км. В восточных районах страны ЭМ- ресурсные ареалы / их здесь 29 / распространены повсеместно, но выделяются количеством Тюменский Север, Якутия и Сахалин. ЭМ – ресурсные ареалы редко расположены в центральных частях своих АТЕ. Многие из них имеют низкую среднюю плотность населения. Однако на общем фоне, ЭМ – ресурсные ареалы, как правило, выделяются своим экономическим потенциалом и производственной активностью. Подобно большим городам, они сами создают своё ЭГП, притягивая к себе инновации и транспортные пути. Вместе с тем, ЭМ – ресурсные ареалы сравнительно мало зависят от своего соседского микроположения и чаще всего слабо влияют на окружающие территории. По совокупности соображений мы причислили ЭМ – ресурсные ареалы к центральным ЭМ. Ведь «по отношению к инновационному процессу периферийность отражает неспособность регионов генерировать технологические, социальные и другие инновации» / 1 /. А к ЭМ – ресурсным ареалам вышесказанное не относится.

Периферийные части республик, краёв и областей мы обычно представляем как территории, отдалённые от республиканских столиц, краевых и областных центров, тяготеющие к границам АТЕ,

и, главное, заметно уступающие по экономической активности и средней плотности населения тем ЭМ, которые мы относим к центральным. Всё это имеет место. Однако периферия – периферии – рознь. Различные периферийные территории достаточно заметно различаются между собой. В первую очередь следует выделить ЭМ, обладающие более активным ЭГП, по сравнению с другими периферийными районами. Это ЭМ типа IV и ЭМ типа V.

Тип IV. ЭМ – активное пограничье. Это территории, расположенные на периферии республик, краёв и областей, но отличающиеся от других периферийных территорий наличием активных связей со смежными районами соседних АТЕ. В ЭМ типа IV наблюдается всплеск экономической активности, постепенно падающей по мере отдаления от центральных пристоличных ЭМ. Например, Муромский ЭМ во Владимирской области или Выксунский ЭМ в Нижегородской области. Ориентировочный перечень подобных территорий был нами ранее составлен и опубликован / 3 /. Следует продолжить этот список, добавив в него, прежде всего, ЭМ, в составе которых есть морские порты. К типу «ЭМ – активное пограничье» необходимо дополнительно причислить также некоторые ЭМ, примыкающие к сухопутным границам России. Всего «ЭМ – активное пограничье» в нашей сетке стало 83. Как правило, им свойственны более высокие населённость и уровень экономического развития, чем другим периферийным ЭМ. «ЭМ – активное пограничье» обладают лучшим соседским и транспортно-географическим микроположением, чем другие периферийные ЭМ. В оценку этого микроположения входит не только учёт положения относительно других ЭМ данной республики, края или области, но и учёт положения относительно смежных территорий соседних АТЕ.

ЭГП ЭМ следующих типов / V – VII / в решающей степени определяется транспортным фактором – положением относительно сети железных дорог общего пользования и водных транспортных путей: морей и крупных судоходных рек.

Тип V. Примагистральные ЭМ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Это особый, относительно немногочисленный / 11 / тип ЭМ, выделяемых по их ЭГП. Причина выделения следующая. Все ЭМ с периферийным положением, за исключением относящихся к типу «ЭМ – активное пограничье», в совокупности могут быть отнесены к глубинке, а некоторые из них даже к медвежьим углам. Однако часть из тех, которые расположены вдоль Транссиба или БАМ / например, Зиминский ЭМ в Иркутской области, Северо-Байкальский ЭМ в Бурятии, Бикинский ЭМ в Хабаровском крае и ещё ряд подобных / как-то не отвечают представлению о глубинке, а тем более о медвежьих углах. Через эти ЭМ с запада на восток страны, и в обратном направлении, идёт мощный транспортный поток, который «вызывает сильный инновационный ветер». Как результат жизнь в этих ЭМ гораздо более активная, чем в соседних глубинных ЭМ. И они заслуживают выделения в отдельный тип.

Если ЭМ, относящиеся по типологии ЭГП к типам IV и V, несколько выделяются среди других периферийных районов хорошим соседским микроположением или лучшим ТГП, и как результат - повышенной экономической активностью, то ЭМ, относящиеся к двум последним типам ЭГП – VI и VII – это типичная периферия. Отличаются между собой они только тем, что ЭМ типа VI «Глубинка» имеют на своей территории железные дороги общего пользования, а ЭМ типа VII «Медвежий угол» - железных дорог общего пользования на своих территориях не имеют.

Тип VI. Глубинка. Самый многочисленный – 106 ЭМ. И самый пёстрый по составу. Включает в себя ряд ЭМ, имеющих на своей территории средние города - Клинцы, Ливны, Россошь, Лабинск, Михайловка, Чистополь, Ишим, Тобольск, Минусинск, Арсеньев. Среди ЭМ этого типа и Лакский в Дагестане, средняя плотность населения которого 47 чел. на кв.км, и Верхнекетский в Томской области, со средней плотностью населения только 0,4 чел. на кв.км. К типу VI отнесено в виде исключения несколько ЭМ, не имеющих на своей территории железных дорог общего пользования, расположенных по берегам Волги и Камы, в южных степях, в густонаселённых частях Горного Дагестана, на берегах Байкала и Амура. Инновационное микроположение ЭМ типа VI – плохое. А соседское микроположение и транспортно-географическое микроположение может быть и хорошим. Обычно это в первую очередь зависит от положения ЭМ относительно центрального пристоличного ЭМ данной АТЕ.

Тип VII. Медвежьи углы. Единственное типологическое отличие от ЭМ предыдущего типа – полное отсутствие железных дорог общего пользования. Из 53 «медвежьих углов» треть расположена в европейской части страны, две трети – в восточных районах. В европейской части более всего ЭМ этого типа в Северном районе. Средняя плотность населения ЭМ типа VII в европейской части колеблется от 20,6 чел.на кв.км в Сернурском ЭМ до 0,04 чел.на кв.км в Новоземельском ЭМ. В восточных районах диапазон колебаний меньше – от 5 чел.на кв.км в Восточно-Алтайском ЭМ / к

востоку от Барнаула / до 0,03 чел.на кв.км в Оленёкском ЭМ. Однако большая часть «медвежьих углов» в восточных районах представляет крайне редкозаселённые пространства. В тридцати из них средняя плотность населения ниже 1 чел.на кв.км, а в четырнадцати – ниже 0,1 чел.на кв.км.

В заключении приводим в качестве примера дифференциацию по типам ЭГП территории Саратовской и Иркутской областей.

Саратовская область		Иркутская область	
ЭМ	Тип ЭГП	ЭМ	Тип ЭГП
Саратовский	Пристоличный	Иркутский	Пристоличный
Петровский	Глубинка	Верхнеленский	Медвежий угол
Балаковский	Подцентр	Ольхонский	Ресурсный ареал
Пугачёвский	Глубинка	Слюдянский	Активное пограничье
Ершовский	Глубинка	Черемховский	Подцентр
Новоузенский	Глубинка	Зиминский	Примагистральный
Ртищевский	Активное пограничье	Тайшетский	Активное пограничье
Балашовский	Подцентр	Братский	Подцентр
		Усть-Кутский	Примагистральный
		Катангский	Медвежий угол
		Бодайбинский	Ресурсный ареал

Литература

1. Дмитриева Т.Е. Периферийность: содержание, оценка, экономические следствия // Проблемы пограничных районов России. Под редакцией Ю.Г.Липеца. М.: ИГ РАН,2004. С.43.
2. Лейзерович Е.Е. «Спорные» территории АТД России // Проблемы ппригранничных регионов России. Под редакцией Ю.Г.Липеца. М.: ИГ РАН, 2004. С.73-76.
3. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России / сетка и типология /. М.Трилобит, 2004. 128 с.

Самсонов В.Б., Колисник И.И.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЕОСИСТЕМЫ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

В последние годы философия синергетики все больше и больше получает прикладной характер,становясь методологической и даже методической основой множества естественных и общественно-гуманитарных наук о Земле, в том числе региональной экономики и социально-экономической географии. Актуальность философско-синергетического осмысления региональных геосистем возрастает в связи с тенденцией сокращения на североевразийском простирании России разветвленной сети сельских регионов и поселений.

Тенденция «свертывания» синергии территориальных сетей приняла геоэкономические и геополитические масштабы. Существует угроза и для продовольственной безопасности России, особенно на северо-западных территориях Европейской части страны и в обширной полосе сельского расселения вдоль границ с Казахстаном и Китаем.

Исследования показали, что типичным примером нелинейной динамики агропромышленной интеграции и урбанизации села служат противоречивые процессы субурбанизации и рурбанизации, широко протекающие последние годы в низовых сельских районах Саратовской области. Аналогичные процессы деградации сети сельских поселений под неоднозначным воздействием урбоиндустриальных факторов наблюдаются многие десятилетия в развитых странах по всему миру.

В связи с этим авторами привлечены синергетические положения социоэкосистемной экономики, которая представляет из себя неоклассический синтез идей региональной экономики, социоэкономики (SASE) и экономики природопользования. Соответствующее теоретическое обоснование изложено в коллективной монографии «Социоэкосистемная экономика (фундаментально-прикладные проблемы)», выпущенной в свет в 2004 г. под редакцией проф. В.Б. Самсонова в рамках Совместного учебно-научного центра (СУНЦ) ИАгП РАН и СГУ. Эта монография содержит единый анализ природно-ресурсного потенциала, инвестиционно-строительного комплекса и регионального управления рисками урбанизации села в современной России с заключительным изложением авторского варианта синергетической теории социоэкосистемы.

Поводом для создания и применения в области сценарного прогнозирования социоэкосистемной экономики новой синергетической парадигмы послужила слабость интеграции экономики природопользования и охраны окружающей среды, социоэкономики и региональной экономики. Даже в таком фундаментальном труде, как «Стратегический синергизм» под ред. Э. Кемпбелла и К.С. Лачс (2-е изд., СПб., 2004), отсутствует социоэкосистемный источник освещения экономической синергии бизнес-единиц и корпоративного управления. Наиболее близка для цели и задач нашего исследования монография Вячеслава Леонидовича Бабурина «Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход)» (М., 2002).

Намечено в русле оригинальной синергетической теории продолжить обобщение результатов текущих междисциплинарных исследований ИАгП РАН по научному направлению Отделения общественных наук РАН с индексом 7.2.11. «Закономерности трансформации аграрных отношений и реформирование агропромышленного комплекса» (науч. рук. академик А.А. Анфиногентова). Интересны разработки так называемой «физической экономики» (ВНИИгеосистем, Международный университет природы, общества и человека «Дубна» в лице президента РАЕН О.Л. Кузнецова и профессора Линдона Ларуша, США). Отметим оценки временных рядов и прогнозов агропромышленной интеграции и урбанизации села, выполненные специалистами Института социологии и Института социально-политических исследований РАН, соответствующие синергетические выкладки Института прикладной математики РАН.

Имеют теоретико-методологическое значение научные дискуссии вокруг актуальных проблем «Стратегия опережающего развития для России XXI века», «Распад СССР: 10 лет спустя», «Альтернативы глобализации: человеческий и научно-технический потенциал России», «Новая политика для новой экономики: альтернативы рыночному и консервативному фундаментализму», «Гуманизм как теоретическая и практическая проблема». Поучительны выводы о генезисе кризиса природы, экономики и общества в России, представленные многочисленными публикациями последователей отечественной школы социоестественной истории (СЭИ), основанной в 1990-е годы к.э.н., д.филос.н., проф. Э.С. Кульпиным (Институт востоковедения РАН). Значителен синергетический задел у факультета нелинейных процессов Института открытых систем, кафедр вычислительной физики и экономической теории классического Саратовского госуниверситета.

Для достижения указанных целей планируется провести опрос выборочной совокупности сельских и городских педагогов по специализированной анкете «Место и ход Вашей жизни». Опрос будет организован на базе Аткарского района Саратовской области и Кировского района областного центра – г. Саратова. За методическую основу принята применяемая социологами ИАгП РАН в 1990-е годы в условиях сельских территорий анкета «Ваши условия жизни».

Адаптированная к решению исследовательских задач социологическая методика позволит выявить особенные для выборочной совокупности сельских педагогов условия труда, быта и отдыха, ценностные ориентации и профессиональные предпочтения, дать оценки процессам воспроизводства человеческого капитала в локальных системах здравоохранения и образования, степени эффективности организации местного самоуправления. Будет проведена апробация состава задействованных индексов социологического инструментария и показателей статистики. Квалиметрические результаты социоэкосистемного анализа сопоставимы с аналогичными результатами лабораторного исследования 2004 г.

Социальная инфраструктура сельских территорий включает сеть различного рода услуг населению в сферах землеустройства, жилой застройки, энерго- и водообеспечения, здравоохранения, образования, дорожно-транспортного передвижения, охраны природы, отдыха и т.д. За последние десять-пятнадцать лет в РФ образовались обширные ареалы деградирующей

социально-экологической инфраструктуры села практически во всех федеральных округах страны. Географическая карта 52 регионов европейской части России, Саратовской области включительно, испещрена «белыми пятнами» социально-инфраструктурного развития, где плотность сельского населения менее 5 чел./км^2 (рис. 1).

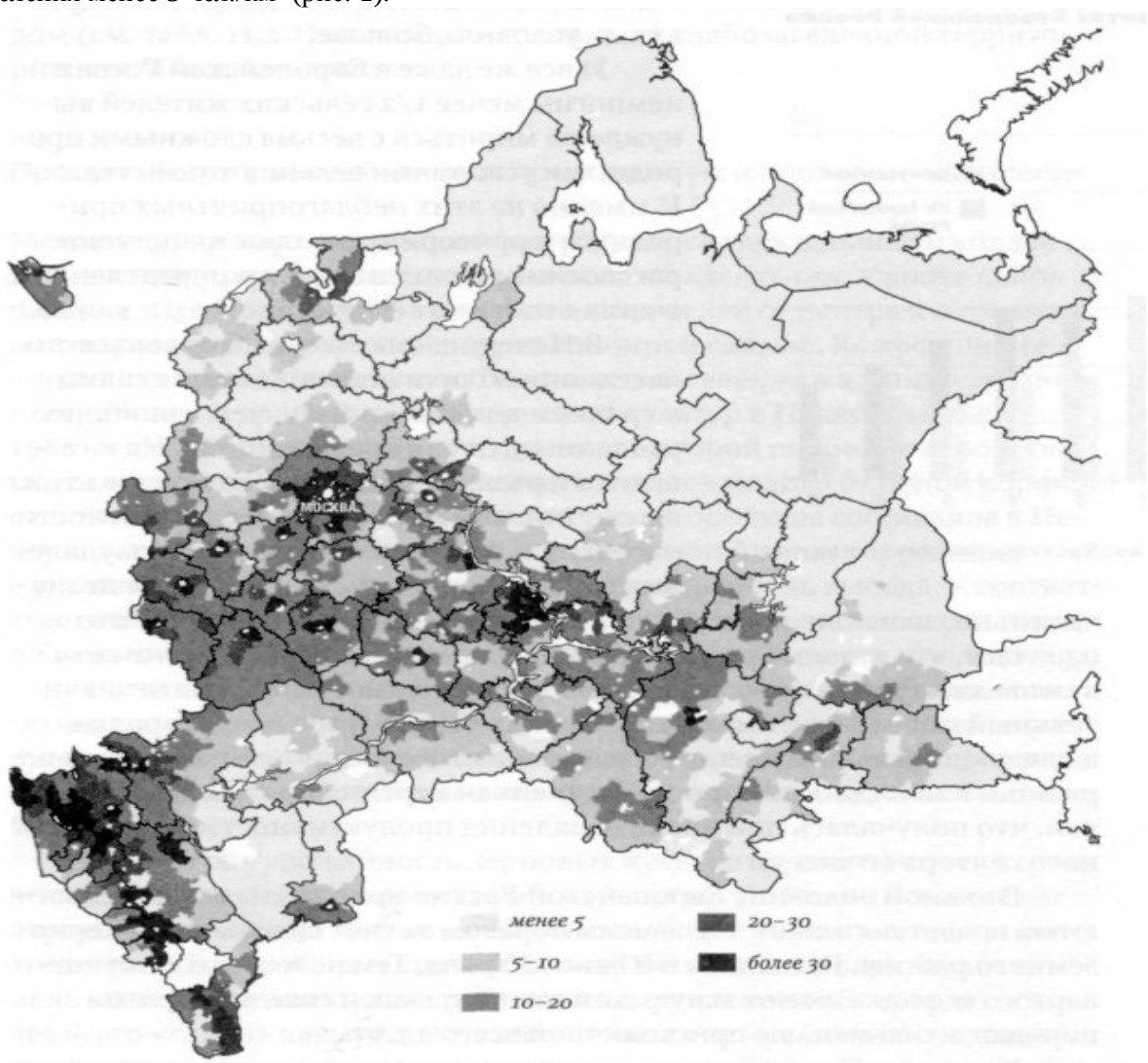

Рис. 1. Плотность сельского населения 52 регионов европейской части России, без населения сельских центров административных районов, чел./км^2, 2000 г. (Т.Г. Нефедова, 2003).

Стратегической целью социально-инфраструктурного развития сельских территорий в текущий кризисный переходный период является борьба с деградацией сельских населенных мест, восстановление и приумножение экономического потенциала регионального управления социальной инфраструктурой села, прежде всего, за счет финансовой поддержки деловой активности сельчан. При этом к числу целесообразных стратегических задач следует отнести:

1) формирование федеральных источников кредитных ресурсов на уровне областной целевой программы развития сельских местностей региона с предоставлением районным муниципальным образованиям в достаточном объеме налогооблагаемой базы и социальных трансфертов;

2) финансирование районными муниципальными образованиями комплекса экономических и социально-экологических мероприятий по обустройству районного центра и окружающих его местных территорий для предотвращения деградации пахотных земель и соблюдения эффективной организации природопользования;

3) повышение инвестиционной привлекательности социально-экологической инфраструктуры села с одновременным повышением ставки минимальной оплаты труда в сельских районах массовой бедности и обеспечением в социальной сфере села действительной нормы накопления;

4) социально справедливое распределение между сельскими территориями и райцентрами природной ренты посредством рационального размещения производительных сил, расселения населения, обновления инфраструктуры АПК, энергетики, нефтегазодобычи и т. д.

5) управление региональным АПК на уровне областного правительства и муниципальных

образований посредством энергетических субсидий и взаимной сбалансированности сельскохозяйственного воспроизводства, многофункциональных социальных инфраструктур города и села;

6) повышение экономической эффективности социально-инфраструктурного развития сельских территорий в условиях противоречивой урбанизации, излишне радикального проведения земельной реформы, падения природно-ресурсного потенциала села.

На федеральном, субфедеральном и региональном уровнях должна сложиться в иерархическом и функционально согласованном порядке система государственных программ по развитию сельских регионов благодаря реабилитационным кредитам и грантам (субсидиям). Нацеленность системы управления сельским хозяйством и другими отраслями регионального АПК на приоритетное в регионе инфраструктурное развитие территорий должна сопровождаться социально ответственной экономической организацией освоения и использования природно-ресурсного потенциала региона. Свою роль должно сыграть введение в действие с января 2006 г. федерального закона о местном самоуправлении, что должно увеличить количество местных органов власти с 11,5 тыс. до 28 тыс., а объем их материальных и финансовых ресурсов – до 40% консолидированного бюджета РФ (свыше 2 трлн руб.).

Стратегически важно добиться социально справедливого распределения природной ренты для комплексного развития инфраструктуры сельских территорий на основе высоких геоинформационных технологий и районных планировок. Необходим жесткий государственный контроль за соблюдением олигархическим капиталом (особенно в топливно-энергетическом и минерально-сырьевом комплексах) социальной ответственности в отношении деградации и вымирания села. Насущно широкое внедрение в организацию инвестиционно-строительного комплекса сельских регионов, прежде всего в жилищное строительство, современных методов землеустройства, ипотечного кредитования, жилищно-строительного кооперирования, улучшения конкурентной среды застройщиков.

К методическим принципам совершенствования управления социально-инфраструктурным развитием села следует отнести, во-первых, использование интегрального критерия состояния и нелинейной динамики регионального развития сельских территорий. В качестве этого критерия использована *категория биопсихосоциального (не)благополучия сельского населения с набором базовых социально-инфраструктурных показателей*, относящихся к организации на селе жилой застройки, образования и здравоохранения.

Во-вторых, к этим методическим принципам стоит отнести *обновление регионализации, кластернизации и анклавизации сельских территорий, относительно самостоятельно развивающихся* во взаимодействии с городскими территориями. Из-за резкого увеличения в стране численности муниципальных образований и их хозяйственной самостоятельности обновление административно-территориального деления местностей, состава и функций местных управленческих кадров, по экспертным оценкам, потерпит фиаско, если в законодательной базе местного самоуправления в достаточной мере не будут отражены закономерные особенности североевразийского простирания страны.

В-третьих, принципиальную роль играет *экономико-статистический анализ пороговых значений и выдвижение на этой основе целевых ориентиров регионального развития* базовых отраслей социальной инфраструктуры села. На уровне Российской Федерации, Приволжского федерального округа и Саратовской области в разрезе конкретных единиц административно-территориального деления намечены целевые ориентиры и нижние пороговые значения социально-инфраструктурного развития ряда сельских регионов.

В-четвертых, принципиальное значение в пространственно-временной организации социально-инфраструктурного развития села имеет *учет циклов, фаз, ритмов и тенденций изменения регионального развития и взаимодействия сельских и городских территорий*. Анализ показал, что практически на любом уровне региональной экономики и в любой отрасли социальной инфраструктуры на нелинейной динамике регионального развития сельских территорий закономерно сказываются процессы агропромышленной интеграции и урбанизации.

Основная направленность совершенствования управления социально-инфраструктурным развитием сельских территорий со стороны региональных органов государства и местного самоуправления:

- поддержка и развитие инфраструктуры жилой застройки села;
- поддержка местных систем образования и здравоохранения;
- соблюдение трудового права в сельском хозяйстве региона;

- социальная защита населения и охрана окружающей среды;
- борьба с бедностью (проведение программ помощи неимущим);
- совершенствование природно-архитектурного ландшафта;
- симметричное освоение природно-ресурсного потенциала;
- активизация биологического потенциала агроэкосистемы.

В кризисных условиях переходной экономики необходимы довольно жесткие приемы правового и административного регулирования (введение стандартов, лицензирование, аудит, контроль за выполнением предписаний). Нужно обобщение регионального опыта межотраслевой организации социально-инфраструктурного развития сельских территорий на основе различных методов социального партнерства государства, общественности и частного сектора народного хозяйства. Значима комбинация прямого административного регулирования и применения рыночных рычагов, а также субсидий с целью облегчения перехода национальной экономики на высокие социально-экологические технологии (геоинформационные, землеустроительные в первую очередь).

Вместе с тем, в народном хозяйстве Саратовской области при восстановлении и приумножении экономического потенциала регионального управления процессами социально-инфраструктурного развития территорий необходимо преодолевать излишне жесткую властную вертикаль Министерства сельского хозяйства РФ. В этом отношении определенную ценность имеет опыт программирования «уполномоченных зон» и «предпринимательских сообществ» и организации межотраслевого партнерства по сельскому развитию в США.

Важно учитывать опыт эффективной региональной политики устойчивого социально-инфраструктурного развития сельских территорий. Интересны, в частности, региональные программы финансовой поддержки развития сельской социальной и инженерной инфраструктуры в Белгородской области, Мордовии, Татарстане и Чувашии. Следует изучить пилотные проекты Министерства международного развития Великобритании в Ленинградской и Нижегородской областях. Известен опыт обоснования адресной социально-экологической политики, накопленный Институтом экологии Волжского бассейна (ИЭВБ) РАН при выполнении Федеральной целевой программы «Оздоровление экологической обстановки на реке Волге и ее притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов Волжского бассейна («Возрождение Волги»)».

На национальном, региональном и местном уровнях принципиально невозможно увеличить размеры валового внутреннего продукта и успешно бороться с бедностью без управления рисками экологически устойчивого социально-инфраструктурного развития сельских территорий. В первичный состав указанных рисков входит пассивность сельских домохозяйств и низкий уровень семейных доходов сельского населения, неумелая приватизация сферы социальных услуг и монетизация льгот сельскому населению, а также противоречивые спонтанные процессы агропромышленной интеграции и урбанизации сельских территорий.

В сферу регионального управления рисками экологически устойчивого социально-инфраструктурного развития сельских территорий должна войти текущая дезорганизация региональных хозяйств на почве высоких техноантропогенных рисков и экономического кризиса природопользования. К той же сфере стоит отнести смену чрезмерно централизованной организации социально-экологической инфраструктуры хаосом неформальных и теневых экономических отношений, коррумпированным экологическим аудитом природопользователей.

Результативными инструментами регионального управления процессами социально-инфраструктурного развития села могут стать минимальные государственные социальные стандарты, социологические индексы социальных качеств и экономических способностей, экологических знаний и установок хозяйствующих субъектов. Подразумевается широкое применение в комплексном развитии сельских территорий высоких технологий Российской геоинформационной системы (дистанционная диагностика состояния природно-технических зон, картографирование и землеустройство сети объектов соцкультбыта и др.). В Институте аграрных проблем РАН наряду с активным использованием статистической базы регионального анализа применяются социологические приемы комплексной социально-инфраструктурной оценки сельских территорий.

В методический арсенал научного обоснования регионального управления социально-инфраструктурного развития сельских территорий могут войти после соответствующей адаптации следующие приемы: «кристаллы развития» для соизмерения ряда показателей человеческого и природного капиталов; «индекс человеческого развития» (здоровье и ожидаемая продолжительность жизни; охват населения основными ступенями образования в комбинации с грамотностью взрослого

населения; материальный уровень жизни). Новый оценочный прием «устойчивого развития»: человеческие ресурсы как ценность «сырого труда» и человеческого капитала, инвестиционные затраты, например, на охрану окружающей среды или образование.

Предлагаем превратить в эффективный способ совершенствования регионального управления социально-инфраструктурным развитием села такой известный метод стратегического и среднесрочного итеративного планирования, как сценарные прогнозы. Метод сценарного прогнозирования использован лабораторией социально-экологической инфраструктуры села Института аграрных проблем (ИАгП) РАН в русле плановой тематики научно-исследовательской работы «Переходные процессы урбанизации села в региональной агропродовольственной системе». Исходными теоретико-географическими положениями этой работы служат ключевые идеи монографии Бориса Борисовича Родомана «Территориальные ареалы и сети» (Смоленск, 1999).

Цель нашего исследования – социоэкосистемное обоснование организации переходных процессов урбанизации села в рамках комплексного развития региональной агропродовольственной системы (на примере Саратовской области). Целевая направленность исследования – интеграция научного обоснования и кадрового обеспечения комплексного развития сельских территорий определенного региона страны для эффективной реализации в регионах Федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2010 г.» и профильных законодательных актов на основе соответствующих сценарных прогнозов.

В качестве рабочей гипотезы указанной исследовательской разработки один из авторов выдвинул и сформулировал в коллективной монографии «Нелинейная динамика Земли: сферы и структуры самоорганизации» (Саратов, 2005) закон о биполярной динамике геосистем, который закономерно распространяется и на область сельского социально-инфраструктурного развития. В региональном множестве низовых административных сельских районов по каждому базовому показателю социально-экологической инфраструктуры (жилая застройка, образование и здравоохранение) выделяются две полярные группы с максимальными и минимальными на определенный период значениями. Исходя из триады категорий «симметрия, асимметрия, диссиметрия» и принципов марковских и немарковских цепей, можно построить философски и математически выверенные альтернативные сценарные модели сельского социально-инфраструктурного развития.

Системный подход к методике сценарного прогнозирования относительно регионального АПК Саратовской области основан также на философско-синергетическом осмыслении закономерных процессов урбанизации сельского расселения и поселений. В число таких закономерных процессов регионального развития агропродовольственных комплексов и систем входят исторически переходные процессы урбанизации села – субурбанизация и рурбанизация. Эти процессы предопределяют логику философско-синергетического обоснования социально-экологической стратегии устойчивой трансформации сельских территорий страны. Проблема состоит в том, что процессы субурбанизации и рурбанизации имеют в условиях переходной экономики России государственно нерегулируемую динамику, что разрушительно действует на социально-экологическую инфраструктуру села и, в конечном счете, на закономерное развитие отечественных агропродовольственных образований.

Ткаченко А.А., Богданова Л.П., Щукина А.С.

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ: ПОИСК АДЕКВАТНЫХ ПОДХОДОВ[1]

В статье излагается опыт разработки методики оценки социально-экономического положения муниципальных образований (далее – МО) районно-городского уровня /1/. В конце 2001 г. Российским правительством была утверждена Федеральная целевая программа «Сокращение

[1] Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 04-02-00194 а

различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002 – 2010 годы и до 2015 года)» /5/. Приложением к программе служила «Методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ». Администрация Тверской области посчитала целесообразным создать подобную методику для оценки ситуации в МО области, вследствие чего кафедра социально-экономической географии ТвГУ получила задание разработать такую методику.

Постановка данной задачи связана с потребностью в системе выборочной централизованной поддержки территорий. Необходимость такой поддержки вытекает из неравенства условий, в которых находятся муниципальные образования /2/. При существующих ныне территориальных контрастах просто бессмысленно говорить об устойчивом развитии. Сглаживание различий является необходимой предпосылкой достижения устойчивости /4/. Понятно, что поддержка территорий должна быть системной, алгоритм отбора – возможно более объективным и прозрачным. Речь, таким образом, идет о внутриобластной региональной политике (в ее научном смысле).

Первый вопрос, который предстояло решить – что поддерживать? Объектом поддержки может быть либо экономика, либо система управления, либо население. Федеральная программа ориентирована на выравнивание условий экономической деятельности, но на внутриобластном уровне имеет смысл говорить только о сглаживании различий в условиях жизни населения. Задача экономического выравнивания МО представляется совершенно нереалистичной, причем не только на современном этапе, но и в принципе. Поэтому в оценках надо было исходить в основном из социальных характеристик территорий.

Как известно, существует довольно широкий спектр вариантов региональной политики. Для наших целей достаточно назвать два принципиально различных варианта /3/. Стимулирующая региональная политика (РП) нацелена на активизацию регионального развития путем создания благоприятных условий для экономической деятельности. Компенсирующая РП ориентирована на смягчение ситуации и носит характер помощи наиболее слабым территориям. Эти варианты обычно рассматриваются как альтернативные стратегии, т.е. считается, что в определенное время конкретный субъект управления (правительство страны или администрация региона) может придерживаться одного из них.

Мы полагаем, что различие условий, в которых находятся объекты региональной политики (в нашем случае – МО), не позволяет использовать в отношении их однотипную стратегию. Территории, обладающие собственным потенциалом развития, должны стать объектами стимулирующей РП, тогда как слабые территории, практически лишенные такого потенциала, наоборот – объектами компенсирующей региональной политики. При этом основную часть тех средств, которыми располагает Администрация области для поддержки территорий, следует направлять на компенсирующую политику с целью повышения социальных гарантий жителям наиболее «слабых» МО.

Итак, объектом оценки служат муниципальные образования районно-городского уровня, а предметом оценки – сложившаяся в них социально-экономическая ситуация, которая понимается как сочетание условий и обстоятельств, определяющих уровень и качество жизни населения определенной территории в конкретное время. Логика оценки, отражаются общую концепцию работы, представлена на рис.1.

Всевозможных территориальных сравнений (так называемых «рейтингов») сейчас проводится очень много. Но, к большому сожалению, очень часто знакомство с используемыми системами показателей не позволяет считать результаты сравнений адекватными реальной ситуации. Нередко несоответствие носит просто вопиющий характер[2], поэтому в название статьи и включены слова «поиск адекватных подходов».

Главный порок большинства рейтингов – недостоверность используемой информации, что связано либо с сознательным ее искажением, либо с методическими просчетами. Например, недоучет объемов уличной торговли обесценивает такой популярный показатель, как объем розничного товарооборота на душу населения. Другой распространенный дефект связан с репрезентативностью используемых показателей. Они могут быть правильно рассчитаны, но при этом не иметь в настоящее время практического значения. Например, производство товаров народного потребления на душу населения или обеспеченность больничными койками. Иногда используются показатели, которые не могут рассматриваться в качестве характеристик территории, поскольку они не относятся ко всему ее населению. Так в одном из рейтингов по Тверской области сельский Ржевский район (без

[2] Весьма характерный пример – первое место Ямало-Ненецкого округа по уровню социально-экономического развития среди регионов РФ |6|.

Ржева) оказался лидером по промышленному развитию, хотя там из промышленных предприятий имеется только один гравийный карьер. Дело в том, что для характеристики промышленного развития был использован показатель производства промышленной продукции на одного работающего в промышленности.

Исходя из сказанного, важнейшей задачей мы считали правильный отбор показателей. Не в последнюю очередь он должен проводиться с учетом полноты и качества доступных данных. Формирование информационной базы исследования было проведено в два этапа. Сначала был разработан проект базы и сформулированы принципы отбора, затем – проанализирована работоспособность каждого показателя и сформирована система показателей, имеющая трехблочную структуру.

Принципы отбора достаточно традиционны. В силу случайного совпадения начальных букв они получили название «Правило 4-х Д». Речь идет о достоверности, доступности, дифференцирущей способности и динамичности используемых величин.

Под достоверностью понимается минимум искажений, связанных с методикой и сбора обработки информации. Это требование исключает в силу заведомой неполноты использование таких, казалось бы ясных и доступных показателей, как объем промышленной и/или сельскохозяйственной продукции и объем различных услуг населению.

Требование доступности состоит в том, что каждый из отобранных показателей должен либо быть представлен в официальной государственной или ведомственной статистике в разрезе муниципальных образований, либо достаточно просто рассчитывается на основе доступных данных.

Дифференцирующая способность («сила») показателя является обязательным условием для использования в любых (не только географических) сравнениях. В противном случае показатель мешает сравнению, т.к. нивелирует картину.

Требование динамичности подразумевает способность отражать ход социально-экономических процессов. В отличие от всех предыдущих, оно распространяется не на все показатели. Ряд характеристик, которые необходимо учитывать при сравнении территорий, во времени не меняются, это – т.н. «базовые показатели» (о них см. ниже).

Следует добавить, что все используемые показатели должны быть универсальны: методика должна позволять рассчитывать их для любой территориальной единицы – от областного центра до сельского района с несколькими тысячами жителей. И, наконец, каждый показатель должен иметь очевидную интерпретацию, т.е. должно быть совершенно ясно, что хорошо и что плохо. Иногда, например, используется показатель размера бюджетных расходов на душу населения. При этом остается не ясным, какие его значения предпочтительнее – высокие или низкие, так как максимальные значения наблюдаются у самых бедных и малонаселенных территорий.

Длительный и весьма скрупулезный отбор позволил сформировать систему из 18 показатлей, которые объединены в три блока (см. рис.2).

Первый блок – базовые показатели, отражающие наиболее общие условия жизни и деятельности населения. Эти условия сложились в результате длительного развития и практически не могут быть изменены в результате управленческих усилий или измениться в силу каких-то внешних обстоятельств. К базовым отнесены показатели ЭГП, накопленного экономического потенциала и демографической ситуации. Каждый из базовых показателей является интегральным показателем, объединяющим в себе по несколько параметров (см. рис).

Второй блок – показатели социального неблагополучия. Они отражают удельный вес отдельных групп (слоев) населения, нуждающихся в различных мерах социальной поддержки из средств областного или местных бюджетов. Набор этих показателей отражает основные направления социального неравенства, в том числе и территориальную несправедливость.

Третий блок – индикаторы социально-экономической ситуации. Эти показатели ориентированы на оценку текущих изменений и отличаются наибольшей динамичностью.

Методика расчета большинства показателей не требует пояснений. Все три базовых показателя оценивались в баллах. При оценке ЭГП для каждого его параметра использована своя балльная шкала, общая оценка получена путем суммирования трех частных оценок. Экономический потенциал оценивался исключительно экспертно – с учетом указанных на схеме параметров. По параметрам демографической ситуации было выполнено несколько парных группировок, а затем результаты переведены в балльную форму. К зоне социально-гарантированного расселения отнесены населенные пункты, расположенные в пределах 30-минутной доступности райцентра, при условии, что интенсивность движения общественного транспорта в одну сторону – не менее четырех рейсов в сутки.

Три блока различаются по продолжительности действия (актуальности) своих показателей. Если показатели первого блока в обновлении практически не нуждаются, а показатели второго блока достаточно обновлять один раз в пять лет, то показатели третьего блока требуют ежегодного обновления.

Обработка информации была проведена в электронных таблицах. По первому блоку рассчитаны суммарные баллы, по второму и третьему – ранги по всем показателям. Группировка по показателям первого блока дает возможность оценить различия в потенциале развития муниципальных образований, а вместе с показателями второго блока – дать совокупную оценку условий их социально-экономического развития (табл. 1,2). При этом основу итоговой оценки условий развития составляют базовые показатели, а показатели социального неблагополучия выполняют корректирующую роль.

Для целей региональной политики представляется целесообразным объединить муниципальные образования в три группы и соответственно предложить три варианта мер:

1. Для муниципальных образований с максимальным для Тверской области потенциалом, которые в табл.2 включены в группы МО с благоприятными и относительно благоприятными условиями развития, могут быть рекомендованы преимущественно меры стимулирующей региональной политики, направленные на саморазвитие территорий. При современном состоянии региональных финансов эта политика должна скорее носить нормативный (разрешительный), чем затратный характер.
2. Для муниципальных образований с наименьшим собственным потенциалом (группа МО с неблагоприятными условиями развития) необходимы прежде всего меры компенсирующей региональной политики, направленные на поддержку населения путем выделения дополнительных средств на содержание и развитие социальной инфраструктуры. Меры стимулирующей региональной политики необходимы и для данной группы МО, но при этом следует учесть заведомо низкую эффективность, а также преимущественно затратный характер этих мер в районах данной группы.
3. Для муниципальных образований со средней величиной собственного потенциала развития (группы МО со средними и относительно неблагоприятными условиями развития) целесообразно сочетание мер стимулирующей и компенсирующей региональной политики.

Для того, чтобы оценить степень использования муниципальными образованиями исторически накопленного потенциала, которым располагает каждое из них, итоговая оценка условий развития сравнивалась с показателями текущей социально-экономической ситуации, характеризующими происходящие в данное время на данной территории социально-экономические процессы (табл.3). Соответствие или несоответствие социально-экономической ситуации условиям развития муниципальных образований позволяет дать оценку использования накопленного социально-экономического потенциала и в определенной степени судить о качестве управления территориями.

Таблица позволяет выделить три группы муниципальных образований:

1. Муниципальные образования, достаточно эффективно использующие имеющийся потенциал развития (оценка текущей социально-экономической ситуации выше оценки условий развития) – таких МО 13:Удомельский, Бежецкий, Кашинский, Максатихинский, Кимрский, Кувшиновский, Осташковский, Кесовогорский, Бельский, Лесной, Пеновский, Торопецкий, Фировский районы.
2. Муниципальные образования, у которых оценка текущей социально-экономической ситуации соответствует оценке их потенциала развития – таких МО выделено 15: Тверь, Спировский, Старицкий, Калязинский, Андреапольский Краснохолмский, Оленинский, Весьегонский, Жарковский, Западнодвинский, Молоковский, Рамешковский, Сандовский, Селижаровский, Сонковский районы.
3. Муниципальные образования, недостаточно использующие имеющийся потенциал развития (оценка текущей социально-экономической ситуации хуже оценки условий развития). Подобных МО 13: Вышний Волочек, Кимры, Торжок, Ржев, Конаковский, Калининский, Лихославльский, Бологовский, Вышневолоцкий, Зубцовский, Нелидовский, Торжокский, Ржевский районы.

В целом выполненная работа позволяет сделать вывод об определяющем значении базовых показателей для социально-экономического развития муниципальных образований. Именно эти показатели задают основные параметры пространственных различий между МО практически по всем социальным и экономическим показателям. В связи с этим, внутриобластная региональная политика как краткосрочная, так и на длительную перспективу, должна строиться на основе сложившихся различий в потенциале развития территорий. Мониторинг же МО по текущим показателям должен

выполнять только вспомогательную роль и, видимо, не заслуживает того внимания, которое ему обычно уделяется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Л.П., Ткаченко А.А., Щукина А.С. Оценка социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях Тверской области (концепция, методика, результаты) / Научная серия «География и региональное развитие». Вып.3. Тверь, 2003. 63 с.
2. Богданова Л.П., Щукина А.С. Пространственная неоднородность региона как фактор формирования территориальных интересов // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. Смоленск, 2001. С. 64 – 68.
3. Ларина Н.И., Кисельников А.А. Региональная политика в странах рыночной экономики: Учебное пособие. М., 1998. 172 с.
4. Ткаченко А.А. Региональная политика как инструмент устойчивого развития // Научные проблемы устойчивого развития Тверской области: экономика, экология и социология: Сборник материалов ко Второй научно-практической конференции. Тверь, 2003. С. 26 – 28.
5. Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 годы и до 2015 года)» / Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации № 717 от 11 октября 2001 г. М., 2001
6. Хохлова О.А. Методические вопросы оценки уровня социально-экономического развития региона //Вестник статистики: Научно-информационный журнал. 2005, №1. С.58 – 65.

Левинтов А.Е.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Современная картина жизни может быть охарактеризована и как все более поляризованная, контрастная между городской и сельской, и как поле конвергенции городского и сельского образа жизни. Обе эти оценки достаточно тривиальны, до правдоподобия, а потому не заслуживают пристального внимания.

В данной статье, однако, будет утверждаться иной тезис, а именно: любое и все современные поселения одновременно являются и городскими и сельскими. Этот коллаж двух способов существования стал возможен за счет диверсификации понятия «город», за счет все возрастающей сложности и разнообразия наших представления о городе.

Выделим наиболее значимые для этой идеи параметры, характеристики и аспекты города как понятия.

1. Город обладает **духовным потенциалом**. Это выражается, обычно, в идее храма, жертвенника, святыни или иного сакрального места. Духовный очаг города тщательно охраняется. У многих народов имелась практика ставить по периметру этого духовного очага (храма, мечети, гробницы и т.п.) лучших стрелков из лука, чтобы по упавшим стрелам провести городскую черту (городские стены) и таким образом защитить это место в городе от внешних посягательств.

Точно также и взятие города у многих народов ассоциировалось с дефлорацией, например, тараном (поэтому-то города отдавались на поругание и изнасилование всех женщин до самого последнего времени: в конце Второй мировой войны так брались советскими войсками немецкие города).

Существует мнение, что это вызвано наличием духовной геомансии, опутывающей нашу планету и изображаемой во многих культурах огненным змеем или драконом. В узлах и сплетениях этой геомансии, там, где они локализованы: копьем Святого Георгия, камнем Егория, стопой или взглядом святого Михаила, Девы (наиболее частых покровителей городов), и ставятся храмы, капища, жертвенники.

2. Город как место есть специфическое пространство жизнедеятельности, в котором предыдущие следы культуры не табуируются, не руинизируются и не мумифицируются, а включаются в контекст актуальной жизни города. Даже мертвые города еще продолжают теплиться духовной жизнью и потому по сути **города неуничтожимы**. Город – одна из самых устойчивых форм места, присущая человеку с первых шагов его истории. Не надо думать, однако, что пещерные города – лишь ранне-историческая реальность. Античная Петра и пещерные города Крыма были заселены в еще относительно недавние времена, а Чуфут Кале в Крыму еще 10 лет тому назад был обитаем. Сейчас

севастопольские бездомные осваивают пещерный город в Инкермане. Микроскопический город-призрак Калико, приютившийся к брошенным серебряным копям в пустыне Мохаве, покинутый людьми еще в конце 19-го века, продолжает упорно цепляться за жизнь – и живет, теперь туризмом.

3. Город существует в напряженной **вертикали** дуальности: духовной виртуозности и социо-культурной шедевральности его мастеров. В этом смысле развитие города всегда вертикально, его распластанность по территории – не более, чем селитебные, промышленные, торговые, рекреационные или транспортные метастазы его жизнедеятельности. Независимо от религиозной окраски город – это цветок в небесном саду, манящий небесных пчел ароматами и красотой жертвенников, минаретов, куполов и маковок.

4. Города, как пишет Ф. Бродель, это **трансформаторы**: они повышают напряжение, ускоряют обмен, беспрестанно вершат судьбы людей. Город – как бы разрыв, судьба мира, он открывает двери того, что мы называем историей.

5. Города оказались, благодаря промыслам, искусствам и знаниям, сосредотачиваемым здесь, источниками чуть было не погибшей **свободы**. Так, Милан и поддержавшие его города Ломбардии, при поддержке Папы, одержали в 1176 г. победу в битве против императора. Через семь лет свобода городов, а, следовательно, сама идея свободы была признана в Констанце на законном основании. Таких эпизодов в истории – огромное количество, несмотря на самые августейшие, святейшие и партийнейшие притязания на ущемление свобод и свободы.

6. Город – это своеобразное хозяйство, в котором процесс социо-культурного воспроизводства является базовым, обязательным. Город может не развиваться, может даже не функционировать, может ничего не производить, но в нем всегда присутствует воспроизводство – в сфере образования, культуры, проектирования. Своеобразие городского хозяйства – в **искусственности ресурсов** его существования. Город живет прежде всего за счет человеческих инициатив и неиссякаемых интеллектуальных источников.

Нравственный баланс этих ресурсов был внятен даже в античной Греции: согласно греческой мифологии этим балансом является идея справедливости, позволяющая разным людям разных профессий и занятий жить вместе. Справедливость – единственно возможная компенсация, дарованная людям Зевсом после того, как Прометей раздарил им ремесла и породил братоубийственное разделение труда.

7. Искусственность ресурсов жизнедеятельности города связана с **проектируемостью и проектабельностью** города. Город не в состоянии жить естественной жизнью. Он всегда – месиво проектов и идей, противоречащих между собой, конкурирующих друг с другом, разномасштабных по объему и времени существования.

Общественные и индивидуальные интересы, находящие свое выражение в проектах, формируют полисность города, понимаемую и как ограничение круга этих интересов («полис» по-гречески «насыпь, насыпной вал» городской границы) и как основание политики.

8. Только в городе возможно формирование политики, плацдарма игры и борьбы разных интересов, разных фокусов – неуничтожимых в этой игре и борьбе и имеющих право голоса: даже в самые немые годы тоталитаризма город говорил разными голосами, и на тоталитарный вызов отвечал стихами Мандельштама, «Мастером и Маргаритой», картинами Филонова, воровскими малинами и кухонными разговорами.

Многофокусность городской жизни и политики предполагает независимость каждого из этих фокусов, каждый из которых имел свои средства и инструменты власти и управления, в том числе, в ряде случаев, и свое районирование города.

Вот некоторые, далеко не все фокусы Московской политии:

-генерал-губернатор (представитель императорской власти)

-Городская Дума (орган городского самоуправления)

-Московский военный округ

-Московская митрополия

-Московский учебный округ, возглавляемый Университетом

-пожарные части

-лечебно-больничные округа

-полицейские участки и околотки

-земство

-общества (Дворянское, Купеческое, Мещанское, Охотничье и др.)

9. Наконец, существует сугубо городская ментальность, сформировавшаяся еще в Темные века Средневековья, когда орды язычников и волны Великого переселения народов прокатывались по

Европе. Несколькими Вселенскими соборами епископам строжайше было запрещено покидать города, становившиеся единственными и разрозненными оплотами христианства в море паганизма. Сохранить свою веру вне городских стен могли только кретины (так называли в те времена фанатиков христианства). Епископы и небольшая паства горожан сплачивались вокруг городского храма, хранилища той или иной святыни. Вера и города держались не на всем универсуме вероучения, а на этом, частном эпизоде или свидетельстве существования Бога. Таким образом формировалось сугубо городское, **буржуазное мировосприятие священности частностей и частной собственности, приватности веры, индивидуальности**. Городская ментальность – особая, ущербная ментальность, неполноценная относительно всего вероучения и противоречащая самой сути христианства, учения откровенно антиурбанистического и выступающего против частной собственности, проектируемости будущего и предпринимательства.

Контрастна европейской русская ментальность: здесь епископы при приближении «поганых» бросали свои алтари и города (например, патриарх киевский покинул Киев в 13 веке и более туда киевские патриархи не возвращались). Если европейцу ради сохранения своей веры необходимо было оставаться в городе, то русскому христианину – покинуть его, унося не храмы и святыни, но весь универсум вероучения в укромные лесные поляны, крестьянствовать там (русский христианин – не «кретин», но «крестьянин»). Отсюда – особая соборность сельского менталитета, строящаяся на идеях универсальности и в пренебрежении к частностям и частной собственности.

Село противостоит городу своей горизонтальностью, вплоть до грамматических форм («в городе» как вертикали, но «на селе» на горизонтали). Село своим хозяйством стремится к расширению горизонта своих угодий: пашен, пастбищ, лугов, лесных, речных и озерных угодий. Село естественно, природно и по смыслу своего существования и по ресурсам, включаемым в оборот сельского хозяйства. Да и само это хозяйство естественно, как естественна деятельность земляных червей. И эта естественность сельского существования, слитность с природой весьма привлекательны для утомленных урбанистической хлопотной жизнью. Сельский образ жизни – младенчество человеческой цивилизации, идеал возвращения к детству Ж.Ж. Руссо.

Сельская ментальность соборна – это отражается и в универсальности сельского мышления и в способах организации сельской жизни – миром, общинно, соборно.

Сельскохозяйственное село – наиболее распространенная и банальная форма сельской жизни.

Городское село – диковинка, на которую ходят дивиться. Городские села построил в свое время Алексей Михайлович в Измайлове по берегам Серебряно-Виноградного пруда. Огромное городское село сооружено было в Москве при Сталине (ВСХВ), позже такие же села появились и в других крупных городах страны. Своеобразными городскими селами являются фермерские и колхозные рынки. От просто села городские села отличаются своей искусственностью.

Традиционное противопоставление и сравнение города с селом, городского образа жизни с сельским кажется на современном уровне развития географических представлений уже недостаточным.

Город благодаря сложности представлений о нем может быть противопоставлен также *антигороду* и *антиселу*.

Антигород имеет свою, достаточно древнюю историю. Примером антигорода могут, например служить Кумранские пещеры, где, при добровольности вхождения в общину, свобода не только отсутствовала, но находилась под строжайшим запретом. Строжайшая, аскетическая необходимость царила у кумранитов – и каждый шаг был заранее предписан и расписан суровыми правилами общежития.

Кумранские ессеи настолько противопоставлялись единственному, в их глазах, городу, Иерусалиму, что даже имели другое суточное и календарное время, а потому произносили самое секретное имя Бога вне Святая Святых Храма и в неурочное для иудеев время.

Царством отсутствующей свободы и безжалостной необходимости является и некрополь. Этот антигород к тому же, подобно селу, имеет склонность только к горизонтальному простиранию и напрочь лишен вертикали, духовной возвышенности, даже несмотря на кладбищенские церкви и часовни.

Столь же несвободен и мир самой жалкой формы антигорода, которую условно можно назвать «шахтерский поселок», но куда можно отнести почти все промышленные пгт.

Исторически самым мощным оппонентом города, антигородом является монастырь. В отличие от кумранитов, монастырь – не только средоточение учености и образования, но и явный «проектировщик» города. Под патронажем христианских монастырей шло формирование и развитие

торговли в Европе, прежде всего ярмарочной. В России также ярмарки приурочивались к церковным праздникам и крупным событиям монастырской жизни.

Антигород противостоит городу также своей уничтожимостью, смертностью. Даже кумранские пещеры оказались брошенными людьми, несмотря на несколько столетий существования кумранской мужской общины. Новейшая отечественная история продемонстрировала уязвимость и уничтожимость монастырей, Впрочем, исчезли и многие монастыри Европы, особенно в ходе Реформации. Все так называемые мертвые города – не более чем пгт, по сути, а не по административному статусу. Зона БАМ была усеяна мертворожденными пгт. Сюда же относятся и давно умершие соцгородки ГУЛАГа.

Характерной чертой антигорода в любой его модификации – монофокусность организации: кумраниты занимались толкованием книг последних иудейских пророков (кладбище есть кладбище), пгт – всего лишь спальный цех одного-двух родственных предприятий, коттеджные поселки создают иллюзию престижной жизни.

Антигородскими селами являются спальные районы, пригороды и города спутники с их сонной и растительной жизнью, где почти все, как на селе, но полностью отсутствует соборность.

Существуют и антисельские села – барские усадьбы 18-19 веков, разорительные для сел, лишенные горизонтальности (владения – не угодья), вычурная и паразитарная форма существования.

Не столь распространен тип поселения, который можно было бы назвать *антиселом,* которое, так же, как и село и антигород, противоположно городу по трем признакам. Антисело формировалось и присутствовало в истории как резиденция, как место проживания, некое житейское образование, находящееся во взаимной ненависти или неприятии с городом, наполненном духовностью. Например, любой кремль смотрится в черте и центре города бельмом, тщательно охраняемым и огороженным от города мощными крепостными заборами. Мы все с большей ясностью понимаем всю случайность и нелепость антисела и его обитателей. Эта случайность обуславливается, прежде всего, тем, что любое антисело не является трансформатором, преобразователем – это всего лишь транслятор: власти, образа и способа жизни и т.п.

Если кремль и ему подобные образования – городское антисело, то сельским антиселом являются дачные поселки с их попытками реанимации своего сельского прошлого, тщетными попытками решения своих продовольственных проблем и потребностей, трансляцией городского образа жизни на селе. В отличие от «городского антисела» «сельское антисело» обладает житейской ущербностью, ярко выраженной сезонностью (зимой эти поселения гораздо ближе к кладбищу, чем к чему либо другому). Наиболее вычурными и нелепыми проявлениями «сельских антисел» являются шестисоточные участки вблизи Норильска и дачные поселки сельских жителей, живущих в пятиэтажках с неработающей системой канализации и водопровода, отправляющихся в город за продуктами и имеющими сорокачасовую рабочую неделю на птицефабрике, свинокомплексе и других индустриализированных сельскохозяйственных производствах.

«Антисельским антиселом», апофеозом случайности является коттеджный поселок, новейшая версия антисела, мощное средство зарывания в землю талантов, творческих и денежных, добровольное лишение себя свободы, кладбище для желающих хоронить себя заживо, поселение, по бессмысленности своего существования, равное пгт. «Поля чудес» с коттеджами новых русских, в значительной степени находятся в состоянии вечного недостроя и необитаемости, не сезонной, а перманентной случайности.

И, наконец, город.

Есть города, жители которых столь быстро, катастрофически быстро стали горожанами, что реально стали жертвами урбанизации: сохраняя сельскую ментальность, они, очутившись в городах, превратились в маргиналов – то потешных, то трагических. Они живут в городских кварталах, сохраняя обычаи и традиции своей деревни, сохраняя общинную замкнутость и связи внутри общины. Их присутствие и поведение в городе заметно и очевидно. Через маргинальные хождения по мукам прошли жители московских деревень, снесенных и сселенных в многоэтажки, многие минчане, обитатели Набережных Челнов. Носителями сельской ментальности в городе была печально известная «лимита».

Самым городским, самым урбанизированным городом принято считать нью-йоркский Манхеттен, даже архитектурно подчеркивающий свою вертикальность и устремленность вверх. На Манхеттене ощутимы и зримы все девять признаков города – порой они гиперболизированы.

Освобожденный от «кремля» и столичности, Нью-Йорк – столица мира не только по размещению здесь штаб-квартиры ООН, но и по явленности, даже экстремальности всех признаков города.

Сельский город – некоторая промежуточная форма между селом и городом, пожалуй, самая распространенная форма городских поселений. Сюда относятся, конечно, центры переработки сельскохозяйственной продукции и обслуживания сельского хозяйства. В сельском городе присутствуют все достоинства и недостатки города и села. И каждый признак урбанизации здесь в той или иной мере буколичен и пасторален.

Принципиальным антигородским городом является Университет.

Это, по сути, началось с войны town contra gown («город против мантии») в Англии, где университеты вынуждены были обособляться и обороняться от городской черни и невежественной толпы. Университеты как планетарные, ойкуменистические носители науки и образования. Университеты, за редким исключением, выполняют миссию национального, регионального, а не городского масштаба, не только не вписывались в масштабы городов, даже крупных, но и противостояли им. В России первым был открыт московский Университет, потому что Москва была нестоличным городом. По уставу Московского Университета он был независим и от центральной власти и от городской.

Университет соответствует всем характеристикам города и повторяет его в миниатюре. Более того, даже если Университет ориентирован на вмещающий его город, как, например, Университет Портланда, он противостоит городу, будучи его проектировщиком и стратегом городского развития.

Антисельский город – явление чрезвычайно редкое. Классическим примером такого города был Карфаген, вечно враждовавший со своим сельским окружением и существовавший исключительно благодаря внешним связям. Слишком контрастные своей среде, подобные города могут существовать только насильственно и потому эфемерны и поглотимы своей округой. Таким эфемерным контрастом и вызовом является Лас Вегас. Интересно, как долго просуществует это чудо, так интенсивно перерабатывающее под себя всю Неваду?

В обобщенном виде вся гамма типов городских и сельских поселений представлена в следующей таблице:

Онтологическая типология мест поселения

	город	село	антигород	антисело
село	городское село (ВСХВ)	сельскохозяйственное село (село, деревня)	спальные районы и пригороды	барская усадьба
город	урбанизированный город (Манхеттен)	сельский город (центры АПК)	университет	Карфаген
антисело	детинец, кремль, королевский замок	дачный поселок	ИТЛ и ГУЛАГ	коттеджный поселок
антигород	кумранские пещеры	шахтерский поселок	некрополь	монастырь

Каждый регион – это ковер из разных типов и уровней мест. Наши искусственно-технические усилия, инновации и проектные новообразования по мере своего вживания и оживления, помимо нашей воли и наших притязаний, начинают существовать в силу «естественных» законов места.

В жанре проектирования и программирования регионального развития необходимо, по нашему мнению, формирование системы городских и сельских поселений самого широкого типологического спектра – закладываемые в эти проекты противоречия и противостояния различных типов поселений могут оказаться весьма продуктивными для целей регионального развития. Вместе с тем, необходимо помнить печальный и ужасный опыт некоторых антиформ человеческого общежития.

Макар С.В.

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРИГОРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (подходы к исследованию)

Взаимодействие городских и сельских местностей находит яркое воплощение в вопросах организации пригородной территории крупных городов. Актуальность таких исследований возрастает в наиболее густонаселенных и экономически развитых, а также староосвоенных регионах. В условиях расширения самостоятельности территорий в определении планов социально-

экономического развития данное направление исследований принадлежит к числу важных научно-практических задач. Необходимо обосновать пути оптимизации использования пригородной территории для обеспечения реализации прежде всего такой гипотезы хозяйственного и градостроительного развития территории, которая по своим количественным и качественным показателям соответствовала бы экологическим возможностям территории. Сложность реализации этой цели определяется междисциплинарным и межведомственным характером проблемы, ее комплексностью.

Территория пригородного окружения потенциально пригодна для различных функций. Ранжирование приоритетов в использовании территории имеет большое практическое значение. Здесь может идти речь о разрешении конфликтных ситуаций (территориальных конфликтов) методом буферного анализа. Суть его в следующем: вокруг многих элементов территориальной структуры могут возникать поля отталкивания для конкурентов в использовании территории. Таким образом, создается буферная система, основанная на отношениях несовместимости.

Итак, территория рассматривается как совокупность, симбиоз конфликтующих элементов, развивающихся по противоречащим друг другу законам. Но может быть выработано правило, регулирующее их взаимодействие, и не позволяющее им разрушить друг друга.

Отношения между элементами территориальных структур могут быть сведены к отношениям совместимости и несовместимости. Несовместимость или «отталкивание» образует весьма многочисленный класс территориальных систем, называемых буферными. В это понятие объединяются сферы влияния, резервные территории для роста, охранные зоны уязвимых объектов.

Конфликтность ситуаций хорошо прослеживается при совмещении на единой подоснове ряда территориальных ситуаций (сложение ареалов). Если на основе избранных элементов территориальной структуры построить все необходимые буферные системы, отталкивающие в размещении определенные функциональные элементы, а затем интегрировать зоны ограничений, будет построена интегральная буферная модель. На ее основе может быть интерпретирована логическая схема функционального зонирования.

Совмещение интегральной буферной модели поочередно с каждым из элементов территориальной системы, для отталкивания которых и создан «буфер», позволяет выявить конфликтные ситуации. Таким образом, буферный анализ позволяет выявить каждую конфликтную ситуацию и интегральные конфликтные зоны, узлы планировочных противоречий.

Схема функционального зонирования территории позволит регламентировать направления и формы ее хозяйственного использования. Между функциональными зонами могут быть выделены промежуточные территории, представляющие резерв для развития основных функциональных зон. К ним относятся сельскохозяйственные территории с невысокой степенью продуктивности, которые в перспективе могут быть использованы в процессе развития урбанизации; территории, подлежащие дезурбанизации и включению в сельскохозяйственный цикл.

В пределах каждой функциональной зоны выделяются функционально специализированные территории со строго регламентированной формой использования (применительно к конкретным особенностям хозяйственно-экономического, градостроительного развития территории, ее природным условиям и ресурсам). Для каждой из них рекомендуется свой режим и целесообразные формы использования.

В целом, функциональное зонирование представляется как исходная методическая база для всех последующих проектно-планировочных решений, включая и резервирование площадок с учетом интересов потенциальных землепользователей. Это особый вид моделирования объекта, в результате которого вся территория членится на отдельные участки с рекомендуемыми преимущественными видами и режимами хозяйственного использования.

В настоящее время отечественные и зарубежные исследования значительное внимание уделяют вопросам ландшафтно-функционального зонирования, что можно объяснить стремлением уравновесить негативные тенденции последствий урбанизации путем создания своеобразных противовесов урбанизированным территориям – особо охраняемых территорий. Эти предположения иллюстрируют принцип экологического подхода к освоению пригородной территории и продолжают идею «поляризованного ландшафта».

Изучение отечественного и зарубежного опыта позволяет выделить некоторые принципиальные положения по ландшафтно-функциональному зонированию территорий с высокой степенью урбанизации: 1) необходимо укрупненное функциональное зонирование пригородных пространств, обеспечивающих максимальное территориальное разобщение объектов наиболее «агрессивных» в отношении природной среды, и объектов, нуждающихся в защите, т.е. естественных

ландшафтов и мест отдыха; 2) расположение отдельных объектов внутри укрупненной зоны предопределяется по принципу поляризации, т.е. максимального территориального размежевания несовместимых объектов и сближения дополняющих друг друга: в центральной подзоне сосредотачиваются наиболее «агрессивные» в отношении окружающей среды объекты (аэродромы, железнодорожные станции, ТЭЦ, свалки, очистные сооружения и т.п.), а в периферийных, соседствующих с городом или рекреационными зонами, - сельскохозяйственные угодья, кладбища.

В соответствии с названными принципами, возможно членить территорию пригородов на функциональные зоны следующих типов:

- Зона градостроительного развития – территории для расширения промышленных и селитебных зон, включая непосредственно примыкающие к ним открытые пространства.
- Хозяйственно-технические зоны – территории сельского и коммунального хозяйства, внешний транспорт.
- Зоны интенсивной рекреации.
- Природоохранные (экологические) зоны.

Функциональные зоны разделяются так называемыми «буферными» зонами, которые гарантируют сохранение экологического равновесия. В качестве них могут выступать территории специального назначения (санитарно-защитные зоны, технические коридоры и отчасти ЛЭП), а также территории со своими специфическими функциями (лесное и сельское хозяйство).

Одним из критериев территориальной дифференциации является эстетическая ценность территории, что представляется значимым для описания композиции города. Метод эстетического зонирования аналогичен методу функционального зонирования и предназначен для изложения основных композиционных соображений в графической форме – схеме, где отражены зоны сохраняемого и развиваемого городского ландшафта, зоны природных заповедников, зоны охраны памятников культурного наследия, зоны открытых незастраиваемых пространств, зоны подхода (подъездов) к городу магистралей - железнодорожных, автомобильных и водных, зоны жилищного и других видов строительства. Критерий выделения территории – характер оказываемого воздействия. При графическом отражении типов пространств фиксируется и характер впечатления, оказываемого данной территорией, что должно обеспечить представление о реальном ее использовании.

С экономической точки зрения критерием оценки при выборе способа использования является эффективность (прибыльность) использования территории. Определение эффективности использования территории касается вопроса сочетания хозяйственных объектов с территорией, что предполагает выявления возможностей экономии территории за счет концентрации, комплексной организации коммуникаций, связанной с рационализацией производственных связей между хозяйственными объектами и позволяющей сократить изъятие территории. Таким образом, определение эффективности использования территории непосредственно связано с территориальной организацией хозяйства.

В экономическом выражении многообразие вариантов использования территории может быть сведено к двум удельным характеристикам: эффекту и затратам в расчете на единицу площади используемой территории. Эти две характеристики обозначают соответственно как продуктивность и интенсивность способа использования территории.

Однако при решении задачи оптимального вовлечения в производство природного потенциала территории с учетом обеспечения экологического равновесия критическая оценка сложившихся систем использования территории должна опираться на два сопряженных критерия: экономический и экологический.

В разработке вопросов анализа и оценки территории особый интерес представляют два положения. Во-первых, разработка системы сравнимых показателей – требований разных видов использования и соответствующих количественных показателей – природных и экономических характеристик территории. Во-вторых, определение и однозначная формулировка критериев оценки по разным видам использования.

Введение критерия оптимальности – переменной величины, по изменению которой судят об оптимальности варианта решения по использованию территории, позволит подойти к анализу территории с позиций территориального оптимума (экологической эффективности использования территории).

Проблема сохранения экологической гармонии территории – природного равновесия, являющегося своеобразным реле между разрушающей силой воздействия производства и населения и потенциалом устойчивости природной среды, ставит задачу экологического лицензирования

функций, выполняемых территорией, с целью их оптимизации. Последнее может опираться на известные в экономической географии принципы конструирования идеального ландшафта – «поляризованного». Однако в реальной жизни эта модель, как правило, не может быть реализована, поскольку разделение функций не всегда возможно. Но экологическое лицензирование функций позволяет иерархизировать их в соответствии с «уживаемостью», отобрав и так упорядочив, чтобы не произошло разрушения и отмирания жизненно необходимых и биологически обусловленных свойствами данной территории, поскольку, учитывая динамику общественных потребностей, в первую очередь, должны реализовываться те функции, которые связаны с освоением биологической продуктивности территории.

Экологическое лицензирование должно проводиться параллельно с анализом экономико-географического положения территории, которое может определить ее главную функцию.

Проблема ранжирования приоритетов использования территории в данном случае представляет отдельный интерес для исследования. Ключ решения здесь определяет специализация территории в территориальных системах более высокого ранга. Но при оценке приоритетов в пределах пригородной территории необходимо рассматривать местную шкалу приоритетов.

Исходя из этого, становится очевидной ограниченность (меньшая универсальность) пути ранжирования приоритетов в использовании территории по заранее установленной потребности, которая предлагается в рамках теории «функции места». В районной планировке чаще встречается варианты, когда потребность в использовании для двух и более антагонистических в использовании территории функций одинакова, что, соответственно, не позволяет оптимизировать функцию места. Необходимо ранжирование возможностей (очевидно, что ранжирование потребностей выступает ведущим принципом при отраслевом проектировании).

Ранжирование приоритетов нельзя считать неизменным. На таких позициях основывается и теория «функции места», предполагая смену функций в соответствии с меняющимися потребностями общества.

Приоритетность может быть однозначно определена только через техническую невозможность воссоздания функций за пределами региона. Иные критерии представляются субъективными. Так, на всю пригодную территорию распространяется приоритет, во-первых, расселения, во-вторых, кратковременного отдыха. Особо важным представляется четкое ранжирование объектов охраны по приоритетности в использовании территории.

Таким образом, учитывая приоритетность проблем, резервируются территории. Приоритет за теми функциями, которые позволяют разрешить внутренние проблемы. Далее выделяются участки для конкретных вариантов размещения новых объектов (при помощи буферного анализа). На всей прочей территории допускается развитие неприоритетных видов использования, но такое развитие, которое обеспечит относительно безболезненную смену функции места в случае возникновения потребностей в использовании территории у приоритетного вида использования.

С положением о приоритетности в использовании территории согласуется принцип субоптимизации, который гласит о том, что для оптимизации системы в целом ее подсистемы должны организовываться заведомо неоптимальным образом. Это предполагает взаимные уступки в использовании территории для обеспечения функционирования всей территориальной системы.

В этой связи следует отметить теорию циклов и фаз замещения, согласно которой, один тип использования того или иного участка заменяется другим, развивающимся в данное время более динамично. Замещение осуществляется циклами, которые, в свою очередь, подразделяется на фазы (от наиболее активной к затухающей).

В экономико-географической литературе с понятием экологической гармонии территории логически связана концепция территориального оптимума, которая указывает на необходимость выйти за рамки экономического в область более широких теоретических представлений, использующих принцип так называемого территориального оптимума.

Признаком территориального оптимума является рост качества окружающей среды, при котором обеспечивается максимальная устойчивость и продуктивность находящихся в пределах рассматриваемой территории экосистем, улучшаются природные условия жизни человека. Оптимум достигается формированием наиболее благоприятного сочетания жизненно важных факторов среды, условий, определяющих экологический комфорт территориальной системы. Попытка преодолеть при этом односторонность отраслевого подхода содержится в идее территориальных комплексных схем охраны природы.

В рамках концепции территориального оптимума процессы формирования окружающей среды перестают быть стихийными, побочными, вторичными по отношению к расселению и

производственно-экономическому освоению территории и приобретают фундаментальный характер, в определенном смысле подчиняющий себе процесс совершенствования технологических схем производства, способы рационального размещения предприятий промышленности, сельского хозяйства и соответствующих инфраструктурных подсистем.

Любая территория, а тем более это касается урбанизированной территории, не может оцениваться исключительно как средство для достижения целей, лежащих за ее пределами. Повсеместное превращение территории в средство реализации пространственно отдаленных целей объективно усиливает рост экологических противоречий, нарушает природные и социальные процессы, приводит к возрастанию локальных экологических опасностей.

Принцип территориального оптимума исходит из органического единства искусственной и природной компонент, формирует это единство на пространственно-географической основе.

В качестве критерия территориального оптимума на региональном уровне может быть взят максимум общей биологической продуктивности региона в расчете на единицу площади (в условиях, обеспечивающих высокую экологическую устойчивость экосистем). Такой показатель позволяет в наибольшей степени отразить всю совокупность социально-экологических факторов, определяющих качество среды региона.

Ограниченность существующих моделей территориальной оптимизации состоит в узости спектра природоформирующих мероприятий, в явной приоритетности чисто экономических целей. Во главу угла, зачастую, ставится цель только экономического развития региона, состоящая в максимизации выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции. Экологические параметры определяют, в основном лишь, систему ограничений модели (по затратам природных ресурсов, по интенсивности загрязнений и.т.д.). Ограничения пространственного характера по площадям, подверженным эрозии и засолению, а также учет водоохранных и лесозащитных зон реализуются в модели, исходя из условия экономически оправданного последующего восстановления земель и существующих нормативных положений. Между тем, более предпочтительным кажется подход, при котором эти нормативные положения и структура хозяйства сами вытекают из принципа территориального оптимума, из условий социально-экологического равновесия в регионе.

Это предполагает совершенствование методики функционального зонирования по социоэкологическому критерию, выявление ареалов допустимых хозяйственных нагрузок, определение конфликтных ситуаций, возникающих при недостатке какого-либо вида функциональных территорий или при пространственном совмещении интересов различных видов деятельности.

Таким образом, важнейшим условием для конструирования рационального использования территории (в частности, урбанизированной) является ситуационный анализ. Он включает:

- анализ существующей ситуации по функциональному использованию территории (дифференциация территорий на застроенные – промышленные, коммунальные, селитебные, рекреационные; незастроенные - межселенские, лесопокрытые, используемые в сельском хозяйстве, рекреационные и заповедные зоны и др.);
- анализ эффективности использования территории, интенсивности нагрузок (плотность застройки, количество работающих на 1 га рекреационной зоны и пр.);
- анализ тенденций трансформации использования территории в ретроспективе;
- анализ положительных и отрицательных условий использования территории; оценка экстраполяции сложившихся тенденций;
- оценка степени неотложности мер по упорядочению существующего использования территории, поиск путей улучшения вариантов, анализ новых ситуаций.

Трифонова З.А.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТОЛИЦАХ РЕСПУБЛИК РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Специфичные условия социально-культурной среды России, определяемые традиционной многонациональностью и поликонфессиональностью, влияют на все аспекты пространственного развития регионов и городов. Для Российской Федерации административно-территориальное устройство остается одной из главных основ ее государственности. Уникальный в мире принцип

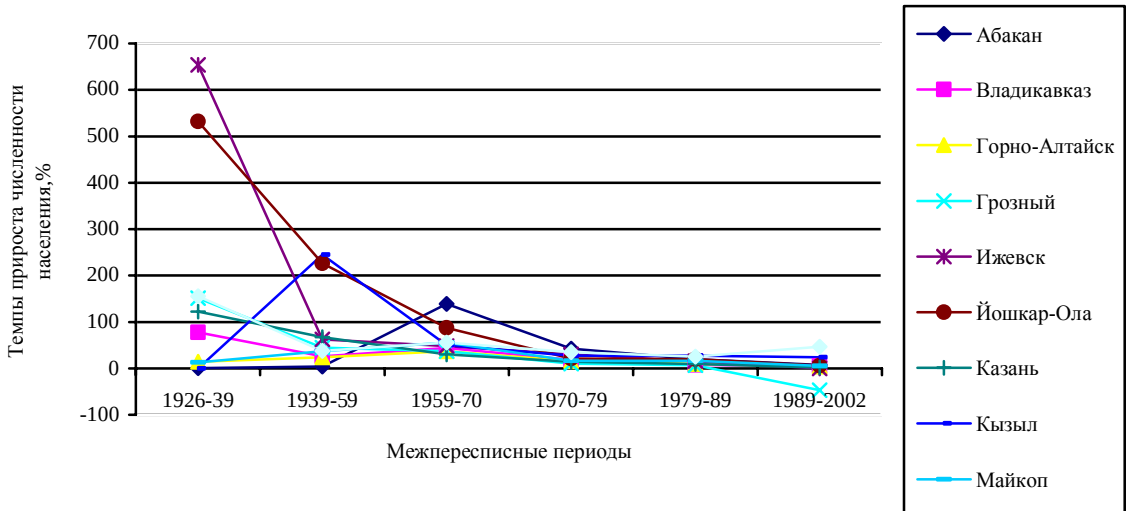
национально-территориального устройства, принятый в годы советской власти, способствовал развитию в прошлом отсталых, периферийных территорий компактного проживания нерусских народов.

В конце XX–го века в России начался новый этап ее развития, обусловленный трансформацией социально-экономического пространства и всех структурных элементов общества. Вслед за либеральной политикой регионализации, характерной для начального этапа переходной экономики, пришла политика укрепления вертикали власти, наметились процессы укрупнения регионов. Первыми на этот путь вступили экономически слабые автономные округа с низким демографическим и социально-экономическим потенциалом: Коми-Пермяцкий АО, а также Таймырский и Эвенкийский АО. И хотя процесс объединения субъектов проходит последовательно, видимо, не вызывает сомнения факт возникновения новых «старых» крупных субъектов на карте России. Большинство автономных округов Российской Федерации в советском прошлом входило в состав краев или областей. В то же время, в современной России имеются республики, образованные по национально-территориальному принципу, правоприемницы автономных республик и автономных областей РСФСР. Большинство этих республик образовалось в первые десятилетия советский власти. За достаточно длительный период автономного развития в республиках сохранились и укрепились социально-культурные традиции и особенности, влияющие на все аспекты пространственно-общественного развития регионов.

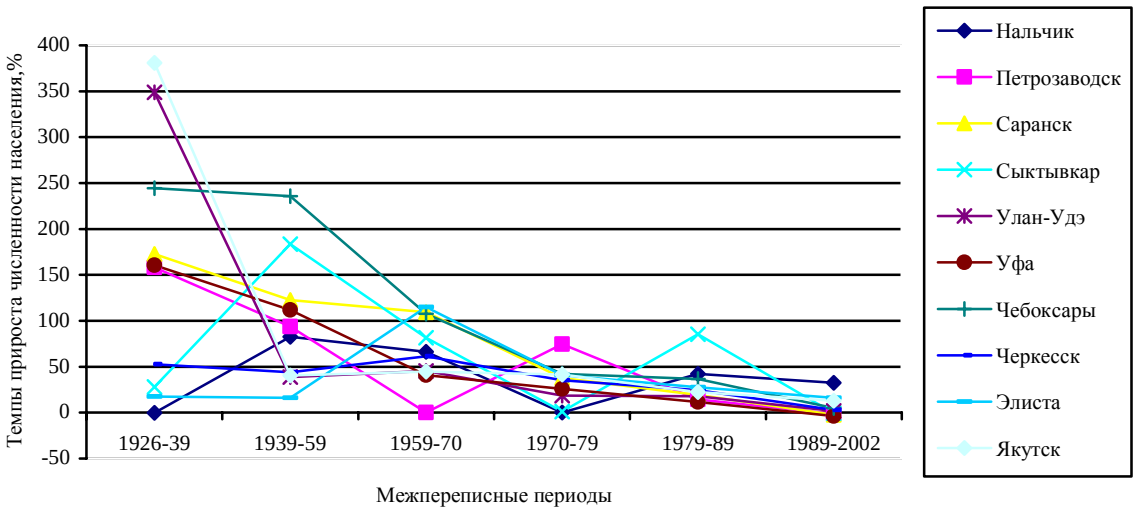
Исходя из этого именно республики, как объект исследования, заслуживают внимания с точки зрения изучения механизмов и характера влияния социально-культурной среды этих регионов на городское расселение и развитие городов. Столицы республик призваны демонстрировать этнокультурные традиции и богатство своего региона. На специфичные условия развития республиканских центров указывает и Г.М. Лаппо, выделяя в качестве одного из новых типов российских городов столицы национальных республик (2002. С.32).

Задачей этого исследования стало определение функциональных изменений хозяйства республиканских столиц, произошедших за последние десятилетия.

Столицы республик, являясь административными центрами, концентрируют наряду с традиционными центральными, столичными функциями культурный и этнический колорит своих республик. Это выражается в наличии специальных институтов языка и культуры народа, связанных не только с изучением, но и с сохранением, развитием и популяризацией традиций и культурных особенностей коренных народов. Как уже отмечалось, развитие большинства республиканских столиц тесно связано с годами советской власти, которой они обязаны своим динамичным демографическим и социально-экономическим ростом. Из 21 столицы в полной мере это коснулось 18 городов. Новый город, столица Ингушетии – Магас, возник в 2000, а Горно-Алтайск и Майкоп были центрами автономных областей. И все же в большей своей массе, города, обретая столичный статус национальных автономий, ускоренно формировались, опираясь в своем развитии на фактор столичной ренты. Наглядно это демонстрируют данные темпов прироста населения столиц за межпереписные периоды (рис. 1).

А

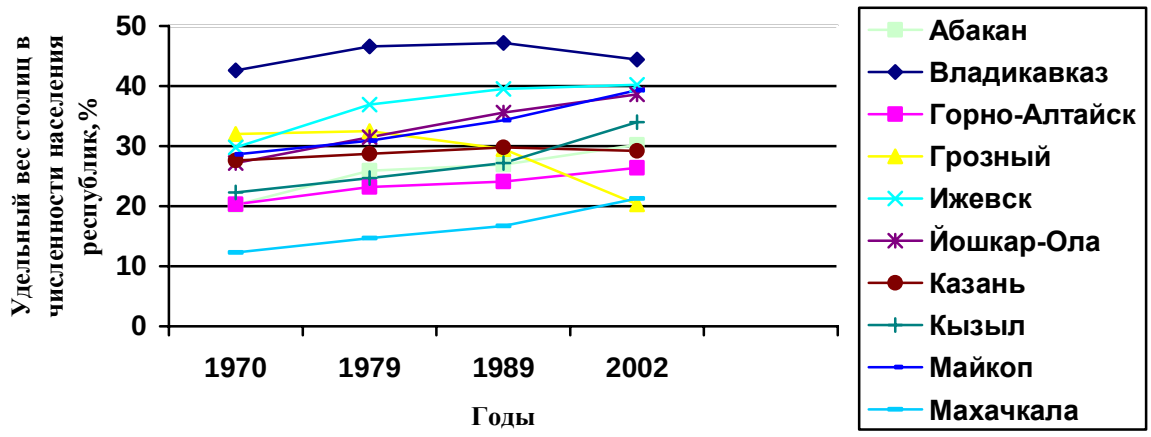

В

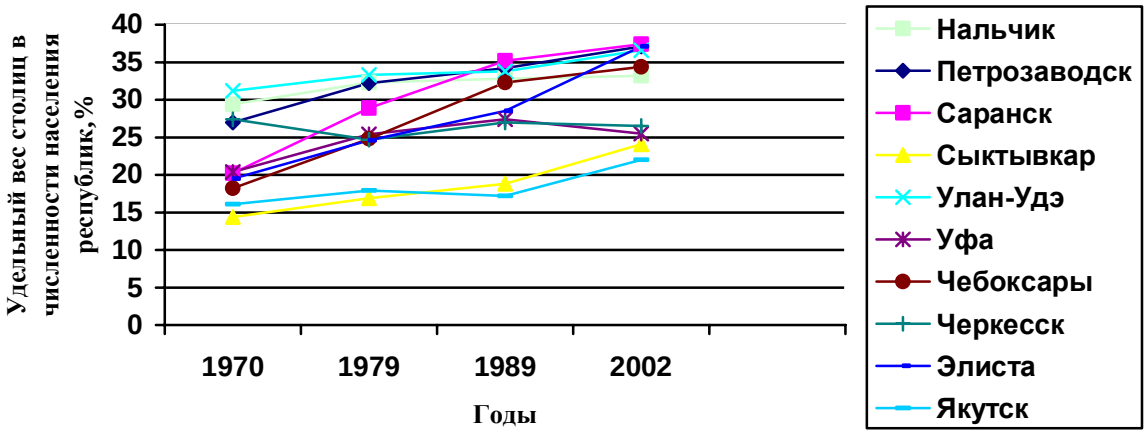
Рис. 1. Динамика темпов прироста численности населения столиц, % (А, В)

Наиболее высокие значения прироста населения для большинства городов были характерны в период с 1926 по 1939. Это можно объяснить тем, что именно во второй половине 1920-х завершился процесс формирования национально-территориальных образований в составе советского государства. Незначительные в прошлом уездные города, в большинстве случаев, или даже сельские поселения, обретя столичные функции, стремительно начали расти. Величины прироста населения в большинстве городов превышали 100%, за счет перераспределения населения республик в пользу республиканских центров. Рост городов происходил в первую очередь благодаря индустриализации, усилению градообразующей базы республиканских центров, а также строительству в них учреждений социальной сферы; города стали привлекательными для местного населения. Примечательно, что остальные городские поселения, будущие столицы республик, в то время не имевшие столичного статуса, сохраняли низкие значения прироста населения, так было в 1926-39 в Нальчике и Абакане (рис.1). Стремительный рост населения столиц замедлился к 1970 году, в последующие межпереписные периоды республиканские центры имели умеренные значения темпов прироста населения, что свидетельствует о завершении кардинальных процессов перераспределения населения между республиканским центром и его окружением.

Постепенное снижение темпов прироста населения в межпереписные периоды, наметившееся с 1970 годов и перешедшее в некоторых случаях в убыль населения, позволяет говорить о переходе в иную фазу развития городского расселения в республиках. Убыль населения за последний межпереписной период наблюдалась в 5 республиканских столицах: Петрозаводске, Ижевске, Уфе, Саранске, Сыктывкаре. Максимальная убыль населения характерна для Грозного, что обусловлено военными действиями. В остальных 14 республиканских центрах с 1989 по 2002 годы произошло значительное снижение темпов прироста населения. Лишь в Махачкале наметился обратный процесс: увеличение темпов прироста населения в последний межпереписной период по сравнению с предыдущим снижением этой величины в периоды 1970-79 и 1979-89 годов. Ситуация в Махачкале объясняется ростом численности населения за притока беженцев и вынужденных переселенцев из соседней Чеченской Республики (рис. 1). Резкое снижение темпов прироста населения республиканских центров, сменившиеся в ряде городов убылью населения в последний межпереписной период отчасти объясняется ответной реакцией населения на социально-экономические потрясения последнего десятилетия (рис. 2).

A

B

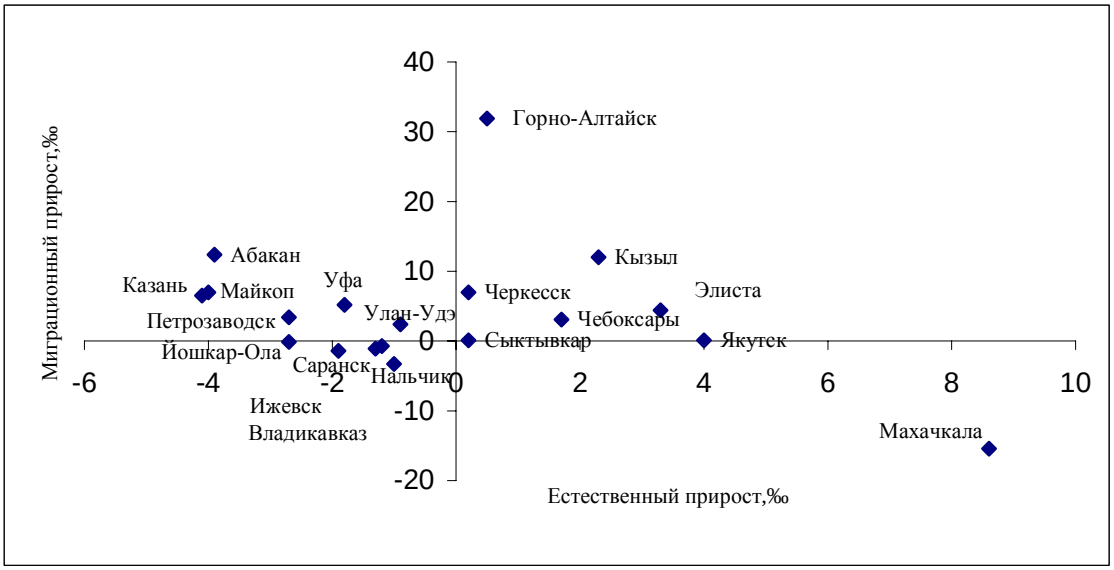
Рис. 2 Динамика удельного веса столиц в численности населения республик (A,B)

Расчеты показали, что в течение последних четырех переписей населения величина удельного веса столиц в численности всего населения республик продолжала расти практически по всем городам. Но в Уфе, Владикавказе и Казани в период 1989-2002 гг. отмечалось снижение концентрации населения. По-видимому, именно эти столицы, формирующие городское расселение своих республик, первыми вступили в новую фазу урбанизации, связанную с постепенным заполнением межагломерационных пространств в пределах столичных агломераций и деконцентрацией населения. В остальных республиках еще продолжается концентрация населения в столицах.

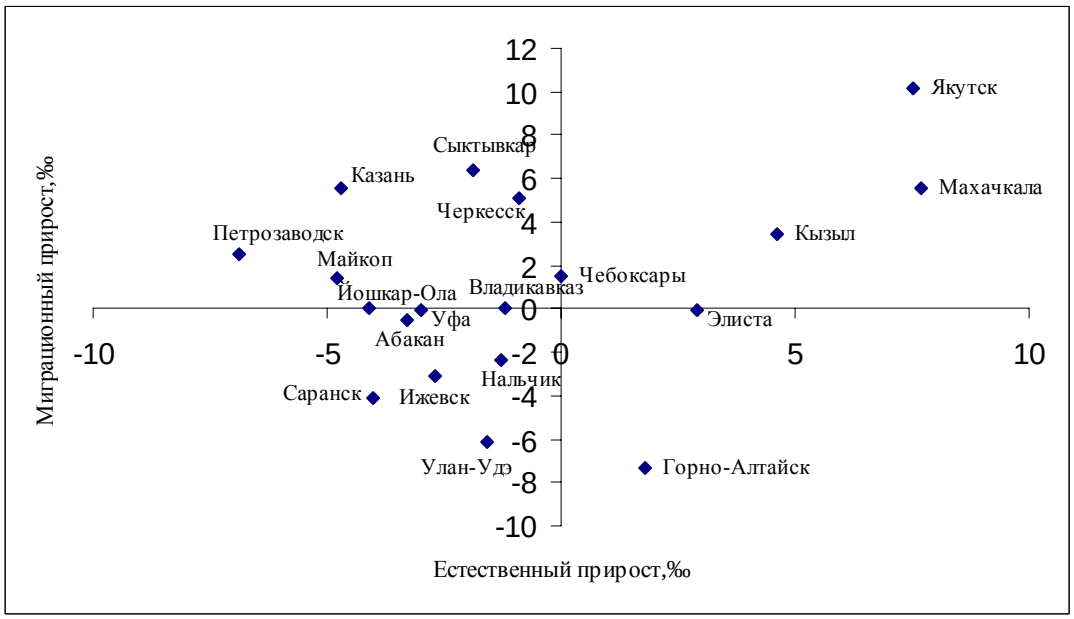
Для детального обследования причин прироста населения в последние годы были проанализированы показатели естественного и миграционного прироста в столицах, при этом сравнивались показатели на 1998 и 2003 годы (рис. 3). Не исследовались две столицы Магас и Грозный, из-за отсутствия данных (Паспорта городов…).

Как видно из графика в 1998 имели положительный прирост населения благодаря приросту обоих компонентов 7 столиц (Сыктывкар, Якутск, Кызыл, Чебоксары, Элиста, Черкесск, Горно-Алтайск), в то же время, в 5 столицах наблюдалась убыль населения за счет одновременной убыли обоих показателей (Владикавказ, Нальчик, Ижевск, Саранск, Йошкар-Ола). У 6 столиц невысокие значения миграционного прироста не покрыли значительной естественной убыли населения. В целом, отмечается локальное расположение городов в III и IV четвертях графика А, что, по-видимому, отражает реакцию населения на социально-экономическую нестабильность в России в 1998. Известно, что в кризисные годы население минимизирует рождения и перемещения. Ситуация изменилась в 2003, наблюдается значительный разброс расположения столиц на графике В. Сохраняя положительный естественный прирост, Горно-Алтайск и Махачкала кардинально изменили

показатели миграционного движения населенияи. Усугубилась ситуация в Саранске, Улан-Удэ, Абакане, Ижевске, Нальчике, Уфе – все они имеют убыль населения за счет обоих компонентов. Остальные города сохранили свои позиции в распределении компонентов прироста населения.

А

В

Рис. 3.Компоненты прироста населения столиц республик (А на 1998 г., В на 2003 г.)

Продолжая притягивать республиканское население, столицы трансформируют собственную функциональную структуру. Практически по всем республикам, снизился удельный вес столиц в объеме производимой в республиках промышленной продукции. Самый высокий индекс снижения имеет Казань, по сравнению с 1985 величина удельного веса города в объеме производимой в республике промышленной продукции сократилась на 20,3% (табл.1). Достаточно высокие значения индекса снижения, превышающие -10%, имеют Горно-Алтайск, Махачкала, Петрозаводск, Уфа, Владикавказ; менее -10% индекса снижения приходится на Абакан, Ижевск, Йошкар-Олу, Нальчик, Элисту, Улан-Удэ, Чебоксары, Якутск. Лишь в 5 городах: Саранске, Сыктывкаре, Майкопе, Черкесске и Кызыле наблюдается рост удельного веса объема промышленной продукции

относительно республиканского значения. Значительный временной период с 1985 по 2002 годы, охвативший докризисный и посткризисные социально-экономические состояния республик, позволяет делать выводы об эволюционном характере изменений отраслевой структуры экономки столичных городов. В то же время мы понимаем, что ситуация усугубляется конверсионными процессами и реструктуризацией хозяйства регионов.

Таблица 1

Изменение удельного веса столиц в общереспубликанских показателях

	Удельный вес столиц (%) в республиканском				
Столицы	объеме промышленной продукции на 1985/на 2002	вводе в действие жилых домов на 1985/на 2002	обороте розничной торговли на 1999/на 2002	объеме платных услуг населению на 19990/на 2002	инвестициях в основной капитал на 1985/на 2002
Абакан	25/20,1	21,8/64,9	60,5/65,7	20,1/52,7	5,2/18,4
Владикавказ	67,2/41,4	56,7/31,6	81,5/81,5	63,5/68,4	20,6/38,9
Горно-Алтайск	28/16,6	21,9/27,7	28,5 [1]/ 49,9	3/68,5	1/17,6
Грозный	…	…	…	…	…
Ижевск	52,9/46	42.9/40,8	55/57,8	56/77,8	25,4/60,4
Йошкар-Ола	52,9/50,2	29,6/48,5	54,9 [5] /53,9	52/74	25,4/44,7
Казань	37,8/17,5	24,6/38,9	43,4 [2] /46,7	42,7/46,9	7,5/37,5
Кызыл	47/51,6	24,4/75,9	66,2 [3] /76,5	37/90	11/68,2
Магас	…	11,6	….	….	24,5
Майкоп	10,1/44,3	41,4/35	40,7/62,2	52,3 [2] /70,9	43,4/44
Махачкала	27,4/13,3	17,9/16,4	36,5 [3] /64,5	24,2 [2] /49,1	17
Нальчик	49/43,7	42,5/55	45,2/42,9	58,3 [2] /46	14,8/53,9
Петрозаводск	30,4/18,8	42,2/62,2	36,7 [1] /55,2	44,5/60,6	14/11,3
Саранск	58,3/59,7	38,9/42	43 [1] /62,9	37/59,9	16,7/39,3
Сыктывкар	17/23,9	19,4/60,1	31,2 [4] /33,4	31,8/31,9	7,4/23,9
Улан-Удэ	65/57,7	39,7/39,2	93,3 [2] /75,5	18,7/55,5	9,5/35,4
Уфа	40,7/28,2	21,2/25,4	39 [2] /51,5	31,2/54,4	8,8/38,7
Чебоксары	56,8/55,3	37,8/29,4	23 [5] /18,5	50,7/71,9	17,4/42,3
Черкесск	60,8/65,3	31,3/48,6	40/74,2	47/69,2	34,3/32,7
Элиста	40,5/39,5	30,8/81	69[2]/81	16/74	5,6/6,4
Якутск	9,2/4,9	12,7/43,6	23,8 [1] /36,5	17/43,9	7/23,8

Рассчитано по: [1]/ - данные на 1985 г.; [2]/- данные на 1995 г.; [3]/- данные на 1996 г.; [4]/- данные на 1997 г.; [5]/- данные на 1998 г.

Трансформация функций республиканских центров, происходила через снижение роли промышленности и увеличение роли сферы услуг. Как показали расчеты, значения удельного веса столиц в обороте торговли и в объеме платных услуг к 2002 году значительно увеличились по сравнению с предыдущими годами (табл. 1). Отметим, что удельный вес столиц в республиканском обороте розничной торговли и в объеме платных услуг населению во всех городах выше удельного веса промышленного производства. По обороту розничной торговли самый высокий показатель в 2002 приходился на Улан-Удэ – 75,5%. В промышленном производстве такой высокой концентрации не наблюдается ни в одной республике, самый высокий показатель в Саранске – 59,7%. Еще выше по всем без исключения столицам показатель объема платных услуг, оказываемых населению, а самый высокий удельный вес имеет Кызыл – 90%. Достаточно высоки значения концентрации в столицах вводимого в действие республиканского жилья, в большинстве городов эта величина превышает удельных вес промышленного производства, за исключением Йошкар-Олы, Саранска, Улан-Удэ, Уфы, Чебоксар.

Своего рода индикатором развития города является его инвестиционная привлекательность. На большинство столиц приходится более 1/3 республиканских инвестиций в основной капитал, что определяется статусом городов. Самый высокий показатель отмечается в Кызыле – 68,2%, а низкий вес инвестиций характерен для Элисты и для Петрозаводска.

Своеобразно складывалась промышленная структура республиканских центров. К 1985 г. в условиях плановой экономики и приоритетов индустриализации в 6 городах более 50% промышленного производства принадлежало одной отрасли (для Абакана, Петрозаводска, Якутска, Улан-Удэ и Элисты это была электроэнергетика (рис. 4), а для Сыктывкара – лесная и ц-б промышленность). К сожалению, монопрофильность индустрии этих городов в 2003 сохранилась, в

некоторых случаях она усилилась. Лишь в Улан-Удэ снизилась доля электроэнергетики до 24,8% в объеме промышленного производства города, что является не столько следствием прогрессивных изменений городской промышленной структуры, а сколько проявлением энергетических проблем Забайкальских регионов.

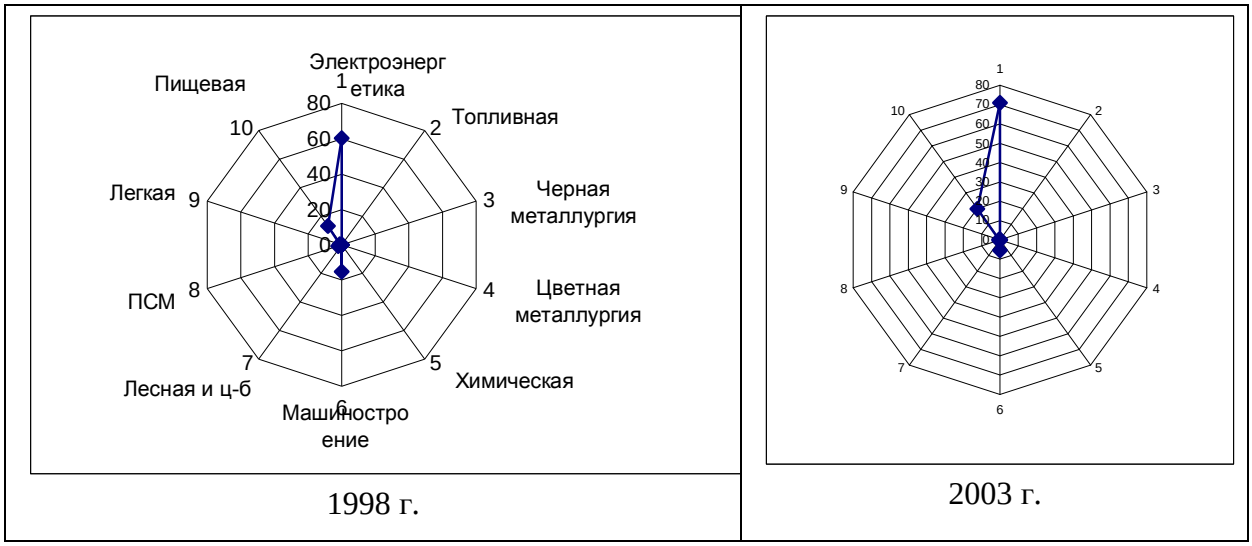

Рис. 4. Распределение отраслей промышленности в г. Абакане, %

Остальные столицы в 1985 имели 2-3 профильные отрасли индустрии, как правило, встречалось сочетание машиностроения с отраслями химической, легкой или пищевой промышленности. На рис. 5 представлено типичное сочетание на примере Казани. Отметим сохранение ведущей роли машиностроения в Казани, Ижевске, Саранске, Улан-Удэ, Уфе и Чебоксарах, несколько снизилась его величина в Йошкар-Оле, Петрозаводске, Нальчике. При этом за исследуемый период отрасль стабильно занимала 1 или 2 место в промышленном производстве выше перечисленных центров. Одновременно в Кызыле и Сыктывкаре удельный вес машиностроительного производства значительно снизился и составил в 2003 г. десятые доли, при общем кризисном состоянии регионов, возглавляемых этими центрами усилилась ресурсная составляющая. Для Кызыла – это кустарные производства, связанные с цветной металлургией. Для Сыктывкара – это лесная и целлюлозобумажная промышленность.

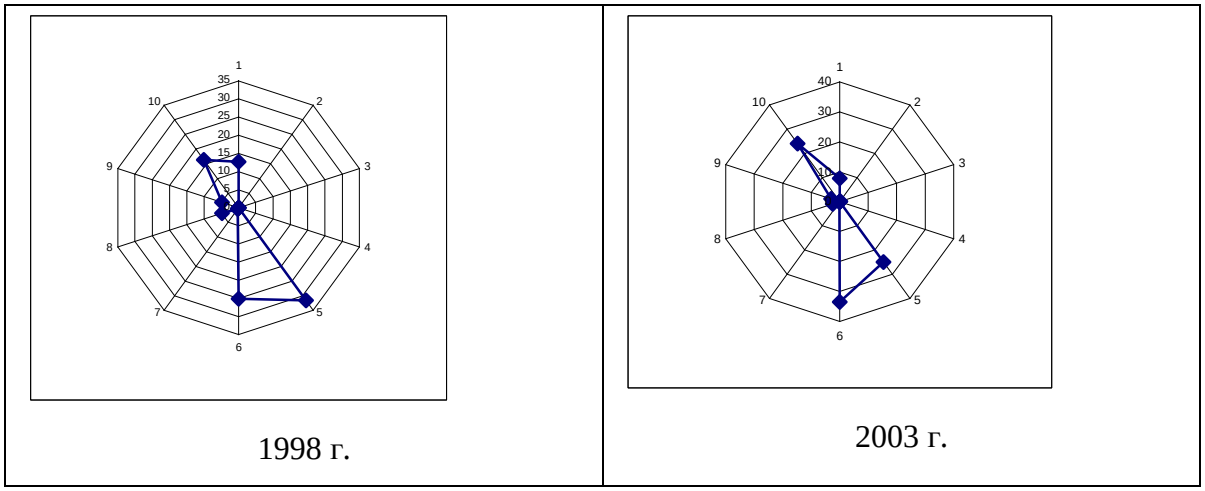

Рис. 5. Распределение отраслей промышленности в г. Казани, %

Как известно для пищевой промышленности характерна высокая территориальная дифференциация. Видимо поэтому в 11 из 19 столичных центров с 1985 по 2003 годы снизился удельный вес пищевой промышленности, в том числе в столицах Северо-Кавказских республик, традиционно специализировавшихся на пищевой промышленности: Владикавказ, Майкоп, Махачкала.

Выделяется из общего массива Владикавказ: при многоотраслевой промышленности, в нем сохранился высокий удельный вес цветной металлургии – 36,6%.

Анализируя динамику промышленного производства в республиканских столицах, отмечаем общую тенденцию постепенного перехода к полифункциональности индустрии, которую следует рассматривать не только как ответную реакцию городов на новые условия рыночной экономики, но и как эволюционный процесс. Практически повсеместно увеличился удельный вес промышленности строительных материалов, продукция которой востребована на внутриреспубликанском рынке, а также увеличился вес легкой промышленности.

Для корректной классификации республиканских центров с учетом 5 показателей концентрации отраслей экономики, были рассчитаны индексы локализации по формуле: $I = Q_y/N$, где N – удельный вес столиц в численности всего населения республик, а Q_y – удельный вес столиц по каждому направлению хозяйственной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Характер локализации в республиканских столицах хозяйственной деятельности

Столицы	I_1	I_2	I_3	I_4	I_5	W
Абакан	0,7	2,1	2,2	1,7	0,6	1,46
Владикавказ	0,9	0,7	1,8	1,5	0,9	1,16
Горно-Алтайск	0,6	1,0	1,9	2,6	0,7	1,36
Грозный	…	…	…	…	…	…
Ижевск	1,1	1,0	1,4	1,9	1,5	1,38
Йошкар-Ола	1,3	1,3	1,4	1,9	1,2	1,42
Казань	0,6	1,3	1,6	1,6	1,3	1,28
Кызыл	1,5	2,2	2,3	2,6	2,0	2,12
Магас	…	193,3	…	…	408,3	…
Майкоп	1,1	0,9	1,6	1,8	1,1	1,3
Махачкала	0,6	0,8	3,0	2,3	0,8	1,5
Нальчик	1,3	1,7	1,3	1,4	1,6	1,46
Петрозаводск	0,5	1,7	1,5	1,6	0,3	1,12
Саранск	1,6	1,1	1,7	1,6	1,1	1,42
Сыктывкар	0,9	2,5	1,4	1,3	0,9	1,4
Улан-Удэ	1,6	1,0	2,1	1,5	0,9	1,42
Уфа	1,1	1	2,0	2,1	1,5	1,54
Чебоксары	1,6	0,9	0,5	2,1	1,2	1,26
Черкесск	2,4	1,8	2,8	2,6	1,2	2,16
Элиста	1	2,2	2,2	2	0,2	1,52
Якутск	0,2	1,9	1,7	1,9	1,1	1,36

I_1 –индекс локализации промышленности.; I_2 – индекс локализации ввода в действие жилых домов.; I_3– индекс локализации оборота розничной торговли; I_4– индекс локализации объема платных услуг.; I_5– индекс локализации инвестиций в основной капитал.

Проведенная группировка по среднему значению локализации W позволила выделить три группы столиц, имеющих *среднюю локализацию* в столицах хозяйственной деятельности, *относительно высокую* и *высокую*.

В первую группу вошли республиканские центры с величиной W не превышающей 1,31, таких городов 5: *Казань, Петрозаводск, Чебоксары, Владикавказ и Майкоп.*

Во вторую группу вошло 10 столиц с величиной W от 1,31 до 1,5: *Абакан, Горно-Алтайск, Ижевск, Йошкар-Ола, Махачкала, Нальчик, Саранск, Сыктывкар, Улан-Удэ, Якутск*.

В третью группу вошли республиканские центры, имеющие высокую локализацию, с величиной W превышающей 1,5, таковых оказалось 4 столицы: *Черкесск, Элиста, Кызыл и Уфа.*

Подобное распределение столиц по трем группам - закономерное и отражает характер эволюции городского расселения в республиках. Отметим, что в первую группу с низким показателем локализации вошли города, имеющие наиболее длительный период выполнения столичных функций. Казань в прошлом была губернским городом, а Владикавказ и Петрозаводск – центрами областей, имевших губернский статус. В то же время третью группу, за исключением Уфы, образуют относительно молодые столицы.

В заключении отметим, что рассмотренные нами параметры, характеризующие развитие отраслевой структуры экономики республиканских центров, не отражают столичной специфики центров национально-территориальных образований. Однако трансформация их функции заслуживает внимания и детального исследования.

Литература.

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М : Госстатиздат, 1963, 455 с.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М : Статистика, 1972, 176 с.

3. Лаппо Г.М. Формирование сети городов на территории России / Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск : Ойкумена, 2002. 328 с.
4. Паспорта городов России / www.cir.ru
5. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2003: Стат. Сб. / Росстат. М., 2003.–700 с.
6. Численность населения Российских городов (1897-1992 гг.) : Справочник/ Составитель С.Л.Швырков. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. 1995, 78 с.

Палилов Д.Е.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И МЕТОДЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

В начале XXI века в качестве главного фактора экономического роста выступает инновационный процесс, который уже не только является основным предметом теоретических сценариев и практических мер государственного управления, но и становится главной движущей силой социально-экономического развития, оттеснив значение инвестиционного процесса, как источника экстенсивного расширения воспроизводства, не обеспечивающего в полной мере современные задачи интенсификации производства. Не только недостаточными становятся традиционные меры инвестиционного стимулирования, сводящиеся как правило к наращиванию объемов капитальных вложений, но они могут становится и просто невозможными в жестких условиях перехода к рыночной экономике, при крайней ограниченности материальных, и прежде всего, финансовых ресурсов [9]

Государственная инновационная политика представляет собой совокупность мероприятий органов государственной власти, направленных на обеспечение стимулирующего воздействия на субъекты экономики с целью выпуска ими новых конкурентоспособных видов продукции, разработки и внедрения новых прогрессивных технологий, новшеств организационного, экономического, социального и иного характера. При этом за рубежом используются как прямые, так и косвенные методы ее реализации. Обе группы методов взаимно дополняют друг друга и находятся в тесном взаимодействии между собой.

Методы реализации инновационной политики. Среди прямых методов практикуются такие, как государственное инвестирование в виде финансирования (целевого, предметно-ориентированного, проблемно-направленного), кредитования, лизинга, фондовых операций; планирование и программирование, а также государственное предпринимательство. Кроме того, стимулирование развития науки в странах Запада, Японии в значительной мере носит характер прямого метода. Так, в частности, указанный характер имеют меры, стимулирующие кооперацию промышленных корпораций в области научных исследований, а также кооперацию университетов с промышленностью.

В Канаде прямое стимулирование НИОКР государством заключается в предоставлении государственной гарантии кредита в коммерческих банках и государственном финансировании НИОКР. В Японии государство осуществляет бюджетное субсидирование и льготное кредитование подведомственных различным министерствам НИИ, государственных корпораций, исследовательских центров, осуществляющих НИОКР совместно с частными компаниями. В Германии правительство осуществляет финансовую поддержку в развитии долгосрочных и рискованных исследований в ключевых областях научно-технической и производственно-хозяйственной деятельности.

Рассматривая характер поддержки науки, следует обратить внимание на то, что еще несколько десятилетий назад общий уровень развития фундаментальных исследований связывался с технологическим будущим страны, а прикладные разработки – с настоящим состоянием производства. На сегодняшний день имеет место несколько иная ситуация: во всех развитых странах мира объем инвестиций в прикладные исследования намного превышает ассигнования на фундаментальные исследования. Так, в частности, для США это 21% всех расходов на НИОКР, для Японии и Великобритании – 25%, для Франции – 34%. При этом еще более серьезные средства

направляются на опытно-конструкторские работы: для США соответственно 67%, Великобритании – 63%, Франции – 45%, Германии – 80%. [1, с. 77].

Косвенные методы реализации инновационной политики зарубежных государств направлены, с одной стороны, на стимулирование инновационных процессов, а с другой, на создание благоприятных экономических условий и социально-политического климата для научно-технического развития. Среди них традиционно выделяются налоговое и амортизационное стимулирование новаторской активности, действенная защита прав на интеллектуальную собственность, стимулирование развития инновационно ориентированного малого предпринимательства.

Налоговое стимулирование инновационной деятельности. В рамках осуществления налоговой составляющей инновационной политики важнейшую роль играют налоговые льготы, большая часть которых в ведущих в экономическом отношении государствах мира ориентирована на содействие реализации достижений научно-технического прогресса. В зарубежной практике накоплен достаточно большой опыт их применения. При этом концепция соответствующего налогового стимулирования все больше связывается с активизацией частной инициативы и предпринимательства через общеэкономические, рыночные регуляторы.

Среди налоговых льгот, призванных стимулировать инновационную деятельность, могут быть выделены следующие [2, с. 18; 3, 89]:

1) инвестиционные скидки с налога на прибыль в размере, соответствующем определенной процентной доле от стоимости внедряемого инновационного оборудования;

2) скидки с налога на прибыль в размере расходов на НИОКР;

3) отнесение к текущим затратам расходов на отдельные виды оборудования, обычно используемого в научных исследованиях;

4) создание за счет фонда прибыли инновационных фондов специального назначения, не облагаемых налогом;

5) обложение прибыли инновационно активных организаций по пониженным ставкам (для небольших предприятий);

6) ”налоговые каникулы” в течение нескольких лет на прибыль, полученную от реализации инновационных проектов;

7) льготное налогообложение дивидендов юридических и физических лиц, полученных по акциям инновационных организаций;

8) льготное налогообложение прибыли, полученной в результате использования патентов, лицензий, «ноу-хау» и других нематериальных активов, входящих в состав интеллектуальной собственности;

9) уменьшение налогооблагаемой прибыли на сумму стоимости приборов и оборудования, передаваемых вузам, НИИ и другим инновационным организациям;

10) вычет из налогооблагаемой прибыли взносов в благотворительные фонды, деятельность которых связана с финансированием инноваций.

Налоговые льготы на капитальные вложения чаще всего предоставляются в виде “инвестиционного налогового кредита”. Как правило, эта льгота дается компаниям, направляющим инвестиции на внедрение новой техники, оборудования, технологий. Инвестиционная налоговая скидка вычитается (кредитуется) из суммы начисленного налога на прибыль компании. При этом данная скидка предоставляется лишь после ввода новой техники в эксплуатацию. Право на получение налоговой скидки наступает для компании автоматически: его не надо доказывать и обосновывать, так как оно прямо закреплено законодательством.

Размер скидки устанавливается в процентах от стоимости внедряемой техники и составляет 5,3% в Японии (для электронной техники и оборудования), 50% в Великобритании (для 1-го года эксплуатации новой техники, технологии, материалов), 10–15% в Канаде (в зависимости от освоенности территории месторасположения компании – освоенные или неосвоенные районы страны) и 100% в Ирландии. В США данная льгота в отношении инвестиций применяется лишь для энергетического оборудования [2, с.19].

Налоговая составляющая инновационной политики на Западе достаточно тесно связана со стимулированием развития малого инновационного предпринимательства. Так, в частности, во Франции в отношении вновь созданных мелких и средних фирм (в том числе научно-исследовательских) применяется временное освобождение от уплаты налога на прибыль или частичное (на 50% на первые 5 лет их деятельности) его снижение (“налоговые каникулы”).

Для мелких и средних предприятий в Великобритании налоговые льготы позволяют снижать налогооблагаемый доход на 20% в случае, если превышен предыдущий максимальный уровень расходов на НИОКР, либо уменьшать налоговые выплаты на 6% от величины расходов на исследования и разработки, но в этом случае уменьшение не должно составлять более 15% от налоговых обязательств фирмы. Расходы, которые фирмы несут при платежах исследовательским учреждениям в связи с научно-технологическим развитием, также могут вычитаться из налогооблагаемой прибыли.

Кроме того, налоговое стимулирование играет существенную роль в поддержке высокотехнологичных отраслей. Наиболее наглядно в последние годы указанный подход проявился в Великобритании. Так, для стартующих высокотехнологичных компаний в этой стране налог на прибыль был снижен с 20 до 1%, а потолок не облагаемых налогом инвестиций таких компаний был поднят на 50% – до 150 тыс. фунтов стерлингов. При этом было произведено снижение налога на прирост капитала от долгосрочных инвестиций в стартующие высокотехнологичные компании и снятие налога при реинвестировании в такие компании, а также осуществлено устранение облагаемого налогом предела в 1 млн. фунтов стерлингов на фонды, привлеченные соответствующими компаниями, для компаний с объемом основных фондов менее 10 млн. фунтов стерлингов [2, с.21]. В совокупности с этим следует рассматривать и выделение британским правительством многомиллионных грантов в отношении стартующих инновационных компаний [4, с.76].

Амортизационное стимулирование инновационной активности. В высокоразвитых странах широко применяется ускоренная амортизация оборудования как стимул для обновления производственных фондов. Так, в США установлен срок амортизации в 5 лет для оборудования и приборов, используемых для НИОКР, со сроком службы более 4 и менее 10 лет. Кроме того, при сроке списания оборудования в 5 лет в первые 2 года амортизировать разрешается до 64% его стоимости. В Японии система ускоренной амортизации введена для компаний, применяющих либо энергосберегающее оборудование, либо оборудование, которое содействует эффективному использованию ресурсов и не вредит окружающей среде. Применяются разнообразные нормы ускоренной амортизации – от 10 до 50%. Однако наиболее распространенная ставка составляет в среднем 15-18% [2, с.21].

Компаниям в Великобритании разрешено списание полной стоимости технического оборудования в 1-й год его работы. В Германии в 1-й год может быть списано 40% расходов на приобретение оборудования и приборов, используемых для проведения НИОКР. Система амортизационных списаний в Швеции позволяет оборудование со сроком службы до 3 лет и с незначительной ценностью списывать в расходы в год приобретения, а в целом машины и оборудование – в течение 4-5 лет [5, с.102].

Во Франции существует возможность применения ускоренной амортизации к важнейшим видам оборудования: энергосберегающему, экологическому, информационному. Например, компьютер можно амортизировать за 1 год. В этой стране практикуется использование метода дегрессивной амортизации, предполагающего определение суммы амортизационных отчислений исходя из остаточной стоимости объекта основных средств и норм амортизации, скорректированных на поправочный коэффициент. При этом величина поправочных коэффициентов во Франции зависит от нормативного срока службы объекта основных средств: от 3 до 4 лет – 1,5; от 5 до 6 лет – 2; свыше 6 лет – 2,5 [6, с.109].

Для Канады характерно использование метода системы границ, в рамках которого предприятиям предоставляется возможность самостоятельно выбирать предпочтительный срок службы оборудования в пределах максимально-минимальных норм амортизационных отчислений. Объекты основных фондов в данной стране классифицируются по 39 основным классам, в пределах которых годовые нормы амортизационных отчислений изменяются от 4 до 100% [6, с.195-196].

Дополнительную значимость амортизационному стимулированию инновационной активности в странах с развитой рыночной экономикой придает тот факт, что в указанных государствах амортизационные отчисления занимают доминирующее положение в финансировании инвестиций и составляют основу инвестиционного потенциала предприятий. Так, в частности, доля амортизации в общем объеме капитальных вложений колеблется на Западе в пределах 50–75%.

Защита прав на интеллектуальную собственность. Во всех ведущих зарубежных государствах существует высокоэффективная система защиты прав на интеллектуальную собственность. Она основывается на наличии, с одной стороны, устоявшегося соответствующего законодательства, а, с другой стороны, – действенной судебной системы и надежных надзорных

механизмов, обеспечивающих защиту прав обладателей результатов интеллектуальной деятельности и применение предусмотренных законом санкций к нарушителям указанных прав.

Законодательное обеспечение инновационной политики. Особенностью законодательного обеспечения инновационной политики современных государств Запада является его направленность на преимущественное стимулирование научных исследований и развитие высокотехнологичных производств. При этом законодательство, регламентирующее непосредственно новаторскую деятельность, развито достаточно слабо. Так, в частности, законодательное обеспечение инновационной политики Австрии представлено такими нормативными правовыми актами, как "Закон о поддержке научных исследований", "Закон о научно-исследовательских организациях", "Закон об организации научных исследований", "Закон об инновационном и технологическом фонде", "Закон о налогах", "Закон о генной инженерии" [1, с. 221-222].

Принятый в 1999 году во Франции "Закон об инновациях" регламентирует комплекс мероприятий прямого и косвенного характера, прежде всего по линии формирования нового инновационного бизнеса. Так, в частности, им намечено повышение мобильности научного персонала государственных исследовательских центров и предоставление им большей свободы в организации собственных компаний и оказании консультаций частным промышленным фирмам; усиление связей между университетами и промышленностью в целях развития малого инновационного бизнеса; упрощение процедуры создания высокотехнологичного бизнеса [4, с.76].

Поддержка малого инновационного предпринимательства и развитие инновационной инфраструктуры. В высокоразвитых государствах и новых индустриальных странах содействие развитию инновационно ориентированного малого предпринимательства тесно связано со стимулированием развития и функционированием инновационной инфраструктуры. В качестве территориальных форм комплексной поддержки инновационных предприятий, интеграции науки и производства, особенно широко используемых в последние десятилетия, выступают такие элементы указанной инфраструктуры, как технополисы, технопарки и инновационные центры, инкубаторы инновационного бизнеса, центры трансфера технологий, где малые инновационные предприятия на ограниченный срок (как правило, не превышающий 5 лет) получают существенные льготы и поддержку для своей деятельности. Так, в Европе в настоящий момент насчитывается более 1000 технопарков [7, с.12]. В свою очередь, в технопарках Китая функционируют свыше 65000 малых и средних инновационных предприятий с общей численностью научно-инженерных работников 3 млн. человек [8, с.5].

При этом следует отметить, что комплексная поддержка малого наукоемкого бизнеса в технопарках в 3-4 раза повышает устойчивость инновационных предприятий. Важным обстоятельством является также то, что основную часть финансирования научно-технологических парков за рубежом дает государство: в Великобритании – до 62% средств на создание инфраструктуры отмеченных парков, в Нидерландах – около 70%, во Франции – 74%, в ФРГ – 78%, в Бельгии – почти 100%. В целом государственное финансирование малого бизнеса в настоящее время в США достигает 43%, в Японии – 22%, во Франции – 75%, в Германии – 70%, в Великобритании – 43%.

В США важную роль в процессе обеспечения указанного финансирования играют специальные инвестиционные фонды, деятельность которых носит филантропический характер. Они оказывают финансовую поддержку как мелким фирмам-инноваторам, так и отдельным изобретателям-одиночкам. Так, Национальный научный фонд США не только кредитует инновационные фирмы, но и занимается выдачей им грантов - безвозмездных целевых субсидий.

Инвестиционный фонд американского министерства энергетики осуществляет как финансирование отдельных исследовательских проектов, осуществляемых мелкими фирмами, так и субсидирование индивидуальных изобретателей. При этом отмеченный фонд особо подчеркивает свою некоммерческую ориентацию и отдает предпочтение разработкам, имеющим «высокий риск провала».

В Германии функционируют около 3 миллионов малых и средних предприятий. Они составляют 99,6% всех фирм, облагаемых налогом с оборота, и обеспечивают почти половину валового национального продукта, около 50% валовых инвестиций страны. Кроме того, малые и средние предприятия обеспечивают 2/3 общего числа рабочих мест и большую часть их прироста. На них приходится 75% выдаваемых в стране патентов.

Первый инновационный центр в Германии был создан в 1983 году в Берлине. В 2000 году в стране работало около 270 таких центров. В 1983 году в ФРГ был учрежден Фонд Штейнбайса для

организации работы в области трансфера технологий. В 1998 году он насчитывал 324 центра трансфера технологий, особенно активно работавших на территории бывшей ГДР.

На сегодняшний день наиболее динамично развивающимся научно-технологическим парком Германии является технопарк Берлин-Адлерсхоф. В рамках действующих на территории указанного технопарка 220 инновационных предприятий и 14 научных центров занято более трех с половиной тысяч сотрудников. Он является обществом с ограниченной ответственностью, в качестве учредителей которого выступают Федеральная земля Берлин (51% уставного фонда в виде земельной площади и зданий) и еще 2 компании. На территории данного технопарка расположены инновационный центр, Центр кооперации Восток – Запад, международные бюро (германско-французское и германско-российское).

Успешное развитие инновационной инфраструктуры наблюдается и в Швеции. Так, в пригороде Стокгольма Кисте создан крупный научно-технический парк, в котором располагаются как исследовательские учреждения, так и производственные мощности некоторых компаний, например, компании Эрикссон. В Кисте расположен созданный Королевским технологическим институтом Университет информационных технологий, который наряду с учебным процессом занимается научно-исследовательской деятельностью. Обозначенный университет ведет исследования по различным направлениям, начиная с аспектов пользования компьютерными системами и заканчивая разработкой электронных систем и технологиями производства микросхем. В Кисте также расположен Электрум – основной европейский центр информационных технологий. Указанный центр является результатом сотрудничества между шведским правительством, властями Стокгольма и шведской компьютерной и электронной промышленностью. Основной принцип деятельности Электрума заключается в активном взаимодействии образования, исследований и промышленности. При этом реализация отмеченного принципа, репрезентирующего собой комплексный подход к организации инновационной деятельности, возможна во многом благодаря тому, что именно в Электруме расположены относящиеся к Королевскому технологическому институту и Стокгольмскому университету факультеты телеинформатики, электроники и факультет компьютерных и системных наук.

В США государство активно стимулирует создание венчурных фирм и исследовательских центров. Так, по представлению Национального научного фонда этой страны, наиболее эффективные исследовательские центры и венчурные фирмы могут в первые 5 лет их деятельности полностью или частично финансироваться из федерального бюджета [3, с.91]. В частности, полностью государство финансирует наиболее наукоемкие и эффективные исследования и разработки. Это связано с их сложностью, высокими издержками, риском, сильной международной конкуренцией.

С принятием в США в 1981 году программ помощи начинающим высокотехнологичным фирмам были также расширены возможности для притока финансовых средств из частных источников, одновременно с этим были введены налоговые льготы на приобретение ценных бумаг фирм, функционирующих менее 5 лет .

Следует обратить внимание на то, что родиной венчурного финансирования является знаменитая Силиконовая долина США. В 1957 году там впервые был применен способ сбора денежных средств под рискованное инвестирование малых и средних фирм, находящихся на стадии организации или становления и ориентирующихся на разработку новых перспективных технологий. При этом необходимо учитывать, что многие всемирно известные сегодня компании в области компьютерной техники и информационных технологий (Microsoft, Intel, Lotus, Compaq) на этапе своего создания были проинвестированы именно венчурными фондами.

Наряду с венчурными фирмами (фирмами “рискованного” капитала), в США действуют фирмы “спин-офф” (“фирмы-отпрыски”, отделяющиеся от вузов, независимых институтов, государственных исследовательских центров и специальных лабораторий крупных промышленных корпораций). При этом государство активно ведет субсидирование фирм “спин-офф” через крупные некоммерческие научные центры и университеты, вокруг которых сосредоточены и от которых постоянно отделяются указанные фирмы. Кроме того, с целью содействия распространению научных достижений через фирмы “спин-офф” в США функционирует несколько инновационных центров, финансируемых Национальным научным фондом. Здесь желающие организовать собственную фирму такого рода (как правило, преподаватели и студенты университетов) изучают курсы, облегчающие процесс создания мелких фирм.

Особенностью японского подхода к формированию инновационной инфраструктуры является его ориентация на строительство совершенно новых городов-технополисов, сосредотачивающих

НИОКР и наукоемкое промышленное производство. При этом проект создания технополисов выступает в качестве одного из важнейших стратегических направлений программы правительства Японии по завоеванию данной страной прочных позиций технологического лидера. Как подчеркивает в связи с этим американский специалист по японским технополисам Тацуно, “стратегия технополисов – это стратегия прорыва в новые сферы деятельности на основе развития сети региональных центров высшего технологического уровня, а тем самым – это стратегия интеллектуализации всего японского хозяйства”.

Таким образом, инновационная политика на сегодняшний день представляет собой приоритетное направление в рамках общей экономической политики применительно ко всем ведущим в хозяйственном отношении государствам, а стимулирование новаторской активности осуществляется путем комплексного использования различных мер макроэкономического, юридического и организационного характера.

Литература

1. Мясникович М. В. // Научные основы инновационной деятельности. – Минск: ИООО “Право и экономика”, 2003. – 280 с.
2. Белов В. Н. К вопросу о российской инновационной политике. Зарубежный опыт // Инновационная политика и инновационный бизнес в России: Аналитический вестник, № 5 (146). – М., 2001. – С. 16-27.
3. Фатхутдинов Р. А. // Инновационный менеджмент: Учебник, 4-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 400 с.
4. Шелюбская Н. Косвенные методы государственного стимулирования инноваций: опыт Западной Европы // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 3. – С. 75-80.
5. Workman Bob H. The Amortization Book. – United Financial Publishers, 1989. – 172 p.
6.Мещерякова О. В. Налоговые системы развитых стран мира (справочник). – М.: Фонд “Правовая культура”, 1995. – 240 с.
7. Тюрина А. В. Инвестиции в инновации: мировой опыт и российские реалии // Финансы и кредит. – 2000. – № 6. – С. 11-18.
8. Wolff M. Perspectives. // Research-Technology Management. 1999. V. 42. – July – August. № 4. P. 5.
9. C.Type “Концептуальная модель государственного управления крупными инновационными проектами и фундаментальными исследованиями” - http://stype2002.narod.ru/informog.htm

Смирнов М.А., Родина Н.В.

РАЗЛИЧИЯ В ПОВЕДЕНИИ НА ИННОВАЦИОННЫХ РЫНКАХ МЕЖДУ ГОРОДСКИМИ И СЕЛЬСКИМИ ГРУППАМИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

При анализе распространения инноваций, как правило, используют лишь математические и картографические методы, тогда как социально-психологический анализ остается невостребованным. Вместе с тем, мы полагаем, что исследование поведенческих и мотивационных особенностей населения на разных территориях, которые создают феномен потребительской культуры, дают более богатую аналитику для исследователя.

В данном материале приведен анализ влияния потребительской культуры городских и сельских жителей на характер использования Интернет и образовательных услуг. Использованный подход позволил нам сделать вывод, что экономические факторы определяют интенсивность использования инноваций, тогда как поведенческие – цели и характер использования инноваций, что, в конечном итоге, и определяет широту распространения нововведения.

Статистический анализ факторов развития Интернет

Интернет постепенно становится одной из характерных черт города и частью городской культуры. Появление Интернета (как и его предшественников в виде телефонных информационных каталогов [3]) во многом обусловлено лавинообразным ростом объема обрабатываемой людьми информации. И если горожанам в этом потоке жизненно необходимо ориентироваться, изыскивать удобные способы навигации в городском пространстве (выбор мест досуга, питания и т.п.), то для сельских жителей такая необходимость отсутствует, их инфраструктура намного проще. Кроме того, в условиях высокой плотности платежеспособных жителей, какая может наблюдаться в основном в городах, инновация имеет наибольшие возможности для развития.

[3] - Во Франции в конце 80-х – начале 90-х годов развивался свой прототип Интернета – сеть коммерческой информации «Минитель». «Минитель» на сегодня так и не вышла за пределы Франции, однако в отличие от других национальных прототипов Интернета (PRESTEL в Германии и CAPTAIN в Японии), она пользуется огромной популярностью среди французов – в середине 90-х годов у сети было 6,5 млн терминалов, через которые потребителям предлагались 23 тыс услуг. С 1995 года «Минитель» вышла на самоокупаемость. Причины ее успеха – поддержка правительства (выражавшаяся в бесплатной установке системы желающим) и тот факт, что французы приняли ее как средство своего личностного (национального) выражения.

Статистический анализ взаимосвязи между различными факторами развития Интернет и уровнем проникновения данной технологии в различных странах показывает, что наибольшее влияние на распространение Интернета оказывают такие факторы, как уровень дохода, уровень развития «технологий-предшественников» (телефонных и компьютерных сетей) и уровень урбанизации (среда развития).

Безусловно, для развития Интернета экономический фактор является одним из наиболее значимых как на глобальном уровне, так и на внутристрановом [4]. Так, в мире в странах с душевым ВВП более 20 тыс долл в год сосредоточено абсолютное большинство пользователей Интернет – порядка 70% от их общего числа. В этих же странах наблюдается и наибольшая активность использования сети – создано более 90% всех Интернет-сайтов, обеспечивается более 90% Интернет-трафика, сосредоточено более 90% мирового оборота электронной торговли. На внутристрановом уровне диспропорции в развитии Интернета также имеют место и связаны они с различиями территорий в доходах, обеспеченностью инфраструктурой, стоимостью доступа к Интернету и другими факторами.

Выйти в сеть Интернет без компьютера практически невозможно, однако прямой зависимости от уровня компьютеризации не наблюдается в виду того, что в странах с низкой обеспеченностью компьютерами происходит увеличение нагрузки на одну машину. Ведь во многих развивающихся странах мира компьютер является слишком дорогой вещью, чтобы быть неотъемлемой частью деятельности людей. В результате, один компьютер в бедных странах обслуживает выход в Интернет гораздо большего числа пользователей, нежели в богатых, где компьютер является «более персональным». Аналогичные выводы напрашиваются и по отношению к уровню телефонизации – на одной телефонной линии могут числиться сразу несколько пользователей Интернет [5].

На страны с долей городского населения свыше 69% приходится более 77% всех интернет-пользователей в мире. Очевидно, что городской образ жизни (прежде всего, западный городской образ жизни с сверхразвитой торговой, сервисной и прочей инфраструктурой) играет весомую роль в распространении Интернета [6]. Однако статистический анализ не в полной мере позволяет проанализировать степень и характер влияния городского образа жизни на распространение Интернет.

Для того, чтобы решить эту задачу необходимы серьезные социологические исследования, позволяющие изучить контраст между восприятием Интернет между городскими и сельскими группами населения. При этом нужно учитывать, что анализировать специфику поведения взрослого сельского населения в отношении Интернет не очень уместно, так как в России их уровень знаний об этой технологии близок к нулю и, тем более, что эта группа не имеет практического опыта использования Интернет. Поэтому логично сфокусировать внимание на молодежи, обучающейся в ВУЗах, сравнив молодежь сельскую и городскую. Попав в крупный город, сельская молодежь начинает меняться, подстраиваться под доминирующий уклад, однако не все происходит быстро, даже если в город приезжают обеспеченные молодые люди.

Методика исследования

Исследование проводилось методом формализованных личных интервью студентов дневных отделений высших учебных заведений Москвы и Нижнего Новгорода. Объем направленной выборки – 641 человек (471 в Москве и 170 в Нижнем Новгороде).

Целевая группа исследования была ограничена двумя городами (Москва и Нижний Новгород) и несколькими передовыми ВУЗами в каждом городе (всего в исследовании участвовало 17 ВУЗов). В качестве стратификации городской молодежи мы взяли областные города и города областного подчинения. Исследование при непосредственном участии авторов было проведено на базе консалтинговой компании ФИНИСТ.

Интенсивность использования Интернет

Наиболее заметное различие в использовании Интернета между городскими и сельскими группами пользователей – это интенсивность доступа к сети. Анализ интенсивности показывает весьма заметный разрыв между студентами выходцами из села, выходцами из малых и средних

[4] - Смирнов М.А. – Экономика «цифрового разрыва» / Информационное общество, №4 2003, с.59-61

[5] - Стоит отметить, что влияние телефонизации в развитых странах на динамику роста числа пользователей Интернет снижается в виду того, что происходит переход пользователей с телефонных линий на цифровую оптоволоконную связь, которая обеспечивает лучшую скорость, и, в итоге, меньшую стоимость трафика. По сути, сам термин «телефонизация» теряет актуальность, уступая место «интернетизации».

[6] - Смирнов М.А. – Роль городов в развитии сети Интернет / «Города и городские агломерации в региональном развитии». ИГ РАН, 2003, с.241-246

городов и жителями областных центров (рис. 1). Практически половина студентов, проживающих в областном центре, пользуется Интернетом каждый день (по Москве этот показатель еще выше!). Среди сельских студентов доля столь активных пользователей составляет всего порядка 10%.

Рис. 1 Интенсивность использования Интернет, среди тех, кто хоть раз пользовался Интернет

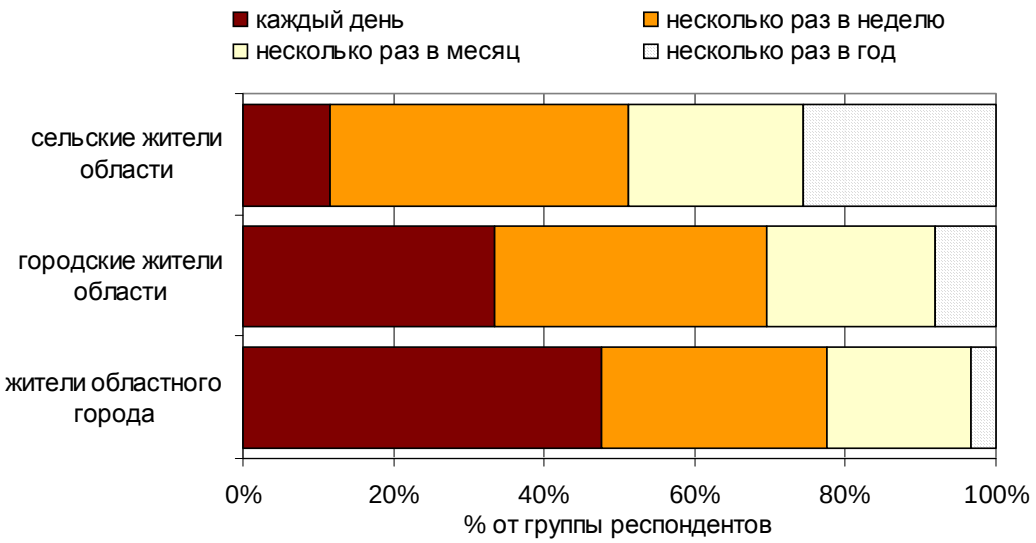
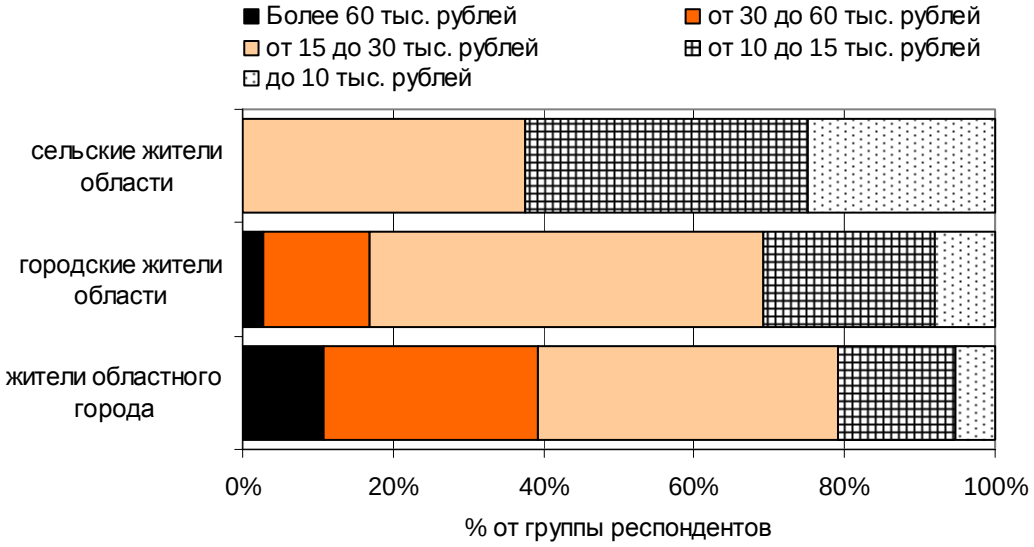

Рис. 2 Структура доходов семей респондентов различных групп

Безусловно, на такую дифференциацию влияют более низкие доходы сельских студентов (рис. 2). Разница весьма весомая – если 50% студентов – выходцев из областных центров имеют семейный доход более 30 тыс рублей, то среди сельских студентов более 60% имеют семейные доходы менее 15 тыс рублей. Сильное влияние уровня доходов на интенсивность использования Интернет подтверждается и более детальным анализом группы сельских студентов – среди наиболее обеспеченных из них, с семейными доходами свыше 15 тыс рублей, доля пользующихся Интернетом хотя бы раз в неделю достигает 51% (для сравнения в среднем по сельским студентам этот показатель составляет 45%).

Места доступа в Интернет и цели использования

Очевидно, что студенты, обучающиеся в своем родном городе, имеют больше возможностей для пользования Интернетом у себя дома, тогда как приезжим приходится более часто использовать публичные точки доступа к Интернету: компьютерные классы в ВУЗах, библиотеках, Интернет-кафе (рис. 3). Впрочем, тот факт, что 40% сельских студентов, пользуется Интернетом у «себя дома», демонстрирует растущий, часто стихийно, уровень интернетизации студенческих общежитий

Рис. 3 Места доступа в Интернет по группам пользователей

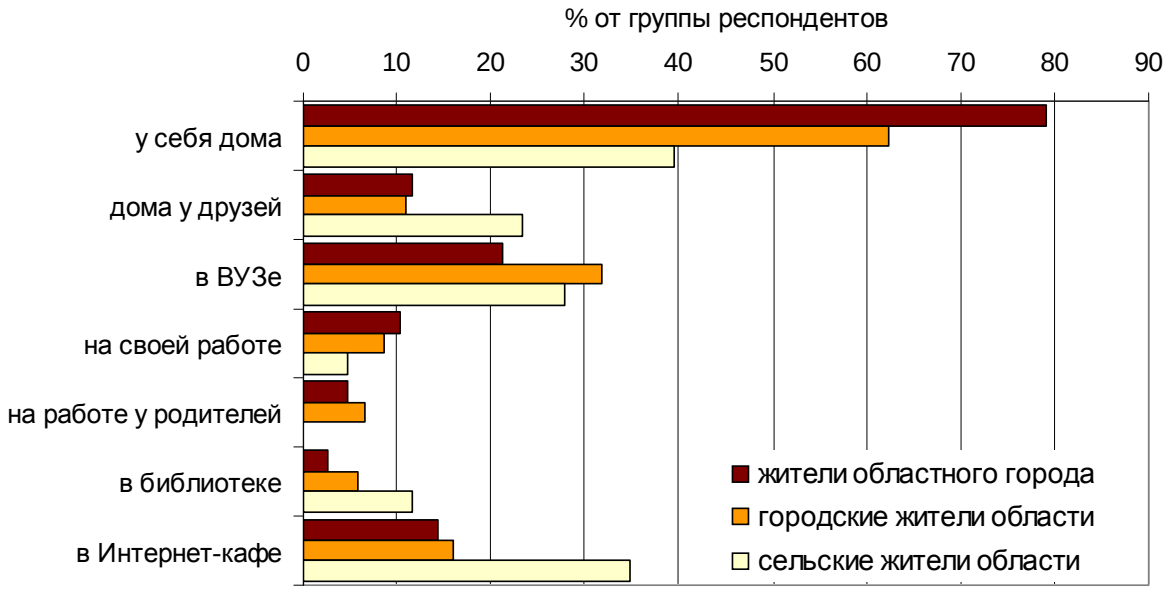
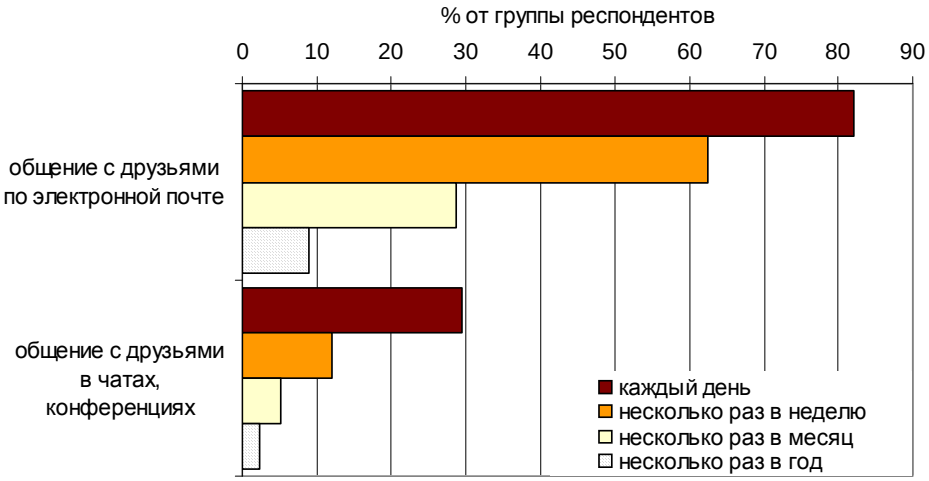

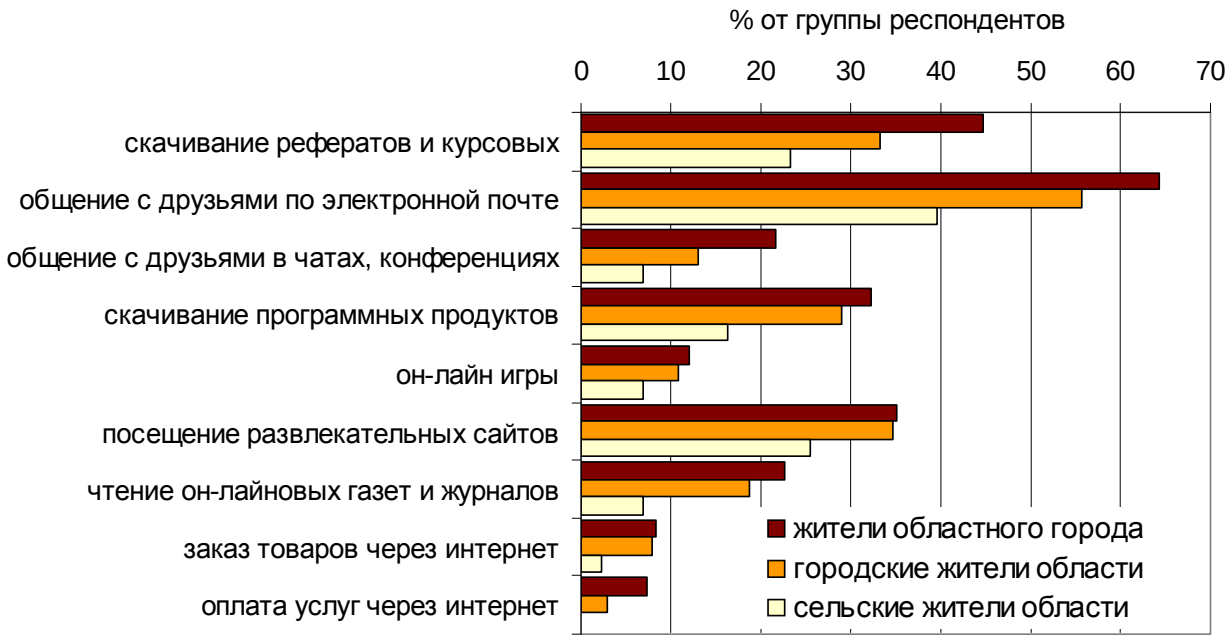
Рис. 4 Зависимость интенсивности использования электронных коммуникаций от общей интенсивности пользования Интернетом

В значительной мере способ доступа к Интернету определяет и характер использования сети. Студенты, подключенные к Интернету дома, могут использовать его более интенсивно: не только для сбора конкретной информации (например, необходимой для учебы), но и просто «листать» Интернет-страницы для развлечения и, что более важно, для постоянного общения с помощью электронной почты и интернет-конференций. Для студентов, имеющих ограниченные возможности для выхода в Интернет, интерсивность пользования сетью с целью общения снижается (особенно это относится к Интернет-чатам и конференциям, предполагающим он-ланй общение на протяжении длительного времени, что сложно реализовать в общественных точках доступа). Оперативную связь с друзьями они могут поддерживать с помощью широко распространенной мобильной связи (рис. 4).

Наиболее резкие различия между городскими студентами и сельским проявляются в интересе к программным ресурсам Интернет – городские жители более, чем в два раза чаще ищут в сети программные продукты (рис. 5). Аналогичная ситуация с заказами через Интернет товаров и услуг – культура электронных покупок еще только формируется в крупнейших городах и фактически отсутствует среди жителей сельской местности.

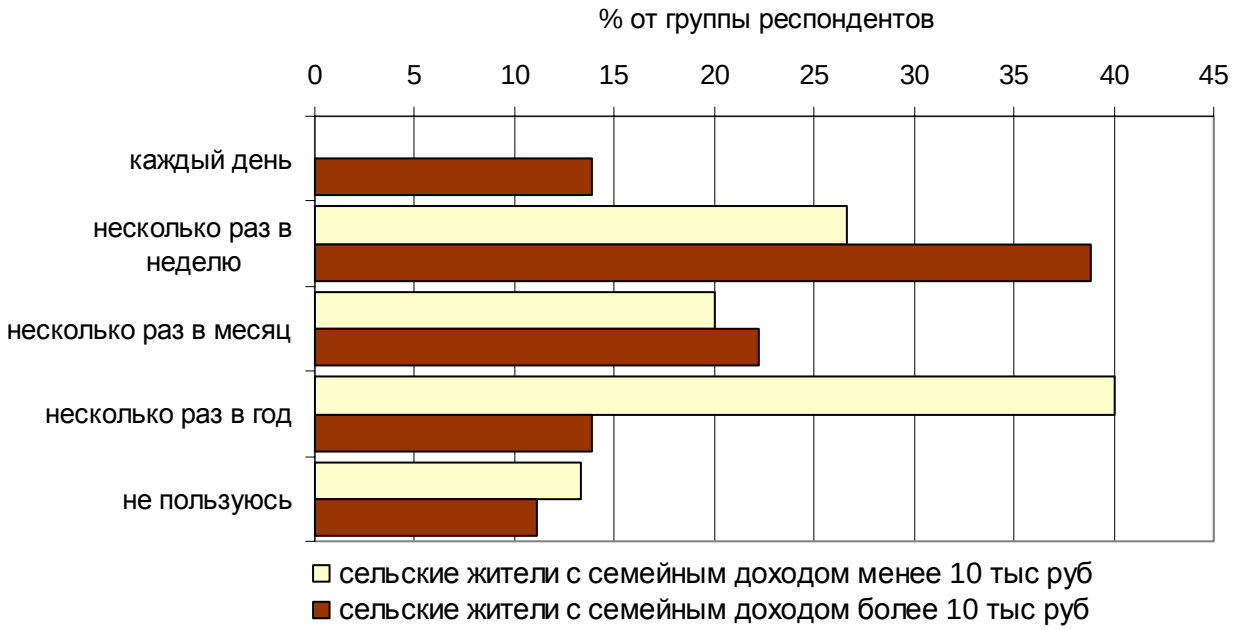
Рис. 5 Цели использования сети Интернет различными группами

Сравнение различных доходных групп среди сельской молодежи

Анализ мест доступа в Интернет и цели использования сети позволяет нам предположить, что экономический фактор определяет далеко не все. Это хорошо заметно и при анализе поведения наиболее обеспеченных сельских студентов. Мы наблюдаем рост интенсивности использования Интернета среди них по сравнению с менее обеспеченными сельскими студентами. Характерно, что ни один из опрошенных студентов с семейным доходом менее 10 тыс. рублей не может позволить себе ежедневный доступ к сети (рис. 6), а большинство представителей этой группы вообще выходят в Интернет несколько раз в год.

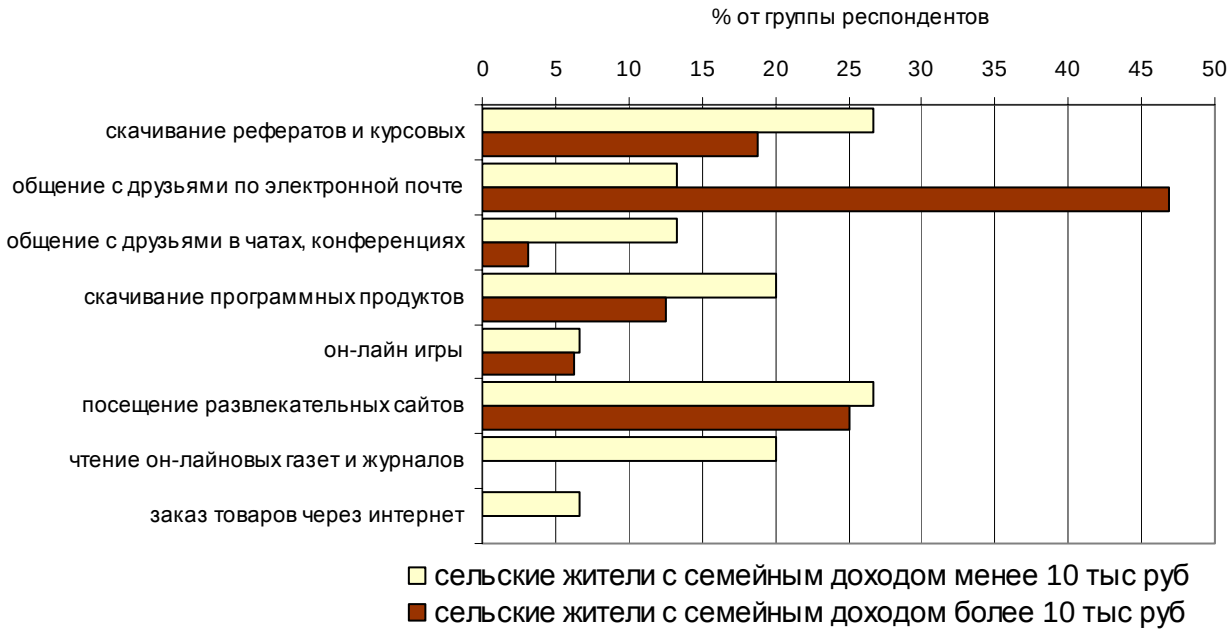
Рис. 6 Интенсивность использования Интернет в зависимости от уровня дохода сельских студентов

Однако влияние доходов на цели использования Интернет оказывается не столь однозначным – сдвига в пользу городской структуры использования сети не происходит (рис. 7). Исключение составляет только заметный рост интенсивности использования электронных коммуникаций для

общения с друзьями, тогда как другие цели сельскими студентами с семейным доходом более 10 тыс рублей называются иногда даже реже, чем менее обеспеченными сельскими студентами. Это и заставляет нас предположить, что для восприятия и, главное, всестороннего использования инноваций важен не только экономический фактор, но и «внутренняя» готовность к использованию нововведений в повседневной жизни – то, что в маркетинге называют потребительским поведением.

Рис. 7 Цели использования Интернет в зависимости от уровня дохода сельских студентов

Поведение городского и сельского населения на образовательном рынке

Различия в потребительском поведении можно проследить и на примере отношения учащихся и их родителей к образовательным услугам [7]. В частности, различия эти проявляются в разной степени активности при поиске подходящего учреждения для своего ребенка. Если в областном центре около 4% родителей занимают активную позицию в выборе общеобразовательного учреждения, то таких родителей еще меньше в небольших городах и, тем более, почти нет в сельской местности.

Территориальные различия в потребительской культуре особенно прослеживаются на примере процесса поступления в ВУЗ: выделяются группы с разной степенью активности и нацеленности на получение высшего образования конкретного качества. Здесь выявляются не только различия город/село, но и дифференциация между столичными территориями и провинцией. Например, в Москве выделяется группа студентов, максимально ориентированных на поступление в конкретный ВУЗ и на конкретную специальность. Для поступления в конкретный ВУЗ эти семьи готовы использовать разнообразные способы подготовки, оплаты обучения, готовы менять привычный уклад жизни для достижения цели (скажем, сменить работу для оплаты обучения или подготовки и т.п.). В регионах же многие не готовы рассматривать образование как покупаемый продукт: присутствует осознание ценности высшего образования вообще, без привязки к конкретному учебному заведению.

Резюме

Подводя итог, можно отметить, что различия в характере и интенсивности использования нововведений городскими и сельскими жителями по-прежнему имеют место и, вероятно, могут даже усиливаться с усложнением технологических инноваций. При этом образ жизни и ментальность сельских и городских пользователей определяют различия в структуре целей использования инноваций даже в условиях квазиоднородной среды (при перемещении сельских жителей в города). В наиболее общем виде мы попытались отразить интенсивность обращения к сети для реализации

[7] - Родина Н.В. Влияние периферийности на формирование потребительской культуры в общем образовании // Проблемы приграничных регионов России. ИГ РАН, 2004. с. 232-235.

различных целей сельскими и городскими пользователями Интернет (таб. 1). Достаточное сходство наблюдается лишь на самом рациональном уровне восприятия сети – это источник информации для работы и учебы, тогда как по другим целям городские жители оказываются более заинтересованными в использовании возможностей сети.

Таблица 1

Интенсивность обращения к сети для реализации различных целей сельскими и городскими пользователями Интернет

цели использования Интернет		городские пользователи	сельские пользователи
работа и учеба	сбор информации для учебы (работы) скачивание рефератов и курсовых скачивание программных продуктов чтение он-лайновых газет и журналов	**ххх**	**ххх**
досуг и развлечения	он-лайн игры посещение развлекательных сайтов	**ххх**	**хх**
коммуникации	общение с друзьями по электронной почте общение с друзьями в чатах, конференциях	**хх**	**х**
бытовые цели	заказ товаров через интернет оплата услуг через интернет	**х**	
навигация в пространстве	поиск мест досуга и развлечений поиск места работы поиск мест удовлетворения бытовых нужд	**х**	

Примечание: ххх – активное использование для достижения цели, хх – умеренное использование, х – слабое использование.

Отставнова Е.В.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ УРБАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ

На современном этапе социально-экономического развития страны возросла востребованность изучения проблем и перспектив развития социальной инфраструктуры сельских районов. В настоящее время во многом не решены проблемы комплексного инфраструктурного развития сельских территорий, не выработаны механизмы эффективного регионального управления социальной инфраструктурой. На примере Саратовской области произведен анализ социально-инфраструктурного развития сельских районов в зависимости от степени их урбанизации.

Анализ показал, что в 1998-2002 годы самые урбанизированные сельские административные районы (муниципальные образования) Саратовской области характеризовались позитивными тенденциями нормативной обеспеченности школами, амбулаторно-поликлиническими учреждениями, жильем. При этом Саратовский район, Аткарский, Петровский, Красноармейский, Хвалынский районы в основном обеспечены общеобразовательными учреждениями, амбулаторно-поликлиническими учреждениями, а также площадью жилищ, приходящихся в среднем на 1-го жителя. Энгельсский, Балаковский, Вольский, Пугачевский, Балашовский, Марксовский районы обеспечены школами и амбулаторно-поликлиническим учреждениями. Здесь показатель «площадь жилищ, приходящаяся в среднем на 1-го жителя», меньше нормативного. Ртищевский район, напротив, не полностью обеспечен общеобразовательными школами и амбулаторно-поликлиническими учреждениями, однако имеет место позитивная тенденция развития обеспеченности населения района жильем.

Испытывающая относительно меньшее влияние города и индустриализации группа субурбанизированных сельских районов Саратовской области характеризуется следующими тенденциями развития здравоохранения, образования и жилья. По этим базовым системам социальной инфраструктуры Балтайский, Ивантеевский, Новобурасский и Озинский районы имеют положительную динамику. Краснокутский, Ершовский и Базарно-Карабулакский районы характеризуются позитивными тенденциями развития общеобразовательной сферы, амбулаторно-

поликлинических учреждений и отрицательной динамикой площади жилищ, приходящейся на одного жителя. Калининский район обладает отрицательной динамикой развития сфер образования и здравоохранения и положительной – по жилищной сфере.

Следующая еще менее урбанизированная (рурбанизированная) группа сельских муниципальных образований характеризуется следующим образом. Новоузенский, Советский, Федоровский, Самойловский, Екатериновский и Краснопартизанский районы обладают позитивной динамикой развития по всем базовым системам социальной инфраструктуры. Аркадакский район характеризуется положительной динамикой числа государственных дневных общеобразовательных учреждений и мощности амбулаторно-поликлинических учреждений; а динамика развития жилья отрицательная. Татищевский район, напротив, имеет отрицательную динамику по развитию школ и учреждений здравоохранения. Однако тенденция развития показателя жилищной площади, приходящейся в среднем на одного жителя, здесь положительная.

Наконец, руральная (сельская глубинка) группа районных муниципальных образований Саратовской области выглядят следующим образом. Ровенский, Лысогорский, Алгайский, Воскресенский, Духовницкий и Питерский районы имеют положительные тенденции развития по показателям базовых систем социальной инфраструктуры. Романовский, Перелюбский, Дергачевский, Турковский районы – положительная тенденция развития в системах образования и здравоохранения, отрицательная – в динамике жилищной сферы. Районы с отрицательной динамикой по каким-то двум базовым системам социальной инфраструктуры в руральной группе не выявлены.
Вместе с тем, динамика изменений системы общеобразовательных школ в низовых сельских районах Саратовской области свидетельствует о неустойчивом за указанный период развитии местной системы сельского образования. В сельской местности не выполняются установленные социальные стандарты образования, а выпускники сельских школ оказываются неконкурентоспособными на региональном рынке труда.

Негативная тенденция характерна и для развития местной системы сельского здравоохранения. Реальное снижение показателя «мощность сельских амбулаторно-поликлинических учреждений» тесно связано со степенью урбанизированности сельских поселений. Если в урбанизированых, субурбанизированных и рурбанизированных сельских районах Саратовской области наблюдается рост, неизменность или незначительное снижение показателя мощности амбулаторно-поликлинических учреждений, то на территориях руральных муниципальных образований количество посещений в смену амбулаторно-поликлинических учреждений с 2001 г. довольно резко сокращается. Последнее связано с неразвитостью в сельской глубинке дорожно-транспортной сети и дефицитом горюче-смазочных материалов.

Повсеместно на селе отмечены связанные с негативными демографическими процессами угрожающие тенденции ослабления мощности сельских амбулаторно-поликлинических учреждений и общеобразовательных школ, что выражается в их предельно низких по региону пороговых значениях в Балтайском, Алгайском и Екатериновском районах против предельно высоких целевых региональных ориентиров в Балаковском и Лысогорском районах (табл. 1).

Таблица 1.

Целевые ориентиры и пороговые значения основных показателей социальной инфраструктуры Саратовской области, 2002 г.

№	Показатель	Характеристика показателя	Текущее значение	Целевой ориентир	Пороговое значение
1.	Число государственных общеобразовательных учреждений	На начало учебного года	33,29	Балаковский район 59	Балтайский район 13
2.	Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений	Посещений в смену, всего	800	Балаковский район 7163	Алгайский район 150
3.	Площадь жилищ	В среднем на одного жителя (на конец года), $м^2$	21,28	Лысогорский район 30,8	Екатериновский район 16,6

Источник: Города и районы Саратовской области. Статист. сборник / Саратов: Саратовский областной комитет госстатистики, 2003. Разделы: «Образование», «Здравоохранение» и «Жилищные условия».

Проведенный анализ позволяет определить на ближайшую перспективу следующие тенденции социально-инфраструктурного развития сельских районов Саратовской области. Положительные тенденции развития социальной инфраструктуры сохранятся в следующих районах области: Самойловском, Екатериновском, Петровском, Аткарском, Лысогорском, Балаковском,

Новобурасском, Воскресенском, Саратовском, Красноармейском, Духовницком, Советском и Ивантеевском. Негативные тенденции останутся характерными для Ртищевского, Калининского, Аркадакского, Турковского, Романовского и Перелюбского районов. В остальных районах в перспективе на ближайший период времени сохранятся прежние тенденции социально-инфраструктурного развития.

Сопоставление рейтинга сельских районов Саратовской области по степени урбанизированности с рейтингом по характеру тенденций развития обеспеченности услугами непроизводственной сферы позволяет сделать вывод об их корреляционной взаимосвязи. Установлено соответствие показателей урбанизированности характеру тенденций развития обеспечения районных муниципальных образований услугами основных отраслей социальной инфраструктуры.

В урбанизированных, субурбанизированных и рурбанизированных низовых сельских районах наблюдается рост, неизменность или незначительное снижение показателя мощности амбулаторно-поликлинических учреждений. В руральных районах, напротив, эта мощность с 2001 г. довольно резко сокращается. Это объясняется нехваткой горюче-смазочных материалов и транспорта, плохим состоянием дорог, связывающих руральные сельские поселения с урбанизированными. Повсеместна лишь относительно устойчивая тенденция возрастания подушевой площади сельских жилищ.

В связи с этим необходим действенный государственный контроль за реализацией в Саратовской области Федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2010 года». Порядок взаимосвязанного использования федеральных, региональных и локальных инструментов социально-экономической политики должен быть прописан в новой редакции Закона РФ "О государственном регулировании агропромышленного производства", он должен иметь ограниченный срок действия – 5-7 лет. Этот Закон необходимо дополнить разделами о предотвращении упадка социальной инфраструктуры села и об экономическом регулировании землепользования и охраны земли. Целесообразно учесть положения по модернизации образования и реформе здравоохранения программы «Социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005 –2008 годы)».

Итак, региональные стратегия и модель управления социальной инфраструктурой села в Саратовской области должны быть скорректированы с учетом степени урбанизированности сельских территорий. Для преодоления сложившейся проблемной ситуации в социальной инфраструктуре села необходимо изменение структуры налоговой системы, дополняемой рентными платежами. На основе партнёрского освоения природно-ресурсного потенциала агропродовольственных систем следует разработать среднесрочную региональную программу капвложений, социальных трансфертов и софинансирования сельских объектов производства и соцкультбыта в Саратовской области.

НефедоваТ.Г.,Макеева А.А.

ПРОИЗВОДСТВО ЗЕРНА И ГОРОДА РОССИИ

На выращивание зерна, для которого важны природные условия и техника, удаленность от города должна была бы влиять в меньшей степени, чем на трудоемкое овощеводство или молочное животноводство с их малотранспортабельной продукцией. Тем не менее, в России это влияние ощутимо. Статья показывает зависимость пространственно-временных вариаций зернового производства от городской сети, тем самым продолжая тему сближения города и деревни, затронутую в статье Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша в данном сборнике.

Напомним, что во второй половине XX века пригороды крупных центров страны все более резко выделялись на общем фоне по продуктивности земель и по самочувствию крупных агропредприятий. Одним из наглядных подтверждений этой тенденции служил постоянный рост урожайности зерновых культур вокруг Ленинграда (С.-Петербурга) и Москвы **(рис. 1).** В соседних регионах, даже с лучшими почвенно-климатическими условиями, урожайность если и росла с середины 1970-х годов, то гораздо медленнее, а в большинстве случаев она начала сокращаться, несмотря на повышенные вложения в рамках программы интенсификации сельского хозяйства.

Внутри регионов пригородно-периферийные различия в продуктивности земель также ярко выражены, причем падение продуктивности в кризисные 1990-е годы нисколько не изменило типичной картины градиентов урожайности зерновых. Она хорошо видна на графике (**рис. 2),** составленном на основе информации по внутриобластным административным районам Европейской России и их удаленности от региональных столиц. *Эта устойчивость «рельефа» продуктивности зернового хозяйства говорит об определенных закономерностях организации внегородского экономического пространства вообще, мало подверженных даже таким кардинальным изменениям, как смена строя, экономический кризис и т. п.* (Нефедова, 2003). Ситуация, когда рядом с крупными городами на дорогой земле, которая, наконец-то, получила рыночную цену, предприятия продолжали сеять зерно, кажется абсурдной. Тем не менее, она имеет свое объяснение.

Главная причина – это сжатие самого пространства крупных предприятий коллективного сектора, которые могли опираться только на определенный демографический потенциал. Ведь наиболее молодое, трудоспособное население концентрировали, помимо городов, именно пригороды (см. рис.7 в статье Нефедовой и Трейвиша). И это на фоне низкой в целом продуктивности земель и застарелой боязни дефицита хлеба. Такая боязнь веками существовала в России, резко обостряясь после войн и смут. В советский период она стала домокловым мечом режима, постоянно тяготевшим над сельскохозяйственной политикой[8]. Отсюда чрезмерное расширение площади распаханных земель в маргинальных по природным условиям и трудообеспеченности районах. Многолетняя поддержка периферийных убыточных предприятий способствовала консервации обширной зоны экономически слабого хозяйства, коллапс которого мы сейчас и наблюдаем.

Однако решать задачи обеспечения городов продовольствием легче было все-таки в пригородах, и власти постепенно стягивали основные фонды и новые технологии туда, где они давали отдачу. Таким образом, пригороды в наибольшей степени оказались «приближены» к городам и по демографическому потенциалу, и по экономическому уровню производства в целом. Вместе со всем производством к городам «стягивалось» зерновое хозяйство, ведь многочисленному и продуктивному скоту в пригородах требовался корм. А разделение труда, в том числе между Севером и Югом, при социализме с его дотационной экономикой и политикой самообеспечения регионов было развито сравнительно слабо (Наумов, Рубанов, 2001).

В связи с кризисом 1990-х гг., резким уменьшением дотаций агросектору и переходом к коммерческим условиям производства и сбыта продукции градиенты между пригородами и периферией в Нечерноземье только усилились. Это проявилось в больших потерях распаханных земель и товарной продукции на периферии регионов, в более заметном падении там урожайности зерновых культур (см. рис. 2). На Юге подобные градиенты и прежде были гораздо слабее выражены, особенно на Северном Кавказе. Там не было таких потерь сельского населения, влияние городов было меньше, да и сами города в большей степени вписаны в сельскую местность. Южные зерновые районы, испытав в начале 1990-х сильный кризисный шок, быстрее начали восстанавливать производство. Но почти всюду ситуация стала меняться в конце 90-х гг., когда зерновое хозяйство ощутило последствия рыночных преобразований.

Устранение государственного регулирования сельского хозяйства, отход от системы дотаций и дифференцированных закупочных цен, поддерживающих производство в неблагоприятных природных и социально-географических условиях привели к тому, что «размазанное» в советское время зерновое производство в новых экономических условиях приобретает более четко выраженную региональную специализацию. И хотя с увеличением самостоятельности регионов их элиты пытались сохранить политику самообеспечения, они уже не могли опираться на столь мощную финансовую поддержку, как прежде[9] .

От величины города зависит размер зоны его влияния. Урожайность зерновых культур в Нечерноземье повышается в административных районах вблизи любого города с населением более 100 тыс.жителей. Города-миллионеры способствуют увеличению урожайности в районах-соседях не только первого, но и второго порядка. Влияние С.-Петербурга ограничивается соседями первого, второго и третьего порядка, а воздействие на сельское хозяйство Москвы охватывает практически всю Московскую область (то есть административные районы 1-4 порядков соседства со столицей). Чем больше город, тем обычно выше урожайность зерновых культур в пригородах **(рис. 3).** Однако

[8] «Зерновой менталитет» и «голодофобия» вполне объяснимы, хотя в известной мере парадоксальны для страны, которая периодами имела относительные избытки зерна и торговала им, в отличие от ряда европейских стран, постоянно зависевших от импорта хлеба.

[9] Исключение составляют некоторые республики Поволжья, особенно Татарстан и Башкортостан, где агропроизводство в 1990-х годах благодаря усиленной региональной поддержке (а отчасти федеральной, учитывая те или иные льготы для этих «строптивых» республик) гораздо меньше пострадало от кризиса.

вблизи городов свыше 500 тыс. человек в конкурентной борьбе за пригородную землю начинают побеждать городские дачники, и продуктивность земель агропредприятий снижается. В Нечерноземье максимальный скачок продуктивности в пригородах отмечен близи городов с 250-500 тыс. жителей, что примерно соответствует размеру региональных столиц**.** При этом зависимость показателей сельского хозяйства от размера города в кризисные 1990-е гг. возросла, то есть кривая падения урожайности на рис. 3 стала круче. А на юге большее значение имеют небольшие центры с населением 20-50 тыс. человек, и зависимость урожайности зерновых от размера городов уменьшилась. Это говорит о принципиально иной организации территории в некоторых южных регионах. Почти сплошному аграрному освоению благодатного юга больше отвечают не столько крупные города, сколько равномерная сеть малых местных центров. В засушливых районах влияние крупных городов более заметно.

Таким образом, влияние рынка оказывает на сельское хозяйство двоякое действие. С одной стороны, *рынок усиливает экономические преимущества пригородов,* поддерживая на плаву более сильные хозяйства и способствуя дальнейшей концентрации производства. С другой, *рынок стимулирует отход от самообеспечения регионов зерном, тем самым усиливая территориальное разделение труда между Севером и Югом.*

Так, при общем сокращении посевов зерновых в 90-е годы наиболее сильное их уменьшение наблюдается в Нечерноземной зоне (Центральный, Северо-Западный и Северный экономические районы) и на Востоке страны. Происходит «сдвиг» посевов к югу и их концентрация в более благоприятных в природно-климатическом и демографическом отношении регионах **(рис. 4).** Этот «сдвиг» вызвал и смещение основного центра производства зерна: доля южных регионов в его производстве в течение 1990-х годов также существенно возросла **(рис. 5).** Больше всего увеличилась роль самого благоприятного для выращивания зерновых района страны – Северного Кавказа. В Нечерноземье зерновое производство не могут удержать не только периферия, но и пригороды, несмотря на сохранение там повышенной урожайности зерновых культур. Землеемкое зерновое производство «отталкивают» от городов не только другие отрасли экономики, но и дачники.

Таким образом, *производство зерна постепенно «уходит» из Нечерноземной зоны, что говорит уже о масштабных зональных процессах изменения специализации сельскохозяйственного производства.*

Интересно отметить, что такой же вектор территориальных сдвигов, вызванный, правда, другими причинами, наблюдался в конце XIX – начале XX веков. Резкое расширение посевов на юге и их сокращение в Нечерноземной зоне было вызвано целым комплексом причин: изменением в размещении населения, созданием железнодорожной сети и южных портов, сделавших южный хлеб более дешевым и экспортным товаром; сменой культур (от выращивания ржи для самообеспечения крестьян Россия перешла к более дорогой товарной пшенице, культивирование которой в Нечерноземье уже проблематично). Среди этих причин и рост городского населения в Центрально-Промышленном районе, отвлекающий крестьянство от сельского хозяйства. В общем, города, несмотря на увеличение потребности основной промышленной зоны в хлебе, в начале XX века как бы «выталкивали» товарное зерновое производство на Юг. Через 100 лет с возвращением к рыночным условиям производства и распределения такое же «выталкивание» возобновилось .

Для иллюстрации современных процессов покажем, что происходит в зерновом секторе трех регионов, представляющих разные макрорайоны и зоны Европейской России: Северо-Запад, Поволжье и Северный Кавказ.

Например, в Новгородской области посевная площадь в 2003 году составляла менее 5% территории. За 1990-е годы вся она сократилась почти вдвое, а посевы зерновых – в 6 раз. Еще в 1990 г. доля зерновых культур составляла 31% посевных площадей, сейчас – 7%. Более чем в трети районов посевы зерновых практически свелись к нулю. Наибольшие площади под ними , кроме пригородных Старорусского и Новгородского районов, сохранились в западной зоне с лучшими почвенными условиями. Таким образом, даже в границах небольшой Новгородской области виден уход зернового хозяйства из маргинальных для него районов. Урожайность зерновых культур также остается более высокой в пригородах. Причем, сократившись с 16 ц/га во второй половине 1980-х годов до 9 ц/га во второй половине 90-х, урожайность в Новгородском районе точно так же превышала периферийную в 1,7 раза.

Наметившийся выход из затяжного кризиса (в 1999-2003 годах агропроизводство в Новгородской области росло) не переломил тенденцию. Наоборот, рубеж 2000 г. показывает реальное изменение специализации сельского хозяйства всего региона. До 1990 года зерновые сеяли здесь по жесткой разнарядке сверху. Потом несколько лет – по инерции, пока не поняли, что при урожайности в 6-9 ц/га, себестоимости зерна в 2003 году от 3 до 7 тыс. рублей за тонну и реализационной цене 2-3 тысяч рублей, выгоднее покупать комбикорма, привозимые с юга, где их себестоимость составляла 1 - 2 тыс. руб.

Другое дело, что у предприятий часто вообще нет оборотных средств на покупку кормов. Поэтому коллапс зернового хозяйства в Новгородской области часто приводит к коллапсу животноводства и сельского хозяйства в целом. И здесь опять наиболее существенными оказывались пригородно-периферийные различия. В Новгородском, Старорусском районах предприятия сохранялись за счет лучшего производственного, организационного, демографического, инфраструктурного потенциалов и с уменьшением собственного кормопроизводства. В остальных районах растениеводческое направление свелось в лучшем случае к подсеванию многолетних трав или к заготовке сена на зарастающих лугах, которые все равно не спасли жалкое местное животноводство. А это привело к полному упадку крупных предприятий.

Фермеров в таких районах тоже немного. Население обречено на выживание своим полунатуральным хозяйством, которое без помощи колхозов (корма для скота, техника для сенокошения и т.п.), в свою очередь, также находится в тяжелом положении. Часто гораздо больший заработок дает не сельское хозяйство, а сбор населением грибов и ягод. Чем дальше на север, тем больше роль лесохозяйственной деятельности в выживании и агропредприятий. Они получают от лесхозов делянки леса, которые вырубают и продают сами или сдают в аренду. Многие агропредприятия имеют пилорамы. Например, на юге Архангельской области именно лесохозяйственная деятельность стала основой выживания агропредприятий (Макеева, Нефедова, 2005).

В Поволжье общие тенденции диаметрально противоположны. Роль растениеводства там возрастает. Однако внутри регионов также идет перераспределение агропроизводства с концентрацией зерна в более благоприятных природных зонах и с сохранением пригородов как ареалов более высокой продуктивности земель.

Приведем пример Самарской области. Посевные площади зерновых в кризисную первую половину 90-х годов здесь тоже уменьшились, но с тех пор растут. В 2002 году они составляли 85% от уровня 1990 г. При этом количество крупного рогатого скота уменьшилось на крупных предприятиях более чем в 3 раза, свиней – в 5 раз, а овец осталось лишь 3% от былого поголовья.

Произошла явная переориентация с животноводческого на растениеводческое направление: доля растениеводства увеличилась с 41% в 1991 до 60% в 2003 гг. Зерновые культуры в 1990 году занимали 59% посевной площади, в 2002 – 65%. Они дают здесь реальную прибыль, поэтому предприятия стремятся избавиться от убыточного животноводства, сосредоточившись на зерновом хозяйстве. Вместе с сокращением общественного животноводства идет рост частного поголовья в индивидуальных хозяйствах населения в тех районах, которые специализируются на зерне, что связано во многом с устойчивой кормовой базой частного животноводства (расширение оплаты за труд зерном).

На картах четко видно, как производство зерна к 2002 году сконцентрировалось на юге Самарской области **(рис. 6**). Но при этом его урожайность все равно самая высокая в пригородах Самары и Тольятти, особенно в последнем **(рис. 7).** Урожайность зерновых культур и ее пространственные различия, несмотря на все изменения, здесь вообще довольно стабильна. В конце 1980-х годов она составляла в среднем за 5 лет 18,5 ц/га в пригородах и 13 ц/га на периферии, в 1997-2002 гг. – соответственно 17 и 12 ц/га.

Этот пример повышенной продуктивности в пригородах при сдвиге самого производства зерна в более благоприятные природные условия в уменьшенном масштабе отражает ситуацию в России в целом.

Выгодность производства зерна привлекает в этот сектор инвесторов. *Город активно «пошел» в деревню, захватывая наиболее прибыльные отрасли сельского хозяйства.* При этом, интерес к зерновому хозяйству проявляют как местные, так и московские фирмы. Особенного размаха эти процессы достигли на Юге, например в Ставропольском крае.

Доля зерновых в общей посевной площади Ставрополья, относительно постоянная начиная с 1950-х годов, резко увеличивается в 90-е годы: с 54% в 1990 г. до 66% в 2003. В некоторых районах показатель доходит до 74%. Предприятия сократили, а в некоторых случаях и полностью уничтожили убыточное животноводство, а те поля, что прежде были заняты сочными кормами, сменили зерновые. Наибольшее расширение посевов зерновых культур произошло в районах трех типов: 1) предгорных, где при увеличении посевной площади в 90-х годах произошло расширение доли зерновых культур с 52 до 62%, 2) в северо-восточных сухостепных районах, где при сокращении общей посевной площади она в большей степени стала использоваться под зерновые (с 52 в 1990 году до 64% посевной в 2003), 3) на западе, где на окраинах кубанских плодородных равнин все еще сохранились сильные животноводческие агропредприятия, но доля зерновых все равно увеличилась с 50 до 59%. В срединных, прежде преимущественно зерновых районах, увеличение площадей под этими культурами было меньшим (в среднем с 58 до 62%).

Таким образом, *здесь наблюдается явная экспансия зерновых культур с нарушением внутрикраевой специализации и захватом всех приемлемых для выращивания зерна территорий.* Города же не оказывают столь явного влияния на продуктивность земель: урожайность зерновых культур в пригородах обоих крупных городских агломераций (Ставропольской и Кавминводской) и на периферии оказывается примерно одинаковой (23 ц/га в 1997-2002 гг.). Это меньше, чем в районах с более благоприятными условиями для выращивания зерна на западе и в срединной части края (28 ц/га).

Приход инвесторов в сельское хозяйство Поволжья и Северного Кавказа и столь сильный зерновой ажиотаж вызвал волну массовых банкротств, часто устроенных намеренно (недоброжелательных) с целью захвата предприятий. Это вызвало и сильное сокращение занятости местного населения, так как зерновое производство в отличие от животноводства требует гораздо меньше рабочих рук. Инвесторы могут представлять серьезные компании, скупающие в регионе элеваторы, склады, пищевые предприятия, магазины и заинтересованные в стабильной сырьевой базе. Такие фирмы, как правило, заинтересованы в сохранении плодородия почвы, внося удобрения, объемы которых были сильно сокращены в кризисные 1990-е годы. Однако довольно много и «фирм-однодневок», которые пользуются прибыльностью зернового производства, почти ничего не вкладывая, а при истощении почв забрасывают земли и продают предприятия.

Агрессивное экономическое поведение в отношении сельского хозяйства вообще и зернового производства в частности характерны не только для зон усиливающейся зерновой специализации, но и для зон повышенной продуктивности земель в пригородах. Только в данном случае города с их дачниками, строительными фирмами, банками путем все активнее применяемых искусственных банкротств агропредприятий, скупки земельных долей населения и т.п. борются не за то или иное производство, а за дорогую землю для застройки. Формируется основной конфликт пригородных зон, связанный с противоречием между потребностями городов в продовольствии, пищевых предприятий

в сырье, которые могут быть частично удовлетворены наиболее стабильными пригородными предприятиями, и ажиотажным спросом на землю под сады-огороды, коттеджи, склады, автозаправки, да и просто в связи с растущей ценой на нее.

Все *это приводит к сжатию землеемкого зернового клина практически во всех пригородах крупных городов, даже там, где зерновое производство высокоурожайно, а крупные молочные фермы нуждаются в кормах.* Для ряда наиболее сильных пригородных предприятий животноводческого профиля выход из этой ситуации лежит в покупке земель предприятий-банкротов в полупериферийной зоне для выращивания кормов, включая и зерновые, по принципу формирования головных и филиальных звеньев агропредприятий. При этом головное предприятие все равно остается в пригороде. Попытки создать стабильные сырьевые базы за пределами пригородных зон обычно кончались неудачей. Часто такого рода агропредприятия сами представляют собой звенья вертикальных агропромышленных цепочек, формируемых крупными городскими фирмами и пищевыми предприятиями. Таким образом, происходит центро-периферийное «сшивание» рыхлого внегородского пространства, где зерновое производство оказывается лишь одним из многих звеньев в мощной организационной цепочке «от города до поля» (продуктовая цепь, естественно, имеет обратное направление).

Особая ситуация с фермерами. Лидерами по доле фермеров в общем производстве зерна являются южные и юго-восточные регионы, особенно Поволжье и южный Урал. Это связано не только с активностью населения, но и с более кризисным состоянием крупных предприятий, и с меньшим консерватизмом властей в этой зоне по сравнению с равнинами Северного Кавказа или западного Черноземья.

Города «отталкивают» зерновых фермеров дефицитом пригородных земель и их высокой стоимостью. Но именно в пригородах создается экономическая среда, которая способствует активизации как больших, так и малых предприятий в сельском хозяйстве. Поэтому фермеров там много, хотя они малоземельные. Специализируются пригородные фермеры не на зерне, а на овощах, картофеле. Больше всего фермеров на 100 человек сельского населения – в переходной зоне от пригородов к периферии, где еще чувствуется влияние городов (частично сохранен трудовой потенциал, лучше инфраструктура, недалеко рынки сбыта), но уже нет такого земельного ажиотажа. Это также хорошо видно на примере Самарской области, весьма типичной для России**.** В нечерноземной глубинке при обилии земель фермеров очень мало, так как там начинает сказываться инфраструктурная необустроенность (бездорожье и т. п.) и разложившаяся сельская социальная среда. На юге, где эта среда здоровее если не социально, то, во всяком случае, демографически и где заведомо лучше природные условия, фермеры, особенно занимающиеся зерном, тяготеют не только к полупериферийным, но и к периферийным районам. Специфику типичного для России внутрирегионального распределения фермерских хозяйств с их повышенным числом в пригородах и наибольшей землеемкостью в южных районах демонстрирует опять же Самарская область **(рис. 8 и 9).** Землеемкость южных фермеров, порой сравнимая с колхозной (до 500-1000 гектар), связана именно с их зерновой специализацией.

При сильном кризисе бывших колхозов «привязка» фермерских хозяйств к полупериферии становится менее существенной. Например, в соседней Саратовской области произошел почти тотальный распад крупных предприятий и переход значительной части производства зерна к фермерам**.** Если еще в 1995 году в большинстве районов области 90% зерна выращивали бывшие колхозы и совхозы**,** то уже в 1999 году появились признаки эрозии коллективного зернового сектора в отдельных районах**,** а к 2005 году его распад охватил практически всю область **(рис. 10).** Лидером по доле фермеров в производстве в конце 1990-х был полупригородный Лысогорский район[10]. Сейчас их доля велика всюду, кроме некоторых районов, включая пригородный Энгельский. При этом число фермеров сильно не увеличилось, зато произошло перераспределение земель от коллективных к частным фермерским хозяйствам путем передачи им в аренду или скупки земельных долей работников предприятий. Владеют фермерскими хозяйствами, как правило, представители прежней колхозной администрации: председатели, бухгалтеры, агрономы и т. п. Валовые сборы зерна и его урожайность при этом возросли.

Итак, зерновое хозяйство, «размазанное» в советское время по обширной территории, в новых экономических условиях концентрируется в определенных районах и *приобретает четко выраженную макрорегиональную и внутрирегиональную специализацию. Происходит явный «сдвиг» посевов в наиболее благоприятные для них природные зоны и районы.* Внутри регионов это может

[10] О фермерах Лысогорского района Саратовской области см. подробнее Нефедова, 2003, с.237-246

происходить как на фоне резкого сокращения общей площади зерновых (в Нечерноземье), так и ее расширения (в Поволжье).

Тем не менее, *решающим для продуктивности земель, в том числе урожайности зерновых, везде, кроме Юга России, все-таки остается положение по отношению к крупному городу*. Однако влияние города на производство зерна кардинально изменилось. Из-за высокой потребительской стоимости пригородных земель и землеемкости зернового хозяйства крупные города выталкивают его за пределы пригородов. В Поволжье это означает «сдвиг» зернового хозяйства на полупериферию и периферию с благоприятными для зерновых природными условиями. Там велико и участие фермеров в производстве зерна. А на природных и социо-демографически маргинальных периферийных пространствах большинства регионов Нечерноземья зерновое производство без дотаций существовать не может, что и привело к его тотальному сокращению. При выходе агропроизводства из кризиса оно может частично восстановиться разве что в переходной зоне (районы-соседи второго и третьего порядка по отношению к крупнейшим городам), да и то отчасти – как филиальная кормовая база пригородных предприятий.

В южных регионах (равнинный Северный Кавказ) производство зерна наиболее прибыльно. *Там, наоборот, идет экспансия зерновых культур, нарушающая прежнюю внутрирегиональную специализацию хозяйства.* Влияние городов на урожайности зерновых на Юге минимальное. Зато наиболее сильны последствия проникновения в зерновое производство многочисленных городских фирм.

Литература

Макеева А.А., Нефедова Т.Г. Русский Север: от сельского и лесного хозяйства к собирательству (на примере Каргопольского района Архангельской области)// География, 2005, №

Наумов А.С., Рубанов И.Н. Сравнительная характеристика региональной концентрации земледелия в России и США // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2001. № 4.

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство, 2003.

А.А. Махов

ГОРОДСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ – ЦЕНТРЫ ПРОМЫШЛЕННО-ИНФОРМАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА США

В статье представлены городские агломерации (MSA) – важнейшие центры промышленно-информационного комплекса США - специфического межотраслевого кластера постиндустриальной эпохи. Промышленно-информационного комплекс (ПИК) - это совокупность отраслей, производств, видов деятельности, в основе которых лежит производство и использование промышленной продукции и услуг, предназначенных для обеспечения потребностей общества в информации на электронных носителях. В состав ПИКа входят 9 подотраслей промышленной составляющей комплекса (производство компьютеров и офисного оборудования; полупроводников; прочих электронных компонентов; бытовой электроники; телекоммуникационного оборудования; электроники военного назначения; контрольно-измерительной аппаратуры производственного и научного назначения; электромедицинского оборудования; фотоники) и 4 подотрасли сферы информационных услуг (телекоммуникационные услуги; программное обеспечение; обработка данных и Интернет; обслуживание, аренда и прочие услуги). В структуре ПИКа США (по численности занятых) доля услуг составляет 67%, доля промышленной продукции - 33%. В 1997 г. доля промышленно-информационного комплекса в экономике США составила (в %): по численности занятых – 4,11; годовому фонду оплаты труда – 7,81; стоимости отгрузок (доходу) – 5,87. Доля США в мировом производстве «продукции» промышленно-информационного комплекса составляет около 40%, экспорте – около 20%.

За основу расчетов по городским агломерациям автором был взят материал, подготовленный Американской электронной ассоциацией (АЭА) в 2002 году. В частности, рассмотрены 60 крупнейших центров ПИК по версии АЭА, динамика различных показателей ПИКа за период 1993-1998 гг., а также были представлены основные пятерки крупнейших центров по различным отраслям ПИКа.

Таблица 1

Центры ПИКа по версии АЭА в 1998 г.

Центры	Число занятых		Годовая зарплата		Венчурные инвестиции	
	тыс. чел.	%	млн. долл.	%	млн. долл.	%
Альбукерке, Нью-М.	17	0,35	802	0,29	1	0,00
Атланта	117	2,42	7023	2,51	975	1,69
Балтимор	38	0,79	2212	0,79	581	1,00
Бойсе-Сити, Айдахо	19	0,39	907	0,32	0	0,00
Бостон	235	4,86	15005	5,37	4274	7,39
Вашингтон	178	3,68	12448	4,46	2446	4,23
Даллас - Форт-Уэрт	200	4,13	12157	4,35	1046	1,81
Дейтон, Огайо	18	0,37	894	0,32	27	0,05
Денвер - Боулдер	99	2,05	6293	2,25	2010	3,48
Детройт	59	1,22	3235	1,16	41	0,07
Индианаполис	20	0,41	965	0,35	19	0,03
Канзас-Сити	42	0,87	2077	0,74	187	0,32
Кливленд	32	0,66	1492	0,53	71	0,12
Колорадо-Спрингс	25	0,52	1369	0,49	27	0,05
Колумбус, Огайо	32	0,66	1595	0,57	232	0,40
Лос-Анджелес - Риверсайд - Ориндж	270	5,58	15219	5,45	3592	6,21
Майами - Форт-Лодердейл	48	0,99	2290	0,82	602	1,04
Мелборн, Фл.	20	0,41	868	0,31	162	0,28
Милуоки	28	0,58	1427	0,51	27	0,05
Миннеаполис - Сент-Пол	98	2,02	5353	1,92	437	0,76
Норфолк, Виргиния	17	0,35	713	0,26	11	0,02
Нью-Йорк - Северный Нью-Джерси - Лонг-Айленд	367	7,58	25468	9,12	5707	9,87
Оклахома-Сити	15	0,31	613	0,22	26	0,04
Орландо, Флорида	31	0,64	1500	0,54	121	0,21
Остин	69	1,43	5260	1,88	1018	1,76
Питсбург	29	0,60	1417	0,51	239	0,41
Портленд, Орегон	64	1,32	3735	1,34	616	1,07
Роли	57	1,18	3079	1,10	565	0,98
Рочестер	66	1,36	3875	1,39	72	0,12
Сакраменто, Калифорния	35	0,72	2042	0,73	64	0,11
Сан-Антонио, Техас	21	0,43	1007	0,36	60	0,10
Сан-Диего	60	1,24	3182	1,14	1347	2,33
Сан-Франциско - Окленд - Сан-Хосе	382	7,89	30802	11,03	19343	33,46
Сент-Луис	40	0,83	2105	0,75	299	0,52
Сиэтл	76	1,57	9767	3,50	1850	3,20
Солт-Лейк-Сити	29	0,60	1190	0,43	136	0,24
Тампа. Флорида	43	0,89	2007	0,72	185	0,32
Уэст-Палм-Бич, Фл.	17	0,35	833	0,30	59	0,10
Филадельфия	89	1,84	5199	1,86	1286	2,22
Финикс	83	1,71	4723	1,69	287	0,50
Хантсвилл, Алабама	18	0,37	775	0,28	43	0,07
Хартфорд, Коннектикут	17	0,35	1031	0,37	183	0,32
Хьюстон	72	1,49	4143	1,48	535	0,93
Цинциннати	21	0,43	1048	0,38	70	0,12
Чикаго	180	3,72	10399	3,72	1357	2,35
Шарлотт, Сев. К.-Юж.К.	31	0,64	1533	0,55	114	0,20
Итого	3524	72,80	221077	79,16	52350	90,55
США, всего	4840	100,00	279302	100,00	57817	100,00

Лидирующем центром ПИКа в США в 1998 г. являлся Сан-Хосе, где в этой отрасли было занято 253 тыс. чел. (в 1993 г. только 185 тыс.). В ведущую пятерку также входят Бостон, Чикаго, Вашингтон и Даллас, где численность занятых колеблется в пределах от 177 тыс. (Даллас) до 235 тыс. (Бостон). Сан-Хосе обогнал Бостон в 1996 г. и занял первое место в этом списке. Также переместились Чикаго с четвертого на третье место и Вашингтон с пятого на четвертое за период с 1993 по 1998 гг. Больше всех утратил свои позиции Лос-Анджелес, сместившись с третьего на шестое место за данный период.

Таблица 2

Ранжирование центров ПИК в 1993-1998 гг.

Центры	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Сан-Хосе	2	2	2	2	1	1
Бостон	1	1	1	1	2	2
Чикаго	4	3	3	3	3	3
Вашингтон	5	5	4	5	5	4
Даллас	6	6	6	4	4	5
Лос-Анджелес	3	4	5	6	6	6
Атланта	8	8	7	7	7	7
Нью-Йорк	7	7	8	8	8	8
Миннеаполис-Сент-Пол	9	9	9	9	9	9
Ориндж-Каунти	11	11	11	11	10	10

В 33 штатах находится хотя бы один крупный центр ПИК. По мнению Американской электронной ассоциации, крупнейшие центры ПИКа имеют тенденцию к размещению возле больших агломераций с доступом к университетской базе.

Анализ 60 крупнейших центров ПИК показал, что наибольшее развитие получили центры в штатах Колорадо, Техас и Калифорния. Например, в городе Колорадо-Спрингс (штат Колорадо), лидере по темпам роста среди 60 центров ПИК, количество рабочих мест с 1993 по 1998 гг. увеличилось на 77%. В Денвере (штат Колорадо) количество рабочих мест выросло на 63%, добавив 27,6 тыс. мест. Неплохие результаты показали центры в штате Техас. Так в Далласе число занятых в ПИК увеличилось на 54% (62,1 тыс. чел.), в Хьюстоне на 64%, в Форт-Уэрте на 57% и в Сан-Антонио - на 45%. В штате Калифорния рост продолжался в основном в Силиконовой долине, в частности наиболее высокие темпы прироста занятых в ПИКе наблюдались в Сан-Франциско – 65% и в Сакраменто 57%.

Сан-Хосе и Лос_Анджелес - крупнейшие центры ПИКа Калифорнии с численностью занятых 382 тыс. и 270 тыс. чел. Такие компании, как Hewlett-Packard, Sun Microsystems, Oracle, Intel и Silicon Graphics, наряду с университетами штата Калифорния, Беркли и Стэнфорд, являются ядром кластера ПИКа в Силиконовой долине. Известные университеты штата Массачусетс – такие, как Гарвард, Бостонский колледж и другие, являются мощной базой для подготовки инженерных и технических кадров, которые составляют основу кластера компаний ПИКа в Бостоне. В Чикаго, Вашингтоне и Далласе число занятых в ПИКе превышает 175 тыс. чел. Все пять лидирующих центров имеют высококлассные университетские системы с сильной исследовательской базой, располагают крупными коммерческими аэропортами, также развитыми рынками венчурного капитала. Данные центры являются наиболее дорогими местами для проживания, за исключением Далласа. Тем не менее, созданная в этих центрах мощная научно-исследовательская инфраструктура является одним из важнейших преимуществ развития ПИК, т.к. она играет роль притягивающего магнита для высокотехнологичных компаний. Не последнюю роль в развитии центров ПИК играют сами высокотехнологичные компании. Например, когда производитель полупроводников выбирает место для размещения своего производства, его партнеры и поставщики стараются разместиться рядом. Качество жизни – весьма субъективный параметр, однако все больше становится определяющим при выборе компаниями ПИК местоположения. АЭА учитывает шесть факторов, определяющих качество жизни. Это экологическая обстановка, уровень безработицы, уровень преступности, время, затрачиваемое на рабочие поездки, уровень развития культуры и искусства, а также климатические условия. По уровню качества жизни первое место среди центров ПИК занимает Боулдер, затем идут Сан-Франциско, Денвер, Роли и Миннеаполис – Сент-Пол.

Важным условием для размещения ПИК является средняя цена на жилье. Низкая цена на жилье становится одним из конкурентных преимуществ некоторых центров ПИК. Тем не менее, в ведущих центрах ПИК цена на жилье одна из наиболее высоких среди остальных центров.

Также на размещении сказывается налоговая и регулирующая политика местных властей. Надо отметить, что все большее значение для высокотехнологичных компаний приобретают проблемы, связанные с высокой стоимостью жилья, длительными рабочими поездками и нехваткой квалифицированных кадров. Данные проблемы могут стать серьезным препятствием на пути роста ПИКа.

Таблица 3

Важнейшие центры отраслей ПИКа по числу занятых в 1998 г.

Компьютерное и офисное		Полупроводники	
Центры	**Занятые**	**Центры**	**Занятые**
Сан-Хосе	53050	Сан-Хосе	43451
Бостон	32273	Феникс	35434
Остин	19806	Даллас	22459
Роли	15100	Портленд	19474
Миннеаполис-Сент-Пол	11826	Остин	17246
США	379991	США	283875
Бытовая электроника		**Электроника военного назначения**	
Центры	**Занятые**	**Центры**	**Занятые**
Нью-Йорк	6176	Лос-Анджелес	35534
Лос-Анджелес	6029	Даллас	9527
Сан-Диего	4000	Оринджк-Каунти	8274
Оринджк-Каунти	3192	Балтимор	7500
Инидианаполис	2911	Сан-Хосе	7155
США	80602	США	160291
Телекоммуникационное оборудование		**Промышленная электроника**	
Центры	**Занятые**	**Центры**	**Занятые**
Чикаго	33161	Сан-Хосе	26208
Даллас	22279	Бостон	23740
Бостон	17549	Миннеаполис-Сент-Пол	12494
Роли	11432	Чикаго	9961
Сан-Хосе	11407	Лос-Анджелес	8063
США	281095	США	281727
Электронные компоненты		**Электромедицинское**	
Центры	**Занятые**	**Центры**	**Занятые**
Сан-Хосе	33578	Миннеаполис-Сент-Пол	6406
Бостон	25415	Сиэттл	4763
Чикаго	24449	Бостон	3862
Оринджк-Каунти	12534	Миллуоки	3850
Лос-Анджелес	11816	Майами	3818
США	378185	США	57916

Фотоника		Обработка данных и Интернет	
Центры	**Занятые**	**Центры**	**Занятые**
Рочестер	44850	Даллас	21449
Бостон	7557	Вашингтон	20771
Сан-Хосе	4852	Атланта	12213
Нью-Хейвен	2298	Чикаго	12012
Лос-Анджелес	2071	Филадельфия	11662
США	104787	США	378023
Телекоммуникационные услуги		**Аренда, обслуживание и другие компьютерные услуги**	
Центры	**Занятые**	**Центры**	**Занятые**
Нью-Йорк	53198	Вашингтон	28163
Атланта	49440	Чикаго	20344
Даллас	45529	Бостон	19229
Чикаго	41880	Даллас	16012
Вашингтон	39575	Нью-Йорк	14945
США	1230378	США	424296
Программное обеспечение			
Центры	**Занятые**		
Вашингтон	70411		
Бостон	48125		
Сан-Хосе	43294		
Сиэттл	31082		
Атланта	27615		
США	799316		

Как видно из таблицы № 3 Сан-Хосе является абсолютным лидером по занятым в производстве компьютерного и офисного оборудования, электронных компонентов, полупроводников и промышленной электроники. В Миннеаполисе - Сент-Поле сосредоточено более 11% занятых в производстве электромедицинского оборудования. Также компании по производству электромедицинского оборудования представлены в Сиэтле, Бостоне, Миллуоки и Майами. Рочестер (штат Нью-Йорк) является крупнейшим производителем фотоники - более 43% всех занятых (44 850 чел.). На втором месте Бостон, где занято на (7557 занятых). По числу

занятых в издании и проектировании программного обеспечения Вашингтон находится на первом месте с 70 тыс. чел., что составляет 9% всех рабочих мест в данной отрасли.

Литература

1 Горкин А.П. Обрабатывающая промышленность США в постиндустриальную эпоху – продолжение развития или начало упадка? Известия РАН. Серия географическая. 2005 г. № 1.
2.Cybercities 2000, American Electronic Association, 2000
3 Cyberstates 2001-2002, American Electronic Association, 2002
4 US Census of Education 1997, Washington
5 US Census of Information 1997, Washington
6 US Census of Manufactures 1997, Washington
7 US Census of Science 1997, Washington

Тузова А. А.

ТЕНЕВОЙ СЕКТОР В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНЫМ ТИПОМ ЭКОНОМИКИ

Общая характеристика теневой экономики

Многие эксперты, изучающие страны с переходным типом экономики, приходят к выводу о том, что весомая часть экономической деятельности этих стран в некоторых странах до половины и даже и более, находится «в тени», т.е. не фиксируется в официальных статистических данных. Однако, все большее разделение среди этих стран по уровню экономического развития на менее развитые страны и новые индустриальные страны оказывается также справедливым и в плане исследования теневого сектора экономики в них, о чем будет сказано ниже.

Несмотря на тот факт, что существуют некоторые схожие черты между теневой экономикой в высокоразвитых странах, развивающихся странах и странах с переходным типом экономики, необходимо отметить, что имеют место и существенные различия, не позволяющие применять одинаковую для всех стран экономическую политику. Так, если для стран ОЭСР, среди основных причин развития теневого сектора чаще всего упоминаются высокое налогообложение и обременительное для организаций трудовое законодательство, то в развивающихся странах движущими силами являются уход от налогов и зарегулированности экономики, коррупция и общее недоверие гражданского общества к политической системе. Все вышеупомянутые причины также действительны и для стран с переходным типом экономики, однако, и у них существуют свои специфические черты, как-то: переход от командного режима к свободному рынку, огромные структурные подвижки в промышленности и системе управления за короткий промежуток времени, процесс быстрой и массивной приватизации. Кроме того, многие из этих стран являются вновь обособившимися государствами, которые имеют сравнительно небольшой опыт в плане «взращивания государственных институтов». [1] Эти специфические черты влияют на все аспекты теневой экономики страны, включая ее характеристику, влияние на все сферы экономической, политической и социальной жизни государства, способы ее измерения и возможные типы формирования оптимальной экономической политики.

Исследователи Кауфманн и Калиберда [3] выявили следующие специфические аспекты теневого сектора в странах с переходным типом экономики:

1) В переходных экономиках государственный сектор принимает участие в неофициальной экономической деятельности, и даже большие государственные предприятия могут одновременно участвовать в официальной и неофициальной деятельности (которые зачастую идентичны и отличаются лишь в плане официального учета в документации строгой отчетности). Подобное поведение позволяет государственным официальным лицам и управленцам извлекать частный доход из государственных предприятий.

2) Неофициальная деятельность зачастую может быть весьма значительной и заметной. Примером тому может служить включение в теневой сектор частного сельскохозяйственного труда и работ по дому.

3) Неофициальная деятельность в большинстве своем некриминальная, т.е. получает доход в результате сокрытия от налогообложения и государственного регулирования.

4) Существует некий «континуум в официальном/неофициальном спектре» [1]; многие виды деятельности одновременно задействованы в обоих.

5) Функционирование в сфере теневой экономики не лишает полностью предприятие доступа к социальным службам и государственному субсидированию, что является частью социалистического наследства.

6) Неофициальная деятельность в странах с переходным типом экономики, в частности, очень чувствительна к экономическим нововведениям государства по сравнению с другими странами. Исключение составляет лишь нелегальная деятельность. Исследователи Европейского Банка Реконструкции и Развития предположили, что это происходит из-за того, что большая часть неофициального дохода в странах с переходным типом экономики поступает от недекларируемого производства зарегистрированных предприятий, на что оказывают сильное влияние «относительные стоимостные различия» между оперированием в теневом и официальном секторе экономики.

Здесь же можно добавить следующее:

7) При операциях в теневом секторе в странах с переходным типом экономики бартер и расчеты в иностранной валюте, в то время как в странах ОЭСР теневые трансакции в основном производятся в национальной валюте и наличными.

Влияние теневого сектора на развитие стран с переходным типом экономики

Вопрос о том насколько теневой сектор опасен или же, наоборот, спасителен для развития экономики в целом, не раз поднимался в специализированных исследованиях. Гораздо чаще говорится о том, что для экономического развития гораздо эффективнее, когда деятельность полностью официальна и гораздо менее очевидно, что полное отсутствие какой-то бы то ни было неофициальной деятельности приносит больше пользы, нежели операции «в тени». Однако, стоит отметить, что последнее полностью верно, очевидно, только для той деятельности, которая является незаконной.

Негативное влияние теневой экономики можно разделить по типам последствий для макроэкономической, микроэкономической и социальной ситуации в государстве. Рассмотрим каждое из них по отдельности.

1) Влияние теневого сектора на макроэкономику.

При ситуации, когда ставка налогообложения слишком высока, многие предприятия вынуждены уходить из официального сектора экономики и переходить в теневой, во многих случаях параллельный первому, где осуществляются, по сути, те же операции, однако, не облагаемые налогами. В итоге сокращается налоговая база и в целом уменьшается государственный доход от налогов. В свою очередь, недополучение дохода от налогов побуждает правительство в очередной раз повысить ставку налогообложения. Последнее еще дальше уводит предприятия из официальной экономики в тень, создавая тем самым замкнутый круг. Вдобавок к этому, когда доход от налогов является недостаточным ресурсом для бюджетного финансирования, правительство зачастую прибегает к такому средству, как инфляция, что еще больше дестабилизирует экономику государства.

Присутствие теневого сектора может сделать макроэкономическую политику менее эффективной. А это, в свою очередь, создает проблемы на пути к достижению и поддержанию экономической стабильности. Кроме того, в официальной статистике неверно отражаются индикаторы развития экономической ситуации и, как следствие, возможно принятие неправильных макроэкономических решений. К примеру, увеличение официальной безработицы может свидетельствовать о перетекании рабочей силы в теневой сектор экономики.

2) Влияние теневого сектора на микроэкономику.

Существование теневого сектора порождает диспропорции в размещении ресурсов. Теневые предприятия обладают определенными преимуществами на рынке труда, т.к. они не являются предметом регулирования со стороны законодательства. Также они могут отвлекать покупательский спрос на себя от тех официальных предприятий, с которыми они конкурируют, т.к. их цены будут гораздо ниже по причине того, что они не платят налогов. Не будучи официально зарегистрированными, теневые предприятия могут иметь трудности в связи с обеспечением кредитов, займов и т.д., что позволяет осуществлять инвестирование в большей части в реальном секторе экономики. В конечном итоге, можно использовать потенциал теневой экономики с целью влияния на содержание национального валового продукта, однако, подобное влияние может осуществляться только при условии привлечения крупных чиновников, тесном сращивании экономического и политического управления и развитии коррупции. Таким образом, происходит перераспределение ресурсов в соответствии с потребностями тех секторов, которые наиболее подвержены внедрению теневых операций (торговля, услуги, строительство), а не в соответствии с реальными нуждами официального сектора экономики.

Гораздо больший риск создания бизнеса в теневом секторе и большие трудности в привлечении средств с рынка капитала приводят к тому, что теневой сектор фокусируется на краткосрочных и высокоприбыльных проектах. Как результат, теневые предприятия стремятся к декапитализации средств и интенсификации производства (в т.ч. занятости рабочей силы), нежели к устойчивости на рынке.

Существование в тени создает дополнительные прямые затраты, которые влияют на стоимость конечной продукции. К ним также относится и время, затраченной на дачу взяток, уклонение от лицензирования и налогообложения и поиск в частном секторе альтернатив системе социального обслуживания.

3) Влияние теневого сектора на социальную систему.

Среди социальных последствий существования теневого сектора многие исследователи выделяют влияние на социальные институты и нормативы, приводящее к дезинтеграции социальных норм в обществе. Однако, остается неясным вопрос о том, до какого момента теневая экономика является причиной разложения норм, а где становится «простым индикатором дефицита законодательства существующего социального порядка и норм экономической деятельности» [3]. Еще одним следствием распространения теневой экономики является ухудшение качества социальных услуг (таких как здравоохранение, безработица и т.д.), однако, для стран с переходным типом экономики это является проблемой в меньшей степени, чем для развитых государств, т.к. в них существует традиционное предоставление таких услуг со стороны государства, а не со стороны предприятий.

Однако, можно выделить также и некоторые выгоды существования теневого сектора. Возможно, наиболее очевидным из них является тот факт, что он может поддерживать экономическую деятельность тогда, когда коррупция и налогообложение делают слишком высокой стоимость официального производства. Т.к. часть дохода, заработанного в неофициальном секторе, в конечном итоге тратится в официальном секторе, теневая деятельность может даже оказывать положительный эффект на рост официального производства и дохода от налогов. Теневая деятельность также создает конкурентную среду в континууме официального и неофициального секторов экономики и ограничивает распространение полномочий государственных институтов. Таким образом, она вносит свой вклад в создание новых рынков, увеличение финансовых ресурсов и накопление предпринимательского опыта, который очень важен для экономик переходного типа. Говоря о социальных выгодах, необходимо отметить, что небольшие предприятия создают рабочие места для тех граждан, которые имеют невысокий доход в реальном секторе, и тем самым способствуют перераспределению дохода.

Методы измерения масштабов теневой экономики

Традиционно для определения масштабов распространения теневого сектора в странах с переходным типом экономики используется метод физических затрат (потребления электроэнергии) как наиболее показательный для этих стран.

Метод Кауфманна-Калиберды

Этот метод был разработан С. Лиззери (1979), Дель Бока и Ф. Форте (1982) и позднее дополнен А. Портесом (1996), Д. Кауфманном и А. Калиберда (1996), а также Джонсоном и Шлейфером (1997). Для измерения полной (легальной и нелегальной) экономической деятельности они воспользовались объемами потребления электроэнергии как единственным всеобщим показателем наличия того или иного производства. “Избыточное” потребление электроэнергии в сравнении с официально декларируемым объемом производства говорит о присутствии в экономике теневого сектора.

Рассмотрим этот метод подробнее. Для этого воспользуемся аппаратом вычисления, использованным Д. Кауфманном и А. Калиберда в их работе «Внедрение неофициальной экономики в динамику постсоциалистических экономик». Для того чтобы установить размер теневого сектора в Украине и остальных странах бывшего СССР исследователи, основываясь на предыдущих работах по теневой деятельности, приняли за своеобразную точку отсчета 1989 г., когда размер теневого сектора в большинстве стран с переходным типом экономики составлял 12%. Кроме того, они полагали, что эластичность потребления электроэнергии находится в прямом соответствии с объемом экономического роста. Так, если ВВП какой-либо страны соответствовал 100 млрд долл. в 1989 г., размер теневого сектора составлял 12 млрд долл. Если потребление электроэнергии выросло на 10% в следующем году, это означает, что истинный объем экономической деятельности (включая теневую) также вырос на 10%. Таким образом, истинный объем экономической деятельности составит 123,2

млрд долл. В 1990 г. Вычитая из этого значения данные по ВВП, взятые из официальной статистики, получаем искомый размер теневого сектора в 1990 г. Наглядное представление вышеописанного метода представлено в Таблице 1.

Таблица 1.

Потребление электроэнергии в Украине и официальный ВВП в 1989-1994 гг.

	1989	1990	1991	1992	1993	1994
Рост потребления электроэнергии	--	0,0%	-2,2%	-6,2%	-7,8%	-11,7%
Предполагаемый рост общего ВВП	--	0,0%	-2,2%	-6,2%	-7,8%	-11,7%
Индекс общего ВВП	100,0	100,0	97,8	91,7	84,6	74,7
Индекс официального ВВП	88,8	84,5	73,2	60,4	51,4	38,8

Источник: Hanousek J., Palda F. Mission implausible III: measuring the informal sector in a transition economy using macro methods.

В 1990 г. не было зарегистрировано каких бы то ни было изменений в потреблении электроэнергии и, соответственно, общий ВВП также не претерпел изменений. Разница между общим ВВП (строка 3) и официальным ВВП (строка 4) свидетельствует о том, что не весь объем экономической деятельности отразился в официальной статистике, что обличает существование недекларируемого сектора производства, использующего электроэнергию. Предполагая, что отношение потребления электроэнергии и объема ВВП является величиной постоянной, Д. Кауфманн и А. Калиберда выявили, что к 1994 г. размер теневой экономики в Украине вырос до 48,5% (разница между общим ВВП и официальным ВВП по отношению к общему ВВП).

Этот метод сравнительно прост, но имеет недостатки, которые не позволяют считать его наиболее показательным для измерения масштаба распространения теневого сектора среди стран с переходным типом экономики:

1) Не все виды скрытой деятельности потребляют значительное количество электроэнергии, которая в некоторых случаях может быть заменена другими источниками (газ, уголь, нефть).

2) Индустриализация и технический прогресс, который повышает эффективность использования энергии, могут также изменить соотношение между общей экономической деятельностью (как официальной, так и неофициальной) и потреблением энергии во времени и пространстве.

3) Технологические усовершенствования производства и использования электроэнергии находят свое применение как в официальном, так и нелегальном секторах экономики далеко неравномерно, что еще больше затрудняет оценку.

4) Существуют значительные различия между странами в потреблении электроэнергии и его соотношении с ВВП, что мешает их сравнению между собой.

5) Колебания цен на электроэнергию также вносят свои коррективы.

6) Либерализация энергетического рынка может способствовать изменениям способов использования электроэнергии и энергоносителей.

Наиболее спорным моментом в использовании метода физических затрат для измерения теневого сектора в странах с переходным типом экономики является принятое допущение о том, что потребление электроэнергии и объем ВВП соотносятся как 1:1, а также что это соотношение является постоянным. Подобное соотношение вполне справедливо для высокоразвитых стран, где имеет место стабильный секторный состав ВВП и в котором каждый сектор имеет свою норму потребления электроэнергии на каждый производимый им доллар ВВП. Очевидно, что для стран с переходным типом экономики подобное утверждение недопустимо. Таблица 2, в которой приведены данные по энергопотреблению для стран ЕС, США, а также Чехии, Венгрии, Польши и Словакии в период 1989-1998 гг., наглядно иллюстрирует, что постоянное соотношение между ВВП и энергопотреблением для стран с переходным типом экономики некорректно.

Даже если метод физических затрат отражает корректные данные об эластичности производства по отношению к потреблению электричества, возникает следующий вопрос о его применимости. В своей основе метод физических затрат имеет утверждение о том, что изменения в потреблении электричества отражают изменения в общем росте экономики. Однако, вполне возможно, что причины изменения электропотребления не имеют ничего общего с колебаниями объема производимой продукции. Д. Кауфманн и А. Калиберда в своем исследовании (1996) обозначили подобную проблему в используемом ими методе, но объяснили свое допущение тем, что причины изменения энергопотребления могут быть разделены на две разнонаправленные категории,

которые при сложении компенсируют друг друга и тем самым не оказывают существенного влияния при оценке размеров теневого сектора экономики. Рассмотрим подробнее.

Как указывают авторы исследования «Миссия неправдоподобна: измерение неформального сектора в переходной экономике, используя макрометоды» Я.Ханушек и Ф.Пальда, в понижательной категории может иметь место следующее соотношение: если в экономике меняется структура вырабатываемой продукции при переходе от первичного сектора к вторичному, потребление электроэнергии уменьшится без падения общего объема производства. Здесь можно ошибочно предположить, что размер теневой экономики также сократится. Похожая ситуация создается и при увеличении цен на электроэнергию по отношению к ценам на иные энергоносители при условии, что промышленность все более эффективно использует электроэнергию в производственном цикле. Среди факторов, которые могут завысить оценку теневого сектора, можно назвать электроэнергии другими источниками, такими как природные газ, а также более высокие накладные расходы и фиксированное потребление электроэнергии в период экономического спада.

При более пристальном взгляде на перечисленные выше моменты, можно обнаружить, что их можно отнести как к одной, так и к другой категории. Если цены на электричество падают, то этот фактор может быть изъят из понижательной категории и отнесен к повышательной, т.к. теневая деятельность существует как в первичном, так и во вторичном секторе и ее распределение по этим секторам неизвестно. Если структура производства в большей степени тяготеет к первичному сектору, то этот фактор также должен быть отнесен к повышательной категории, т.к. при этом увеличивается общее энергопотребление и, соответственно, размер теневой деятельности (согласно допущениям, принятым при использовании метода физических затрат). Таким образом, мы доказали, что не существует той компенсации действия различных факторов, о которой говорили Д. Кауфманн и А. Калиберда, и на которой они основывали свои оценки масштабов теневой деятельности.

Метод М. Лако

Вариантом использования в исследованиях метода Кауфманна-Калиберды является метод, разработанный Марией Лако (2000), в котором она также выделяет потребление электроэнергии в качестве физического индикатора экономической активности. Однако, она фокусирует внимание не на промышленном потреблении электроэнергии, а на его потреблении отдельными хозяйствами, т.к. полагает, что именно такое производство является основной движущей силой развития теневой деятельности, а последняя в свою очередь оказывает значительное влияние на изменение общего объема теневого сектора в государстве. Она также основывается на предположении о постоянном отношении энергопотребления и размера неофициальной деятельности. Результаты измерения теневого сектора экономики, полученные М. Лако, могли отличаться от данных Д. Кауфманна и А. Калиберды на 8.5%, кроме того, в различные промежутки времени для конкретных стран были получены разнонаправленные тренды, но в целом динамика теневой деятельности была сходна. К примеру, для Словакии по методу Кауфманна-Калиберды в период 1992-1995 гг. были получены данные, свидетельствующие об уменьшении теневого сектора, а по данным М. Лако в указанный период теневой сектор имел тенденцию к увеличению. В целом метод, разработанный М. Лако, имеет те же недостатки, что и метод Кауфманна-Калиберды.

Метод Й. Эйлата и К. Зиннеса

Для того чтобы устранить имеющиеся недостатки метода физических затрат Й.Эйлат и К. Зиннес [1] разработали новый общий метод потребления электроэнергии. Этот метод корректирует предыдущие, принимая во внимание не только статические факторы, но и динамические (цены, состав вырабатываемой продукции, эффективность).

Авторы использовали данные по энергопотреблению за период 1990-1997 гг. (Европейский Банк Реконструкции и Развития, 1999). Исходя из имеющейся информации, было вычислено ежегодное изменение в энергопотреблении для каждой страны в процентном отношении ($\Delta Elec$).

Для того, чтобы устранить влияние дополнительных факторов, стоящих за изменением общей (как официальной, так и неофициальной) экономической деятельности, которые могут влиять на объем энергопотребления, были введены некоторые коэффициенты. Среди них изменение спроса в зависимости от изменения цен на электричество ($\Delta Eprice$), используемое, чтобы учесть влияние колебания цен, $\Delta IndGdp$ (изменение процентной доли промышленности в составе ВВП), чтобы принять во внимание структуру производства, $\Delta PrvGdp$ (изменение процентного соотношения частного сектора в ВВП), чтобы учесть изменения в эффективности использования в электроэнергии, произошедшие в результате приватизации и модернизации. Таким образом, было получено следующее выражение, определяющее значения изменения электропотребления:

$$\Delta Elec^{resid} = 0.032 - 0.25 * \Delta Eprice + 0.05 * \Delta IndGdp - 0.018 * \Delta PrvGdp,$$

где $\Delta Elec$ - изменение уровня энергопотребления,

$\Delta Elec^{resid}$ - изменение уровня энергопотребления при учете факторов изменения объема общей экономической деятельности (иными словами, изменение уровня энергопотребления при условии, что все остальные факторы остаются постоянными).

Для того, чтобы вычислить предполагаемое процентное изменение размера общей экономической деятельности (ΔTEA), необходимо умножить $\Delta Elec$ и $\Delta Elec^{resid}$ на соответствующую величину эластичности производства по отношению к энергопотреблению (η). Для периода 1990-1994 гг. авторами был использованы данные, полученные С. Джонсоном, Д. Кауфманом и П. Зойдо-Лобатон (1998) по эластичности для различных групп стран: 0,9 – для стран, не относящихся к членам бывшего СССР, 1 – для стран Балтии, 0,9 – для остальных стран бывшего СССР. Для периода 1995-1997 гг. использовалась постоянная величина эластичности – 1. Затем результаты были переведены в десятичные величины путем деления их на 100 и добавления единицы. В конечном итоге было получено следующее выражение для определения значения общей экономической деятельности (по отношению к ее значению по состоянию на 1990 г.):

$$TEA90(t) = TEA90(t-1) * \left[1 + \eta * \Delta E(t)/100\right],\ t = [1991,1997],$$

где $TEA90(t) = TEA(t)/TEA(90)$ и $\Delta E(t)$ равно либо $\Delta Elec(t)$, либо $\Delta Elec^{resid}(t)$ в зависимости от года (при этом по определению $TEA90(1990) = 100$).

Используя данные о значении официального ВВП по отношению к его значению в 1990 г. ($GDP90$) и размер теневого сектора в 1990 г. по отношению к ВВП ($MTE(1990)$), можно вычислить размер теневой деятельности в последующие годы:

$$MTE(t) = \left[TEA90(t)/GDP90(t)\right] * \left[1 + MTE(1990)\right] * 100 - 100,\ t = [1991,1997]$$

Результат $GDP90$ был вычислен по данным Европейского Банка Реконструкции и Развития (1999), для получения $MTE(1990)$ были использованы данные, полученные С. Джонсоном, Д. Кауфманом и П. Зойдо-Лобатон (1998).

Однако, несмотря на введенные весомые поправки, и этот улучшенный метод не лишен своих недостатков:

1) Полученные оценки полностью не соответствуют определению теневой экономики, т.к. он не выделяет виды деятельности, которые должны быть включены в ВВП и те, которые не должны в нем учитываться (к примеру, домашние хозяйства). Оценка основывается на предположении о том, что показатели ВВП, взятые из официальной статистики, не включают в себя долю недекларируемой деятельности.

2) Данные по количеству потребляемого электричества могут быть непоказательны для некоторых стран.

3) Подверглись корректировке не все факторы, которые влияют на количество потребляемой энергии (такие как увеличение использования электротехники с момента начала переходного периода и т.д.).

4) Для периода 1990-1994 гг. корректировка не была применена за недостатком исходных данных, в связи с чем использовалась простая экстраполяция.

5) Неизвестна точность данных за 1996 г., который был взят как базовый.

В Таблице 2 представлена оценка теневого сектора экономики в странах переходного типа согласно улучшенному методу физических затрат. Однако, необходимо отметить, что ввиду труднодоступности данных за 1990-1994 гг. исчисления были произведены согласно традиционному методу физических затрат и использованию экстраполяции улучшенного метода физических затрат. Подобные допуски создают некую прерывность полученных результатов, тем не менее, подобное допущение не оказывает влияния на общий тренд развития теневого сектора. Авторами метода были сделаны вычисления для стран с переходным типом экономики в период 1990-1997 гг., но в данной работе использованы данные лишь за период 1990-1995 по причине их недоступности.

Таблица 2.

Размер теневого сектора в странах с переходным типом экономики в % от ВВП за 1190-1995 гг.

Страна	*Метод физических затрат (классический)*					*Метод физических затрат (улучшенный)*
	1990	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**
Азербайджан	28	22	16	52	79	103
Армения	31	50	143	108	80	74
Беларусь	18	21	20	18	23	28
Болгария	34	34	34	34	32	44
Венгрия	37	43	36	38	34	38
Грузия	33	45	112	153	116	126
Казахстан	20	35	32	41	30	46
Кыргызстан	20	30	53	91	142	261
Латвия	15	21	49	40	35	38
Литва	13	19	23	36	43	38
Македония	30	44	48	75	89	108
Молдова	22	45	88	41	130	127
Польша	24	30	23	21	17	15
Россия	17	18	30	35	45	53
Румыния	29	21	24	19	11	12
Словакия	6	15	14	19	16	11
Словения	30	35	33	30	33	35
Таджикистан	20	20	61	70	105	111
Туркменистан	20	25	-7	-3	2	22
Узбекистан	13	10	5	0	12	6
Украина	19	23	34	46	71	96
Хорватия	30	39	28	36	34	31
Чехия	7	18	18	23	24	24
Эстония	25	34	33	45	66	75

Источник: Eilat Y., Zinnes C. The shadow economy in transition countries: friend or foe? A policy perspective.

Среди основных тенденций развития теневого сектора можно выделить следующие:

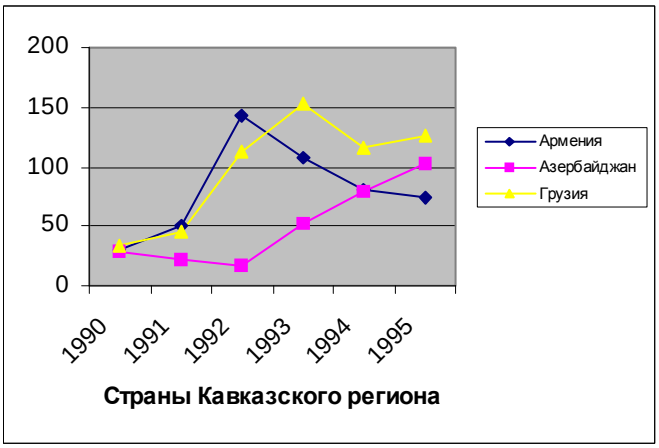
- в конце рассматриваемого периода все сильнее возрастает дифференциация между странами по принципу размера теневой деятельности;

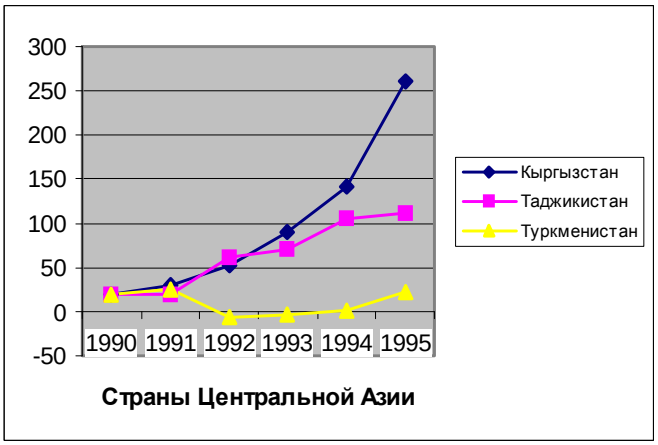
- в то время как в большинстве стран вырос теневой сектор, в некоторых странах наблюдалась стабилизация роста теневой деятельности и даже ее спад. Польша, Украина и Беларусь представляют собой три полярных случая: в Польше зафиксировано постепенное снижение размера теневого сектора, в Украине – интенсивное увеличение, а в Беларуси все время наблюдался его небольшой и постоянный уровень;

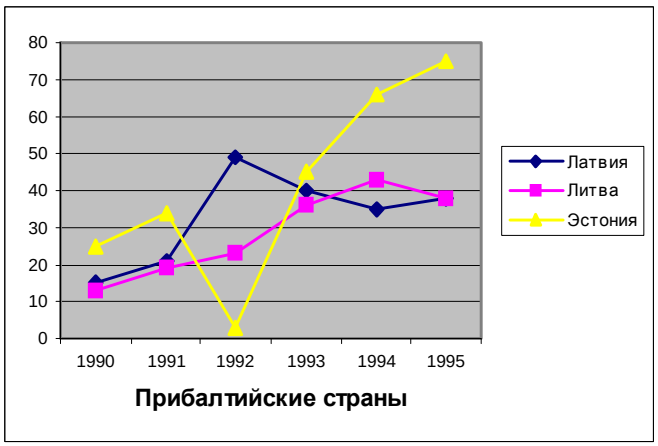
- сравнивая между собой страны Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР, можно отметить, что, несмотря на тот факт, что уровень теневой экономики вырос в обеих группах стран, существует весомое различие в моделях роста. В самом начале переходного периода страны Центрально-Восточной Европы имели больший размер теневой деятельности, нежели страны бывшего СССР, однако, уже к середине 1990-х гг. ситуация стала обратной в результате быстрого увеличения теневого сектора в странах бывшего Советского Союза и незначительного его роста в странах ЦВЕ;

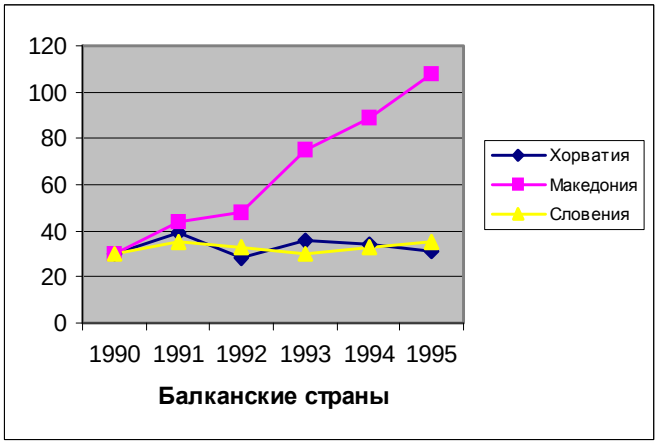
- сравнивая оценки теневого сектора в странах с переходным типом экономики и остальных групп стран, приведенные в исследовании Ф. Шнайдера и Д. Энсте [5], также полученные методом физических затрат, мы обнаруживаем, что уровень стран бывшего Советского Союза соответствует худшим показателям стран Африки, Южной Америки и Азии. Страны ЦВЕ с переходным типом экономики находятся на уровне лучших показателей Африки, Южной Америки и Азии и худших показателей стран ОЭСР. И только Польша, Беларусь и Узбекистан находятся на уровне средних показателей по ОЭСР (хотя полученные данные по Узбекистану во многом спорны).

Для того чтобы более наглядно проследить динамику размеров теневой экономики в странах с переходным типом экономики, можно также воспользоваться классификацией, предложенной И. Эйлатом и К. Зиннесом - разобьем страны на пять групп по территориально-экономическому принципу:

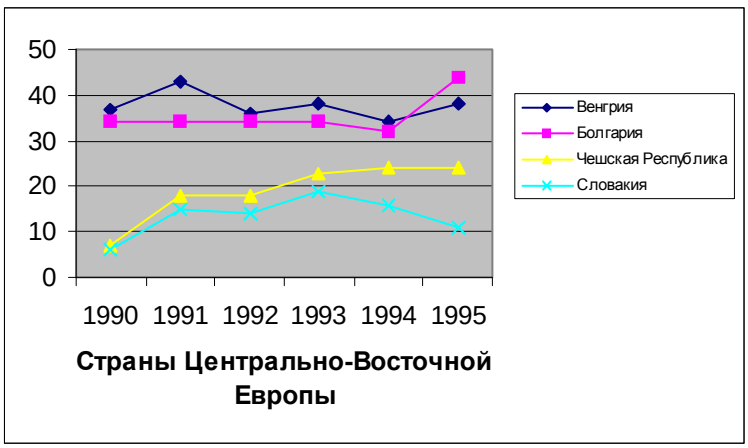

Рис.1 Размеры теневой экономики в малых странах с переходным типом экономики в % от ВВП, 1990-1995 гг.

Источник: Eilat Y., Zinnes C. The shadow economy in transition countries: friend or foe? A policy perspective.

- страны Кавказского региона
- страны Центральной Азии
- Прибалтийские страны
- Балканские страны
- Страны Центрально-Восточной Европы

и для каждой из них построим диаграммы, на которых будут отражены масштабы теневой экономики в период с 1990 по 1995 гг.

Как можно заметить из представленных ниже диаграмм (Рис. 1), существуют некоторые несоответствия между отдельными странами и общим трендом в их группе:

- крайне низкие значения рассматриваемого показателя характерны для Туркменистана, что обусловлено лишь недостатком данных, на основании которых можно судить о реальном значении неформального сектора экономики в этой стране;

- в Чешской Республике и Словакии наблюдается меньший размер теневой экономики, что связано с более высоким уровнем экономической стабильности в них;

- резко отличается в сторону увеличения и кривая, построенная для Македонии в связи с экономической отсталостью этой стране и более ранней фазой становления рыночной системы хозяйствования.

Монетарные методы:

метод соотношения валют и метод спроса на наличность.

Для измерения неформального сектора экономики используется как метод соотношения валют, так и метод спроса на валюту, однако, во всех исследованиях эти методы применяются только для развитых или же развивающихся стран, в то время как для группы стран с переходным типом экономики подобные методы считаются несостоятельными. Рассмотрим их подробнее.

Метод соотношения валют был разработан П. Гутманом в 1977 г. и в его основе лежало следующее достаточно простое соотношение:

$$\frac{Y_I}{Y_O} = \frac{C_I}{C_O + D}, \text{ где}$$

Y_I – общий объем неформального сектора,

Y_O – объем официального сектора,

C – общий объем валюты ($C = C_O + C_i$),

$D = D_O$ - общий объем депозитов до востребования равный объему депозитов до востребования в официальном секторе экономики, т.к. указанный метод принимает за основу тот факт, что в реальном секторе экономики не производятся трансакции посредством депозитов до востребования.

Их этого следует, что отношение неформального сектора экономики к формальному равно соотношению денежной массы в каждом из них. Депозиты до востребования не применимы в неформальной экономике из-за отсутствия банковского сектора в ней. Проблема вычисления размера теневого сектора согласно приведенного выше выражения состоит в отсутствии данных о том каким образом наличные разделены по секторам экономики.

Мы можем трансформировать указанную формулу следующим образом:

$$Y_I = Y_O \frac{C - k_O D}{k_O D + D}, \text{ где}$$

k_0 – соотношение валюты в официальном секторе экономики к депозитам до востребования D в официальной экономике.

Таким образом, мы знаем общий объем валюты C и депозитов до востребования D, также как и размер официального сектора экономики Y_O. Все что нам необходимо знать для вычисления Y_I, это значение k_0. Для того, чтобы его получить, необходимо принять, что в какой-то начальный период размер теневой экономики равен нулю и, следовательно, общий объем наличности в обоих секторах равен объему наличности в официальной экономике. Подобное допущение позволяет вычислить k_0 некоего начального периода. Далее полагается, что это соотношение является постоянным для всего последующего периода.

Метод соотношения валют П. Гутмана близок к методике спроса на наличность, разработанной В. Танзи (1983). Сущность этого метода составляет оценка спроса на наличность посредством включения в методику переменных, связанных с присутствием теневого сектора, таких как уровень налогообложения, сложность налоговой системы. Затем исчисляется процентное изменение в спросе

на наличность, объясняемое присутствием «неформальных» переменных, в целях получения объема денежных средств, использованных в теневой экономике. Данная методика очень схожа с механизмом, примененным М. Лако (2000) в ее методе энергопотребления. Для получения размера теневого сектора необходимо умножить полученный объем «неформальной» валюты на скорость обращения. Среди основных допущений этого метода также есть положение о постоянной скорости обращения валюты.

Оба вышеописанных метода имеют недостатки, схожие с недостатками методов, базирующихся на объеме потребляемой электроэнергии:

- установление некоего базисного года, когда объем теневого сектора известен;
- установление какого-либо параметра в качестве постоянной величины.

Проблема оценки теневого сектора монетарными методами осложняется положением о стабильности соотношения валюты и депозитов до востребования в обоих секторах экономики, а также скорости обращения наличности. Хотя, на самом деле, эти показатели очень изменчивы в странах с переходным типом экономики. Нестабильность в спросе на наличность обусловлена догоняющим характером развития банковского сектора в них. Многие ранее не существовавшие финансовые услуги и продукты быстро развиваются и находят своего потребителя. Скорость развития финансовых инноваций в странах с переходным типом экономики может быть гораздо выше, чем в развитых.

Также спрос на наличность в странах с переходным типом экономики может изменяться в зависимости от следующих причин:

1) Недостаточное развитие кредитования является характерной чертой ранней стадии переходного периода и оно вынуждает население накапливать сбережения. По мере развития системы кредитования уровень накоплений снижается. В то же время экономики переходного типа зачастую испытывают сильные колебания ставки налогообложения и эти налоги, в свою очередь, также могут влиять на желание людей избежать бремени налогообложения и совершать трансакции наличными.

2) Нестабильность политической и экономической систем, а также колебания курса местной валюты могут напрямую воздействовать на переход населения от банковских депозитов к операциям и накоплению наличности.

3) В странах переходного типа часто происходит изменение законодательства, в т.ч. в части банковской деятельности, медленно происходит введение страхования депозитов (с изменяемыми верхними пределами застрахованной суммы).

4) Почти все страны с переходным типом экономики испытали банковский кризис в 1990-х гг., когда население перестало доверять банкам в связи с их многочисленными банкротствами и предпочло иметь личные сбережения у себя дома.

Литература

1. Eilat Y., Zinnes C. The shadow economy in transition countries: friend or foe? A policy perspective.
2. Hanousek J., Palda F. Mission implausible III: measuring the informal sector in a transition economy using macro methods.
3. Kaufmann D., Kaliberda A. Integrating the unofficial economy into the dynamics of post-socialist economies: a framework of analysis and evidence.
4. Schneider F. The size of the shadow economies of 145 countries all over the world: first results over the period 1999 to 2003.
5. Schneider F., Enste H. Informal economies: Size, Causes and Consequences.

ЧАСТЬ II
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЛаженцевВ.Н., ТерентьевВ.В.

О МЕХАНИЗМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ «ГОРОД-СЕЛО». ПРИМЕР СЕВЕРА

Исторически становление сельских поселений Республики Коми непосредственно связано с развитием сельского хозяйства, которое является основной градообразующей отраслью и экономической основой уклада жизни сельского населения. Сельское хозяйство представляет жизненно-важную и системообразующую отрасль экономики и социальной жизни общества, так как решает задачи: экономические – развитие продовольственного рынка и обеспечение населения продовольствием; социальные – повышение качества жизни работников отрасли и занятости сельского населения, развитие сельских территорий, улучшение демографической ситуации и сохранение сельского населения и сельского уклада жизни; экологические – рациональное природопользование, сохранение природной среды, производство экологически безопасных продуктов питания.

Сельское хозяйство региона имеет многовековую историю. Оно развивалось вместе с освоением территории, главным образом для обеспечения продуктами питания местного населения. С бурным развитием добывающих отраслей развитие сельского хозяйства было подчинено обеспечению населения свежими продуктами питания – молоком, мясом, яйцом, картофелем и овощами.

В истории развития сельского хозяйства республики наиболее благоприятными были 1965 – 1991 гг. В этот период среднегодовые темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства составляли 2,9 %, производительности труда в общественном секторе 4,4%. Стратегия развития АПК в предреформенный период определялась интенсификацией сельского хозяйства на основе развития его материально-технической базы, внедрения научных достижений, совершенствования экономических условий работы предприятий АПК. В аграрном секторе внедрялись индустриальные технологии, продолжалось развитие и освоение ранее введенных животноводческих комплексов и птицефабрик. В эти годы практически была решена задача полного обеспечения потребностей населения в яйце.

Происходили положительные изменения в ценообразовании на основе повышения закупочных цен на продукты сельского хозяйства и в улучшении финансово-экономического состояния сельскохозяйственных предприятий. Значительное влияние в источниках расширенного воспроизводства, наряду с собственными средствами, сохраняли бюджетные ассигнования.

Все это способствовало улучшению основных производственных показателей сельского хозяйства. В начале 90-х гг. в республике производился нормативный минимальный объем продовольствия, необходимый для обеспечения устойчивости жизнеобеспечения. В 1991 г. валовое производство картофеля составляло 227 тыс.т, овощей 29,4 тыс. т, молока 200 тыс.т, мяса в убойном весе 35,2 тыс.т, яиц 359 млн.шт. В 1990-1991 гг. уровень рентабельности по всей деятельности совхозов и колхозов составлял, соответственно, 38,4 и 53,9 %. Все хозяйства и все виды продукции были рентабельны и находили сбыт.

Важнейшим направлением социальной политики в дореформенный период было сближение условий и уровня жизни городского и сельского населения. Неуклонно повышался уровень механизации сельскохозяйственного труда, происходили прогрессивные тенденции в образовательном и профессионально-квалифицированном составе сельскохозяйственных кадров, обустройстве села, возрастали совокупные доходы сельских семей, их уровень постепенно приближался к городским параметрам. В 1989 г. совокупный доход на сельскую семью составлял 82,5% к уровню городской семьи, а среднедушевой совокупный доход сельского жителя к уровню горожанина 72,4%. Четко прослеживалась тенденция повышения уровня обеспечения сельского населения различными видами услуг социально-бытового назначения, велась комплексная застройка центральных усадеб хозяйств.

Вместе с тем в развитии сельского хозяйства и АПК в целом было много и нерешенных проблем. В конце 80–х гг. замедлились темпы роста сельскохозяйственного производства, ухудшалась отдача производственного потенциала, росла себестоимость сельскохозяйственной продукции, снижались темпы роста производительности труда. Недостаточно применялись в совхозах прогрессивные формы организации производства и труда. Слабо решались вопросы, связанные с совершенствованием хозяйственного механизма в аграрном секторе. Сохранялись различия в уровне жизни городского и сельского населения.

Необходимость аграрных преобразований не вызывала сомнений, и сложившаяся ситуация в конце 80–х гг. в АПК объективно требовала существенных изменений в системе хозяйствования.

Для преодоления негативных тенденций, связанных с усилением командно-административных методов управления, недооценкой товарно-денежных отношений, широкомасштабным огосударствлением экономики, требовалась аграрная реформа, как система мер, охватывающая все стороны жизни и деятельности аграрного сектора: экономическую, социальную, правовую, организационную.

Однако, аграрная реформа, которая представляет длительный процесс, стала проводиться на основе революционных, а не эволюционных методов, то есть постепенного перевода аграрного сектора на рыночные условия хозяйствования. На практике основными направлениями аграрной реформы стали: земельная реформа и реорганизация колхозов и совхозов; их дробление; либерализация цен на материально-технические ресурсы, приобретаемые сельскохозяйственными товаропроизводителями и сдерживание цен на сельскохозяйственную продукцию; сведение к минимуму субсидирования аграрной сферы; ориентация на завоз продовольствия с Запада. Изменилась позиция государственной власти в отношении сельского хозяйства.

Проводимый с конца 1991 г. курс аграрной реформы не дал позитивных результатов из-за резкого ухудшения экономических условий воспроизводства в сельском хозяйстве, ослабления регулирующей роли государства в развитии аграрного сектора, социальной сферы села и социальной защиты крестьянства.

Эффективность агропромышленного производства в последние годы в большей степени определялась не внутрихозяйственными резервами восстановления производства, а внешними факторами: ценообразованием – цены на средства производства и услуги растут значительно быстрее, чем цены на сельхозпродукцию, снижением уровня государственной поддержки, резким падением платежеспособного спроса населения и т.д. Сумма изъятых из сельского хозяйства республики финансовых ресурсов вследствие высоких цен на материальные ресурсы и заниженных цен на продукцию сельского хозяйства составляла в 2003 г. 400 млн.руб. Это привело к потере экономического смысла производства, деградации кадров, разрушению производственной и социальной инфраструктуры на селе и т.п.

В ходе проведенных социально-экономических преобразований в сфере агропромышленного комплекса республики, перехода экономики отрасли на рыночную основу хозяйствования резко сократились объемы производства сельскохозяйственной и пищевой промышленной продукции. Среднегодовые темпы снижения производства продукции сельского хозяйства составили в 1991-1995 гг. – 5,7%, в 1996-2000 гг. – 0,6, в 2001-2003 гг. – 3,4%, в 2004 г. – 0,7%. Объемы производства молока и мяса за этот период уменьшились по всем категориям хозяйств более, чем в два раза. За 1990 –2003 гг. производство мяса в убойном весе в расчете на одного жителя республики снизилось от 30 до 14 кг, молока – от 164 до 87, яиц – от 289 до 151 шт.

В условиях сокращения собственного производства молочных, мясных и других продуктов республиканский продовольственный рынок в значительной мере формируется за счет увеличения ввоза продовольствия.

За 1990-2003 гг. доля местного производства в структуре потребления мяса и мясопродуктов снизилась с 42,9 до 23,0%,молока и молокопродуктов – с 41,4 до 39,5, яиц – с 99,6 до 52,2 (табл. 1).

Уровень потребления продовольствия в пересчете на калории на душу населения снизился за 1990-2003 гг. на 18%. Основные причины такого положения – низкий платежеспособный спрос основной массы населения республики и высокие розничные цены, обеспечивающие получение сверхприбыли в сфере торговли.

В результате уровень доходов у большинства сельскохозяйственных производителей (даже прибыльных) не позволяет им вести производство на расширенной основе, поддерживать материальную базу и социальную инфраструктуру. Это происходит на фоне сокращения доли расходов сельского хозяйства в общих расходах как федерального, так и республиканского

бюджетов. Если в 1993 г. доля сельского хозяйства в общих расходах республиканского бюджета составляла 5,3%, то в 2004 г. 1,9%.

Таблица 1

Потребление и производство основных продуктов питания по Республике Коми
(на душу населения в год, кг)

Показатели	Рациональная норма потребления для севера	1990 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	90	70	48	51	56	61
в т.ч. собственное производство		30	13	13,6	14,4	14
доля собственного производства, %		42,9	26,5	26,6	25,7	23,0
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)	425	396	196	202	215	223
в т.ч. собственное производство		164	94	95	87	88
доля собственного производства, %		41,4	48,0	47,0	40,4	39,5
Яйцо, шт.	320	290	241	270	275	291
в т.ч. собственное производство		289	153	169	160	152
доля собственного производства		99,6	63,4	62,5	58,2	52,2
Картофель	120	95	118	120	87	89
в т.ч. собственное производство		50	118	120	87	89
доля собственного производства		52,6	100	100	100	100
Овощи и бахчевые	105	90	82	83	75	82
в т.ч. собственное производство		16,5	34,2	41	30,8	38,9
Доля собственного производства, %		18,3	41,7	49,4	41,1	47,4

Сокращаются объемы капитальных вложений в сельское хозяйство и в агропромышленный комплекс республики в целом. Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства в общей сумме инвестиций снизились за 1993-2004 гг. с 5,7 до 1,2%, а доля сельского хозяйства в стоимости основных фондов отраслей республики с 3,8 до 1,2%, при удельном весе сельского хозяйства в валовом региональном продукте в 2004 г. равном 2%. Темпы выбытия основных фондов превосходят темпы обновления в 3 раза.

Сокращение инвестиций в развитие сельского хозяйства привело к постепенному разрушению производственного потенциала сельскохозяйственных организаций, усилению технической и технологической несбалансированности аграрного производства, к деиндустриализации ее. В 2003 г. против 1990 г. в 29 раз уменьшилось приобретение тракторов всех марок, в девять раз минеральных удобрений, в три раза концентрированных кормов и кормовых добавок. Основная причина сокращения поступления материальных ресурсов в отрасль – тяжелое финансовое положение сельхозорганизаций, отсутствие необходимых собственных оборотных средств, недоступность банковского кредита, высокая кредиторская задолженность.

Актуальна проблема - деградация земель, сокращение сельскохозяйственных угодий и пашни, ухудшение плодородия земли из-за снижения внесения минеральных и органических удобрений.

Переход к рыночным отношениям сельского хозяйства проходил в условиях жесткого диспаритета цен. Темпы повышения себестоимости сельскохозяйственной продукции значительно опережали темпы роста реализационных цен, поэтому производство ее оказалось низкорентабельным или глубоко убыточным. Цены производителей на животноводческую продукцию не определяются затратами, а в их основе лежит платежеспособный спрос, который в регионе низкий. В целом по сельскохозяйственным организациям в 2004 г. уровень убыточности составил 2,2%, а сумма убытков – 34,8 млн. рублей. Убыточными оставались 59 % сельхозорганизаций. При этом нужно учитывать, что убытки получены в условиях низкого уровня оплаты труда работников сельского хозяйства.

Злободневная проблема на селе – бедность населения. Более половины сельских домохозяйств имеют денежные доходы ниже прожиточного минимума. Фактически начисленная среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства в 2004 г. была на уровне прожиточного минимума, или в 2,5 раза ниже, чем в среднем по отраслям экономики республики и в 3,1 раза ниже, чем в промышленности.

Но и начисленная низкая заработная плата выплачивается с опозданием и зачастую в натуральном виде – продукцией собственного производства.

Низкая оценка сельскохозяйственного труда является причиной массовой бедности сельского населения, служит тормозом социально-экономического развития отрасли и является препятствием получения начального, среднего и высшего образования. По данным переписи 2002 г. только 7%

сельских жителей в возрасте 15 лет и старше, против 17% горожан, имели высшее образование, включая неполное, а каждый второй сельчанин вообще не продолжил обучение после школы. Низкая оплата труда ориентирует на применение малоквалифицированного труда и низкий уровень пенсионного обеспечения в будущем, вызывает высокую текучесть специалистов и рабочих кадров. Всего с 1990 г. численность работников сельского хозяйства уменьшилась на 15,6 тыс.человек или на 53 % . Коэффициент выбытия в 2003 г. составил 71,8%. Значительно снизился профессионально-качественный состав руководителей и специалистов. Доля руководителей организаций с высшим образованием снизилась за годы реформ с 75 до 56%, главных специалистов – с 73 до 44%.

Упали престиж сельскохозяйственного труда и его привлекательность для молодежи, снизилась конкурентоспособность отрасли, как место приложения труда и капитала.

В последние годы все более распространенными источниками доходов для сельского населения становятся личные подсобные хозяйства, сбор дикоросов, промыслы и другие способы адаптации к жизни на селе.

Под воздействием различий в специализации и результативности сельскохозяйственного производства по административным районам, финансово-экономического состояния сельскохозяйственных организаций, произошла территориальная дифференциация уровня жизни сельского населения .При сохранении тенденций развития сельского хозяйства неизбежны продолжение деградационных процессов, падение уровня жизни основной массы сельского населения, обострение социально-экономического кризиса сельских районов – застойная безработица, разрушение социальной инфраструктуры , ухудшение демографической ситуации , кризисный характер воспроизводства кадрового потенциала, снижение физической и экономической доступности продуктов питания для населения.

Необходимо оценить состояние сельского хозяйства с позиции отдаленной перспективы и укрепления продовольственной безопасности страны, решения социально-экономических проблем села.

В трансформируемом процессе Россия сильно ухудшила свою продовольственную безопасность, стала зависеть от импорта, на долю которого приходится более 30% общего объема товарных ресурсов продуктов питания [1,с. 4].

Если мы хотим обеспечить продовольственную безопасность страны, надо производить сельскохозяйственную продукцию и в зонах со средними и ниже средних условиями. Поэтому развитие земледелия и животноводства на Севере в разумных размерах (имеющегося производственного потенциала), производство основных видов продуктов питания, для которых имеются благоприятные условия, является в обозримой перспективе объективной необходимостью. Основное внимание здесь должно быть уделено обеспечению населения картофелем и овощами местного ассортимента, цельным молоком, диетическим яйцом, частично мясом, а также развитию традиционных отраслей: оленеводству, рыболовству, охотничьему промыслу, сбору дикорастущих грибов и ягод и их переработке. Продукция традиционных отраслей конкурентоспособна не только на региональном, но и на национальном и международном рынках.

В республике в 2004 г. было рентабельно производство картофеля, овощей открытого грунта, мяса птицы, яиц, а с учетом субсидий из государственного бюджета республики и производство овощей защищенного грунта, мяса оленей и молока. Вместе с тем, глубоко убыточно производство мяса крупного рогатого скота, свиней.

Агропромышленный и экономический потенциал республики при улучшении экономических условий хозяйствования позволяет значительно повысить эффективность производства картофеля, овощей. Республика в течение 60-80–х гг. получала наивысшие урожаи этих культур и показатели урожайности в республике были значительно выше, чем в среднем по России в последние годы (табл. 2).

Таблица 2

Урожайность картофеля и овощей по России и Республике Коми в среднем за год, ц/га
(все категории хозяйств)

Показатели	1966-1970 гг.	1971-1975гг.	1976-1980гг.	1981-1985гг.	1986-1990гг.	1991-1995гг.	1996-2000гг.	2001-2003гг.
Урожайность картофеля								
Россия	115	111	106	104	108	110	105	108
Республика Коми	134	170	158	135	134	115	162	154
Урожайность овощей открытого грунта								
Россия	139	136	143	157	154	145	146	162
Республика Коми	151	174	216	193	182	140	227	253

Заметим, что и показатели рентабельности этих культур в республике были также выше, чем в среднем по России.

При рациональном использовании удобрений и соблюдении агротехники можно получать с гектара по 300 – 400 ц картофеля, 500 ц овощей [2, с. 111]. При технологической модернизации производства, отлаженной системе сбыта и выгодных экономических условиях реализации республика могла бы вывозить картофель в другие регионы России. Россия семенной и продовольственный картофель и продукты его переработки импортирует из более 30 стран мира [3, с.30].

Значительные массивы природных кормовых угодий, луга, расположенные в поймах рек, создают благоприятные предпосылки для развития молочно-мясного скотоводства.

При выборе стратегических ориентиров развития сельского хозяйства региона на перспективу мы исходим из того, что в республике должно производиться не менее минимального объема продовольствия, необходимого для обеспечения устойчивости жизнеобеспечения. За ориентир можно принять минимальные нормы потребления продуктов питания, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 1999 г . № 192. Тогда примерные параметры производства сельхозпродукции на перспективу составят: мяса и мясопродуктов 30-35 тыс.т, молока и молокопродуктов 160-185 тыс. т, яиц 157-180 млн. шт., картофеля 210-230 тыс.т. Для обеспечения финансовой стабильности организации аграрного сектора долю расходов консолидированного бюджета республики на финансирование сельского хозяйства необходимо довести до 5-7%. Это позволит создать для сельхозпредприятий равных с другими отраслями экономики условий получения доходов, повышения финансовой устойчивости деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей, приблизить уровень среднего дохода занятых в сельском хозяйстве к среднему уровню доходов занятых в экономике республики.

Основные направления стратегического решения развития агропромышленного комплекса и продовольственной проблемы – внедрение научно-технического прогресса, технологическая модернизация сельскохозяйственного производства, перевод сельхозпредприятий на новые агротехнологии, рост энерговооруженности труда и энергообеспеченности, совершенствование организационно-экономического механизма в АПК, укрепление кадрового потенциала, формирование крупнотоварного сельскохозяйственного производства, основанного на принципе кооперации (ставка на приоритетное развитие хозяйств населения бесперспективна), увеличение доходов сельхозпроизводителей.

Проводимые рыночные отношения оказали негативное влияние на демографическую ситуацию в сельской местности Республики Коми (табл.3). Происходит снижение демографического потенциала села до уровня, не обеспечивающего не только расширенного, но и простого воспроизводства населения: существенно уменьшается численность населения, снижается рождаемость детей, увеличивается смертность, возрастает миграция, усиливается постарение населения и сокращается продолжительность его жизни. Происходит вырождение сельского населения. По данным переписей населения за 1970 – 2002 гг. численность сельского населения сократилась в 1,5 раза. В общей численности сельского населения доля лиц старше трудоспособного возраста за этот период выросла с 10,1 до 17,2 %, а моложе трудоспособного возраста сократилась с 35,3 до 21,1 %. Только за 1993 –2003 гг. естественная убыль сельского населения составила 18,1 тыс.чел. или 52,3 % от общей естественной убыли населения республики. За годы реформ число умерших превысило число родившихся в 1,4 раза, рождаемость населения сократилась на 24,7 %, а смертность увеличилась на селе в 2,2 раза и в 1,5 раза превышает соответствующий показатель в городе. На каждую тысячу сельских жителей в 2003 г. приходилось родившихся одиннадцать, а умерших двадцать один, а в 1970 г. это соотношение было соответственно как шестнадцать и восемь. Вымирание села - это прямое следствие низкого уровня жизни сельчан, неразвитости социальной инфраструктуры села.

За 1970-2003 гг. средняя ожидаемая продолжительность жизни на селе сократилась с 65,5 до 58,4 лет и на 4,4 года меньше, чем в городе. На ближайшую перспективу ожидается дальнейшее сокращение численности сельского населения, одновременно снизится количество трудоспособных жителей и возрастет число пенсионеров.

Таблица 3

Основные показатели демографического развития села Республики Коми

Показатели	1970г.	1979г.	1989г.	2002г.	2003г.	
					абс.	в % к 1989г.
Численность постоянного сельского населения, тыс. человек	368,9	323,9	306,4	252,1	249,0	81,3
Удельный вес сельского населения в общей численности населения, %	38,1	29,2	24,5	24,7	25,0	102,0
Возрастной состав населения в % к итогу: моложе трудоспособного возраста	35,3	27,8	28,9	21,1	19,8	68,5
Трудоспособного возраста	54,6	60,9	57,2	61,7	63,7	111,4
старше трудоспособного возраста	10,1	11,3	13,9	17,2	16,5	118,7
распределение численности по полу, в % к итогу:						
мужчин	51,3	51,5	51,4	49,9	49,8	96,7
женщин	48,7	48,5	48,6	50,1	50,2	103,3
Коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 человек)	16,4	18,6	15,5	9,1	10,7	69,0
Коэффициент смертности (число умерших на 1000 человек)	8,5	11,1	9,5	17,1	20,5	215,8
Коэффициент естественного прироста (убы ли, -) на 100 0 человек	7,9	7,5	6,0	- 8,0	- 9,8	61,2
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	65,5	62,6	66,6	60,8	58,4	87,7
мужчин	59,9	56,5	61,3	55,4	52,5	85,6
женщин	70,4	68,9	72,5	68,3	66,4	91,6

Усиливается несоответствие между численностью населения и размерами сельских территорий. Происходит обезлюдивание, измельчение и деградация поселенческой сети. За 1989-2002 гг. в республике исчезло 19 сельских населенных пунктов. Из 729 сельских поселений 17 без населения, в 86 проживает до 10 чел. Получается, что более сотни деревень заброшены.

Центральной проблемой сельского рынка труда является проблема безработицы, которая представляет угрозу продовольственной и социальной безопасности региона. Следует иметь в виду, что для села Коми, где проблема безработицы накладывается на проблемы низких доходов населения, высокий уровень преступности и других форм аномального поведения (алкоголизм), тяжелые природно-климатические условия жизни, задача сокращения безработицы до минимальных значений особенно актуальна.

Таблица 4

Уровень безработицы в феврале – ноябре 2002 г., в % [4, с.200]

Регион	Город	Село
Российская федерация	7,3	9,9
Северо-западный федеральный округ	6,0	7,9
Республика Карелия	7,5	9,2
Республика Коми	8,0	13,3
Архангельская область	7,9	8,7
Вологодская область	5,7	6,8
Калининградская область	7,6	5,6
Ленинградская область	6,8	7,3
Мурманская область	10,4	7,7
Новгородская область	6,3	6,2
Псковская область	8,8	6,8
Санкт-Петербург	3,4	…

Численность экономически активного населения в 2003 г. составила по сельским районам республики 127,1 тыс.чел., или 50,8 % общей численности населения, проживающего в них. В их числе 109,2 тыс.чел. (85,9 %) были заняты в отраслях народного хозяйства и 17,9 тыс. чел. (14,1 %) не имели занятия, но активно его искали и в соответствии с методологией МОТ классифицировались как безработные. А в государственной службе занятости на 1 января 2004 г. было зарегистрировано 5,1 тыс. чел. безработных, или 4,0 % экономически активного населения. При этом уровень

регистрируемой безработицы по сельским районам в 1,5 раза превышал средний показатель по республике (2,6%) и в 1,8 раза по городам (2,2 %).

На начало 2004 г. напряженность на рынке труда составляла 11,3 чел. на одну вакансию. Для сельской безработицы характерна большая внутрирегиональная дифференциация. Например, на конец февраля 2005 г. на одно рабочее место в Прилузском районе претендовали 25 чел., в Усть-Куломском – 30, в Сысольском – 42 чел. На первое апреля 2005 г. в Усть-Куломском районе числилось безработными почти 40 % экономически активного населения, 72 % безработных не имели базового профессионального образования. В безработных числится почти треть жителей этого райцентра.

Состояние социально-трудовой сферы села в 1,3-1,4 раза хуже, чем в городе.

К сожалению, ранее разработанные целевые республиканские программы « Развитие агропромышленного комплекса Республики Коми» (2003-2005 годы), «Социальное развитие села до 2010 года» и др. по финансовому обеспечению выполняются только частично. И в агропромышленном комплексе и на селе в целом остаются нерешенными многие проблемы. В настоящее время приоритетной проблемой является устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий, повышение качества жизни сельчан, а одним из важнейших направлений ее решения является углубление связей села с городом.

Таким образом, кризис в аграрном секторе республики и узкоотраслевой подход к функционированию села существенно обострили традиционные социально-экономические проблемы села (узость сферы приложения труда, низкий уровень доходов населения, отставание в развитии производственной и непроизводственной сфер). Появились новые, негативные тенденции, связанные с установлением «полудиких» рыночных отношений – рост безработицы, массовая убыточность хозяйств, бедность населения, усиление паразитического подхода к деревне, социальная дифференциация сельского общества, ухудшение демографической ситуации и др.

Основными причинами кризиса являются: неэффективность аграрной политики, неэквивалентный и все убывающий обмен сельскохозяйственной продукции на промышленные ресурсы, низкий уровень финансовой поддержки со стороны государства, отток квалифицированных кадров из села, низкая инвестиционная активность и ошибочное снижение роли сельскохозяйственного труда, низкая платежеспособность населения и связанная с ней проблема сбыта сельскохозяйственной продукции. Усилилась обособленность города и села, увеличился разрыв в уровне жизни сельского и городского населения.

В настоящее время существует реальная опасность природным ресурсам, культурным ценностям и жизнеспособности сельских территорий. Сейчас важно уяснить меру влияния на отток сельского населения не только экономических, но и демографических, социальных, экологических причин. В нынешних условиях село и его интеграционное развитие должны стать приоритетной задачей общества. Необходимо создать такие условия, чтобы каждый сельский житель реально имел возможность реализовать свое конституционное право на труд, образование, здравоохранение, культуру, отдых.

Политика регионального развития должна быть ориентирована на многостороннее развитие сельской местности. Закономерности его определяются не только сельскохозяйственным производством, но и широким спектром других общественных функций: демографической, трудоресурсной, расселенческой, производственно-трудовой, экономической, социальной, культурной, природоохранной. Опыт других стран, в частности Японии, Китая, Южной Кореи, показывает, что они не планировали бурный рост промышленности до тех пор, пока не навели порядок в сельском хозяйстве и не обеспечили собственную продовольственную безопасность. Это позволило сформировать тесное сотрудничество села и города и способность сельской местности адекватно отвечать на вызовы постиндустриального и глобализирующегося мира. У нас картина обратная. Кризисы и не совмещенная между собой промышленная и аграрная политика; нарушены естественноисторические взаимоотношения между городом и селом. В силу все возрастающего импорта продовольствия российские города в значительной мере отсечены от сел и деревень по линии товарного обмена. Пригородная сельская местность используется в основном в качестве площадок под дачное и коттеджное строительство. Дальняя сельская местность деградирует.

Развитие села представляет собой комплексную интегральную проблему. При ее решении целесообразно руководствоваться следующими положениями: комплексным подходом к эффективному использованию материальных, финансовых, трудовых ресурсов, на основе экономической и социальной диверсификации, расширения сфер приложения труда, поддержки развития различных сфер деятельности – агропроизводства, сферы переработки сельхозпродукции и

агросервиса, производственной и социальной инфраструктур и т.д. Необходимо укрепить законодательную базу развития сельского хозяйства. Города, как научные, производственные и культурные центры, целесообразно в большей мере ориентировать на усиление социально-экономического и культурного обслуживания сельских жителей. Это относится к обеспечению села промышленными товарами и услугами, подготовке квалифицированных кадров, информационному обслуживанию. Каналами обмена между городом и селом являются материально-техническое снабжение, закупочная и заготовительная сеть, рыночная торговля. Центральное место в социально-экономических отношениях города и села занимают государственное управление и финансы. Социально-экономическая база городских поселений является предпосылкой и решающим фактором повышения разнообразия взаимосвязей с сельской местностью. Формы вовлечения прилегающих к городу территорий в орбиту активного взаимодействия достаточно разнообразны, о чем свидетельствует опыт северных территорий.

Север считается традиционно территорией с экстремальными для сельского хозяйства условиями. Здесь практически нет районов, где не требовалось бы проведения работ по предотвращению тех или иных неблагоприятных факторов. Это осушение избыточно увлажненных земель, борьба с эрозией почв, улучшение химического состояния подзолистых почв, за счет внесения повышенных доз органических и минеральных удобрений, предотвращение гибели посевов от заморозков. Продолжительная зима вызывает повышенные затраты на строительство и ремонт животноводческих ферм, содержание и уход за скотом. Стойловый период длится 250-280 дней. Это вызывает необходимость заготовлять больше грубых и сочных кормов в сжатые сроки и т.д. Завоз горюче-смазочных материалов, семян, минеральных удобрений, техники, стройматериалов, комбикормов на Север связан с большими издержками.

В дореформенный период сельско-городские связи на Севере складывались по следующим направлениям:

- произведенная сельскохозяйственными предприятиями продукция почти полностью забиралась государством для снабжения городского населения;
- осуществлялась интеграция агропромышленного производства;
- укреплялась материально-техническая база сельскохозяйственных предприятий за счет централизованного снабжения материалами, запчастями, оборудованием;
- с помощью государства строились различные производственные объекты и жилье;
- оказывалась помощь транспортом и техникой, проводилась мобилизация горожан на заготовку кормов и уборку урожая;
- поощрялись творческие контакты, содружество работников культуры и искусства с трудовыми коллективами села;
- некоторые крупные промышленные предприятия выделяли инвестиции на развитие материально-технической базы предприятий АПК;
- была создана система подготовки кадров для села.

В улучшении снабжения населения местной сельскохозяйственной продукцией значительную роль сыграли подсобные хозяйства предприятий, организаций и учреждений. Так, в Республике Коми удельный вес подсобных хозяйств в производстве основных видов продукции был достаточно высок. Здесь в середине 1980-х гг. доля подсобных сельских хозяйств промышленных предприятий достигла по производству молока - 26,7%, мяса - 20,6, овощей - 13,9%, при среднероссийских данных соответственно 1,3, 3,1 и 2,7%. Подсобные хозяйства создавались, начиная с конца 30-х – начала 40-х гг., в основном в тех административных районах республики, где до этого сельскохозяйственное производство или отсутствовало вообще, или было представлено преимущественно оленеводческо-промысловым хозяйством. Каждое промышленное ведомство наряду с организацией основных предприятий и комбинатов создавало при них подсобные сельскохозяйственные предприятия, что можно рассматривать как специфическую форму промышленно-аграрной интеграция при отсутствии технологической общности, но с прочными организационно- экономическими связями. Задача сельскохозяйственных предприятий в них состояла в снабжении населения малотранспортабельными и скоропортящимися продуктами питания, а промышленные предприятия принимали участие в укреплении материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий и обеспечении их рабочей силой в напряженные периоды сельскохозяйственных работ.

Путем организации подсобных хозяйств в сельскохозяйственный оборот в те годы вовлекались значительные площади земель, которые не использовались ранее. Однако в период революционного реформирования 1990-х гг. подсобные хозяйства промышленных предприятий по существу были ликвидированы.

Прошлый опыт свидетельствует о том, что в районах нового освоения развитие подсобных хозяйств экономически эффективно и социально необходимо.

В настоящее время вновь остро ощущается потребность в исследованиях проблем взаимодействия города и села. Их решение для северных районов имеет много специфического:

- здесь областные и республиканские центры плохо связаны с сельской периферией;
- мало средних городов, которые могли бы стать «связующим звеном» общей социально-экономической системы;
- значительная часть сельских поселений вообще не связана с сельским хозяйством, как отраслью, но население их имеет личные подсобные хозяйства;
- сельское население территориально рассредоточено, что формирует специфические условия жизни работающих в отрасли и определяет особую ментальность крестьян;
- остро стоит вопрос о повышении экономического и социального развития северных народностей, проживающих преимущественно в сельской местности;
- необходимо использовать скоростной транспорт – самолеты и вертолеты малой авиации и суда на воздушной подушке.

Взаимодействию города и села могла бы способствовать интеграция агропромышленного и лесопромышленного производства.

Основными направлениями взаимодействия города и села на современном этапе их развития могут быть:

- инвестирование крупными промышленными предприятиями сельского хозяйства. Сотрудничество инвесторов с сельхозпредприятиями может быть и в форме присоединения последних к промышленному предприятию в качестве подсобных хозяйств, превращения их в дочерние предприятия (создание агрохолдинговой структуры);
- строительство промышленными предприятиями на селе производственных и социально-бытовых объектов с установлением льгот по налогообложению на прибыль или полным освобождением от налогов с той части прибыли, которая направляется на развитие сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности;
- организация в районах нового промышленного освоения подсобных хозяйств, что позволит в короткие сроки гарантировать снабжение населения молоком, овощами и другой малотранспортабельной продукцией. Это главное преимущество местных подсобных хозяйств. Вместе с тем организация подсобных хозяйств позволяет включить в производство сельскохозяйственной продукции других членов семейств работников, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте. Поскольку подсобные сельские хозяйства организуются как составная часть вновь строящихся, а также функционирующих крупных промышленных объединений и предприятий, то есть возможность использовать не только имеющуюся рабочую силу, но и производственную базу промышленного строительства, энергетические мощности, сооружаемые дороги и т.д. При этом отпадает или сокращается необходимость в капитальных вложениях для создания производственной и социальной инфраструктуры для подсобных хозяйств;
- увеличение объемов государственного заказа на поставку сельскохозяйственной продукции в региональные фонды;
- закупка и авансирование будущих поставок сельскохозяйственной продукции промышленными предприятиями на основе заключения договора о социальном партнерстве;
- при выдаче лицензий ресурсодобывающим предприятиям в положении указывать обязательность закупки местной сельхозпродукции, произведенной в сельхозпредприятиях данной территории, для обеспечения их пунктов общественного питания;
- развитие в сельской местности несельскохозяйственных отраслей, филиалов промышленных предприятий (деревообработка, домостроение, хлебопечение, переработка дикоросов и ягод и т.д.); национально-художественных и народных промыслов, рыбоводства и рыболовства;
- формирование системы информационно-консультативного обслуживания сельских жителей;
- инвестирование перерабатывающими и торгово-коммерческими предприятиями сельхозпредприятий, поставляющих им продукцию;
- где возможно, формирование единых в рамках территории сельско-городских инфраструктурных комплексов и хозяйственных структур (здравоохранения, культуры; строительства дорожно-транспортных коммуникаций и т.д.);
- развитие культурно-просветительской работы;
- развитие туризма;

- подготовка кадров начального профессионального, среднего и высшего образования для села, создавая для сельских ребят льготные условия при поступлении в учебные заведения и обеспечении общежитием;
- формирование дорожно-транспортной сети.

При разработке программ социально-экономического развития региона необходимы подпрограммы по целевому управлению развитием взаимодействия «город-село», где бы рассматривались вопросы формирования и использования совокупного ресурсного потенциала.

Заметим, что если реализовать существующие законопроекты о местном самоуправлении и муниципальной реформе, о вступлении России в ВТО, о полной либерализации агропродовольственного рынка с вводом изобилия импортных товаров, вытеснением с рынка местных продукции, обособленность города и села может резко усилиться.

Многие далекие от села люди, решающие вопросы социально-экономического развития страны и регионов, еще не осознают роль и значение сельского хозяйства не только как источника продовольствия, но и как градоохраняющей среды, исторических, национальных и культурных ценностей.

В системе организационно-экономических и социальных мер необходимо:

- на региональном и местном уровне выделение села как единого объекта управления или в бюджетах министерств, связанных с селом, разделения на город и село;
- на региональном уровне определить орган исполнительной власти, который бы занимался решением вопросов комплексного развития сельских территорий. Таким органом могло бы быть создание Агентства Республики Коми по развитию сельских территорий, которое работало бы в тесном взаимодействии со всеми министерствами, ведомствами и органами управления, связанными с сельским развитием;
- повысить уровень информационного обеспечения, расширить статистическую информацию, ежегодно издавать сборник по социальному развитию и уровню жизни сельского населения.

Таким образом, расширение и углубление взаимосвязей села с городом является одним из важных принципов устойчивого развития сельского хозяйства и сельской территории.

Литература

1. Гордеев А. Закрепляя достигнутое уверенно идти вперед // Экономика сельского хозяйства России. – 2004. – № 12.
2. Башлыков А.З., Зиновьева Г.В., Забоева И.В. и др. Земельные ресурсы и проблемы продовольствия // Республика Коми: природные ресурсы и производительные силы. – Сыктывкар, 1999. – 192 с.
3. Тульчеев В. Производство и потребление картофеля в России // Экономика сельского хозяйства России. – 2003. – № 8.
4. Утинова С.С. Изоморфный рынок труда в России. – М.: Наука, 2003. – 205 с.

Мелентьев Б.В.

ДА НЕ ОСКУДЕЕТ ВОСТОЧНАЯ ЗЕМЛЯ ЛЮДЬМИ НАШИМИ

Известная проблема негативного общего демографического положения России более остра для востока страны: здесь интенсивнее происходило сокращение населения, а резкое ухудшение уровня жизни в северных и восточных районах привели к массовому оттоку населения. Указанная массовая миграция населения в последние 10-15 лет в экономически более благополучные европейские районы выросла в крупнейшую проблему, что поставило под угрозу поддержание здесь жизни вообще, внешнюю безопасность этих территорий и может перечеркнуть многовековые усилия предшествующих поколений по освоению и закреплению российских земель. По образному выражению Н.Михеевой (ИЭИ ДВ РАН), есть сомнение: кому и для кого реализовывать перспективные программы экономического развития, в частности, Дальнего Востока и Забайкалья[1].

Нужно сказать, что определенную остроту вносят процессы национальной миграции. Можно предполагать, что оно касается в основном русских, как наиболее подвижной части населения. Оставшееся население становится более однородным по этническому составу. Для исследования указанных проблем полностью отсутствуют статистические данные, за исключением информации по

[1] Михеева Н.Н. Доходы населения и развитие социальной инфраструктуры в программе «Дальней Восток и Забайкалье» (ж.:»Регион», №2, 2002)

малочисленным народам. Научные исследования по национальной демографической тематике даже осложнились в связи с отменой соответствующей регистрации при выдаче новых паспортов образца 2001-2003 годов. Данную важную запись о национальной принадлежности необходимо было сохранить хотя бы на условиях добровольного заполнения, иначе анализ сложных и деликатных национальных проблем ограничивается лишь периодами всеобщей переписи населения. Иначе нам приходится лишь предполагать, что за отмеченными стоят еще более контрастные проблемы.

Дети - счастье или беда для семьи? (или о соотношении экономического и социального эффекта)

Напомним о главной цели развития экономики, продвижение к которой и является показателем эффективности экономики в целом. Ею является достигаемый жизненный уровень населения страны. Его характеризует набор материальных, нематериальных, духовных и других неэкономических благ, позволяющих людям считать свой образ жизни достойным (благополучный стандарт и качество жизни). Для районов России вследствие разнообразия условий указанные нормативы благ разные. Например, из-за климата в северных районах нет возможности иметь дачные участки, которые для южных и районов средней полосы являются подспорьем и условием «активного отдыха». Поэтому для районов с менее благоприятным климатом экономические элементы стандарта жизни (заработная плата) имеют больший вес. Сходное положение учитывается и при определении регулярных границ уровня дифференциации нормативных потребительских благ для сельской и городской местности. Жители особенно больших городов (как и жители Севера) не имеют возможностей «держать личное подворье» или сильно в этом ограничены. Одной из важнейших социальных компонент качества жизни нашего времени было и остается для нас количество детей в семье, без которых жизнь в семье неполноценна, а также возможность дать им специальное образование, обеспечить надежные стартовые условия для самостоятельной жизни и т.д. Таким образом, жизнь людей и связанное с нею социальное положение – это цель, а производство – средство достижения цели. Экономический рост естественно рассматривается в той части, когда он обеспечивает увеличение жизненного уровня или сохранение его стабильного уровня.

Теоретически возможен экономический рост без увеличения благосостояния: накоплять ради того, чтобы накоплять, рост производства ради увеличения экспорта при неадекватном (заниженным) импорте, чрезмерные поставки в форме помощи другим странам и т.п. В таких случаях можно говорить о неэффективном экономическом росте с точки зрения жизненного уровня, хотя данная оценка неоднозначна. Увеличение оборонных расходов увеличивает рост производства, и при этом действительно могут уменьшаться экономические компоненты жизненного уровня, т.е. снижаться текущие реальные доходы населения в целом. Однако рост расходов на оборону обеспечивает внешнюю безопасность страны, внешняя помощь увеличивает число дружественных стран, т.е., не смотря на уменьшение экономических элементов жизненного уровня, указанные затраты формируют и положительно влияют на другие его важные неэкономические составляющие - безопасность.

Можно лишь констатировать, что обеспечить в текущем периоде баланс между расходами сегодня и потребительским эффектом в будущем, разумные соотношения даже только по важнейшим компонентам уровня жизни очень трудно, чтобы не довести их динамику до негативных значений. Реальный опыт нашего развития показывает, что в определенных исторических промежутках политика эгоистического хозяйственного роста – рост во что бы то ни стало с замалчиванием эффекта в сегодняшних жизненных благах, политические установки, определявшие чрезмерную помощь другим странам, инвестиции в хозяйственное развитие окраин страны с длительным сроком окупаемости и т.д., подавляли демографические ценности, направляли на другие, хотя и патриотические и общечеловеческие, с точки зрения всего мира, ориентиры. Но сложность ситуации в том, что существуют осознанные и неосознанные определенные перегибы в части предпочтений тем или иным названным ценностям. В частности между демографическими и упоминавшимися образовательными целевыми установками тоже существуют определенные конфликтные несбалансированные отношения. Они в комплексе с другими причинами постепенно усилили остроту текущей демографической ситуации. Например, сегодня получение высшего образования рассматривается подавляющим большинством населения как благо, поскольку обеспечивает доступ к культурным ценностям, позволяет получить престижную городскую специальность, место в жизни и доходы в будущем. Однако, практика показывает, что семьи с высшим образованием, как правило, малодетны. Можно говорить, что высшее образование фактически «разрушает семью». Молодые люди учатся именно в том необходимом фертильном возрасте, и заводить детей в этот период не совсем «удобно», поскольку последнее мешает учебе, получении специальности и красивой жизни. Процесс образования семьи оттягивается на будущее время, минимум на пять лет, а если после

получения высшего образования учеба продолжается в аспирантуре - то еще на 3-4 года, а если … Фактически свободное образовательное благо в настоящий момент способствует самоуничтожению нации, притом добровольному, украшенному благородными лозунгами и с привлекательными для молодых соблазнами якобы легкой, веселой, беззаботной жизни. Об оценке угрозы возможной будущей малодетной семьи или бездетной жизни говорится лишь в быту. На государственном же уровне прямая связь образовательного ценза и роста малодетных и бездетных семей не обсуждается.

В социальной политике этой сферы наши правительства очень инерционны, а ситуация уже не та, что в 20-30 годах. Практика показывает, что какие бы современные государственные меры не принимались, отмеченные социально-демографические проблемы не решаются и с годами только усиливаются. Например, не «замечается» особенность, что чем ниже люди на социальной лестнице и менее образованы, тем больше детей они имеют. Пора учитывать нашу специфику, не закрывая пути рационального (экономного) получения специальности благородными призывами к всеобщему длительному образованию, трудоемкому по затратам и жизненным потерям.

На этом фоне не ко времени эксперименты по увеличению сроков школьного образования, тогда как в ряде стран Европы тенденции к их сокращению[2]. Да и нельзя механически применять опыт других стран - слишком разные условия. Действительно в западных странах период обучения длиннее. Однако там такие же, если не острее, проблемы народонаселения, несмотря на более высокий уровень общего социального обеспечения. Видимо, учителя средней и преподаватели высшей школ раньше правительства почувствовали угрозу сокращения числа учеников вслед за уменьшением численности и последующей безработицы в своей профессии, и потому лоббируют известные эксперименты с переходом от 10 к 11-12-летнему обучению. Указанные процессы усиливает и аморфная, не учитывающая реальности, государственная политика бесплатного образования.

Нельзя сказать, что правительство совсем «не озабочено» указанными проблемами. Однако дальше констатации ничего не делается. Министр труда и социального развития А. Починок прямо заявлял, что в России грядет «гигантское перепроизводство специалистов с высшим образованием массовых профессий, превышающее потребности российской экономики»[3]. В 2007 году закончат школу 1,2 млн. ребят и девушек, а вузы и техникумы в состоянии принять 1,9 млн. человек. По материалам 2002 г. доля численности населения, имеющего высшее образование, увеличилась за три года почти на 7%, с неполным высшим – почти на 2%, со средним – больше, чем на 12% при общем сокращении численности населения. В стране не хватит численности выпускников школ, чтобы заполнить первые курсы вузов. Количество студентов, обучающихся бесплатно, в России растет самыми быстрыми темпами среди всех развитых стран, оголяя другие сферы производственной деятельности, не требующих высшего образования, но без которых невозможно существование экономики.

Возможно, прямое ограничение числа обучающихся в вузах - слишком резкая мера, но такое плановое квотирование как государственного, так и частного образования давно назрело.

Экономика и население

Последствиями радикальных реформ, проведенных в России в 1991-1992 гг., являются значительное сокращение экономических возможностей страны и снижение жизненного уровня населения. Поэтому в настоящее время нужно ожидать более экономную стратегию экономического развития. Она должна коснуться и восточной политики. Официально это не объявляется, но статистические данные беспристрастно указывают на депрессивную динамику роли восточных территорий, по отношению к которым раньше реализовывался тезис «сдвиг производительных сил на восток». Указанная политика официально замалчивается, но многие исследователи ее видят, называя политикой «сжатия» российского пространства до так называемых «эффективных» районов. За период, прошедший с начала реформ, уменьшились реальные доходы, стала реальной угроза депопуляции. Почти 50-процентное сокращение производства в сравнении с дореформенным уровнем, абсолютное уменьшение инвестиций почти в 3 раза привели к дезинтеграции региональных экономик, снижению интенсивности межрегиональных связей и к территориальным сдвигам, сопровождающимся уменьшением веса в экономике страны большинства восточных районов и севера (см. табл. 1).

[2] Обсуждение проблемы школьной реформы в связи с демографической ситуацией см. Николаева Е.И. Школьная реформа// ЭКО , 2001. С. 161-165

[3] Советская Сибирь (НВ) от 16 января 2003 г. (с.26)

Об этом говорят как результирующие экономические показатели (валовые региональные продукты по районам) и численность населения, так и показатели, характеризующие базу, обеспечивающую конечное потребление и экономическое развитие – численность занятых, объем производимой продукции, основные фонды. Лишь в некоторых районах (например, в Красноярском крае и Томской области) в отдельные годы спад был меньшим, что обусловлено сохранением здесь промышленных производств, связанных с экспортом. Благоприятными для сельского хозяйства отдельных субъектов Федерации Сибирского ФО были последние годы. Действительное положение производства в восточных районах значительно хуже, чем может показаться по таблице, так как стоимостные отчетные данные приведены в ней в текущих ценах. Известно, что на востоке страны цены выше и этот фактор завышает вес названных районов. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в сфере капитальных вложений. Даже если не учитывать влияние региональной дифференциации цен, доля восточных районов за 1991-2001 гг. сократилась больше чем на 8 п.п. Поэтому восток России уменьшил свое значение и по результирующему показателю инвестиционного процесса – основным фондам. Поскольку инвестиции определяют перспективу, постольку и в ближайшем будущем продолжится угасание экономической деятельности на востоке, а это приведет к еще большему ухудшению положения в социальной сфере. То, что эти процессы уже начались, косвенно подтверждается сокращением на указанных территориях численности занятых.

Реальность такова, что подобные процессы межрегиональных изменений ведут за собой сокращение рабочих мест, а потеря работы закономерно вынуждает население покидать места постоянного проживания, подрывая основы жизнедеятельности и воспроизводства на данных территориях. Потоки миграции направлены преимущественно в районы средней полосы России, на юг и запад. Север к настоящему времени уже потерял около 30% населения и этот процесс продолжается. Что касается южных районов Сибири, то здесь ситуация несколько смягчается притоком мигрантов из бывших союзных республик, прежде всего среднеазиатских. Однако этот источник пополнения уже иссяк: общий миграционный прирост в России в 2001 г. сократился по сравнению с 2000 г. в три раза. За период 1989 - 2002 гг. население Сибирского федерального округа сократилось почти на 5 п.п., в том числе в Кемеровской области на 8,5 п.п., в Иркутской – на 9, в Читинской – на 16,5 п.п., в Новосибирской – на 3 п.п., несмотря на то, что область занимала 4-е место в стране по численности вынужденных мигрантов[3]. Коэффициенты сальдо миграционного прироста в восточных округах были отрицательные[4] (в 2001 г. в СФО – 17 на 10 тыс. жителей, ДВО – 64 (причем с 1995 по 1999 гг. отрицательные показатели были близки, либо превышали цифру 100)).

Таким образом, теряются достижения предыдущих поколений в царский и советский периоды хозяйственного освоения восточных районов России и более равномерного распределения населения по территории страны включая юг Сибири и Дальнего Востока с относительно благоприятными для проживания климатическими условиями. Если негативные тенденции не будут сломлены, то дефицит трудовых ресурсов не только станет главным лимитирующим фактором развития восточных районов, но и сможем ли вообще удержать эту территорию. В положении, в котором пребывают сейчас северные районы, в ближайшее время окажутся и южные районы востока России. На это прямо указывает уже отмеченное сокращение численности занятых (наиболее активной части населения), а косвенно – наблюдающиеся сдвиги в территориальных хозяйственных пропорциях.

Характеризуя текущее состояние экономики России, следует сказать, что после восьмилетнего кризиса практически во всех сферах в последние три-четыре года имеет место определенное оживление. После того, как была пройдена низшая точка кризиса (финансовый дефолт 1998 г.), во многих отраслях заметен рост (промышленность 5.3% – в 1999, 4.9 – в 2001, 3,7 – 2002г., 7% – 2004 г.). Изменения в производственной и социальной сферах в целом являются положительными: впервые наметилась тенденция снижения внешнего долга страны, стал профицитным федеральный бюджет, наблюдается реальный рост капитальных вложений (17% в 2000, 10% - в 2001, 2,6% - 2002г).

Несмотря на то, что в 1999-2001 гг. в экономике во многих районах тоже имели место положительные тенденции, они, эти тенденции, тем не менее консервируют отмеченные выше нежелательные сдвиги в территориальных хозяйственных пропорциях. Дело в том, что экономическое оживление коснулось в большей степени и значительное в абсолютном выражении районов европейской части страны. Но для восточных и северных районов, где более трудная жизнь

[3] С.В. Соболева. Чтобы Сибирь не обезлюдела // ЭКО, № 8, 2004

[4] В.В. Клеманов. Региональные системы и региональное развитие в России. М.: Едиториал, УРСС, 2003. – 296 с.

и более дорогое производство, оно выступает даже как негативный фактор, поскольку сохраняются причины усиления миграционных потоков.

Следует отметить, что в свете поставленных перспективных задач по удвоению ВВП к 2010-2012 гг. среди вариантов прогнозов регионального развития рассматриваются и такие, в которых возможно приостановление негативной динамики территориальных пропорций и определенный возврат к структурным показателям дореформенного периода. (Результаты расчетов по одному из вариантов, проведенных на основе межрегионального инструментария[5], даны в таблице 2). Прогнозы сбалансированы по ресурсным ограничениям и поставкам продукции, но ограничение по трудовым ресурсам является наиболее жестким (дефицитным).

Таким образом, одним из важных социальных задач современной экономической политики на востоке должно стать кардинальное изменение демографической ситуации и закрепление населения на территориях современного постоянного проживания. При выработке на правительственном уровне стратегических решений, изменяющих региональные пропорции производства, необходимо учитывать, что за этим последует изменение географии занятости, мест проживания и традиционного жизненного уклада. Не учет этих сторон очень дорого обойдется и конкретным людям, и обществу в целом, как в неэкономическом, так и в экономическом отношении. Конечно, социальные мероприятия во многом взаимосвязаны с хозяйственными, но при этом преимущественно политика развития и размещении производства должна быть направлена к человеку и местам его традиционного проживания.

Выйду ль замуж за китайца (или сценарий действий при неблагоприятном развитии)

На фоне оценок, показывающих, что изменить территориальную структуру размещения и расселения до дореформенного уровня нам не удастся в ближайшие 10-15 лет и средств для решения многих социальных задач в этом периоде не будет, серьезно обсуждаются предложения по сворачиванию процессов развития во всем восточном регионе. Мы не будем втягиваться в дискуссию о реализации многих сибирских проектов развития отраслей, скажем лишь, что их эффективность нужно аккуратно и скрупулезно обсчитывать, особенно внешнеторговых. В способах расчета много уловок, например, результаты очень сильно зависят от многих посылок: в каких ценах считать (Краснодарского края, Томской области, севера Восточной Сибири), учтены ли в издержках прошлые затраты геологоразведочных работ, учтены ли бюджетные затраты на поддержку населения и инфрастуктуру, какие применяются системы налогообложения и т.д. Например, не используются цены, учитывающие регионально дифференцированные федеральные налоги, изымающие часть территориальной ренты в южных и западных районах, выравнивающие условия производственной деятельности. Данные цены не только более верно отражают экономическую оценку названных проектов и влияние на нее производственных факторов, но и ближе соответствуют рыночным принципам организации экономики. Именно в этих ценах должно проводиться сравнение с аналогичными проектами других районов, т.к. цена покупателя на межрегиональных рынках формируется одинаковой (с точностью лишь до торгово-транспортных издержек). Кроме того, если уж проекты настолько дороги по условиям нашей северной страны, то почему они должны быть обязательно ориентированы на экспорт да еще по бросовым ценам китайского рынка, на зависимость сырьевой специализации экономики от колебаний конъюнктуры нестабильного мирового рынка, на зависимость цен энергоресурсов от событий в Ираке и т.д.

Важно также и следующее. В территориальной политике решения не всегда принимались по экономическим критериям. Если бы не было закрепленных восточных земель и Транссиба, не было бы крестьян, переселившихся из Украины, Белоруссии и других европейских районов Российской империи, пострадавших от многолетней засухи, освоивших новые сельскохозяйственные территории и обеспечивших здесь рост численности населения; не было бы созданных на этих восточных территориях в 30-е годы индустриальных баз, то не куда было бы уходить беженцам из европейской части во время последней войны, не было бы баз производства военной продукции, что в совокупности являлось составляющими обеспечения победы в войне. Или, если бы не были освоены северные тюменские месторождения, то СССР была бы менее великой промышленной державой. То, что создавалось, было конечно экономически очень дорого, но оказалось оправданным с точки зрения будущих событий.

Можно понять молодежь, которая уезжает в европейскую часть и за границу[6] – экономическая часть благосостояния имеет для них большее значение. Взрослые люди более

[5] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. - М.: Tacis, Государственный университет. Высшая школа экономики, 2000.

[6] По результатам последней переписи мы третья страна по внешней миграции после США и Германии.

осторожны, т.к. их список стандартов, составляющих благосостояние, шире, и они лучше осознают, что приобретают и что теряют. И самое главное в оценках опытного поколения больший вес имеет социальная сторона развития. Странно слышать сибирякам от южан: «а что вы тут живете? – здесь же холодно! », как и южанам от северян: «да тут же жарко и все время хочется воды!» Жить там, где ты родился и вырос – великое благо и важная компонента благосостояния. С этих позиций исторического очага все заселенные районы равны, но естественно не равноценны по условиям жизни.

Возвращаясь к реально действующей экономной стратегии развития восточных районов, едва ли является смелым сделать следующее предположение о последствиях такой политики – при дальнейшем сокращении численности населения вся восточная зона рискует оказаться пустующей провинцией, разрушенной «без выстрела». Да, сибиряки могут выехать на земли подмосковных субъектов Федерации и другие районы европейской части, что спасет Москву и другие крупные города России. Но нет никакой гарантии, что в последующем не произойдет то же самое с территорией нового Подмосковья и прилегающими к городам районами. Но Москва - не вся Россия – не слишком ли большая будет жертва.

Какие здесь возможны пути выхода?

В последнее время довольно часто в СМИ обсуждается, вероятно, для проверки мнения общественности, идея решения демографической ситуации с помощью легализации иммиграции, в частности, из Китая.[7] Все-таки хочется уточнить: для решения какой задачи? Для экономической – видимо, да! Можно, наверное, с их помощью очень дешево и быстро увеличить общие доходы граждан и даже темпы роста численности, но уже не нашего населения. Очевидно, что это не решение приоритетной социальной задачи – стабилизации собственного, а не демографического потенциала вообще. Как отмечают многие исследователи (Соболева С.В. и др.) при юго-восточной иммиграции возникает острая проблема этнокультурной безопасности России.

Наши внутренние социальные проблемы не могут решаться иностранцами, так как с их помощью решаются лишь экономические задачи и преследуются свои неэкономические цели, усугубляя наши социальные. Мы очень доверчивы и наивны с Китаем, обладающим давним опытом сохранения государственности, тонкой территориальной экспансии, традициями эффективной торговли и выживаемости в тяжелых условиях. Надо понимать, идет жесткая борьба за выживание 1,5 миллиардного населения нашего ближайшего соседа, которому не хватает территории и природных ресурсов. В эту мирную войну Китай может на много лет «выплеснуть» за свои пределы 100-200 млн. человек, готовых нелегально работать дольше и за мизерную заработную плату, с проживанием в неприспособленных антисанитарных условиях, с нарушениями законодательства об охране труда и т.п. За последние 12-15 лет численность китайцев в России увеличилась в 20 раз (Соболева С.В., там же и др.). Этот рост существенно выше, чем в любой другой стране. У китайцев часто и нет другого выхода, как быть готовыми даже погибнуть ради закрепления нового пространства жизни, разоряя конкурирующие с ними предприятия других стран. Эмигранты занимают рабочие места, представляя для наших предпринимателей более выгодную рабочую силу, по сравнению с местными, и постепенно вполне легально вытесняют исконное население стран, куда они прибыли пока временно (новый вариант Косово). Все это проходит без последствий для китайского этноса - демографическая база этого народа более крепкая, чем нашего. По мнению А. Кисельникова[8], «если государство активно не вмешается в ближайшее время в демографическую ситуацию в Сибири, мы ее потеряем сначала – де-факто, потом – де-юре. В соседней провинции Хейлунцзян плотность населения в 6 раз больше, чем в Приморье, на Юге Дальнего Востока живет 5 млн. человек, а в трех соседних провинциях Китая[9] – 109. Это «демографический котел», который в любой момент может дать течь и … для избежания социальных катастроф ООН заставит нашу страну просто открыть границы».

Отмеченная этническая угроза не преувеличение. Если вспомнить последний чемпионат мира по футболу, многие европейские команды имеют «турецкое и арабо-африканское лицо». Нас это ждет! Пока мы говорим о своей безопасности, во многих странах она уже реальность. В Великобритании выходцы из Индии и Пакистана являются по статистике наиболее преуспевающей и социально жизненно способной этнической прослойкой, доля врачей-азиатов вдвое больше, чем среди коренных англичан. В целом жизненный уровень индийцев и пакистанцев на 15% выше, чем в

[7] Э.Сагалаев «Гайдар как мозговой центр (Советская Сибирь, 23 января 2003 г., - с.6).
[8] Н.Анютин Перепись проблем. (ж.: Эксперт – Сибирь, №4 (4), 21 июля 2003 г.)
[9] С.Лузянин. Российско-китайское взаимодействие в XXI веке. //Мировоая экономика и международные отношения, №5, 2005.

среднем по стране. В США в Силиконовой долине (Калифорния) работает около 300 тыс. индийцев, среди которых 5 тыс. - миллионеры.[10]

Нужно сказать, что мы другая страна. Россия в последние сотни лет формировалась не как страна эмигрантов, а была образована народами, исторически долго проживающими на данной территории. Это определило как их общность, духовные ценности, так и своеобразие обычаев и контрастность культур, которые являются потребностью населения. Несмотря на многообразие наших этносов мы более мононациональны, чем США и современная Европа. На территории России живет 186 национальностей и мы, видимо, имеем право на сохранение нашего «своеобразного многообразия».

Безусловно, в создавшейся ситуации должна быть выработана новая государственная восточная политика. Представление, будто бы рынок сам расставит все на свои места, привело только к обострению социально-демографических проблем. Так уж устроен данный механизм, что жесткие условия рынка ставят на первое место экономический принцип в виде роста дохода и лишь на второе – социальный. Поэтому лишь государственные меры в настоящее время могут быть на страже социальных сторон уровня жизни.

Мы не будем рассматривать многочисленные предложения по хозяйственному развитию Сибири и Дальнего Востока, изложенные в программах развития районов. Они охватывают широкий спектр комплексных вопросов создания рабочих мест, технологической политики, экономящей труд, продолжение создания инфраструктуры телекоммуникаций, позволяющей работать в любом поселке, дистанционно удаленного от работодателей и потребителей, не чувствуя себя оторванными от современной цивилизации. Кроме того, в них представлены предложения по стимулированию импортозамещения в восточных районах, самостоятельной экспортно ориентированной политики на географически близкие страны АТР, учитывающей определенную периферийность востока по отношению к европейскому ядру (смягчающей в перспективе опасность закрепления за сибирскими районами функций сырьевого придатка), использованию транспортных коридоров «Европа – Азия» для транзитных грузов, разумных и только взаимовыгодных отношений с Китаем и т.д.

При крайнем неблагоприятном сценарии развития, когда не смогут быть остановлены отмеченные процессы сокращения веса восточных районов в численности и экономике, государственные местные и федеральные органы должны иметь «в запасе» решения и на этот случай. Мы же рискнем сделать дополнительное предложение по одному из особых сложнейших социальных направлений государственной политики в контексте упомянутых негативных сторон демографии, а именно, как формировать в восточных районах базу улучшения демографической ситуации. Как отмечалось, большие семьи сейчас имеют либо очень богатые, либо бедные. В ближайшие десятилетия основная часть нашего восточного населения не перейдет в категорию богатых. Так как население Сибири и Дальнего Востока достаточно неприхотливо - для реализации названной цели необходимы лишь небольшие средства, - в Сибири проводить такую политику будет дешевле. Меньшие средства на закрепление молодых семей можно найти, если уж нет средств на создание здесь рабочих мест. Существующие методы социальной политики, к сожалению, не срабатывают и при продолжении их использования демографические тенденции не улучшатся.

Можно назвать эффективные наработки, использованные в Новосибирской, Омской и других районах сельской местности. Они охватывают не только решения организационного характера, когда руководителем доплачивается из бюджета, если они переходят в отсталое хозяйство, но и социального, когда молодые семьи получают не прямую безвозмездную денежную помощь, а косвенную - в виде материального кредита (готового дома, техники, земли). Кроме того, оплачивается получение специальности, если выпускники выбрали работу на селе или просто здесь остались семьей. Появился ребенок - списывается кредитный долг за четверть дома, второй - половины дома. Конечно, часть выросших детей все равно уедет, но, если население в данном пункте будет расти, миграция не нанесет ущерба существованию этноса данной территории, какой он наносится сейчас. Китай, Индия, Пакистан, имея прочные тылы, могут позволить себе, чтобы часть населения выезжала в другие страны.

Особое внимание должно быть обращено на малые поселки и деревни потенциальные к затуханию, где нет и не предвидится в ближайшей перспективе рабочих мест товарного производства[11]. Любая предпринимательская деятельность здесь должна быть освобождена от всех

[10] Симонян Р., Кочегарова Т. Новые варяги (ж.: Вопросы экономики, №2, 2003)

[11] По сообщению зампреда по аграрной политике обладминистрации Новосибирской области Гойденко В.Т. 375 населенных пунктов сельской территории области на грани исчезновения (30 марта 2005 г, «Радио Новосибирск»).

налогов. Именно в этих районах дети не избалованы и не изнежены комфортом[12]. Жесткие условия выживания, трудовое воспитание, навыки самостоятельной жизни, так как фактически с малых лет в труде, в тайге, на огороде с нелегкими заботами крестьянского хозяйства определяют естественные условия «трудовых коммун Макаренко». Молодежь, выросшая здесь, больше ориентирована не на ценности потребления, больше свойственные городским, а на самореализацию и продуктивный труд, которому знает цену. Кроме того, сельская молодежь и более адаптивна к изменяющимся условиям, самовыживаема и склонна к работе в нелегких условиях современного предпринимательства. Они не «потеряются» и в новых для себя условиях и реализуют во многом свои цели, если им вдруг придется выехать с родных мест. Поэтому, удачными, на наш взгляд, являются также находки по созданию семейных домов, передача детей из детских домов именно в семьи сельской местности, где по образу жизни сохранено трудовое воспитание. Кроме того, периферийная и деревенская ориентация социальной политики более дешевая, так как население там самозанято в ЛПХ. Кроме того, как и в случае семейных домов, где приемные дети находятся под защитой государства, последнее сохраняло бы опеку над молодыми семьями, попавшими в сферу вышеназванной социальной политики. Такой опыт в нашей стране был. Проводилась же эффективная государственная политика во времена строительства Транссиба: семьи, прибывающие на поселение в восточные районы, имели долговременные льготы по аренде земли, на каждого нового члена семьи давалась дополнительная земля, а юноши освобождались от армии и т.п.

Важнейшая роль в данной стратегии должна отводится учету свойства многофункциональности периферийного сельского хозяйства. Оно охватывает сферы от производства продуктов питания до сфер сохранения окружающей среды, национальных, духовных и социальных ценностей, сохранение прежнего народного уклада, передача их следующим поколениям. Кроме того, на данных территориях сохраняются пока действующие источники народонаселения. В этом жизнеобразующая роль отрасли. Указанные стороны являются непродовольственными функциями сельского хозяйства, не имеют денежной оценки и исторически связаны с отраслью. На это не нужно жалеть средств даже путем ограничения продовольственного импорта, на который тратятся многомиллиардные валютные суммы нелегких нефтедолларов, и парализовавшего наше сельское хозяйство в 90-е годы. (В 2001 году импорт продовольствия составил больше 9 млрд. долл. Импорт мяса птицы в новой России устойчиво во многие годы превышал и превышает даже в последние годы собственное производство[13].) Давно настало время недекларативного государственного внимания народонаселению и основным державообразующим нациям (русским, украинцам, татарам и другим), аналогичного, по крайней мере такого, какое оказывается малочисленным народам Севера и Дальнего Востока. Однако положение здесь более сложное, т.к. защитить главные державообразующие этносы, в отличие от малых народов, некому, только лишь как самим себя. Поэтому должна быть выработана и особая национально-региональная государственная политика по предотвращению потенциального исчезновения указанных этносов, сохранению их деревенских корней, как доноров городов и российской Европы. Особое место в этой политике должно быть отведено молодежи. Сохранятся они, крепко стоящие на ногах, то найдутся и в будущем отчисления с их доходов на средства для инвалидов, пособия больным, бомжам и малым народам, национальная принадлежность которых, надеемся, будет сохранена, несмотря на документальное обезличивание. Эффективность данной политики и в сохранении богатых красок природного разнообразия, характерных для народов, исторически населяющих нашу страну.

Как говорят, механизм коллективного самоуничтожения запущен давно, но его еще можно затормозить. Должна быть осуществлена серьезная государственная культурная и, возможно, религиозная интервенция (вернуть потомкам, покинувшим страну, утерянные земли), пока она в этом отношении действенна, ориентированная на достижение отмеченных целей. Еще Ломоносов говорил: «полагаю самым главным делом сохранение и размножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». Иметь большие семьи в Сибири и на Востоке должно быть более престижно, быть наивысшим стандартом жизни, и этот нелегкий, нужный труд должен быть хорошо оплачиваемым по результату, особенно в районах с тяжелым демографическим положением. (Видимо, опекаемые государством молодые семьи должны заключать с ним договор взаимной ответственности.) Отсутствие образования городского уровня не должно быть трагедией для молодых людей. Создать семью и вырастить здоровых детей – это достойное и уважаемое место в жизни. Пропаганда наших СМИ на данные задачи, к сожалению, не ориентирована

[12] В Новосибирской области, в Купинском районе, откуда родом знаменитый олимпийский спортсмен, в 120 км от районного центра есть деревня, где никогда не было электричества, но демографических проблем там нет.
[13] Гумеров Р. Как «реализуются» провозглашенные приоритеты аграрной политики (Российский экономический журнал, 9-10, 2003 г.)

Родоман Б.Б.

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ - ОКОЛЬЦОВАННЫЕ РЕГИОНЫ

Среди так называемых субъектов Российской Федерации резко выделяются две пары административно-территориальных образований: Москва и Московская область, С.-Петербург и Ленинградская область. Все остальные регионы выделены по мозаичному принципу, а эти четыре суть ядра и периферийные зоны двух составных районов, зональных и мозаичных в разной степени. Из них первый, Московский столичный регион, сам служит ядром страны и является одной из ее концентрических зон, в свою очередь подразделяясь на подзоны; Московская область вся может считаться большой пригородной зоной столицы, здесь сельская местность субурбанизирована почти полностью. У Петербурга пригородная зона занимает меньшую часть Ленинградской области, которая, к тому же, не образует на суше полного круга, а расчленена заливом и озером на два сектора. Московский столичный и Петербургский квази- или полустоличный регионы не аналогичны, их право иметь такое своеобразное АТД не может считаться одинаковым.

Для Москвы характерно чрезвычайное развитие всякого рода концентрических образований, линейных и широкополосчатых, довольно близких по форме к правильному кругу. Это кольцевые бульвары, улицы, дороги, привязанные к ним административные границы и зоны между ними; так что Москва и Подмосковье с полным основанием могут называться *окольцованными* регионами.

В этой статье рассматриваются некоторые новые направления территориального развития, связанные с АТД и транспортной сетью. Настоящая публикация – продолжение темы «Факторы развития Московской области» (доклад в Смоленске в 1999 г.) /1/. Свежие наблюдения и обобщения сопоставлены с концепциями, теперь уже не распыленными по множеству статей, а собранными в двух моих книгах /2, 3/, вышедших после той Смоленской сессии.

Радиально-концентрическая структура Москвы давно уже разрослась и выплеснулась за пределы нашего города. За Бульварным и Садовым кольцами и Камер-Коллежским валом последовали: Малая Окружная ж.д., МКАД, две бетонки; затем недавно построенное Третье транспортное кольцо и строящееся Четвертое (за что Ю.М.Лужкова назвали Властелином Колец); черты паутины приобрела в первой половине XX в. и железнодорожная сеть (вплоть до Ржева и Вязьмы).

Кольцевые элементы возникли в качестве оборонительных и таможенных валов и стен, на их месте впоследствии протянулись ряды садов и огородов, бульвары и улицы. На мой взгляд, радиально-концентрическая сеть для современной Московской агломерации не оптимальна, ее продолжение на периферию Москвы и Подмосковья – проявление *примитивной инерции мышления* (см. /2/, гл. 11). Но в этой архаичной планировке есть и экологические (природоохранные) преимущества (как меньшее зло). Зная приверженность наших «властелинов» к кольцам, мы можем робко надеяться на сохранение хотя бы в ближайшие годы некоторых крупных лесных массивов, которым угрожают новые шоссе-дублеры, но не диагональные и хордовые автодороги.

Устойчивость и значимость того или иного кольца зависит от близости его к идеальной круглой форме и от того, насколько оно заметно проезжающим начальникам. Москвичи несомненно зачарованы Садовым кольцом, оно не дает покоя властям, притягивает наибольшее количество прожектов; оно и пало первой жертвой «репрессий» 1930-х годов (полное уничтожение зелени и всех серединных зданий, в том числе Сухаревой башни).

Садовое кольцо по известности и значению почти догнала реконструированная МКАД. Напротив, утратило специфические функции, стало незаметным и почти забыто неправильное по форме «кольцо застав» на месте Камер-Коллежского вала (до 1917 г. – граница Москвы), его *гранично-ориентирную* роль наследует Третье транспортное кольцо. Еще менее заметны в наши дни железнодорожные кольца, особенно Второе (Большое); оно и физически отмирает, на нем кое-где разобран второй путь, упразднено несколько станций.

Будучи заметным ориентиром, правильное кольцо легко становится административной границей, на первых порах – хотя бы узко ведомственной. Так, если решено не допускать внутрь какого-то кольца улиц и дорог автомобили определенной категории, то значит установлен административный район в пределах компетенции ГИБДД.

К кольцевым элементам территориальной структуры Подмосковья можно отнести и многие отрезки границ внутриобластных административных районов, которые, сохраняя свою мозаичность, могут быть сгруппированы и по концентрическим зонам удаленности от Москвы. Конфигурация большинства этих районов не вызывает возражений, поскольку близка к теоретическому прототипу – *зонно-секторной трапеции* (см. /2/, 132 – 134), но есть исключения; наименее удобным кажется

Мытищинский район. Интересны противоположные процессы укрепления и размывания барьерных функций кольцевых границ и дорог. (До сих пор свойства границ изучались главным образом на примерах мозаичных районов, а не концентрических зон).

Рост Москвы за счет области продолжится или прекратится? Речь идет не о физическом росте фактической агломерации, а об административных решениях: расширять ли Москву, управляемую мэром, за счет области, управляемой губернатором? Ведь можно пойти и по *парижскому пути*, т.е. больше не присоединять к столице окружающие поселения, лишь бы это не мешало их транспортному и социальному обслуживанию. Но будет ли это хорошо в специфических российских условиях?

До 1917 г. Москва росла за счет соседних сел; ближайшие другие города были далеко. После 1917 г., но особенно после 1959, наша столица начала поглощать соседние города, сделанные при советской власти из рабочих поселков. Но когда в 80-х годах в очередь на присоединение к Москве с надеждой встали такие города, как Химки, Мытищи, Люберцы, произошло неожиданное – *обходной захват* Москвой территорий за МКАД. Чтобы сохранить всю мощь строительных организаций, привыкших работать на «пустом» месте, хозяевам Москвы было выгодно не связываться со старыми городами, а возводить за счет полей и рощ новые многоэтажные кварталы типовых домов.

С тех пор наблюдается раздвоение *урбоцентрической розетки* (см. /2/, с. 91 – 92). *Старая, большая* розетка, нанизанная на радиальные полимагистрали, начала было приходить в упадок, но оживилась благодаря приватизации. Здесь стало выгодно располагать склады возле автомагистралей, а элитные жилые дома – недалеко от железнодорожных станций (в Одинцово, Красногорске, Пушкино и других городах). Шоссе-дублеры стали стеблями для гроздьев элитных коттеджных поселков (например, Новорижское шоссе, которое хочется назвать *Нуворишским*). Развитию этой сравнительно процветающей (особенно к западу и к северу от столицы) части Московской агломерации мешает *экономически лишнее местное население*, доживающее в трущобах. Его вытесняют, в частности, путем поджогов деревянных домов, которые, в отличие от центра Москвы, не считаются памятниками архитектуры. *Новая, малая* урбоцентрическая розетка растет благодаря новым территориям Москвы (за МКАД), которые пока еще имеют существенные инфраструктурные недостатки.

Из-за административной разобщенности Москвы и Московской области усиливаются некоторые признаки их *изолированного развития*. Изоляция преодолевается личными легковыми автомобилями; за ними следуют автолайны и, с заметным отставанием, социальные рейсовые автобусы. Троллейбус и трамвай в этом процессе не участвуют. Своими троллейбусными линиями обзавелись уже три города, примыкающие к Москве – Химки, Подольск и Видное, однако связи с московским троллейбусом они не имеют; сегодняшнее административное устройство страны такой ситуации не допускает. Метрополитен наиболее консервативен; несмотря на давние обещания провести метро, например, в Мытищи и в аэропорты, оно по-прежнему развивается так, как будто Москва – остров, окруженный не селитьбой, а безлюдной местностью (см. /2/, с. 157 – 164).

Интенсивный рост Москвы (уплотнение застройки, увеличение этажности) до некоторой степени замедляет ее наступление на область, но увеличивает нагрузку на городские природные комплексы. Не следует забывать, что самые ценные лесные массивы всего Московского региона находятся в черте Москвы; никакой замены им в Подмосковье не будет. Сегодняшний бум строительства небоскребов между третьим и четвертым автодорожными кольцами (или, по старому счету, между бывшим Камер-Коллежским валом и Малой Окружной ж.д.) чреват новыми транспортными и экологическими проблемами.

Трансформация сельского расселения, т.е. превращение его в сеть дачно-коттеджных поселков для горожан, отмечается на следующих направлениях: 1) на основе *традиционной деревни* а) замещение деревянных изб новыми нетрадиционными домами, б) продолжение рядами новых домов имеющихся сельских улиц, в) выстраивание новых рядов и кварталов домов вплотную вокруг старой деревни (с перекрытием, застройкой переулков, проездов, полевых дорог и троп); 2) на основе советских *садово-дачных* поселков, отводившихся горожанам на землях, не удобных и не нужных прежнему сельскому и лесному хозяйству, - путем замещения старых дощатых домиков новыми коттеджами, которые, располагаясь вперемежку с бедными жилищами, порождают социальные контрасты; 3) на *«пустых» местах*, т.е. на полях, прежде распахивавшихся и считавшихся ценными для сельского хозяйства, а теперь проданных горожанам и застраиваемых целыми массивами сравнительно элитных коттеджных поселков, окруженных глухими заборами и стенами.

Наблюдается *ландшафтная инверсия* и *высотная поляризация* загородного расселения из-за появления дачно-коттеджных поселков на таких местах, которые до середины XX в. жильем не

застраивались. На Московской возвышенности, где села располагались на моренных холмах, новые дачные поселки нередко размещаются в низинах. На Москворецко-Окской равнине, где традиционные поселения буквально прятались в долинах малых рек и ручьев, всегда обогащенных прудами, новые поселки располагаются на плакорах. В обеих физикогеографических провинциях это приводит к загрязнению и обезображиванию местности.

На Мещерской низменности, не престижной для элитарного расселения, прежние деревни, довольно крупные, остаются на песчаных «островах», а на местах осушенных торфяников и песчаных карьеров ютятся садовые участки небогатых москвичей и местных, областных горожан. Здесь в наибольшей мере сохраняются традиционные села (главным образом придорожные, со сплошными улицами на шоссе), но старые дома в них заменяются новыми, построенными теми же местными жителями или их потомками, с соблюдением некоторых народно-архитектурных традиций.

Переориентация межселенных связей. До середины XX в. из каждой деревни шли три-четыре проселочные дороги в соседние села. Сегодня каждое поселение опускает перпендикуляр на ближайшую мимоидущую автодорогу для выхода к Москве. Между соседними поселениями, в которых обитают главным образом дачники, всякие связи обрываются (см. /3/, с. 315 – 316). С вымиранием последних сельских пенсионеров ослабляются и связи сел с районными центрами; все больше объектов оказываются им не подвластными.

Переориентацией связей объясняется и *распад поселений* на Москворецко-Окской равнине и на Среднерусской возвышенности (в Заочье), зависящий от *ритма ландшафта* (см. /3/, с. 120 – 121) и от *разности высот рельефа*. Везде в южном секторе Московской области господствует прибалочное расселение, так что села там и раньше были очень разреженными, почти что делились на хутора. В наши дни прекращается за ненадобностью регулярная езда с одного берега на другой, разрушаются мосты; теперь каждая половина села сама торит себе дорогу к ближайшему асфальту. На Среднерусской возвышенности, где холмы и долины шире, такой распад населенных мест еще сильнее; правобережная и левобережная части деревни иногда теряют одна другую из виду; у них и магазины свои, и автолавки подъезжают с разных сторон.

С исчезновением местного населения, прописанного в деревне, ослабевает посредническая роль районных центров и в транспортных связях со столицей. Всё большее число значительных поселков получает прямую связь автолайнами и коммерческими автобусами непосредственно с Москвой, т.е. с ближайшей станцией метро, без захода в райцентр, а стало быть, и без пересадки на электричку. Сфера преобладающего влияния остановочных пунктов (платформ) электропоездов сокращается. Железная дорога сама позволяет удушать себя автотранспортом, ничего не делая для повышения своей конкурентоспособности. Недавно введенные пригородные электрички-экспрессы с затемненными окнами ходят пустыми. Длительные перерывы в движении поездов, высоко расположенные и длинные пешеходные мосты над путями со ступеньками без пандусов для сумок-тележек также отталкивают часть пассажиров, что в конечном итоге оборачивается увеличением пробок на автодорогах.

Вместе с тем, социальный (со льготами) муниципальный автобус по-прежнему строго привязан к районным центрам, а кое-где эта его особенность за последние 15 лет даже усилилась. Так, вместо того, чтобы доставлять заполнивших деревню москвичей к ближайшей остановке электрички, их везут более длинным путем к железнодорожному вокзалу своего райцентра, где в пиковые дни и часы скапливается огромное количество автотранспорта, строятся новые автовокзалы и перроны. Но эта унаследованная от советского времени *инерция концентрации* понемногу преодолевается и размывается частным коммерческим автотранспортом.

Муниципальные автобусные маршруты, как правило, заканчиваются тупиками, не доходя до границы района, но со временем приближаются к ней по мере мощения дорог. Есть уже немало мест, где автобус заходит на очень короткое расстояние в соседний район и там стыкуется с его маршрутами. Случаи захода местных (социальных) автобусов в соседнюю область пока редки, но уже становятся правилом, однако места остановок обычно разобщены. Два разных «субъекта федерации» в принципе не могут соорудить один общий павильон для остановки автобуса. Число междугородных (безльготных) автобусов, связывающих соседние райцентры Московской области, возрастает, но до появления сплошной равномерной сетки автобусных маршрутов, покрывающих всю область, еще далеко, а может быть она и никогда не возникнет, не выдержав конкуренции с легковыми автомобилями. Всё же говорить о повсеместном отмирании общественного транспорта пока, по-видимому, рано, хотя отдельные симптомы замечены.

«Неперспективные» сельские поселения, исчезнувшие в позднесоветское время на окраинах административных районов главным образом из-за плохой транспортной доступности, оставались в памяти людей и на топографической карте как одноименные урочища. Долгое время поля там по-прежнему обрабатывались колхозами, но в 90-х годах были окончательно заброшены. Сегодня дачные поселки горожан добрались и до этих «пустошей». Поскольку они изначально были доступны лишь дачникам с автомобилями, то пешеходы с тележками туда от автобусных остановок не ходят и потребность в общественном транспорте не возникает. *Вторичное освоение* сельских земель идет в рамках административных районов и к прорыву их границ автодорогами не приводит. Вдоль границ районов сохраняются стихийно возникшие *зеленые изгороди* из труднопроходимых лесов и заросших бурьяном полей – очаги возрождения природных биогеоценозов.

Одичание ландшафта, т.е. зарастание пашни и лугов, возвращение дикой флоры и фауны, происходит в двух вариантах – *периферийном* и *пригородном*. На окраине области, путем зарастания заброшенных сельскохозяйственных угодий, удаленных от поселений, формируются высокотравные древесно-кустарниковые заросли, которые я и мои коллеги после экскурсии по Смоленской области в 1999 г. назвали «русской *саванной*» /4/ (на статус научного термина не претендуем). Еще каких-нибудь пять-десять лет назад «саванна» встречала нас за Волоколамском, а сегодня она мелькает кое-где и в 70 *км* от центра Москвы. Повсеместно вблизи столицы и подмосковных городов, на основе заброшенных полей, лугов, огородов, пустырей, руин возникают своеобразные травянисто-кустарниковые «*джунгли*» - густые заросли с участием крапивы или борщевика выше человеческого роста. На Среднерусской возвышенности полезащитные лесополосы и прибалочные леса самосевом захватывают прилегающие поля, а на плакорах восстанавливается нечто вроде *степи*.
(Для превращения залежи в настоящую степь необходим ряд сукцессий с участием диких копытных, которые сами, без искусственной интродукции и акклиматизации, не появятся).

Автомобиль – *рассеивающий* вид транспорта по сравнению с железной дорогой, но *концентрирующий* по сравнению с пешей ходьбой. Автомобилизация способствует расплыванию городов и субурбий наподобие масляного или нефтяного пятна, блокирует и дробит природный ландшафт – это общемировая тенденция, проявляющаяся на уровне всей Московской агломерации. Однако в масштабе отдельных сельских поселений и кварталов автомобиль собирает людей на земельных участках домохозяйств и на асфальте улиц и дорог, но отвлекает от полей и лесов, отучает от пешей ходьбы, и в этом уже просматривается новейшая *российская специфика* пригородного землеприродопользования: рядом с благоустроенным коттеджным двором располагается заброшенный, захламленный, непроходимый, заросший, грязный пустырь.

Контакт российских автомобилистов с природой своеобразен и очень ограничен. В Подмосковье все пикнично-туристские стоянки на берегах плавательно-купальных водоемов всё лето заняты автомобилями и палатками; это *моторизованный стационарный туризм*; «охоты к перемене мест» у таких «туристов» нет никакой. В стороне от воды леса посещаются крайне выборочно и главным образом в грибной сезон. Остальное пространство (отнюдь не малая площадь) практически не интересует дачников. Исчезают тропинки вдоль рек, даже вдоль верхней Москвы-реки. На ручьях множатся бобровые плотины.

При отмирании «большого» сельского хозяйства автомобилизация усиливает *отчуждение людей от внешнего ландшафта*. Недаром ландшафтом у массового потребителя называется внутреннее пространство между домом и окружающим забором, обустраиваемое дизайнером. Окружающая ландшафтная среда мелких землевладельцев не интересует, она ими усердно разрушается и загрязняется (в том числе самими коттеджами, которые с эстетической точки зрения являются крупным мусором).

Московская область отличается от соседних областей Нечерноземья не только лесистостью, но и высоким бонитетом лесов. В XУ111 – X1X в. охотничьи интересы помещиков, поддержанные правительством, не пустили в Подмосковье топливоемкую промышленность; тем самым сберегли леса для советских военных объектов и госдач. Теперь от утилитарных предпринимательских интересов не защищены даже городские леса и парки, не говоря уже о пригородных. Подмосковье сделалось выгодным местом промышленных лесоразработок. Преобладает выборочная рубка, но не осторожная ручная, а варварская механическая, когда для добычи одного нужного дерева уничтожаются подъезжающими машинами десятки ненужных; после «снятия сливок» участок забрасывается.

Недавние лесосеки непроходимы и опасны для людей не только потому, что они завалены гниющими стволами и ветками, заросли частым молодняком; машины изуродовали микрорельеф колеями и рытвинами; здесь можно подвернуть и сломать ногу, угодить в яму и остаться в ней

навсегда. Но все эти вырубки, а также вышеупомянутые «саванны», «джунгли» и «степи», столь же трудно проходимые, становятся прекрасными *местообитаниями диких животных*. Сегодня леса на границах области и ее районов похожи на сплошное *тырло* – скотское топталище, испещренное следами диких кабанов, которые в понижениях просек устраивают себе грязевые ванны. Там то и дело попадаются охотничьи вышки. Расстрел приманенных кормушками зверей, называемый охотой, - вполне адекватный вид досуга для тех, у кого насилие и убийство является профессией. А в эту категорию попадают не только люди в погонах, но и часть гражданской «бизнес-элиты».

Такое большое количество миллионеров и миллиардеров, прописанных в западной половине Москвы, не может не влиять на соответствующий сектор Подмосковья. Я полагаю, что почти вся незастроенная территория Московской возвышенности, вслед за Верхневолжской низменностью, включенной в «госкомплекс Завидово», вскоре станет сплошным охотничьим угодьем. Если Москва, как объясняет нам ее руководство, предназначена для богатых, то им и Подмосковье необходимо для отдыха и забав. Подавляющее большинство видов игр и спорта так или иначе сконцентрировано в пространстве, привязано к своим специфическим объектам, требует оборудованных помещений и площадок. Одна лишь охота может стать *сплошным, равномерным видом землеприродопользования*, пришедшим на смену ненужному крупнопольному сельскому хозяйству.

Эволюция подмосковного культурного ландшафта есть сложное сочетание саморазвития с произволом власти, отчасти в это же саморазвитие включенным. Чтобы понять, объяснить, предсказать действия хозяев, надо уподобиться авгурам-политологам или, что ближе к науке, применять методы *этологии*. Замечательным знатоком и любителем советских чиновников был экономикогеограф О.А.Кибальчич; *начальствоведение*, уверял он, для экономической географии очень даже полезно…

Литература:

1. Родоман Б.Б. Факторы развития Московской области // Новые факторы регионального развития. М.: ИГРАН, 1999, с. 169 – 175.
2. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999, 256 с.
3. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. – Смоленск: Ойкумена, 2002, 336 с.
4. Родоман Б.Б., Каганский В.Л. Русская саванна // «География» (еженедельник), 2004, № 5 (732), 1 – 7 февраля, с. 3 – 11.

Аносов А.В.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «ЦЕНТРА» И «РЕГИОНА» НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Понятия «центр» и «регионы» активно используются в современной политической и экономической географии. Сложившаяся в течение 1990-х годов в российском экономическом пространстве устойчивая оппозиция Центр—регионы является частным случаем более общей оппозиции центр—периферия [1]. Изучением проблемы отношений между центром и регионами занимались такие известные ученые географы, как О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш и многие другие. Система «центр-регионы» не является полностью идентичной системе «центр-периферия». Общее у этих двух систем - в структурной роли, выполняемой центром и периферией и, соответственно, центром и регионами. По мнению известного географа Н. Ю. Замятиной, центр системы «центр-периферия» является территориальным образованием - участком территории, выполняющим функции центра; в отличие от периферии - участка территории, выполняющего функции периферии. В системе же «центр-регионы» центр является скорее надтерриториальным образованием (он не имеет специальной территории, если, конечно, не считать земельных участков, отданных под строения организаций федерального подчинения; Москва – отдельный регион) [3,с.98-99].

Стягивание в Москву финансовой деятельности обусловлено, таким образом, сложившейся в России контрастной центро-периферийной организацией общественной жизни. Противоположный столичному региону полюс составляет громадная по территории периферия при недостаточном количестве крупных городов, выполняющих функции субцентров.

В этой статье мы попытаемся проанализировать лишь некоторые аспекты обширной и весьма многогранной проблематики, каковой являются взаимоотношения в рамках системы «центр-регион», на ярком и показательном примере «Москва - Нижегородская область».

Одним из субцентров, о которых упоминалось несколько выше, играющих для Москвы далеко не второстепенную роль, является Нижегородский регион. Во многом это обусловлено исторически. Нижний Новгород являлся стержневым пунктом на востоке формирующегося государства, он был опорным пунктом при завоевании казанского ханства в 1529 году. Нижегородское ополчение под руководством К. Минина и Д. Пожарского в 1612 году определило новую миссию Нижегородского региона – «особые отношения с Москвой», освобождение столицы от польского нашествия. Важным витком взаимоотношений между Москвой и Нижегородской областью явилось создание в 1816 Нижегородской ярмарки, которая стала главным пунктом торговли, ее называли «карманом Москвы», обеспечивающим связь между Москвой и странами Востока, что благоприятствовало строительству первой на периферии России железной дороги Москва - Нижний Новгород в 1862 году.

Исключительно плодотворными остаются взаимоотношения между Москвой и Нижегородской областью и сегодня. В 1998 году между Москвой и Нижегородской областью было заключено соглашение о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Это соглашение предусматривает создание в столице сети торговых точек по розничной продаже изделий нижегородских народных художественных промыслов и проведение презентации салона-выставки "Нижегородские художественные промыслы". В настоящее время в Москве действует 6 торговых точек по продаже изделий художественных народных промыслов Нижегородской области. Кроме того, был подписан договор о сотрудничестве в сфере алмазообработки, а также меморандум о взаимопонимании по программе создания единой логической сети "Москва – Нижний Новгород".

Правительствами Нижегородской области и Москвы подписан совместный протокол в рамках развития соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве, действующим между этими субъектами Федерации с 2001 года. Подписанный протокол четко обозначает конкретные сферы взаимодействия и сотрудничества между Нижегородской областью и Москвой. Например, в сфере промышленности и строительства этот документ предусматривает привлечение финансовых средств московских инвестиционно-строительных компаний в жилищное строительство Нижегородской области, а также участие мощнейшей строительной индустрии столицы в строительстве объектов на территории Нижегородской области, в том числе низконапорной плотины через Волгу в районе пос. Большое Козино. Всего в документе детально прописано сотрудничество по 12 направлениям - от промышленности и строительства, сельского хозяйства и сельхозпереработки, торговой и выставочно-ярмарочной деятельности, обмена информацией, развития малого предпринимательства, культуры, туризма до охраны окружающей среды. Особую заинтересованность проявляет Москва к потенциалу нижегородских предприятий в области обеспечения безопасности. В протоколе отдельным пунктом прописано: "изучить возможности оборудования зданий и сооружений города Москвы системами противопожарной защиты производства саровского электромеханического завода "Авангард", а также возможность поставок антитеррористического оборудования, производимого тем же "Авангардом" и нижегородским КБ "Квазар" для установки на предприятиях и в учреждениях Москвы". Следовательно, даже Москве есть что позаимствовать у Нижегородского региона.

По информации пресс-службы областной администрации, товарооборот между Москвой и Нижегородской областью ежегодно увеличивается на 15-20%, и в 2004 году составил около 6 миллиардов рублей.

Утверждение, что Москве исключительно важно знать и контролировать политическую ситуацию в Нижегородском регионе, подтверждается рядом фактов. Например, в 1998 году во время отмены скандальных выборов мэра Нижнего Новгорода, победу на которых одержал А. Климентьев, именно Москва сыграла доминирующую роль в признании выборов недействительными. В то время как в Красноярском крае во время борьбы за пост губернатора А. Лебедя и А. Быкова, при похожем стечении обстоятельств Москва не стала вмешиваться. Не это ли показывает важность Нижегородской области для Москвы?

Другим примером тесных взаимосвязей между Москвой и Нижним является то, что столицей Приволжского федерального округа стал именно Нижний Новгород, а не Самара, Казань или Уфа, которые более развиты в экономическом плане. К тому же, если учесть тот факт, что границы ФО как правило совпадают с границами военных округов, то столицей ПФО должна была стать Самара. Как

нам представляется, выбор Нижнего Новгорода в качестве столицы Поволжья обусловлен именно тесным контактом между Москвой и Нижегородской областью.

Нижегородская область готовит высококлассные научные кадры, которые востребованы далеко за пределами региона, в том числе и в Москве. Многие нижегородские ученые, особенно связанные с фундаментальными науками, работают в Москве. Максимально востребованными в столице являются специалисты по атомной энергетике из Сарова. К сожалению, в последнее время взаимодействие между научными школами Москвы и Нижнего уменьшилось, что связано со сложным социально-экономическим положением во всей России. В Москве преподает 1% из тех, кто окончил вузы Нижнего Новгорода. Существует и обратная связь. Каждый десятый преподаватель Нижнего Новгорода получил первое высшее образование в Москве, 89% – в Нижнем Новгороде. Скорее всего, это объясняется близостью Нижнего Новгорода к Москве и тесным сотрудничеством между научными школами.

Особый интерес в системе взаимодействия Москва - Нижегородская область представляет приход в Нижегородский регион крупного капитала со стороны «Сибал» - на ГАЗ, «Сибур» - в нефтехимию, компании Кахи Бендукидзе – на «Красное Сормово», группы Михаила Фридмана «Альфа»– на Балахнинский целлюлозно-бумажный комбинат «Волга», что вызывает ряд опасений по поводу развития конкурентоспособности в регионе.

Правительству Нижегородской области необходимо создать условия, чтобы местные компании могли развиваться, так как немало средств, которые не осваиваются в области, уходит обратно в Москву. Московские компании перехватывают инициативу и «снимают сливки» за счет того, что заключают крупные контракты, имеют высокую норму прибыли и, соответственно, могут больше вкладывать в свое развитие. Например, в республиках Татарстан и Башкортостан все серьезные контракты получают местные компании, в результате чего быстрее развиваются и они сами.

Необходимо отметить, что все большее внедрение московского бизнеса происходит в строительство жилищного фонда Нижегородского региона. Одним из последних примеров этого процесса является подписание соглашения между администрацией Нижнего Новгорода и московской компанией "Квартстрой" на строительство жилого микрорайона в районе улиц Пушкина, Тимирязева, Оранжерейной. "Квартстрой" собирается построить новый жилой квартал площадью 150000 кв. м, а общий объем инвестиций составит около 2 миллиардов рублей. С одной стороны приток дополнительных инвестиций в регион необходим, однако, крупные московские компании вытесняют более слабые нижегородские, следовательно, имеет место отсутствие конкуренции в силу несопоставимости финансовых возможностей. Означенная тенденция прослеживается и в других отраслях экономики.

Несмотря на все вышеприведенные доводы, нам представляется, что опасения по поводу того, что Нижний может оказаться в «кармане» Москвы, представляющей собой гигантский финансово-экономический анклав, уже сосредоточивший мощнейшие организационные, финансовые и интеллектуальные ресурсы для того, чтобы отстаивать во всей России исключительно свои интересы, являются преждевременными.

В том, что столица развивается быстрее Нижегородской области, нет ничего удивительного - это естественный процесс. То, что в Москве происходит сегодня, в Нижегородском регионе реализуется примерно через 1,5-2 года. Подтверждением этого утверждения является хотя бы тот факт, что в настоящее время в Нижегородской области набирает мощные обороты такой вид услуг, как рынок готового бизнеса, что является новейшей тенденцией в бизнес-технологиях, в то время как в Москве данное направление уже полностью сформировано.

Отдельным вопросом, требующим особого внимания и детального изучения, является взаимодействие Москвы и Нижегородского региона в политической сфере. В этой системе прослеживаются два основных направления: центробежное и центростремительное. Согласно «теории радиусных городов» в центре теоретически воображаемого "бублика" находится Москва. Именно в столице как нигде сильно противостояние политических кланов. Именно здесь существуют годами складывавшиеся и, наконец, сложившиеся территориальные пристрастия, именно здесь напряженность велика как нигде. Налицо перенасыщение политиками на квадратный миллиметр бубличного центра. Поэтому многие московские политики и бизнесмены устремляются из центра в регионы — от Москвы в сопредельные субъекты Федерации в радиусе 500 километров, так как здесь политическое напряжение и насыщение политиками на душу населения спадает. Чрезмерная удаленность от Москвы также не может рассматриваться в качестве оптимального варианта, так как чем от столицы дальше, то есть за пределами этого теоретического радиуса, тем

сильнее действуют местные политические законы и избирательные предпочтения в пользу региональных лидеров. Следовательно, прослеживается четкая тенденция в уменьшении влияния Москвы с Запада на Восток. Таким образом, получается, что наиболее оптимальное место для московских политиков — это «бублик» с центром в Москве и краями диаметром в тысячу километров, пятьсот - в радиусе. Нижний Новгород как раз находится в пределах такого «бублика», предначертанного избирательной судьбой для столичной экспансии.

Присутствует московская делегация и в правительстве Нижегородской области. Прежде всего - это бывший первый заместитель губернатора, а ныне депутат Государственной Думы от Автозаводского избирательного округа Юрий Сентюрин и министр финансов областного правительства Вадим Соболев. Эти люди работают в регионе уже три года и обосновались прочно. Нам кажется, что эти политики понимают: взять Нижний можно только изнутри, осознав особенности и уникальность региона и его населения.

Ярким примером политического взаимодействия между Москвой и Нижегородской областью является назначение Президентом РФ В.В. Путиным губернатором Нижегородской области В.П. Шанцева, что обуславливает новый виток во взаимоотношениях между Москвой и Нижегородской областью.

Существует также обратное центростремительное движение — от региона к центру. Миграция известных нижегородских политиков и бизнесменов в Москву особенно была характерна в 1998 году, когда в структурах федеральной исполнительной власти присутствовала группа выходцев из Нижнего Новгорода (Б. Немцов, С. Кириенко, Б. Бревнов, С. Митин, А. Котюсов). Однако никто из вышеперечисленных нижегородцев не смог надолго задержаться в Москве, что по нашему мнению, скорее всего, связано со слишком высокой конкуренцией за «место под солнцем» в центре.

Особый интерес вызывают назначения на новые должности в 2005 году известных нижегородских бизнесменов, а именно Вадим Воробьев назначен на пост вице-президента компании «Лукойл», а Алексей Санников руководителем управления регулирования и контроля за ценообразованием в электроэнергетической отрасли Федеральной службы по тарифам. Таким образом, напрашивается вывод о том, что Москва рекрутирует опытных руководителей-нижегородцев в свои ряды, что доказывает важность региона для Москвы.

В заключение еще раз заметим, что избранная для исследования проблематика крайне многослойна и сложна, представляя собой обширное поле для проведения научно-политических изысканий. В предлагаемой статье мы попытались затронуть наиболее актуальные на сегодняшний день аспекты взаимодействия структурных элементов системы «центр-регион» и отразить в проблемно-хронологической динамике развитие политических и экономических взаимосвязей между г. Москвой и Нижегородской областью.

Литература.

1. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168с.

2. Закон. Финансы. Налоги. 2003. №45 (264)

3. Замятина Н.Ю. Соотношение понятий «центр» и «регион» в ментально-географическом пространстве: постановка проблемы // «Российские регионы и Центр: взаимодействие в экономическом пространстве» М.: ИГ РАН, 2000. С. 98-99.

4. Информационное агентство «ИФ – Регион», Н. Новгород 22 мая 2001.

Пилясов А.Н.

САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ – НА ПУТИ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ [14]

Введение

Информационное общество сдвигает традиционную направленность научных исследований, смещает их фокус на вопросы информационных обменов, рождения инноваций, изучение пространственного поведения инноватора. Эти сюжеты хорошо разработаны в западной региональной науке.

Информационное общество не универсальный феномен, инвариантный свойствам пространства-времени. Важен именно его региональный уровень. Именно здесь, при локализованном общении профессионалов, рождается новое знание, которое потом распространяется по всему региональному (а возможно и национальному) контуру. Во многих ежегодных докладах Конгресса европейской региональной науки подчеркивается региональная природа рождения инноваций, становления информационного общества.

В России пока не предпринимаются усилия исследовать региональный феномен информационного общества. Его изучают исключительно с национального уровня или в контексте глобализации. Школы исследователей в регионах изредка обращаются к тематике региональной инновационной системы (научно-технического комплекса), что, конечно, много ***у***же многогранного явления информационного общества.

Самарская область – очень хороший объект исследования, чтобы стартовать и нам в этом направлении; дать на примере ее новейшего развития картину становления информационного общества, его генезиса в отдельном, в этом плане наиболее продвинутом регионе России. По многим обстоятельствам сложилось так, что Самарская область оказывается ближе других российских регионов к информационному обществу. Ее экономика обладает такой непривычной для России степенью сложности, что справедливо может быть сопоставлена с канадскими провинциями, американскими штатами, немецкими землями.

Очень важно, что Самарская область - среда высокой плотности человеческих контактов и интенсивных информационных обменов. Она и в этом похожа на своих западных аналогов. В ее случае, в отличие, например, от российских сибирских и дальневосточных регионов, вполне оправданно использовать европейские подходы изучения циркуляции информационных потоков, направленности информационных обменов, маршрутов трансформации инженерной мысли.

На фоне национального кризиса и регионального промышленного спада в 1990-е годы в Самарской области наблюдался непрерывный прогресс в информатизации, создании новой сетевой инфраструктуры; в формировании открытого общества, с новой культурой, ценностями и идеологией. Более того, можно утверждать, что созданная информационная оснастка экономики облегчила ее агентам адаптацию к новым рыночным условиям и обеспечила здесь более высокие темпы преобразований, чем в других регионах России.

Сам самарский хозяйственный комплекс не обладает свойствами слитности, наряду с автомобильным кластером здесь присутствуют абсолютно не связанные с ним, но чрезвычайно значимые для страны и региона предприятия нефтепромышленного, агропромышленного, авиакосмического комплексов, цветной металлургии. При отсутствии хозяйственной целостности область, несомненно, обладает информационной целостностью (которой пока нет в большинстве регионов России), что отчетливо определяется при изучении региональной нормативной правовой базы (как индикатора общей интеллектуальной, духовной атмосферы региона, его коллективного сознания), бюджетной политики, конфигураций прав собственности, создаваемых региональной властью. Вездесущая информационная «тень», которую здесь имеют практически все экономические и социальные процессы, определяет иное, чем в других регионах, поведение экономических акторов, всей региональной общности людей. Наш подход поэтому состоял в том, чтобы изучать новейшее развитие самарской экономики не столько на примере не очень целостного хозяйственного

[14]Автор благодарен работам М.Кастельса, П.Кругмана, М.Портера, М.Полани, М.Фьюджиты, О. Уильямсона, К.Эрроу, определившим тематику и направленность данного исследования: Castells M. (1996-1998): The Information Age. Economy, Society and Culture: Volume I. The Rise of the Network Society. Volume II. The Power of Identity. Volume III. End of Millennium. Blackwell Publishers; Fujita M., Krugman P., Venables A.J. (1999): The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade, MIT Press, Cambridge, Massachusetts; Krugman P. (1995): Development, Geography and Economic Theory, Cambridge, MA, MIT Press; Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985; Портер М. Конкуренция. СПб.: Издательский дом «Вильямс», 2000. 495с; Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб: Лениздат, 1996. 702с; Эрроу К. Дж. Информация и экономическое поведение// Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 98-107.

комплекса, как через информационную целостность, через единство циркулирующих здесь потоков знания.

1. Черты информационного общества в Самарской области

Попробуем назвать наиболее значимые черты, которые определили формирование в регионе информационного общества (или – осторожнее – значительный прогресс области в этом направлении). Чтобы усложнить для себя эту задачу, введем в систему доказательств изощренного (внутреннего) оппонента.

Область имеет прогрессивную структуру экономики, в которой доминируют обрабатывающие производства. Это означает ее большую готовность к восприятию информационных технологий постиндустриальной эры. Однако американский штат Аляска имеет абсолютно ресурсный профиль экономики, и тем не менее информационное общество там есть. Приходится признать, что традиционные игры с технологическими укладами, определением степени их прогрессивности не вполне объясняют, почему одни регионы уже построили информационное общество, а другие – только закладывают фундамент в его основание. Это не вся правда, не все аргументы.

Область входит в десятку первых регионов России по уровню жизни, подушевым бюджетным доходам. Уровень жизни, действительно, очень важен для формирования информационного общества, начиная с определенных его значений регион может рывком перейти на иное качество развития. Но в соседнем Татарстане подушевой ВРП выше, чем в Самарской области, и жилых домов там возводят больше, и подушевые инвестиции там выше. В Башкортостане и Татарстане и подушевые доходы консолидированного бюджета выше, чем в Самарской области. Однако информационного общества там нет. Значит, высокие экономические и финансовые показатели важны как предпосылка, но одновременного создания информационного общества они не обеспечивают.

Самарская область обладает высокой степенью информатизации, обеспеченной еще в советское время. Ее технологическая продвинутость является сильным сравнительным преимуществом. Но по некоторым важным показателям информатизации Хабаровский край, Свердловская область опережают Самарскую область. Однако информационного общества там нет. Развитость в регионе информационных технологий очень важна, но опять является только предпосылкой, но не гарантом формирования информационного общества. Регион нельзя уподобить заводу, на котором автоматизация всех технологических процессов уже решает проблемы информатизации. У него есть дополнительное системное свойство, которое обусловливает некорректность аналогий с большой фабрикой или корпорацией.

Самарская область обладает высококвалифицированными кадрами, занимая по этому показателю первые места в России. Однако в некоторых северных регионах России, например, Магаданской области, в поволжской Нижегородской области уровень квалификации кадров не ниже самарского, но информационного общества там нет. Опять этот фактор – только предпосылка, необходимое, но недостаточное условие.

Самарская область обладает высокой мобильностью населения ввиду своей миграционной привлекательности и «американской» подвижности своих постоянных жителей. Но в Ханты-Мансийском автономном округе ежегодный миграционный оборот в сравнительных показателях еще выше, чем в Самарской области. А если учесть вахтовиков, то мобильность населения будет значительно превосходить самарскую. Там создается новое общество, основанное на открытости и доступности знания для всех граждан. Однако, бесспорно, что Самарская область продвинулась на этом пути значительно дальше.

Может быть, дело в мобильном малом бизнесе – этом агенте инноваций, гаранте гибкости и динамизма для региональной экономики? Область имеет 11 место в России по доле занятых в секторе малого бизнеса, а по развитию розничного товарооборота и платных услуг, которые в значительной степени предоставляются малыми и средними предприятиями, – третье место в России. Действительно, это очень важный феномен самарского экономического развития, без которого информационное общество, вероятно, не смогло бы возникнуть. Но мы можем назвать пятерку продвинутых регионов России с близкими показателями, но без перспектив скорого формирования информационного общества.

Приходится признать, что есть еще какой-то фактор ***X***, за рамками количественных показателей, технологических укладов, который необходим для создания информационного общества.

У Самарской области нет в Поволжском округе безусловного экономического лидерства. А лидерство в построении информационного общества есть! По сравнению со своими соседями –

депрессивными областями, экономика которых задавлена все еще находящимися в кризисе ВПК-предприятиями, или патриархальными республиками Самарская область выступает информационным донором, имеет особое притяжение для людей творческих и предприимчивых. Это позволяет ей выдвигать амбициозные задачи внедрять не только собственные высокотехнологичные разработки, но «ввести в хозяйственный оборот на территории Самарской области высокорентабельные наукоемкие разработки и технологии из других регионов России, создать условия для адаптации и передачи технологий (трансфера) из развитых стран»[15].

В интенсивности информационных обменов внутри регионального контура, переливах знания за контур и через него у области нет равных среди всех поволжских соседей. Соседний Татарстан успешен экономически, но этнически, республикански замкнут и относительно информационно изолирован. И только в российской Самарской области возникает это фундаментальное достоинство информационной открытости, свободных внешних и внутренних информационных обменов, которое, в свою очередь, создает раскрепощенную атмосферу для предпринимателей, создает мягкую и гибкую среду принятия экономических решений. И здесь напрашиваются аналогии уже не с российскими регионами, а с американскими штатами, вся экономика которых построена на предельно открытых и свободных обменах знанием между всеми субъектами хозяйственной деятельности.

И вот эти интенсивные информационные обмены, мобильность населения и динамизм развития, растущий уровень жизни с какого-то момента складываются воедино, чтобы взломать старый и сформировать абсолютно новый тип отношений между людьми, между властью и населением, между хозяйствующими субъектами, новую систему ценностей, новую коллективную духовную атмосферу. Это и есть самая главная, самая сердцевинная особенность Самарской области: *социальная экономика, либеральная политическая модель, гражданское общество, пронизанные информационными сетями.*

Есть точка фазового перехода, когда информатизация становится не затратным для региональной экономики, а исключительно выгодным делом, вызывает взрывной приток внешних инвестиций, реализацию новых проектов, опирающихся на сложную многостороннюю контрактацию партнеров. Это и знаменует формирование информационного общества.

Информационная открытость и плотность обменов знанием играют критическую роль, формируют особую атмосферу духовной раскрепощенности и напряженной интенсивности человеческих контактов. Потому информационное общество – социальный, а не инженерный, не технологический феномен. Оснащенность компьютерами - не решающий фактор.

Должны возникнуть новые конфигурации прав собственности, стереотипы экономического поведения людей и измениться сами их отношения. Парадоксально, но информационное общество оказывается очень сильно эмоционально окрашенным, гуманитарным, совсем не технократичным, феноменом. Причем это не вопрос выбора, а предопределенная закономерность. Творчество, если оно долгосрочное, требует сильного социального начала, социальной защищенности (краткосрочное – оно возможно и по принуждению, при личной несвободе).

Но как уловить эти внешние проявления новой системы отношений между людьми? Какие показатели имеют значение? Те, которые фиксируют решение проблем экономической координации, доверие между субъектами экономики, все индикаторы «гладкости» контрактации хозяйствующих субъектов в регионе.

На примере Самарской области обозначим некоторые структуры и институты, которые появляются одновременно с информационным обществом и потому *свидетельствуют* о нем. Образование, здравоохранение, культура в информационную эру становятся экономическими отраслями, ключом к будущему. Способность молодежи усваивать новую информацию и ориентироваться в информационных потоках быстро обновляемого знания – источник ее конкурентного преимущества.

Это новое отношение к образованию в области фиксируется в специальных структурах обучения взрослых, по переобучению государственных служащих, новом акценте на доступности сельского образования («существующая сеть сельских школ требует реструктуризации путем создания крупных образовательных центров с организованной доставкой к ним учащихся и оснащения образовательных центров высокотехнологичным оборудованием»), доступа сельских школ в Интернет и к информационным образовательным ресурсам, с объединением ресурсов

[15] Закон Самарской области «Об утверждении областной целевой программы «Инновации-производство-рынок» на 2003-2006 годы». 4 апреля 2003 года № 21-ГД.

отдельных компьютеров в единое коммуникационное пространство, мерах по развитию специального образования для людей с ограниченными возможностями здоровья.

В ядре социальной политики области находятся банки данных о получателях помощи. Поэтому адресность социальной защиты здесь впервые становится не декларируемой, а достигнутой целью. Например, в областном центре усыновления, опеки и попечительства сформирован централизованный региональный банк данных, в который включено свыше 1,5 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в государственных учреждениях и приемных семьях. В области создана информационно-справочная служба по вопросам квотирования рабочих мест для инвалидов[16]. С 1994 г. действует институт приемной семьи (социализации детей-сирот), создано Главное управление по вопросам семьи, материнства и детства - государственный орган, осуществляющий единое информационное руководство, координацию сети из сотни учреждений социального обслуживания семьи и детей. Во всех этих примерах мы видим, как информатизация усиливает эффективность, действенность мер социальной политики.

Слова лизинг, ипотека, мультимодальные терминалы популярны сегодня во многих регионах России. Однако превращение их в реальные самоокупаемые проекты повсеместно идет очень трудно - при том, что алгоритм исчерпывающе известен и согласован на всех уровнях.

В чем дело? В низких денежных доходах населения, неплатежеспособности предприятий-банкротов, но не только. И в дефиците доверия партнеров. Фундаментальная черта информационного общества – доверие субъектов экономики друг к другу (как повседневная норма экономического поведения), власти к бизнесу, власти к населению. Когда оно есть, у экономики как будто вырастают крылья, становится возможной реализация самых сложных проектов, с вовлечением десятков хозяйственных субъектов.

Эта атмосфера доверия создана (властью) в Самарской области. Тому есть многочисленные примеры. Например, в регионе реализуется программа «Сельский дом», основной особенностью которой является расчет за построенные дома в натуральной форме, при минимуме авансовой оплаты. Поддержка Администрацией области лизинга сельскохозяйственной техники предусматривается не только в форме целевых бюджетных ассигнований, как в других регионах России, но и в форме предоставления поручительств и гарантий по договору лизинга. В Самарской области долгие годы развертывалась ипотечная программа. Укрепление доверия к власти приводит, наконец, к ее самоокупаемости за счет прихода средств населения и частных инвесторов.

Бизнес-проект создания мультимодального контейнерного терминала в Тольятти – очень яркий индикатор способности экономики информационно поддерживать сложные протоколы согласования грузов, перемещающихся в различных транспортных сетях (речной, авто-, железнодорожной; смешанные перевозки грузов, затем их хранение и консолидация на складских терминалах). Такая сетевая интеграция возможна при совершенной технической оснащенности и полном доверии всех государственных, корпоративных транспортных и промышленных, иностранных партнеров друг к другу. (часть средств на этот проект будет предоставлена под гарантии Администрации области зарубежными инвесторами). Предполагается в дальнейшем формировать отсюда сети оптовой торговли.

Как только американский, европейский, российский регион выходит на ступень создания информационного общества, он начинает использовать одну и ту же совокупность алгоритмов решения общественных проблем. Эти алгоритмы включают рыночные механизмы лизинга и ипотеки, волонтерство, институты гражданского общества, структуры решения проблем инвалидов и переобучения взрослых. Эти институты, которые ранее не были обществом востребованы, вдруг выходят на первый план по своей экономической эффективности и региональной значимости.

Движение к информационному обществу, как правило, осуществляется через сильную социализацию регионального развития. Попытки обеспечить решение напрямую, через новые технологические сети, через ведомственные информационные системы ограниченного доступа не приводят к желаемому результату. Переход к информационному обществу обеспечивает социальная политика.

С точки зрения региона последствия компьютеризации производственных и социальных процессов абсолютно различные. Производственные неизбежно охватывают лишь корпоративный контур, отдельные бизнес-процессы. И только в области малого бизнеса и торговых/транспортных сетей они приобретают, по сути, общерегиональный характер. Социальные же процессы затрагивают каждого человека, каждое домохозяйство. Поэтому именно проникновение информатизации в

[16] Закон Самарской области «О целевом бюджетном фонде квотирования рабочих мест в Самарской области». 11 февраля 2004 года. № 7-ГД.

социальную сферу повседневной жизни – образование, здравоохранение, социальная защита – обеспечивают реальный прорыв в деле построения нового общества. Только тогда одновременно и возникает подлинная адресность расходования бюджетных средств на социальную сферу.

По этой же причине информационные базы с точки зрения движения к новому обществу неравноценны. Самый высокий приоритет имеют единые для всего населения области социальные базы и паспорта, а не ведомственные, не фрагментированные. В области сейчас создается такая система[17]- социальный паспорт гражданина.

Для староосвоенных индустриальных регионов их социализация означает размыкание прежде очень корпоративных (в России - ведомственных), очень коалиционных территориальных анклавов. Это размыкание интенсифицирует сначала неформальные, потом и формальные информационные обмены, приводит к созданию новых информационных интегрированных баз. Таким образом, социализация обслуживается информационными технологиями, которые усиливают ее интегрирующую роль.

Самарская экономика – экономика минимальных трансакционных издержек. И это ее яркая особенность, огромное сравнительное преимущество, которое не возникло природно, но сформировалось под воздействием естественных и рукотворных обстоятельств: компактности территории, информационной продвинутости, демократичной власти, с идеологией минимального вмешательства в экономику. Типичные для большинства регионов России проявления контрактного вероломства, конфликтные ситуации между агентами экономики весь период реформы здесь были крайне немногочисленны. Единственное исключение – длительное противостояние областного руководства и самарской мэрии.

Экономическая координация без трения – результат не только максимального использования сил рынка, но и потенциала информационного общества. Стыковое взаимодействие Администрации области, муниципальных образований, федеральных органов исполнительной власти, большого и малого бизнеса осуществляется практически без трения, гладко. В значительной степени это обеспечивает полная информационная прозрачность всех действий и *намерений* власти, ее открытость субъектам экономики. Гладкость региональной контрактации можно назвать скрытым сокровищем, нематериальным активом областной экономики.

Гибкость экономики обеспечивает высокая мобильность населения. Роль этого фактора выше, чем формальных программ обучения и переподготовки кадров.

Оптимальная работа на стыках позволяет самарской экономике брать совсем новые для России высоты (в других поволжских регионах, наоборот, негибкость экономики и негладкость контрактации сдерживает структурные инновации, носители которых мигрируют поэтому в область). В 1990-е годы эти свойства экономики проявились в мало конфликтном процессе приватизации основных материальных активов, быстром формировании малого бизнеса, устойчивой работе ВАЗа с сотнями смежников в области, массовом притоке прямых иностранных инвестиций и трансфере технологий в экономику области. Гибкость экономики и гладкость контрактов стали мощнейшим ресурсом развития области, особенно в условиях, когда все соседи им не обладали.

Сегодня, по мере подтягивания других регионов, действие этого фактора постепенно ослабевает. Однако сохраняются достоинства свободной творческой атмосферы, поощряющей экспериментирование в контуре области для рождения/импорта технологических и организационных инноваций. Эксперты признают, что благодаря присущей региональной экономике гибкости[18] регион легко превращается в плацдарм для организации производств с любым отраслевым профилем (от пищевой и перерабатывающей промышленности до новых объектов ракетно-космического комплекса). Информационная проницаемость самарского пространства, мобильность населения, либеральность экономической политики власти и свойства гибкости и адаптивности региональной экономики тесно связаны.

Прорыв к информационному обществу позволяет осуществлять в Самарской области эффективную координацию мер государственной политики среди десятков ее субъектов, максимально широко – от региональных органов исполнительной власти, международных финансовых организаций до малого бизнеса. Например, среди исполнителей областной

[17] Закон Самарской области «Об утверждении областной целевой программы «Создание единой информационной системы адресной социальной помощи жителям Самарской области на 2004-2006 годы». 7 июля 2003 года. № 56-ГД.

[18] Среди двух десятков российских регионов, которые подверглись нашему институциональному анализу в последние три года, только экономика Калининградской области дает ощущение сходной степени гибкости. Но там значительно выше доля нелегальных операций и потому выше общая неопределенность норм и правил для экономических агентов. В Самарской области - гибкость при нормативной определенности, силе формальных институтов, в Калининградской – гибкость экономики при неотчетливости формальных институтов.

«молодежной» программы[19] значатся десять подразделений только областной Администрации, а кроме них, еще множество других предприятий и организаций. Наличие таких областных программ – яркое свидетельство способности областной власти решать координационную проблему, для многих других регионов непреодолимую. Этому способствует внедрение информационных технологий, средств вычислительной техники и телекоммуникаций в сферу управленческой деятельности.

Партнерство с бизнесом перестает быть лозунгом, когда создаются механизмы постоянных информационных формальных и неформальных обменов в обоих направлениях о стратегических и оперативных планах обеих сторон, что приводит к полной скоординированности действий обеих сторон в конкретном проекте/программе регионального развития.

Мы долгие годы изучали такие механизмы партнерства власти и бизнеса в американских штатах, европейских регионах, неоднократно предлагали их «импорт» в различные российские регионы - в форме наблюдательных государственно-корпоративных советов. И всегда безуспешно.

А в Самарской области и без наших советов такие механизмы созданы и эффективно работают. Сложность экономики этапа информационного общества заставила, сделала это неотложной необходимостью.

Отношение к информации в области радикально отличается от соседних регионов. Можно назвать это *информационной культурой* власти, населения, бизнеса. Информационная культура – целостное, многомерное явление, которое не ограничивается открытостью региона на внешние социальные и инженерные технологии. Она включает постоянное внимание к вопросам распределения информации, формам ее предоставления, обязанности власти обеспечить ее доступность - практически во всех региональных законах. Например, власть гарантирует населению Самарской области достоверную информацию о состоянии окружающей среды[20]. В другом случае каждому жителю области гарантируется доступ к информации реестра объектов областной собственности[21], право на получение информации о риске и мерах безопасности, связанных с проведением карантинных мероприятий[22]. При введении новых институтов, которые могут оказать значительное воздействие на сельские домохозяйства, прописываются требования обязательных общественных слушаний[23] (обычно отсутствуют в аналогичном законодательстве других регионов). Она включает «безбарьерный доступ к культурным ценностям и благам; информационные результаты по поводу культурных ценностей также относятся к ним, к культурной деятельности отнесена и *информационная* деятельность по поводу культуры»[24] (воистину «знаниевая» тень витает над всеми явлениями областной жизни). Веб-технологии используются для создания единой информационной системы взаимодействия жителя области с органами исполнительной власти, в которой социально значимая информация представлена в доступной форме.

Инновации придают необходимую динамику развитию информационного общества, являются одной из его ярких (творческих) граней. На протяжении последних лет Самарская область была здесь лидером в кругу индустриальных регионов-аналогов (табл. 1).

Таблица 1

Затраты на технологические инновации на одного занятого в экономике, тыс. руб/чел

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Самарская область	108267,3	79110,7	106907,7	180,144	120,260	570,404
Пермская область	52686,2	49739,4	73397,2	208,690	314,295	467,554
Челябинская область	8653,2	758,2	1120,3	25,484	184,901	234,498
Нижегородская область	49645,3	39238,4	76213,6	53,413	152,473	174,012
Кемеровская область	2641,3	9049,1	18955,7	23,357	42,051	53,060

В значительной степени этому способствовал накопленный еще в советское время высокий кадровый потенциал области. Область входит в пятерку регионов самой высокой квалификации занятого населения (табл. 2).

[19] Закон Самарской области об утверждении областной целевой программы «Дома молодежных организаций Самарской области» на 2003-2005 годы. 8 апреля 2003 года. № 31-ГД.

[20] Закон Самарской области «О внесении изменений и дополнений в закон Самарской области «Об охране окружающей природной среды и природных ресурсов Самарской области». 6 ноября 2002 года. № 76-ГД.

[21] Закон Самарской области «О порядке управления и распоряжения собственностью Самарской области». 3 апреля 2002 года. № 15-ГД.

[22] Закон Самарской области «О защите сельскохозяйственных растений и продукции растительного происхождения от болезней и вредителей на территории Самарской области. 7 июля 2003 года. № 61-ГД.

[23] Закон Самарской области «О внесении изменений и дополнений в закон Самарской области «О земле». 8 октября 2002 года. № 69-ГД.

[24] Закон Самарской области «О культуре в Самарской области». 3 апреля 2002 года. № 14-ГД.

Таблица 2

Кадровый потенциал пяти регионов-лидеров[25]

Регионы с максимальным кадровым потенциалом	Доля лиц с высшим профессиональным образованием в общей численности занятого населения (%) 2001
Москва	53,9
Санкт-Петербург	47,1
Свердловская область	36,0
Самарская область	35,3
Московская область	35,2

В недавно принятой областной программе «Инновации-производство-рынок»[26] провозглашена цель создания региональной инновационной системы. Такие задачи ставятся и во многих регионах Евросоюза. С точки зрения информационного общества они конструктивны, потому что актуализируют его преимущества, углубляют, укореняют его гуманитарные и технологические достижения.

В российских условиях формирование региональной инновационной системы сейчас же сталкивается с непреодоленными ведомственными стенками-барьерами на пути информационных потоков. По инерции многие информационные базы в регионах продолжают иметь закрытый ведомственный характер, не интегрированы в Интернет-сеть, не поддерживают обмены данными с другими сетями. Значительные усилия и энергию приходится тратить властям даже самых информационно продвинутых российских регионов, чтобы преодолеть ведомственные разрывы и разомкнуть узкоспециализированные информационные системы в открытые, совместимые друг с другом системы комплексного знания о территории, которые могут быть инструментом государственного и общественного контроля за пространственным развитием.

Научная деятельность в силу ее хрупкости и для обеспечения непрерывности инновационного цикла всегда требует специальные охранительные структуры в виде инновационно-технологических центров, венчурных фондов, офисов по коммерциализации разработок, бизнес-инкубаторов, консалтинговых организаций различного профиля. Практика изучения ситуации в инновационной инфраструктуре десятков регионов России подтверждает очень медленное ее созревание – в контрасте с масштабными обещаниями и многократными попытками создания короткоживущих структур. Объяснение может быть предложено только одно: пока не созреют все необходимые предпосылки в виде информационного общества и критической массы венчурного малого бизнеса его инфраструктурное обустройство не будет начато.

В Самарской области сейчас формируются самые первые элементы инновационной инфраструктуры: предполагается создание инновационного фонда и технопарка между Самарой и Тольятти, основными задачами которого будут «интеграция науки, образования и производства, разработка и освоение конкурентоспособной продукции при оптимальных затратах времени и средств, ускорение внедрения научно-технических разработок в сферу реального производства».

2. Масштабный импорт институтов – закономерная черта информационного общества

Постоянный, осуществляемый во многих направлениях регионального развития, импорт технологических и организационных институтов (властью, крупным и малым бизнесом, структурами гражданского общества) является фундаментальной чертой самарской экономики, ее принципиальными отличием от многих российских регионов. Этот перелив знания в областной контур имеет давние традиции. Само создание основного бюджетообразующего автомобильного кластера в области стало результатом самого масштабного импорта институтов, произведенного в СССР в позднесоветское время.

То, что сегодня импорт институтов проводится не с нуля, фундаментально упрощает этот процесс: опыт предыдущего поколения в этом деле является активом поколения нового, которому предстоит приспосабливать импортные институты к самарским реалиям. Бесспорно, что это явное преимущество области перед остальными поволжскими регионами, очень закрытыми, очень замкнутыми, у которых в советском прошлом такого опыта не было. И совершенно неслучайно по прямым иностранным инвестициям Самарская область занимает первые позиции в России.

В годы реформы область активно участвовала в многочисленных международных обучающих проектах и стала лидером Поволжского региона по объему привлекаемых прямых

[25] Таблица составлена по материалам ежегодных рейтингов регионов журнала «Эксперт».
[26] Утверждена Законом Самарской области от 4 апреля 2003 года № 21-ГД.

инвестиций (в 2000-2002гг. на долю области приходилось 35% всех прямых иностранных инвестиций в Поволжский федеральный округ). И международные проекты обучения, и приход иностранных инвесторов являются разными проявлениями одного системного явления – колоссальных познавательных способностей областной экономики, гибкой восприимчивости ее к внешнему знанию, созданной творческой среды поглощения и использования чужого технологического и организационного опыта. (Можно рассматривать это как сердцевинную черту областной экономики, ее информационной организованности).

В Самарской области намного больше способность власти к институциональным экспериментам и инновациям, чем в других регионах России. Губернатора К.Титова отличает способность поддерживать среду, которая поощряет открытое экспериментирование, свободу формирования новых институтов, что позволяет существующим институтам быть замещенными новыми, которые могут оказаться более успешными.

Устойчивость нового института, а значит, его постепенное укоренение на новой почве невозможны без производства новых прав собственности, отличных от существующих. В этом смысле импортный институт всегда нарушает сложившуюся структуру схем прав собственности, выходит за ее рамки[27].

Тотальное производство новых прав собственности невозможно, поэтому успех нового института зависит от возможности обособления зоны его действия, формирования анклава, с отдельными активами, отдельным юридическим статусом, отгороженного от остального пространства действия старых норм и правил. Четкость обособления, удачность «охранных» рубежей в значительной степени определяет успех институционального эксперимента. В противном случае инновация тонет в океане старых норм и правил. Когда правовая система, социальные обычаи, технические характеристики активов принимающего региона становятся адекватными институтам донорского региона, необходимость в обособлении пропадает.

Последнее, но очень важное условие заключается в наличии человеческих ресурсов-«переводчиков» - активных носителей институциональных изменений – из самого региона, но обладающих специфическим глубинным знанием среды, из которой заимствован импортный институт. Они особенно важны на первом этапе укоренения, потом потребность в них уменьшается за счет воспитания нового поколения, уже адаптированного к новым институтам.

К числу таких институциональных инноваций может быть отнесена идея формирования образовательных округов - системы образования, включающей расположенные на территории одного или более муниципальных образований образовательные учреждения различных форм собственности, типов и видов, реализующие образовательные программы дошкольного, начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, дополнительного образования, начального профессионального образования. Ее целесообразность вызвана тем, что открываются возможности преодоления цеховой замкнутости и использования возможностей одного муниципального образования в интересах другого. На территориях с относительно небольшим количеством населения, логично перейти к совместному финансированию объектов культуры и образования.

Концепция функциональных округов - явление информационного общества. Ведь ее характеризует отказ от прежнего административно-территориального деления, призванного обслуживать директивные информационные (управленческие) потоки из центра вниз, по многим уровням иерархии, и переход на принципы горизонтальной координации по оси «центр-сервисная зона».

Поток знания в областную экономику, получаемый через прямые иностранные инвестиции[28], имеет сквозной характер, обволакивающий все основные виды экономической деятельности (за исключением ВПК и химической). Политика Администрации области направлена на привлечение прямых инвесторов - Nestle, Pepsi-cola, Coca-cola, General Electric, General Motors, ADS Plastics, Henkel и др.

В области создан Совет по иностранным инвестициям, в который вошли представители практически всех иностранных компаний, имеющих свое производство на территории области. Он способствует обмену информацией между властью и иностранным бизнесом в режиме постоянного

[27] Принципиальное отличие самарского случая от многих других состоит в том, что здесь региональная власть выходит за федеральное правовое поле не для захвата для себя новых полномочий (и повышения шанса найти новую ренту), но для внедрения рыночных форм координации там, где на федеральном уровне для этого институты еще не созданы.

[28] Общепризнанно, что трансфер знания и технологий наиболее эффективен именно через прямые иностранные (а не портфельные или другие) инвестиции.

прямого диалога и установлению доверия между партнерами. В числе мер поддержки областная власть предусматривает не только меры по инфраструктурному обустройству (компенсация понесенных инвестором расходов в этом направлении), что характерно и для других регионов России, но информационную поддержку в форме компенсации затрат, понесенных инвестором на обучение и переобучение российского персонала. Это абсолютно не свойственно другим регионам России. Нет понимания, что знаниевые затраты на повышение уровня квалификации персонала являются статьей расходов инвестора, и их частичная компенсация может повысить привлекательность областных проектов.

Можно выделить три типа областных предприятий с иностранными инвестициями, в каждом из которых трансфер инженерного и управленческого знания осуществляется по своему алгоритму. Первый тип – это новые филиалы западных фирм, полностью находящиеся в иностранной собственности. Ввиду сохранения иностранной собственности гарантии прав инвестора защищаются международным и федеральным правом. Это крупные проекты, которых, как правило, немного, и они обычно многосторонне застрахованы, риски их деятельности минимальны. В Самарской области к этому типу относятся предприятия-филиалы фирм Кока-кола, Пепси-кола, Данон. В советское время аналогом этих проектов, но с сохраненной государственной формой собственности был ВАЗ. В этом случае приход нового знания не отягощен инерцией прежних традиций, одновременно возникают новые кадры, оборудование и знание.

Второй тип – это наиболее распространенная и численно преобладающая форма сотен совместных предприятий (предприятий с иностранным участием). Численность работающих составляет 1,5% от всех занятых в экономике, обеспечивают 6% ВРП. Основная часть их (60%) сосредоточена в Самаре, в Тольятти – 25%. Около половины предприятий работает в промышленности.

Здесь возможны два разных случая. Создание совместного предприятия с чистого листа, как фирмы российского и иностранного учредителя (по сути товарищества или партнерства) или как дочернего, юридически обособленного, но технологически сопряженного подразделения крупного бывшего госпредприятия. Каждый подтип характеризуется своей схемой распространения нового знания, экономическим поведением партнеров, требованиями к защите контрактов.

В относительно неспецифичных активах в производстве быстроокупаемых товаров и услуг пищевой промышленности, торговли, сервисных фирмах доминирует первый подтип. Здесь, как и в первом случае одновременно, хотя и в меньших масштабах, привносится новое для области инженерное и управленческое западное знание, привлекаются новые кадры и оборудование. В более специфичных активах машиностроения, химической, ювелирной промышленности доминируют сателлитные предприятия второго подтипа (при материнской компании создается СП для прихода стратегического иностранного инвестора). Трансфер знания и технологий здесь труднее, потому что велика инерция старых традиций. Новое знание привносится к прежним кадрам и отчасти прежним материальным активам.

Третий тип предприятий - самый редкий, когда в результате продажи контрольного (федерального) пакета иностранному инвестору и неблокирующего поведения региональной власти бывшее государственное предприятие переходит к иностранному инвестору. Как правило, это высоко привлекательные по своим активам предприятия, которые выпускают быстроокупаемую продукцию, гарантированно востребованную потребителем. Таков случай шоколадной фабрики «Россия». Перенос нового знания к старым кадрам был очень трудным процессом и потребовал нескольких лет, в течение которых на фабрике была изменена структура управления, российские менеджеры обучались логистике, маркетингу, управлению персоналом, было сокращено число дистрибьюторов, ранее ведущих совершенно беспорядочный сбыт продукции.

3. Региональная власть (экономическая координация, поведение) и информационное общество

Существуют ли определенные ограничения, которые накладывает информационное общество на модель управления региональной власти? Как осуществляется координация экономических процессов в регионе в условиях создаваемого информационного общества? Как налажены информационные потоки внутри самой региональной власти, между ней и федеральной властью, муниципальной властью, бизнес-сообществом, международными структурами и институтами гражданского общества?

Информационное общество формируется более динамично при либеральной модели управления регионом. Но будет неверно считать эту связь односторонней. С другой стороны, само

создаваемое информационное общество оказывает давление на тип регионального управления, максимально раскрепощает его в направлении демократизации, открытости, прозрачности.

Самарская область признана регионом с высоко эффективным аппаратом управления (табл. 3). Здесь применяется редкая для российских регионов норма об установлении ежемесячной надбавки за ученую степень доктора наук - 30 % от должностного оклада государственного служащего; за ученую степень кандидата наук - 15 %[29], нацеленная привлечь на госслужбу высвобожденных работников ВПК-научных подразделений области.

Таблица 3

Регионы с наиболее эффективно работающим аппаратом управления[30]

Регион	Ранг риска в 2002-2003 гг.	Ранг по объему инвестиций на одного чиновника в 1999-2002 гг.	Сумма рангов региона
Санкт-Петербург	2	6	8
Москва	6	5	11
Краснодарский край	10	7	17
Республика Татарстан	5	13	18
Московская область	8	11	19
Республика Башкортостан	11	15	26
Ярославская область	1	26	27
Самарская область	16	16	32

В Самарской области утвердилась децентрализованная модель исполнительной власти, со значительной самостоятельностью департаментов, которым от Губернатора делегированы значительные полномочия[31]. Ключевые подразделения Администрации находятся в тесном контакте с бизнес-структурами, аккумулируют специфическое знание о ситуации и формируют решения в области экономической политики. Таким образом, первое лицо разгружено от оперативной информации и получает возможность сосредоточения на наиболее стратегических направлениях регионального развития. Децентрализация процесса принятия решений позволяет охватить значительно больший объем информации, чем если бы она концентрировалась только у первого лица или ограниченного круга его команды. Сложность самарской экономики объясняет эффективность закрепленной в исполнительной власти области децентрализованной мягкой модели экономической координации.

Но возникает специфическая самарская проблема, как наладить интенсивный информационный обмен между сильными и обособленными структурными подразделениями Администрации области. Для ее решения приняты специальные соглашения и договоры по регламенту информационного обмена между структурными подразделениями Администрации области и созданию единой информационной системы -на принципах регулярного обновления используемой участниками информации и разумной достаточности.

В области нет выхолощенности законодательной и судебной власти за счет гипертрофированно развитой исполнительной. Доля судебной и законодательной власти и в структуре занятости региональной власти и в структуре региональных бюджетных расходов выше, чем у большинства соседних поволжских регионов. Это неудивительно: информационное общество нуждается в сильных институтах судебного надзора законодательных решений, законодательных сдержках и противовесах решениям исполнительной власти. Для бесконфликтного осуществления бюджетного процесса в области применяется (редкий для регионов России) институт постоянно действующей согласительной комиссии, формируемой на паритетных началах из представителей Самарской думы и Губернатора. Культура открытых доверительных обсуждений, бесконфликтных согласований наиболее острых вопросов, принесенная информационным обществом, присутствует и здесь.

Отношения власти региона-донора с федеральным центром уже в течение многих лет идут не по линиям бюджетной поддержки, а по информационным направлениям. В отличие от другого региона-донора, Ханты-Мансийского автономного округа, который, не имея прав претендовать на финансовую помощь, изолировал себя от федеральных информационных потоков, область, наоборот,

[29] Закон Самарской области «О внесении изменений и дополнений в закон Самарской области «О денежном содержании государственных служащих Самарской области». 10 ноября 2003 года. № 87-ГД.

[30] Таблица составлена по данным журнала «Эксперт».

[31] Преобразования структуры Администрации области 2002 года (сокращение числа департаментов, исключение дублирования функций, укрепление их прав принимать самостоятельные решения в области экономической политики) еще более усилили особенности этой модели.

исключительно активно участвует во всех федеральных экспериментах, первой апробирует у себя институциональные инновации Минфина и Минэкономразвития России. Одновременно и сама выходит с инициативами закрепления на федеральном уровне своих инновационных институтов.

Например, Администрация области выходила к Президенту РФ, в Государственную Думу РФ и Правительство РФ с инициативой о включении в один из подготовленных проектов федеральных законов («Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации», «Об особых экономических зонах», «Об основах государственного регулирования регионального развития») норму, позволяющую создавать субъекту Федерации особые экономические зоны на территории муниципальных образований в пределах своих полномочий и бюджетных возможностей. В рамках областного закона были созданы ОЭЗ «Похвистнево» (г. Похвистнево и Похвистневский район) и ОЭЗ «Чапаевск» (г. Чапаевск), непродолжительный период функционирования которых показал эффективность выбранного механизма поддержки депрессивных территорий. Но расхождения с федеральными законодательством вынудили их отменить. Администрация области выходила с инициативой по внесению изменений в закон Российской Федерации «Об образовании»; закрепить на федеральном уровне норму о залоге земель сельскохозяйственного назначения. Понятно желание областной власти в случае выхода за рамки федерального регламента побудить федеральный центр расширить эти рамки, вобрать в него новый прецедентный случай. Такое поведение следует американской традиции закрепления на федеральном уровне правовой экспериментальной и оправдавшей себя практики штатов. В России другая правовая традиция и инициативы областной власти не встречали понимания, а продвинутые законы приходилось отменять, приводя в соответствие с федеральными нормами.

Речь идет не о случайном явлении, а закономерной тенденции в поведении власти региона, одним из первых в России формирующего информационное общество (можно считать это еще одним ярким индикатором формируемого здесь информационного общества). Она обречена быть институциональным инноватором на федеральном правовом поле.

Институциональные инновации в отношениях муниципальной и региональной власти включают формирование функциональных округов (образовательных, в перспективе судебных, налоговых, других), призванных разгрузить действующую сетку административно-территориального деления, принятие продвинутого регионального законодательства по вопросам преобразований границ и состава муниципальных образований (хотя пока оно еще не было применено на практике, поэтому можно считать его подготовительным). Вероятно, переход к новой сетке внутрирегионального деления должен обеспечить лучшую адекватность муниципальной структуры региона и налогооблагаемой базы потребностям населения в минимальных социальных услугах и уменьшение перераспределительных бюджетных процессов – сокращение числа муниципалитетов-реципиентов.

Порядок обмена информацией между уровнями власти определяется в специальных соглашениях и договорах. Органы местного самоуправления имеют право вносить свои предложения по распределению средств областного фонда финансовой поддержки муниципальных образований в согласительную комиссию, созданную законодательной и исполнительной властью области для более гладкого осуществления бюджетного процесса.

В Самарской области утвердилась либеральная модель отношений региональной власти с бизнес-сообществом. Экономическая, информационная координация в случае области опирается на рыночное саморегулирование, подчас посредством создаваемых властью партнерских институтов, и только в немногочисленных кризисных случаях она непосредственно и активно регулирует ход экономических процессов.

Самарский губернатор неоднократно декларировал свою приверженность американской либеральной модели экономического развития, в которой власть лишь минимально вмешивается в экономику (имеет остаточные экономические полномочия), является постановщиком правил игры для хозяйствующих субъектов, максимально раскрепощает силы рыночного саморазвития. Во многих случаях областные власти, используя инфраструктуру информационного общества, теперь выступают как эффективный посредник в передаче знания (ранее, в начале и середине 1990-х годов, государственное регулирование было более активно): например, Министерство экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области формирует базу инвестиционных проектов и способствует налаживанию контакта между потенциальными инвесторами и предприятиями реального сектора экономики.

Можно предположить, что закрепление либеральной экономической модели в Самарской области было связано с доминированием горизонтальных контрактов в основном автомобильном

кластере региональной экономики. Горизонтальная контрактация сложнее вертикальной и всегда предполагает большую степень демократичности управления, меньшую авторитарность и централизованность. В российских регионах, в которых в экономике абсолютно доминируют вертикальные структуры и, когда их добычные и перерабатывающие подразделения размещены в этом регионе, почти всегда стиль регионального экономического управления более директивный и авторитарный, централизованный (например, Кемеровская область).

Во многих регионах России и мира существует конструктивное противоречие между крупными и малыми формами экономической деятельности. Крупные формы обеспечивают основной вклад в валовой региональный продукт, в региональный бюджет, малые формы генерируют значительное число рабочих мест, порой доминируют в занятости. Такая двойственность для региональной власти означает необходимость иметь два вида экономической (информационной) координации: для крупных корпоративных структур и для малого бизнеса. Понятно, что даже мягкое взаимодействие с немногочисленными крупными структурами и тысячами малых предприятий должно отличаться.

В российском случае возникает еще специфическая информационная трудность по причине очень быстрого появления тысяч новых малых структур – образовавшихся в результате дробления бывших крупных государственных предприятий и/или с чистого листа, заново. Региональным властям приходится оперативно перенастраиваться с одного стиля жесткого административного управления немногочисленных крупных государственных структур на стиль более мягкой информационной координации тысяч малых и средних структур экономики.

Эта адаптация в силу ограниченных счетных способностей человека представляет значительную трудность и безусловно была объективным тормозом экономических реформ. Лишь после того, как возникали адекватные инструменты государственной координации тысяч новых хозяйствующих субъектов – реестр предприятий малого бизнеса, программы его поддержки, структурные подразделения региональной власти, ответственные за мониторинг ситуации, поддержание баз данных по малому бизнесу, темпы реформ вновь возрастали. (Одно только рыночное саморегулирование развития малого бизнеса, как правило, для экономики было деструктивно: поведение малых субъектов экономики было тогда почти всегда краткосрочно ориентировано на получение быстрой сверхприбыли в немногочисленных видах деятельности).

В случае корпоративного сектора координация проходила наиболее легко, когда число крупных структур было более двух-трех и менее десяти. Здесь не было угрозы «захвата» власти одним-двумя олигархами, взаимодействие власти с ними было более осязаемым и действенным, не требовало создания специальных структур. Случай, когда число таких крупных и средних бюджетоформирующих структур было более десяти, был труднее для региональной власти и нередко требовал образования новых механизмов координации. Для успеха экономической координации имела значение и территориальная дислокация хозяйствующих субъектов. Понятно, что когда основная масса крупных налогоплательщиков сосредоточена в одном городе, то координация корпоративных структур много легче, чем если они дисперсно размещены по пяти-десяти городам.

Экономические и бюджетные показатели самарской экономики зависят от динамики нескольких крупных предприятий. С другой стороны, новые рабочие места сегодня формируются в основном в гигантской массе малых предприятий. Именно в секторе малых предприятий, на их контакте друг с другом, при контактах малых и крупных предприятий формируются новое знание и многие самарские инновации.

Координационная стратегия для сектора крупных предприятий состояла в заключении соглашений о сотрудничестве с вертикально-интегрированными структурами, пришедшими в область, укреплении внутриобластной кластеризации ВАЗа за счет вовлечения в его орбиту человеческих и материальных ресурсов реструктурируемых ВПК-предприятий, точечной поддержке проблемных крупных предприятий ВПК, АПК и электроэнергетики.

Взаимодействие власти с сектором малого бизнеса вызывало значительную информационную нагрузку. Малый бизнес и информационное общество могут рассматриваться как слитный феномен. Только продвинутые информационные технологии позволяют эффективно и мягко координировать слой малых предприятий в контуре всей области.

Все 14 центров развития малого бизнеса, бизнес-инкубатор в г. Самара и сервис-центр в г. Тольятти имеют единый электронный реестр малых предприятий и информационную систему общего доступа к нормативно-справочной, организационно-финансовой и товарно-промышленной базам данных. Все организации, составляющие инфраструктуру поддержки малого предпринимательства Самарской области, функционируют как компоненты единой информационной

сети, взаимодействуя и взаимно дополняя друг друга, придерживаясь единой идеологии развития, используя общую методологию, программное обеспечение. Интернет-портал департамента поддержки малого бизнеса Администрации области занимает ключевое место в информационной системе инфраструктуры поддержки предпринимательства Самарской области.

Власти Самарской области поддерживают ее активное участие в многочисленных обучающих и технических проектах международных организаций. При этом речь не идет, как во многих других регионах, только о желании получить значительные новые финансовые средства (они всегда меньше рядовых областных бюджетных программ). Первым приоритетом является именно получение нового знания, новых управленческих и инженерных технологий, которые оказывают значительное влияние и впоследствии приводят к модернизации областных технологий. Перечислим только некоторые проекты последнего времени, в которых область принимала участие:

- проект МБРР «Техническое содействие реформе бюджетной системы на региональном уровне» (грант Всемирного банка на реформирование региональных финансов);
- федеральный проект «Реформа системы образования» с привлечением займа Мирового банка реконструкции и развития (МБРР);
- проект «Водяная инициатива ЕС – компонент ВЕКЦА»,
- проект МБРР «Реконструкция систем городского теплоснабжения» (Сызрань);
- программа «Региональная инициатива», реализуется по четырнадцати направлениям (от стратегии региона в вопросах привлечения инвестиций до развития демократических институтов и расширения культурных связей) в трех регионах России: Самарской, Новгородской области и Хабаровском крае;
- проект поддержки сельскохозяйственных реформ (АРИС);
- проект поддержки осуществления земельной реформы (ЛАРИС);
- программа «Трансформ» Федерального правительства Германии - проект по поддержке малых и средних предприятий в Самарской области;
- проект ЕБРР и российских банков поддержки проектов малого бизнеса Самарской области.

Речь идет не о разрозненных усилиях, но о системной, закономерной для создаваемого информационного общества, тенденции: формировать условия для постоянного привлечения в областную экономику нового мирового знания, технологий управления процессами регионального развития.

Информационное общество демократично поневоле. В этом заключается признание неизбежной ограниченности знания каждого субъекта экономики и потому необходимости подпитываться им у всех других акторов, ни одним из которых нельзя пренебрегать. Каждый может быть носителем уникального знания. Поэтому совершенно естественно, что власти Самарской области активно взаимодействуют со всеми имеющимися в области структурами гражданского общества - прессой, неправительственными организациями и группами, всегда предполагают их участие в любой своей акции.

Гражданское общество здесь уже стало реальным субъектом регионального развития (то, что мы безуспешно многие годы рекомендуем властям десятков регионов России, в Самарской области естественно, само собой, произошло по мере создания информационного общества). Здесь происходит взаимное усиление: структуры гражданского общества - активные участники информационного общества, но и оно само помогает им выходить на первый план в процессах экономического развития. Структуры гражданского общества вводят новое знание в экономическое развитие, интенсифицируют информационный обмен, важный для институциональных инноваций.

Потенциал гражданского общества используется для выработки мер по преодолению административных барьеров в развитии малого бизнеса, для экспертиз законодательных актов и анализе их влияния на деятельность предпринимателей области, увеличения подотчетности и прозрачности действий властей всех уровней.

4. Исторические предпосылки формирования информационного общества (свобода информационных обменов в контуре региона)

Почему именно в Самарской области раньше и быстрее, чем во многих других регионах Поволжья, центральной России, возникает информационное общество? От каких фактов экономической истории это зависит? Как были налажены здесь информационные обмены в прошлом?

Миграционное кочевание, интенсивная торговля, активная человеческая коммуникация были характерны для этой местности уже очень давно. Территория Самарской луки, расположенная на контакте природных зон, всегда имела высокий информационный потенциал – напряженные обмены

знанием между тюркоязычными степными кочевниками и оседлыми славянами и финно-уграми лесостепной зоны, например, в периоды регулярных торговых ярмарок[32]. Взаимодействия разных этнических групп приводили к межконфессиональным бракам, образованию новых видов духовной культуры, например, беседничеству, интегрирующему традиции аскетизма и старчества[33].

В отличие от очень многих центральных губерний царской России в период феодализма здесь не сложились коалиции дворян-помещиков – как по причине долгого отсутствия местной административной автономии, губернского статуса (территория современной области была разнесена по нескольким губерниям), так и ввиду мощного влияния торговли, которая быстро укрепила влияние купечества. Сохраняющиеся столетиями дворянские поместья псковщины, рязанщины, других центральных губерний России сформировали особую атмосферу духовной «запертости», человеческой коммуникации, замкнутой контуром усадьбы, которая позднее, в советское время, трансформировалась в районную обособленность. Здесь же складывалась абсолютно другая *информационная обстановка*. Свободная торговля, миграции, интенсивное движение товаров не позволили сложиться могущественным дворянским коалициям, которые своими поместьями всегда неизбежно фрагментируют экономическое пространство.

Различие экономической истории двух типов территорий сегодня отчетливо выявляются при сопоставлении уровней сельской телефонизации. Для областей первой группы, несмотря на частое пристоличное положение, характерна парадоксальная отсталость, последние места в Российской Федерации – четкий индикатор законсервированной, мало мобильной интеллектуальной среды, суженной и однообразной человеческой коммуникации. С другой стороны, для регионов активной торговли в феодальном прошлом, развитого купечества сегодня характерны высокие уровни сельской телефонизации, значительная динамика современных информационных обменов и переливов знания между селами и городами, внутри самой сельской местности.

На протяжении последних двух веков регион неоднократно значительно менял свою внутреннюю структуру и внешнюю форму (например, правобережье - Сызрань и Самарская лука - иногда относились к Симбирской губернии). И только относительно недавно, в 1943 году, область была сформирована в современных границах. Для понимания причин отсутствия региональных коалиций в области важен не только сам по себе факт позднего ее образования, но в контексте неоднократных ее трансформаций в прошлом и общей мобильности региональных активов и видов экономической деятельности.

В предвоенный советский период целостная информационная система региона просто не могла сложиться, потому что не было самого административного образования. Возникающее тогда новое нефтяное и военное знание циркулировали в контурах своих ведомств, часто имели ограничения по секретности и потому слабо «проливались» на сопредельные территории. Традиции секретности этого времени, в отличие от многих других регионов, здесь не смогли укорениться на десятилетия по причинам масштабных всесоюзных проектов послевоенного периода (гидроэнергетическое строительство 1950-х годов, потом ВАЗ-проект конца 1960-начала 1970-х годов), которые сопровождались постоянным активным миграционным перемешиванием региональной общности людей.

Информационный потенциал стандартного советского производственного проекта (строительство ГЭС, обустройство нефтяных месторождений) и уникального для позднесоветской экономики ВАЗ-проекта совершенно различны. В первом случае обмены знанием ограничены несколькими поставщиками и оптовыми покупателями. В случае же массового производства таких сложных потребительских товаров, как автомобили, в информационные контакты вступают сотни смежников, тысячи индивидуальных и коллективных покупателей. Масштаб и интенсивность информационных обменов здесь вынужденно намного больше. Этот проект вывел область из ранга среднего советского региона с типичными для него атрибутами ведомственности и асоциальности экономического развития.

В позднесоветский период в Куйбышевской области возникли десятки научно-исследовательских институтов и вузов, которые были нацелены обслуживать потребности двух основных формирующихся комплексов – авиакосмического и автомобильного. Новые школы инженерного (в значительно степени, военного) знания в тот период слабо работали в региональном контуре, были в основном сориентированы на решение узких отраслевых задач. Однако их потенциал

[32] Как показывают наши исследования Чукотского полуострова (Чукотский автономный округ), информационная роль торговых ярмарок между кочевыми чукчами и оседлыми эскимосами и чукчами (в условиях редких обменов знанием кочевых и оседлых жителей) была беспрецедентно высока. Память о них сохранилась в культуре этносов на протяжении десятилетий.

[33] Григорьев Л.М., Самовер Н.В. История и культура Самарской области как фактор экономического развития.

начал явно ощущаться с началом радикальной экономической реформы – в неожиданных для них, нетрадиционных, видах деятельности – торговой, производстве автокомплектующих, информатизации социальной сферы. Понять динамику и качество их развития, не учитывая их интеллектуальное усиление в результате перелива военного, инженерного знания, невозможно.

5. Сети Самарской области - предпосылка формирования информационного общества

Распространение информации происходит в конкретной среде, в конкретном пространстве, которые оказывают значительное влияние на интенсивность, частоту, направление обменов знанием. Назовем это свойствами коммуникационной проницаемости (гладкости или шершавости) регионального пространства. Они зависят от совместного действия внешних параметров – форма, степень компактности, местоположение административного и экономического центра/центров, агломерационная структура, урбанизированность, плотность размещения населения и основных фондов; и внутренней структуры, которая определяется прежде всего региональными сетями.

Пространство не подвело Самарскую область – ее компактная квадратная форма с четко в центре расположенной региональной столицей, высокая степень урбанизированности, человеческой плотности и фондовой насыщенности, наличие мощной Самарско-Тольяттинской агломерации очень благоприятны для интенсивных и малозатратных персональных обменов знанием, информационной коммуникации по сетям.

Сети всех видов определяют протоколы общения людей (хозяйствующих субъектов, отдельных домохозяйств) – интенсивность (масштаб, широту), скорость, иерархичность (субординационность). Их экономическое значение для области, население которой находится в состоянии постоянных интенсивных обменов знанием, подтверждают показатели видовой структуры платных услуг (табл. 4).

Таблица 4

Доминирующие в Самарской области формы коммуникации людей

	2003, млн. рублей	В % к итогу
Всего оказано платных услуг	29835,1	100,0
Сетевые, коммуникационные		
Связи	7240,8	24,3
транспортные	6272,4	21,0
коммунальные	4800,2	16,1
Итого:		61,4

Информационная сила, эффект от сетей всех видов зависит от их индивидуальных особенностей и самой конфигурации, материальной оснащенности узлов (например, в сельской местности области есть телекоммуникационные сети, но дефицит компьютеров), наконец, квалифицированных кадров для работы на узлах «сетевого трафика» и в самом канале (в той же сельской местности выход в Интернет лимитируется не сетями, а квалифицированными кадрами). Речная волжская сеть - самая медленная для обменов знанием. По причине изгиба Самарской луки и рукотворно созданных ГЭС движение в ее канале осуществляется крайне неспешно. Первый фактор существовал всегда и в прошлые века помогал сухопутным разбойникам подготовиться к нападениям на корабли, в этой части Волги очень медленно огибавшим самарскую выпуклость; второй возник в последние десятилетия.

Дорожная сеть области более быстрая и высоко развитая как по автомобильным, так и по железным дорогам. Для персональной внутрирегиональной коммуникации наибольшее значение имеют сети автодорог. Коммуникация посредством железных дорог часто опосредована видами перемещаемых грузов и имеет больше межрегиональный, чем внутриобластной характер.

Создать информационное общество только на речной или дорожной сети невозможно. Для этого нужны тоже сплошные, но более быстрые по обмену сети – телекоммуникационные. При этом «сплошность», сетевая плотность последних должна быть адекватна природной, речной, и рукотворной, дорожной.

Сетевая плотность – насыщенность территории каналами коммуникации людей. Сравнительный анализ этого показателя по сельским, городским телефонным, сотовым, автомобильным и железнодорожным сетям для Самарской области и ее соседей выявляет лидерство области по сельской телефонизации (в этом направлении регион занимает ведущие места в России) и по густоте железных дорог (табл. 5).

Густота автомобильных дорог должна анализироваться только совместно с оснащенностью населения легковыми автомобилями: развитая дорожная сеть обеспечивает интенсивные личные контакты людей только при наличии значительного парка автомобильного транспорта (развитие сетевой коммуникации, как было отмечено, зависит, не только от самих сетей-каналов, но также от их узлов и квалифицированных кадров). Поэтому лучшие места Республики Татарстан среди пяти регионов Поволжья по развитию дорожной сети – еще не свидетельство реальной *возможности* частых персональных контактов людей. Наоборот, второе место Самарской области по развитию дорожной сети в группе регионов-соседей при самом высоком уровне автомобилизации населения означает интенсивные, частые личные контакты населения. По показателям развития сотовой связи регион занимает второе место, незначительно уступая Республике Татарстан.

Таблица 5

Сравнительный анализ сетевой плотности в Самарской области и регионах-соседях (2002)

	Квартирные телефоны на 1000 чел селян	Место в РФ	Квартирные телефо-ны на 1000 чел горожан	Место в РФ	Терминалов сотовой связи, тыс.	густота автодорог общего пользования с твердым покрытием, км на 1000 кв.км	Место в РФ	Число собственных легковых авто на 1000 чел. нас.	Место в РФ	густота жд км на 10 тыс. кв.км	Место в РФ
Самарская область	111,9	**19**	209,8	38	490,4	140	32	179,4	**9**	257	**11**
Республика Татарстан	84,5	49	215,5	33	502,7	187	13	116,9	54	127	40
Ульяновская область	80,7	60	174,5	66	36,6	117	38	125,7	43	192	26
Саратовская область	93,2	39	188,3	58	134,1	103	41	135,3	30	228	16
Оренбургская область	93,2	38	200,3	50	132,4	107	40	158,4	16	133	39

Позиции Самарской области по компьютеризации – наличию узлов телекоммуникационных сетей – лучшие среди регионов-соседей (табл. 6). Абсолютное число этих узлов в области меньше, чем в Республике Татарстан, однако показатели оснащенности домашних хозяйств и работников выше или сравнимы, а доля компьютеров, подключенных к сети Интернет, значительно превосходит всех соседей.

Но само по себе наличие телекоммуникационных узлов еще не означает интенсивных перетоков информации. Еще важнее (хотя второе невозможно без первого) количество сетевых компьютеров, работающих в мировой паутине. А здесь у области нет соперников.

Таблица 6

Число персональных компьютеров на 1 января 2002 г.(по данным единовременного обследования)

	Всего	их них к сети Интернет подключены, %	Число компьютеров на 100 человек работавших в организациях, использовавших ИКТ	Число компьютеров на 100 домашних хозяйств, конец 2002 года, выборочное обследование
Самарская область	89820	23,9	12	12
Республика Татарстан	107819	12,0	12	10
Ульяновская область	27932	15,1	9	5
Саратовская область	48257	13,8	10	7
Оренбургская область	36967	11,6	9	8

Сравнение сетевой плотности области и регионов-промышленных аналогов (близкая численность населения, размеры областного бюджета, объемы промышленного производства) в России также выявляет ее лидерство не только по уровню компьютеризации, но по уровню *сетевой* компьютеризации (табл. 7).

Таблица 7

Компьютерная оснащенность индустриально развитых регионов России

на 1 января 2002 года	Компьютеров на 100 работающих	% организаций, использующих электронную почту	сеть Интернет
Самарская область	12	51,1	47,7
Кемеровская область	8	47,5	39,2
Нижегородская область	10	45,2	39,5
Челябинская область	12	44,2	33,7
Пермская область	10	42,9	41,8

Телекоммуникационная продвинутость области, на которую сейчас мостится сетевая компьютеризация, которая обеспечивает совершенно новые по скорости и масштабам уровни информационных обменов и переход от линейных форм общения к сетевым в формируемом новом *коммуникационном пласте* экономики, образовалась благодаря случаю. В области размещается монопольный и для СССР, и для России (25% национального производства) производитель телефонных кабелей – Самарская кабельная компания, которая выпускает ежегодно тысячи километров кабелей телефонной, в последние годы – оптоволоконной связи, около 50 различных видов кабелей. Для дефицитной советской экономики это было очень важно! Собственное производство телефонных кабелей как материальной оснастки телекоммуникационных сетей обеспечивало в той экономике сравнительное преимущество области перед всеми ее соседями. И, похоже, это преимущество область сумела эффективно использовать. Это заметно прежде всего в уровне сельской телефонизации.

Коммуникационная проницаемость пространства определяется продвинутостью не городских, а именно сельских его элементов. Потому что уровень информационных обменов лимитируется инфраструктурной подготовленностью к ним самого слабого элемента, традиционно отстающего от средних по региону значений – сельской местности. Здесь проценты роста телефонизации обеспечиваются наиболее трудно, наиболее затратно. Но без них невозможен выход региона в информационные лидеры! Вот почему прирост сельских пользователей для него безусловно ценнее сходного по абсолютным значениям, но намного более легкого прироста городских потребителей сети.

В Самарской области по объективным благоприятным предпосылкам – фактам экономической истории; компактности и протяженной, по многим линиям, состыкованности городской и сельской местности, их высокой взаимопроницаемости; и субъективным условиям (наличие собственного производителя телефонных кабелей) удалось обеспечить редкий для регионов России уровень сельской телефонизации. Перепады (разрывы) уровней сельской и городской телефонизации здесь минимальны. И усилия по их уменьшению не прекращаются[34].

Выше конкурентного рынка услуг коммуникационных сетей с точки зрения демократичности информационных обменов нет ничего. (При этом будем помнить, что обмены неявным, личностным знанием проходят по совершенно иным, нерыночным принципам персонального, доверительного, неформального, творческого общения.) В области уже существует реальная конкуренция старых и новых коммуникационных сетей: цены на услуги частной сотовой связи устойчиво снижаются, создают конкуренцию фиксированной телефонной и междугородной телефонной связи. Поэтому традиционная связь вынуждена предлагать новые услуги оптоволоконной, высокоскоростной связи, прокладывать для этого новые кабельные линии. Конкуренция здесь реально ускоряет движение к информационному обществу.

По количеству операторов связи Самарская область сравнима с Москвой и Санкт-Петербургом. На территории области свою деятельность осуществляют 15 крупных Интернет-провайдеров. В старой телефонной сети уже заканчивается номерной ресурс. Это свидетельства уникальной для регионов Поволжья телекоммуникационной развитости Самарской области.

Автодорожная сеть области обеспечивает условия для обменов неявным знанием в процессе личного доверительного общения. Она является частью единого самарского мобильного комплекса «дорожная сеть-личный автомобиль-малый (чаще торговый) бизнес». Ее роль для развития малого инновационного бизнеса, который и возможен только на частых личных персональных обменах, исключительна. Интенсивность контактов и обменов знанием обеспечиваются положением области на скрещении автомобильных дорог «Дальний Восток-Европа», «Север-Средняя и Центральная Азия».

Трубопроводные сети области мощно развиты по причине давнего дисбаланса между добываемой собственной нефтью и созданными мощностями по ее переработке. В экономике области они имеют инновационное значение, потому что способствуют трансферу знания и опыта между старой нефтеносной провинцией и относительно новой, связуют их между собой: «Самаранефтегаз» Самарской области, и «Юганскнефтегаз» Ханты-Мансийского автономного округа. Ток нефти из ХМАО в Самарскую область сопровождается обратным током нового знания из самарского нефтепромышленного кластера, объединяющего добычные, перерабатывающие, научные и образовательные подразделения. Именно здесь компании отрабатывают новейшие технологии добычи нефти.

[34] Постановление Губернатора области от 22.06.2001 № 217 «О проекте закона Самарской области «Об утверждении областной целевой программы «Телефонизация сельских районов Самарской области на 2002-2005 годы».

Медленная речная сеть играет незначительную роль в обеспечении обменов знанием. Однако единый комплекс железнодорожной, речной, воздушной сетей (*сетевая интеграция*) эффективно работает на обмены знанием между агентами экономики в речных портах Самары и Тольятти. Куйбышевская железная дорога занимает первые места по объему перевозок в России; здесь построен крупнейший в России железнодорожный вокзал, интегрированный с речными портами и дорожной сетью.

В последнее время в области предпринимаются усилия по созданию абсолютно новой сети, типичной для информационного общества – инновационной. Инновационная сеть - совокупность (консорциум) субъектов научной, научно - технической, инновационной деятельности и бизнеса, которые объединяются для совместной деятельности по продвижению инноваций на рынок. Участниками инновационных сетей могут выступать как отдельные юридические лица, так и объединения юридических лиц различной формы собственности и отраслевой принадлежности, в том числе, иностранные и из других регионов Российской Федерации[35].

6. Самарский мобильный комплекс «людские миграции - дорожная сеть - торговый малый бизнес» и информационные обмены

Миграцию и шире – мобильность, еще шире – пространственное поведение людей - традиционно понимают как демографический феномен. Однако миграция – это и информационный феномен (одновременные перемещения людей, товаров, капитала, знания). Перемещения людей всегда приводят к перетокам знания, которые смещаются в пространстве вместе со своими носителями. Миграция всегда повышает шансы, что носитель одного уникального знания встретится с носителем другого уникального знания и в результате их неформального, доверительного обмена информацией будет рождена инновация. Вот почему миграция, торговля, инновационность в человеческой истории оказываются так тесно взаимосвязанными и всегда являются индикаторами гибкой и креативной экономики. Приток новоселов приводит к обновлению местных институтов.

Интенсивные миграции разогревают территорию, повышая за счет новоселов уровень совокупной энергии местной популяции людей, что затем приводит к возрастанию скорости и интенсивности локальных обменов знанием. Назовем этот эффект *информационным действием миграционного энергетического заряда*.

Роль внешней миграции и внутренней мобильности населения в информационных обменах разная. Внешние миграции максимально способствуют возникновению/привнесению нового взгляда на старые явления и процессы в региональном контуре. И в этом состоит их важное информационное значение, которое результируется в импорте институтов, радикальной трансформации или модификации старых норм и правил, технологий. С другой стороны, внутренняя мобильность населения чаще привносит в региональный запас знания менее радикальные перемены, связанные в основном с их новой конфигурацией, новым сочетанием фрагментов старого знания. Встреча носителей разного знания может привести к рождению и абсолютно нового знания. Все виды мобильности, интенсифицируя личные обмены информацией, усиливают роль неявного знания, творческое начало в региональном развитии, раскрепощают инициативу людей и структур. Информационный аттрактор (воронка) – это вид деятельности/агент региональной экономики, к которому *добровольно*, не по принуждению, неформально приходят мигранты-носители информации для обменов знанием.

Самарский мобильный комплекс воплощает в себе свойства местного пространства (отзывчивого к малому бизнесу, интенсивным информационным обменам, торговле). Прежде всего это традиции миграционного перемешивания, редкие для остальных территорий Поволжья. В Ульяновской области энергичное и мобильное население уезжает за пределы региона, в Самарской области энергичные и мобильные люди остаются; наоборот, сюда приезжают из других регионов. Вот отличие атмосферы и среды (табл. 8).

Таблица 8

Коэффициенты миграционного прироста, на 10 тысяч человек

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Самарская область	23	82	60	54	53	44	39	19	20
Республика Татарстан	2	40	36	43	38	26	23	15	16
Ульяновская область	70	65	13	9	5	3	5	-21	-23
Саратовская область	13	57	18	44	51	37	36	7	3
Оренбургская область	-8	56	24	45	29	19	16	-13	-19

[35] Закон Самарской области «Об утверждении областной целевой программы «Инновации-производство-рынок» на 2003-2006 годы. 4 апреля 2003 года. № 21-ГД.

В любую историческую эпоху здесь было сильное миграционное давление и перемешивание. Местная популяция людей постоянно омолаживалась миграциями. В этом состояла ее важная особенность и преимущество. В советское время, в период реализации ГЭС-проектов, ВАЗ-проекта сюда съезжались люди из всех регионов СССР, которые не могли полноценно реализовать свою энергию дома. Вот и сейчас в отличие от других регионов Поволжья в Самарской области численность населения трудоспособного возраста устойчиво растет.

Напрашивается сравнение с северными территориями. Отличие Самарской области состоит в том, что здесь интенсивное миграционное давление поддерживалось в течение значительно более длительного времени, чем в регионах пионерного освоения. Современное население области – это в основном мигранты или дети мигрантов.

Но в отличие от Калининградской области или Курильских островов здесь интенсивные миграционные потоки не привели к обрыву межпоколенной нити знания, необходимый минимум преемственности знания о свойствах территории, важный для успешной экономической деятельности на ней, всегда сохранялся. В то же время в российских современных анклавах послевоенное выселение аборигенных жителей и массовое их заселение новыми мигрантами (которые, естественно, не обладали неявным знанием о территории), привело впоследствии к значительным энергетическим затратам на овладение этим новым для популяции людей неявным знанием о польдерных ландшафтах, мелиоративной системе в Калининградской области, цунами и землетрясениях, местах концентрации ресурсов морепродуктов на Курильских островах. На овладение этим знанием были потрачены сверхусилия тысяч людей, и их энергии уже не хватило на созидательные работы по кропотливому обустройству территорий новым комфортным жильем и сетевыми коммуникациями. (В обоих случаях здесь был полный провал).

Единый мобильный комплекс как системный, сущностный феномен региона имеет многогранные проявления в бюджетной, аграрной, социальной политике областной власти. Например, в структуре бюджетных доходов особую роль играет транспортный налог ввиду значительной мобильности населения и значительного удельного веса мобильных активов в структуре основных фондов области. В структуре бюджетных расходов обособлен дорожный фонд, через который осуществляется масштабное финансирование модернизации дорожной сети. В общих инвестициях в области доминируют инвестиции в мобильные активы (табл. 9). Беженцы или переселенцы, которые создают фермерские или индивидуальные хозяйства в районах брошенных сел, получают значительную поддержку от власти. В социальной политике выделена отдельная проблема мобильности инвалидов и для этого принят Закон Самарской области «Об обеспечении автотранспортными средствами детей-инвалидов и инвалидов с детства».

Таблица 9

Структура инвестиций в основной капитал, %

	2001				2002			
	Жилища	Другие стационарные активы	Мобильные активы	Прочие	Жилища	Другие стационарные активы	Мобильные активы	Прочие
Самарская область	8,0	35,2	52,5	4,3	8,8	32,5	56,2	2,5
Республика Татарстан	12,3	32,6	34,0	21,1	13,7	47,8	31,2	7,3
Ульяновская область	20,0	32,7	38,2	9,1	20,4	34,4	40,2	5,0
Саратовская область	11,9	38,9	39,3	9,9	11,6	37,9	45,1	5,4
Оренбургская область	11,3	22,1	41,1	25,5	17,5	29,4	35,3	17,8
Российская Федерация	11,4	41,8	35,0	11,8	12,8	41,9	38,9	6,4

Дорожная сеть и максимальная в Поволжье оснащенность автомобилями, при компактности территории, означает феномен не только производственной, но и *досуговой мобильности* - возможно, даже в большей степени развитой, чем в Москве и Московской области. Такая мобильность способствует информационным обменам иной природы, чем производственная.

Теория непроизводственных контактов квалифицированных кадров и их пространственное поведение пока еще недостаточно разработаны и изучены. По мере роста доходов, цены времени, значимость досуговой деятельности по коротким радиусам, т.е. внутри области, возрастает. Цена времени профессионалов высока, уровень дохода тоже и потому досуговое (непроизводственное) общение возможно только на короткие радиусы. Важную роль в такой досуговой мобильности квалифицированных кадров играет волжская речная сеть (Волга-туризм) и сектор услуг

домохозяйствам, которые обеспечивают возможность неформального общения квалифицированных кадров, критичного для рождения организационных и технологических инноваций.

Торговля малыми предпринимательскими структурами входит составной частью в самарский мобильный комплекс. Она имеет в этой территории давние традиции и всегда благоприятствует интенсивным обменам информацией: миграционная/предпринимательская энергия (энергия малого бизнеса в целом) – торговля – информационные обмены. Миграционная энергия, приречное положение, благоприятные почвенно-климатические условия для выращивания зерновых привели здесь в середине 19 века к формированию крупнейшего центра хлеботорговли (вывоз хлеба по Волге) и зернового производства.

Индивидуализированная торговля четко выявляет предпринимательскую энергию региональной общности людей. В организованных торговых сетях эта индивидуальная энергия умирает, связь между энергией и торговлей утрачивается.

Человеческая энергия обладает возможностями взаимопереходов из одного вида деятельности в другой. Предпринимательская и инновационная деятельность имеют одну общую черту - они требуют особой человеческой энергии, энергии индивидуальной, как правило. В этих видах деятельности она улавливается трудно. С другой стороны, та же энергия в индивидуальной (челночной, неорганизованной) торговле фиксируется статистикой. Индивидуальные предприниматели, реализующие товары вне рынков, малые предприятия обеспечивают в Самарской области 70% всего оборота розничной торговли. В таких атомарных формах торговля и предпринимательская энергия населения жестко связаны. За годы реформы в области произошел значительный рост занятости в торговле, что может быть индикатором значительного запаса предпринимательской энергии в региональной общности людей. Ее сравнительный уровень, безусловно, выше среднероссийского.

Природа активов региона воздействует на миграционное поведение людей, на интенсивность обменов знанием[36]. Поэтому неожиданным образом степень информатизации экономики напрямую связана с уровнем мобильности ее активов.

Главные активы области - автомобили - легко передислоцируемы (как алмазы – главные активы Смоленской области). Это их природное свойство оказывает воздействие и на миграционное поведение людей, и на интенсивность информационных обменов. Природа активов, пространственное поведение людей, интенсивность обменов знанием находятся в системной связке друг с другом в области. В других регионах, наоборот, иммобильность активов увеличивает оседлость людей и усиливает информационную стагнацию.

Малый бизнес – составной элемент самарского мобильного комплекса. Его плотность в экономике области максимальная. По оценкам, до 60% всех работников областной экономики занято в малом бизнесе (10 малых предприятий на 1000 жителей и 30 индивидуальных предпринимателей на 1000 жителей. У каждого индивидуального предпринимателя занято в среднем еще 3-4 человека). Это десятки тысяч предприятий, половина в торговле, остальные, в основном, в строительстве и промышленности.

Сказать, что малый бизнес - это сектор самарской экономики, будет недостаточно. Это не сектор, не сегмент, это всепроникающая сфера. Ток малых предприятий вездесущен. Питательной средой малого бизнеса выступает развитая дорожная сеть, выпускаемые в Тольятти автомобили, всегда более дешевый, чем в других поволжских регионах, бензин. С опорой на эти поддерживающие элементы, на свой страх и риск, возникает стихия местного предпринимательства.

Дробление крупных государственных предприятий и формирование на их основе и автономно - малых - новое информационное явление в областной экономике. Большие производственные коллективы области советского времени всегда имели печать интеллектуальной унификации. Их разгосударствление, дробление на приватизируемые малые привело к иной циркуляции потоков знания. Раньше факторное знание о поставщиках, производственное знание о технологических процессах, сбытовое знание были разобщены по разным подразделениям крупного предприятия. После их разукрупнения, исчезновения больших производственных коллективов – носителей стандартов формальной информации, возникла среда малого бизнеса с его новой опорой на социальный капитал и неявное знание, высекаемое в личностном общении, а его обеспечивают дорожные сети, компактность области, высокий уровень автомобильности. Оно характеризуется значительным разнообразием и является питательной средой для инноваций и экспериментов. Прежнее разобщенное факторное, производственное, сбытовое знание в малом бизнесе

[36] Если бы не длительная слабость региональной исполнительной власти Калининградской области, регион мог уже давно иметь беспрецедентный для России уровень информатизации и максимально продвинуться в построении информационного общества.

интегрируется в единое – предприниматель должен одновременно иметь информацию о рынках сбыта, технологическом процессе и поставщиках. Он один аккумулирует, систематизирует всю эту информацию, сводит ее в целостность.

В области есть города, которые утратили градообразующие предприятия и теперь целиком сформированы малым бизнесом. Есть отрасли экономики, например, легкая промышленность, которые радикально изменили свою организационную структуру и в результате дробления крупных предприятий теперь представлены только малыми. Во всех этих случаях одновременно радикально изменяются формы информационных обменов и виды знания, которым обмениваются субъекты экономики.

Развитые транспортные сети, высокая плотность населения и квалифицированные мобильные кадры с энергией – все эти факторы придают развитию области инновационный характер.

Охарактеризуем позитивное давление плотности.

По фондовой плотности регион занимает десятое место в России. Область закономерно имеет высокую долю имущественных налогов в структуре бюджетных доходов (до 10%). Плотность активов разных собственников, значительно изношенных в Самарской области, формирует среду возбужденной мысли, интенсивные контакты профессионалов по поводу их непрерывной модернизации, малой и крупной трансформации. Это особенно заметно, если сравнить область с регионами близких объемов основных фондов, но обширных по площади. Например, Ханты-Мансийский автономный округ. Там другая атмосфера хозяйственных решений, совсем другая напряженность интеллектуального поиска по поводу инновационной модернизации активов.

Информационное общество не любит ландшафтных, социальных, этнических, коалиционных разрывов (бедность, город-село и др.). «Гладкая» Самарская область обретает здесь преимущество перед другими регионами в скорости формирования нового общественного устройства. Компактность территории, частота человеческой коммуникации и энергия населения выступают как стимул к постоянному обновлению экономики.

7. Изменение структуры и природы регионального знания в период реформы

Трансформация самарской экономики в 1990-е годы воздействовала на информационные потоки в областном хозяйственной контуре. Более высокая эффективность самарской приватизации по сравнению с другими регионами России проявилась в том, что скорость восстановления тока факторного, производственного и маркетингового знания новыми, негосударственными собственниками в крупных предприятиях автомобилестроения, нефтепромышленного комплекса была очень быстрой, единый ток знания внутри сохраненных больших предприятий не прерывался. Потерь в знании, потерь информационной преемственности практически не было. Быстрота и глубина преобразований собственности на главных предприятиях области являются бесспорным достоинством региона.

Энергия местной общности людей проявилась в том, что с одной стороны, скорость формирования слоя малых предприятий была здесь выше среднероссийской, с другой, значительная часть крупных предприятий (больше, чем в России в среднем) первоначально попала в собственность инсайдеров.

Только в ВПК-кластере обозначались значительные информационные проблемы. Уникальное знание специалистов авиакосмического комплекса длительное время не было востребовано по прямому назначению, а интеллектуальная рента присваивалась не ее носителями, а частными поставщиками самарских ФГУПов или квазигосударственными торговыми структурами.

Меры региональной власти были нацелены на проведение приватизации и разграничение собственности таким образом, чтобы обеспечить экономию своих информационных усилий и по возможности передать сколько можно координационных функций самим субъектам экономики, рыночным силам.

В структуре производственного знания можно обособить *факторное* знание, которое возникает в результате контактов с поставщиками, по вопросам закупок комплектующих; *технологическое*, *внутреннее* знание основных производственных процессов; *маркетинговое*, *сбытовое* знание о конъюнктуре главных рынков конечной продукции. В советской дефицитной экономике основная нагрузка приходилась на факторное знание. Для его генерирования на предприятиях создавались специальные отделы поставок, отделы закупок. Сбои в поставках комплектующих нередко становились причиной остановки конвейеров, например, на ВАЗе.

Во внутреннем знании производственных процессов доминировала чисто инженерная, технологическая составляющая, финансовая и экономическая были не развиты, редко выявляли

истинный уровень и соотношение основных производственных затрат. Сбытовое знание практически не было развито.

Переход к рыночной экономике сразу же вызвал значительную нагрузку на маркетинговое знание. На всех крупных предприятиях произошло обособление этого знания в отдельной структуре (одновременно отделы поставок были численно сокращены или выведены за контур предприятия) – центры маркетинга, отделы сбыта, которые получили новые задачи анализировать состояние рынков продукции предприятия и оперативно вносить предложения корректировать основной производственный процесс. (Структура маркетингового знания зависит от рынков продукции предприятия: только самарский, только экспортный, только российский, в том числе областной.)

В советской экономике предложения инженерное, техническое знание доминировало в производственных процессах, что отражалось и в структуре знания всей региональной экономики. В рыночной экономике спроса значительно большее развитие получает знание гуманитарное, финансовое, экономическое, правовое, и это новое знание укореняется и распространяется во всей региональной экономике.

Сбор факторного знания осуществляется через взаимодействие поставщиков и промышленных потребителей. Факторное знание жестче, стабильнее, определеннее, технологичнее, долгосрочнее, чем сбытовое. Поэтому информационная нагрузка в советской экономике была для большинства предприятий, за исключением крупных капиталоемких автомобильных гигантов со сложным ассортиментом поставок, сравнительно слабее, чем для крупных рыночных предприятий нового времени. У последних значительная нагрузка приходится на дисперсное сбытовое знание, сбор которого требует значительных усилий и энергии ввиду его природы - нестабильной и изменчивой во времени. Наконец, оно очень быстро устаревает! И потому требуется постоянный мониторинг для его обновления.

Чем шире ассортимент выпускаемой продукции, тем больше нагрузка на сбытовое знание. И факторное, и сбытовое знания имеют более гибкий и быстро устаревающий характер при производстве потребительских, а не промышленных товаров.

В первые годы реформы сбытовое знание своим напором первоначально разрушило длительную культуру внутреннего, технологического, инженерного знания. Последнее трансформировалось в новое, финансово-инженерное знание, с финансовой доминантой (привлечение инвесторов), которой ранее не было. Для этого потребовалось около пяти-семи лет.

Внутреннее знание необходимо для долгосрочного развития, потому оно всегда имеет длительный характер, сбытовое знание спринтерское, короткоживущее, в этом проявляется его разрушительная мощь. Неудивительно, что деловые услуги (консалтинг, реинжиниринг бизнес-процессов) для обогащения внутреннего знания получают развитие только после перехода от краткосрочной на долгосрочную модель развития предприятий. Поэтому бизнес-услуги так долго и в России, и в Самарской области оставались недоразвитыми. Не было потребности в этом долгосрочном знании для обогащения долгосрочного же внутреннего знания.

Трансформация внутреннего знания нередко в Самарской области была связана с приходом прямых иностранных инвестиций и сопряженным с ним импортом институтов. О резервах совершенствования внутреннего знания может свидетельствовать факт трехкратного сокращения средних затрат на добычу нефти после реорганизации структуры «Самаранефтегаз», частичного обновления материальных активов в 1999-2002 годах.

Маркетинговое знание обладает свойствами наиболее быстрого устаревания. Но поскольку его воспроизводство (обновление) стоит относительно недорого, его подтягивание до адекватности последним тенденциям рынка не требует сверхусилий. Но после этого обнажаются противоречия между меняющимся маркетинговым знанием и более консервативным факторным и производственным знанием. Сбытовое знание давит на последние. Соответствие достигается вложениями в научно-исследовательские работы по модернизации внутренних технологий и технологическому взаимодействию с поставщиками. Обновление знания стоит здесь дорого.

Значительное воздействие на природу регионального знания в Самарской области в 1990-е годы оказала модернизация ВАЗа как предприятия-флагмана промышленности. Еще в советское время, в отличие от большинства других крупных предприятий, где доминировало S-знание[37] о поставщиках, здесь прививалось западное D-знание – о рынках сбыта, а также новое финансово-инженерное знание о внутренних производственных процессах. ВАЗ всегда имел очень широкую географию экспортных контрактов. Советский потребительский рынок ввиду его дефицитности не

[37] S-знание – supply-knowledge, D-знание – demand-knowledge.

создавал условий для развития маркетингового знания. И оно формировалось под влиянием работы на внешних рынках. В отличие от большинства советских предприятий на ВАЗе еще в 1970-1980-е годы был навык работы с настоящим искушенным потребителем рыночной экономики.

Это знание в условиях стенок ведомственной вырезанности ВАЗа из тела областной экономики в советское время и его слабой применимости для реалий той хозяйственной эпохи очень слабо проливалось на соседние виды деятельности и территории. Однако с началом реформы, при внутриобластной кластеризации ВАЗа, маркетинговое и финансово-инженерное знание ВАЗа стало активом субъектов местной экономики. *Эффект его перелива стал действовать в областной экономике очень мощно.* В ряду других причин он объясняет отрыв области от других регионов Поволжья по объемам прямых иностранных инвестиций - причем далеко не только в автомобильный кластер.

Советское детализированное неявное знание об особенностях предприятий комплектующих ВАЗа, размещенных в других регионах СССР, очень трудно получаемое и добываемое, с началом реформы казалось не нужным. Потому что теперь не ВАЗ должен был добиваться их поставок, а они, наоборот, были счастливы сохранять заказы ВАЗа как финишного производителя, от которого шел поток денежных средств. По многим поставкам комплектующих произошло замещение внеобластных производителей своими, самарскими.

Однако нельзя считать старое факторное знание совсем лишним. В контексте внутриобластной кластеризации ВАЗа старое знание о поставщиках оказалось востребовано неожиданным образом. Детальное знание поставщиков, о стиле и методах их работы, помогло создать очень быстро их *дублеров* в самой области, в результате тесного взаимодействия старых служб поставок завода и новых бизнес-структур, разным образом образованных из ВПК-предприятий или самого ВАЗа.

Быстро прошедшая вертикальная интеграция в нефтепромышленном кластере Самарской области эффективно понизила информационные издержки контрактации для новых собственников. В случае раздельной контрактации блоков добычи, переработки и сбыта нефти и нефтепродуктов необходимо иметь раздельные виды знания в каждом блоке. В одной ВИНК возможно свертывание видов знаний до единого факторного, единого сбытового и нескольких производственных.

Конфигурации прав собственности очень сильно влияют на интенсивность переливов маркетингового знания на остальную экономику. Например, в нефтепромышленном кластере, предприятия которого находятся в собственности аутсайдеров, сбытовое знание об экспортных рынках очень слабо расплескивается на остальную экономику. В случае автомобильного кластера, предприятия которого находятся в собственности инсайдеров, эффекты переливания знания об экспортных партнерах на всю сеть поставщиков ВАЗа и еще далее очень велики. По сути имеет место не точечный, а площадной перелив знания. Информационная роль учтенного статистикой доллара, полученного от экспорта автомобиля или от экспорта алюминия, нефти для областной экономики совсем разная. В первом случае эффекты переливания знания об экспортных партнерах и вкусах очень велики, во втором случае практически нет эффектов диффузии знания.

Реструктуризация предприятий области ввиду прихода на них новых собственников радикально изменяла нагрузку на маркетинговое знание. И дело не только в том, что в рыночной экономике информация о потребительских рынках имеет безусловно приоритетное значение. Для того, чтобы выжить в новых условиях, многие советские предприятия вынуждены были переходить от использования эффекта экономии на масштабе однотипных операций и видов выпускаемой продукции к эффекту экономии на диверсификации конечной продукции, резкому наращиванию ее ассортимента. Возникла новая информационная проблема поддержания широкого ассортимента постоянно обновляемой конечной продукции. В этих условиях требования к маркетинговой информации не просто выросли, но качественно изменились.

Необходимо было работать одновременно на разных рынках, отправлять на каждый из них свою продукцию. По опросам, 55% самарских предприятий направляли свои информационные усилия для того, чтобы выходить на новые рынки сбыта.

Дробление крупных предприятий и переход к малым формам изменял структуру производственного знания. Предприниматель должен интегрировать в себе все три знания, которые раньше, в крупных государственных предприятиях, были разведены по отделам, в едином знаниевом комплексе. Эта новая ситуация вызвала значительную нагрузку на самообучение новых предпринимателей, курсы обучения основам малого бизнеса, системы профессионального образования взрослых. Все эти институты были призваны добавить к старому слою

производственного знания, которым предприниматели, как правило, обладали, новый слой маркетингового и менеджментного (финансово-инженерного) знания.

Мало признать, что самарская общность людей имеет развитый научный и профессиональный кадровый потенциал. Важна именно его структура, внутренние подвижки и перемены, здесь происходящие в годы реформы, когда новые слои знания накладываются на старые, одновременно носители знания переходят из одного вида деятельности в другой. Самое очевидное влияние экономической реформы на областной запас знания в экономике состояло в том, что здесь значительно быстрее, чем в других регионах, возникли высокообразованные кадры, с современным экономическим, юридическим и техническим образованием, адаптировавшиеся к рынку.

Охарактеризованные изменения в структуре знания предприятий оказали влияние на структуру всего регионального знания. В зависимости от цели анализа можно исследовать областные сдвиги в структуре регионального знания по занятости или по объемам промышленного производства.

Факторное знание экономики сжалось – многие его носители в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве поменяли вид деятельности или даже его сохранив, переключились на новые направления (табл. 10). С другой стороны, виды деятельности, которые преимущественно базируются на использовании маркетингового знания, например, торговля, получили ускоренный импульс к развитию. «Сетевое» знание сохранило, а гуманитарное знание социальных процессов увеличило свое значение.

Таблица 10

«Знаниевая» структура региональной экономики[38]

Показатель	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Занято в экономике, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Факторное знание													
промышленность	37,1	36,9	35,7	35,6	34,2	32,5	32,8	30,8	29,8	27,9	28,7	28,4	28,5
сельское и лесное хозяйство	9,1	9,3	10,1	9,8	9,7	9,0	8,0	7,7	7,6	9,0	8,8	7,8	7,5
строительство	11,8	11,2	11,3	10,6	10,6	10,8	9,2	8,0	7,6	6,9	6,7	8,9	8,9
Всего													
Маркетинговое знание													
торговля и общественное питание	7,1	7,1	7,1	9,5	9,0	9,5	7,9	11,7	13,9	15,2	15,1	15,6	15,7
Всего	7,1	7,1	7,1	9,5	9,0	9,5	7,9	11,7	13,9	15,2	15,1	15,6	15,7
Коммуникационное (сетевое) знание													
транспорт и связь	7,7	8,2	8,3	7,9	8,9	9,0	10,5	9,7	8,8	8,6	8,3	8,2	8,2
ЖКХ, бытовое обслуживание населения	4,9	4,8	4,6	4,7	4,4	4,5	5,1	6,1	5,6	5,4	5,3	4,8	4,7
Всего													
Гуманитарное знание													
образование, культура и искусство, наука	12,5	12,1	11,9	11,0	11,4	12,3	11,9	11,6	11,8	11,5	11,1	11,1	10,5
здравоохранение, физическая культура, соц. обеспечение	5,9	6,1	6,0	6,1	6,5	6,7	7,1	7,1	7,1	7,1	7,1	6,9	6,8
прочие отрасли	3,9	4,3	5,0	4,8	5,3	5,7	7,5	7,3	7,8	8,4	8,9	8,3	9,2
Всего													

8. Информационные обмены как механизм изменения структуры регионального знания

Исходная структура регионального знания в 1990-е годы реформы подверглась значительной трансформации. Основным фактором изменений стали информационные обмены – физические перетоки кадров со знанием из одного вида деятельности в другой, наращивание нового знания без

[38] Осознаем грубость нашего подхода – некорректно всю промышленность относить к видам деятельности, опирающимся на факторное знание; понятно, что внутри каждого промышленного предприятия есть подразделения, задействованные на добывании факторного, производственного, маркетингового знания; некорректно всю торговлю относить к видам деятельности на маркетинговом знании, и там есть также и факторное, и производственное. Мы преследовали цель не столько сравнить распространенность видов знания внутри экономики, что в рамках такого прямолинейного подхода абсолютно невозможно, как проследить динамику развития каждого вида знания – факторного, маркетингового, сетевого – в период радикальных преобразований собственности. И с очень многими допущениями и уточнениями, думается, что общее представление об этом на основании грубого анализа сдвигов в структуре региональной занятости, получить можно.

миграционных перетоков в результате самообразования, курсов обучения, неформального общения специалистов и обменов неявным знанием.

В период реформы в компактном пространстве области происходили очень интенсивные процессы информационного перемешивания. Спровоцированные кризисом межсекторные и внутрисекторные перетоки кадров оказались очень конструктивными для придания гибкости и интенсивных обменов знанием в областной экономике. По сути в области не было обособленных застойных информационных анклавов, все кусочки регионального знания находились в тесном соприкосновении друг с другом и диффундировали.

Изучение маршрутов циркуляции информационных потоков, обменов знанием позволяет выявить в структуре региональной экономики то, что ускользает при прямом анализе «реальных», симметричных информации и знанию, феноменов. Опыт наших исследований последних лет доказывает, что *обмены знанием организованы в регионах очень по-разному.*

9. Динамика пространственных обменов информацией

Процессы рождения нового и передачи старого знания в Самарской области периода реформы, зависели от свойств пространства, в котором они происходили. Наиболее ярко эти свойства проявлялись в функционировании депрессивных территорий компактного размещения ВПК-производств; в многосторонних контактах городских и сельских поселений; в информационном взаимодействии людей внутри крупнейшей Самаро-Тольяттинской агломерации. На наш взгляд, эти три направления включают практически все особенности пространственных обменов знанием *внутри* Самарской области. Успех на каждом фронте содействовал информационному сплочению области и приближал цель создания информационного общества.

Лечение депрессивных ВПК-территорий, важнейшей особенностью которых была атмосфера информационной стагнации, отсутствие притока новой информации по технологическим и организационным алгоритмам локального развития, состояло в привнесении сюда новых технических решений для модернизации старых производств, а при невозможности осуществления инженерных инноваций, привнесение сюда институциональных инноваций, новых норм и правил экономического поведения участников, призванных создать для них стимулы к саморазвитию. Технологические и институциональные инновации могли замещать друг друга – в одном случае применялись новые инженерные решения для предприятия, в другом, когда не было возможностей быстрых технических нововведений, использовались нормативные правовые новшества – формирование нового режима особой экономической зоны. Технологические и нормативные новации могли применяться и совместно.

Другое направление пространственных переносов знания проходило по линии «город-село». Высокая оснащенность средствами коммуникации сельской местности и компактность области обеспечивали здесь интенсивные контакты сельских и городских жителей все последние десятилетия.

Особенность области – границы между городом и селом ввиду очень высокого для России уровня урбанизации (80,5% населения проживает в городах) здесь условны и подвижны. Ток городских ценностей и институтов проходит не по отдельным точечным направлениям, как в других регионах России, но по всему фронту, сетевым образом, ввиду тесного площадного соприкосновения городского и сельского расселения.

Урбанизированность и компактность обеспечивают легкость перетоков городского знания в села и быстрое восстановление единства аграрного знания в условиях радикальной реформы, повсеместных преобразований отношений собственности. Институты и технологии эффективной промышленности здесь способны плодотворно перетекать в сельское хозяйство, взаимодействовать с сельским укладом и оказывать на него позитивное дисциплинирующее воздействие для повышения общей эффективности аграрной экономики. Но не просто перетекать и взаимодействовать. Степень проницаемости города и села так беспримерно велика в Самарской области, что стала в трудный период реформы важным нематериальным активом, обеспечила не просто взаимопроникновение двух пространственных составляющих областной экономики, но очень *глубокую* их интеграцию. Самое тонкое, искушенное городское знание в виде финансовых институтов, инновационных технологий внедрялось в сельскую местность очень быстро:

- возникла уникальная вертикальная интеграция на восходящем, без утечек, движении профессионального аграрного знания «агропредприятия-образовательные учреждения- научные организации» в рамках ассоциации «Аграрный образовательный комплекс Самарской области» - единство учебного, научного и производственного процессов в подготовке, переподготовке и повышении квалификации сельскохозяйственных кадров;

- в животноводстве в новые молочно-товарные фермы были внедрены передовые технологии мирового уровня, позволяющие получать 9000-10000 кг молока от коровы;
- в растениеводстве использовались новые ресурсо- и влагосберегающие технологии.

Интеграция города и села проходила различно в животноводческом и зерноводческом подсекторах самарского АПК. Самарский мобильный комплекс (личный транспорт, дешевый бензин, предпринимательская энергия) обеспечил эффективность быстрого разукрупнения крупных животноводческих хозяйств советского времени, созданных в 1960-1980-е годы, и их трансформацию в эффективные, товарные, хозяйства населения. Сегодня они производят 60% мяса и молока, 75% яйца, которые сдаются крупным городским предприятиям, модернизированным иностранными инвесторами (ОАО «Вимм-Билль-Данн Продукты Питания» (ВБД) ОАО «Новокуйбышевскмолоко» и др.).

Главная информационная проблема в такой схеме агропромышленной интеграции - как собрать разрозненное знание с тысяч мелких личных и фермерских хозяйств, об их потребностях, наиболее важных направлениях поддержки и др. Особые усилия направляются поэтому на создание структур информационно-консультационной поддержки селян, ассоциирование мелких агропроизводителей.

В зерноводческом направлении основными производителями остаются сельскохозяйственные организации. Сбор информации здесь проходит через формирование конкурентного областного рынка зерна, для чего создана Самарская зерновая биржа.

Наконец, еще одно направление пространственных информационных обменов осуществлялось внутри третьей в России (после Московской и Питерской) Самарско-Тольяттинской агломерации, образуемой городами Самара, Тольятти, Жигулевск и Новокуйбышевск, в которой проживает 80% населения области. Ввиду плотных контактов разных людей здесь постоянно происходило смешение разного знания, прежде всего продвинутого инженерного знания ВПК-производств и знания технологий автомобилестроения.

10. Меж- и внутрисекторные обмены информацией в годы реформы

Самарская экономика с точки зрения природы знания может быть представлена как двухсекторная. Первый сектор (назовем его условно «промыслы», подчеркнув историческую связь промыслов с местными ресурсами, которые они вовлекают в хозяйственный оборот) объединяет виды деятельности, опирающиеся на местное знание о ресурсах и ландшафтах (*локализованное знание*), второй (назовем его условно «хозяйство», подчеркнув отсутствие связи с местными ресурсами и опору на неспецифичные технологии) - на более стандартизованное знание производственных технологий и процессов (*мировое знание*). В экономике Самарской области преобладают отрасли и виды деятельности, опирающиеся на стандартизованное знание.

В классическом подходе к региональной экономике она видится как жестко структурированная по секторам и отраслям, соединенным лишь технологическими и финансовыми связями. Однако в реальности виды деятельности/отрасли и хозяйственные слои обладают высокой горизонтальной и вертикальной проницаемостью не только к материально-вещественным потокам, но и к восприятию знания и информации, норм, правил соседних секторов и слоев.

Роль в региональном развитии этого переноса знания, институтов, их трансферта между слоями ранее недооценивалась. Экономические реалии Самарской области периода реформы доказывают, что она может быть очень значительной. В условиях национального кризиса и радикальной трансформации экономики особое распространение получали внутрисекторные переливы знания (межсекторные в силу значительных различий в природе знания осуществлялись реже).

Первый сектор объединяет несколько вертикальных производственных цепочек – локализованный внутриобластной нефтепромышленный кластер (добыча-переработка-сбыт) и менее собранные агропромышленный комплекс, промышленность местных строительных материалов, электроэнергетику, опирающуюся на местные гидроресурсы, попутный нефтяной газ и мазут. Он формирует около 30% в общем объеме промышленного производства, характеризуется очень быстрым приходом внешних собственников в основные активы, минимальным износом основных фондов. Его информационный потенциал для областной экономики состоит в высокой инновационности, активном импорте институтов (прямых иностранных инвестициях) и опоре на «схватывание» информации механизмами конкурентного рынка нефтепродуктов.

Возраст нефтяной провинции оказывает давление на процессы генерирования нового технического знания. Без использования новых методов добычи даже удержание ее на уровне 7-10

млн тонн невозможно. В пакете необходимых мер - привлечение квалифицированных кадров, импортной технологии сервисной компании «Schlumberger», лучшего отечественного оборудования.

Парадоксально, что компания, которая имеет плохую репутацию как руководствующаяся исключительно финансовыми целями, в данном случае идет на значительные затраты, чтобы повысить наукоемкость своих скважин, вместо того, чтобы оправданно отдать их малому бизнесу, для которого мелкие и истощенные самарские месторождения являются естественной сырьевой базой. Но локализованное сочетание добычи и переработки, наличие квалифицированных кадров внутри кластера формируют атмосферу *сгущения интеллекта*, персональных обменов знанием, плодотворную для рождения инноваций.

И именно факторы плотных конструктивных обменов знанием, без которых не мыслим кластер, препятствуют диссипации крупного промысла на фрагменты участков малого бизнеса. Потому что тогда исчезнет кластер, исчезнет возможность осуществлять важный для компании трансфер знания в свое другое подразделение – «Юганснефтегаз», соединенное с первым трубопроводной сетью (сеть укрепляет возможности трансфера знания). Получается двойной эффект: в локализованном компактном кластере в Самарской области (выгодное сочетание интеллекта, промысла, переработки) формируется среда для инноваций, укоренения новых технологических решений в конкретных природных и социальных условиях. Затем эти апробированные решения транслируются в северное подразделение компании – в Ханты-Мансийский автономный округ (южные инновации начинают работать на севере).

Другой самарский парадокс состоит в том, что монопольно доминирующая в добыче и переработке, оптовой торговле компания добровольно отдает контроль над потребительским рынком области сотням малых и средних операторов, с ней никак не аффилированных. На территории области находится более 400 автозаправочных станций. Неудивительно, что здесь самые низкие средние цены на бензин всех марок в Поволжье. Конкурентный рынок нефтепродуктов здесь, где предпосылки к нему не очевидны – является результатом и одновременно сильным индикатором внутриобластной свободы потоков информации и знания, без которых немыслимо информационное общество.

В области создана среда свободной циркуляции информационных потоков. Там, где нет препятствий рыночной координации силами конкуренции, она естественно возникает, более того, региональные власти способствуют именно такому решению проблемы распространения экономической информации там, где это возможно. Создан конкурентный рынок зерна (через областную биржу зерна). Поэтому в такой среде естественное решение для розничного рынка нефтепродуктов – быть конкурентным. Похоже, что основные его субъекты признают это наиболее удобной для всех формой экономической координации. В информационной среде другой области при сходных обстоятельствах (например, Псковской, Рязанской), безусловно, была бы избрана монопольная структура рынка нефтепродуктов.

Почему в нашей секторной стратификации мы оторвали нефтедобычу, нефтепереработку от нефтехимии? Как можно оценивать финальное обособление добычи, переработки нефти от нефтехимии по собственникам? Является ли такое обособление эффективным в сравнении с советской целостностью - в одних руках государства ?

Представляется, что финально назначенные права собственности являются сильным аргументом за верность нашей секторной стратификации экономики на «промыслы» и «хозяйство». Добыча и переработка нефти, несмотря на значительную долю привозной, остаются «промыслами», т.е. не утратили «теплую» связь с местной почвой, местной ресурсной базой. И этот согретый теплом места ток знания рождает инновации. С другой стороны, нефтехимия абсолютно опирается на привозимое сырье и потому имеет природу «хозяйства», т.е. безразлична к природным свойствам места (хотя чувствительна к факторам квалифицированных кадров). Процесс приватизации поставил здесь естественный эксперимент – по какому основанию можно экономно развести собственность в нефтеперерабатывающем-нефтехимическом блоке. Выяснилось, что главный фактор такого экономного обособления собственности – по природе исходного сырья – свое или завозимое.

В других, более фрагментированных видах деятельности сектора в последние годы наблюдался бум прямых иностранных инвестиций - пищевая, промышленность строительных материалов. Трансферт западного знания и технологий повышал конкурентоспособность этих видов деятельности, они замещали своей продукцией на местном рынке импортную. Этот бум иностранных инвестиций и знания может быть понят как межсекторный переток опыта, накопленного в результате пионерного сотрудничества ВАЗа с иностранными инвесторами, на новые сферы деятельности.

В первом секторе доминируют внутрикластерные (нефтепромышленный) перетоки информации и знания и межсекторные перетоки знания от ВАЗ-кластера к другим видам деятельности. Во втором секторе главной тенденцией, обозначившейся в последнее десятилетие, были интенсивные информационные перетоки от авиакосмического к автомобильному кластеру.

Второй сектор образован двумя кластерами[39], собранными из горизонтальных цепочек (первый, напомним, из одной вертикальной) - ВПК-кластер и ВАЗ-кластер, и множеством финишных вертикальных цепочек нефтехимии, цветной металлургии и пищевой промышленности, которые работают на завозимом сырье и на экспортные рынки. Износ фондов здесь значительно выше, чем в первом секторе. Значительные незадействованные основные фонды подавляют стимулы к инвестиционной деятельности. Но именно в этом кластере находятся крупнейшие компании России из Самарской области (табл. 11).

Таблица 11

Рейтинг крупнейших компаний России по объему реализации продукции

2003 г.	2002 г.	Компания	Регион	Отрасль	Темп прироста (%)	объем реализации в 2002 г. (млн долл.)	Рентабельность (%)	Среднесписочное количество работающих (тыс. чел.)
9	8	АвтоВАЗ	Самарская область	машиностроение	-8,1	3 808,4	1,1	121,6
90	111	"АвтоВАЗагрегат"	Самарская область	машиностроение	35,4	191,3	4,4	4,4
110	92	"Тольяттиазот"	Самарская область	химическая и нефтехимическая промышленность	-5,1	159,8	-0,1	3,7
124	108	"Куйбышевазот"	Самарская область	химическая и нефтехимическая промышленность	-0,3	146,1	6,9	4,4
196	188	"ВАЗинтерСервис"	Самарская область	машиностроение	8,5	91,4	2,0	3,4

Авиакосмический кластер (и ВПК в целом) был сформирован в области еще в советское время, а первые элементы – с военного времени. Его информационная роль в области в советское время была минимальной по причине ограниченных внешних обменов знанием ввиду секретности.

Его составляют предприятия и организации по разработке, производству, испытаниям самолетов, средств авиации общего назначения (малых самолетов), ракетоносителей, автоматических космических аппаратов, а также авиационных и ракетных двигателей с применением технологий мирового уровня. Они выпускают ракетно-космическую технику, самолеты ТУ-154, Ил-90-300, двигатели серии НК, подготовлены к выпуску АН-140, ТУ-204, ТУ-334.

В отличие от первого, ВАЗ-кластер базируется на традициях очень широких информационных обменов (иностранным и отечественным знанием), очень сильной информационной культуре. Сам факт размещения нового завода в Самарской области учитывал наличие здесь критической массы профессиональных инженерных кадров оборонных предприятий. Перелив военного знания на новый объект-флагман советской промышленности был ограниченным в 1970-1980-е годы. ВАЗ-проект имел слабое информационное воздействие на область, потому что возникал изначально как союзный суперпроект, ударная комсомольская стройка СССР. Его информационные обмены по факторному и сбытовому знанию осуществлялись исключительно широко в стране и мире, и лишь очень незначительно в самой Самарской области. Горизонтальная контрактация со смежниками потребовала от работников ВАЗа значительной способности к коммуникации, обмену знанием, много больше, чем это требуется при вертикальных контрактах, например, в контуре «добыча-переработка».

Значение ВАЗ-проекта, которое он оказал на всю советскую экономику с точки зрения информационной, исключительно велико. Это был первый импорт институтов такого масштаба для производства, которое имело социальный характер, было обращено своей продукцией на потребительский рынок, что было абсолютно ново для СССР. Без ВАЗа Самарская область осталась бы военно-индустриальной площадкой, каких много в Поволжье. И только социальность ВАЗа все изменила и породила в регионе современный феномен успешного информационного развития.

[39] Для нас важнейшим критерием кластеризации является присутствие научной мысли, высококвалифицированных кадров (трудовые ресурсы+знание), собственной системы профессионального образования, которые способствуют интенсивным внутренним информационным обменам и рождению инноваций.

10.1. Трансформация советского межотраслевого комплекса в региональный кластер (новая природа информационных обменов)

Главный результат последнего десятилетия реформы для областной экономики, который имеет фундаментальное значение для всех процессов в ней, в том числе и процесса формирования информационного общества, - создание регионального автомобильного кластера. В советское время его не было. В начале 1990-х годов тольяттинское предприятие было вырезано из областной экономики как ведомственный анклав (свое снабжение, свои зарплаты, свои цены, свое социальное обеспечение), предприятия области обеспечивали ВАЗ комплектующими на 2%, только четыре предприятия самарского оборонного комплекса работали на завод.

Спустя десять лет более 30% поставок на завод осуществляли местные предприятия, около 200 малых и средних оборонных предприятий области работали на потребности ВАЗа. ВАЗ-кластер обеспечивает теперь 60% занятости промышленности, 20% областных бюджетных доходов. Только с образованием регионального кластера знаниевый потенциал ВАЗ-проекта стал работать на областную экономику, что придало мощное ускорение формированию в регионе информационного общества.

В Детройте горизонтальные контракты вокруг основного сборочного производства изначально были замкнуты в пределах одного хозяйственного ареала, одного штата. Автосборочные заводы, металлургические предприятия, предприятия по выпуску комплектующих изделий там территориально соседствовали друг с другом. Весь технологический автомобилестроительный цикл был предельно локализован. В советском случае, с другой стороны, была реализована совсем другая концепция: на базовый завод в Тольятти были замкнуты сотни смежников по всей стране – поставщиков деталей и запасных частей.

С началом радикальной экономической реформы трение в этой системе – по причине остро проявившегося оппортунизма поставщиков, возросших транспортных издержек, образования СНГ (часть поставщиков ВАЗа находились в союзных республиках) значительно возросло; и изменение природы горизонтальных контрактов по линии «завод-смежники» стало неотложной необходимостью. Усилия региональной власти были сосредоточены на том, чтобы постепенно развернуть кризисные самарские машиностроительные предприятия на потребности ВАЗа и тем понизить его зависимость от контрактации с внеобластными дальними поставщиками. Для этого была принята специальная программа «Развитие сотрудничества предприятий Самарской области с ОАО «АвтоВАЗ».

Одновременно с изменениями отношений собственности, сужением географии контрактных партнеров ВАЗа радикально изменилась экономическая и информационная роль проекта в областной экономике. По сути состоялось второе рождения ВАЗа уже не для страны, а для региона. В последние 12 лет возникли новые эффекты от ВАЗа для региона, которых в предыдущие 20 никогда не было. Рождение нового кластера можно сравнить с созданием в области нового завода. И все это происходило очень незаметно. Подлинными героями нового рождения ВАЗа для региона, создания нового кластера стали сотни самарских малых и средних предприятий, очень быстро вовлеченных в его орбиту в период радикальной реформы.

Преодоление ведомственной анклавности ВАЗа в 1990-е годы и переход его к новым местным собственникам очень быстро укоротили факторные связи с поставщиками (от общесоюзной ВАЗ-контрактации к внутриобластной), резко усилили информационные обмены вокруг формирующегося кластера внутри региона. Кластеризация сопровождалась одновременным масштабным привнесением западных технологий, западного знания по комплектующим и вытеснением многих прежних внеобластных поставщиков ВАЗа.

Производство комплектующих при переносе их в область было часто не просто копированием старых схем, но созданием при помощи западного знания и ресурсов с чистого листа значительно более продвинутых аналогов. Оно налаживалось очень быстро (императивное давление обстоятельств) - как по требованиям военного времени – ВАЗ нужно было обеспечивать сейчас и срочно - при отказе от внешних поставщиков. Эта *невидимая технологическая революция* произошла в чрезвычайно короткие сроки. Имелись сильнейшие информационные, интеллектуальные, организационные предпосылки, чтобы этот рывок был так быстро, так успешно совершен: компания Tudor, контролирующая 45% аккумуляторного рынка Европы, предоставила технологии, оборудование и комплектующие фирме. Спустя несколько месяцев «Аком» приступил к сборке аккумуляторов.

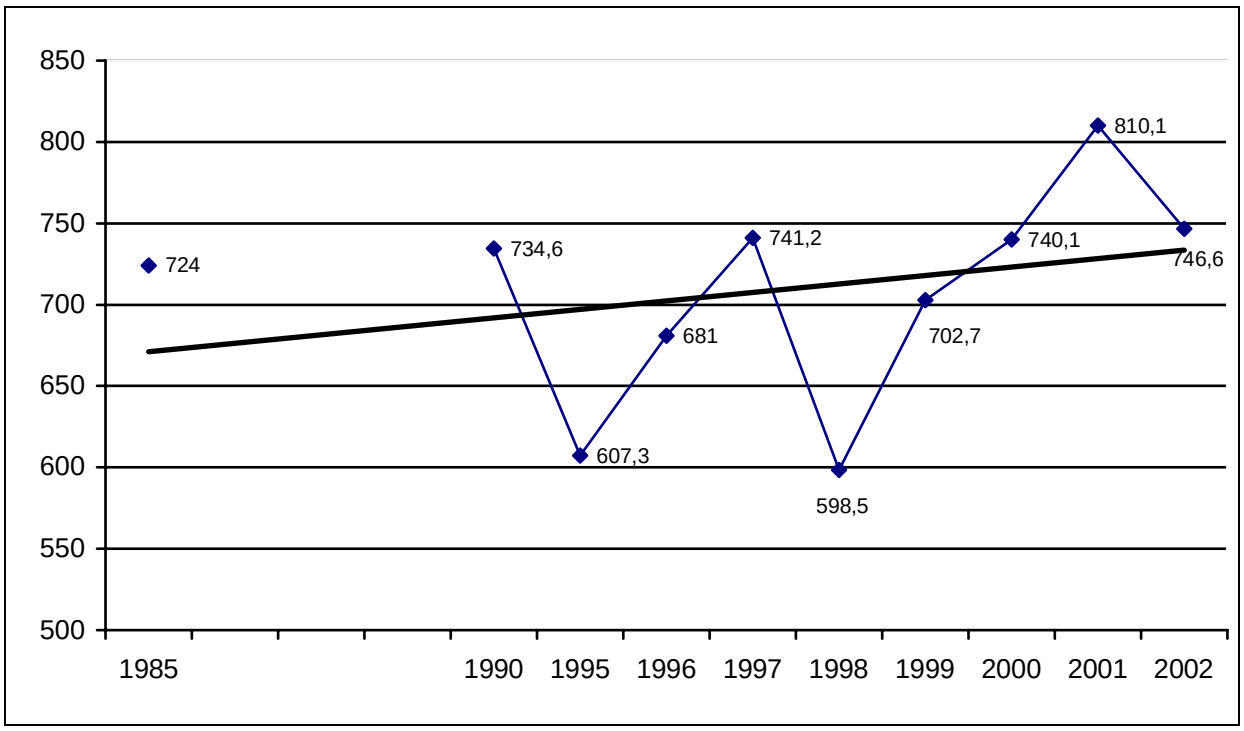

Рис. 1. Линия жизни самарской экономики (производство легковых автомобилей, тыс. шт.)

10.2. Регионализация автомобильного кластера на фоне обрушения авиакосмического кластера

Масштабное «знаниевое» и кадровое проникновение в автомобильный кластер со стороны кризисного авиакосмического началось в годы реформы. В Советское время этого не могло быть, потому что существовал не региональный, а советский межотраслевой ВАЗ-комплекс и из-за стенок секретности в авиакосмическом кластере. С началом реформы действие этих барьеров ослабло. И очень быстро предприимчивые молодые работники ВПК-заводов стали переходить в малый и средний приавтомобильный бизнес. Большую роль здесь сыграло то, что средний возраст самарской популяции людей немного моложе, чем в России в целом и в других регионах-аналогах. Понятно, что молодым квалифицированным кадрам совершать межкластерные перетоки было легче, чем пожилым.

Формирование регионального автомобильного кластера интенсифицировало интеллектуальную атмосферу внутри области. Можно назвать это усилением напряженности информационного поля вокруг ВАЗа – за счет повышения скорости и частоты контактов специалистов, вовлечения в орбиту ВАЗа абсолютно нового ВПК-знания и новых кадров.

По состоянию на 1990 г. оборонно-промышленный комплекс Самарской области производил около 20% ВРП. В 2002 году его доля в валовом региональном продукте упала до 2,5-3%. В этом угадывается влияние не только общего кризиса с гособоронзаказом, но и местное влияние ВАЗа, который перенацелил предпринимательскую энергию людей ВПК-кластера.

Конверсия военного знания в гражданское проходила по абсолютно неожиданному алгоритму. В начале реформы предполагалось, что всегда параллельно существующие на оборонных предприятиях цеха гражданской продукции станут основой создания новой экономики из недр оборонных гигантов. И для такой точки зрения были основания. До 1992 г. оборонные предприятия были фактически монополистами в производстве многих видов бытовой техники и гражданской продукции производственно-технического назначения. В первые годы реформы доля гражданской продукции ВПК-предприятий повсеместно значительно возросла (табл. 12). Однако затем выяснилось, что гражданская конверсионная продукция существенно проигрывала импортным аналогам по качеству. Военное знание в большинстве случаев не смогло быть перенацелено на гражданские нужды *в контуре* конверсируемых ВПК-предприятий.

Но одновременно конверсия военного знания в гражданское происходила, и очень успешно, вне контура ВПК-предприятий, в среде новых малых и средних предприятий, первоначально чисто торговых, затем торгово-технических, торгово-инженерных, и, наконец, предприятиях производства автокомпонентов для ВАЗа (таковы были маршруты их эволюции в Самарской области).

Таблица 12

Динамика производства по конверсионным предприятиям оборонных отраслей промышленности (по 16 предприятиям), % к 1991 году

	1991	1992	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Удельный вес военной продукции в общем объеме производства ВПК	33,0	19,5	33,7	34,0	29,0	28,0	23,0	31,7	42,7
по военной продукции	х	59,0	29,1	31,4	20,6	24,0	17,3	27,7	46,9
по гражданской продукции	х	85,3	35,5	29,3	21,4	20,8	19,8	23,4	21,9

Переток военного знания с крупных предприятий в гражданское, оформленное структурами малого бизнеса, осуществлялся с одновременной его трансформацией, достройкой новых слоев маркетингового, финансово-экономического знания, необходимых для выживания малого бизнеса. Одновременно с перетоком происходило переобучение военных инженеров.

Кризис ВПК-кластера стал одновременно мощным источником инноваций, привнесения новой культуры и нового инженерного знания в автомобильный кластер. Представляется, что потенциал этой миграции знания реализован еще далеко не полностью. Усилия ВПК-мигрантов пока сосредоточиваются на копировании западных аналогов для производства российских комплектующих, искра творчества привносится в процесс адаптации западного знания к конкретным российским моделям ВАЗа. Но в будущем обязательно будут предложены новые технологические решения для моделей ВАЗа, для чего могут быть использованы кусочки общего знания, например, производства авиационных и автомобильных двигателей.

Перенаправленное военное знание проливается в новую область и вызывает там взрывную волну инноваций. Так может произойти, если созреют благоприятные предпосылки (многие уже есть). Западный опыт учит, что окружающая среда крупного концерна, состоящая из сотен малых фирм, обречена быть инновационной. Самарской экономике пока не хватает совсем немногих факторов, чтобы малые привазовские фирмы оторвались от краткосрочной торговой деятельности и перенаправили свою энергию на выработку инновационных технологических решений: гарантий защиты прав интеллектуальной собственности, более мощных материальных стимулов со стороны самого завода. На уровне областной власти значимость этой проблемы оценена уже давно, о чем свидетельствует принятая еще в 1997 году «Программа областного целевого инвестиционного фонда содействия конверсии», в которой было предусмотрено создание на заводах Самарской области производств, обеспечивающих комплектацию Автоваза. Впоследствии была принята Концепция совершенствования взаимодействия малых предприятий с крупными, программа «Инновации-производство-рынок», на основе которой будет формироваться инновационная система преобразования накопленного научного потенциала в реальные технологии. Сейчас в Самарской области в отрасли «наука и образование» работает 551 малое предприятие.

Формирование нового информационного взаимодействия малого бизнеса (из кадров бывших ВПК-предприятий или обособившихся от самого ВАЗа) с ВАЗом порождает проблемы формирования новых институтов франчайзинга и других. В российской экономике эффективного решения пока не предложено ни на каком уровне (крупный нефтяной и малый бизнес, крупные концерны машиностроения и малый бизнес). Между тем очевидно, что потенциал вертикальной интеграции, строительства суперхолдингов в российской экономике уже исчерпан. Главная структурная инновация, которой еще только предстоит овладеть, это взаимодействие крупных и сателлитных малых структур, которые на Западе обеспечивают до 75% контрактации материнской структуры (в России только 5-10%). ВАЗ уже приступает к поискам в этом направлении, о чем свидетельствует создание СП с Дженерал Моторс для производства джипа «Нива-Шевроле». Инновации легче укореняются в малых структурах, чем сразу в больших с высокой инерцией. Перелив нового знания в крупную структуру может привести к его искажению или фрагментации на кусочки. Наоборот, перелив **знания в обособленную малую структуру гарантирует сохранение его целостности.**

Напор «избыточного» инженерного знания из ВПК-сектора в условиях быстрой реструктуризации в годы реформы был повсеместно очень сильным. Военное знание искало выхода в автосервисе и производстве автокомпонентов для ВАЗа, для этого его носителю нужно было стать мобильным, т.е мигрировать по агломерации в целом; в растущем секторе деловых услуг и услуг домохозяйствам, производстве медицинской техники и лекарственных препаратов и других направлениях.

Военная мысль отрывается от кризисного предприятия, утрачивает свое былое единство и разливается по направлениям конверсии, блуждает по «якорным» видам деятельности региональной экономики – ВАЗ, медицинские услуги и др. Материальные активы ВПК-отраслей стационарные, однако инженерное, профессиональное знание специалистов отрасли более мобильно и вместе с ними способно перетекать в новые направления деятельности.

На примере динамики НИОКР-организаций области можно увидеть разную судьбу структур-носителей разной научной мысли. Конструкторские бюро ВПК-предприятий привязаны к военным технологиям, не могут изменить свой профиль и потому исчезают в условиях кризиса ВПК-предприятий. С другой стороны, НИИ менее привязаны к головным ВПК-предприятиям и потому способы изменить профиль, ценой уменьшения своего размера. В большинстве своем они сохраняются путем радикальной трансформации размера, целевых задач и форм финансирования (табл. 13).

Таблица 13

Число организаций, выполнявших исследования и разработки[40]

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Научные организации Всего	75	64	68	72	70	64	63	60	59
научно - исследовательские	29	33	36	36	37	34	33	34	34
конструкторские	12	9	5	4	4	5	5	4	4
Проектные и проектно-изыскательские	9	5	4	3	3	2	2	1	2

10.3. Бум производства автокомплектующих

Процесс региональной кластеризации сопровождался возникновением малого бизнеса по производству автокомплектующих. Эти малые предприятия образовывались разным образом - в результате обособления от ВАЗа, дробления старого крупного поставщика, создания нового бизнеса бывшими работниками ВПК-предприятий. С точки зрения рождения инноваций третий путь конверсии военного инженерного знания в направлении автомобильного сервиса наиболее обещающий. Просто обособление от ВАЗа или замещение внеобластных производств собственными не дает нового инновационного качества, а оно очень важно.

Качество выпускаемых комплектующих постоянно повышается и уже близко к международным стандартам. Поэтому возникает задача экспансии на весь поволжский рынок, подготовка комплектующих для УАЗа, ГАЗа и Ижевского автомобильного завода. Таким образом, первоначально произошло сосредоточение производства многих автокомплектующих в контуре самой области. Этот процесс сопровождался очень быстрым овладеванием новым знанием и его совершенствованием. Он был настолько успешен, что спустя несколько лет уже возникает задача экспансии на весь поволжский рынок, насыщения не только ВАЗа, но и других заводов выпускаемыми комплектующими. Чтобы оценить масштаб произошедших всего за 10 лет перемен, нужно вспомнить, что в начале 1990-х годов никакого производства комплектующих в Самарской области, по сути, не было. Такой прогресс стал возможен ввиду квалификации, энергии, активных кадровых перетоков из ВПК- в автомобильный **кластер.**

10.4. Сильное маркетинговое знание западного рынка перенацелено в 1990-е годы на российский рынок

Механизм наследования приобретенных признаков существует не только в биологии. Знание, накопленное в процессе социально-экономической эволюции, может быть передано как черта организации через интервал времени. Так из предвоенной в послевоенную Японию, которая находилась совсем в иных экономических условиях, были переданы организационные навыки работы крупных фирм. Так в Самарской области из советского в новое время были переданы навыки работы ВАЗа на западном потребительском рынке уже для российского рынка.

В советское время западное маркетинговое знание для дефицитного рынка СССР было не нужно. Оно работало для экспортных внешних контрактов ВАЗа. Для него делались спецвыпуски и экспортные модели, для которых практиковалась особая сборка, особый маркетинг. В этой двойственности заключалась сбытовая философия ВАЗа советского времени: отсутствие маркетинга

[40] Самарский статистический ежегодник, 2002; Программа экономического и социального развития Самарской области на 2004-2008 гг.

для советского рынка, специальные технологические и маркетинговые усилия для работы на экспортном рынке.

И вот это знание внешнего потребителя (ВАЗ до настоящего времени остается компанией, имеющей максимальную географию внешней торговли – табл. 14, т.е. нагрузка на маркетинговое знание внешнего потребителя и сегодня исключительно высокая) впоследствии было использовано для работы на рынке России, для успеха в конкуренции с западными моделями. Старое знание было перенацелено на новую область.

Таблица 14

Предприятия-экспортеры с наибольшей географией внешней торговли

N	Название предприятия	Отрасль	Регион	Количество стран-импортеров в 1999 г.
1	ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат»	Черная металлургия	Липецкая область	88
4	АО «АвтоВАЗ»	Машиностроение	Самарская область	70

После акционирования завод стал самостоятельно налаживать сбыт. Сначала из-за гигантского автомобильного дефицита все шло по инерции. Потом затоваренность. Тогда возникла западная идея создания региональных складов. Сегодня их пятьдесят. Завод берет на себя проблемы транспортировки, которая в итоге оказывается дешевле, чем у мелких фирм. А дальше местный дилер после стопроцентной предоплаты получает машины, минуя посредников. Так была создана разветвленная дилерская сеть ВАЗа, которой нет больше ни у одной автомобильной компании России.

10.5. Информационное значение ВАЗ-кластера

ВАЗ-проект, основанный на масштабном переносе западной технологической культуры, западного опыта менеджмента и маркетинга в советскую экономику, вынужденно породил множество институциональных инноваций, в основном связанных с деталями укоренения итальянского опыта автомобилестроения в среде административно-командной экономики. В позднесоветский период были сформированы позиции информационного лидерства[41] этого проекта в промышленности СССР. Именно здесь генерировалось новое для страны знание, новая производственная культура. Именно с этого проекта родилась в СССР новая культура «брендов» - узнаваемых всенародно марок - Лады, ВАЗы, Нивы.

С 1990-х годов информационный потенциал ВАЗа стал работать на регион. Несмотря на проблемы устаревших технологических линий и материальных активов, безусловная продвинутость в маркетинговом, финансово-инженерном знании ВАЗа сохраняется и подкрепляется новыми реализуемыми проектами (ВАЗ-Джи ЭМ, «Калина», новое опытно-промышленное производство-завод). Эта информационная продвинутость менеджеров ВАЗа может быть объяснена их натренированной восприимчивостью к западному знанию: *не менее, чем сам импорт знания, важна потенциальная готовность донора к его восприятию*. Эти качества являются безусловным достоинством руководителей ВАЗа. Они способствовали выживанию завода и формированию нового регионального кластера в кризисные 1990-е годы.

ВАЗ-проект, впоследствии ВАЗ-кластер, изменили структуру регионального знания. Без него локализованное знание «промыслов» могло бы составлять до 50%, теперь не более 25%. Мировое знание стало работать для экономики области с 1990-х годов.

Но ВАЗ-кластер влияет не только на восприимчивость западного производственного знания и культуры. Верно и обратное. Узнавание российских реалий западным инвестором первоначально в узкой области автомобилестроения впоследствии непрерывно расширялось и охватывало все новые отрасли самарской экономики, в которые уже в 1990-е годы приходят прямые иностранные инвестиции. Например, финские специалисты участвовали в строительстве научно-технического центра ВАЗа. В последние годы специалисты области и финны осуществляют сотрудничество в производстве строительных материалов и нефтехимии.

Если у иностранного инвестора есть выбор, то первоначально он приходит в те виды деятельности, которые максимально пластичны, универсальны, мало специфичны к месту, и лишь после – в природно- и ландшафтно специфичные направления. Потому в лесопромышленном

[41] Информационный лидер – пионерная, максимально активная по трансферу информации отрасль, кластер, вид деятельности экономики.

комплексе сначала осуществляются инвестиции в переработку, и потому уже - в весь процесс заготовки и воспроизводства лесных ресурсов, в агропромышленном комплексе - сначала в пищевую промышленность, а не само сельское хозяйство. (В добычных видах деятельности могут сразу же применяться импортные технологии. Например, в Самарской области на базе промышленных предприятий с участием иностранных фирм организовано производство сельскохозяйственной техники).

11. Область - среда интенсивных горизонтальных переливов и вертикальной интеграции слоев знания (роль системы образования и квалифицированных кадров)

В Самарской области сформированы условия для интенсивного взаимопроникновения разного знания, его активного перемешивания в контуре региона. Она включает активный внешний обмен информацией и знанием с другими странами и регионами России, так и интенсивный приток и использование иностранных норм, правил экономического поведения, технологических решений в самарской экономике. Эти явления сегодня не уникальны и для других субъектов Российской Федерации. Абсолютно уникальным является интенсивность, масштаб и скорость этих процессов в Самарской области. Здесь у нее практически нет равных в стране.

Помимо внешних обменов, в области создана среда активных внутренних обменов знанием на всех уровнях - пространственном, межвременном, меж- и внутрисекторном, личностном. Эти обмены способствуют рекомбинации старого знания и появлению абсолютно новых его видов, новой *информационной смеси*, которая делает возможным появление инновационных бизнес-проектов.

Область не является лидером в России в сфере финансового менеджмента. Однако сплочение своего традиционно продвинутого инженерного и нового финансового знания удается ей довольно успешно. На этом синтезе возникают новые специализированные финансовые институты, например, страхования строительных рисков, и эти структуры занимают первые места в России. Финансово-инженерное знание способствовало развертыванию в области и России перспективного проекта лизинга новых автомобилей. Региону по силам выйти на российский рынок с высокотехнологичными услугами инженерного консалтинга, конструкторского проектирования, технического сопровождения бизнес-проектов.

Области удается межвременный перенос знания от старых к новым видам деятельности. Так была создана абсолютно новая подотрасль пищевой промышленности - производство минеральной воды на базе областных природных источников - через трансфер знания от давно работающих предприятий соседнего профиля - ОАО «Самарский комбинат спиртовой и ликероводочной промышленности «Родник», ОАО «Тольяттинский завод шампанских вин и безалкогольных напитков «Росинка». Синтез знаний разного вида позволил активно провести сплошную информатизацию социальной сферы, критичную для формирования информационного общества. Переплавка военного знания в гражданское, осуществляемая в структурах малого бизнеса, позволила области очень быстро заместить внешних производителей автокомплектующих и стать лидером на рынке Поволжья и России. Во всех перечисленных случаях успех бизнесу приносил напряженный ток знания с его одновременной, *подчас неожиданной*, трансформацией, рекомбинацией, *непредсказуемым синтезом* его нитей в новую целостность.

Внешние и внутренние информационные обмены агентов экономики области настолько интенсивны, что формируют единую региональную систему знания, непрерывно пополняемую и обновляемую за счет нового потока. Это происходит и в других регионах России, но здесь интенсивность и включенность субъектов экономики в процесс настолько велики, что преодолевается природная фрагментированность самарской экономики на обособленные кластеры и виды деятельности: никто не изолирован от коллективных обменов знанием, все включены в этот совокупный областной бизнес-процесс.

Сильные преимущества области в креативной атмосфере, гладкой контрактации хозяйствующих субъектов, интенсивных информационных обменах, продвинутости в построении информационного общества компенсируют ее явные недостатки в виде предельно изношенных материальных активов, архаичных технологических линий ВАЗа, кризисного авиакосмического кластера. Совокупным действием всех преимуществ региона является формирование очень гибкой, очень адаптивной экономики, способной к реструктуризации в любом направлении.

Важную роль в обеспечении этой гибкости играет местная система образования (прежде всего профессионального и переобучения взрослых) – официальная система передачи знания. Формальная система воспроизводства знания *всегда* является индикатором экономических событий и тенденций, демографических (в том числе миграционных), политических (в том числе военных). Ток знания в

процессе профессионального образования очень уязвим к внешним экономическим и политическим воздействиям.

В период радикальной экономической реформы сильная местная система профессионального образования была сохранена, в отличие от ситуации в других индустриальных регионах-аналогах. Она и сегодня является наиболее развитой среди российских регионов. В ней занято около 30 тысяч человек, накоплен мощный научно-технический потенциал, количество учреждений среднего специального профессионального образования даже возросло с 1990 года на девять единиц. Она сохранилась даже в кризисном ВПК-секторе, что подтверждает потенциальную жизнеспособность этого вида деятельности. Пока жива система передачи знания, экономическая деятельность имеет шансы сохраниться. Но как только система межпоколенной, межкадровой передачи знания разрушается, следом разрушается и сам вид деятельности, который питает культивируемая система знания.

Например, среди всего семейства «Кристаллов» - алмазо-гранильных комбинатов СССР, сохранился только смоленский, потому что только там в позднесоветский период был создан вокруг основного производства мощный научно-образовательный комплекс, по сути кластер, обеспечивающий непрерывное воспроизводство и передачу знания «русской огранки». Именно этот факт объясняет жизнеспособность смоленского завода в кризисные 1990-е годы – на фоне обрушения остальных союзных предприятий семейства «Кристалл».

Но система профессионального образования Самарской области не только сохранилась (сегодня доля бюджетных затрат на нее выше, чем в индустриальных регионах-аналогах), но и восприняла от экономики черты гибкости (система передачи знания всегда отражает сердцевинные особенности, природу местной экономики и присущий ей тип циркуляции информационных потоков). Главный критерий гибкости – способность системы передачи знания совладать с экономическими, демографическими, политическими изменениями. В Кемеровской области жалуются на постоянные дисбалансы между потребностями рынка труда в кадрах новых специальностей и неспособностью местной системы образования их готовить, между спросом работодателей и нежеланием молодежи идти на эти вакансии по рабочим специальностям.

Сопоставление ситуации с Самарской областью выявляет, что эти противоречия не имеют имманентно присущего современной российской экономике характера. Здесь налицо постоянное реформирование системы образования, которое по-видимому теперь, в условиях быстрого устаревания знания, просто неизбежно. Меры по реструктуризации специальностей, по которым осуществляется подготовка кадров в структурах профессионального образования, включают:

- обновление специальностей (выведение невостребованных, введение новых программ) составила от 23% в Самарском социально-педагогическом колледже до 60 % в Губернском колледже г. Сызрани;
- изменение направленности подготовки специалистов в областных учреждениях среднего профессионального образования медицинского профиля: наряду со специальностями группы «здравоохранение» вводятся специальности гуманитарного, социального, технического профиля
- преобразование педагогических колледжей в социально-педагогические, готовящие кадры для всей социальной сферы.
- объединение учреждений начального и среднего профессионального образования.

Общепризнанно, что важным активом области являются ее квалифицированные кадры. Однако само по себе наличие или даже доминирование высокопрофессиональных работников в занятых еще ничего не означает. Важно именно их плотное сопряжение, возможное в очень компактном регионе, с хорошо развитой дорожной и коммуникационной сетью. Тогда это начинает играть, потому что факторы неформального общения подогревают инновативность, повышают градус творчества, обмены знанием.

Близкие показатели Хабаровского края и Самарской области по доле квалифицированных кадров в занятом населении на деле означают гигантское преимущество Самарской области как более компактной и высоко плотной. Здесь наличие образованных людей, часто интенсивно общающихся друг с другом, значит действительно очень много.

Но и частоты контактов мало. Важна еще коллективная энергия общности людей (обычно связана с мобильным пространственным поведением). Тогда возможно предельное усиление позитивного действия квалифицированных человеческих ресурсов, подогревающих друг друга энергией творчества при плотных частых контактах в компактном регионе. Повторим: мигранты или оседлые кадры со специализированным и универсальным знанием при наличии сильной внутренней энергии и компактности регионального контура, пронизанного информационными сетями – таковы условия предельного усиления благоприятных условий для творческих информационных обменов и

рождения нового знания. Сопряжение всех аналогичных факторов для кадров *без знания* (неквалифицированных) означает способность к успешной коллективной деятельности в виде трудоемких строительных работ.

Заключение

Самарская экономика эффективна в процессах аккумулирования нового знания (масштабный импорт институтов), налаживании его внутренних перетоков в результате конверсии военного знания в гражданское от ВПК-кластера к автомобильному, в процессе урбанизации по оси «город-село», формировании каналов информационного обмена, которыми являются развитые сети всех видов. Частота обменов личностным знанием поддерживается за счет высокой мобильности самарской общности людей и активного миграционного обмена области с соседними регионами и странами. Среда интенсивных информационных обменов формируется за счет доминирующего в областной занятости слоя малого бизнеса.

В случаях высоко дробной однородной структуры сбор информации осуществляется институтами конкурентного рынка (бензина и зерна). В случаях сложных технологических комплексов сбор информации проходит нерыночными институтами вертикальных и горизонтальных холдингов, а основными хранилищами информации выступают создаваемые при нефтепромышленном, авиакосмическом, автомобильном кластерах научно-образовательные центры разного вида.

Региональная власть осуществляет информационную координацию основных субъектов экономики косвенным образом, через создание государственно-корпоративных структур (например, ассоциации делового сотрудничества), аккумулирующих знание об экономических процессах, или поощряя развитие конкурентных рынков. Ее децентрализованная структура адекватно отвечает сложности экономики и позволяет улавливать наиболее значимую информацию от субъектов экономики и на нее оперативно реагировать. Нормативная правовая база области в максимальной степени утверждает нормы информационной культуры – информационной прозрачности власти, ее обязательств перед населением в обменах знанием, полнокровных информационных прав структур гражданского общества.

Система профессионального образования области в силу своей гибкости выполняет задачи межпоколенной передачи профессионального знания для молодых жителей и замены устаревшего знания новым для взрослых. Частота и интенсивность личностных контактов носителей технического (инженерного) военного и гражданского, гуманитарного знания в компактном контуре региона способствует самообучению профессиональных кадров и рождению технологических инноваций. Сектор услуг в своей значительной части обеспечивает успешную интенсивную коммуникацию агентов экономики, домохозяйств, бизнеса и власти.

Радикальная экономическая реформа ликвидировала федеральную анклавность ВАЗ-проекта и стенки секретности вокруг авиакосмического кластера области. Это повлекло бурные изменения в направлении и интенсивности региональных информационных потоков, значительно более активное распространение в экономике неявного знания и информации, высекаемых только при персональном общении специалистов, не передаваемых формальным путем. В их результате родился абсолютно новый региональный автомобильный кластер и возник экономический бум, приуроченный к новому для области бизнесу автокомплектующих.

В области созданы благоприятные условия для предельной при действующей макроэкономической модели скорости движения к информационному обществу. Интегральным признаком формируемого информационного общества являются стереотипы поведения региональной общности людей, формы взаимодействия агентов экономики, отличающиеся от большинства российских регионов. Они создаются за счет повышенной способности субъектов местной экономики перерабатывать и усваивать постоянно обновляемое экономическое знание. Неслучайно темп институциональных изменений в самарской экономике оказался в период реформы выше, чем у ее соседей.

Сергеева К.П.

НИЖНИЙ НОВГОРОД – СТОЛИЦА ПФО

Центром политической, экономической, культурной жизни большинства стран мира являются их столицы, как правило, одна в каждом государстве. В ряде стран столицами называют два города (старая и новая столица). В федеративных государствах очень важную организующую роль играют центры субъектов федерации, зачастую имеющие свою законодательную базу, отличную от федерального законодательства, но статус столичности они не имеют. Усиление регионализма в Российской Федерации привело к росту значимости столиц республик, входящих в РФ, облик которых очень изменился в лучшую сторону за последнее десятилетие. Выделение 7 федеральных округов способствовало обозначению их организующих центров. Многие из них заметно увеличили свою значимость в системе городов России (Ростов на Дону, Хабаровск). Естественно, что центры округов выбирались неслучайно. Как правило, ими становились наиболее крупные по численности населения и значимые по экономическому и культурному развитию города.

Центром Приволжского федерального округа, включившего в себя 15 субъектов РФ, стал город Нижний Новгород, самый крупный по численности населения в ПФО (1362,0 тыс.чел. в 2004 г.). Хотя в этом округе находится наибольшее число городов – миллионеров (5 из 13), все они испытывают тенденцию к сокращению численности населения. Город Пермь на период переписи 2002 г. находился на рубеже отнесения его к городам – миллионерам (1000,1 тыс. чел.).

Нижний Новгород всегда имел чрезвычайно выгодное физико-географическое (расположен на стыке целого узла пересекающихся или проходящих вблизи него физико-географических границ, создающих контрастность природных факторов) и экономико-георафическое положения - на стыке двух важнейших водных магистралей, на пересечении важнейших водных и автомобильных дорог, идущих с востока к Москве, в центре Русской равнины. [7, с.35]. Великий русский художник И. Репин о нем написал: «… Этот царственно поставленный над всем востоком России город совсем закружил наши головы. Как упоительны его необозримые дали ! Мы захлебывались от восхищения им, и перед нашими глазами вставала живая история старой Руси …». Нижний отличается центральностью положения, ближе всех городов – миллионеров ПФО расположен к Москве, а за присутствие здесь крупной ярмарки его издавна называли «карманом Москвы» Радикальные экономические реформы усилили феномен ЭГП, дав ему интегральную оценку внутренней среды региона, способности организовывать инновационную предпринимательскую деятельность, направленную на динамичный экономический рост означенный территории. Основными составляющими ЭГП (помимо традиционных) явились бюджетообразующие фирмы, вертикальные и горизонтальные связи с субъектами РФ, входящими в ПФО. Неслучайно одной из первых ассоциаций экономического взаимодействия явилась «Большая Волга» (с центром в Нижнем Новгороде), деятельность которой направлена на интеграцию субъектов, прилегающих к Волге. Экономико-географическое положение превратилось в «нематериальный актив», (Пилясов А.Н. 2003 г.) находящийся в руках региональной власти. К великому сожалению этот актив пока мало использован нижегородскими властными структурами, хотя амбиции называть Нижний Новгород «столицей» возобладают над здравым смыслом.

Несмотря на то, что местные средства массовой информации очень часто акцентируют внимание на «столичности» Нижнего Новгорода, нижегородцы весьма скептически к этому относятся в связи с тем, что качество материализации и реализации многочисленных проектов пока находится на стадии идеи, а качество жизни населения не соответствует столичному.

Безусловно, Нижний Новгород больше других весьма значимых городов ПФО имеет право быть столицей округа, тем более, что исторически этот город уже был в XIV веке столицей Суздальско-Нижегородского княжества, которое выделялось обширностью и значимостью на северо-востоке Руси. В то же время Нижний являлся центром русской колонизации Верхнего и Среднего Поволжья. В это время Москва только начинала укрепляться, а ее князья венчались на княжение во Владимире. Последующие годы отмечены соперничеством между Москвой и Нижним за главенство на Руси. В 70-х годах XIV века нижегородский край был разорен монголо-татарами и в 1392 году присоединен к Москве, с тех пор стоял он на восточных рубежах страны, не пускавших татар к большой столице. С 1445 года ни один враг не входил на вершину горы, где стоит нижегородский Кремль. Видно с добрым помыслом в 1221 году скорее всего на закате лета, положили наши предки на нынешних кремлевских взгорьях первый венец первого сруба, от которого и начинается град Нижний. Именно здесь утвердилась государственность, культура, нравственный облик великорусского народа. Именно нижегородцы предотвратили захват России поляками, организовав

ополчение под предводительством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, девизом которого было «Крупно за едино !» («Вместе за одно !»). Этот девиз и поныне определяет отношения нижнего Новгорода к Москве.

На территории ПФО есть еще две древние столицы татарских ханств – Астрахань и Казань, но Астрахань потеряла этот статус давно, а Казань вместе с 5 другими столичными городами, сравнительно молодыми по возрасту, является столицей Татарстана, входящего в ПФО. Недавно Казань отпраздновала свое тысячелетие, в подготовке к которому, по словам М. Шаймиева был ликвидирован полностью ветхий жилой фонд города. Древняя Казань обновилась, помолодела, и в интервью телевидению М. Шаймиев назвал Казань «евразийской столицей». Так что столиц на территории ПФО более, чем достаточно. В последнее десятилетие столицы республик Поволжья изменили свой внешний архитектурный облик и по уровню благоустройства соперничают даже с более крупными городами (например, Чебоксары).

Несомненно, внешний облик города для столичности имеет большое значение. Нижний Новгород – один из красивейших городов России. Здесь до сих пор остались улицы и переулки, отдельные здания, сохранившиеся с давних пор. Это достояние жители города называют «старый Нижний». Есть в облике города и природно-историческое своеобразие, и державность. П. Мельников-Печерский в романе «На горах» так описал Нижний Новгород: «Город блистал редкой красотой…над широкой водной равниной великана встают и торжественно сияют высокие горы, крытые густолиственными садами, ярко-зеленым дерном выровненных откосов и белокаменными стенами древнего кремля, что смелыми уступами слетает с кручи до самого речного берега. Слегка тронутые солнцем громады домов, церкви и башни гордо смотрят с высоты на тысячи разнообразных судов…, густо сталкивающихся у городских пристаней и по всему плесу… Это внутренний русский порт, как назвал его Петр Великий».

Город красив и сейчас, хотя в его архитектурном облике нет единого стиля. Примечательно, что старинные особняки и красивые церкви, в создании которых приняли участие О. Монферран, А. Бетанкур, Ф, Торричелли и другие известные зодчие, соседствовали с целиком деревянными или на каменном фундаменте купеческими домами, многие из которых были связанны с жизнью замечательных людей Нижнего, и к сожалению, не сохранились. Но есть еще целиком деревянные улочки, которые и являются подлинным лицом Нижнего Новгорода, тогда как вновь застроенные кварталы XX века часто лишают город его индивидуальности, и «старый» Нижний теряется в этих многоэтажках. Хотя Нижний испортить трудно, ведь по словам В. Немировича-Данченко «едва ли какой-нибудь другой русский город может похвалиться такою широкой панорамою. Такими необычно красивыми видами, как Нижний». До сих пор деревянные особняки с кружевами наличников можно еще сохранить, подремонтировав, заменив подгнившие бревна. Тем не менее одноэтажные деревянные дома кажутся заброшенными, либо зияют выбитыми окнами и обгорелыми стенами (в последние годы деревянные дома часто возгорались, освобождая землю для индивидуальных особняков, никак не вписывающихся в архитектуру улиц древнего города). Тем не менее сейчас в рамках «программы столичности» создается столичный жилой комплекс, расположенный на въезде в город, который отцы города хотят представить визитной карточкой Нижнего. Вряд ли ! Это еще надо заслужить. Да и как он будет выглядеть на фоне ветхого жилого фонда, выходящего зачастую на главные парадные улицы города. Безусловно, сочетание ухоженного старого и охраняемого современного в архитектурно-строительном облике городов придает им особую индивидуальность, на которую претендуют многие столицы.

Нижний Новгород – крупнейший и давно сформировавшийся промышленный центр страны, ядро одного из главных промышленных узлов России. Его специализация – наукоемкое машиностроение. В 90-х годах экономический кризис привел к обвалу именно этих отраслей, в составе которых значительную часть составляли производства военно-промышленного комплекса. Безусловно к началу XXI века кое-что изменилось: расправляет крылья авиационная промышленность, возобновляется производство на ряде бывших крупнейших машиностроительных заводов, наращивает производство индустрия строительных материалов и.т.д. Тем не менее по объему промышленного производства в РФ Нижегородская область занимает 12 место, а по привлечению иностранных инвестиций только 32-е. Бизнесмены и руководители предприятий причину непривлекательности области для потенциальных инвесторов видят в чрезмерном бюрократизме, затягивании процедур оформления документов. [3, с.15].

Вместе с тем в Нижнем Новгороде крупные контракты часто заключаются фирмами совместно с московскими, поэтому значительная часть прибыли уходит обратно в Москву, и очень мало вкладывается средств в развитие своего региона. Да и по уровню политических рейтингов,

имеющих важное значение в экономическом развитии, Нижегородская область опустилась к 2003 году до 80 места среди субъектов РФ, в чем немалую роль сыграла политическая элита. Что уж тут говорить о «столичности», если положение города является одним из ведущих факторов.

Даже в ПФО город и область по объему промышленной продукции производства занимают лишь 4-е место, по объему инвестиций в основной капитал 5-е, по розничному товарообороту 3-е место. Как правило 1 и 2 места принадлежат либо республике Татарстан, либо Самарской области, что обусловлено преобладанием отраслей, связанных с добычей и переработкой нефти, наиболее престижных и быстро растущих отраслей в нашей стране и более удачным руководством региона. В Нижнем Новгороде первых лиц в руководстве области и города за безразличное отношение к проблемам малой родины называют «временщиками»[9, с.35].

На современном этапе экономического развития крупные города, тем более столицы, сокращают промышленное производство, увеличивая строительство и инфраструктурный комплекс. По объемам введенного в строй жилья Нижний Новгород занимает 8 место среди городов-миллионеров РФ (без учета Москвы и Санкт-Петербурга), а по темпам ввода жилья - 7 место. В ПФО по объему введенного жилья Нижний занимает 3-е место после Казани и Уфы и 9-е место по темпам роста жилищного строительства. Это мало похоже на столицу даже регионального уровня.

Инфраструктура в городе развивалась давно, поэтому ее успехи нельзя приписывать последнему десятилетию. Так, в Нижнем Новгороде очень хорошая научная база, которая представлена 5-ю университетами, 7-ю академиями, 3-я институтами, более, чем 50-ю НИИ и КБ. По числу научных сотрудников Нижегородская область прочно занимает 1-е место в ПФО, превосходя почти в 2,5 раза занимающую по этому показателю 2-е место в ПФО Самарскую область [10, с.29]. В условиях постиндустриального развития общества научное обеспечение позволит создать новые технологии, поэтому вложение капитала в науку и образование представляет беспроигрышный приоритет. Неслучайно создание технопарков с государственной поддержкой весьма перспективно в Нижегородской области. Нижний Новгород, имея такую научную базу, мог бы обеспечить еще более широкую подготовку специалистов по многим отраслям не только для России, но и для других стран. Столицы как правило являются опорными центрами не только региональных научных исследований, и здесь Нижний Новгород вполне заслуживает этого статуса.

Интенсивно развивается торговля, но медленнее, чем в ряде субъектов РФ. В ПФО по товарообороту на душу населения Нижегородская область занимает третье место после Самарской и Пермской областей. Растет и уличная торговля в городе, увеличиваются, но не благоустраиваются торговые площади. Загрязненные площадки создают вид «одичавших городских ландшафтов». Дополняют эту картину свалки во дворах и на улицах, автомобильные пробки, разрушенное полотно асфальта чуть в стороне от главных магистралей, мало ухоженные скверы и не подстриженные аллеи зелени на городских улицах и.т.д.

Нижний Новгород издавна являлся торговым центром Поволжья, этому способствовало зарождение и развитие ярмарки, которая организовала первую в России торгово-промышленную выставку, показав на ней рост могущества державы. Современная Нижегородская ярмарка не только возродилась, но и стала центром многих российских форумов, международных выставок, заключения крупных межгосударственных торгово-промышленных сделок.

Нижний Новгород был и остается культурной столицей Поволжья. Здесь в 1377 году иноком Лаврентием «со товарищи» была написана древнейшая из дошедших до нас лаврентьевская летопись. Был Нижний хоть и короткое время (1611-1613гг.) «стольным» городом российского книгопечатания. Сюда приехал «государев печатный двор» после пожара 1611 года, переехал и печатник Никита Фофанов. Известен город многочисленными книгами о Житии Святых [1, с.84].

В более позднее время стал Нижний «литературным перекрестком». Здесь родились или долго жили и оставили глубокий след писатели П. Мельников-Печерский, Н. Добролюбов, В. Короленко, В. Даль, Н. Ильинский, П. Чаадаев, А. Пешков (Горький) и д.р. В разное время здесь бывали В. Жуковский, А. Пушкин, Н. Карамзин, А. Радищев. А. Чехов, Г. Успенский, К. Батюшков, Т. Шевченко, А. Дюма, И. Бунин, А. Толстой, А. Мариенгоф, А. Блок и многие другие. Здесь родился и жил талантливый изобретатель и поэт И. Кулибин, изобретатель В. Калашников, создатель неэвклидовой геометрии Н. Лобачевский, автор теории нелинейных колебаний А. Андронов, сюда был сослан А. Сахаров.

Здесь в 1918 году была создана радиолаборатория, объединившая большую группу ученых радио-физиков – А.Ф. Шохина, В.К. Лебединского, П.А. Острякова и д.р., которую возглавил М.А. Бонч-Бруевич. Было позднее в Горьком и КБ Алексеева, создавшего суда на подводных крыльях.

В Нижнем жили и работали зоолог К. Рулье, эколог А. Формозов, краевед и этнограф А. Гациский, здесь закончил свой нелегкий жизненный путь известный генетик С. Четвериков. И сейчас в городе немало крупных и известных научных школ в разных направлениях.

Красота этого края привлекала многих художников. Здесь писали свои картины и этюды Саврасов, Рерих, Боголюбов, Юон, Карелин, здесь родился и жил художник М. Нестеров. Ярмарка стала местом одной из первых художественных выставок в России еще в 1896 году. Для простого люда ярмарка явилась своеобразной школой искусства, особенно иконописи. У истоков рождения нынешнего прекрасного художественного музея в Нижнем стояли академик А.А. Карелин и Н.А. Кошелев. [1, с.155,83].

Слава русского театра зародилась в ярмарочных выступлениях, где бывали все народы Российской империи. По свидетельству «Нижегородских губернских ведомостей» 1847 г. № 37 «Неприятно–странно положение нашего театра: он имеет труппу, какой решительно нет ни в одном провинциальном театре – Соколов, Трусов, Стрелкова не испортят никакого водевиля: оркестр из 30 человек не оскорбит ни одной нотой Вашего слуха». Нижегородские гастроли вызвали первый успех Ф. Шаляпина. Здесь и сейчас работает один из лучших в РФ театр оперы и балета, филармония. В 1998 году нижегородскому драматическому театру исполнилось двести лет. Нижегородская земля дала сценическому искусству Пелагею (Полину) Стрепетову, Любовь Никулину-Косицкую. Здесь родилась и жила киноактриса Хитяева, учился Баталов. Здесь гастролировали М. Щепкин, М. Савина, М. Ермолова [1, с.73]. Сейчас в городе работает 5 театров.

И хотя у Нижнего Новгорода есть своя индивидуальность и много предпосылок, формирующих столичность, все же его функциональная структура не полностью окрашена «столичностью», для этого надо стать лидером, организатором, руководителем по всем показателям экономики, политики, науки и культуры. Таких возможностей у Нижнего Новгорода больше, чем у других крупных городов ПФО.

Литература

1. Андрианов Ю., Шамшурин В. Старый Нижний Н. Нов. 1994
2. Города и городские агломерации в региональном развитии. Сб. XX сессии экон. геогр. секции МАРС М, 2003
3. Деловая неделя. Жур. № 17 2004г. № 6 2005г.
4. Лаппо Г.М. География городов с основами градостроительства М, 1969
5. Лаппо Г.М. География городов М, 1997
6. Нижегородский вариант № 2 2005
7. Природный комплекс большого города под. ред. А.С. Керженцева М, 2000
8. Смирнова В.М. Нижний Новгород до и после Н. Нов. 1996
9. Социально-экономическое положение Нижнего Новгорода. Н. Нов. 2000
10. Чепалыга А.Л, Чепалыга Г.И. Регионы России. Справ. М, 2004

Бубнова А.Р., Стрелецкий В.Н.

ЭТНОКОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение этноконтактных зон в последнее время становится все более важным направлением научных исследований, прежде всего в области культурной географии. Тем не менее, если вопросы *этнокультурных контактов* как таковых давно и плодотворно исследуются и в России, и за рубежом (в исторической науке, этнологии и культурной антропологии, языкознании, археологии и т.д.), то проблематика собственно *контактных зон*, географическая по сути своей, исследована существенно хуже. Историки, этнографы, культурологи нередко используют термин “контактная зона”, либо близкие ему (“*пограничная зона*”, “*лимитроф*”), но до сих пор он четко не определен. И все же некоторые характерные индикаторы “контактной зоны” очевидны – длительное проживание разных этнических групп на одной территории, разнообразие представленных на ней конфессиональных, культурных, административных систем, интенсивное межэтническое взаимодействие [9, с.412-413]. С точки зрения культурной географии, не менее важен и такой критерий, как размытость и “подвижность”, историческая изменчивость границ этноконтактной зоны.

Роль географического подхода, методов пространственного анализа при изучении этноконтактных зон трудно переоценить. Поскольку контакты между народами всегда привязаны к конкретной территории, исключительно важно поставить исследование этнокультурных процессов на

почву реальных географических связей. Отметим, что в географических исследованиях широкое использование понятия “контактная зона” с конца 1980-х гг. стало не просто терминологической новинкой. Ведь и ранее географы нередко писали об “ареалах смешанного расселения”, “полиэтничных регионах”. Но одно дело – фиксация факта совместного проживания народов, этнокультурной мозаики в пределах локальных сегментов земного пространства, и совсем другое – изучение географии этнокультурных взаимодействий.

Заметный рост числа эмпирических исследований в нашей стране по проблематике этноконтактных зон стал отмечаться с конца 1980-х гг. Среди важнейших публикаций по этой проблематике прежде всего отметим два тематических сборника [4; 13], несколько монографий (подготовленных географами, историками и этнографами) и многочисленные статьи.

Объектами специального изучения в этих работах были “узлы” стыка крупных этносов, контактные зоны в условиях пионерного освоения территории, устойчивость этнокультурных “анклавов” и самоидентификация меньшинств в инокультурной среде, соотношение барьерных и контактных функций этнокультурных рубежей, роль конфессиональных групп в пространственной диффузии культуры, этнокультурные контакты в условиях городской среды и др.

Большой опыт накоплен в комплексных исследованиях конкретных этноконтактных зон и даже макрорегионов, в т.ч. и Волго-Уральской области [1; 3; 5; 6; 7 и др.]. Территория современной Нижегородской области издавна входила в состав этого обширного этноконтактного региона, в пределах которого тесно взаимодействовали три крупные группы этноязыковых сообществ Средневолжья – финно-угры, тюрки и славяне.

Историко-географические особенности заселения территории Нижегородской области. Выделяются несколько основных этапов заселения территории рассматриваемого региона.

Первый этап охватывает III тыс. и большую часть II тыс. до н.э. По данным археологии, древнейшими насельниками края были финно-угорские племена. После распада уральского языкового единства на западную финскую и восточную угорскую ветви территорию Средневолжья, в т.ч. и современной Нижегородской области, заселили т.н. восточные волжские финны. Так, племена мещера, мурома, меря сформировались на территории Среднего Поочья, мордовские племена – на обширной территории Окско-Сурского междуречья, а черемисы (церамисы) – в Волго-Сурско-Пьянском междуречье. Черемисы (ныне марийцы) впоследствии были вытеснены мордовскими племенами на лесное Левобережье Волги (территория современной республики Марий Эл). Из народов восточно-финского происхождения на территории Нижегородской области сохранились лишь мордва-эрзя и в междуречье Пижмы и Усты марийцы. Исчезнувшие же этносы сохранили память о себе в топонимике края.

Второй этап начинается во II тыс. до н.э. и продолжается до середины I тыс. н.э. В этот период на формирование этнокультурного облика населения края большое влияние оказали миграции угорских племен из лесостепей Западной Сибири, а также продвижение с юга ираноязычных народов степного пояса Евразии. Многие лингвисты относят иранские заимствования, фиксируемые в мордовском, марийском, отчасти удмуртском языках, именно к этой эпохе.

Третий этап охватывает *вторую половину I тыс. н.э.* Примерно в V-VII веках на территорию края с левобережья Оки проникают восточные славяне (преимущественно предки вятичей), которые расселяются среди местных финно-угорских племен. Начинается смешение финно-угорских племен (мещера, мурома, меря) со славянским населением. Частично финноязычная мещера принимала участие и в этногенезе будущих мишарей. Многие исследователи считают, что именно славяне привнесли навыки земледелия и оседлой жизни в общность финно-угорских народов. Славянские поселения были разбросаны главным образом по берегам Оки и Волги.

Четвертый этап датируется концом I тыс. н.э. – первыми веками II тыс. В эту эпоху на территорию края из южнорусских степей проникают племена угро-тюрков (тюркоязычных угров) – маджар. Видимо, именно они явились первичным субстратом в формировании Сергачской или Пьянской группы мишарей. В X-XI вв. маджары передвинулись в районы среднего течения Оки, а также в Пьянско-Сурское междуречье (характерно, что на Нижегородчине сохранилось много топонимов маджарского происхождения). В этот же период с юга в регион переселяются племена тюрков-булгар, создавших в Средневолжье, как известно, могущественное государство (Волжскую Булгарию). Основным ареалом расселения волжских булгар на территории Нижегородского края был Сурский бассейн. Одновременно с булгарами территорию края также заселяют тюрки-буртасы. Для угров, угро-тюрков и тюрков переселение на Волгу было связано с кардинальной перестройкой хозяйства – переходом от кочевого скотоводства к оседлому земледелию.

Характерная черта следующего – *пятого этапа* (XIII-XV вв.) – вторая «волна» тюркской колонизации региона. С момента установления господства Золотой Орды (1230-е гг.) в районы луговых степей правобережной части Нижегородского края стали проникать кыпчакские племена. В культуре населявших эти территории прото-мишарей происходит окончательное закрепление тюркской (татарской) доминанты (язык, религия, обычаи). Но в этот же период, параллельно с тюркской, начинается и обширная русская колонизация низовских земель по Оксско-Волжскому пути. Во времена Древней Руси, до монгольского нашествия, их заселение русскими шло сравнительно медленно: русской колонизации Низа долгое время противодействовало сильное Булгарское государство. Заселялись в основном благоприятные для земледелия земли Правобережья к северу от Пьяны. Приток русского населения резко усилился с основанием в 1221 году Нижнего Новгорода в месте слияния Оки с Волгой. Еще позже, фактически лишь с XIV в., началось заселение русскими колонистами левобережного Заволжья с его глухими лесами и болотами.

Шестой этап заселения территории региона начинается в XVI в. После падения в 1552 г. Казани Нижегородское Поволжье становится территорией, менее подверженной нападению врагов. Граница или засечная черта государства с Пьяны и Сережи переносится дальше на юг, на Алатырь. С укреплением засек по Алатыри и Суре существенно уменьшилась опасность вторжений кочевых племен с юга. С этого времени начинается активное хозяйственное освоение края. В течение всего периода русского освоения на территориях Нижегородского края появляются монастыри. Они играли важную роль в заселении территории. Население монастырских вотчин частью раскидывалось селами, деревнями, починками на монастырских землях, а частью сбивалось около монастырей в подмонастырских слободах, которые зачастую переживали сами монастыри.

В XVIII веке на территории Левобережья Волги возникли поселения немцев - церковных меннонитов. При Екатерине II немцы-меннониты были приглашены в Россию на постоянное поселение с условием, что они будут заниматься животноводством и земледелием.

К началу XIX в. мозаика этнического расселения в пределах Нижегородского края в основных чертах уже сформировалась. Она включала в себя на северном левобережье – ареалы расселения марийцев и немцев-меннонитов, на южном правобережье – мордвы-эрзя и татар-мишарей. Данные ареалы выступают как некие островки в океане повсеместного расселения русского народа.

Современные особенности этнической структуры населения и этнического расселения в Нижегородской области. **В настоящее** время этнический состав населения Нижегородской области достаточно однородный. Этнические русские составляли по данным последней переписи населения (2002 г.) около 95% жителей области [2]. Крупнейшие из этнических меньшинств – татары (около 1,4%), мордва (чуть более 0,7%) и украинцы (менее 0,7%). Удельный же вес всех остальных этнических групп (чуваши, марийцы, белорусы, евреи и многие другие) значительно ниже.

Русское население Нижегородской области, уже к середине 1970-х гг. превысившее 3,5 млн чел., численно продолжало расти вплоть до последнего десятилетия XX в. (3477 тыс. в 1970 г., 3513 тыс. в 1979 г., 3522 тыс. в 1989 г.). В 1990-е гг., под влиянием неблагоприятных демографических факторов, началось его сокращение, продолжающееся и в первые годы XXI в. При этом доля русских в этнической структуре городского населения Нижегородской области (более 95%) существенно выше, чем их удельный вес в сельском населении (92%). Русское сельское население Нижегородского края формировалось в условиях особенно тесных этнокультурных контактов с угро-финским и тюркским населением. В связи с этим сельские русские заимствовали у мордвы, марийцев и татар много элементов бытовой и хозяйственной культуры.

В Нижегородской области русские проживают повсеместно. Историко-географической особенностью освоения ими территории края было то, что русские колонисты селились в основном по речным долинам. Из числа заселивших Нижегородский край народов славяне ранее других перешли к земледелию, поэтому расселение по берегам рек для земледельческого уклада жизни было очень важным условием. Река имела для славян не только огромное хозяйственное значение, но и – в традиционном самосознании этноса – была священным, сакральным ландшафтным объектом. Не случайно при освоении русскими новых географических пространств река как ландшафтный архетип несла объединительную функцию при этнокультурных контактах как с лесными народами Евразии, так и со степняками.

Наиболее давно освоенный славянами район Нижегородской области – Приокско-Волжское междуречье. Его заселение происходило еще в XI-XII вв. Затем, в основном уже после монгольского нашествия, началось русское освоение Заочья – земель, расположенных к востоку от Оки и к югу от Волги. Особенно важным для развития этнокультурных контактов было заселение русскими колонистами бассейнов рек Теши и Пьяны – Арзамасской лесостепи и Межпьянского плато.

Постепенно русскими здесь были освоены все типы ландшафтов. На Правобережье Волги расселялись в основном выходцы из центральных и южных областей России. Левобережье Волги (Заволжье) как более "сложная" для расселения южнотаежная территория была освоена русскими намного позже и более фрагментарно, в основном мигрантами с Русского Севера.

Татарское население Нижегородской области составляет более 50 тыс. чел., из них свыше 22 тыс. чел. проживает в сельской местности. Преобладают татары т.н. волго-уральской ветви – в первую очередь татары-мишари, реже - казанские татары, на юго-западе области проживают также немногочисленные группы касимовских татар. Сергачские мишари – единственная в Нижегородской области тюркоязычная группа, относящаяся к крупной субэтнической общности татар-мишарей. По характеру этногенеза сергачские мишари сильно отличались от других этнографических групп мишарей и татар вообще. Если большинство территориальных групп мишарей имеет прежде всего тюркские корни, то сергачские татары относятся к редкой группе угро-тюрков, генетически связанных с исчезнувшим этносом древних можар (маджар). Диалектно сергачская группа относится к цокающей языковой группе в отличие от чокающих иных групп мишарей. Сергачские мишари отличаются и антропологически. Они высокорослы, обладают более светлой пигментацией волос и глаз.

Мордовское население Нижегородской области составляет около 26 тыс. чел., из них лишь немногим более 50% проживает в городах. Мордва – один из немногих финно-угорских народов Поволжья, имевших теснейшие культурно-хозяйственные контакты с русскими, но при этом не потерявших свою идентичность, как произошло в древности с муромой, мерей и мещерой. На территории Нижегородской области имеются ареалы расселения трех субэтнических групп мордовского этноса (мордва-эрзя, мордва-шокша или теньгушевская мордва и мордва-терюхане). Мордва-эрзя – самая многочисленная группа, подразделяется на несколько территориальных подгрупп, обладающих собственными диалектами, – арзамасскую, пьянскую (северную и южную) и алатырскую. Считается, что мордва-терюхане как автономное этнотерриториальное образование просуществовало до первой четверти XX в., после чего представители этой группы полностью обрусели. Этноним «терюхане» произошел от названия Терюшевской волости (ныне Дальнеконстантиновский район) или/и его центра, села Терюшево. Поэтому нередко данную группу называли также терюшевской мордвой. Существует мнение, что мордва-терюхане является лишь территориальной группой мордвы-эрзян. Этноним «шокша» используется для обозначения этнотерриториальной группы эрзян Теньгушевского и Торбеевского районов Мордовии и юго-западной оконечности Нижегородской области. Оторвавшись в XVI-XVII вв. от общей массы эрзян, эта группа оказалась среди мокши и испытала влияние с ее стороны, в том числе и в языке, но сохранила эрзянскую идентичность. Этноним «шокша» образовался от гидронима Шокша, названия реки, притока реки Мокша, бассейн которой является ареалом расселения данной группы.

Марийское население Нижегородской области составляет менее 8 тыс. чел., из них около 5 тыс чел. проживает в сельской местности. В основе формирования марийского народа лежат древнемарийские племена – наследники пьяноборской и городецкой культур. Как считает ряд исследователей, это – аборигены местного края. По мнению некоторых исследователей марийцы, живущие в Нижегородской области, произошли в результате смешения горных и луговых мари с пришедшими из-за Волги мерянами – исчезнувшим народом, изначально жившим на Правобережье в Среднем Поочье.

В целом, каждая из этнических групп нашла в пределах Нижегородской области свою «экологическую нишу», свой тип вмещающего (по Л.Н. Гумилеву – «кормящего») ландшафта. Русские колонисты изначально селились по берегам рек, как больших (Волга, Ока, Сура, Ветлуга), так и малых. Однако впоследствии, особенно на протяжении XVIII-XX вв., характер этнического расселения русских существенно изменился и усложнился. В частности, ими были сравнительно плотно заселены и районы многих междуречий Нижегородского края. Татары-мишари освоили, прежде всего, луговины лесостепных возвышенностей и слегка всхолмленных равнин, мордва-эрзя – небольшие массивы широколиственных лесов на лесостепном возвышенном Правобережье, марийцы – возвышенные участки южнотаежно-широколиственных лесов Левобережья Волги.

Внутренние этноконфессиональные различия. На территории Нижегородской области наибольшее распространение получили две основные конфессии. Православие распространено главным образом среди русского населения и других групп славянского происхождения, а также мордвы, чувашей, марийцев. Мусульмане – в подавляющем большинстве татары (большей частью мишари). Кроме того, ислама придерживаются немногочисленные в Нижегородской области группы башкир, азербайджанцев, чеченцев, аварцев и других выходцев с Северного Кавказа, а также

мигрантов из Средней Азии разных национальностей, проживающие в основном в городах и поселках городского типа.. В области небольшими анклавами проживают также старообрядцы (русские и мордва), церковные меннониты (немцы) и язычники (марийцы).

К Русской православной церкви конфессионально принадлежит большинство верующих *русских* и представители многих этнических меньшинств. Нижегородская область – край, изобилующий храмовыми селами и монастырями. Только на Арзамасском плато насчитывается около ста селений, имеющих свои храмы. Помимо монастырей и храмовых селений Нижегородчина богата на святые православные урочища. На Нижегородской земле насчитывается около десятка монастырей. Из них два монастыря – Благовещенский и Вознесенский Печерский – находятся в самом Нижнем Новгороде. В Приочье расположены четыре монастыря – Богородицкий Оранский монастырь (с. Оранки) у истоков р. Ункор, Лукинский монастырь Покрова Божией Матери (с.Лукино) на р.Кудьма, Иверский Выксунский монастырь (г.Выкса) и Николаево-Георгиевский Абабковский (с.Абабково) на Оке. На Арзамасском плато расположены два монастыря – Николаевский Арзамасский (г. Арзамас) на р. Теша и Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь (пос. Дивеево) на р. Вичкинза. Все эти монастыри располагаются на правом берегу Волги. На Левобережье имеются два монастыря – Успенский Высоковский монастырь (с. Высоково) на р. Узола и Свято-Троицкий Макарьево-Желтоводский монастырь (пос. Макарьево) на Волге. Заметим, что все монастыри располагаются на реках, в основном на высоких берегах или у истоков рек.

Верующие *мордва-эрзя*, как и русские, в основном считают себя последователями Русской православной церкви. В ряде чисто эрзянских селений построены православные храмы. Многие эрзянские селения с храмами имеют название по Святому, которому посвящен этот храм. Однако отголоски языческой веры еще сохраняются в эрзянском мире. Например, обычное напутствие эрзян при лесном собирательстве: "Помолимся Иисусу Христу и Богу Леса". Среди *марийцев*, проживающих в основном на северо-востоке области, также распространена православная вера, но не так широко, как у русских или эрзян. Вера марийцев имеет свои особенности, заключающиеся в некоем симбиозе язычества и христианства, и имеет свое название – «Марла вера» или «Кугу сорта». В наши дни нередко марийцев именуют даже «последними язычниками Европы» [8, с.50]. Тем не менее, вероисповедание марийцев, несомненно, входит в единый православный круг рассматриваемого региона.

Старообрядчество, по данным этнографов, в прошлом было широко распространено среди русских Нижегородского края как на Правобережье Волги, так и на лесном Левобережье, в частности, на р. Керженец. В настоящее время сохранилось несколько селений старообрядцев-единоверцев на Правобережье, на р. Сундовик. Кроме того, в низовьях Пьяны существует селение старообрядцев-эрзян – деревня Аккузово. Она располагается на левом берегу реки, в отдалении от других эрзянских селений.

На территории Нижегородской области, на южнотаежном Левобережье Волги находятся два достаточно крупных ареала чересполосного расселения православных русских и немцев – ***церковных меннонитов***. Движение церковных меннонитов (протестантская ветвь христианства) возникло в XVII веке в Нидерландах, но особенно широкое распространение получило в Германии. Уже в первой половине XX в. после почти двухвекового проживания в России они в основном обрусели и стали идентифицировать себя с русским этносом.

Мусульманские ареалы в пределах области – это в основном районы расселения татар-мишарей, принадлежащих конфессионально к суннитам-ханафитам. Ислам в Средневолжье имеет очень давние традиции: его, как известно, придерживались еще волжские булгары. Однако среди мишарей ислам стал распространяться фактически лишь с XVIII в., и долгое время этот процесс протекал сравнительно медленно. Показательна в этом отношении самоидентификация татар-мишарей на протяжении последних столетий. Если с конца XIX в. вплоть до начала 1920-х гг. татары-мишари называли себя просто мишарями, то с 60-х годов прошлого столетия они стали себя называть татарами, а в конце века – уже татарами-мусульманами. В 1990-е гг. практически во всех татарских аулах стали активно строить мечети, даже по две-три в селе. Спонсорами строительства мечетей являются эмигранты, живущие за границей или богатые бизнесмены, живущие в больших городах. Символ ислама – полумесяц – стал появляться не только на мечетях, что вполне закономерно, но и на коньках кровель жилых домов, на воротах, на крылечках, на металлических изгородях. Но активное строительство мечетей не повлияло на увеличение числа верующих в мишарских аулах. Как показали наши наблюдения, в дни общего молебна в мечетях по святым пятницам (джома кён) в мечетях присутствуют в основном люди старшего возраста, приезжие из городов, а также миссионеры из Турции. В основном мишари ходят на молебны к своим святым

местам, например, жители Уразовского круга поселений ходят к святому камню Траташ а жители Шубинского круга поселений – к святому дереву Курган-Сат.

Краткая характеристика этноконтактных зон Нижегородской области. Территории, где нет явной доминанты русского населения, располагающиеся на юге, юго-западе области, на Правобережье Волги, являются типичным этноконтактным пространством, в переделах которого выделяются две главных этноконтактных зоны – Пьянская, и Мокшинско-Озерковско-Алатырская, которые отличаются друг от друга не только географическим положением, но и этническим составом сельского населения (рис.1). В пределах Левобережья (северо-запад, северо-восток области) при явной доминанте русского населения фиксируются несколько ареалов чересполосного расселения русских и иных этнотерриториальных групп, объединяемых в Пижменскую и Узоло-Устинскую этноконтактные зоны.

Пьянская этноконтактная зона – зона контактов русских, мордвы-эрзя и татар-мишарей расположена на юго-востоке области на возвышенном лесостепном Правобережье (Мордовская возвышенность), на границе с республикой Чувашия, в пределах Пильненского, Краснооктябрьского, Сеченовского, Сергачского, Спасского, Гагинского, Большеболдинского, Бутурлинского районов Нижегородской области, а также северо-восточной части Большеигнатовского района Мордовии. Ее особенность - в наличии компактных групп поселений татар-мишарей и мордвы-эрзя в окружении русских поселений. Мишарские и мордовские селения значительно крупнее русских. Группы поселений татар-мишарей и северопьянской мордвы находятся в тесном соприкосновении друг с другом. Мишарская группа поселений по своему массиву более крупная, чем эрзянская.

Ареалы расселения татар-мишарей (Сергачская цокающая этнотерриториальная группа) расположены в самом центре данной этноконтактной зоны (Правобережье Волги). Основной ареал находится на Межпьянском плато, в Пьянско-Сурском междуречье, в ландшафтном комплексе Пьянско-Сурской лесостепи [10; 11]. Границы расселения татар-мишарей этого ареала практически полностью совпадают с границами природных луговых степей Межпьянской возвышенности.

Помимо главного ареала татаро-мишарского расселения, на Межпьянье существует еще три небольших ареала: один в западном приграничье главного ареала в пределах луговых степей Межпьянья и два на левобережье Пьяны в пределах Приволжской лесостепи (рис.1). Границы всего комплекса ареалов татаро-мишарского расселения совпадают с границами древнего доледникового плато [10; 11]. Древние кочевники моджары (предки татар-мишарей) пришли на Средневолжье, по-видимому, с Урала и заняли в первую очередь привычные для них ландшафты луговых степей на Межпьянском плато. В пользу этой гипотезы говорит, в частности, наличие у села Уразовка священного камня Траташ. С таким же названием известен сакральный объект – священная гора – в предгорьях Южного Урала. Позднее моджары заняли территории междуречья Урги и Пьяны, практически полностью заселив геоморфологическую провинцию древнего доледникового плато.

Как показали исследования А.А. Шенникова [12], в Средневолжье вплоть до конца XVII в. и даже намного позже татары-мишари, впрочем, как и многие этнотерриториальные группы мордвы, вели полукочевой земледельческий или полукочевой скотоводческий образ жизни с непостоянными летними и зимними поселениями. Этот факт дает основание предположить, что именно это пространство исторически и было местом постоянных полукочевий татар-мишарей.

На Межпьянском плато расположено большинство сохранившихся архаических священных мест поклонения татар-мишарей. Это в первую очередь объекты, связанные с ландшафтным сакральным архетипом Степь. Таковы священные камни, деревья, реже источники. В качестве примеров можно привести священный камень Траташ (между селом Уразовка и деревней Актуково на р. Новый Пар), священное дерево Курган-Сат (между селами Шубино и Кочко-Пожарки), святой источник Керемет (близ села Кочко-Пожарки), который, заметим, является священным не только для мишарей, но и русских. Все эти иерофанические объекты расположены в бассейне северной Пьяны.

Традиционные священные места поклонения - в первую очередь мечети и дома святых. Мечети как символы ислама имеются почти в каждом мишарском селе. Главный религиозный центр татар-мишарей Межпьянского плато - мечеть Эль-Рашид в селе Медяна. Она была построена в конце 1990-х гг. на спонсорские средства татар-мишарей, мигрировавших в Финляндию еще в начале прошлого века. Один из самых почитаемых домов святых - "Изгелэр йортэ" в селе Овечий овраг (Ку Суэ) на северной Пьяне. Традиционное место проведения многих мусульманских обрядов - святой источник "Изгелеклер" между селами Чембилей и Рыбушкино. Очень почитаемым современным местом поклонения татар-мишарей является также памятный знак в форме мечети у братской могилы расстрелянных в 1918 г. 50 мулл близ села Пошатово (в нижнем течении Пьяны). Отметим, что наиболее почитаемые священные места поклонений (мечеть Эль Рашид в Медянах, дом святых в

Овечьем овраге и т.п.) находятся на периферии основного ареала компактного расселения мишарей, выполняя своеобразную функцию его сакральной границы.

Большинство компактных *ареалов расселения мордвы-эрзя* в пределах Пьянской этноконтактной зоны расположено на холмистых участках Мордовской возвышенности, где в прошлом в основном произрастали широколиственные леса (ныне это преимущественно распаханные территории). На Межпьянском плато выделяются два основных ареала расселения мордвы-эрзя (рис.1). Северный ареал занимает низовья Пьяны, южный – территории вдоль административной границы области с республикой Мордовия (верховья Пьяны). Северный ареал линейно вытянут по правому берегу р. Пьяны и левому берегу р. Суры. Постоянные мордовские земледельческие поселения известны в этом районе с XVII в. Хотя эрзянские села большей частью расположены на природных луговинах Межпьянского плато, их уличная застройка ориентирована на лесные массивы на левом берегу Пьяны, точнее на мостки через реку, имеющиеся почти в каждом селении. Дело в том, что луговины Межпьянского плато подстилают так называемые горовые черноземы, весьма пригодные для земледельческого уклада жизни, исторически давно уже сложившегося у мордвы. Но с другой стороны, эрзяне как традиционные бортники постоянно контактировали с лесом.

Южный ареал расселения эрзян по величине самый крупный в пределах Пьянской этноконтактной зоны. Он расположен на стыке луговых степей и широколиственных лесов [10, 11]. Большая его часть находится уже на территории республики Мордовии, по обоим берегам Пьяны в верховьях реки. Здесь до сих пор мордовские поселения окружают со всех сторон крупные, сравнительно хорошо сохранившиеся, лесные массивы. Этот район не случайно иногда называют "материнским" ареалом расселения нижегородских эрзя. Традиционно раз в год сюда съезжаются на древний языческий праздник жители многих эрзянских сел области и соседних с ней регионов.

Архаические священные места поклонения мордвы-эрзя – объекты, связанные с ландшафтным сакральным архетипом Лес. Это в первую очередь святые источники. Типичные примеры иерофанических архаических объектов – святой источник близ села Вязовка (северная Пьяна) и святой источник близ села Сарга (южная Пьяна). Судя по этнографическим данным, ранее в мордовско-эрзянском мире существовали и святые рощи. Наверняка они сохранились и поныне, но достоверной информацией об их местонахождении в настоящее время мы не располагаем.

Традиционные места поклонения мордвы-эрзя – православные храмы (церкви). Ранее церкви имелись во многих эрзянских селах Нижегородской губернии, но в советское время большинство их было закрыто. Ситуация изменилась лишь в конце XX в. Однако в настоящее время темпы возрождения сети православных храмов в местах проживания мордвы гораздо ниже темпов строительства мечетей в ареалах компактного проживания татар-мишарей. В отдельных случаях функции архаического места поклонения и христианской обители могут выполнять одни и те же объекты. Как пример приведем Спасо-Преображенскую пустынь (Старцев Угол) близ деревень Чадаевка (русская) и Малое Игнатово (мордовская) на реке Вачке (у истоков Пьяны), в пределах которой находятся четыре святых лечебных источника, названных именами православных святых. Старцев угол является местом поклонения не только мордвы-эрзя, но и русских.

Следует отметить, что на Межпьянском плато также отчасти сохранились архаические и традиционные пласты русской этнической культуры. В отличие от татаро-мишарского и эрзянского миров, в мире русской сельской культуры это в первую очередь объекты, связанные с ландшафтным сакральным архетипом Река. К их числу относятся прежде всего святые урочища и источники. Таковы святые источники на периферии Межпьянской возвышенности, на левобережье северной Пьяны близ города Сергача («Серебрянные Ключи»), близ села Кочко-Пожарки на северной Пьяне («Керемет»), близ села Сарга на южной Пьяне, восточнее с. Ерпелево на южной Пьяне (святое урочище «Братство»). Традиционные места поклонения – это в первую очередь православные храмы (церкви). До 30-х годов XX века церкви были во многих селах и деревнях, в настоящее время темпы возрождения их сети крайне низкие. Современные места поклонения – это объекты, не связанные с религиозной традицией, но являющиеся неотъемлемым элементом священной памяти народной. Это в первую очередь памятники погибшим воинам в Великой Отечественной войне. В священное пространство начинают входить и объекты историко-культурного наследия. Прежде всего здесь следует назвать имение А.С. Пушкина Болдино (на левобережье южной Пьяны). Еще один пример – урочище Городина, место Пьянской битвы 1377 года (на левобережье северной Пьяны).

Мокшинско-Озерковско-Алатырская этноконтактная зона, в пределах которой проживают русские и мордва-эрзя, в плане образуют фигуру, близкую к треугольнику (рис.1), в вершинах которого располагаются ареалы компактного расселения различных этнотерриториальных групп мордвы-эрзя, разделенные территориями сплошного расселения русских. Этноконтактная зона

располагается в центральной части Правобережья Нижегородской области в пределах Дальнеконстантиновского района на севере, Ардатовского, Арзамасского, Вадского и Шатковского районов в центре зоны и Вознесенского, Дивеевского, Первомайского районов, а также на приграничных территориях Лукояновского района на юге. Ареал компактного расселения т.н. терюханской мордвы (северная часть зоны) расположен в бассейне р.Озерка (приток Кудьмы) и ее притоках - Пукстерь и Шемлей в пределах ландшафтного комплекса Приволжской лесостепи в геоморфологической провинции пологоволнистой возвышенной моренной равнины [10; 11]. Ареал расселения мордвы-эрзя на Арзамасском плато (западная часть зоны), называемый обычно арзамасской мордвой, расположен в ландшафтном комплексе Арзамасской лесостепи в пределах геоморфологической провинции пологоволнистой возвышенной моренной равнины [10; 11]. Три ареала компактного расселения мордвы-эрзя на юго-востоке этноконтактной зоны располагаются а пределах Пьянско-Сурского лесостепного ландшафтного комплекса той же геоморфологической провинции. Наиболее крупный ареал мордвы-эрзя здесь приурочен к бассейну р.Алатырь, поэтому мордва-эрзя этого региона называется алатырской мордвой. Несколько севернее территорий проживания алатырской мордвы располагаются два небольших ареала компактного расселения мордвы-эрзя, расположенные по берегам реки Теши и ее притоков - рек Ежать и Аратка. Ареал компактного расселения мордвы-шокша расположен на самом юго-западе Нижегородской области на реке Шокша и приурочен к ландшафтному комплексу Приокского Полесья в пределах геоморфологической провинции пологохолмистой флювиогляциальной равнины.

Практически все поселения мордвы-эря в пределах ареалов их этнического расселения тяготеют как к большим (мордва-шокша), так и небольшим лесным массивам (арзамасская, терюханская, алатырская). Русский этнос освоил на изучаемой территории практически все типы ландшафтов.

Мы полагаем, что структурные особенности данной этноконтактной зоны были в первую очередь обусловлены характером культурно-хозяйственных взоимодействий славянского и мордовского этносов. Известно, что исторически эти территории являлись месторазвитием мордовско-эрзянского субэтноса. На наш взгляд при заселении рассматриваемых территорий славянским этносом образовывались зоны чересполосного расселения русских и мордвы-эрзя без ареалов компактного расселения рассматриваемых этнотерриториальных групп. Различия экономических приоритетов, этнических традиций и сложившиеся отличия в обрядах, хотя и в рамках единой православной культуры, привели к постепенному вымыванию из поселений с превалирующим русским населением эрзянских поселенцев и, наоборот, из эрзянских поселений представителей славянского этноса с образованием ареалов компактного проживания представителей недоминирующей этнотерриториальной группы, в нашем случае – мордвы-эрзя. В дальнейшем относительная изолированность этих анклавов, окруженных территориями сплошного русского населения, обусловила появление различных этнотерриториальных групп (мордва-шокша, арзамасская мордва и т.д.) в некогда едином культурном пространстве мордвы-эрзя. На возможное наличие этих процессов могут указывать топонимические особенности рассматриваемой этноконтактной зоны. В пределах зоны обычны мордовские названия деревень и урочищ на территориях сплошного расселения русских и славянские (русские) названия селений в ареалах компактного расселения мордвы-эрзя. На эти процессы, в частности, указывает и гидронимия зоны. По мнению ряда авторов названия большинства малых рек, в том числе на территориях сплошного русского расселения, имеют мордовскую языковую основу с формантом -лей.

Узоло-Устинская этноконтактная зона, в пределах которой проживают русские и этноконфессиональная группа немцев-меннонитов, протягивается с запада на северо-восток в пределах Левобережья (рис.1) и подразделяется на Узоло-Керженскую и Устинскую подзоны, разделенные территориями сплошного расселения русских (бассейн р.Ветлуга, нижнее течение р.Уста). Общие особенности подзон – чересполосное расселение русских и немцев меннонитов без ареалов компактного расселения рассматриваемых этнотерриториальных групп.

Узоло-Керженская подзона располагается в основном в междуречье р.р. Узолы и Керженца преимущественно в пределах Ковернинского (север) и Боровского (юг) районов. Она расположена в ландшафтных комплексах северного и южного лесного Заволжья, в приграничной области двух геоморфологических провинций [10; 11] - пологохолмистой флювиогляциальной равнины и аккумулятивной поверхности долин крупных рек. На северных территориях подзоны преобладают южно-таежные леса (темнохвойные, сосновые и лиственично-сосновые), южнее - широколиственно-сосновые и сосновые леса.

Устинская подзона локализована в основном в среднем течении р.Уста в пределах преимущественно Уреньского и Тонкийского районов Нижегородской области. Подзона расположена в ландшафтном комплексе северного лесного Заволжья исключительно в пределах геоморфологической провинции пологоволнистой возвышенной моренной равнины [10; 11], где преобладают темнохвойные, сосновые и лиственнично-сосновые южнотаежные леса.

Таким образом, ареалы расселения немцев-меннонитов не имеют отчетливой привязки к определенному природно-ланшафтному типу Левобережья Нижегородской области. Эта особенность расселения, по нашему мнению, связана с историей заселения немцев-меннонитов центральных областей России. Отсутствие у этой этноконфессиональной группы ареалов компактного проживания и четкой привязки к определенному типу ландшафта, по-видимому, в первую очередь и обусловило культурно-хозяйственное растворение их в русском мире в исторически короткий промежуток времени (менее 150-160 лет). Немцы-меннониты Нижегородской области к настоящему времени практически утратили родной язык, самоидентичность, переняли у русских способы природопользования, типы жилищ и усадеб (северно-русский), топонимия их поселений практически русская и т.п.

Пижменская этноконтактная зона, в пределах которой проживают в основном русские и марийцы, расположена на северо-востоке Нижегородской области (преимущественно в Тоншаевском районе, на р. Пижме), по границе с Кировской областью (рис.1). Ее особенность – чересполосное расселение русских и марийцев. Сугубо русские или марийские поселения для нее не характерны. В Тоншаевском районе выделяются два основных ареала чересполосного расселения марийцев и русских. Оба они расположены в ландшафтном комплексе Северного лесного Заволжья, в приграничной области двух геоморфологических провинций [9; 10] – пологохолмистой флювиогляциональной равнины и пологоволнистой возвышенной моренной равнины. На большей части пологоволнистой возвышенной моренной равнины находятся сельскохозяйственные земли на месте бывших темнохвойных и широколиственно-темнохвойных лесов южной тайги. Севернее, на пологохолмистой флювиогляциональной равнине, произрастают темнохвойные и темнохвойно-широколиственные леса южной тайги.

Таким образом, ареалы расселения марийцев тяготеют к сплошным массивам южнотаежных лесов. Известно, что исторически марийцы занимались лесными промыслами, что является для них традиционным способом природопользования. О тесных этнокультурных контактах русских и марийцев свидетельствует, в частности, укоренившийся здесь севернорусский тип избы и усадьбы (П-образный двухэтажный крытый двор), распространенный в этих краях не только у русских, но у марийцев, которые переняли отдельные культурные элементы у русских не только в земледелии, но и в строительстве жилища. В свою очередь, русские переселенцы переняли у марийцев отдельные технологии и элементы хозяйствования в лесных промыслах. Наконец, русско-марийские этнокультурные связи сыграли огромную роль в формировании самобытного синкретического вероисповедания марийцев, в котором, как уже отмечалось, сочетаются элементы православия и язычества.

В заключение подчеркнем, что изучение этноконтактных зон является одной из актуальнейших задач отечественной культурной географии. Оно открывает широчайшие возможности для выявления характера исторических связей, механизмов адаптации, способов передачи и освоения культурного опыта, традиций и быта. Исследования, проводимые в этой области, имеют исключительно важное значение для предотвращения нередких конфликтных ситуаций в этноконтактных зонах, наметить способы и методы разрешения подобных ситуаций, в первую очередь путем нахождения точек соприкосновения и конструктивного диалога между этническими культурами.

Литература

1. Исламо-христианское пограничье. Итоги и перспективы изучения. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1994.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 томах. Т.4. Кн.1. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Статистика России, 2004. 946 с.
3. *Кляшторный С.Г.* Россия и тюркские народы Евразии. //Цивилизации и культуры. Вып II. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 1995. С.184-202.
4. Контактные зоны в истории Восточной Европы / Отв. ред. А.М. Некрасов. М.: Ин-т российской истории , 1995. 182 с.
5. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука. 1992. 344с.
6. *Кузеев Р.Г., Мухамедьяров Ш.Ф.* Этногенез и этнокультурные связи тюркских народов Поволжья и Предуралья. //Советская тюркология. 1990. № 2.
7. *Мухамедьяров Ш.М.* Россия и народы Поволжья: проблемы культурного взаимодействия. //Цивилизации и культуры. Вып I. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 1994. С.172-177.
8. *Стрелецкий В.Н.* Этнические общности в геокультурном пространстве России (историческая динамика и региональная структура) //Вестник исторической географии. Вып.1. Смоленск: Изд-во Смоленского Гуманитарного Университета, 1999. С.31-53.

9. *Стрелецкий В.Н.* Этническое расселение и география культуры //СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география. 1985-1996. Аналитико-библиографический обзор. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.396-466.
10. *Ульмасвай Ф.С.* Геологические основы расселения людей в бассейне Волги. //Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 1996. Вып. 6. С. 84-92.
11. *Харитонычев А.Т.* Природа Нижегородского Поволжья. Горький: Волго-Вятское книжное издательство. 1978. 175 с.
12. *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья с XVI по XX века. //Этнография народов Восточной Европы. Л.: Географическое общество СССР 1977. С.3-38.
13. Этноконтактные зоны в Европейской части СССР (география, динамика, методы изучения) / Ред. И.И. Крупник. М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1989. 163 с.

Логинова Н.Н.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В МОРДОВИИ

Последнее десятилетие прошлого века характеризуется быстрым расслоением общества. Жизненный уровень граждан Российской Федерации, в том числе и Республики Мордовия, снизился в несколько раз, причем наблюдается его интенсивное падение у менее обеспеченных слоев преимущественно сельского населения, а дифференциация по доходам становится все более значительной. Несмотря на благоприятные перемены в экономике, в России все еще существует недопустимо высокая бедность населения. Наиболее обеспеченными являются только 1,5 % населения, однако и в их среде существует почти 20-кратное расслоение по уровню доходов. Следует отметить еще одну тенденцию – в городах и в сельской местности бедность приобрела «застойные формы». По итогам 2003 г. по официальным данным 27 млн. 800 тыс. граждан России, а это 20 % населения страны (в основном сельские жители, пенсионеры, многодетные семьи) уже продолжительное время проживают за чертой бедности. В регионах Приволжского ФО процент граждан, доходы которых ниже прожиточного минимума, варьирует от 20 в Татарстане до 50 – в Марий Эл; в Мордовии в 2003 г. - 36,5, в 2004 г. – 32. Бедность – это реальная угроза обществу, поэтому с ней необходимо бороться. Для борьбы с бедностью необходимо сконцентрировать все ресурсы общества, так как борьба с бедностью – крайне сложная задача.

Основой для повышения уровня жизни являются – обеспечение высокой занятости населения, повышение заработной платы, рост инвестиционных вложений в экономику, создание эффективной системы социальной защиты населения. Поэтому для создания и эффективной работы механизмов социальной защиты граждан в переходный период, как в городах, так и в сельской местности, необходим региональный мониторинг социального положения населения. Под мониторингом социального положения населения понимаются постоянно действующая система сбора и обработки статистической информации, проведение информационно-аналитических обследований населения, диагностика состояния, тенденций развития и остроты социальных проблем.

Для принятия мер и решения выявленных социальных проблем возникает необходимость разработки показателей и индикаторов. В связи с этим во всем мире активно ведется разработка критериев и индикаторов устойчивого социального развития. Обобщая имеющийся в социальной сфере российский опыт, мы выделяем два принципиальных подхода:

– построение интегрального индикатора, на основании которого можно сделать вывод о социальном положении населения региона;

– построение системы индикаторов, каждый из которых отражал бы ту или иную сторону социального положения.

Интегральный индикатор является идеальным механизмом организации социальной защиты населения, как в городах, так и в сельской местности, но в силу многих причин интегрального индикатора в России еще нет. Тем не менее, интегральный подход реализован во многих научных разработках [например, Зубаревич, 2003]. В социальной статистике используется такой интегральный критерий, как *минимальный уровень жизни*. Минимальный уровень жизни – это такой уровень потребления и обеспеченности населения, ниже которого перестает поддерживаться активное физическое состояние, начинаются упадок здоровья и социальная деградация человека.

Минимальный уровень жизни населения региона определяется системой показателей, состоящих из следующих разделов: 1) социально-демографический; 2) социально-трудовой; 3) уровень и качество жизни населения; 4) жилищное обеспечение населения; 5) здоровье населения; 6) социально-психологическое самочувствие; 7) экологическая безопасность.

В 2005 г. население республики составило 866,6 тыс. чел. При общем сокращении населения за период с 1990-2005 гг. на 97,5 тыс. чел., сельское уменьшилось на 65,9 тыс., а городское – на 31,6 тыс. чел.

В республике в 2004 г. было 1298 сельских населенных пунктов, 7 городов и 16 поселков городского типа. По сравнению с 1926 г. сельских поселений стало меньше почти на 1 000, число городов увеличилось на 2 единицы. Районные центры имеют статус: сел (9), городов (6) и рабочих поселков (6). Средняя людность сельских поселений в 2004 г. составляла 274 чел.. По сравнению с 1926 г. (601 чел.) она снизилась более, чем в 2 раза. Средняя плотность населения – 33,5 чел./кв.км. В 14 районах этот показатель – 10-17 чел./кв.км.

За последнее десятилетие произошло не только абсолютное сокращение населения, но и изменение половозрастного состава. Половозрастные пирамиды в городах и селах отличаются коренным образом. Численность когорты детей в селах крайне мала, а пенсионеров велика (например, в сельском Большеберезниковском районе соответственно: 15,5 % и 34,4 %). В городах картина иная, например, в Саранске когорта детей составила 17,2 %, а пенсионеров – 22,2 %. В возрасте 0-16 лет в городах и сельской местности мужчин больше, чем женщин. В трудоспособном возрасте в сельской местности мужчин на 20 тыс. больше, чем женщин, а в городах наоборот - женщин на 16 тыс. больше, чем мужчин. В сельской местности «старушек» в два раза больше, чем «стариков», а в городах - почти в 3 раза.

Общий коэффициент рождаемости в городах и селах резко уменьшился и имеет значительные различия. Если в 1970 г. в городах он составил 17,3 ‰, а в селах – 13,6 ‰, то в 2005 г. – соответственно: 9,6 и 7,7. Суммарный коэффициент рождаемости (возьмем его как более точный показатель) сократился соответственно с 2,0 до 1,1 младенца на одну женщину, а нетто-коэффициент стал меньше единицы, следовательно, число рождений уже давно не компенсирует потери от смертности, и население явно сокращается.

Резко возросла общая смертность особенно среди мужского трудоспособного населения, которое и является основным «производителем». В городах общий коэффициент смертности составил в 1970 г. 6,6 ‰ , а в селах – 10,1 ‰, в 2005 г. – соответственно: 13,7 и 21,7, побив все рекорды прошлых лет. Ожидаемая продолжительность жизни снизилась у мужчин с 65 до 60 лет, а у женщин с 76 до 74 лет. В результате естественный прирост городского населения с + 10,7 ‰ в 1970 г. сменился естественной убылью − - 4,1 ‰ в 2005 г., а сельского соответственно: +3,3 и -14,0. Динамику общих демографических коэффициентов показывает табл. 1. и рис. 1.

Таблица 1

Изменение общих демографических коэффициентов на территории РМ, (на 1 000 чел.)

Показатель	1960 г.	1990 г.	2005 г.
	Все население		
Родившихся	23,2	13,3	8,8
Умерших	7,4	11,4	16,9
Естественный прирост, (убыль)	+15,8	+1,9	-8,1
Число умерших до 1 года	36,8	16,5	10,1
	Городское население		
Родившихся	20,4	14,4	9,6
Умерших	6,7	8,9	13,7
Естественный прирост, (убыль)	+13,7	+5,5	-4,1
Число умерших до 1 года	34,9	20,1	9,6
	Сельское население		
Родившихся	26,5	11,9	7,7
Умерших	8,2	14,8	21,7
Естественный прирост, (убыль)	+18,3	-2,9	-14,0
Число умерших до 1 года	38,1	10,6	11,1

Примечание. Мордовия: Стат. ежегодник. /Гос.ком. Респ. Мордовия по статистике. - Саранск, 2004. С. 30-31.

К современным демографическим проблемам сельской местности и городов, следует отнести продолжающееся ослабление семейных уз. Продолжительность брака у молодой разведенной семьи составляет всего 3 года. На каждые три регистрируемых брака в республике приходится примерно

два развода. По причине разводов в Мордовии ежегодно остаются с одним из родителей около 600 детей. В 1980 г. в городах число заключенных браков составляло 8,9 на 1 000 населения, а в сельской местности – 12,8, то в 2004 г. – соответственно: 9,0 и 4,3. Число разводов в 1980 г. соответственно: 3,6 и 1,0, в 2004 г. – 6,7 и 2,8.

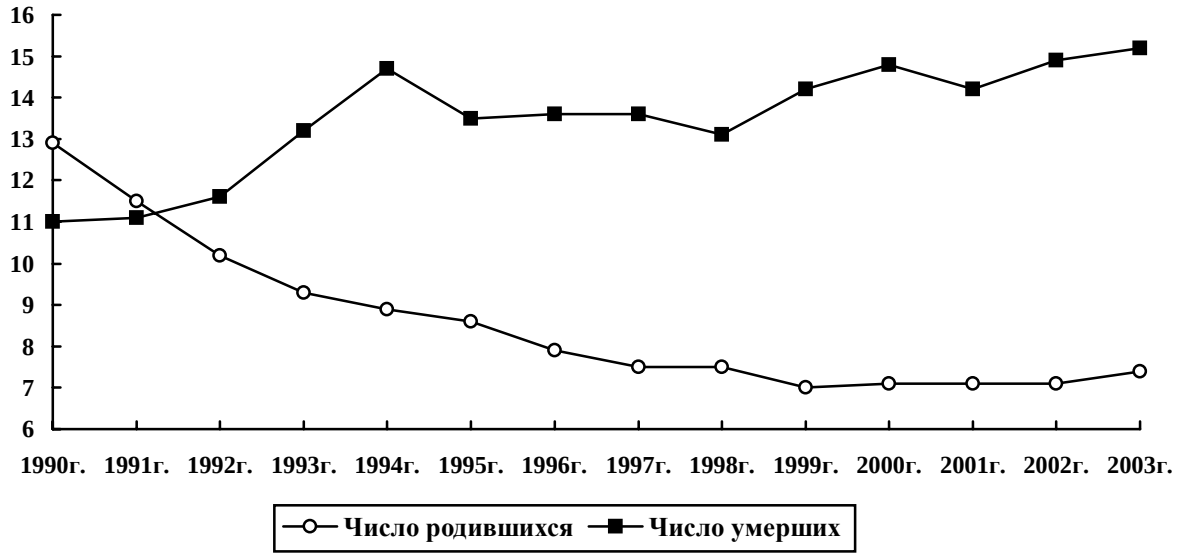

Рис. 1. Число родившихся и умерших в РМ (тыс. человек)

Характерной чертой последнего десятилетия прошлого века стал рост числа внебрачных рождений и увеличение неоформленных брачных союзов. В 2004 г. из общего числа супружеских пар 6 % состояли в незарегистрированном браке, а количество внебрачных рождений достигло 21,9 % от общего числа рождений, в том числе у городского населения – 21,7 %, сельского – 22,2 %, в г. Саранске – 23,5 %, что в 2 раза больше, чем в 1990 г. (табл. 2). Возраст матерей при внебрачных рождениях имеет два пиковых значения – до 20 лет и от 30 до 35 лет, что характеризует различные аспекты кризиса семьи. Но во всех случаях внебрачная рождаемость служит выражением глубокого кризиса семьи. В социуме ослабляются социокультурные нормы семейного поведения, что также является признаком депопуляции.

Таблица 2

Родившиеся живыми у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, чел.

	2002 г.		2004 г.	
	Всего родившихся вне брака	В % к общему числу родившихся	Всего родившихся вне брака	В % к общему числу родившихся
Республика Мордовия	1456	20,4	1626	21,9
в том числе:				
городские поселения	891	19,4	1039	21,7
сельская местность	565	22,2	587	22,2
г. Саранск и подчиненные его администрации населенные пункты	583	21,1	696	23,5
в том числе:				
г.Саранск	535	20,9	641	23,5

Примечание. Демографический ежегодник Республики Мордовия. Стат. сборник (№221). - Саранск, 2004. С. 159.

По различным оценкам уровень жизни граждан Республики Мордовия в 90-е годы снизился в несколько раз. В 1999 г. доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума от общей численности населения составляла 67,8 %. В 2004 г. значительно сократился процент людей, доходы которых ниже прожиточного минимума, но он все еще очень высок (32 %). Низок и уровень среднемесячной начисленной заработной платы работающих в экономике – в 2005 г. он составил 4 251 руб. (см. табл. 3). По отраслям экономики наблюдается большая дифференциация в уровне

оплаты труда (см. табл. 4). Самая высокая оплата труда была в таких отраслях, как финансирование, кредитование, страхование, пенсионное обеспечение, а самая низкая – в сельском хозяйстве. В 2003 г. оплата труда работников сельского хозяйства составила 64 % от среднереспубликанского уровня и почти в 2 раза была ниже, чем в промышленности.

Таблица 3

Начисленная заработная плата по Республике Мордовия

	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата		Реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему году
	рублей	в % к предыдущему году	
1998	566,1	106,1	84,1
2000	1107,6	142,4	113,1
2003	3251,6	133,0	118,0

Примечание. Мордовия: Стат. ежегодник. / Гос.ком. Респ. Мордовия по статистике. - Саранск, 2004. - С. 90.

Таблица 4

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий и организаций по отраслям экономики (рублей)

	1999	2000	2001	2002	2004
Всего в экономике	778	1108	1636	2444	3252
в том числе:					
Промышленность	799	1199	1811	2479	3420
Сельское хозяйство	426	596	934	1380	1728
Лесное хозяйство	488	609	801	1463	1850
Строительство	863	1206	2039	3708	4323
Транспорт	1233	1801	2343	3628	4942
Связь	1006	1401	2024	2887	4272

Примечание. Мордовия: Стат. Ежегодник. / Гос.ком. Респ. Мордовия по статистике. – Саранск, 2004. – С. 91.

В экономике республики заметно увеличилась и сохраняется диспропорция в оплате труда по городам и сельской местности. В 2004 г. наиболее высокая оплата труда работников предприятий и организаций была в г. Рузаевка – 4 746 руб., а самая низкая – в сельском Большеигнатовском районе – 1582 руб. (см. табл. 5). Только в двух районах Чамзинском и Торбеевском уровень заработной платы был выше, чем в среднем по Мордовии

Таблица 5

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий и организаций по городам и сельской местности республики (рублей)

	1999	2000	2001	2002	2004
Всего в экономике	778	1108	1636	2444	3252
Ардатовский	484	686	975	1491	1803
Атюрьевский	462	660	1012	1591	1831
Атяшевский	469	644	987	1601	2112
Большеберезниковский	536	706	992	1568	1998
Большеигнатовский	463	618	873	1230	1582
Дубенский	460	640	957	1374	1687
Ельниковский	495	702	1145	1757	2061
Зубово-Полянский	532	723	1038	1644	2213
Инсарский	468	701	1112	1675	1985
Ичалковский	529	723	1103	1706	2119
Кадошкинский	561	829	1364	1978	2441
Ковылкинский	472	660	862	1287	1593
Кочкуровский	504	673	947	1700	2215

Краснослободский	506	691	1043	1595	2005
Лямбирский	781	1112	1768	2557	3190
Ромодановский	677	908	1587	2249	2600
Рузаевский	536	763	1104	1728	2252
Старошайговский	517	740	1123	1631	1997
Темниковский	493	689	987	1594	2014
Теньгушевский	591	777	1106	1704	2230
Торбеевский	771	1087	1602	2500	3375
Чамзинский	764	1131	1752	2551	3349
г.Саранск и подчиненные его администрации населенные пункты	963	1359	2011	2922	3920
г.Рузаевка	1107	1587	2170	3371	4746
г.Ковылкино	807	1080	1596	2107	2774

Примечание. Мордовия: Стат. ежегодник. / Гос.ком. Респ. Мордовия по статистике. - Саранск, 2004. - С. 93.

Несмотря на некоторые позитивные изменения в доходах населения республики (в 2003 г. рост среднедушевых денежных доходов составил 1,2 раза), уровень бедности все еще остается очень высоким. Доля лиц, живущих за порогом бедности в 2002 г., составляла 43,6 % (это в 1,5 раза выше, чем в России – 25 %). Среднедушевой денежный доход бедных в Мордовии в 2003 г. составил всего 1 113 руб., а соотношение его и величины прожиточного минимума - 64,5 %. Доходы ниже прожиточного минимума имеют около 70 % рабочих сельскохозяйственных предприятий и 56 % работников бюджетной сферы. В 2002 г. республика находилась на 72-м месте среди регионов России по этому показателю.

Коэффициент дифференциации доходов определялся нами и как соотношение доходов 20 % наиболее и 20 % наименее обеспеченного населения. В 1999 г. он составил 6,0 раза, в 2001 г. – 5,8 и в 2003 г. – 5,8 раза. На долю 10 % наиболее обеспеченного населения приходится 23 % денежных доходов, на долю 10 % наименее обеспеченного – 3 %. Основные показатели дифференциации доходов населения показаны в табл. 6. Разрыв между наиболее и наименее обеспеченным населением практически не сократился.

Таблица 6

Основные показатели дифференциации доходов населения

	1999	2000	2001	2002	2003
Коэффициент фондов	9,8	9,5	9,3	8,8	9,2
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,346	0,342	0,339	0,332	0,338
Распределение общего объема денежных доходов населения, в %					
Денежные доходы	100	100	100	100	100
в том числе по 20-ти процентным группам населения:					
первая (с наименьшими доходами)	6,9	7,0	7,1	7,3	7,1
вторая	11,8	11,9	12,0	12,2	12,0
третья	16,5	16,6	16,6	16,8	16,7
четвертая	23,1	23,1	23,1	23,1	23,1
пятая (с наивысшими доходами)	41,7	41,4	41,2	40,6	41,1
Справочно:					
Величина прожиточного минимума, в среднем на душу населения, рублей в месяц	911,0	970,0	1263,0	1602,0	1811,0
Среднедушевой доход всего населения, рублей в месяц	830,2	1107,2	1537,5	2092,0	2680,9
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума (% от общей численности)	67,8	53,9	49,5	44,6	36,5

Примечание. Мордовия: Стат. ежегодник. / Гос.ком. Респ. Мордовия по статистике. - Саранск, 2004. - С. 101.

Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини) характеризует степень отклонения фактического объема распределения денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина может варьировать от 0 до 1. Чем выше показатель, тем более неравномерно распределены доходы в обществе. В табл. 5 прослеживается изменение величины коэффициента Джини. С 1999 г. индекс Джини несколько сократился (на 008), но по сравнению с 2001 г. – практически не изменился, а по сравнению с 2002 г. – даже вырос (на 0,006). В Российской Федерации коэффициент Джини практически не изменился с 1998 г. Если в 1998 г. он составлял 0,399, то в 2003 г. – 0,398.

Можно сделать вывод о том, что социально-экономическая дифференциация населения не только не уменьшается, а даже увеличивается, особенно в сельской местности. Богатых становится больше, а бедных еще больше. Перераспределение денежных средств складывается в пользу высокодоходных групп населения. Доходы богатых растут в несколько раз быстрее, чем доходы бедных.

Важным условием преодоления бедности является снижение уровня безработицы. Безработица оказывает большое влияние на социальную обстановку в обществе. Структурная перестройка в обществе, спад производства, разрыв хозяйственных связей оказали негативное влияние на ситуацию на рынке труда и обострили проблемы занятости в республике. Для России в качестве порогового значения принята величина 7 % от экономически активного населения. Но при значении этого показателя в 3 % ситуация оценивается как предкризисная, а при 5 % – как кризисная. Официально зарегистрированная безработица в РМ в 2000 г. составила 2 %, в 2003 г. – 1,8 %. Однако, он не учитывает скрытой безработицы, которая стала хронической. Уровень безработицы по материалам выборочных обследований населения в 2003 г. составлял 7,4 %. Острота ситуации в сфере занятости населения с учетом скрытой безработицы показана в табл. 7. Проблема безработицы остается значимой и в настоящее время. Она волнует как городских, так и сельских жителей.

Таблица 7

Определение ИПС в сфере занятости населения

Наименование индикатора	Значение показателя в Республике Мордовия		Общепринятое пороговое значение ИЭБ, %	Характеристика состояния
	2000 г.	2003 г.		
Уровень официально зарегистрированной безработицы, %	2,0	1,8	3 5	Предкризисное; Кризисное
Уровень скрытой безработицы, %	19,3	7,4		Кризисное
Распределение численности безработных по продолжительности безработицы, %	9,6 31,3 22,1 15,3 21,7	12,2 36,5 22,8 13,1 15,4		Менее 1 года От 1 до 4 месяцев От 4 до 8 месяцев От 8 до 12 месяцев Более 1 года

Статистические данные показывают, что уровень социального развития в городах значительно выше, чем в сельской местности (например, об этом может свидетельствовать ввод в действие жилых домов на 1 000 населения, см. рис. 2). Крупнейшие города стали «зоной контакта» с миром - через них идет распространение Интернета, новых коммуникаций, новых технологий, бизнеса, образования, современных стандартов потребления и образа жизни. Сельская местность продолжает деградировать.

Кризисные процессы в социальном развитии городов и сельской местности отражают современные проблемы качества населения и качества жизни. Одним из показателей материального благосостояния являются расходы на продукты питания. Среди тех, кто тратит на питание почти весь свой семейный бюджет около 40 % рабочих, колхозников, служащих и почти 60 % инвалидов. 2002 г. у 50 % опрошенных работников сельскохозяйственных предприятий и 40 % работников бюджетной сферы денежных доходов хватало только на приобретение продуктов питания, что связано в первую очередь с низким уровнем заработной платы. Они отметили, что за последние годы качество питания значительно ухудшилось. Многие из опрошенных отметили, что постоянно экономят на продуктах питания и часто испытывают их недостаток. Почти 1/3 часть жителей

сельской местности прогнозируют ухудшение своего материального и финансового положения. Сельские жители в большинстве случаев считают, что они недостаточно социально защищены.

Рис.2. Ввод в действие жилых домов (на 1 000 населения)

Примечание. Мордовия: Стат. ежегодник. / Гос.ком. Респ. Мордовия по статистике. - Саранск, 2004. - С. 201.

Проблема социальной защиты населения обостряется, причем, как в сельской, так и в городской местности. Растет число жителей республики, которые в преодолении жизненных затруднений полагаются, прежде всего, на себя. Наиболее значимыми социальными факторами, вызывающими беспокойство у населения республики являются: рост цен и дороговизна жизни, плохое материальное положение, социальная несправедливость, рост преступности, экологическое неблагополучие, безработица.

Серьезную проблему составляет физическая деградация населения. В республике растет армия детей-инвалидов, социальных сирот, беспризорников, большой процент школьников имеют различные хроническими заболеваниями, возраст среднестатистического наркомана 22-23 года. В 2001 г. был зафиксирован случай возникновения наркотической зависимости у четырнадцатилетнего подростка. Можно сказать, что мы теряем подрастающее поколение. Почти 54 % школьников Саранска имеют проблемы со здоровьем, 40 % выпускников школ не в состоянии выполнить нормы физической подготовки, а 30 % городских юношей вообще не годны для службы в вооруженных силах из-за состояния своего здоровья.

Диагностика социального развития населения реализуется через систему показателей, отражающих наиболее существенные демографические, социально-экономические и экологические аспекты развития. В качестве критериев используются статистические показатели, характеризующие демографические процессы, уровень жизни и качественное развитие населения. При этом важную роль играют пороговые значения (или предельные величины) показателей, сдерживающих нормальное развитие воспроизводственных процессов и приводящих к развитию негативных тенденций. Такие предельные величины мы называем индикаторами. Именно индикаторы наиболее часто применяются для оценки демографических процессов, в том числе и для анализа качества населения. К индикаторам, составляющим систему показателей качественного потенциала населения, большинство ученых относят следующие: индекс развития человеческого потенциала - ИРЧП (или совокупный индекс человеческого развития); здоровье населения; уровень образования; уровень жизни населения; естественное движение населения; сальдо миграции и др.

Приоритетными задачами повышения уровня жизни как городского, так и сельского населения республики являются обеспечение жизненно необходимого минимума для беднейших слоев населения, повышение заработной платы и своевременная выдача социальных выплат.

Сокращение масштабов бедности и выравнивание уровней социального развития городов и сельской местности можно достичь на основе уменьшения разрыва между прожиточным минимумом

и минимальной заработной платой или пенсией, а также адресной социальной помощи нуждающимся.

Таблица 8

Индикаторы социально-демографической безопасности России и Мордовии, 2003 **г.**

Показатели	Предельно-критическое значение	Вероятные социально-экономические последствия
1. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в репродуктивном возрасте)	**2,14-2,15** ***(в РФ: городское население - 1,17; сельское - 1,48)*** ***(в РМ: городское население - 1,048; сельское - 1,213)***	Отсутствие простого замещения поколений
2. Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	**1,0-1,3** ***(в РФ: городское население - 1,64; сельское - 1,74)*** ***(в РМ: городское население - 1,57; сельское - 2,88)***	Интенсивная депопуляция: смертность значительно превышает рождаемость
3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	**69 лет - мужчины;** **77 лет - женщины** ***(в РФ: городское население :*** ***мужчины - 58,0;*** ***женщины - 72,2;*** ***сельское:*** ***мужчины - 57,0;*** ***женщины - 71,3);*** ***(в РМ: городское население:*** ***мужчины - 60,5; женщины - 73,9;*** ***сельское:*** ***мужчины - 59,4; женщины - 73,8)***	Резкое снижение жизнеспособности населения региона
4. Младенческая смертность (число детей, умерших до года на 1 000 родившихся живыми)	**10** **(*в РФ: городское население - 12,7;*** ***сельское - 14,9)*** ***(в РМ: городское население -11,0;*** ***сельское - 9,4)***	Сокращение численности детей
5. Материнская смертность (на 100 000 детей родившихся живыми)	**10** ***(в РФ:)*** ***(в РМ: 2002 г. - 70,1)*** ***2003 г. - 13,5)***	Ухудшение здоровья новорожденных, сиротство
6. Количество психических патологий (на 100 000 населения)	**Рост показателя** **(*в РФ - рост показателя в 1,5 раза)*** ***(в РМ: городское население - 8,7;*** ***сельское - 8,0)***	Ухудшение здоровья нации
7. Смертность населения от туберкулеза (на 100 000 населения) - заболеваемость туберкулезом	***(в РФ - рост в 2,2 раза - 21,8)*** ***(в РМ: городское население - 9,1;*** ***сельское - 16,8)*** ***(в РМ - 32,3)***	Ухудшение здоровья нации
8. Заболеваемость населения венерическими болезнями (на 100 000 населения)	***(в Рф - рост показателя почти в 70 раз)*** ***(в РМ - рост показателя в 40 раз - 177,0)***	Ухудшение здоровья нации
9. Уровень потребления алкоголя на душу населения, литров	**8** ***(в РФ - 14-15)*** ***(в РМ - 20)***	Деградация нации

Литература

1. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
2. Кулешова Г.П. Система социальной защиты населения в Республике Мордовия. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. – 200 с.
3. Логинова Н.Н., Жулина М.А. Качество населения: опыт социально-демографического исследования // Регионология. – Саранск, 2001-2002. – № 4-1 – С.298-307.
4. Мордовия: Стат. Ежегодник. / Гос.ком. Респ. Мордовия по статистике. – Саранск, 2004. – 302 с.

Волкова И.Н.,Крылов П.М., Ханташкеева Т.В.

СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ[1]

Понятие «пограничная ситуация» понимается нами по А.Е. Левинтову - двояко: 1) как территориальная пограничность, как объект положения города у внешней границы и 2) как ситуация выбора дальнейшего пути существования города, как «точка бифуркации», как возможность смены траектории его развития [1, с.80].

Территория российско-белорусского пограничья к настоящему времени имеет симметричную территориальную структуру относительно так называемого трансъевропейского транспортного коридора №2: на северо-западе и на юго- западе от него образованы Еврорегионы – соответственно, еврорегион «Псков- Ливония» и «Днипро» (Рис.1). Между ними и транспортным коридором №2 с обеих сторон находятся те части пограничья, которые остались «не охваченными» ни еврорегионами, ни трансъевропейскими коридорами – и оказались предоставленными сами себе.Кто в этой ситуации может и должен обратить внимание на их проблемы, помочь, так как этим территориям приходится рассчитывать только на внутренние резервы развития? С этих позиций проводилось изучение и сравнение пограничности двух городов Псковской области – г. Невеля, расположенного у границы России и Белоруссии, и его соседа – г. Себежа, расположенного на стыке государственных границ России, Белоруссии и Латвии. Выявление общего и особенного в их пограничной ситуации – предмет настоящей статьи.

Рис.1. Еврорегионы (в соответствии с их нумерацией на рисунке):
1.- Еврорегион Псков-Ливония (Эстония, Латвия, РФ) 2 -.Еврорегион Озерный край (Литва, Латвия, Беларусь)
3 -.Еврорегион Нямунас-Немен-Неман (Литва, РФ, Польша, Беларусь) 4.- Еврорегион Днипро (Беларусь, РФ, Украина)

Специфика исследовательского полигона

Современное и экономическое, и социальное положение Псковской области и особенно – ее отдаленных (от Пскова, от Ленинградской области на севере, от границы с Эстонией и Латвией) районов и поселений, оценивается как весьма проблематичное. Следствия всевозможных негативных факторов ярко проявляются в демографической ситуации области и ее конкретных городов: центра области- Пскова, второго по значению и размеру города – Великие Луки и городов Невель и Себеж. В период между двумя последними переписями население как области, так и исследуемых населенных пунктов сократилось [2]. При ежегодном сокращении численности населения области за счет естественного прироста более чем на 11 тыс. человек, сальдо

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №04-02-782011 а/ Б

миграционного обмена не превышает 0,7 тыс. чел. В Псковской области самое старое население в России (после Тульской области). Доля лиц старше трудоспособного возраста составляет 23,5% (в среднем по России 20,7%), моложе трудоспособного возраста- 16,3% (в среднем по России- 17,9%). Причем уровень смертности в области максимален среди регионов России, а по уровню рождаемости регион занимает 80-83 места в России. По показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении (61,1 лет) Псковская область занимает 86 место в России (после Республики Тува, Коми-Пермяцкого Автономного округа и Читинской области).

Достоинствами, или «плюсами», способными привлечь инвесторов в Псковскую область, по мнению ее губернатора М.Кузнецова [3], являются:

1.Относительная незагруженность промышленной инфраструктуры. В области имеется, в частности, порядка тысячи 1000МВт свободных энергомощностей, за подключение к которым придется заплатить 1- 1.2 тыс. руб./кВт против 8-12 тыс. руб./кВт в соседней Ленинградской области [2, с.98];

2.Наличие трудовых ресурсов и их относительная «дешевизна», в том числе по причине неизбалованности и общей нищеты, особенно по сравнению с соседними странами Прибалтики после их вхождения в Евросоюз;

3.«Исключительно благоприятная» (по мнению властей!) экологическая обстановка в сельской местности, сложившаяся за последние полтора десятилетия ввиду вынужденного отсутствия применения ядохимикатов и минеральных удобрений, позволяющая рассчитывать на производство экологически чистой продукции. Это возможно в условиях большого массива свободных сельскохозяйственных земель, ныне заброшенных, путем использования севооборота с парами, без применения искусственных средств повышения плодородия почвы. Такие идеи разрабатываются научными сотрудниками Великолукской сельскохозяйственной академии [4, с.475 – 493] и Санкт-Петербургского аграрного университета [5, с. 525-533].

Транспортные связи и процессы в региональных транспортных системах

В рамках экспедиции по Псковско-Витебскому приграничному региону нами были исследованы возможности транспортной связи между Витебском и г.Невелем в Псковской области (через Городокский район Витебской области), а также г. Невель- гг.Полоцк и Новополоцк в Витебской области, оттуда через п.г.т. Россоны (райцентр Витебской области на границе с Псковской областью) – г. Себеж (центр Себежского района Псковской области, граничащего не только с Республикой Беларусь, но и с Латвией). Как выяснилось на месте, в настоящее время не осуществляются транспортные связи общественными видами транспорта между соседними Верхнедвинским районом Беларуси и Себежским районом Псковской области.

Одновременно изучались возможности и частота сообщения различными видами общественного транспорта (железнодорожного и автомобильного) между г.г. Витебском и Псковом и г.г. Витебском и Смоленском. Трансграничные пассажиропотоки носят ярко выраженный «замыкающий» характер (существенное сокращение числа пассажиров при приближении к границе региона и государства)[2].

Существенным препятствием при пересечении государственной границы на автотранспорте в обоих направлениях является необходимость покупки дорогостоящих автостраховок, что не может не сказаться на сокращении потоков. Из трех соединяющих союзные государства магистралей, выходящих из Витебской области (Полоцк-Себеж, Витебск-Невель, Полоцк-Невель)- лишь в третьем случае имеется регулярная круглогодичная связь двумя видами транспорта. На первом участке (самом западном) наблюдается наименьший пассажиро - и грузопоток (менее 150 машин и лишь 1 рейс автобуса в сутки в одном направлении).

Большой проблемой для обеих региональных транспортных систем (РТС) является порча дорожного полотна большегрузными автотранспортными средствами, пересекающими по второстепенным дорогам государственную границу во избежание таможенного контроля.

Работу пассажирского сообщения на приграничных участках железной дороги дотирует администрация Псковской области (ж/д линия от Витебска до Великих Лук и далее до границ Псковской области). Поэтому был период, когда поезда ходили только от Витебска до пограничной

[2] Тот же самый «замыкающий» эффект виден и на примере дорожного строительства. С белорусской стороны состояние и категорийность дорог намного лучше.

белорусской станции Езерище[3]. В этом году связь по железной дороге между Езерищами и российским участком дороги была восстановлена. [4]

В отличие от прочих сфер межрегионального взаимодействия, именно транспортные связи во многом основываются на инициативе российской, а не белорусской стороны, при преобладании международных транзитных транспортных связей над местными (пригородными) международными связями.

В целом, транспортные связи российско-белорусского приграничья по своим масштабам очень незначительны относительно работы РТС соответственно Витебской и Псковской областей.

Таможенные переходы и таможни

На участке границы Витебск-Езерище-Невель (где практически параллельно идут автомагистраль и железная дорога) находится таможенный пункт пропуска у поселка Лобок (на российской стороне) с капитально оборудованным таможенным пропускным участком. Однако, по словам представителя невельской районной администрации, этот пункт пропуска никакой выгоды (экономической или в виде мест трудоустройства для невельчан) не дает, так как собственно таможня находится в Великих Луках, а следовательно и налоги идут в Луки, а не в Невель, и все выгоды от таможни – легальные и теневые - достались Великим Лукам. Этот город в качестве места размещения выбрали в свое время представители Таможенного комитета. [5]

Несколько иная ситуация сложилась в Себежском районе. Здесь имеется несколько таможенных пунктов пропуска. Два из них на российско- белорусской части границы – у с. Долосцы и у с. Байдаково, а также на участке российско – латвийской границы у с. Бурачки (автомобильный и железнодорожный переходы). Таможня находится в самом г. Себеж (новое трехэтажное здание на окраине города), в структуре которой занято сегодня около 400 чел. Работать там считается выгодно и престижно, и работают не только местные жители, но и некоторые специалисты издалека. Специально для них (и частично – для представителей бизнеса) в Себеже рядом со зданием таможни недавно построена частная гостиница, в то время как старая гостиница в исторической части города ремонтируется и обещает быть весьма крупной для городка с населением в 7 тыс. жителей. По мнению невельчан, Себежу повезло с таможней, прежде всего из-за наличия у них латвийского участка границы. Кроме таможни, в Себеже на железнодорожном вокзале происходит пограничный контроль поездов на участке Москва–Рига, в котором также заняты жители города и окрестностей. Таким образом, не собственно физическая удаленность или близость к границе является стимулом для развития поселения, а тот факт, «настоящая» ли это граница или формально-административная, а также наличие или отсутствие таможенной службы в городах.

Трудовые связи

В г. Невель во времена СССР и успешной деятельности машиностроительного завода средств связи (крупный филиал Ленинградского завода «Красная заря») с территории Белоруссии ежедневно завозили до 3000 человек рабочих. Сегодня, после развала этого предприятия и его «конверсии» в цех по производству хлебобулочных изделий, тары и разовых заказов на изготовление деталей для средств связи на уцелевшем оборудовании, собственный персонал завода сократился на 1500 человек. Интерес к завозу с белорусской стороны (из ближайшего поселка Езерище) проявила только дирекция швейной фабрики – одного из немногих успешно работающих предприятий г.Невеля (наряду с Райпо, транспортом и жилищно-коммунальной сферой). Однако опыт такого привлечения иностранных рабочих оказался неудачным – нужных опытных кадров не нашлось. Поэтому организованно (специальными автобусами, как раньше) из Белоруссии сегодня трудовые ресурсы не возят.

В индивидуальном порядке белорусы приезжают и работают в России и в исследованных нами городах в частности. Поскольку разрешение на работу для белорусских «гастарбайтеров» не требуется, официально работающих в России белорусов гораздо больше, чем работников из других стран ближнего зарубежья. Это связано не в последнюю очередь с тем, что работодателю не надо платить за них, как за мигрантов, дополнительные сборы, а также с тем, что белорусы считаются

[3] На официальных сайтах железных дорог и автотранспортных предприятий Белоруссии в большинстве случаев отсутствуют международные маршруты пригородных поездов и автобусов, отправляющихся в РФ

[4] Об относительно небольшой роли приграничного сообщения на ж/д транспорте говорит тот факт, что на поездах дальнего следования российско-белорусскую границу в Витебской - Псковской областях пересекает больше пассажиров (транзитных), чем на поездах пригородного сообщения.

[5] Аналогичная ситуация сложилась на участке границы между Кричевом в Белоруссии и п. Шумячи в России – ближайшим к границе райцентром на российской стороне в Смоленской области. Там все выгоды от присутствия таможенного перехода и таможни достались городу, аналогичному Великим Лукам по размеру, функциям и месту в локальной системе расселения - Рославлю.

хорошими, ответственными работниками. Однако негативное влияние все еще оказывает повышенная (30% вместо 13% для граждан страны) ставка подоходного налога, которой облагаются все иностранные граждане, пребывающие на территории России. Такая ставка сохраняется на протяжении полугода, то есть 183 рабочих дня налогового периода, что связано со сроками регистрации приезжих. Именно поэтому прежде всего устраиваться на работу легально людям, в том числе жителям Белоруссии, в России невыгодно. Для тех же, кто приезжает работать на сезон, легально устраиваться на работу вообще нет смысла. В итоге, бюджеты недополучают налоги, а зарплата рабочим идет в конвертах. Доказать же, что человек находится на территории России больше 183 дней, довольно сложно. Поэтому в ближайшее время предполагается подписать соглашение между Россией и Белоруссией, по которому при расчете подоходного налога не будут учитываться сроки временного нахождения работника на территории иного государства [6].

Особо охраняемые природные территории региона в условиях приграничья

На территории Себежского района расположен организованный по решению Правительства России в 1996 году Национальный парк «Себежский». Южная граница его проходит по государственной границе России с Республикой Беларусь, а небольшая часть на западе проходит по границе между Россией и Латвией. Администативным центром национального парка является город Себеж, а административные подразделения - лесничества расположены в деревнях Рудня и Мидино. Кроме того, на его территории продолжают существовать и вести хозяйство более 25 сельских поселений Себежского района. В процессе беседы с дирекцией национального парка было выявлено несколько ключевых проблем, наличие которых связано именно с приграничностью его расположения. Так, в частности, российско- латвийский участок границы национального парка не вызывает у его администрации серьезных забот, так как в 5-ти километровой зоне вдоль государственной границы с Латвией выделена пограничная зона, где установлен охранный режим и вход разрешен строго по пропускам.

Совсем иная ситуация сложилась на российско- белорусском участке парка. По мнению дирекции, отсутствие настоящей охраняемой границы между странами приводит к тому, что с белорусской стороны на территорию национального парка практически бесконтрольно проникают как отдельные граждане Белоруссии, так и целые бригады рыболовов и лесорубов. Если их удается застать на месте, как правило, стороны мирно расходятся, оставив улов или древесину российской стороне. Оправданием обычно служит версия, что вторжение произошло случайно, по ошибке, ведь границы на местности практически не обозначены, а на белорусской стороне они получили разрешение на соответствующее природопользование. При этом важно отметить, что не только рубить лес (как и в России), но и просто рыбачить для своего личного потребления на своей территории белорусы по закону могут только за плату. А на российской стороне платить надо лишь в случае применения особых средств лова (например, сетей, моторных лодок и др.), предполагающих лов с целью получения прибыли. Эти различия в законодательстве прекрасно знает местное население и с удовольствием их использует. В частности, если в самом Себежском национальном парке рыбная ловля без оформления и оплаты рыболовной лицензии (до 1000 штук ежегодно) официально запрещена, то в соседних российских озерах, которых здесь у границы множество – допустима, а доказать, что рыба выловлена не в национальном парке – сложно. Ловят рыбу белорусы бесплатно не только в запрещенных местах, но и вблизи удобных путей сообщения. Например, в водоемах вдоль железнодорожной линии Великие Луки – Невель – и далее через границу- Полоцк. На российской территории в пригородный поезд садятся белорусские рыбаки-одиночки с ночным уловом в рюкзаках. На белорусской стороне за ту же самую деятельность их ждал бы серьезный штраф.

В этой связи, пожалуй, следует напомнить, что идеи создания одинаковых по уровню строгости, ограничительным и запретительным мерам, по самому подходу к охране природных объектов и комплексов особо охраняемых природных территорий по обе стороны границы неоднократно предлагались рядом авторов в нашей стране (см., например,(7,с.287 -297; 6, с. 82 -85]. В частности, в процессе разработка Программы дальнейших направлений деятельности в рамках проекта «Невель-21» в природно-экологическом ее блоке уже было предложено «разработать и создать экологический каркас, объединяющий в единую сеть все виды особо охраняемых природных территорий» [7, с.372]. При этом важно, чтобы с обеих сторон границы располагались либо равные по статусу, либо две части одной, общей природоохранной структуры.

Об этом же пишет применительно к Администативным границам внутри России Б.Б. Родоман [8, с. 84], подчеркивая, что « …ООПТ по обе стороны границы должна быть единой, но если это

невозможно, то оба … парка должны быть согласованы по своему расположению и составлять один контур».

Конечно, сложившаяся «провокационная» для белорусских природопользователей ситуация должна в первую очередь беспокоить российских управленцев. Интересно отметить, что на белорусской стороне у границы с Себежским национальным парком расположены два ландшафтных заказника республиканского значения – «Освейский» вокруг озера Освея и «Червоный Бор». Но у них свои, специфические функции охраны, лишь частично совпадающие с правилами охраны в нашем национальном парке. Так что единая, но не соотнесенная, не урегулированная с правовой точки зрения, сеть природоохранных территорий здесь уже имеется, осталось лишь привести ее в соответствие друг с другом.

Что касается вопроса о том, как наличие на территории Себежского района Национального парка сказывается на его развитии, можно отметить следующее. Национальный парк финансируется из Федерального бюджета, однако имеет право сам вести определенные его «Положением» виды хозяйственной деятельности. В 2004 г. Национальный парк «Себежский» имел бюджет в 5 млн. руб., при этом 50% средств заработал сам. В зоне традиционного хозяйственного использования парка продолжают существовать и сохранили свои функции более 25 сельских населенных пунктов. Однако сеть поселений весьма неравномерна, а на участке границы с Белоруссией от озера Лисно до озера Осыно и примыкающей 1/3 территории парка постоянного населения после 1944 года не осталось совсем. Именно здесь, по мнению администрации, и сложились наиболее благоприятные для различных нарушителей условия. С целью повысить контроль за этой территорией национального парка в 2006 году планируется поселить на специально оборудованном лесном кордоне семью лесника. Кроме того, в администрации национального парка занято более 30 человек, 1/3 которых – с высшим и средним специальным образованием, что является немаловажным фактом для Себежа.

В результате создания национального парка на Себежских озерах был полностью запрещен промысловый лов рыбы (судака, леща, сома, щуки, немного – форели). До этого момента несколько лет функционировало частное рыболовецкое предприятие, но сегодня имеется дефицит кадров, зимние снасти утрачены, запрещено использовать моторки и серьезно официально ловом рыбы никто не занимается. Однако, по мнению специалистов, отслеживающих ситуацию с поголовьем и качеством рыбного стада в озерах на территории парка, отсутствие в течение нескольких лет отлова рыбы неводами привело к его ухудшению (слишком много рыбы, кормовой базы стало не хватать, рыба мельчает).

В то же время, браконьерский лов угря, искусственно разведенного в здешних озерах, представляет огромную проблему и для администрации парка, и для правоохранительных органов района. Криминальность этого вида лова такова, что, по мнению дирекции, скорее бы угря совсем выловили. Нет угря – нет проблемы! Иным путем справиться с беспределом в этой сфере не могут. Копченый угорь, можно сказать, является местной твердой валютой, открыто, кстати, предлагаемой как на местном рынке, так и сразу же при пересечении российско- белорусской границы - прямо у таможенного перехода с российской стороны. Сколько именно вылавливают – неизвестно, но в основном - на 90% - российские граждане, а не белорусы. Конкуренция в этом бизнесе жесточайшая, друг друга взрывают, поджигают машины и снасти, а заодно устраивают лесные пожары (до 15 раз в год бывало; в последние годы, видимо, с уменьшением объема вылова угря – лишь 3-4 раза в год).

Национальный парк, имеющий несколько функциональных зон с различным режимом охраны и разрешенными видами деятельности, по сути тем и отличается от других видов ООПТ, что призван разумно сочетать охрану и использование природных ресурсов и условий. В соответствии с этим его предназначением в Себежском парке на территории рекреационной зоны функционируют круглогодично: турбаза на 50 мест и 4 домика отдыха для туристов, а также дом рыбака на 10 мест. Вдоль берегов озер в этой части парка оборудованы места отдыха для туристов; вблизи г. Себежа проложена экологическая прогулочно - познавательная тропа; развита дорожно-тропиночная сеть и, практически в любое время в любой уголок парка можно проехать. Кроме того, специально разработаны два пешеходных маршрута по парку, один – водный и один – автомобильный. Все это позволяет рассчитывать на большой поток туристов и желающих ознакомиться с прекрасным экологически чистым озерным краем. Едут сюда в основном жители Москвы и Подмосковья (70%), Санкт-Петербурга (20%), а также до 10% граждан Литвы и Латвии. Из Белоруссии приезжают на отдых гораздо реже, несколько десятков человек в год.

Помимо отдыха, парк ведает охраной историко-культурных объектов на его территории и в этом качестве вызывает недовольство у представителей местных властей и отдельных жителей

Себежа. Дело в том, что в историческом центре г. Себежа с рядом охраняемых культурно-исторических объектов и целых их кварталов с момента создания Национального парка, в соответствии с Положением о национальных природных парках Российской Федерации от 10 августа 1993г.№769, запрещается без согласования с государственными органами охраны памятников истории и культуры и с дирекцией национального парка:

-строительство новых зданий, сооружений, хозяйственных построек;

-прокладка дорог, коммуникаций;

-земляные работы.

Разрешаются же, наряду с научно-исследовательской и просветительской деятельностью, лишь работы, связанные с сохранением и восстановлением планировки зданий и сооружений, с благоустройством территорий, формирующих историческую среду и окружение памятников и замена сносимых построек зданиями и сооружениями или зелеными насаждениями, не мешающими восприятию и сохранению памятников. Проблема в данном случае заключается в том, что большая часть Себежа расположена на достаточно узких полуостровах и перемычках между озерами и так, что большинство старых домов с приусадебными участками выходит прямо к урезу воды, без всякой водоохранной зоны и к тому же – без централизованного водоснабжения и – увы- канализации. Поэтому перестроить или построить на месте старого дома новый здесь стало практически невозможно, не нарушая при этом российское законодательство (в частности, Водный кодекс) и упомянутое выше Постановление. В Себеже проблема застройки водоохранных зон и прибрежных территорий исторически решалась однозначно – у каждого дома на берегу – свой мини-причал с лодкой, а удобства – во дворе за домом (кстати, точно такая же планировочная структура имеется в старой части г. Осташкова, только там к тому же есть еще и двух- трехэтажная старинная застройка). И что с этим делать, как улучшать условия жизни себежан – пока никто толком не знает, но раздражение в этой связи в городских кабинетах власти имеется. Канализация в городе вообще-то есть, но она работает плохо. В результате в озере Ороно, куда сегодня поступает часть неочищенных стоков города, загрязнение воды достигает периодически 140 $ПДК_5$ (по данным дирекции парка). Да и в других озерах, примыкающих к центру города, вода цветет уже с июля.

Сотрудничество сопредельных территорий

Сравнительно новой формой является сотрудничество сопредельных территорий (приграничное сотрудничество) с целью их устойчивого развития. При этом акцент переносится на совместное, наиболее рациональное использование природных, трудовых, рекреационных, инфраструктурных ресурсов. В 1999г. были созданы первые в Союзе Белоруссии и России Витебский и Псковский Центры устойчивого развития приграничных территорий. Затем на базе Центров была разработана совместная Программа устойчивого развития приграничных территорий, финансирование которой предполагалось из союзного бюджета в размере 750 тыс. российских рублей. В качестве организаций – участников были заявлены: Великолукская государственная сельскохозяйственная академия; Институт географии РАН; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Белорусская сельскохозяйственная академия; Витебская государственная академия ветеринарной медицины; ПО «Витебскэнерго»; Витебский облсельхозпрод и другие организации и предприятия. Накопленный в процессе реализации Программы опыт предполагалось использовать для разработки *модели совместной деятельности приграничных территорий.* По мнению ряда независимых исследователей и участников программы, данная форма сотрудничества не получила должного развития вследствие отсутствия правовой базы, определяющей компетенцию административно-территориальных образований (на уровне областей) в сфере внешних связей [7, с.158, 2, с.69].

Как особая форма межрегионального сотрудничества может быть выделена организация и проведение межрегиональных выставок-продаж в рамках двусторонних договоренностей, где применяется гибкая система скидок: безналоговая торговля, торговля без кассовых аппаратов, более низкая плата за место и др. Такие двусторонние договоренности действуют между Витебском и Смоленском, Псковом и Тверью, а также Северным административным округом Москвы. В последнем, а также и в самом Витебске в соответствии с планом мероприятий по сотрудничеству создаются торговые дома, где будут на паритетных началах представлены лучшие образцы продукции, производимой предприятиями этих регионов [9, с.160].

Интересно отметить, что в рамках существующего уже в Белоруссии проекта развития малых городов в приграничных регионах [10] в качестве возможностей (преимуществ) и особенностей развития таких городов выделены:

а) сохранение обусловленных многовековым развитием приграничных малых городов взаимопроникающих традиций, духовной культуры, социально-экономических взаимодействий и процессов со схожими особенностями, которые в значительной степени утрачены большими городами приграничья, вовлеченными в орбиту всеобщей глобализации;

б) наличие по обеим сторонам границы, как правило, сохранившихся в относительно более нетронутом, естественном состоянии природных комплексов (условий), что проявляется, в частности, в наличии с белорусской стороны границы множества природных заказников республиканского значения и национальных парков, на территориях которых или вблизи них находятся малые города (например, Лиозно, Сопоцкин, Давид-Городок, Чечерск, а также Браслав, Видзы, Друя, Мядель, Свирь, Кривичи). С российской стороны, как отмечалось выше, расположен город Себеж, в котором находится центр Себежского национального парка. Помимо обеспечения сохранности и устойчивости природных комплексов приграничья такая природно- ресурсная ситуация теоретически может способствовать взаимовыгодному использованию туристско-рекреационного потенциала приграничных городов;

в) относительно густая сеть пограничных переходов (как официальных и в разной степени контролируемых, так и неформальных, иногда – криминальных), расположенных как в самих малых городах, так и в непосредственной близости от них, способствует росту значения этих городов в качестве «фильтров», оказывающих содействие положительным международным контактам и ограничивающих или препятствующих отрицательным.

В этом проекте есть также важное, на наш взгляд, утверждение, что «поселения приграничья, особенно те, которые расположены в непосредственной близости от границы, дают представление (первое и зачастую самое «устойчивое») о Беларуси в целом. Очевидно, именно поэтому в республике такое большое внимание уделяется организации въездов в город, вокзалам, знаковым архитектурным объектам, определяющим национальный колорит архитектуры. В том, что это на самом деле так, мы имели возможность неоднократно убедиться. Например, несмотря на то, что на железнодорожном перегоне между г.г. Невель (Псковская область) и Полоцк (Витебская область) граница между странами никак на местности не отмечена, определить, находитесь ли вы все еще в России или уже въехали на территорию Беларуси безошибочно можно по внешнему виду станций, пристанционных поселков и, конечно, самих городов. И ведь не в дальнее зарубежье, страну Евросоюза въезжаете, а всего лишь в другую республику союзного государства. Однако в России некому, да и видно считается – незачем привести в приличный вид этот западный, хоть и не самый главный, парадный, но – все же въезд в страну! А ведь по этой железной дороге ежедневно туда и обратно ездят граждане обеих стран и прекрасно видят разительные отличия отношения к своей «среде обитания» в России и в Беларуси! Почему-то такое явное пренебрежение с российской стороны к внешнему виду приграничных поселений и территории в целом не является одной из задач, которую надо поставить и решить в императивном режиме в какой-либо «Целевой программе…», не дожидаясь, когда кто-то самоорганизуется или «разовьется»… Как показывает опыт Москвы и ряда других городов страны, навести элементарный порядок можно довольно быстро и не так уж затратно (особенно перед какими-либо выборами).

В этой связи возникает вопрос об обоснованности узко экономических критериев в аспекте социально-экономической эффективности функционирования городов и существенно шире – в аспекте сотрудничества России и Белоруссии. Так, летом 2005 г. по инициативе администрации Псковской области в г. Невеле было закрыто медицинское училище (одно из старейших в области) – в рамках осуществляемой здесь политики сокращения «неперспективных» техникумов, училищ, школ и больниц, находящихся на областном бюджетном финансировании, в целях сокращения расходов. Одна из версий данного конкретного случая закрытия – тот факт (помимо прочих), что в Невеле в последние годы бесплатно обучалось много студентов из Белоруссии (на 11.05.05 из 207 студентов 82 студента были белорусами – по данным администрации г. Невеля). Следует отметить, что в Витебске и Полоцке за последние годы было закрыто два медицинских училища, так что приток студентов из Белоруссии в г. Невель не был случайным. Пострадал от закрытия техникума прежде всего г.Невель, его жители, коллектив техникума – самого «высшего» до этой поры учебного заведения в городе. Недовольных много, а ведь этот пример еще раз подтверждает отсутствие целенаправленной политики поддержки «сверху» и координации действий по увеличению и улучшению (а не наоборот) российско-белорусских связей. Пока же получается, что фактор «приграничности» может вступать в противоречие с фактором «пограничности».

По нашему мнению, решение ряда локальных проблем приграничных территорий не может оставаться предметом заботы лишь местных (муниципальных и региональных) властей. Особенно

важно это в бедных, дотационных регионах, которым в современных российских условиях не по силам поддерживать их в том виде, который был бы достоин представлять эти территории как «визитную карточку» России для жителей соседнего союзного государства.

Литература

1. Левинтов А.Е. Пограничные города, город в пограничной ситуации. Пограничность города //Проблемы приграничных регионов России. Материалы XX1 ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Под ред. Ю.Г. Липеца, М., ИГ РАН, 2004, с.76 – 82.
2. Российский статистический ежегодник. М., 2004.
3. .Пусть придет хоть кто-нибудь к нам! Елена Борисова. Интервью с губернатором Псковской области Михаилом Кузнецовым. //Эксперт № 33, 2005 г. С. 92- 100.
4. Никитина З.В., Баннова Н.С. Основные направления экологического агропроизводства // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК.2005 г. С.111 - 117.
5. НикитинаЗ.В.Особенности севооборотов в экологическом земледелии Нечерноземной зоны России на примере Невельского района Псковской области. // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2005 г. С. 525- 533.
6. Татьяна Зыкова. Равные и правые. До конца года межгосударственными соглашениями будут закреплены принципы равноправия граждан.// Российская Газета, 5 мая 2005г.
7. Бочкарева Т.В., Мокрушина Л.С., Сдасюк Г.В.Устойчивое развитие на локальном уровне: проблемы и перспективы в России // Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Изд-во КМК. 2002 г. С.355-374.
8. Родоман Б.Б. Экологическое значение административных границ //Проблемы приграничных регионов России. Материалы XX1 ежегодной экономико-географической сессии МАРС. Под ред. Ю.Г. Липеца, М., ИГ РАН, 2004, с.82 -86.
9. Мой регион – Витебская область. Под ред. Р.Я. Костеровой, Витебск, УО «ВГТУ»,2005. 202 с.
10. Виктор Ивличев. Малые города в приграничных регионах Республики Беларусь.// Архитектура и строительство Беларуси.02/09 2004 г. http: // www.ais.by/content/view

Бородина Т.Л.

ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ РАССЕЛЕНИИ В 1990-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)[6]

До начала1990-х годов основными факторами, влиявшими на судьбу сельских поселений, расположенных в Европейской части России, являлись их географическое положение по отношению к городским центрам и наличие у них центральных функций. В большинстве регионов Европейской России сельское население стабильно сокращалось (исключением являлись некоторые северные сырьевые территории с несельскохозяйственным расселением и республики Северного Кавказа) Причиной этого был миграционный отток в города и постепенно увеличивающаяся демографическая депопуляция. Происходило свертывание сети сельских населенных пунктов и концентрация сельского населения в наиболее крупных поселениях (они, как правило, обладали и центральными функциями – были центрами сельсоветов, колхозов и совхозов), зонах вокруг городов (особенно областных и региональных центров), а также вдоль транспортных магистралей. В 1990-е годы основным фактором, влияющим на динамику населения и расселение, стал миграционный приток из других регионов России и бывших республик СССР, поскольку естественная убыль населения распространилась почти на все области Европейской России (кроме некоторых республик Северного Кавказа). В этой статье проводится анализ влияния фактора миграционного прироста на динамику населения и сельское расселение в таких непохожих регионах, как Смоленская и Белгородская области.

Динамика численности населения

Смоленская область относится к числу староосвоенных демографически неблагополучных регионов Центральной России. Среди всех областей России эта область понесла наиболее существенные потери в годы Великой Отечественной войны: численность населения сократилась вдвое.

В послевоенные годы в области чередовались периоды некоторого роста населения и его сокращения, но в целом с 1946г. население сократилось примерно на 200 тыс чел, составив на 1 января 2004 г. 1032,4 тысяч человек.

[6] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №04-02-7820 а/Б

Городское население постоянно росло до 1995г. Со второй половины 1990-х гг. процесс депопуляции охватил все муниципальные образования. В 2002 году в области не осталось ни одного города с положительной динамикой численности населения, в том числе сокращается население в областном центре и в ранее наиболее быстро растущем городе- центре АЭС – Десногорске. К 1 января 2004 года число горожан в области составляло 735,1 тыс. чел, а их доля в населении – 71%. Сельское население области постоянно сокращается, за послевоенные годы оно уменьшилось более чем в три раза, насчитывая ныне 297,3 тыс.чел.

Белгородская область, наоборот, относится к числу регионов с растущим населением. За период между переписями населения 1989 и 2002 годов всего в 21 российском регионе[7] из 89 наблюдался рост его численности. Белгородская область занимает в этом списке восьмое место, уступая по темпам роста лишь Дагестану, Кабардино-Балкарии, Москве, Ханты-Мансийскому округу, Северной Осетии, Ставропольскому краю и Калининградской области. За период 1989-2002 гг. население области выросло на 134,1 тыс.чел., или на 9,7%, в том числе городское – на 121 тыс., а сельское – всего на 13,1 тыс.чел. По переписи 2002г. в области проживает 1512,4 тыс.чел, в том числе в городах и поселках – 986,3 тыс. чел, а в сельской местности – 526,1 тыс.чел. Необходимо отметить, что городское население растет постоянно, а рост численности сельского наблюдался только в течение трех лет с 1992 по 1994 гг., когда величина миграционного притока в область была наибольшей. Прирост сельского населения выявился только по результатам подведения итогов переписи 2002 г. (по данным текущего учета в целом за период 1989-2002 гг. оно сократилось) за счет выявления мигрантов, которые не попадали в ежегодную статистическую отчетность.

Компоненты динамики населения

Единственным источником роста населения и в Смоленской, и в Белгородской области может служить лишь миграционный прирост, поскольку смертность превышает рождаемость, таким образом, наблюдается естественная убыль населения. В Смоленской области смертность превышает рождаемость с конца 1980-х гг. С 2002 года в области не осталось ни одного района или города с естественным приростом, а в некоторых районах коэффициент естественной убыли достигает 20 промилле. В Белгородской области смертность превысила рождаемость в 1991 году, причем с каждым годом величина естественной убыли населения (депопуляции) растет. Всего за 1989-2002 гг депопуляция составила 102,7 тыс.чел (родилось 195,4 тыс.чел., а умерло – 298,1 тыс.). В сельской местности области смертность превысила рождаемость еще до начала 1990-х годов, а в городах и поселках это произошло в 1993 году.

Динамика миграционного прироста

Белгородская область – одна из самых привлекательных для мигрантов. По показателю миграционной нагрузки (сальдо внешней миграции в расчете на 10 тысяч жителей) – 84 в целом для области, 81 для городской местности и 91 для села – в 2002 году она занимала первое место в России. Следом за ней шли Ленинградская область (соответственно 81, 87 и 70) и Ханты-Мансийский автономный округ (соответственно 78, 76 и 96). Белгородская область находится в группе лидеров по этому показателю все последнее десятилетие. Смоленская область привлекает мигрантов намного меньше. За период 1990-х гг. миграционный прирост смог перекрыть естественную убыль населения только в 1992-1994 гг. Начиная с 1995 года величина миграционного прироста стала уменьшаться. Кризисная социально-политическая обстановка, естественно возникающие проблемы адаптации населения на новом месте привели к заметному снижению числа мигрантов, а с 1999 г. миграционный прирост в области сменился миграционной убылью. В 2002 г. показатель миграционной нагрузки в области имел отрицательную величину -20 (-22 для городской местности и -17 для сельской).

За 1989-2002 гг. за счет миграционного прироста население Белгородской области выросло на 236,8 тыс.чел., в том числе в городах и поселках – на 148,2 тыс.чел, а в сельской местности – на 88,6 тыс.чел. В Смоленской области за 1992-2002гг миграционный прирост составил 52,5 тыс.чел, лишь на 41% компенсировав естественную убыль населения в 125,8 тыс.чел.

За период 1989-2002 гг. миграционный прирост в Белгородской области достигал своего максимума в 1994 г., когда величина сальдо миграции достигла 28,8 тыс.чел. (на «пике» прироста за счет потока внешней миграции и в целом для России). С 1994 г. ежегодно величина миграционного притока в область снижается, составив в 2002 г. 13,6 тыс.чел. Это совпадает и с общероссийскими тенденциями. Тем не менее, именно за счет миграционного прироста городское население Белгородской области продолжает расти, а в сельской местности, где максимум миграционного

[7] Под словом «регион» здесь и далее понимаются субъекты Российской Федерации.

прироста пришелся на 1992-1994 гг., составляя примерно по 9 тыс. человек в год, уже с 1995г. демографическая убыль превысила миграционный приток, тем самым уменьшая численность населения. Правда, как уже было отмечено выше, данные переписи 2002 г. выявили ранее не учтенных переселенцев в села области, и за счет этого получился небольшой прирост сельского населения.

В Смоленской области величина миграционного прироста также была максимальна в 1994 г., составив 17,3 тыс.чел. С 1995г.она постоянно снижается, а с 1999 миграционный отток превышает приток. В структуре сальдо миграционных потоков преобладают мигранты из стран ближнего зарубежья. Мигранты из других регионов России составили в 1994 г., когда миграционный прирост в область был максимален, - 12,5% величины сальдо миграции, в 1995г., когда поток приезжих из бывших республик СССР значительно уменьшился – 25%, а с 1997 г., когда миграционный оборот с другими регионами России стал для Смоленской области отрицательным, лишь приток мигрантов из стран СНГ обеспечивал миграционный прирост. С 1999г., когда приток мигрантов из стран бывшего СССР перестал перекрывать отрицательное сальдо миграции с другими регионами России, в области наблюдается общее отрицательное сальдо миграции

Структура миграционных потоков меняется и в Белгородской области. Так, в первой половине 1990-х годов, когда преобладали приезжие из стран бывшего СССР, они составляли большую часть сальдо миграции (более 60% для городов и поселков, а для сельской местности – практически весь миграционный прирост обеспечили переселенцы из-за пределов России). В 2002 г. сальдо миграции из-за пределов России составило 5476 чел (3255 чел. для городов и поселков и 2221 чел. для сельской местности), уменьшившись по сравнению с 1994 г. почти в 4 раза (тогда величина сальдо равнялась 21624 чел, в т.ч. 11860 – для городов и поселков и 9764 – для сельской местности). При этом число переезжающих в Белгородскую область из других регионов России ежегодно почти не меняется – в 1994 г. их было 7368 (5664 в городскую местность, 1704 – в сельскую), а в 2002 г. – 7131 (5079 – в города, 2052 – на село). Поэтому в структуре сальдо миграции в 2002 г. увеличилась доля межрегиональных внутрироссийских потоков. В 1994 г. в сальдо миграции для городских поселений 27% составляла межрегиональная миграция и 61% - международная, а в 2002г. это соотношение стало 63% к 41%. Для сельской местности в 1994 г. международная миграция составила 105% общего сальдо (т.к. отток сельских жителей в города в пределах области (-25%) перекрыл миграционный приток из других регионов России (+20%)), т.е. для сельской местности миграционный прирост полностью произошел за счет международной миграции. В 2002г. сальдо межрегиональных и международных потоков практически сравнялось, составив соответственно 45% и 49% .

Структура миграционных потоков

Таблица 1

Структура миграционного прироста.

	1994г.			2002г.		
	Миграционный прирост, чел.			Миграционный прирост, чел.		
	всего	В том числе за счет передвижения		Всего	В том числе за счет передвижения	
		В пределах России	За пределы России		В пределах России	За пределы России
Смоленская область	17368	2177	15409	-375	-1271	896
Белгородская область	28792	7368	21560	12607	7131	5476

Источник: Стат. сборники «Численность и миграции населения РФ» за 1994 и 2002 гг.

Положительное сальдо миграции с другими регионами России в Смоленской области наблюдалось в период 1993-1996гг, достигая максимальных величин в 1994 г. (2177 чел), и в 1995 г. (2727 чел) за счет приезжих из регионов Севера и Дальнего Востока. С 1997 г. из области больше уезжают в другие регионы России, чем приезжают из них. Традиционным местом притяжения для мигрантов из Смоленской области служит Московский регион.

У Белгородской области устойчивое положительное сальдо миграции с соседними областями, входящими в Центрально-Черноземный район, в основном, за счет мигрантов из Курской области. В 2002 г. число таких переселенцев увеличилось по сравнению с 1994 г. почти в 2 раза. Основной причиной этого является значительное отставание экономического развития Курской области по сравнению с Белгородской. После 1994 г., как уже было отмечено, поток мигрантов из республик бывшего СССР, с каждым город уменьшается, а из других регионов России, особенно из северных и восточных, люди продолжают уезжать, поэтому в структуре миграционного прироста в 2002 г. по сравнению с 1994 г. их доля значительно возросла.

Таблица 2.

Сальдо миграции со странами ближнего зарубежья за 1992–2002 гг. (человек)Белгородская область

Территории выбытия	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Всего	17221	21824	12444	10825	8902	9562	7750	8216	4851	5619
Украина	4054	6988	3677	4756	3414	3226	2113	2350	695	1156
Казахстан	2970	5533	3148	2326	3083	4045	3510	3583	2573	2510
Страны Средней Азии	6273	5697	3088	1894	1266	1328	1368	1557	1029	1357
Страны Закавказья	3108	2512	1309	1148	634	696	451	316	217	288
Страны Балтии	535	349	805	313	98	87	109	42	34	9
Молдавия	227	343	268	287	262	199	196	370	302	254
Белоруссия	54	202	149	101	145	-19	3	-2	1	45

Источник: Стат. сборники «Численность и миграции населения РФ» за 1993-2001 гг.

Белгородская область граничит с Харьковской и Луганской областями Украины. До распада СССР область находилась в зоне влияния Харькова – крупного промышленного, научного и культурного центра, который можно назвать региональной столицей. После распада Союза связи нарушились, к тому же социально-экономический кризис на Украине был еще более глубоким, чем в России. Поэтому не удивительно, что в первой половине 1990-х годов мигранты с Украины занимали по численности первое место среди всех переселенцев из республик бывшего СССР (табл.2). В основном это были жители граничащих с Белгородской областью областей Украины. Можно предположить, что в значительной степени это – возвратная миграция, то есть в первую очередь вернулись люди, когда-то уехавшие с Белгородчины, у которых остались здесь тесные связи. Пик потока мигрантов с Украины пришелся на 1994 г., когда из нее в Белгородскую область переехало более 9 тыс. человек, а потом стал уменьшаться. Далее по численности идут мигранты из Казахстана. Такой значительный приток объясняется прежде всего тем, что Казахстан – большая страна и количество потенциальных мигрантов, прежде всего среди русскоязычного населения, в ней достаточно велико. Мигранты из Казахстана, естественно, едут во многие регионы России, но привлекательна для них и Белгородская область. В отличие от потока мигрантов с Украины, приток переселенцев из Казахстана на протяжении всего последнего десятилетия почти не уменьшается. Пик отъезда из государств Средней Азии (больше всего – из Узбекистана и Киргизии, как более крупных по численности населения, а также из Туркмении и Таджикистана) пришелся также на первую половину 1990-х гг., сразу же после распада СССР, затем стал значительно меньше. Видимо те, кто хотел и мог уехать, уже это сделали. Тем не менее, в настоящее время сальдо миграции из стран Средней Азии в Белгородскую область занимает по величине второе место после Казахстана, превышая приток с Украины. Больше всего переселенцев из стран Закавказья (Грузии, Армении и Азербайджана) также было в первые годы после распада СССР. Мигрантов из стран Балтии, Молдавии и Белоруссии в Белгородской области немного.

Таблица 3.

Сальдо миграции со странами ближнего зарубежья за 1992–2002 гг. (человек**)** Смоленская область

Территории выбытия	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Всего	7688	9073	14801	7950	4407	3506	2544	1032	1716	699	1054
Страны Закавказья	1745	1752	1965	1103	749	368	313	157	188	125	113
Казахстан	1334	1487	2869	1671	825	1501	1339	715	607	359	351
Страны Средней	3232	3212	3900	2197	1088	798	675	582	665	368	526
Белоруссия	-677	-43	1650	837	266	-63	-423	-660	-197	-351	-213
Страны Балтии	1751	1635	2079	775	455	187	97	38	34	38	22
Молдавия	219	105	211	127	194	107	78	54	122	86	86
Украина	84	925	2127	1240	832	608	465	146	297	74	169

Источник: Стат. сборники «Численность и миграции населения РФ» за 1993-2001 гг.

В Смоленской области в общем потоке мигрантов из стран ближнего зарубежья преобладают приезжие из Казахстана и Средней Азии. В 1994 г. они суммарно составили около 46% миграционного притока, в 2003 г. – уже почти 68% сальдо миграции (при общем значительном уменьшении потока). Очень сильно сократился поток переселенцев из республик Закавказья и стран Балтии. Можно предположить, что миграционный потенциал этих государств практически исчерпан. Поток мигрантов с Украины, хотя и сильно уменьшился по сравнению с «пиковыми» 1994 и 1995 гг,

все же сохраняется. Единственное государство, с которым у Смоленской области наблюдается отрицательное сальдо миграции – это соседняя Белоруссия. За исключением периода 1994-1996 гг постоянно больше мигрантов из Смоленской области уезжает в Белоруссию, чем приезжает оттуда. Эта ситуация характерна и в целом для России. Больше всего отрицательное сальдо миграции с Белоруссией для Смоленской области было в 1999г., при ухудшении социально-экономической ситуации в стране после дефолта в 1998г. Уменьшение сальдо миграции с Белоруссией произошло прежде всего за счет уменьшения количества прибывших, количество уезжающих в Белоруссию из Смоленской области, хотя и уменьшилось, но не столь сильно.

Внутриобластные особенности динамики населения

Районные показатели динамики населения в значительной степени зависят от внутриобластного распределения потока мигрантов. В Белгородской области наиболее привлекательными для переселенцев являются районы вокруг наиболее крупных городских центров – Белгорода и Старого Оскола. Так, величина коэффициента миграционного прироста (на 10 тыс. постоянного среднегодового населения), то есть «миграционная нагрузка» в 2002 г. при среднеобластном показателе 84 в Белгородском районе составила 358, а в Старооскольском – 330. Именно в поселках недалеко от Белгорода величина показателя миграционной нагрузки максимальна (пос. Северный – 774). Несколько уступают лидерам – Белгородскому и Старооскольскому районам – но тоже привлекательны для мигрантов Шебекинский и Борисовский районы (вблизи Белгорода) и Губкинский (вблизи Старого Оскола). Наоборот, периферийные районы, особенно в западной (Грайворонский, Ивнянский, Ракитянский), восточной и юго-восточной частях области (Краснянский, Чернянский, Ровеньский, Вейделевский, Красногвардейский) наименее привлекательны для мигрантов, и в них показатель коэффициента миграционного прироста отрицателен, то есть из этих районов больше местных сельских жителей уезжает, чем в них переселяется мигрантов из-за пределов области. Характерно, что в 1994г., когда миграционный прирост в области был максимален, таких резких внутрирайонных различий показателя миграционной нагрузки не было. Хотя и тогда лидировал Старооскольский район, в нем миграционная нагрузка составляла 364 при среднеобластном значении 191, следующим шел не Белгородский район (194), а Борисовский (335). Выше среднеобластного значения этот показатель составлял в большинстве городов и поселков области, а также и в сельской местности многих районов, прежде всего в южной и юго-западной частях области – Шебекинского, Корочанского, Яковлевского, Краснояружского, Грайворонского, а отрицательное значение имел только в одном районе – Красногвардейском. При уменьшении миграционного прироста после 1994 г. происходит заметный процесс его концентрации вокруг самых крупных городов области, сопровождающийся оттоком сельского населения из периферийных районов области, которые не пользуются популярностью и среди мигрантов, переезжающих в область из других регионов России и из-за ее пределов. При уменьшении величины миграционного прироста меняются и показатели динамики численности населения по районам области. За период 1989-2004гг., при максимальном миграционном притоке, население росло в 17 из 21 районов области. Максимальный рост наблюдался в Яковлевском (на 11%) и Белгородском районах (на 8%). Из 4 районов, в которых население сокращалось - Красненском, Красногвардейском, Красноружском и Старооскольском (в последнем только сельское население, т.к. Старый Оскол – город областного подчинения) наибольшее сокращение - на 5,6% - произошло в Красногвардейском районе. В 1995-2002гг население росло уже всего в 10 районах области (максимальный рост – на 20% - в Белгородском районе), а в 11 – сокращалось (максимально – на 7 % - в Красненском районе). Таким образом, при сокращении потока внешней миграции происходит концентрация населения в наиболее привлекательных зонах. Большинство городских поселений области (10 городов и 20 пгт) продолжает увеличивать свою численность. В целом за период 1989-2002гг. население сократилось лишь в 3 городских поселениях (поселки Волоконовка, Красногвардейское и Ракитное), а максимальный рост наблюдался в поселках Северный (рост в 2 раза) и Разумное (на 39%) Белгородского района, Маслова Пристань Шебекинского района и Строитель Яковлевского района. Сельская местность была более привлекательна для мигрантов в период 1989-1994гг, когда многие переселенцы ехали не туда, куда им больше хотелось, а где они могли устроиться. Многие потом переехали из села в город. В 1989-1994гг сельское население сокращалось в 8 районах Белгородской области (наибольшая убыль – на 5,3% - в Красногвардейском районе), а в 1995-2002 гг – уже в 12 районах (максимально – на 9,5% – в Ровеньском районе). В целом за межпереписной период 1989-2002гг. сельское население сократилось в 9 районах области, а выросло больше всего в Белгородском районе – на 25%.

Для анализа изменений в сельском расселении Белгородской области в 1989-2002гг. были выбраны два контрастных по показателям района в разных частях области: Белгородский - наиболее привлекательный для мигрантов и с наилучшими в области показателями роста населения и Красногвардейский – наоборот, с наибольшим оттоком населения. В Белгородском районе из 21 сельского округа в 1989-1994гг население росло во всех, росли и все центральные села округов. Из 84 сельских населенных пунктов района в этот период население сокращалось в 29, в основном в наиболее мелких, в которых проживает менее 100 жителей. В 1995-2002гг в 4 округах население начало сокращаться, перестали расти и их центры. Два из этих округов (Ериковский и Хохловский) расположены в северной части района на границе с Яковлевским районом, а два (Краснооктябрьский и Журавлевский) – в южной части района вблизи границы с Украиной. Всего в районе в 1995-2002гг. население сокращалось в 25 сельских поселениях, также в основном в небольших. Больше всего выросли поселки в пригородах Белгорода, в которых ведется коттеджное строительство. Население поселка Майского за 1989-2002 гг увеличилось на 73%, Таврово – на 78%, а поселок Дубовое вырос в 2,2 раза. Таким образом, происходит концентрация населения в наиболее привлекательных местах и наиболее крупных поселениях с численностью 2-3 тыс.человек, выполняющих роль местных центров. В наименее привлекательном для мигрантов Красногвардейском районе в 1989-1994гг из 15 округов население росло в 7 (максимальный рост- в Никитском округе – на 10%), а в 1995-2002гг.при уменьшении миграционного притока уже не было ни одного растущего округа. Больше всего сократилось население (более чем на 20%) в Марьевском и Верхососенском округах в периферийной части района к северу от райцентра. В 1989-1994гг население выросло в 25 сельских поселениях из 78, расположенных в районе, в 1995-2002гг. количество растущих поселений уменьшилось до 6. Всего в трех населенных пунктах население выросло за счет продолжения роста в период 1989-1994 гг. Это центр село округа Коломыцево (464 жителя в 2002г), а также хутор Ендовицкий (220 жителей) в Красногвардейском поселковом округе и хутор Ураково (196 жителей) в Утянском сельском округе. В целом за межпереписной период население выросло в 14 снп района, причем кроме трех упомянутых поселений, в остальных 11 – за счет роста в период 1989-1994гг. Из этих 14 поселений только два являются центрами сельских округов, также они не являются наиболее крупными по размеру. Рост населения в этих поселках мог происходить только за счет миграционного притока, поскольку в сельской местности Красногвардейского района смертность превышает рождаемость уже с первой половины 1970-х годов, а в райцентре - поселке Красногвардейском демографическая убыль наблюдается с 1989г. Таким образом, можно сделать вывод, что даже в депрессивном районе с постоянной убылью населения есть некоторые точки роста за счет миграционного притока. Поскольку Красногвардейский район намного менее привлекателен для мигрантов, чем Белгородский, на уровне района в целом миграционный приток «тонет» в демографической убыли. В1989-1994гг, когда мигрантов было больше, рост можно было заметить на уровне некоторых сельских округов, а в 1995-2002гг, только спустившись на уровень отдельных сельских населенных пунктов, можно выявить относительные «точки роста».

В Смоленской области между переписями 1989 и 2002г. не было ни одного района с положительной динамикой населения (всего в области 25 районов). В целом по области население уменьшилось на 9%, в то время как в Демидовском районе – на 24%, а в наименее сократившемся Ярцевском – на 2,4%. Сельское население сокращалось повсеместно, за исключением единственного района – Сафоновского (рост на 3,8%), менее всего – в Вяземском районе (на 5,5%), а в наибольшей степени – в Демидовском и Ельнинском районах (на 35%), в среднем по области – на 18%. Городское население в целом по области сокращается с 1995г., но за период 1989-2002гг население выросло лишь в Ельне (на 10%), Десногорске (на 6,4%), Гагарине (на 2,3%) и в поселках Холм-Жирковский (на 6,1%) и Кардымово (на3,4%).

Выбранные для анализа изменений в сельском расселении Ершичский, Шумячский и Хиславичский районы относятся к числу наименее экономически развитых среди других районов области, с достаточно сложной социальной и демографической ситуацией. Они расположены по соседству, в южной части области, граничат с Белоруссией, а Ершичский район – еще и с Брянской областью. Их объединяет крайне периферийное положение по отношению к областному центру, но в их географическом положении есть и различия. Шумячский район расположен на полимагистрали: железной дороги Могилев-Рославль (далее на Калугу и Москву) и шоссе Брест-Слуцк-Бобруйск-Рогачев-Кричев-Малоярославец-Москва (так называемая Варшавская трасса). Через Хиславичский район проходит автомобильная дорога районного значения, соединяющая его с ближайшим городом на белорусской стороне Мстиславлем, а Ершичский район расположен в стороне от оживленных трасс. Положение на стыке трех областей – российских Смоленской и Брянской и белорусской

Могилевской превращает его в некое подобие «медвежьего угла». В действительности различия этих трех районов в географическом положении практически нивелируются почти полным отсутствием сквозного магистрального пассажирского сообщения по железной дороге и автомагистралям.

Таблица 4

Основные показатели районов на 1 января 2004 г.

	Территория, кв.км	Численность постоянного населе-ния,	Плотность населения, чел./кв.км	Административно-территориальное деление					
				города	ПГТ	сельские округа	сельские населенные пункты	из них	
								численностью свыше 3	без населения
Всего по области	**49779**	**1032,4**	**20,7**	**15**	**15**	**399**	**4894**	**6**	**454**
Ершичский	1039	8,6	8.2	-	-	9	79	1	6
Хиславичский	1161	11,6	10,0	-	1	17	156	-	15
Шумячский	1368	13,5	9.8	-	1	14	139	-	19

Источник: Данные статистического управления Смоленской области

Эти районы малочисленны, в них нет городов, в Ершичском районе вообще нет городских поселений, его райцентр – село Ершичи с населением 3.3 тыс.чел. В Хиславичском и Шумячском районе есть по одному поселку городского типа. Это райцентры Хиславичи – 4,6 тыс.жителей и Шумячи- 4,7 тыс. жителей. В период между двумя последними переписями населения во всех этих трех районах темпы сокращения численности населения выше, чем в целом по области, меньше всего уменьшилось население в поселке Хиславичи (на 6%), а больше всего – в сельской местности Хиславичского района (на 27%). Естественная убыль населения в этих районах выше, чем в целом по области, прежде всего за счет более высокой смертности. Это объясняется деформированной возрастной структурой населения с повышенной долей старших возрастов, прежде всего в сельской местности. В полностью сельском Ершичском районе выше и показатель естественной убыли населения. Из всех трех районов небольшое положительное сальдо миграции наблюдается только в Ершичском районе за последние три года (в 2002г. – 49 чел., в 2003 – 22, в 2004 – 52 человека).

За последний межпереписной период на фоне общей депопуляции из 30 сельских округов исследуемых трех районов Смоленской области практически ни в одном не было роста населения. Единственным исключением стал Дубовицкий округ Шумячского района, в котором появился новый населенный пункт – деревня Озерная, выделенная из черты поселка Шумячи. За счет этого административного преобразования население округа увеличилось в 2,1 раза. Все остальные округа потеряли в среднем от 15 до 40% населения. Самое большое сокращение наблюдалось в Лобановском сельсовете Хиславичского района. За период 1989-2002 гг его население сократилось с 233 человек до 111 (на 53%) а из 4 входящих в него деревень население сохранилось лишь в 2.

Несмотря не общую депопуляцию, во всех трех исследуемых районах есть сельские населенные пункты, в которых за рассматриваемый период росло население. Так, в Ершичском районе за период 1989-1998 гг население выросло в 10 поселениях, в том числе в 8 – более чем на 10%. Это нельзя объяснить лишь «чудесным» демографическим всплеском, так вырасти население могло только лишь за счет переселенцев. Например, население деревни Карповка Беседковского округа, расположенной в глухом месте вблизи с границей с Белоруссией, выросло с 58 человек до 112 (в 1,93 раза), а деревни Тросно-Исаево Сукромлянского округа на границе с Брянской областью – с 51 до 105 человек (в 2,05 раза). Таким образом, на фоне максимального миграционного прироста даже в сильно демографически истощенном регионе наблюдался рост отдельных сельских поселений. Необходимо отметить, что из всех растущих деревень лишь одна расположена в предместье райцентра (д.Танино Ершичского округа, население которой увеличилось с 85 до 113 человек), все остальные – рядовые поселения, расположенные вдали от оживленных трасс, но поблизости с границей области. Из-за сильной демографической депопуляции миграционный прирост, имевший место в середине 1990—х гг., можно заметить, только «спустившись» на уровень отдельных сельских населенных пунктов. Ни на уровне районов, ни на уровне сельских округов он статистически не проявляется. После 1998 г., когда произошло резкое сокращение внешнего миграционного притока, начало сокращаться и население всех выросших за период 1989-1998 гг. населенных пунктов. В результате лиши в 3 из 10 в целом за период 1989-2002 гг. выросло население (д.Карповка, д.Танино, д.Тросно-Исаево), в остальных сокращение за период 1998-2002 гг. превысило рост за период 1989-

1998 гг. Видимо, переселенцев больше не было, и население начало сокращаться в силу традиционных для этого региона причин – естественной убыли и миграционного оттока.

В Шумячском районе за период 1989-1998 гг. росли 15 сельских населенных пунктов, затем их население начало сокращаться. В 4 ранее уменьшавшихся поселениях рост начался после 1998 г. Так, в д.Ожеги Балахоновского округа население увеличилось с 77 чел. до 86, в д.Прудок Криволесского округа – с 2 до 8 человек, в пос.Шумовка Шумячского округа – с 17 до 26, а в д.Городец (также Шумячского округа) – с 135 до 150 человек. Объяснить этот рост можно только за счет переселенцев. В целом за период 1989-2002гг в Шумячском районе в 6 деревнях население увеличилось за счет роста в 1989-1998гг, и еще в 4 – за счет роста а 1998-2002г. Также в этом районе появилась одна новая деревня – Озерная в Дубовицком сельском округе (выделена из состава райцентра Шумячи). В 2002 г. ее население составило 335 чел. Также в районе появился один вновь заселенный пункт – в д. Большая Игнатовка в 1989 г.жителей не было, а в 2002г. проживало 3 человека. Необходимо отметить, что какие-то географические закономерности роста поселений в этом районе выделить трудно. Среди растущих есть и совсем мелкие поселения, и достаточно крупные для этого региона, и центры сельских округов, и рядовые поселения, расположенные вблизи райцентра и на дорогах, и в глубинке. Очевидно, что единственным фактором роста является миграционный приток.

В Хиславичском районе всего между переписями население увеличилось в 18 СНП, расположенных в 10 сельских округах, из которых лишь 6 росли как в 1989-1998гг., так и после 1998г., еще в 2 поселениях население в 1989-1998гг сократилось, а после начало увеличиваться. В 8 СНП население увеличивалось лишь в 1989-1998гг, а затем сократилось до уровня ниже 1989 гг., и лишь в 5 (3 из которых расположены в Печерском округе недалеко от райцентра) население росло в 1998-2002г. после сокращения в предыдущее десятилетие. Среди растущих поселений наряду с центрами округов (деревни Владимировка, Братковая, Микшино, Жанвиль, Упино, Черепово) есть небольшие и средние по размерам рядовые поселения, рост которых может быть объяснен только миграционным притоком.

Таким образом, если до начала 1990-х гг основными факторами роста сельских поселений были наличие центральных функций и удобное географическое положение, то теперь практически единственным фактором роста является миграционный приток, хотя понятно, что прежде всего он направлен в более привлекательные зоны. В регионах, наиболее привлекательных для мигрантов, таких, как Белгородская область, рост населения заметен на уровне районов и сельских округов. В регионах с постоянным сокращением населения, к которым относится Смоленская область, а также и некоторые районы в целом «благополучной» Белгородской области, демографическая убыль намного превышает миграционный приток (если даже он и есть). Поэтому рост населения статистически невозможно заметить ни на уровне районов, ни на уровне сельских округов. Но если спуститься на уровень отдельных сельских поселений, то в отдельно взятой деревне и приезд одной или двух семей может изменить тенденции динамики населения.

Грицаенко Е.А.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Агропромышленный комплекс является базовым сектором экономики Воронежской области. В его состав по состоянию на 1 января 2003 года входят более 800 сельхозпредприятий, 4 227 крестьянских (фермерских) хозяйств, 18 машинно-технологических станций, более 200 предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, 670 тыс. личных подсобных хозяйств населения. Более 18% в объеме валового регионального продукта области составляет сельское хозяйство. Воронежская область обладает развитой структурой сельского хозяйства. В области возделывают зерновые культуры, сахарную свеклу, подсолнечник, махорку, коноплю, картофель, овощи и другие культуры. Здесь создана крупная база по переработке свекловичного сырья. На основе выращиваемого в области подсолнечника развито масложировое производство. В области производится 15% сахара, более 10% растительного масла России.

По объемам производства молока область занимает 10 место, сахарной свеклы и подсолнечника — 3 место в Российской Федерации. Животноводство специализируется на разведении крупного рогатого скота молочно-мясного направления. Развито также овцеводство, птицеводство, племенное коневодство, козоводство и пчеловодство.

Однако критическая ситуация, характеризующаяся сокращением посевных площадей и урожайности, снижением поголовья скота и его продуктивности, высокой степенью износа сельхозтехники, недовнесением удобрений и уменьшением плодородия почв, привела к снижению объемов производства сельскохозяйственной продукции, что отразилось, в свою очередь, на объемах продукции перерабатывающих отраслей. Это привело к тому, что внутренний рынок наполняется импортными продовольственными товарами и, по экспертной оценке специалистов, наполовину состоит из таковых.

Положительные изменения экономического потенциала во многом зависят от степени развития кооперации, интеграции сельскохозяйственных организаций, как между собой, так и с перерабатывающими и сервисными организациями, с поступлением иностранных вложений в экономику области. В настоящее время в области в интеграционные процессы вовлечено более 70 инвесторов, с участием которых на базе 170 сельскохозяйственных предприятий создано 110 интеграционных объединений. Организационные структуры, созданные с участием инвесторов, обрабатывают около 25% пашни, используемой в сельскохозяйственном производстве области, в них работает более 30 тыс. человек. Необходимо отметить работу инвесторов в нашей области, которая заслуживает внимания. Это ООО «Колос» Ольховатского района, ЗАО «Родина» и ОАО фирма «Молоко» Россошанского района, ООО «ВМК - 2001» Кантемировского района, ЗАО НПО «Апротек» и ООО МТС «Павловская» Павловского района.

Наиболее приемлемой формой привлечения капиталовложений в экономику области в настоящее время является создание предприятий с иностранными инвестициями. В 2003 году на территории Воронежской области было зарегистрировано 37 предприятий с иностранными инвестициями, прошли перерегистрацию 15 совместных предприятий. Сумма вкладов российских и иностранных участников в уставной капитал совместных предприятий составила 367,6 млн. руб., в том числе зарубежных – 303,5 млн. руб. (82,6% от общей суммы). Структура иностранного капитала претерпела изменения:

- доля прямых инвестиций снизилась и составила 18,9%;
- доля портфельных инвестиций составила 41,3%;
- доля других видов инвестиций возросла и составила 39,8%.

Иностранные инвестиции поступали в виде кредитов из 11 стран дальнего зарубежья: США (40,7 %), Германии (29,8 %), Австрии (9,9 %), Швейцарии (8,5%) и др.

С 2000 по 2004 годы на территории области самым крупным размещением иностранных инвестиций стали следующие совместные проекты:

- строительство завода по производству солода. Проект реализуется ОАО "Острогожским комбинатом по производству солода". Стратегическим инвестором выступила швейцарская компания "Alcor Holding Group Ltd.";
- реконструкция и модернизация производства на ЗАО "Воронежские дрожжи" компанией "Ньюкастл Холдингз Лимитед" (Великобритания)
- совместное российско-германское ООО "Вита-Фит" в прошедшем году приступило к реализации проекта по выпуску йогуртов в одинарных стаканчиках. Компанией "Проект-Менеджмент консалтинг. Пищевые технологии" (Германия).

В 2002 году практически закончилось финансирование проекта российско-французского СП «Древо». Предприятие специализировалось на переработке сельскохозяйственных культур, что позволило значительно увеличить производство высококачественной продукции в области. Объем зарубежных инвестиций в 2004 году в сельское хозяйство региона, полученный через СП, составил более 14,2 млн. долларов США.

К наиболее активным странам-партнерам Воронежской области в сфере международного и внешнеэкономического сотрудничества относятся Германия, Франция, США, Индия, Китай, Турция, Венгрия, Болгария, Испания, Италия, Великобритания, Швейцария, Дания, Австрия, Чехия, Корея, Украина и Латвия.

Воронежская область является устойчивым нетто-импортером сельскохозяйственной продукции и продовольствия. В товарной структуре российского импорта сельхозпродукция и продовольствие по объемам импортных поставок занимают второе место после машин, оборудования и транспортных средств (таблица 1, рис. 1).

Таблица 1

Товарная структура импорта Воронежской области, %*

Продукция	Годы					
	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Всего	100	100	100	100	100	100
Продовольственные товары и сырье для их	32,8	29,3	29,0	29,4	23,0	22,9
Продукция топливно-энергетического комплекса	1,8	4,6	3,8	2,0	1,3	1,4
Продукция нефтехимического комплекса	7,9	6,9	80,5	4,6	4,1	4,4
Кожевенное сырье, меха и изделия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Древесина и изделия из нее, включая печатную	1,7	2,4	3,3	2,5	1,7	2,3
Одежда, обувь	0,1	0,1	0,0	0,2	0,1	0,1
Черные и цветные металлы, изделия из них	14,5	38,0	23,6	11,7	16,9	19,8
Машиностроительная продукция	34,7	13,2	23,6	40,8	45,1	43,2
Прочие товары	6,5	5,5	8,2	8,8	7,5	5,9

* Составлена по данным Воронежского областного комитета государственной статистики

В 1999 году импорт агропродовольственной продукции составлял около 33% от всего объема импорта области. За пять последних лет значение этого показателя уменьшилось и составило 22,9% в 2004 году.

Агропродовольственный экспорт составляет незначительную долю всего экспорта Воронежской области в среднем до 3,8%, в 2004 году приблизился к уровню 1999 года и составил 2% (таблица 2)

Таблица 2

Товарная структура экспорта Воронежской области, %*

Продукция	Годы					
	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Всего	100	100	100	100	100	100
Продовольственные товары и сырье для их	2,0	4,1	3,4	4,9	6,6	1,9
Продукция топливно-энергетического комплекса	6,9	2,6	0,7	0,2	1,3	0,3
Продукция нефтехимического комплекса	58,0	71,8	75,4	78,4	73,4	76,5
Кожевенное сырье, меха и изделия	1,0	1,5	0,6	0,2	0,2	0,7
Древесина и изделия из нее, включая печатную	0,3	0,2	0,1	0,3	0,4	0,5
Одежда, обувь	3,9	3,1	2,3	1,3	0,8	0,8
Черные и цветные металлы, изделия из них	3,8	3,7	1,7	1,3	3,6	3,5
Машиностроительная продукция	20,3	10,1	13,4	10,7	10,5	12,8
Прочие товары	3,8	2,9	2,8	2,7	3,2	3,0

Составлена по данным Воронежского областного комитета государственной статистики

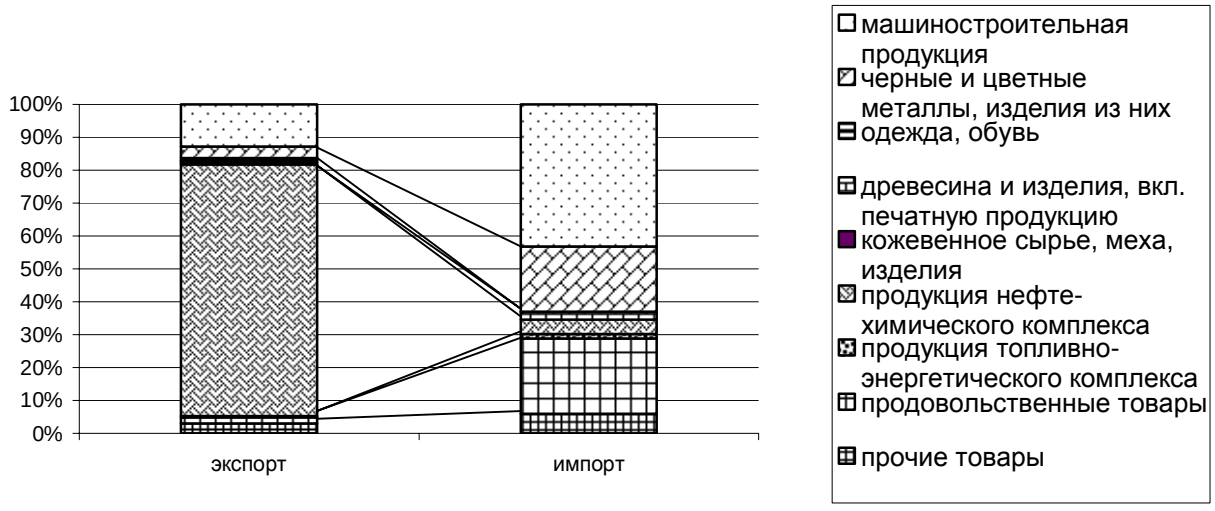

Рис. 1 Товарная структура экспорта и импорта Воронежской области за 2004 год

Существенные изменения в динамике и структуре агропродовольственной торговли происходили в 1999-2004 годах под воздействием в основном двух доминирующих факторов - кризиса 1998 года и государственного регулирования, которое выражалось в виде введения различных таможенных ограничений и осуществления поставок в рамках продовольственной помощи из США и ЕС. Конъюнктура мировых рынков, объемы внутреннего производства и доходы населения хотя и в меньшей степени, но также оказывали влияние на формирование торговых потоков.

Девальвация рубля в 1998 году сделала импорт продовольствия заметно менее выгодным, а экспорт воронежского сельскохозяйственного сырья более выгодным по сравнению с докризисным периодом. Это создало хорошие возможности для расширения рынка со стороны отечественных производителей в агропродовольственном секторе, во-первых, за счет импортозамещения на внутреннем рынке и, во-вторых, за счет расширения экспорта. С другой стороны, падение реальных доходов ограничило спрос населения на эластичные по доходу товары, что не могло не отразиться на положении в продовольственном комплексе и во внешней торговле.

Создавшиеся в результате девальвации рубля благоприятные условия для увеличения экспорта не были реализованы, во-первых, в силу узкого ассортимента экспортных товаров продовольственной группы, во-вторых, из-за политики государственного ограничения экспорта. В 1999 году экспорт существенно сократился, а объемы экспорта продовольствия в 2000 и 2001 годах не достигли докризисного уровня.

В течение 1998-2004 годов сохранилась тенденция увеличения импортных закупок сельскохозяйственного сырья и продовольствия (рис. 2).

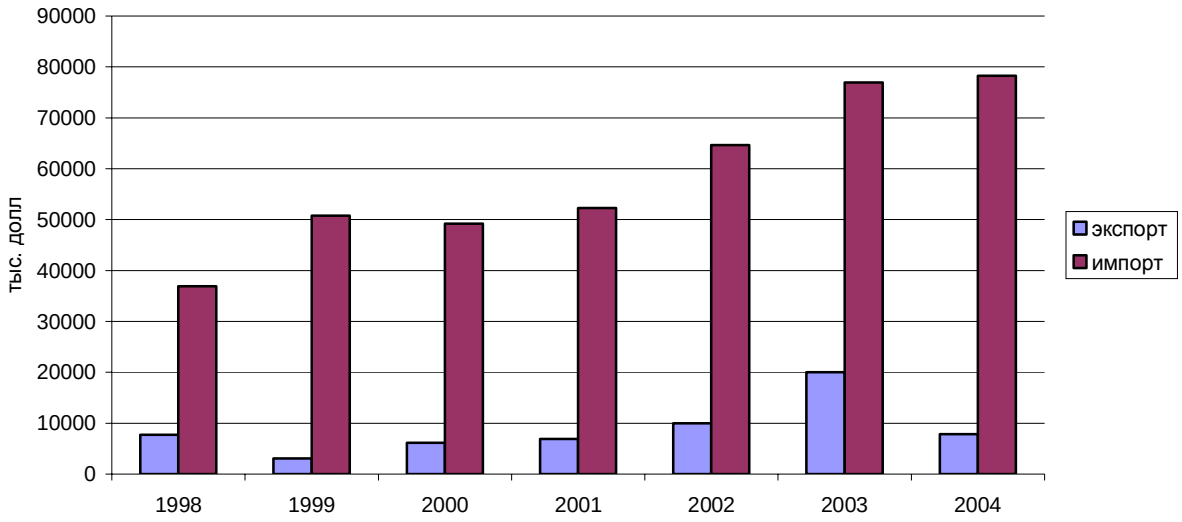

Рис. 2 Динамика агропродовольственного экспорта и импорта Воронежской области в 1998-2004 годах

Высокие объемы агропродовольственного импорта на протяжении последних семи лет превышали экспорт в 4,8-10 раз, показатель чистого экспорта агропродовольственной продукцией в 2004 году составил - 70,4 млн. долларов.

Импорт сельскохозяйственной продукции и продовольствия является более диверсифицированным по сравнению с экспортом. В 2004 году в товарной структуре импортных закупок страны основное место занимали соки, тросниковый сахар, шоколад, молочная продукция, масла, корма для животных, а хлебные злаки (рис. 3)

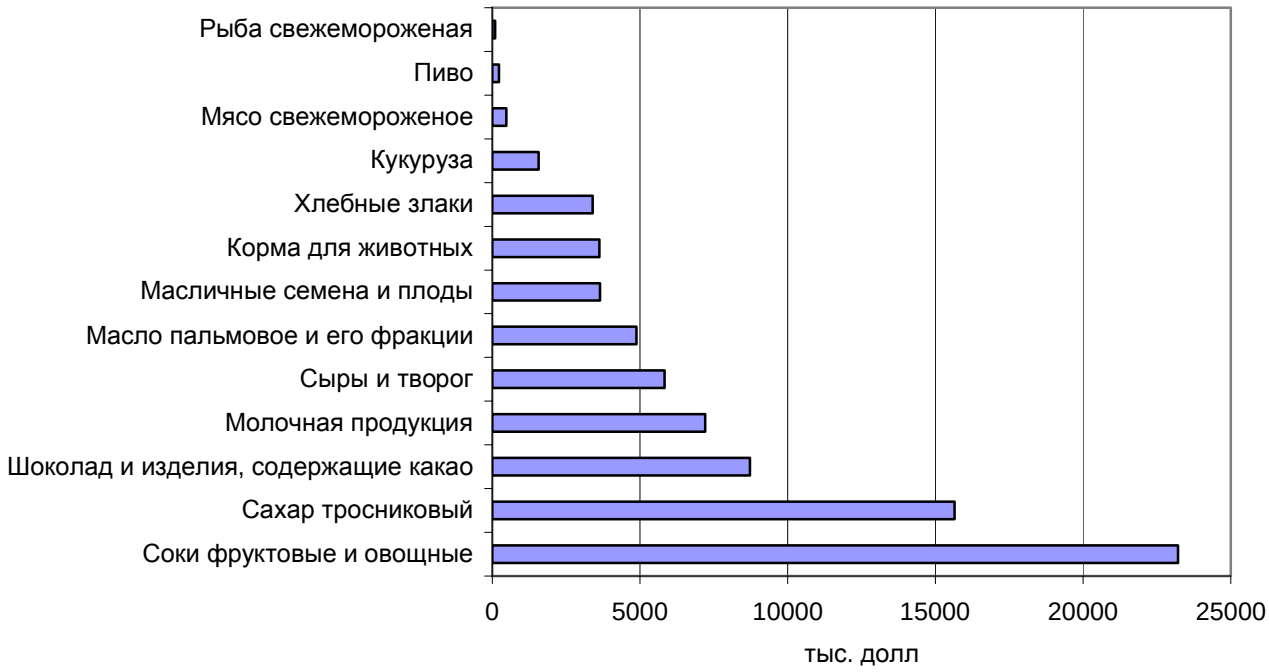

Рис. 3 Товарная структура агропродовольственного импорта Воронежской области в 2004 году

Следует отметить, что преобладание поставок сахара-сырца в структуре воронежского импорта по товарам агропродовольственной группы сложилось только в последние годы. Интенсивное государственное регулирование внешней торговли сахаром и сырцом привело к тому, что импорт сахара стал падать, в то время как ввоз сахара-сырца существенно вырос. Воронежская область производит сахар преимущественно из ввозного сырца. Это стремление загрузить любой ценой собственную сахарную промышленность при отсутствии усилий по развитию сырьевой базы в области вряд ли целесообразно.

Первоначальной реакцией на девальвацию рубля 1998 года было сокращение объемов импорта практически по всем позициям агропродовольственной группы товаров. Падение импорта создало возможность для отечественных производителей увеличить свою долю на внутреннем рынке и, соответственно, увеличить производство. Однако укрепление российского рубля уже в 1999 году способствовало постепенному восстановлению импорта. Таким образом, открывшиеся для отечественных производителей возможности носили краткосрочный характер и ими могли воспользоваться производства с коротким технологическим циклом. Так, не наблюдалось процесса импортозамещения в производстве мяса КРС, которое характеризуется более естественным длительным технологическим циклом. Вторым фактором сокращения мясного импорта послужила неблагоприятная эпидемиологическая обстановка в ряде европейских стран. В связи с этим Россия ввела ограничения на импорт говядины, а также живого скота и кормовых добавок из Великобритаиии, Португалии, Швейцарии, ряда департаментов Франции и некоторых земель Германии и Ирландии. Однако данные ограничения носили краткосрочный характер, и в 2001 году произошло восстановление ввоза импортного мяса, которое является основой сырьевой базы для российской мясоперерабатывающей промышленности.

Более благоприятная ситуация сложилась в птицеводстве, которое смогло частично реализовать появившиеся в результате кризиса конкурентные преимущества. После кризиса лидирующие позиции на воронежском рынке потеряли США. Учитывая короткий цикл производства птицы (3-4 месяца), приток иностранного капитала и увеличение внутренних инвестиций в эту отрасль, можно было бы рассчитывать на рост в отечественном птицеводстве. С помощью программ продовольственной помощи США пытались восстановить занимаемую ими нишу на российском рынке. В 2000 году импорт американской птицы в Россию рос рекордными темпами. Снижение импортных пошлин на птицу с 30 до 25% способствовало некоторому расширению ввоза этой продукции.

Более длительная задержка в оживлении импортных поставок наблюдалась по мясным консервам, маслу сливочному, мучным кондитерским и макаронным изделиям, шоколадным изделиям. Импорт по этим продуктам начал расти только в 2000 году.

Следует отметить, что восстановление импорта некоторых видов продовольствия происходило на фоне расширения внутреннего производства этих товаров.

Пожалуй, единственной промышленностью, где положительное развитие производства обусловило снижение активности импорта, является масложировая промышленность. Однако данная тенденция никак не связана с импортозамещением, а вызвана рекордно высоким урожаем подсолнечника в 1999 году и ограничением экспорта этой культуры.

Круг воронежских агропродовольственных товаров, традиционно экспортируемых в другие страны, очень узок: хлебные злаки, продукция мукомольно-крупяной промышленности и подсолнечное масло. (Рис. 4)

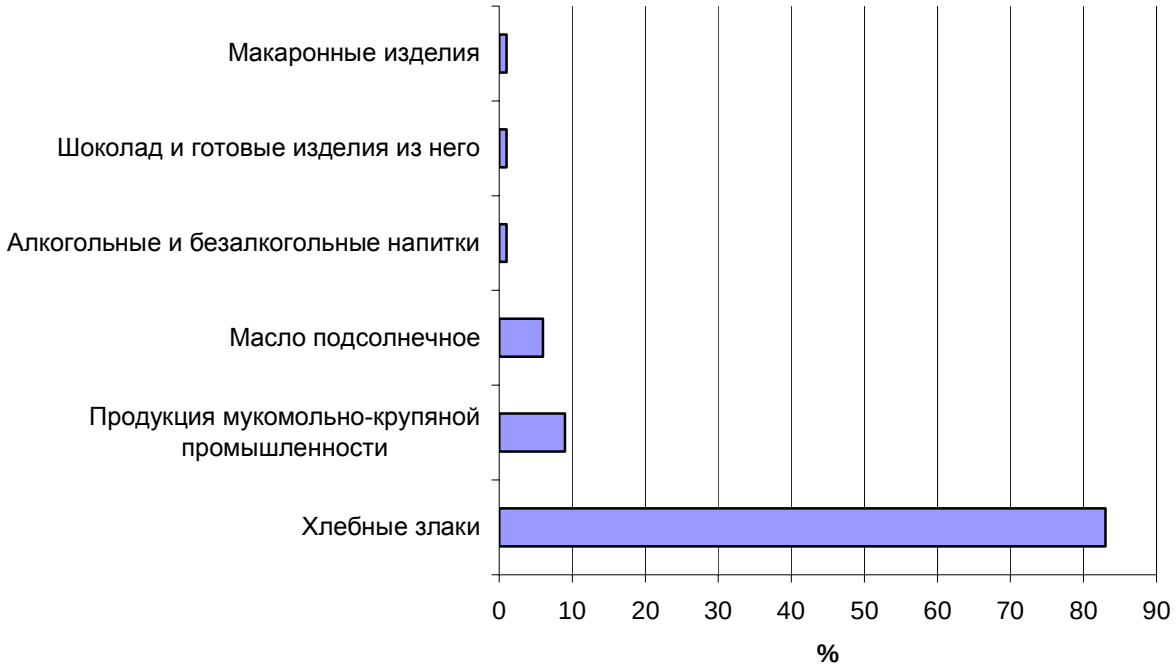

Рис. 4 Товарная структура агропродовольственного экспорта Воронежской области в 2004 году

Расширению экспортных поставок масличных семян в 1999 году препятствовало введение экспортных пошлин на эту группу товаров. В 2000 году динамика внутренних и мировых цен позволила восстановить экспорт масличных. Благоприятный урожай и ограничение экспорта подсолнечника в 1999 году транслировались в рост производства подсолнечного масла. Скорее всего, доминирующим фактором расширения производства является ограничение экспорта, поскольку основным продуктом масложировой промышленности стало сырое подсолнечное масло, вывоз которого стал выгодным ввиду установленных экспортных тарифов.

Основными торговыми партнерами Воронежской области в торговле сельскохозяйственной продукцией и продовольствием по-прежнему остаются страны дальнего зарубежья. К наиболее активным странам-партнерам области относятся Германия, Франция, США, Индия, Турция, Венгрия, Болгария, Испания, Италия и др. Из стран Содружества основными партнерами Воронежской области являются Украина, Молдова и Беларусь.

Соловьев А.Б.

СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ГОРОДАХ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Обеспеченность человека жильем - один из важнейших показателей, определяющий качество и уровень жизни населения любого российского региона. Независимо от суммы получаемой зарплаты, уровня обеспеченности продуктами питания, товарами и услугами и даже правовыми свободами, отсутствие благоустроенного жилья делает жизнь любого человека ущербной, зависимой и неуверенной.

Жилье - важнейшая потребность человека, имеющая свойство возрастать и усложняться по мере развития общества. Жилье во многом определяет жизненный уровень, семейные отношения, быт, условия для социального и духовного развития людей. Отсутствие благоустроенного жилья делает жизнь любого человека ущербной, зависимой, неуверенной.

За период реформ в России в сфере жилищного финансирования произошли серьезные изменения: созданы и оформлены основные принципы государственной жилищной политики, где приоритетная роль отдана рыночным механизмам в решении жилищной проблемы. Произошел коренной поворот от планово-административных методов регулирования жилищной сферы к рыночным механизмам при соблюдении принципов социальных гарантий в области жилищных прав и малоимущих граждан, и иных установленных законодательством категорий населения. Право собственности на жилье и рынок жилья стали неотъемлемой частью отношений в данной сфере.

Жилье служит важным фактором стабилизации и устойчивого развития общества, поэтому данный вопрос всегда являлся предметом пристального внимания со стороны государственных органов. В концепции программы повышения качества жизни населения Белгородской области прямо говорится, что одной из ряда базисных потребностей, удовлетворение которых определяет качество жизни, является обеспечение человека необходимым жильем.

В настоящее время в городах Белгородской области показатели обеспечения населения как общей, так и жилой площадью относительно высоки. По темпам жилищного строительства (в расчете на душу населения) регион занимает ведущие позиции в России.

Белгородская область прочно занимает передовые позиции в Российской Федерации по темпам жилищного строительства. За последние годы в Белгородской области вводится около 800 тысяч квадратных метров жилья в год. Это больше, чем в самые благополучные годы. В расчете на одного жителя этот показатель превышает уровень столицы в 1,5 раза, Центрально- Черноземного региона в 3 раза.

Обеспеченность населения общей и жилой площадь неодинакова по административным районам и городам области по причине разных факторов. К основным из них относятся: численность населения, уровень развития строительной базы района, наличие финансовых ресурсов для строительства жилья. В целом, исследование показывает, что обеспеченность населения общей и жилой площадью напрямую зависит от уровня социально-экономического развития территории.

Таблица 1.

Обеспеченность населения городов Белгородской области общей и жилой площадью (по состоянию на 1.01. 2005 г) в кв. м. на 1 чел.

Города	Общая площадь ($м^2$)	Жилая площадь ($м^2$)
Алексеевка	16,8	10,9
Белгород	16,6	10,6
Валуйки	16,7	10,9
Губкин	20,4	19,4
Грайворон	21,3	14,3
Короча	18,0	13,6
Н.Оскол	17,3	11,4
Ст. Оскол	19,7	10,0
Строитель	18,2	13.4
Шебекино	19,1	12,8

По уровню обеспеченности населения городов Белгородской области общей площадью в лучшую сторону можно выделить следующие города: Грайворон, Губкин и Старый Оскол (табл1.). Причем наибольшая степень обеспеченности населения общей площадью была выявлена в г. Грайвороне - 21,3 квадратных метра на человека.

Хуже всего обеспечены общей площадью такие города Белгородской области, как Алексеевка, Белгород, Валуйки

Важнейшим условием развития жилищного рынка любого российского региона является жилищное строительство. С учетом относительно небольшого предложения на рынке вторичного жилья, жилищное строительство становится практически единственным источником жилых помещений на соответствующем сегменте рынка жилья.

Жилищное строительство в Белгородской области является одной из самых прибыльных отраслей экономики. Учитывая наличие собственной материально-технической и ресурсной базы, можно сделать вывод о достаточно низкой себестоимости жилищного строительства. В связи с тем, что информация о себестоимости строительства жилья считается коммерческой тайной, исследование этого показателя производилось по соответствующим литературным источникам, а также исходя из мнения экспертов Департамента строительства и транспорта администрации Белгородской области.

Исходя из расчета, что среднеобластной показатель себестоимости 1 кв. м. жилой площади в 2002 году составлял в кирпичных домах 3,5-4,2 тысячи рублей, а крупнопанельных и монолитных зданиях – 2,8-3,3 тысячи рублей за 1 кв. м., сопоставив данные выше показатели с рыночной стоимостью жилья (в 2002 году она составляла по кирпичным домам , 8 тысяч рублей, а по крупнопанельным и монолитным домам – 7,3 тысячи рублей за 1 кв. м.), можно сделать вывод о высокой рентабельности жилищного строительства Белгородской области. В 2005 году рыночные цены на жилье выросли и достигли в среднем по городам области 18 -25 тысяч рублей за квадратный метр, что усилило жилищную проблему.

Как показало исследование, основное строительство жилья сосредоточено в гг. Белгороде и Старом Осколе. На долю г. Белгорода в 2004 г. приходилось 23,6 % всего построенного в области жилья, а на долю Старого Оскола – 17,9 %. Для сравнения, аналогичные показатели в 1990 году составляли: 20,5 % и 22, 1 % соответственно, т.е. в Старом Осколе в тот период строилось больше жилья, нежели в областном центре.

Можно предположить, что в ближайшее время темпы строительства жилья в гг. Белгороде и Старом Осколе будут нарастать. Это предопределяется повышенным спросом на жилье в этих городах, развитием целевых программ по улучшению жилищных условий населения, мощным миграционным прессингом.

Сегодня все энергичнее развивается жилищный рынок и требуется дать новый импульс улучшению качества жизни, сделать жилье более разнообразным, комфортным и доступным для разных слоев населения. Фактически речь идет о смене основных парадигм и обновлении многих представлений о методах и формах решения проблем жилья. В такой момент становится ясно, что найти разумные решения, создающие основы новой системы в жилищной сфере, можно только опираясь на фундаментальные знания, переосмысление прежних основ. Сегодня тот редкий момент, когда практики нуждаются в тех самых фундаментальных знаниях, а фундаментальные знания активно обновляются с учетом новой практики.

Одновременно как никогда остро проявляется необходимость интеграции специальных знаний и опыта, комплексного взгляда на проблему развития жилищного рынка с учетом не только накопленного задела, но и будущих тенденций и условий.

Чрезвычайно важную роль в развитии жилищного рынка на сегодняшнем этапе приобретает государственное управление данным процессом.

Сегодня можно уверено сказать, что позитивные результаты развития рынка жилья в Белгородской области, как одного из субъектов Российской Федерации, являются, в первую очередь, следствием правильной, последовательной политики государственных органов региона.

Однако наряду с позитивными тенденциями, в настоящий период жилищный рынок региона переживает весьма большой спектр проблем различного плана. Сложившуюся на нем ситуацию, также как и в других регионах, можно рассматривать как переходную. К соответствующим проблемам можно отнести следующее:

- несовершенство нормативно-правовой базы для рыночных отношений в сфере жилищной недвижимости;
- рассматриваемый сегмент рынка как потенциальный объект инвестиций по большей части все еще остается вне интересов финансовых институтов;
- по сей день важнейшим фактором, формирующим спрос на жилье, выступают потребительские мотивации;
- на жилищном рынке преобладают перераспределительные тенденции между различными

по уровню доходов слоями населения;

- корреляционную зависимость между различными аспектами жилищного строительства и миграционными процессами (среди субъектов РФ по уровню миграционной нагрузки область занимает второе место, после Краснодарского края);
- диспропорции в темпах и качестве жилищного строительства в различных административных районах Белгородской области;
- низкий уровень развития жилищной инфраструктуры;
- несбалансированное соотношение себестоимости и рыночной стоимости жилья.

В то же время вопрос государственного регулирования развитием рынка жилья является чрезвычайно важным на региональном уровне, поскольку именно здесь происходят основные рыночные преобразования.

Различие условий и сложившихся тенденций на жилищном рынке Белгородской области вызывает потребность в разработке индивидуальных моделей, учитывающих специфику данной территории.

Основная цель жилищной политики в Белгородской области заключается в стабилизации и обеспечении роста темпов нового строительства, его дифференциации по качеству и местоположению в соответствии со спросом и потребностями населения, повышении качества и эффективности строительства.

К ключевым мерам жилищной политики в регионе относятся:

- увеличение объемов нового жилищного строительства в соответствии с ростом платежеспособного спроса на жилье со стороны конечных потребителей (граждан, юридических лиц, государства, муниципалитетов) и с учетом более рационального использования существующего жилищного фонда;

-создание равных условий для всех субъектов хозяйственной деятельности жилищного строительного рынка, развития малого предпринимательства;

-проведение прогрессивной технической политики в области производства стройматериалов, капитального строительства и реконструкции жилья;

- использование современных архитектурно-планировочных решений;

- обеспечение стандартов качества вновь создаваемых объектов жилищного фонда;

- расширение источников и обеспечение устойчивости финансирования жилищного строительства с увеличением доли внебюджетных инвестиций и особенно кредитных ресурсов.

Для улучшения жилищных условий населения важно не только увеличение объемов вводимого нового жилья, но и главным образом, повышение его качества. Техническая политика жилищного строительства должна быть направлена на стимулирование применения высококачественных современных строительных технологий; применение прогрессивных строительных материалов и конструкций, используемых в жилищном строительстве, с ориентацией на применение энерго- и ресурсосберегающих экологически чистых материалов; выпуск товарной продукции в виде готовых комплектов жилых домов с целью снижения стоимости строительства.

Изменившиеся условия финансирования строительства большой части жилищного фонда требуют внесения определенных корректив в базовую концепцию жилищного строительства, более широкого применения методов комплексного инженерно-архитектурного и экономического анализа. Одним из критериев оценки новых строительных проектов станет учет оптимизации затрат на последующее содержание жилья.

Важным положением жилищной политики является организация деятельности по сохранению и развитию жилищного фонда за счет нового строительства, реконструкции и капитального ремонта эксплуатируемых зданий.

Одной из задач жилищного строительства (реконструкции) является создание без барьерной жилой среды для мало мобильных групп населения (инвалиды, престарелые). Эта задача будет решаться посредством модернизации планировочных решений квартир нижних этажей, оснащением жилых и общественных зданий транспортными коммуникациями (пандусы, аппарель и т.д.), специализированным инженерным оборудованием.

В целом необходимо добиться взаимосвязанного развития различных сегментов недвижимости в жилищной сфере: нового строительства, улучшения существующей застройки, повышения эффективности управления жилой недвижимостью, замещения старых строений.

Формируемые при непосредственном участии государства правовые условия деятельности различных участников рынка строительства жилья, развития судебной системы должны

способствовать повышению эффективности их взаимодействия на базе договорных отношений и обеспечению системы их исполнения.

При этом государство во взаимодействии с муниципалитетами должно сохранить за собой функции надзора за соблюдением строительных норм и правил, требований экологической и иных видов безопасности, контроля профессионального уровня застройщиков и подрядных организаций.

Ответственным органам власти необходимо существенно упростить административные процедуры согласования новых строительных проектов и получения разрешительной документации с тем, чтобы они стали более прозрачными, фиксированными по срокам и понятными для частных застройщиков и не носили, по существу, запретительного характера.

Приоритетными задачами в отношении жилищного строительства на территории области являются:

- комплексность в создании комфортной среды проживания, включающей:
  - многообразие архитектурных решений преимущественно малоэтажной застройки в сочетании с профессиональным градостроительным подходом к ее размещению;
  - опережающее развитие инженерной инфраструктуры районов массовой застройки, развитие дорожной сети в населенных пунктах области и их благоустройство;
  - постепенное снижение стоимости жилья за счет индустриализации, внедрения эффективных архитектурно-строительных систем, позволяющих снизить удельный вес зданий, и применения качественных отечественных строительных материалов;
- обеспечение безопасности проживания;
- создание наиболее благоприятных возможностей застройщикам для строительства индивидуального малоэтажного жилья коттеджного типа на прилегающих к городам и рабочим поселкам земельным участкам, организации спальных районов и зон отдыха трудящихся и сферы услуг с полным инженерным обеспечением возводимого жилья;
- реконструкция жилых зданий начального периода массовой застройки;
- совершенствование парка строительной техники;
- переход к государственному (муниципальному) планированию только той части жилищного фонда, которая финансируется из государственного (муниципального) бюджета;
- создание равных условий для всех субъектов хозяйственной деятельности жилищного строительного рынка, поддержки развития малого предпринимательства;
- обеспечение конкурентного рынка в сфере строительства, производства стройматериалов, проектной деятельности;
- регулирование и контроль строительного рынка посредством создания и развития соответствующей нормативно-правовой и нормативно-технической базы на федеральном, региональном и местном уровнях, а также контролем за исполнением;
- содействие созданию частных агентств, приобретающих землю для производства строительных улучшений, целью которого могут быть: последующая продажа улучшенной (подготовленной для строительства) земли застройщикам; последующая застройка подготовленной земли с продажей домов и (или) квартир частным лицам.

В перспективе до 2010 года улучшение уровня жизни и качества проживания требует ввода в действие жилья в 2010 году не менее 700 тыс. $м^2$ за год, а за 2003-2010 годы суммарно 4030 тыс. $м^2$ путем строительства коммерческого и муниципального жилья. При этом доля частного сектора должна составить не менее 55%.

Существующая структура жилищного строительства, при которой объем индивидуального жилья, составляет более 50% от общего объема, не позволяет в полной мере обеспечить создание комфортных условий для проживания людей, сократить стоимость и сроки строительства.

В этой связи назрела необходимость радикального изменения структуры и системы жилищного строительства на территории области. Поэтому была разработана и утверждена новая стратегия развития жилищного строительства в области на период до 2010 года. Она является продолжением жилищной политики, направленной на дальнейшее улучшение качества жизни населения, и, одновременно, реализацией задач, поставленных Президентом России В.В.Путиным, об удвоении ВВП и решении жилищной проблемы в регионах России.

Стратегия развития жилищного строительства в области на период до 2010 года предусматривает:

- опережающий рост строительства индивидуального жилья и увеличение его доли до 1,0 млн. $м^2$ в год (не менее 6 тыс. жилых домов в год);
- строительство 150 тыс. кв. м многоэтажного жилья повышенной комфортности.

Реализацию стратегического направления в развитии жилищного строительства на территории области предполагается осуществить в 2 этапа:

1 этап – 2004-2007 годы, за который необходимо довести объем ввода индивидуального жилья до 1,0 млн. $м^2$, в том числе:

-500 тыс. $м^2$ ввода жилья обеспечивает "Областной фонд поддержки индивидуального жилищного строительства";

-500 тыс. кв. м жилья вводится индивидуальными и корпоративными застройщиками-инвесторами;

-2 этап – 2007-2010 годы – сохранить достигнутый уровень жилищного строительства.

За период с 2004 по 2010 годы будет построено около 40 тысяч индивидуальных жилых домов коттеджного типа и низко этажного высокоплотного жилья, будет введено более 7 млн. $м^2$ жилья, в том числе 5,6 млн. $м^2$ – индивидуального.

Для обеспечения определенных стратегией объемов строительства индивидуального жилья органам местного самоуправления потребуется выделить дополнительно на территории области порядка 30 тыс. земельных участков или 6 тыс. гектаров земли.

За четыре года, с 2004 по 2007, объем строительства в городах и районах области вырастет в среднем в 1,64 раза.

Развитие усадебных систем расселения в таких объемах требует значительных территорий, изменения отношения населения к индивидуальной застройке как наиболее дорогому и недоступному виду жилья, создания рынка разнотипного жилья, как по площади, так и по цене, организации социального, транспортного и первичного обслуживания населения.

В целях реализации программы органы архитектуры совместно с Фондом поддержки индивидуального жилищного строительства провели инвентаризацию ранее выделенных районов массового индивидуального строительства, в ходе которой выявлены объемы незавершенного строительства и неиспользуемые участки, а так же определены объемы работ по завершению строительства инженерных сетей и устройства улиц с твердым покрытием с целью завершения работ по благоустройству этих районов в 2003 году, что позволит стимулировать либо ввод жилья в эксплуатацию, либо продажу незавершенного строительства и последующий его ввод.

Одновременно составлен реестр земель, предназначенных для размещения индивидуального жилищного строительства на 2005-2010 годы, определены землепользователи, как правило, это муниципальные земли или земли различных агрофирм.

Единым заказчиком (оператором) по скупке земельных паев и земельных участков из земель сельхозназначения в местах будущего индивидуального жилищного строительства, земель, находящихся в коллективно-совместной собственности, определен Фонд поддержки индивидуального жилищного строительства. Всего до 2010г. потребуется 9 тыс. га, что составляет менее 1% от территории области.

Основные объемы индивидуального жилищного строительства размещаются в 2-х агломерациях на основных агломерационных осях: Север-Юг вдоль трассы Москва – Крым и Запад-Восток вдоль трассы Сумы-Белгород-Губкин-Старый Оскол-Воронеж.

В обеих агломерациях территории для индивидуального жилья размещены в пределах 15 км зоны, а в райцентрах - в пределах 5 км зоны, вдоль существующих автомобильных дорог с твердым покрытием, что дает возможность обеспечить доступность и взаимоувязанное развитие городов и субурбанизированных зон в части обеспечения объектами социальной инфраструктуры. Первичное обслуживание субурбанизированных территорий будет обеспечено за счет выделения, в соответствии с градостроительной документацией, участков для строительства индивидуальных домов с объектами соцкультбыта – жилой дом с магазином, жилой дом с детским садом на 15 детей, жилой дом домашнего врача, т.е. объекты, которые финансируются застройщиками.

Сложившиеся малые города и поселки городского типа – опорная застройка, в непосредственной близости от которых размещаются проектируемые площадки ИЖС, имеют собственную сеть учреждений социальной сферы, находящейся в муниципальной собственности – образование, здравоохранение, связь, отделения сбербанков, объекты культуры, к которым должна быть обеспечена доставка троллейбусами и маршрутными такси. Необходимо отметить, что в 2003г. в области было построено автомобильных дорог с твердым покрытием 1050 км (приведенных к 3,5 м). Программой комплексного благоустройства населенных пунктов Белгородской области на 2004г. запланировано строительство 1500 км автомобильных дорог; таким образом, есть основания предполагать, что обеспечение доступности к районам индивидуального жилищного строительства – задача выполнимая.

Дальнейшее повышение роли опорной застройки – малых городов для субурбанизированных территорий - в обеспечении объектами социальной сферы и сферы обслуживания мы видим в потенциале резервных территорий, предусматриваемых в градостроительной документации для развития малого и среднего бизнеса. Как правило, эти территории располагаются между существующей застройкой и субурбанизированными территориями с учетом санитарных зон, их дальнейшую функцию определит рынок, на них возможно размещение супермаркетов, станций технического обслуживания, объектов бытового обслуживания, экологически чистого производства.

Градостроительная стратегия в Белгородской области предполагает вместе с освоением незастроенных территорий, предназначенных для строительства доступного для большинства населения жилья, и модернизацию планировочной структуры существующих территорий за счет сноса ветхого жилого фонда и замещения его жилыми многоэтажными домами. Строительство жилого многоэтажного фонда должно обеспечивать гарантию качества проживания. Требования по качеству в Белгородской области обязывают застройщика предусматривать качественную отделку фасадов, 100% обеспечение местами в гаражах-стоянках всех квартир жилого дома.

Требования по качеству жилой застройки на территории Белгородской области действуют с 2001г. и уже оказывают положительное влияние на качество реконструкции центра города. С принятием в декабре 2003г. постановления губернатора «О стратегии развития жилищного строительства на территории Белгородской области» введены требования к структуре жилищного строительства по этажности. Доля малоэтажного жилищного строительства увеличена до 80% - это застройка городского типа «таунхауз» и коттеджная застройка, которая размещается на резервных городских территориях.

Ужесточение требований к качеству жилищного строительства спровоцировало ситуацию, при которой инвесторы, пытаясь сохранить старые подходы к жилью, «пошли» в пригородную зону Белгорода, это п. Майский, п. Разумное, п. Северный, в поселки городского типа с населением до 7000 человек, в которых строительство многоэтажного жилья должно быть скорее исключением, чем правилом, поэтому пришлось постановлением регулировать ситуацию, определив требования к застройке пригородных зон – 20% высокоплотное жилье (таунхауз) и 80% коттеджная застройка, и в спешном порядке разрабатывать генеральные планы этих населенных мест.

Объем задач, которые предстоит решить в рамках реализации новой стратегии развития жилищного строительства в области, огромный. Но их реализация позволит поставить на новый качественный уровень проблему улучшения жилищных условий населения области за счет предоставления более комфортных условий для проживания, создаст новые экономические условия для роста производства и объема предоставляемых услуг на территории области за счет значительного увеличения объемов строительства жилья на период до 2010 года. Это будет новым этапом воплощения в жизнь Программы дальнейшего улучшения качества жизни населения Белгородской области.

Литература

1.Закон Белгородской области « О развитии системы ипотечного жилищного кредитования в Белгородской области» от 3сентября 2002 года.

2.Постановление Правительства от 17 сентября 2001года « Об основных направлениях реализации нового этапа федеральной целевой программы « Жилище». Собрание законодательства Российской Федерации. 2001г. №39. ст.3770.

3..Подпрограмма « Свой дом», в рамках федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010г. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996г.

4.Постановление главы администрации « Об утверждении положения « О долевом участии в инвестировании строительства жилья и предоставлении квартир с оплатой в рассрочку и некоторых мерах по организации его исполнения» от 29января 1996 года № 50.

5. Постановление Главы Администрации Белгородской области №1 от 04.01.2003г. «О концепции программы повышения качества жизни населения Белгородской области»

6. Соловьев А.Б.Современная стратегия развития жилищного строительства Белгородской области.// Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2004. №4. С. 57-63.

7. Соловьев А. Б. Рынок жилья Белгородской области как элемент качества жизни Материалы международной научно-практической конференции «Рациональные энергосберегающие конструкции, здания и сооружения в строительстве и коммунальном хозяйстве». – Белгород: Изд–во БелГТАСМ, 2002. С 246-253.

Лукьяев А.В.

ЛОКАЛЬНЫЕ СВОБОДНЫЕ ЗОНЫ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В мировой практике локальные свободные экономические зоны (ЛСЭЗ) используются как механизм привлечения инвесторов. В российской практике, ввиду необходимости преодолеть все еще ощутимое наследие административно-командной системы и сформировать рыночное пространство, важное значение могло бы иметь, в частности, использование опыта Китая, где особенно широко распространены экономические зоны самых разных типов. Общее число локальных зон в Китае около 120, и они подразделяются на зоны технико-экономического развития, зоны развития высоких технологий, инвестиционные зоны, зоны экономического развития, беспошлинные зоны и зоны пограничного экономического сотрудничества.

Имеется опыт создания таких зон и в Европе, в том числе в соседних с Калининградской областью Польше и Литве. В мировой практике встречаются две основные разновидности СЭЗ экспортного и (или) импортозамещающего производства – «точечные» зоны и промышленные парки.

«Точечные» зоны – это промышленно-производственные зоны, функционирующие на уровне отдельных предприятий или производственных комплексов. Их территория (обычно от 3 до 50 га) не выводится за пределы национальной таможенной территории, но внешнеторговые льготы обеспечиваются иным путем – за счет введения режимов временного импорта и переработки (складирования) под таможенным контролем.

Промышленные парки – наиболее распространенная форма организации промышленно-производственных зон. Они подразделяются на:

- имеющие статус таможенной экстерриальности;
- не обладающие таковым.

В отличие от «точечных» зон промпарки создаются на пустующих участках.

Существует два подхода к специализации локальных СЭЗ экспортного и(или) импортозамещающего производства.

Первый подход заключается в определении приоритетных отраслей, которые с точки зрения городских властей целесообразно развивать в локальных СЭЗ, и в последующем стимулировании посредством имеющихся административных и экономических рычагов инвестиций именно в эти приоритетные отрасли.

Однако, по мнению многих ученых-экономистов, такой подход бесперспективен, так как мы фактически переносим наши сегодняшние представления о прогрессивной экономической структуре, о передовых отраслях и технологиях в будущее. В действительности мы сейчас не можем с уверенностью сказать, какие технологии и отрасли (в т.ч. и еще не появившиеся) станут «точками роста», а какие придут в упадок или вообще отомрут.

Следовательно, более целесообразен второй подход к специализации локальных СЭЗ. В отличие от первого, «отраслевого», он может быть назван «разрешительным». Власти должны составить список тех видов деятельности, на которые не распространяются льготы в локальных СЭЗ, и обеспечить благоприятный инвестиционный климат для всех остальных. В конечном итоге рыночный спрос (в т.ч. со стороны государства) сам установит наиболее соответствующую общественным потребностям специализацию той или иной СЭЗ.

Условно к категории ЛСЭЗ можно отнести *оффшорные* зоны, как правило, занимающие небольшие по площади территории. Они отличаются большими льготами по налогообложению зарегистрированных на их территории предприятий, устанавливая для них сравнительно невысокие ежегодные платежи. Это обеспечивает занятость населения и определенные, довольно значительные доходы, поскольку регистрируется достаточно большое количество предприятий.

Согласно зарубежному опыту, площадь типичных локальных зон составляет:

- зона свободной торговли (в нашей терминологии – торгово-выставочная зона; разновидность – зоны пограничного экономического сотрудничества) – 3 – 5 км.кв.;
- точечная промышленно-производственная зона – до 1 -2 км.кв.;
- промпарк – от 0,1 до 20 км. кв.;
- торгово-производственная зона (разновидность торгово-выставочных зон) – 1-4 км. кв.;
-зона малого бизнеса – 0,01 – 3 км.кв.;
- технико-внедренческая зона – 2 0 20 км.кв..

Главный принцип размещения *торгово-выставочных локальных СЭЗ* –расположение на перекрестках торговых путей, вблизи транспортных узлов (морских портов, железнодорожных узлов, аэропортов). Следует иметь в виду, что в абсолютном большинстве стран мира проживание в СЭЗ

запрещается, а перечень допускаемых в них лиц ограничивается. Действует специальный режим пропуска людей и грузов через охраняемую границу зоны.

Зоны *пограничного экономического сотрудничества* размещаются непосредственно у границы, в районах с достаточно развитыми коммуникациями (у погранпереходов). Они обслуживают приграничную торговлю, а также часто являются центрами экспортоориентированной обрабатывающей промышленности (пищевой, швейной). Их развитие связано с приграничной кооперацией и может особенно успешно осуществляться при наличии аналогичных партнеров по другую сторону границы.

Точечные промышленно-производственные зоны (экспортные и(или) импортозамещающие) создаются на базе отдельных предприятий или производственных комплексов.

Промпарки, в отличие от точечных зон, создаются на пустующих участках. При этом предварительное их обустройство, строительство и эксплуатация объектов инфраструктуры (включая производственные здания и сооружения, объекты соцкультбыта) осуществляются принимающей стороной (государством или частными компаниями).

Промышленные фирмы, использующие эти объекты, ведут свою деятельность на правах арендаторов.Предпочтительным является использование участков, на которых имеются объекты незавершенного строительства производственного назначения и (или) необходимая инфраструктура (дороги, линии электропередач, другие инженерные сооружения).

Технико-внедренческие зоны, как правило, создаются вокруг крупного научно-исследовательского центра или университета, а также на базе предприятий наукоемких отраслей.

Предпринимательские зоны по опыту США создаются в тех районах крупных городов, где отмечается экономический спад и связанный с этим высокий уровень безработицы. Чтобы получить статус предпринимательской зоны, территория должна отвечать определенным критериям. Основными являются следующие:

- 70% населения района должно иметь личный или семейный доход в размере не более 80% от среднего дохода жителей соответствующего города или страны;
- уровень безработицы должен превышать средний по стране или по принимающему городу.

В России опыт создания локальных СЭЗ крайне незначителен. В частности, они создаются в Санкт-Петербурге, Ленинградской, Новгородской, Нижегородской областях и т.д. В Калининградской области принят региональный Закон «О локальных свободных экономических зонах в Калининградской области», имеется и решение о создании подобной зоны в пос.Янтарном. Однако в действительности только в Калининграде за счет муниципальных льгот действуют сходные механизмы стимулирования иностранных инвестиций (например, в отношении сборки автомобилей BMW). В силу незначительности льгот соответствующие территории нельзя считать локальными свободными экономическими зонами в полном смысле.

Согласно мировой практике, локальные зоны могут действовать как на обычных территориях, так и на «открытых» территориях, то есть в комплексных зонах типа Особой экономической зоны в Калининградской области. Поэтому, хотя мы в дальнейшем рассматриваем возможности создания локальных СЭЗ в условиях действия механизма ОЭЗ, сохранение этого режима необязательно, то есть ЛСЭЗ в принципе могут функционировать автономно.

При подготовке этой статьи мы предполагали, что в условиях создания локальных свободных экономических зон по меньшей мере не будут ухудшаться. То есть сохранится действующее федеральное законодательство применительно к ОЭЗ в Калининградской области, региональное – по отношению к локальным экономическим зонам, как и акты городских властей о регулировании инвестиционной деятельности на территории Калининграда.

Мы полагаем, что в связи с разработкой проекта развития Калининградской области как региона сотрудничества РФ и ЕС дальнейшим совершенствованием регионального законодательства и городского нормотворчества, принятием федерального закона о свободных экономических зонах условия формирования локальных экономических зон могут улучшиться.

Виды ЛСЭЗ в Калининградской области.

Согласно Закону Калининградской области «О локальных свободных экономических зонах в Калининградской области» от 30 октября 1997 г., могут создаваться следующие виды локальных СЭЗ:

- локальные СЭЗ экспортного и (или) импортозамещающего производства - ориентированы преимущественно на выпуск товаров потребительского и производственного назначения – как на экспорт, так и для внутреннего рынка;

- торгово-выставочные локальные СЭЗ – предназначены для активизации внешнеэкономических и межрегиональных связей, используются для проведения выставок, организации центров оптовой и розничной торговли, хранения, переработки, сортировки, упаковки и маркировки товаров;

- туристско-рекреационные локальные СЭЗ – предназначены для развития курортно-туристической инфраструктуры;

- технико-внедренческие локальные СЭЗ – предназначены для развития научно-технического потенциала;

- социально-жилищные локальные СЭЗ – предназначены для создания жилищных комплексов, строительства зданий, улучшения качества жилья;

- иные виды локальных СЭЗ, разрешенные законодательством Российской Федерации.

На наш взгляд, этот перечень ЛСЭЗ необходимо изменить, и в Калининградской области, по мнению автора, следует создавать:

- локальные СЭЗ экспортного производства, в пределах которых устанавливается особый режим предпринимательской деятельности для выпуска товаров, предназначенных для экспорта;

- локальные СЭЗ импортозамещающего производства, в пределах которых устанавливается особый режим предпринимательской деятельности для производства товаров на внутренний рынок;

-локальные СЭЗ торгового типа, в пределах которых устанавливается особый режим предпринимательской деятельности для осуществления коммерческих операций, связанных с выполнением особо важного заказа по социально-экономическому развитию региона или оказанием особо важных услуг населению;

- иные виды локальных СЭЗ, разрешенные законодательством Российской Федерации. Это могут быть, например, технико-внедренческие или оффшорные зоны. Последний вопрос наиболее дискуссионен. Хорошо известно, что попытка организации оффшорной зоны на территории Ингушетии-Алании привела к большим налоговым потерям для регионов, в которых зарегистрированные здесь предприятия фактически функционировали. Региональные (например, московские) власти вынуждены были предпринимать против таких предприятий определенные меры с целью их регистрации по месту деятельности. Однако имеет смысл рассмотреть вариант, по которому в оффшорной зоне разрешается регистрация только зарубежных фирм (а отечественных, возможно, с определенными оговорками).

Локальные СЭЗ экспортного и импортозамещающего производства могут быть как «точечными» зонами, функционирующими на уровне отдельных предприятий или производственных комплексов, так и промышленными парками, создающимися на пустующих участках.

Локальные СЭЗ торгового типа могут создаваться в портах, аэропорту, на железнодорожных станциях, участках автомобильных магистралей в пограничном пункте и на иных ограниченных участках территории Калининградской области, через которые осуществляются регулярные международные перевозки грузов.

Принципы формирования и развития системы ЛСЭЗ

Локальные свободные экономические зоны будут создаваться регионе в соответствии с новой редакцией закона Калининградской области «О локальных свободных экономических зонах в Калининградской области».

При этом под локальной свободной экономической зоной (локальная СЭЗ) понимается участок или участки территории Калининградской области, в пределах которого (которых) устанавливается особый режим хозяйственной деятельности для субъектов предпринимательской деятельности.

Зоны рассматриваются как инструмент региональной хозяйственной политики, позволяющей повысить хозяйственный и инновационный потенциал территорий. СЭЗ выступают в качестве точек (полюсов) ускоренного роста, дающих импульс развитию прилегающих территорий и в итоге области в целом.

Главные цели создания локальных СЭЗ:

- повышение уровня занятости и социальной защищенности населения через создание новых рабочих мест;
- содействие возрождению экономической базы города за счет использования имеющегося потенциала предприятий и создания новых производств, привлечения зарубежных технологий и передовых методов управления;

- активизация инвестиционной деятельности через привлечение иностранных и российских инвестиций (включая репатриацию капиталов, ранее вывезенных за рубеж).

Большинство локальных СЭЗ не будет иметь строгой экспортной ориентации и таможенных границ (в этом смысле они будут сходны с американскими предпринимательскими зонами, создаваемыми для оживления экономики депрессивных районов).

Для стимулирования деловой активности резидентам любой локальной СЭЗ могли бы представляться следующие льготы:

- установление льготных ставок налога на прибыль, зачисляемого в бюджет Калининградской области;
- возмещение вновь созданным предприятия налога на добавленную стоимость в части, зачисляемой в областной бюджет;
- освобождение от налога на имущество в части поступающих в областной бюджет платежей предприятий, являющихся резидентами локальных СЭЗ;
- предоставление в первоочередном порядке средств федерального бюджета, полученных администрацией области на возвратной и безвозвратной основах, ссуд за счет средств областного бюджета, а также средств налогового кредита.

К дополнительным льготам, которые могли бы устанавливаться законом о каждой конкретной локальной СЭЗ, относятся:

- уменьшение установленных ставок или полное освобождение от уплаты налогов в части, зачисляемой в областной бюджет (за исключением платежей по земельному налогу, подлежащих централизации в областном бюджете);
- льготы, установленные органами местного самоуправления в пределах их компетенции;
- иные виды льгот, не противоречащие российскому законодательству и законодательству Калининградской области.

Конкретные виды налоговых льгот, их размеры и условия, на которых они предоставляются, будут устанавливаться для каждой локальной СЭЗ соответствующим законом Калининградской области.

Локальные СЭЗ не должны стать способом ухода от налогов российских резидентов, поэтому налоговые льготы получат лишь фирмы, осуществляющие свою деятельность и инвестирующие на территории зон.

Кроме того, на территории локальных СЭЗ будет действовать режим свободной таможенной зоны, установленной Федеральным законом «Об Особой экономической зоне в Калининградской области».

При установлении льгот для локальных СЭЗ следует, однако, иметь в виду, что в современный период из-за широкого распространения СЭЗ в мире налоговые льготы играют относительно меньшую роль, чем прежде, в стимулировании притока иностранного капитала. Более существенное значение в этом отношении могут иметь такие факты, как:

- инвестиционные гарантии;
- политическая стабильность;
- качество инфраструктуры;
- квалифицированность рабочей силы;
- простота решения административных вопросов;
- доступность дешевого кредита.

Налоговые льготы в целом имеют большее значение для мелкого и среднего предпринимательства, чем для крупного бизнеса (особенно ТНК).

Система ЛСЭЗ должна создаваться, по мнению автора, под руководством администрации Калининградской области при взаимодействии с федеральными органами власти и инвестиционно-финансовой корпорацией. Система ЛСЭЗ – один из главных инструментов *реструктуризации экономики* Калининградской области.

Необходимо разработать и принять специальную *Программу создания и развития локальных свободных зон*.

Органом, уполномоченным решать вопросы по созданию и контролю за деятельностью локальных СЭЗ, должна стать администрация Калининградской области, внутри которой следует создать специальное, структурное подразделение (скорее в рамках Комитета по развитию ОЭЗ).

Это структурное подразделение будет рассматривать заявки субъектов предпринимательской деятельности – инициаторов создания зоны. В случае положительного решения оно будет представлено главе администрации (губернатору) Калининградской области, который и внесет в

Калининградскую областную думу законодательную инициативу по вопросу создания данной локальной СЭЗ.

По результатам рассмотрения законодательной инициативы главы администрации (губернатора) Калининградской области дума принимает областной закон о создании локальной СЭЗ. Закон утверждает положение о зоне экономического развития, а также условия предоставления резидентам локальной СЭЗ режима экономического благоприятствования.

Утверждаемое областным законом положение о локальной СЭЗ должно содержать следующие разделы:

- наименование и вид локальной СЭЗ;
- границы территории локальной СЭЗ;
- срок функционирования локальной СЭЗ (не менее 5 лет);
- цели и задачи локальной СЭЗ (в соответствии с установленным видом);
- условия предоставления специального режима хозяйственной деятельности;
- условия ведения хозяйственной деятельности резидентов локальной СЭЗ;
- условия и порядок получения статуса резидента локальной СЭЗ;
- перечень претендентов на получение статуса резидента на момент организации локальной СЭЗ;
- перечень льгот (виды налогов, срок действия) и условия их предоставления;
- условия ликвидации локальной СЭЗ.

В локальных зонах будут предоставляться равные льготы как отечественным, так и зарубежным инвесторам. Всем предприятиям с участием иностранного капитала и самим иностранным инвесторам в их хозяйственной деятельности предоставляется *национальный режим*, т.е. им не могут быть предъявлены более жесткие требования, чем местным компаниям (за исключением случаев, прямо предусмотренных в законодательстве).

Каждому типу локальных зон соответствует свой набор базовых льгот и стимулов. Таким образом, некоторые из них (например, таможенные льготы) действуют только в пределах отдельных участков территории области. Это усилит таможенный контроль, снизит давление импортной конкуренции на местных производителей. Льготный таможенный режим не будет распространяться на импорт предметов роскоши, определяемых по специальному перечню. Таможенные и налоговые льготы, предоставляемые в промышленно-производственных зонах, будут направлены на стимулирование выпуска экспортных либо импортозамещающих товаров с высокой степенью обработки. Все беспошлинно ввозимое в такие зоны должно иметь непосредственное отношение к самому производству.

Одной из ключевых задач является налаживание взаимовыгодных горизонтальных связей между локальными зонами, с одной стороны, и калининградскими предприятиями , расположенными вне их, - с другой. Возможный путь решения – финансовое стимулирование взаимодействия с внезональными предприятиями (субсидии на приобретение отечественного сырья и материалов, полностью компенсирующих расходы зональных производителей по выплате налогов и пошлин, связанных с приобретением этих товаров). Другой путь – установление определенного процента сырья и материалов, которые должны приобретаться на местном рынке, и требование от любого создаваемого в локальной зоне предприятия прогрессивного увеличения «индекса национализации» продукции, т.е. постоянного увеличения доли частей, узлов и компонентов регионального и общероссийского производства. Целесообразно связать налоговые льготы, устанавливаемые в локальных зонах, с величиной «индекса национализации» продукции.

Зоны со специальным таможенным режимом должны быть изолированы от остальной территории области патрулируемым ограждением, как это принято в мировой практике. Выезд и въезд в такие зоны осуществляется через специально организованные контрольно-пропускные и таможенные пункты.

Привлечение работников на предприятия зон будет осуществляться на конкурсной основе, по контракту. Для подготовки кадров к работе в локальных зонах целесообразно создать на базе существующих высших учебных заведений специальный центр (или систему центров) переподготовки. Их финансирование будет осуществляться в основном за счет инвесторов локальных зон.

Земля в локальных зонах будет предоставляться инвесторам только на условиях долгосрочной аренды. Одобряться будут только те проекты, в которых содержится гарантия, что их реализация не нарушит экологической обстановки в регионе.

В локальных зонах инвесторам будут предоставляться производственные помещения и (или) площадки, подготовленные под строительство, с заранее созданной инженерной и социальной инфраструктурой. Строительство предприятий, сооружение объектов инфраструктуры, переоснащение предприятий в локальных СЭЗ будет осуществляться на конкурсной основе, с привлечением российских (включая областные) и иностранных проектных, подрядных, строительных и других организаций.

Что касается объемов затрат на создание и развитие различных типов локальных СЭЗ, то они не одинаковы. Больших затрат потребуют свободные таможенные зоны производственного типа и зоны экспортного производства. Как показывают расчеты Правительства Российской Федерации, комплексное обустройство 1 км. кв. таких зон (при обычных масштабах зоны не более 3 км. кв.) в различных странах мира обходится от 25 до 700 млн. долларов США. При создании аналогичных российских зон потребуются не меньшие суммы на комплексное обустройство 1 км. кв. зон, обеспечивающее должную инфраструктуру для привлечения отечественных и иностранных инвесторов – 150-400 млн. рублей с учетом срока окупаемости затрат на создание такого типа зон за 5-7 лет.

Значительно дешевле – в среднем в 2-3 раза - обходится создание свободных таможенных зон торгового типа. Срок их окупаемости короче, чем у зон производственного типа. По расчетам Правительства Российской Федерации, расходы по созданию одной зоны такого типа могут составить примерно 30-100 млн.рублей, в зависимости от размера зоны.

Расходы на капитальное строительство типового бизнес-инкубатора (площадь 5500 км.кв., коммерческая поддержка – 35-40 предприятий) составляют, исходя из китайского опыта, 4,7 млн.долл.США. Получение прибыли ожидается на пятом году его деятельности.

Столь значительные суммы на обустройство локальных зон из городского и из областного бюджета выделить нереально. Поэтому создание локальных СЭЗ не предполагает их бюджетного финансирования, кроме предоставления налоговых льгот участникам СЭЗ.

Средства, необходимые для обустройства территорий локальных зон, могут складываться из следующих источников:

- доступность дешевого кредита;
- централизованные капиталовложения;
- банковские кредиты;
- средства предприятий и организаций, распложенных вне локальных зон, как в Калининградской области, так и в других городах и регионах России;
- вступительные взносы предприятий и организаций, намеревающихся развернуть деятельность в локальных зонах;
- отчисления самих предприятий и организаций, работающих в локальных СЭЗ.

Ряд объектов инфраструктуры (гостиницы, склады, выставочные комплексы, портовые причалы и сооружения и т.д.) могут создаваться на основе совместного предпринимательства.

В каждой локальной зоне создается специальная административная структура, призванная упростить для инвесторов вступление в зону и контакт с властями. Администрация локальных зон подчиняется региональному органу управления Калининградской ОЭЗ (в составе администрации области), который координирует их деятельность.

Все налоговые и другие финансовые поступления от локальных СЭЗ распределяются в установленной пропорции между администрациями локальных СЭЗ (с тем, чтобы они имели средства на развитие), областной администрацией и инвестиционно-финансовой корпорацией.

Локальные СЭЗ в Калининградской области

Полную систему ЛСЭЗ в Калининградской области еще предстоит разработать. Однако уже сейчас можно наметить ряд перспективных для размещения ЛСЭЗ территорий. Среди них:

- торговые зоны (возможные места размещения – порты Калининграда и Светлого, аэропорт Храброво, погранпереходы Мамоново, Багратионовск, Советск);
- зоны экспортного и импортозамещающего производства, включая промышленные парки и «точечные» зоны на уровне отдельных предприятий (например, «Кварц», «Стройдормаш», «Калининградбуммаш», ГУП «Янтарный комбинат» и др.);
- технико-внедренческие зоны (вариант – технопарк на базе АО «Кварц»);
- оффшорные финансовые центры (возможные варианты размещения в Калининграде, Балтийске, включая Вислинскую косу).

Автор считает обоснованным предложения ведущих специалистов по Калининградской области[8] разместить ЛСЭЗ в пределах городской черты Калининграда и в пригородной зоне. Оценка возможного типа и размещения локальных СЭЗ носит экспертный характер и на последующих этапах может уточняться.

Предлагаемое общее число ЛСЭЗ (14) носит сугубо потенциальный характер на перспективу 2-5 лет.

С позиций определения очередности создания ЛСЭЗ и реальной взаимовыгодности можно выделить 1 очередь (2,5 года) в следующем составе.

Таможенные ЛСЭЗ (1 раздел) – морской торговый порт и железнодорожная станция Дзержинская-Новая.

ЛСЭЗ экспортно-импортозамещающего типа (II раздел) – АО «Кварц», АО «Янтарь», ЦБК – АО «Дарита», территория Коксогазового завода, Калининградский морской рыбный порт.

Технико-внедренческие ЛСЭЗ (III раздел) – технологический инновационный центр (российско-иностранный).

Итого – 8 локальных СЭЗ.

Ниже приводится краткая информация об этих потенциальных зонах.

1. Таможенная зона в Калининградском морском торговом порту.

В порту обустроены открытые склады общей площадью более 300 тыс.м.кв.; площадь крытых складов – 60 тыс.м.кв., в том числе изотермический склад площадью 4 тыс.м.кв., элеваторы вместимостью 40 тыс.тонн, склад комплектации контейнеров площадью 7,2 тыс.м.кв. (пропускная способность – до 5,6 тыс. TEU в год). Порт перерабатывает практически любые экспортные генеральные грузы (целлюлоза, бумага, металлогрузы и металлом, автотехника и оборудование), контейнеры, лес и некоторые насыпные (уголь, кокс, химические удобрения); среди импорта более всего продовольственных грузов. В составе КМТП – 3 специализированных перегрузочных комплекса: для рефрижераторных и генеральных грузов крытого хранения; для лесных грузов, целлюлозы, автотеники; для навалочных грузов и металлопродукции[9].

ЛСЭЗ, создаваемая в порту, могла бы быть ориентирована на складирование, хранение, сортировку, упаковку, минимальную доработку экспортно-импортных грузов.

2.Таможенная зона на железнодорожной станции Дзержинская Новая.

Грузовая станция Дзержинская-Новая располагается на 5-м км железной дороги Калининград – Багратионовск – Долгоруково (46 км).

Станция имеет пути с шириной колеи как 1520 мм (российская), та и 1435 мм (западноевропейская, стандартная).

После остановочного пункта 6-й км дорога раздваивается на два направления со сдвоенной российско-западноевропейской колеей: одно – на Багратионовск, второе – на ст.Голубево Мамоновского направления. Тем самым обеспечивается железнодорожное сообщение с Гданьском, другими городами северной Польши и Германией.

Здесь может быть образована локальная СЭЗ, основу которой составит транспортный терминал, ориентированный на перегруз либо перестановку вагонов с европейской колеи на российскую и обратно (имеются платформа для осуществления перевалки грузов с одной колеи на другую и парк хранения колесных тележек для вагонов разной колеи), а также таможенные склады.

3. Экспортно-производственная (импортозамещающая) ЛСЭЗ АО «Кварц».

В АО «Кварц», расположенном в Центральном районе г.Калининграда, имеются неиспользуемые производственные площади, которые могут быть сданы в аренду или зарубежным электронным компаниям для производства потребительской электроники и компьютерной техники на рынки бывшего СССР, или отечественным и иностранным инвесторам для организации иных производств.

4. Экспортно-производственная (импортозамещающая) ЛСЭЗ АО «Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь».

В АО «Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь», расположенном в Балтийском районе г. Калининграда, в связи с конверсией военного производства имеются неиспользуемые производственные площади, часть из которых уже используется ЗАО «Автотор» для сборки автомобилей KIA и BMW, а также для других целей.

5. Экспортно-производственная (импортозамещающая) ЛСЭЗ АО «Дарита».

[8] Хлопецкий А., Федоров Г. Калининградская область: регион сотрудничества. Монография. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – С. 621-622.

[9] См.: Грязев А. Паритет российских портов: реальность или утопия? // Судоходство. № 11. 1998.

АОЗТ «Дарита» в г. Калининграде имеет подъездные железнодорожные пути со ст.Кутузово (причем на территории завода несколько путей, но они сейчас практически не загружены) и неплохие автодорожные пути. Возможно и использование причала на Преголе. Есть котельная и хорошие условия электроснабжения (в связи с большим энергопотреблением, требовавшимся для выпуска целлюлозы и бумаги).

В связи с прекращением производства целлюлозы часть территории уже изъята у ФОЗТ «Дарита» и передана в аренду на 49 лет ряду предприятий.

6. Экспортно-производственная (импортозамещающая) на территории бывшего Коксогазового завода.

Благодаря центральному размещению и хорошим коммуникациям эта ЛСЭЗ имеет благоприятные предпосылки развития. В настоящее время производство прежней продукции прекращено, а перепрофилирование оказалось неудачным. Часть общей площади уже используется другими предприятиями.

7. Торгово-промышленная и выставочная зона в Калининградском морском рыбном порту (КМРП).

В порту имеются рефрижераторные склады вместимостью 16 тыс. т и емкости для хранения 20 тыс.м. куб. жидких удобрений, крытые (площадь – 3 тыс.м.кв.) и открытые склады площадью 5,5 тыс.кв.м.

В КМРП может быть создана зона свободной торговли, ориентированная на осуществление операций по складированию, хранению, сортировке, упаковке и др. Следует также предусмотреть возможность демонстрации товаров в выставочном центре с целью их последующей оптовой продажи.

Основными источниками валютных поступлений собственника зоны станут:

- арендная плата за складские помещения и земельные участки;

оплата услуг по оформлению внешнеторговой документации, транспортировке грузов в пределах зоны, доработке товаров и менеджменту.

Технологический инновационный центр (российско-иностранный).

Создание центра является этапом формирования в области российско-иностранного технополиса.

Калининградский инновационно-технологический центр в настоящее время создается администрацией Калининградской области, Калининградским морским колледжем, Инновационным парком Вулхайде (Берлин) и Технологическим центром Варнемюнде. После окончания периода становления дальнейшая деятельность КИТЦ будет происходить на условиях самофинансирования, то есть основным источником денежных средств будут поступления от малых и средних предприятий, предпринимателей за пользование производственными площадями и предоставленные услуги.

Это инновационный центр, мобилизующий все доступные ресурсы для разработки новых технологий и передачи их в народное хозяйство г.Калининграда и Калининградской области.

За образец можно взять Российско-южнокорейский технопарк «Самсунг» в районе Находки. На площади 330 га организовано 70 сборочных производств (комплекс сложной бытовой техники с продажей на российском рынке). Предусмотрен график эскалации замещения импортируемых сейчас из Южной Кореи деталей на предприятиях Приморья.

Другим примером могут служить индийские «информационные» СЭЗ, организованные для фирм, производящих компьютеры и программное обеспечение. Ими осуществляется «оффшорное» программирование – разработка программного обеспечения по заказам западных фирм.

Нежданов В.А.

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (РОМОДАНОВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

В течение второй половины XX в. система расселения Мордовии трансформировалась из сельской в городскую и субгородскую, т.е. изменения приобрели структурный характер. Эти изменения касаются статусных преобразований, возобладания численности городского населения, изменения людности населенных пунктов, коренного преобразования функциональной структуры населенных пунктов, смены принципов проектирования систем расселения.

Современное состояние системы расселения Республики Мордовия (РМ) характеризуется продолжающейся трансформацией сельского расселения в направлении сокращения численности наиболее уязвимых монофункциональных населенных пунктов — сельских поселков и деревень при одновременном увеличении количества сельских администраций. Продолжается убыль населения республики в результате смертности и миграции населения, как правило, за счет сельских поселений, что приводит к резкой поляризации расселения (концентрации населения вокруг городов, вдоль главных коммуникационных коридоров, с одной стороны, и образованию зон без населения или с низкой плотностью — с другой).

Обработка основных результатов переписи 2002 г. показала, что население Мордовии убывает более высокими темпами, чем было определено прогнозами Госкомстата России ранее. Соответственно сокращение численности сельского населения и численности самих сельских населенных пунктов может быть более интенсивным. Эту тенденцию нарушают административные механизмы преобразования городских населенных пунктов в сельские, что не нарушает общей тенденции снижения численности всего населения (на территории Ромодановского района таких примеров нет). Качественные изменения экономической и социальной жизни определяют необходимость разработки Региональной схемы расселения, новой Республиканской схемы районной планировки, проектов генеральных планов и проектов черты поселений городов и районных центров или - в рамках современных градостроительных документов — схем территориального планирования.

Недостаточность документации по проектированию расселения в Мордовии ощущалась на протяжении последних 15 лет. Проект схемы районной планировки республики, включавшей 7 отдельных томов и прогнозную карту (М. 1: 200 000) был разработан в 1991 г. институтом «Гипрогор». Из-за распада централизованной системы планирования и управления СССР и последующего ее изменения проект не был утвержден. Отдельной Региональной схемы расселения по республике не было. Один параграф («Население и сельское расселение») небольшого объема (10 с.) входил в т. III и еще один — «Расчет численности населения по городам и рабочим поселкам» (7 с.) — в т.V «Схемы районной планировки Мордовской АССР» 1991 г. Предшествующий проект Схемы районной планировки Мордовской АССР (утвержден Постановлением СМ № 227 от 30 марта 1978 г.) предусматривал основные направления развития производительных сил и принципы планировочной организации территории только до 2000 г.

Попытки обновления разработок по сельскому расселению предпринимались неоднократно. В середине 1990-х гг. в НИИ регионологии была выполнена «Схема социально-экономического развития и размещения производительных сил на период до 2000 года», которая включала раздел V «Совершенствование территориальной организации производительных сил и расселения. Возрождение и развитие малых сельских поселений». В 2000 г. была принята Программы улучшения демографической ситуации в РМ на 2001—2005 гг., также разработанная НИИ регионологии, содержащая проект «Оптимизация развития производительных сил и их размещения в Республике Мордовия».

В настоящее время проблема государственного регулирования процессов расселения стоит крайне остро. С юридической точки зрения «Градостроительный кодекс Российской Федерации, введенный в действие Федеральным законом от 29 декабря 2004 года № 191-ФЗ "О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации", с 1 января 2006 года не допускает принятия органами государственной власти и органами местного самоуправления решений о резервировании земель, об изъятии, в том числе путем выкупа, земельных участков для государственных или муниципальных нужд, о переводе земель из одной категорию в другую, а также подготовку документации по планировке территорий (для группы жилых домов, микрорайонов, жилых районов, промышленных территорий и т.д.) при отсутствии документов территориального планирования – Схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации, Схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов городских округов и генеральных планов поселений (Ст. 9, ч. 4; Ст. 45, ч. 6 Федерального закона "Градостроительный кодекс Российской Федерации" от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ)».

В республике делаются предварительные шаги по разработке Схемы территориального планирования РМ. «Органы местного самоуправления городских округов и органы местного самоуправления

муниципальных районов в срок до 1 июля 2006 года должны провести мероприятия по созданию и ведению информационных систем обеспечения градостроительной деятельности (Ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ), что включает не только техническое и программное обеспечение, но и создание цифровых электронных карт соответствующих территорий».

В то же время на районном уровне соответствующая документация и проектные разработки отсутствуют. В середине 70-х гг. XX в., когда был взят курс на крупнопоселенческий тип расселения в республике, Мордовским университетом (руководители — А.И.Сухарев, Н.В.Рыскин) был разработан проект Долгосрочного плана социально-экономического развития аграрно-промышленного комплекса Ромодановского района до 1990 г. В 1993 г. был разработан генеральный план пгт Ромоданово и концепции территориального развития Ромодановского района, а также проект черты поселения пгт Ромоданово. Поскольку документация отчасти устарела, Администрация Ромодановского района в 2005 г. заключила договор с ФГНУ «Научно-исследовательский институт регионологии» на разработку Программы социально-экономического развития Ромодановского района на период 2006 — 2010 гг. Автором разработан проект «Демографический потенциал рынка труда» (условное, объединяющее наименование), в котором была сделана попытка подготовить основу для создания Схемы расселения Ромодановского района. В качестве практических мероприятий, согласованных с Министерством строительства и архитектуры РМ, были предложены разработки Схемы территориального планирования Ромодановского района, генеральных планов, Правил землепользования и застройки всех поселений Ромодановского района.

С географической точки зрения район расположен очень выгодно. Он примыкает с северо-востока к Саранско-Рузаевской агломерации и, одновременно, имеет выход к Починковскому району Нижегородской области. Районный центр — пгт Ромоданово — расположен около узловой железнодорожной станции Красный Узел Горьковской железной дороги в 30 км от столицы Республики Мордовия г. Саранска. Разветвление железнодорожных веток на север (в сторону Нижнего Новгорода) и на восток (в сторону Казани) придает этой станции такое же важное положение, как Рузаевке, расположенной на юго-западе от Саранска, которая открывает дороги на запад и юг.

Численность населения Ромодановского района за последние 40 лет постепенно снижалась. Она снизилась почти наполовину, с 35,8 тыс. чел. в 1965 г. до 21,6 тыс. чел. в 2005 г. Резкое уменьшение численности населения происходило вплоть до конца 80-х г.г., а в последующие годы темпы сокращения снизились. Наиболее стабильными можно считать 1997-2001 г.г. в этот период численность населения оставалась практически неизменной (в пределах 22,3 тыс. чел.), причем последующее сокращение численности населения вплоть до 2004 г. колебалось в пределах 600 чел., а в 2002-2003 гг. наблюдалось небольшое увеличение с 21,9 до 22,0 тыс. чел.

Сокращение численности населения происходило в основном за счет жителей сельских населенных пунктов преобладающей русской национальности. С 1990 г. численность сельского населения сократилась на 15 % и составила 11,9 тыс. чел. В отличие от районной динамики, численность населения административного центра района — пгт Ромоданово – мало изменилась за последние 10 лет. По данным переписи 1989 г. здесь проживало 9,5 тыс. чел., на 1.01.2005 г. – 9,7 тыс. чел. В период с 1996 по 2000 г. в Ромоданове происходило небольшое, но стабильное повышение численности населения (в 1999 г. она достигала 10,3 тыс. чел. наличного населения). Общая плотность населения составляет 27,1 чел./км^2, плотность сельского — 15,4 чел./км^2 (без татарского села Белозерье — 11,5 чел./км^2). Для сравнения плотность сельского населения соседнего Лямбирского района (примыкающего к Саранско-Рузаевской агломерации) — 32,8 чел./км^2 (т.е. в 2-3 раза выше), соседнего Чамзинского (более «периферийного», чем Ромодановский) — 9,5 чел./км^2 (немного ниже).

За 30 лет система расселения района претерпела очень большие изменения, особенно заметные в последние 15 лет. В 1975 г. в районе насчитывалось 67 сельских населенных пунктов (СНП), в 1989 г. — 59, а к настоящему времени их осталось 51 (один без населения - Сумаруково). Сокращение числа населенных пунктов произошло по ряду причин. Во-первых, множество населенных пунктов прекратили свое существование в силу отсутствия населения. Во-вторых, в 1991 г. от Ромодановского района к Лямбирскому отошла Михайловская сельская администрация (с/а), которая включала в себя 4 СНП, а также с. Инят, входившее в Белозерьевскую с/а. Произошли изменения и внутри сельских администраций. В 90-е гг. образовалась Набережная с/а за счет дробления Пушкинской, в состав которой вошли п.Ромодановский Махорсовхоз, разъезд Атьма, п.Атьминский, с. Голубцовка.

В упомянутом выше Долгосрочном плане социально-экономического развития аграрно-промышленного комплекса Ромодановского района до 1990 г. в качестве перспективных поселений были определены 12 сел района, численность которых должна была превысить 1000 чел. Остальные объявлялись неперспективными и подлежали переселению в 3 этапа (1979-1984 гг., 1985-1990 гг., 1991-2000 гг.). В это

число попадали типичные для Мордовии СНП численностью 101-200 чел., которые являются одними из наиболее многочисленных в настоящее время и типичные мелкие СНП численностью 51-100 чел., которые были самыми многочисленными для 70-х гг. XX в.

Уже к 1989 г. почти все населенные пункты, названные перспективными по численности не превышали 600 чел. Исключение составили с.Белозерье (2511 чел.), с.Алтары (1111 чел.) и с.Трофимовщина (854 чел.). В настоящее время в большинстве «перспективных» сел (не учитывая вышеназванные исключения) численность населения сократилась ниже отметки в 500 чел. Только в двух СНП — с. Анненково (598 чел.) и п. Красный Узел (554 чел.) — численность населения выше 500 чел. В двух «перспективных» селах — Пятине (175 чел.) и Курилове (200 чел.) — численность населения 200 чел. и ниже. В число «растущих» по численности населения (в списке «перспективных» не значился) вошел п. Ромодановский махоркосовхоз, численность которого возрастала в 1,5 раза за период 1989-1999 гг. (с 401 до 587 чел.), но сейчас немного снизилась (532 чел.) и п. Садовский (смешанное агрорекреационное поселение), численность которого увеличилась с 249 до 380 чел. (также в 1,5 раза) за период с 1989 по 2005 гг.

Ориентация на крупнопоселенческий характер расселения, вероятно, была верной, поскольку учитывала «естественный» для того времени ход урбанизационных процессов. Райцентр — пгт Ромоданово — до сих пор является стабильным по численности поселением. Однако, «планка» численности населения для «перспективных» сел оказалась явно завышенной и не учитывавшей традиционный, типичный характер расселения. С 1 января 2006 г. вступает в силу новый Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (от 6.10.2003 г. N 131-ФЗ), в ходе реализации которого предполагается укрупнение сельских муниципальных образований с целью доведения численности их населения до 1000 чел. Таким образом, рациональное укрупнение не сел, а сельских администраций с той же «планкой» численности населения на данный момент является наиболее рациональным решением.

Конфигурация системы расселения проста (см. рис.). Основная масса крупных населенных пунктов сосредоточена вдоль транспортной оси (не далее 5 км от нее), пересекающей территорию района с юго-запада на северо-восток, а также по линии железной дороги Красный Узел-Чамзинка и автодороги Саранск-Чамзинка. Исключение составляют села Липки, Трофимовщина и Уришка. 33 % численности сельского населения района сосредоточено в 2 татарских селах — Белозерье и Алтары, причем за последние 6 лет численность населения в этих селах увеличилась – в Белозерье на 233 чел., в Алтарах на 18 чел. Белозерье является уникальным для Мордовии селом, т.к. за последние 15 лет численность его населения стабильно увеличивается. Еще 20 % сельского населения района проживает в 4 селах численностью 500-1000 чел., т.е. больше половины населения приходится на 6 крупных сел. Плюс к тому 22,5 % населения проживает в 6 селах людностью 300-500 чел.

Самая многочисленная градация людности – небольшие СНП с численностью населения 10-50 чел. (15 единиц). Это, как правило, периферийные села, расположенные в стороне от основных транспортных сетей Ромодановского района. Средняя людность поселений в районе — 233, 7 чел., а без Белозерья, Алтар и Сумарукова (население в деревне отсутствует) — 166,5 чел., т.е. в среднем почти на 70 чел. меньше (на каждое село). Таким образом, на 12 из 50 (без Сумарукова) населенных пунктов района приходится более 75 % численности сельского населения района.

В этнической структуре расселения населения преобладают русские села. Из 51 СНП всего 2 мордовских (эрзянских) и 2 татарских. Распределение населения по национальному составу, по данным переписи 1989 г, было таково: 75 % русских, 17 % татар и 8 % мордвы. На 1.01.2004 г. в районе проживало: русских – 71,7 %, татар — 19,2 %, мордвы— 8,1 %. Происходит снижение численности русского населения района, тогда как татарское население увеличивается за счет высокого естественного прироста.

Демографическая структура расселения. В районе наблюдаются диспропорции в возрастно-половой структуре в сторону увеличения населения, чей возраст превышает 65 лет, и уменьшения количества детей в возрасте до 4 лет, а также лиц моложе трудоспособного возраста. На 1.01.2002 г. на каждую тысячу мужчин в районе приходилось 1151 женщина, на 1.01.2005 г. — 1187 женщин. Сохраняется тенденция к увеличению диспропорции в численности мужчин и женщин предпенсионного и пенсионного возраста и, чем старше возраст, тем больше разрыв в численности в пользу женщин.

На фоне кризиса 90-х гг. в районе наблюдалось снижение рождаемости с 13,0 до 8,1‰ (табл. 1). Однако, в 2000—2001 гг. ситуация стабилизировалась, а в 2004 г. был отмечен рост коэффициента рождаемости до 11,4 ‰. Количество умерших с 1990 г. превышало количество родившихся. Коэффициент смертности по району к 2003 г. достигал 20,3 ‰ (максимум за 15 последних лет), по сельской местности – несколько выше, 21,7 ‰ (максимум – в 2002 г.).

Таблица 1

Динамика показателей естественного воспроизводства

Показатель	1990	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Общая численность постоянного населения на 01.01., тыс. чел.	23,3	22,5	22,4	22,4	22,4	22,3	22,1	21,9	22,0	21,7
пгт Ромоданово	9,5	9,6	9,6	9,7	9,8	9,8	9,7	9,6	9,9	9,7
Сельское население	13,8	12,9	12,8	12,7	12,6	12,5	12,4	12,3	12,1	12
Родившихся/1 000 чел.	13,0	10,0	10,7	8,3	8,1	9,3	9,2	10	9,6	11,3
пгт Ромоданово	13,1	9,5	10,6	7,7	7,9	7,7	7,3	9,8	8,2	11,8
Сельское население	13,0	10,5	10,7	8,8	8,2	10,7	10,8	10,1	10,8	11,0
Умерших/1 000 чел.	14,7	18,3	16,8	16,5	18,0	19,0	18,2	20	20,4	18,8
пгт Ромоданово	9,9	16,5	14,9	13,6	16,9	17,4	17,5	18,1	20,3	16,7
Сельское население	18,3	19,8	18,4	19,0	18,9	20,3	18,8	21,7	20,4	20,5
Естественный прирост/1 000 чел.	-1,6	-8,3	-6,1	-8,2	-9,9	-9,7	-9	-10	-10,8	-7,5
пгт Ромоданово	3,2	-7,0	-4,3	-5,9	-9,0	-9,7	-10,2	-8,3	-12,1	-4,9
Сельское население	-5,3	-9,3	-7,7	-10,2	-10,7	-9,6	-8	-11,6	-9,6	-9,5

С 1990 по 1999 гг. брачная ситуация в районе заметно ухудшалась. Так, в 1990 г. количество браков на 1 000 жителей составляло 8,9 чел., в 1999 г. — 4,5 чел. Однако, начиная с 2000 г. количество браков стало увеличиваться и к концу 2003 г. их число составило 6,4 чел. на 1 000 жителей. Количество разводов увеличивалось вплоть до 2002 г. Если в 1990 г. коэффициент разводимости был всего 1,9‰, то в 2002 г. – 5,5 ‰.

Естественная убыль населения начиная с 1990 г. резко выросла и на 2003 г. составляла -10,8 ‰ (максимум за 15 последних лет). В настоящее время наблюдается небольшое сокращение коэффициента естественной убыли за счет увеличения рождаемости и снижения смертности (табл. 1). В ряду аналогичных сельско—городских районов Ромодановский имеет самый высокий показатель рождаемости 11,3‰ и самый высокий показатель естественного прироста -7,5 ‰ (самый низкий — -15,5 ‰ — в Атяшевском районе).

При достаточно низких показателях смертности, наиболее высокие показатели по рождаемости приходятся на все те же 2 татарских села Ромодановского района – Белозерье и Алтары. Почти половина всех родившихся в 2004 г. в Ромодановском районе приходится на с. Белозерье, причем такая ситуация сохранялась на протяжении четырех лет начиная с 2001 г. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика рождаемости и смертности в разрезе сельских администраций, чел**.**

Сельские администрации	Число родившихся					Число умерших				
	2000	2001	2002	2003	2004	2000	2001	2003*	2003	2004
Анненковская	-	2	1	2	2	13	11		18	20
Алтарская	1	6	10	10	8	13	7		20	13
Белозерьевская	14	59	57	50	54	18	9		20	25
Вырыпаевская	-	-	4	-	1	3	-		2	7
Липкинская	1	3	1	-	2	3	7		8	12
Курмачкасская	-	3	1	3	1	5	4		9	9
Куриловская	-	1	3	1	6	20	6		18	17
Кочуновская	1	3	3	7	2	18	8		15	22
Константиновская	1	2	1	4	2	12	12		16	17
М- Березниковская	1	2	3	-	7	20	5		10	17
Набережная	2	4	1	2	4	4	4		10	8
Пушкинская	3	5	1	3	7	11	5		11	6
Пятинская	2	2	1	3	4	15	6		10	13
Ст. Михайловская	-	4	3	1	-	3	1		5	3
Салминская	1	4	4	6	7	10	4		15	16
Трофимовщинская	-	-	4	5	1	16	14		28	29
Уришкинская	-	3	-	1	5	10	7		9	8
Всего по району	167	103	123	102	119	172	73		205	179

2003* - нет данных

В 2004 г. в общем количестве умерших основную долю занимали умершие от болезней системы кровообращения – 53,8 %, от новообразований – 13 %. От неестественных причин в районе умерло 43 чел., в том числе от самоубийств - 6 чел. С 1997 г. отмечается тенденция к снижению смертности от болезней системы кровообращения и от неестественных причин, а смертность от новообразований значительно

увеличивается. Наблюдается значительное увеличение числа умерших от новообразований за последние три года в сельской местности. Так, если в 2002 г. соотношение по числу умерших по этой причине в городской и сельской местности было 1:1, то 2004 г. уже 1:1,3. Также можно отметить увеличение доли смертности в сельской местности от несчастных случаев при уменьшении общего количества умерших по данной причине.

Смертность непосредственно связана с заболеваемостью, которая увеличивается во всех возрастных группах. Увеличивается заболеваемость социально значимыми болезнями, что объясняется ухудшением условий жизни населения, отсутствием сбалансированного питания, ростом стрессовых ситуаций (безработица, преступность, чрезвычайные ситуации), алкоголизма, токсикомании, наркомании. Отмечается высокая заболеваемость у взрослого населения, превышающая среднереспубликанские показатели, — это заболевания системы кровообращения (31,7 %), новообразования (11,3 %), 13% — несчастные случаи, отравления и травмы, в том числе несчастные случаи — 10,8 % (2004 г.).

Миграционная ситуация. В отличие от многих районов республики, число выбывших из района по внутриреспубликанскому потоку с 1997 г. меньше, чем прибывших. Резкий всплеск миграционной активности отмечался на рубеже веков, что было связано с интенсивным развитием промышленности в районе. Миграционный прирост имеет небольшие объемы и колеблется волнообразно, что предполагает реальную управляемость данным процессом (табл. 3).

Таблица 3

Внутриреспубликанская миграция населения

Показатель	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Численность населения на 01.01., тыс. чел.	23,2	23,2	22,3	22,3	22,3	22,3	22,1	21,9	22,0	21,7
Число выбывших, чел.	288	274	196	167	148	153	128	99	174	170
Число прибывших, чел.	258	222	233	309	236	199	135	131	209	244
Миграционный прирост (убыль) , чел.	-30	-52	27	142	88	46	7	32	35	74

Трудоресурсный потенциал расселения. За период 2000—2004 гг. численность трудоспособного населения в трудоспособном возрасте увеличилась с 11,2 до 12,2 тыс. чел. несмотря на снижение общей численности населения района. В то же время наблюдалось уменьшение численности трудовых ресурсов с 11,5 до 10,2 тыс. чел. На фоне небольшого снижения численности населения района заметно существенное падение численности граждан моложе трудоспособного и младшего трудоспособного (20-29 лет) возраста. За этот период произошло снижение численности граждан как моложе трудоспособного, так и старше трудоспособного возраста (за счет повышенной смертности). Исходя из этого демографическая нагрузка на трудоспособное население в районе снижается. Если в 2001 г. она составляла 884 нетрудоспособных (376 подростков и 508 чел. старше трудоспособного возраста), то в 2003 г. — 768 нетрудоспособных (321 подросток и 447 чел. старше трудоспособного возраста) на 1000 чел. трудоспособного возраста.

В настоящее время отделом трудовых ресурсов и качества жизни Министерства труда и занятости населения Республики Мордовия разрабатывается баланс трудовых ресурсов по республике в разрезе каждого села. Существует такой баланс и по Ромодановскому району. Автор неоднократно выдвигал предложения по составлению балансов нового типа, а также формированию самостоятельных балансов рынка труда и рынка образовательных услуг [Отчет, 2003; Бюллетень №1]. В 2004 г. в системе государственной статистики был разработан новый баланс трудовых ресурсов, адаптированный в РМ и рассчитанный с учетом переписи населения 2002 г.

Новый баланс трудовых ресурсов существенно переработан и расширен по сравнению с предыдущим. В действующем балансе учтены предложения по внесению в отчетность многих новых показателей. Например, наряду с формальным сектором рынка труда, произведена оценка неформальной занятости (форма «тз»). Введен раздел «Спрос и предложение труда», где рассматриваются затраты труда на всех видах работ по выпуску товаров и услуг, в том числе затраты труда в эквиваленте полной занятости, т.е. показатель, демонстрирующий потребность в труде. Существенно расширена отчетность по обследованию населения о количестве рабочих мест (форма «орс») и сам баланс трудовых ресурсов — форма «бтр». Баланс трудовых ресурсов позволяет органам государственной власти регулировать трудовую сферу района с точностью до 1 чел. Например, при взаимном перераспределении трудовых ресурсов в трудоизбыточных и трудонедостаточных сельских администрациях имеется реальная возможность обеспечить территориально сбалансированную и эффективную занятость населения.

По данным отдела трудовых ресурсов и качества жизни Министерства труда и занятости населения РМ на 01.01.2005 г. из 12028 чел. общей численности сельского населения района трудоспособными

являются 6687 чел или 56%. Сельская местность Ромодановского района хорошо обеспечена трудовыми ресурсами. Наибольший процент трудоспособных граждан приходится на следующие сельские администрации: Алтарская (63 %), Белозерьевская (62,5%), Малоберезниковская (57,7%), Набережная (58,4%), Пятинская (62,1%), Пушкинская (56,9%). В Белозерьевской с/а численность трудоспособного населения составляет 1799 чел., однако официально занятыми являются лишь 100 чел. Белозерье имеет большой резерв трудовых ресурсов и способно к естественному воспроизводству населения, но при этом трудовой потенциал села практически не используется в экономике района.

Соотношение мужчин и женщин трудоспособного возраста в сельской местности практически одинаково. Из общего количества женщин в сельских поселениях 2902 чел. или 45% составляют женщины фертильного возраста. Преобладание женщин данной группы отмечается, опять-таки в Белозерьевской, Трофимовщинской, Уришкинской сельских администрациях, соответственно их воспроизводственный потенциал достаточно высок.

Можно выделить несколько сельских администраций, в которых высокий процент трудоспособного населения, занятого в личном подсобном хозяйстве: Вырыпаевская (65,6%), Уришкинская (40%), Пушкинская (22%). В Белозерьевской с/а насчитывается 94 чел. занятых в личном подсобном хозяйстве. Такое же число многодетных матерей. В числе трудоспособных можно выделить несколько категорий, незанятых в экономике: льготные пенсионеры в трудоспособном возрасте; неработающие инвалиды 1 и 2 группы; женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком. По количеству «льготников» выделяются Белозерьевская с/а (44 чел.), Трофимовщинская с/а (25 чел.), Алтарская с/а (18 чел.), Аненковская с/а (17 чел.). По количеству неработающих инвалидов 1 и 2 группы к вышеперечисленным сельским администрациям можно добавить Кочуновскую, Набережную, Пушкинскую.

В сельской местности развита трудовая миграция. Большую долю занимают проживающие на территории сельской администрации, но работающие вне ее. Из всех сельских администраций по активности трудовой миграции выделяются: Уришкинская (48 чел.), Кочуновская (46 чел.), Пушкинская (43 чел.), Салминская (33 чел.), Набережная (33 чел.), Пятинская (31 чел.), Куриловская (24 чел.), Малоберезниковская (21 чел.), Алтарская (20 чел.), Анненковская (18 чел.). Остальные сельские администрации входят в группу от 0 до 15 чел. Можно предположить, что трудовая миграция напрямую связана с удаленностью населенного пункта от железных и автомобильных дорог, т.к. сельские администрации, входящие во вторую группу, находятся на периферии района. К этому можно добавить работающих на территории сельской администрации, но проживающих вне ее. Наибольшую активность (от 5 до 11 чел.) проявляют следующие сельские администрации: Малоберезниковская, Кочуновская, Алтарская, Пушкинская, Трофимовщинская, Старомихайловская.

Существует маятниковая миграция между Ромодановским районом и г. Саранском. По официальным оценкам Управления ФГСЗН по РМ ежедневно из райцентра на предприятия г. Саранска выезжает 32 чел., из сел района — 68 чел. (всего 100 чел. на 2003 г.). Для сравнения из соседнего Лямбирского района в г.Саранск ежедневно выезжает 6,5 тыс. чел. (2003 г.). Маятниковыми мигрантами являются в основном жители таких сел как Белозерье, Кавторовка, Анненково, в меньшей степени — Пятины и Лыковщины. Недалеко от последних расположена агрорекреационная («дачная») зона, которая привлекает сезонных мигрантов из Саранска. Аналогичные зоны расположены рядом с с. Старая Михайловка и д. Кадышево.

На фоне аналогичных районов в Ромодановском по показателям трудового потенциала складывается неплохая ситуация. Доля детей в общей численности населения составляет 18,1%. По доле пенсионеров район имеет один из самых низких показателей 25,3% (более низкий показатель в Чамзинском районе – 22,9 %) и по численности трудоспособного населения (56,6 %) уступает только Чамзинскому району. Практически все сельские администрации способны к воспроизводству населения в трудоспособном возрасте, за исключением Вырыпаевской и Старомихайловской.

Ситуация на рынке труда в 2006—2010 гг. будет определяться ходом социально-экономических реформ и процессом государственного регулирования социально-трудовой сферы. В настоящее время в этой сфере выделяются следующие тенденции: дальнейшее сокращение численности трудовых ресурсов на фоне общего сокращения численности населения и лиц моложе и старше трудоспособного возраста; увеличение численности трудоспособного населения с ее последующей стабилизацией; рост численности экономически активного населения; увеличение численности безработной молодежи и женщин в общей численности зарегистрированных безработных и сохранение высокого уровня безработицы.

За период 2001—2004 гг. численность занятого населения района увеличилась с 7356 до 8560 чел., экономически активного — с 9477 до 9600 чел. В то же время уровень официально зарегистрированной безработицы незначительно увеличился с 2,0 до 2,3 % (2004 г.) В 2004 г. было 157 безработных женщин (72%). Среди безработных - 65 человек или 30% молодежи, 100 чел. или 46 % безработных воспитывают несовершеннолетних детей, в т. ч. 9 чел. - одинокие и многодетные родители: 27 чел. или 12 % - инвалиды 3

группы. Средняя продолжительность безработицы составляет 8 месяцев. Наблюдается рост напряженности на рынке труда района, ситуация осложняется. Например, показатель напряженности на рынке труда Ромодановского района является одним из наиболее высоких по республике — 219 незанятых на 1 вакансию при среднем показателе в 3,9 чел. на 01.01.2005 г.

На территории района расположены три крупных промышленных предприятия: ОАО «Ромодановсахар», ОАО «Элеком», Ромодановский спиртзавод (все предприятия расположены в пгт Ромоданово или в непосредственной близости от него). Удельный вес их продукции в 1996 г. составлял 99,7 % от всей товарной продукции промышленности района, на 2004 г. – 88,1 %. Они также являются наиболее крупными работодателями. Однако, несмотря на высокий производственный потенциал данных предприятий, создание новых рабочих мест они не предусматривают (за исключением ОАО «Ромодановсахар»). Планируется сокращение и реструктуризация рабочих мест на ОАО «Элеком» в связи с модернизацией производства на 70 единиц, на ОАО «Ромодановсахар» в связи с реорганизацией — почти на 160 единиц.

В последние 2-3 года модернизация предприятий происходит через изменение форм собственности, выделение дочерних и самостоятельных производств, дробление крупных государственных и акционерных предприятий на несколько мелких частных компаний. Например, транспортный цех ОАО «Ромодановсахар» стал самостоятельным предприятием «Транспортник», сельскохозяйственный отдел этого завода объединил земли СПК им. Суворова, СПК «Волна революции» и ООО «Константиновский» в отдельное сельскохозяйственное предприятие. Из предприятия «Горвторресурсы» (вагонное депо) выделилась частная компания ООО Т.Д. «Вагонник». На базе ОАО «АПО Элеком» действует частное ООО Т.Д. «Элеком». Практически бездействуют СПК «Алкын» (Белозерье), ГУП «Совхоз Вырыпаевский» (садоводство). С большими убытками работают МУП «Служба заказчика» и МУП «Ромодановжилкомхоз». Такая ситуация порождает высокий уровень общей незанятости населения и повышает уровень регистрируемой безработицы.

Сохранение и создание рабочих мест. Немногие предприятия занимаются сохранением рабочих мест, переквалификацией и переобучением работающего и увольняемого персонала. На ОАО «АПО Элеком» функционирует учебно-производственный комбинат, который занимается данной работой, пропуская «через свои стены» более 30 чел. в год. Возможно привлечение к этой деятельности ПУ №7, расположенное в п.Ромоданово. Училище располагает всеми необходимыми условиями для подготовки и переподготовки квалифицированных специалистов. Имеется 13 учебных кабинетов, 5 производственных лабораторий, 2 учебно-производственные мастерские. По осваиваемым специальностям — тракторист-машинист с/х производства, электрогазосварщик, водитель автомобиля, бухгалтер, швея, повар — ежегодно выпускается более ста специалистов (30 чел. с повышенными разрядами), процент трудоустройства которых — более 80.

Создание новых рабочих мест планируется на ряде крупных предприятий (на ОАО «Ромодановсахар» — до 250 мест), в сфере предпринимательства (24 места) и торгово-бытового обслуживания населения (20 мест). В настоящее время (2005 г.) в районе насчитывается 94 магазина и 7 киосков. Из них 40 магазинов принадлежат Ромодановскому райпо, 52 магазина и 5 киосков — субъектам малого бизнеса, 1 магазин — ОАО «Сыродельный к-т “Ичалковский”», 1 магазин — спиртзаводу «Ромодановский», 1 киоск — Ромодановскому районному почтамту, 1 киоск — Роспечати. Есть необходимость в открытии новых кафе и ресторанов (в пгт Ромоданово), но процентные ставки на кредитам слишком велики. В районе на сегодняшний день субъектами малого предпринимательства создано 42 рабочих места на 68 чел.

Кроме того, в рамках Республиканской целевой программы «Социальное развитие села до 2010 г.» предусматривается финансирование проектов, направленных на развитие бытового обслуживания в сельских населенных пунктах Республики Мордовия. Согласно этой программе на период с 2003 г. по 2010 г. в Ромодановском районе запланировано открытие 13 специализированных предприятий бытового обслуживания. Данные мероприятия финансируются за счет республиканского бюджета Республики Мордовия. Их реализация позволит создать новые рабочие места в количестве 26 ед. Также в рамках данной программы запланировано на период с 2007 г. по 2010 г. открытие 8 пунктов приема заказов на бытовые услуги при магазинах потребкооперации, что позволит создать новые рабочие места в количестве 8 ед. и реконструкция 2 этажа кафе с.Лыковщина под гостиницу.

Таким образом, основные элементы инфраструктуры сосредоточены в райцентре Ромоданово, а прирост населения и трудовых ресурсов – в двух татарских селах Алтары и Белозерье. В с. Белозерье сформировалась неформальная, частично криминализированная «биржа труда» по сельскохозяйственному профилю. Она специализируется на трудоустройстве безработных района по уборке подсолнечника и его первичной обработке. В селе существуют малые предприятия по упаковке семечек и производству колбасных изделий, рынки сбыта которых ориентированы на г. Саранск, т.е. по направлению потоков маятниковой миграции.

По прогнозам Митруда РМ в ближайшие 2-3 года (2005-2007 гг.) Ромодановский район будет расходовать накопленный демографический потенциал, постепенно теряя население (табл. 4). Рождаемость понемногу повышается, смертность колеблется, естественный прирост увеличивается.

Таблица 4

Прогноз численности населения Ромодановского района до 2010 г.

Виды прогноза	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Прогноз численности постоянного населения	21,6	21,3	21,1	20,9	20,7	20,5
Прогноз численности городского населения	9,7	9,5	9,5	9,4	9,3	9,3
Прогноз численности сельского населения	11,9	11,8	11,6	11,5	11,4	11,2
Прогноз численности населения в возрасте моложе трудоспособного (0-15 лет)	4,0	3,7	3,5	3,4	3,4	3,3
Прогноз численности населения в трудоспособном возрасте (мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет)	12,4	12,5	12,6	12,5	12,5	12,4
Прогноз численности населения в возрасте старше трудоспособного (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше)	5,2	5,1	5,0	5,0	4,8	4,8

Сокращение численности населения и дальше будет продолжаться за счет жителей очень мелких (11-25 чел.) и мельчайших (0-5 и 6-10 чел.) сельских населенных пунктов преобладающей русской национальности с деформированной возрастно-половой «пирамидой», расположенных вне основной транспортной оси района (д.Молодые Всходы, д.Александровский Лужок, д.Грабовка, д.Княжиха, д.Шильниково, д.Новотроицкая Горка, дд.Старая и Новая Карачиха, д.Ханинеевка, д.Дмитриевка, п.Заречный, п.Атьминский, с.Голубцовка, п.Нагорный, д.Курган), тогда как татарское население будет увеличиваться за счет естественного прироста.

По прогнозам Министерства труда и занятости населения РМ трудоресурсный потенциал района будет увеличиваться. Численность населения в трудоспособном возрасте будет расти до 2007 г., но в дальнейшем стабилизируется. Численность населения в возрасте моложе трудоспособного будет заметно сокращаться в отличие от численности населения в возрасте старше трудоспособного, которое будет уменьшаться постепенно. Возрастающее влияние Саранско-Рузаевской агломерации (при достаточной транспортной обеспеченности) будет стимулировать территориальную мобильность рабочей силы, т.е. трудовую миграцию в Ромодановском районе, а также за его пределы.

Несмотря на положительные тенденции последних лет в сфере занятости ситуация в районе будет оставаться сложной. Во многом это связано с модернизацией производства на больших и средних предприятиях района, которая началась в 2003-2005 гг. и будет продолжаться, как минимум, до 2008 г. В результате этих мероприятий возможно дальнейшее увеличение числа незанятого населения и повышение уровня регистрируемой безработицы, особенно среди наиболее уязвимых категорий населения.

Для сохранения традиционной системы расселения с минимальными потерями и создания условий для ее развития необходима организация статистического учета населения с точностью до одного человека, рациональное укрупнение сельских администраций, увеличение рождаемости, законодательное определение приоритета развития семьи и домохозяйства, разработка финансовых механизмов поддержки хозяйств населения (ЛПХ). Развитие сельской семьи и рост производства на личном подворье сельчан необходимо стимулировать, если считать самозанятость сельского населения в ЛПХ основной занятостью населения и начислять пенсию по стажу.

Отдельным пунктом можно выделить адресную социально-экономическую поддержку пгт Ромоданово: материальную поддержку молодым, многодетным и нуждающимся семьям (многодетным — дополнительное ежемесячное пособие), приоритетное право на получение адресной материальной помощи на заявительной основе (нетрудоспособным родителям, имеющим несовершеннолетних детей, семьям одиноких матерей, семьям, имеющим детей-инвалидов, опекунским семьям).

Необходимо создание социально-экономических условий для обеспечения высокого уровня брачности населения как одного из резервов улучшения демографической ситуации в районе через увеличение разнообразия льгот молодым семьям (кредитование жилья и ипотека, выплаты на рождение и воспитание детей, образовательные льготы), пропаганду труда и здорового образа жизни, систем традиционной педагогики и культуры, народных этнодемографических традиций. Это будет способствовать возвращению мигрантов на малую родину с последующим закреплением их в хозяйствах населения (ЛПХ).

В результате общего старения населения и старения трудовых ресурсов в настоящее время необходимо создание социально-экономических условий для осуществления мер по использованию демографического потенциала лиц предпенсионного и пенсионного возраста на рынке труда, что предполагает контроль обоснованности сокращения лиц предпенсионного возраста с предприятий (организаций), помощь

безработным лицам данной категории в самозанятости посредством консультаций на организацию собственного дела. Для оптимизации структуры трудовых ресурсов необходима доработка и адаптация баланса трудовых ресурсов в профессионально—квалификационном разрезе по всем селам района.

Необходимо создание рабочих мест в первую очередь в населенных пунктах, способных к расширенному естественному воспроизводству населения в трудоспособном возрасте, которые являются центрами сельских советов, имеют рациональную возрастно-половую структуру, сельскохозяйственное предприятие и обладают неубывающим (или сокращающимся периодически) населением с численностью 200 и более человек.

Отдельный вопрос — сочетание регулируемой трудовой миграции и сельскохозяйственного переселения. Для Ромодановского района, расположенного в непосредственной близости от столицы республики, это необходимое условие для рационального использования трудовых ресурсов.

Таким образом, для разработки схемы расселения необходима организация статистического учета населения с точностью до одного человека, которая позволит определить демографический потенциал рынка труда и резервы его пополнения; расчет прогнозного баланса трудовых ресурсов в профессионально—квалификационном разрезе по всем селам района с учетом перспективной Программы содействия занятости населения.

Список использованных источников информации

1. Федеральный закон "Градостроительный кодекс Российской Федерации" от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ // «Гарант F1».
2. Структурные изменения в расселении Республики Мордовия //Бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия / НИИ регионологии. — Саранск: 2005. – 24 с.
3. Механизмы сбалансированного развития рынков труда и образовательных услуг //Отчет о НИР. Деп. в ВНТИЦ 19.02.2003. № 01.20.03 04113. - 41 с.

Комарова Т.М

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО УРОВНЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ И ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИАМУРЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Освоение любой территории связано с процессом ее заселения. Современный рисунок расселения населения является результатом хозяйственного освоения данной территории. Система населенных пунктов, связанных между собой транспортными коммуникациями превращается в опорный каркас расселения, который в свою очередь создает географический образ региона, выражающий основные черты территориальной организации. Территория Среднего Приамурья включает в себя восточную часть Амурской области, Еврейскую автономную область и западную часть Хабаровского края. На рассматриваемой территории полностью расположен лишь один субъект – Еврейская автономная область и поэтому процесс заселения и освоения Среднего Приамурья мы рассмотрим именно на ее примере.

В освоении территории Среднего Приамурья с момента освоения ее русскими можно выделить несколько этапов, каждому из которых были присущи свой характер освоения и заселения:

I. 1850-1898 гг. – заселение территории казаками;

II. 1898-1917 гг. – транспортное освоение территории и крестьянское заселение;

III. 1917 – 1927 гг. – период гражданской войны и восстановление хозяйства;

IV. 1927 – 1990 гг. – интенсивное хозяйственное освоение территории;

V. 1990-1998 гг. – падение производства, массовая миграция населения за пределы региона;

VI. 1998- по н.в. – стабилизация хозяйственной жизни и сокращение миграции населения.

Ко времени образования области (1934 г.) территория была заселена и освоена крайне неравномерно. На тот период времени на территории области существовало 248 населенных пунктов.

Среди отдельных административных районов области наиболее неравномерно и своеобразно заселен был Смидовичский район. Здесь сказались природные условия территории (сильная заболоченность) и близость к городу Хабаровску. К западу от пос. Волочаевка по железной дороге, кроме поселков Смидович и Ин-Корейский, не было ни одного крупного населенного пункта. Все они были сосредоточены к востоку от пос. Волочаевка. Но в целом это был один из самых заселенных районов области. Плотность населения составляла 2,3 чел/кв.км, при среднем показателе

по области 1,8 чел/кв.км. Наименьшая плотность населения отмечалась в Ленинском районе– 0,6 чел/кв.км. [1]

Наиболее быстрыми темпами численность населения росла в период с 1934-1959 годы, в основном за счет миграции как городского, так и сельского населения. Только за период 1934-1938 гг. численность населения выросла в 2 раза. В дальнейшем темпы роста численности населения были более медленными. А с середины 90-х годов XX века численность населения стала сокращаться. На этом фоне изменялась и структура расселения населения. За период 1939-1991 гг. количество населенных пунктов, хуторов, выселок сократилось практически на 1\4. В основном это связано с созданием крупных колхозов и проведением мероприятий сселения населения из хуторов, выселок и т.п. в более крупные населенные пункты.

В период 1991-2004 г. можно отметить следующее:

1. численность сельского населения снизилась на 10%, прежде всего за счет миграции в городскую местность в связи с кризисом в сельском хозяйстве. В настоящее время в г. Биробиджане концентрируется почти 40% населения области.

2. продолжается процесс сокращения населенных пунктов, прежде всего это отдаленные небольшие населенные пункты, не имеющие постоянной транспортной связи с близлежащими поселками.

В хозяйственном освоении данной территории можно отметить следующее:

Промышленное производство до 1934 года было представлено лесозаготовкой и лесообработкой, мебельным производством, легкой промышленностью, промышленностью стройматериалов, золотодобычей. В основном это были небольшие кустарные производства.

Ведущее значение для хозяйства области имело сельское хозяйство, представленное и животноводством, и растениеводством. Животноводство производило 53,8% сельскохозяйственной продукции области, ведущими отраслями были выращивание крупного рогатого скота, свиноводство, коневодство. Выращивались пшеница, овес, соя, картофель, овощи, гречиха, в южной части Октябрьского района - рис. Помимо указанных отраслей, в области развито было пчеловодство, рыболовство.

В послевоенные годы отраслевая структура хозяйства постоянно усложнялась, прежде всего, за счет освоения новых видов минеральных ресурсов: олова, доломитов, брусита. Промышленные предприятия, разрабатывающие данные месторождения, в дальнейшем явились ядрами в формировании крупных населенных пунктов.

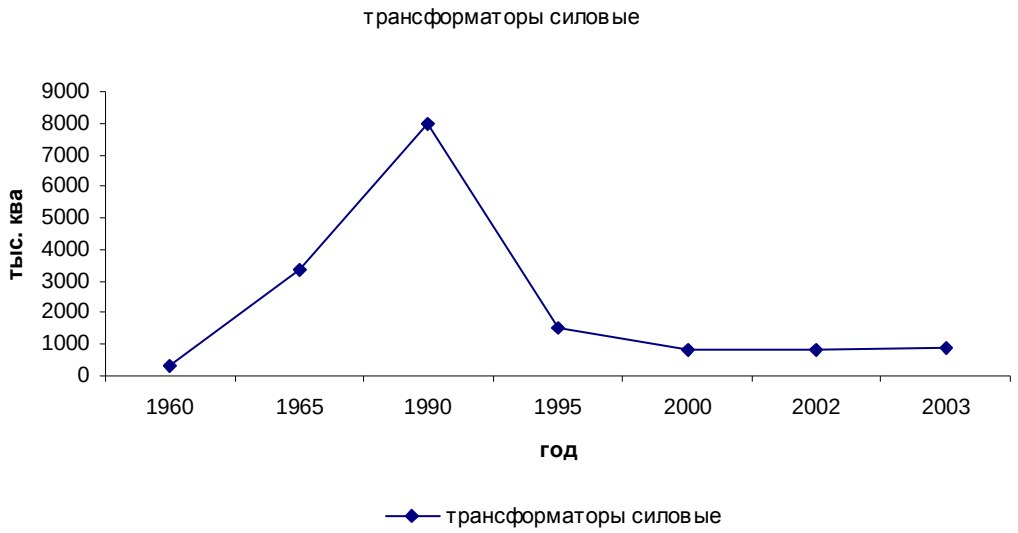

Рис.1 а

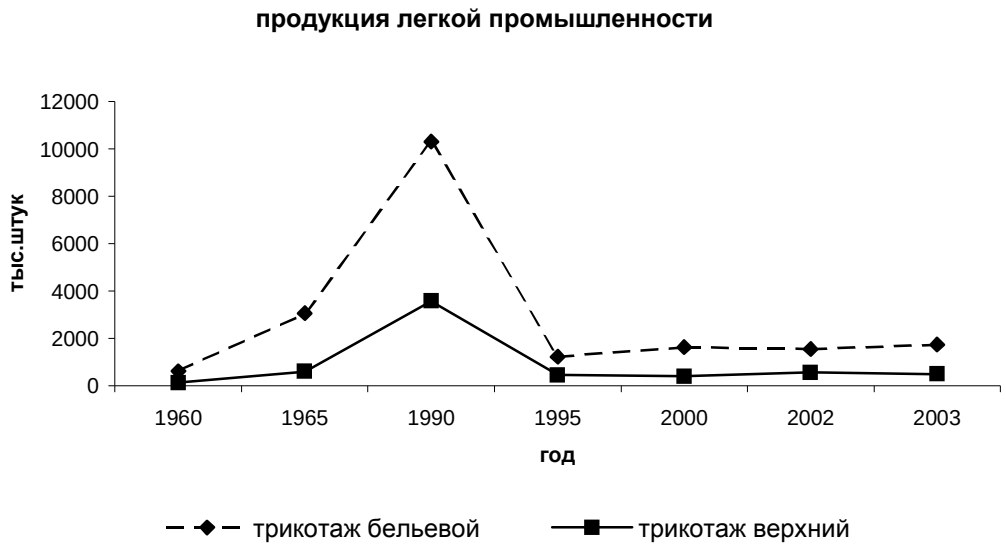

Рис. 1 б. Выпуск основных видов промышленной продукции области [2]

В 50-70–е годы XX века происходит реорганизация промышленных предприятий области, прежде всего в областном центре. Именно в эти годы начинает формироваться будущая отрасль специализации области – машиностроение (сельскохозяйственное машиностроение, электротехническое машиностроение – 1960 г.).

Наиболее устойчивый подъем экономики области наблюдался в 1960-80 гг. Только за 1965 гг. выпуск промышленной продукции увеличился практически вдвое по сравнению с 1957 г. Стабильно росло производство строительных материалов. Значительно увеличился выпуск изделий предприятиями легкой промышленности. Так производство хлопчатобумажных тканей возросло на 60%, бельевого трикотажа в 5 раз, обуви почти в 2 раза. Динамика производства отдельных видов продукции в период 1960-2003 гг. представлена на рис. 1.

К 1990 году в структуре мощностей 30% приходилось на легкую промышленность, 27% - на машиностроение и металлообработку, 15% - на пищевую, по 11% на лесную, деревообрабатывающую и бумажную, и промышленность стройматериалов [2].

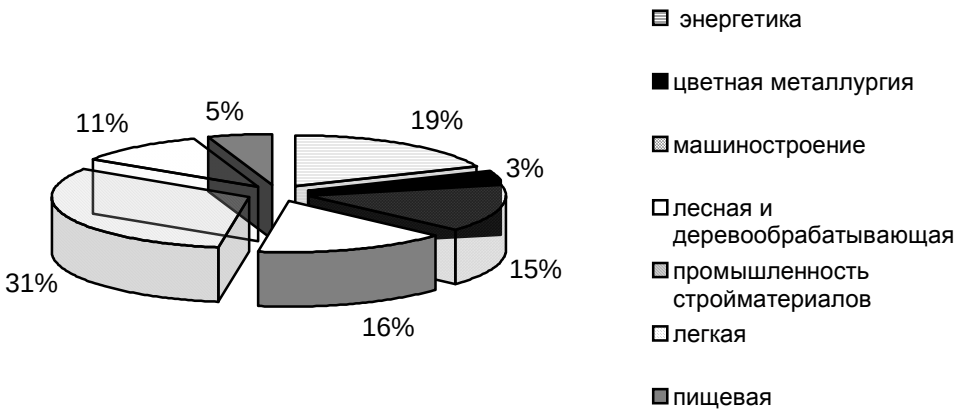

Рис. 2 Отраслевая структура промышленного производства ЕАО в 1990 г.

Одной из важнейших отраслей экономики области в 1990 году оставалось сельское хозяйство. Площадь сельскохозяйственных угодий стабильно росла с 21,7 тыс. га до 360,8 тыс.га (1934-1990 г) с последующим сокращением в 1990-2002 гг. (рис.3).

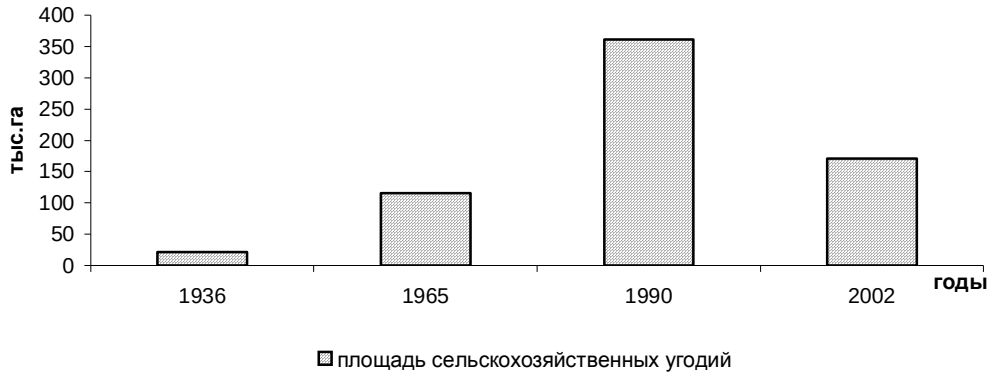

рис. 3 Динамика площади сельскохозяйственных угодий области

В постперестроечный период стратегия развития ЕАО во многом определялась необходимостью оперативной реакции на сиюминутные проблемы экономической и политической ситуации. В результате в 1991-95 гг. негативные макроэкономические процессы ослабили позиции области как в межрегиональном, так и во внешнеэкономическом сотрудничестве.

В дореформенный период структура хозяйства области была представлена в большей степени заключительными стадиями производственного процесса. Во времена плановой экономики это позитивно сказалось на развитии региона. Но отсутствие начальных стадий производства, прежде всего в отраслях специализации области, в итоге сыграло негативную роль для хозяйства ЕАО в годы реформ – обусловило резкое падение промышленного производства вследствие разрыва экономических связей с поставщиками промежуточной продукции из западных регионов СССР и катастрофического увеличения цен на энергоносители и транспортные тарифы.

Анализ социально-экономического развития Еврейской автономной области позволяет констатировать следующее. Структура валового регионального продукта, как основного показателя, характеризующего состояние экономики области, в пореформенные годы изменилась коренным образом. Если в 1995-96 гг. в ВРП 21,2-28,4 % приходилось на промышленность, то в 2002-2003 гг. ее доля снизилась до 8,6 –10 %. При этом значительно возросла доля третичного сектора (с 41,5% до 73,2%, в 1995 и 2003 г. соответственно) и, прежде всего транспортной составляющей (более 2\3) (рис.4) [2]

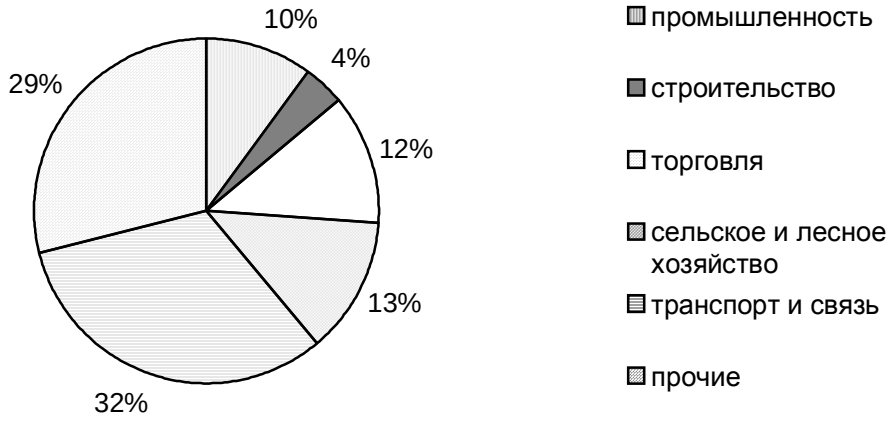

Рис. 4 Структура ВРП ЕАО в 2003 г.

Начиная с 1998 года в экономике, наблюдаются положительные тенденции в производстве отдельных видов товаров, прежде всего имеющих межрегиональное значение.

В структуре промышленного производства ведущее значение имеют следующие отрасли: промышленность стройматериалов, машиностроение и металлообработка, лесная, легкая промышленность (рис. 5).

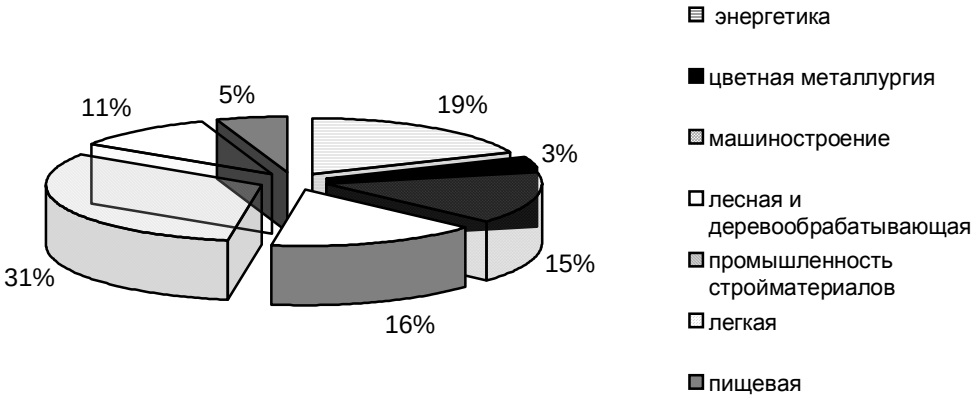

Рис.5 Структура промышленного производства в 2003 г. [2]

В целом за рассматриваемый период освоения территории области можно сделать следующие выводы:

1. заселение и характер освоения территории Среднего Приамурья неразрывно связан макроэкономическими и геополитическими факторами развития региона;
2. количество населенных пунктов сократилось на 1\4;
3. в период освоения золотороссыпных месторождений осваивалась внутренняя горная часть области; закрытие приисков привело к свертыванию хозяйственной деятельности на данной территории;
4. в целом до 1990 года процесс освоения затронул приамурскую и прижелезнодорожную полосы;
5. за годы реформ сократилось промышленное и сельскохозяйственное производство (от уровня 1990 г – 10%);
6. изменилось соотношение отраслей промышленности по сравнению с 1990 годом;
7. за период 1990-2004 г. сократилась площадь обрабатываемых земель более чем на 52%, в связи с сокращением сельскохозяйственного производства и недостаточным финансированием мелиоративных работ.

Литература

1. Комарова Т.М. Хозяйственное освоение и заселение территории Еврейской автономной области в 30-80-е годы XX века //Материалы XII совещания географов Сибири и Дальнего Востока. – Владивосток, 2004. С. 196-197.
2. Статистический сборник Еврейской автономной области. – Биробиджан, 2004.

Мищук С.Н.

ОСОБЕННОСТИ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Реформы 90-х гг. XX века оказали влияние на экономические процессы, происходящие в стране в целом и её субъектах, в частности. В 1995 г. в структуре экономики Еврейской автономной области (ЕАО) на отрасли промышленности приходилось более 22 % валовой добавленной стоимости, более 50 % промышленного производства обеспечивали машиностроение и металлообработка, лёгкая промышленность. В настоящее время структура экономики области характеризуется иными приоритетами, формируясь под влиянием рыночных условий.

В работе проведён анализ отраслевой структуры экономики области, рассмотрены основные показатели функционирования основных отраслей ЕАО за период с 1999 по 2003 гг., выявлены отрасли специализации региона на 2003 г.

Среди регионов России Еврейская автономная область в 2003 г. занимала 75 место по объёму промышленного производства, индекс промышленного производства к началу 2004 г. составлял менее 16,2 % от уровня 1990 г.[10], отношение суммы трансфертов к объёму дохода бюджета ЕАО составило 66,2 %, при среднем показателе по России – 14,8 %[11].

В экономике ЕАО основными отраслями являются промышленность, транспорт, торговля и сельское хозяйство, доля которых в структуре валового регионального продукта в 1995 г. составляла 49,2 %, в 2002 г. – 64,8 %. Наибольшую долю в производстве валовой добавленной стоимости (ВДС) в 2002 г. имели отрасли: транспорт (29,5 %), сельское хозяйство (13,0 %), торговля (12,4 %), промышленность (9,9 %). За период с 1995 г. по 2002 г. в ВДС произошло снижение доли промышленности (на 11,3 %), торговли (на 2,4 %); возросла доля сельского хозяйства (на 0,8 %), транспорта (на 27,5 %)[12]. Значительное увеличение доли транспорта в ВДС обусловлено учётом с 1999 г. железнодорожного транспорта.

В структуре валового регионального продукта ЕАО в 2002 г. на долю отраслей, производящих товары приходилось 28,1 %, из которых на промышленность - 35,3 %, что на 10 % меньше уровня 2001 г. Доля сельского хозяйства в структуре производства товаров в 2002 г. достигла 46,5 %[13].

За период с 1999 по 2002 гг. в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, несмотря на некоторые изменения доли ряда отраслей, ведущей отраслью остаётся транспорт и связь, доля которой с 1999 по 2002 гг. возросла на 8,2%. На долю промышленности и сельского хозяйства приходилось 9,8 % и 12,9 %, соответственно[14] (см. табл. 1).

Таблица 1

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (в текущих ценах; в процентах к итогу)

Отрасли экономики	1999	2000	2001	2002
Валовая добавленная стоимость (в основных ценах)	100	100	100	100
в том числе в отраслях:				
Промышленность	16,0	14,8	12,0	9,8
Сельское хозяйство	12,8	10,0	13,9	12,9
Лесное хозяйство	0,3	0,3	0,3	0,4
Строительство	6,6	4,0	4,3	4,3
Транспорт и связь [1)]	22,2	30,1	30,8	30,4
Торговля и коммерческая деятельность по реализации товаров и услуг	15,6	16,3	12,2	12,3
Другие отрасли экономики	26,5	24,5	26,5	29,9

1) С 1999 г. включён железнодорожный транспорт

Источник: Валовой региональный продукт Еврейской автономной области в 2002 году : Стат. сб. / ТО Росстата по ЕАО. - Биробиджан, 2004.

За анализируемый период произошло падение объёмов промышленного производства на 6,2 %, что превышает уровень падения других отраслей: в сельском хозяйстве снижение составило 0,1 %, в строительстве 2,3 %, в торговле и коммерческой деятельности 3,3 %.

[10] Промышленность Еврейской автономной области: Стат. сб. / ТО Росстата по ЕАО. - Биробиджан, 2004.

[11] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Росстат. – М., 2004.

[12] Статистический ежегодник Еврейской автономной области: Стат. сб. в 2 ч. / ТО Росстата по ЕАО. – Биробиджан, 2004.

[13] Валовой региональный продукт Еврейской автономной области в 2002 году : Стат. сб. / ТО Росстата по ЕАО. - Биробиджан, 2004.

[14] Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в январе-декабре 2004 года: Стат. бюл. / ТО федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю – Хабаровск, 2004.

Среднесписочная численность занятых в производственной сфере (с учётом лесного хозяйства, геологии и разведки) снизилась в период с 1999 по 2003 гг. на 2,9 %, или 1556 человек.
Среди отраслей материально-производственной сферы лидирующее положение по доле среднесписочной численности занятых в период с 1999 по 2003 гг. занимала промышленность (15,9% и 14,9%, соответственно). Минимальная доля характерна для сельского хозяйства 5,0% в 1999 г., 3,8% в 2003 г.

В нематериальной сфере области занято 73% от среднесписочной численности. Среди отраслей сферы услуг на образование приходилось 15,6% в 1999 г. и 15,4% в 2003 г., что соответствовало максимальному уровню. В целом для всех отраслей данной сферы характерно увеличение среднесписочной численности занятых (см. табл. 2).

Таблица 2

Среднесписочная численность работников по отраслям экономики, %

Отрасли экономики	1999	2000	2001	2002	2003
Всего	100	100	100	100	100
Промышленность	15,92	18,07	14,89	15,15	14,88
Сельское хозяйство	5,02	6,03	5,35	4,75	3,81
Строительство	6,38	6,16	5,50	5,23	5,91
Транспорт	9,07	9,32	9,81	10,39	10,50
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение, сбыт, заготовки	8,94	5,22	4,43	4,66	5,08
Информационно-вычислительное обслуживание	0,01	0,19	0,28	0,26	0,28
Жилищно-коммунальное хозяйство	8,76	8,93	9,75	9,18	8,02
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	10,39	10,21	11,22	11,29	11,54
Образование	15,63	15,17	15,81	15,89	15,42
Управление	9,65	10,51	12,17	12,81	13,30
Прочие	10,23	10,20	22,97	10,40	11,25

Источник: составлено по Торговля и общественное питание Еврейской автономной области Стат. сб./ Комстат ЕАО 2004 г. 61 с.

По уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в экономике области преобладают отрасли сферы услуг (транспорт, управление), для которых характерно превышение среднего уровня заработной платы в 2-4 раза. Так, превышение средней заработной платы на транспорте составляет 4,3 раза в 2003 г., в управлении 2,2 раза. Среди отраслей материального производства максимальный уровень заработной платы отмечается в промышленности, уровень которой соответствует 135,5 % от среднего уровня заработной платы по отраслям экономики (см. табл. 3).

Таблица 3

Уровень среднемесячной начисленной заработной платы к среднему уровню по отраслям экономики, %

Отрасли экономики	1999	2000	2001	2002	2003
Всего	100	100	100	100	100
Промышленность	88,10	94,03	103,95	93,08	135,52
Сельское хозяйство	36,48	31,94	36,03	37,46	45,33
Строительство	139,00	135,88	136,18	137,47	71,91
Транспорт	178,29	191,45	160,64	160,91	431,37
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение, сбыт, заготовки	79,05	81,96	80,01	65,60	64,23
Жилищно-коммунальное хозяйство	84,31	75,38	71,33	67,28	56,85
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	70,75	71,51	74,69	83,08	104,02
Образование	59,71	56,84	61,64	71,35	88,76
Управление	155,99	144,29	137,06	132,22	222,77
Прочие	107,50	104,18	109,59	92,94	67,36

Источник: составлено по Торговля и общественное питание Еврейской автономной области Стат. сб./ Комстат ЕАО 2004 г.

Более 50 % основных фондов приходится на транспорт (57,2 % в 2003 г.). С 1999 г. данный показатель по отрасли увеличился в 2 раза (22,5 % в 1999 г.), что обусловлено учётом железнодорожного транспорта с 1999 г. Отметим, что абсолютные показатели объёмов основных фондов сократились практически по всем отраслям экономики за исключением транспорта, что связано с изменением условий учёта деятельности данного сектора экономики. Показатель обеспеченности рассматриваемой отрасли основными фондами в денежном выражении с 1999 по 2003 гг. увеличился в 3,7 раза (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение основных фондов по отраслям экономики ЕАО, %

Отрасли экономики	1999	2000	2001	2002	2003
Всего	100	100	100	100	100
Промышленность	13,9	6,3	5,2	14,7	12,2
Сельское хозяйство	9,3	5,7	5,1	3,6	3,2
Строительство	21,9	1,2	1,2	5,1	2,1
Транспорт	22,5	61,1	63,6	55	57,2
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение	0,8	0,8	0,6	0,5	0,2
Жилищно-коммунальное хозяйство	29,1	23,9	23,1	20	21,4
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	1,7	-	-	0	0
Образование	-	-	0,1	0,1	0,1
Управление	-	-	-	-	-
Прочие	0,80	1,00	1,10	1,00	3,60

Источник: составлено по Торговля и общественное питание Еврейской автономной области Стат. сб./ Комстат ЕАО 2004.

Таким образом, наиболее высокий уровень заработной платы в 2003 г. отмечается на транспорте и управлении, где среднесписочная численность занятых составляет 23,8 % от общей численности по области. Для образования и здравоохранения характерны максимальные показатели занятости (27 %), однако уровень заработной платы составляет 88,8 % и 104 %, соответственно, от средней заработной платы по области. Более половины основных фондов сконцентрированы на транспорте.

Для промышленности области характерно с 1999 по 2003 гг. снижение доли в структуре производства товаров ВРП на 9,5 %, среднесписочной численности работников на 1,04 % и распределении основных фондов на 1,7 %. Уровень среднемесячной начисленной заработной платы по отношению к среднему показателю увеличился на 47,52 %.

В отраслевой структуре промышленного производства области лидирующее положение в 2004 г. занимали: промышленность строительных материалов (23,3 %), электроэнергетика (19,7 %), лесная и деревообрабатывающая (17,7 %), машиностроение и металлообработка (14,7 %). Анализ отраслевой структуры промышленности показывает, что отмеченные отрасли сохраняют своё лидирующее положение с 2000 г., за исключением лесной промышленности, доля которой до 2002 г. не превышала 8,7 %. Изменение доли данной отрасли обусловлено не только увеличением объёмов производства, но и уменьшением доли других отраслей. Поэтому нами проанализированы данные об изменении абсолютных показателей промышленного производства.

Анализ производства промышленной продукции в натуральном выражении отражает положительную динамику производства строительных материалов (с 2000 по 2004 гг. рост составил 15 %), вывозки древесины (в 3,8 раза), производства деловой древесины и пиломатериалов (в 3,8 раза и в 2 раза, соответственно), трансформаторов силовых и металлоконструкций сварных (110,6 % и в 18 раз, соответственно)[15].

Доля лёгкой промышленности, традиционной для области, снизилась с 2000 по 2004 гг. на 1,7 %. Объём произведённой трикотажной продукции в 2003 г. составил 109,2 % к уровню 2000 г., чулочно-носочных изделий - 98,6 %.

На эмпирическом уровне мы предположили, что структура внешней торговли области оказывает влияние на увеличение объёмов производства отдельных отраслей промышленности. Во внешнеторговом обороте ЕАО доля экспорта в 2003 г. составила 68%. Более 70 % экспорта в страны вне СНГ составила древесина и изделия их неё (в стоимостном выражении доля необработанных лесоматериалов составляет более 86 %), 22 % - текстиль, текстильные изделия. Основными статьями

[15] Там же

экспорта в страны СНГ являлась продукция машиностроения (55 %), чёрной и цветной металлургии (45 %)[16].

Для имеющихся данных нами просчитаны коэффициенты корреляции. В результате проведённых расчётов мы можем утверждать, что между объёмом производства и объёмом экспорта и импорта для ряда отраслей промышленности ЕАО существует зависимость. Так, коэффициент корреляции между экспортом и объёмом производства для лёгкой промышленности составляет 0,84, между импортом и объёмом произведённой продукции - 0,9, а для лесной промышленности, соответственно, 0,64 и 0,94.

Для машиностроения корреляционный анализ не отражает зависимости между рассматриваемыми параметрами.

В межрегиональной торговле ЕАО является поставщиком цемента (96,5 % производимого цемента вывозится за пределы области), мяса, животного масла.

Основными статьями импорта ЕАО в 2003 г. являлись ткани хлопчатобумажные (30,1 % от импорта ЕАО), рис (7,8 %), оборудование и механические устройства (5,7 %), полимерные материалы, пластмассы и изделия из них (5,7 %), а также крупа, мука, электрические машины и аппаратура для записи и воспроизведения звука и др.

В целом экспорт области превышает импорт на 4490 тыс. дол. США. Более 95 % всего внешнеторгового оборота приходится на страны Дальнего зарубежья, в том числе 98,0 % от объёма экспортных операций, 89,2 % - импортных. Основными контрагентами по экспортным операциям являются Китай (76,3 % от объёма экспорта ЕАО в 2003 г.), Южная Корея (22,8 %); по импортным операциям лидируют также Китай и Южная Корея (57 % и 40 %, соответственно). Среди стран СНГ наибольший объём экспортно-импортных операций приходится на Беларусь (44,7 % экспорта и 85,7 % импорта), Азербайджан (28,8 % экспорта), Казахстан (26,5 % экспорта), Украину (11,8 % импорта).

Расчёт коэффициента товарообмена[17] для экономики ЕАО составил 16,7, что говорит о высокой степени зависимости региона от внешних (международных и межрегиональных) связей, превышение вывоза над ввозом в 2003 г. составило 51,5 млн. рублей.

Для определения отраслей специализации ЕАО нами проведены расчёты коэффициентов локализации (Кл), душевого производства (Кд) и индекс хозяйственной рыночной специализации (Кс).[18] Коэффициенты специализации и локализации имеют одинаковое содержание, но вычисляются разными способами. Расчёты проведены для отраслей, характеризующихся наибольшим удельным весом в отраслевой структуре промышленности ЕАО (см. табл. 5).

Таблица 5

Характеристика отраслей экономики ЕАО, 2003 г.

Отрасль промышленности	Кл	Кд	Кс
Промышленность строительных материалов	1,09	2,19	1,15
Электроэнергетика	1,8	0,38	1,7
Машиностроение	0,9	0,15	0,7
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	4,9	0,98	4,3
Лёгкая	8	1,65	7,2

Составлено по: Внешнеэкономическая деятельность в Еврейской автономной области: Стат.сб. / ТО Росстата по ЕАО. – Биробиджан, 2004.; Основные показатели производства и объёмов отгруженной продукции, потребительских товаров промышленности ЕАО за январь-декабрь 2004 г.: Стат. бюл. / ФСГС ТО по ЕАО. – Биробиджан, 2005.; Россия в цифрах. 2004: Крат.стат.сб / Федеральная служба государственной статистики. - М., 2004.

Для рассматриваемых отраслей нами получены значения коэффициентов товарности регионального производства (или коэффициент вывоза), коэффициенты ввоза и товарообмена.

Продукция лёгкой промышленности имеет высокий коэффициент вывоза (от 62% до 77,2% для различных видов продукции), что с учётом данных по уровню локализации (специализации), позволяет определить её как отрасль специализации.

Для продукции лесной, деревообрабатывающей промышленности и промышленности строительных материалов также получены высокие коэффициенты вывоза (72,4% - для пиломатериалов, 81,2% - для деловой древесины).

[16] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Росстат. – М., 2004.
[17] Расчёт товарообмена проведён на статистических данных по видам продукции.
[18] Введение в экономическую географию и региональную экономику России / Под общ. ред. проф. В.Г. Глушковой, доц. А.А. Винокурова. – М.:Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.

Машиностроение (продукция данной отрасли) имеет невысокий показатель коэффициента вывоза (для комбайнов кормоуборочных 28,6%, для комбайнов зерноуборочных 40%)[19].

В электроэнергетике основной объём производимой продукции приходится на тепловую энергетику (в 2004 г. произведено 0,46 млн. КВт/ч электроэнергии, 1196,94 тыс. ГКал – теплоэнергии). Производимая энергия в области потребляется в рамках региона. Учитывая отсутствие вывоза продукции и низкий показатель коэффициента душевого производства, данная отрасль не является отраслью специализации ЕАО.

Таким образом, в ходе проведённого исследования нами получены следующие выводы:

1.Анализ уровня среднемесячной заработной платы, среднесписочной численности занятых и распределения основных фондов в экономике ЕАО показал наличие максимального уровня на транспорте заработной платы и доли основных фондов, в сфере образования и здравоохранения - максимальные показатели занятости.

2. Для экономики ЕАО характерна высокая степень зависимости от международных и межрегиональных связей. Отметим, что особенностью внешних связей области является значительное преобладание межрегиональной торговли[20]. В 2003 г. вывоз превышал ввоз.

3. К отраслям рыночной специализации ЕАО относятся лёгкая, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, промышленность строительных материалов.

[19] Ввоз и вывоз продукции и товаров в 2003 году. Статистический бюллетень №465. ФСГС ТО по ЕАО. – Биробиджан, 2004.

[20] Без продаж на собственной территории.

ЧАСТЬ III
ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Атаев З.А.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: АКТУАЛЬНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ (на примере сельской местности Рязанской области)

На определенном этапе социально-экономического развития, перед обществом возникают проблемы, казалось бы, давно уже решенные. С течением времени потребности социума меняются и соответственно его технологический базис. Наступает период своего рода «ломки», наблюдаемый ныне в России. И, как следствие, «новое–старое» решение, испытанное практикой актуализируется на последующем «витке» истории. Именно к такой дилемме можно отнести проблему возрождения объектов малой гидроэнергетики (МГЭ)[1]. В том числе и энергосистем на их основе.

Среди основных причин реанимации идеи «малого ГОЭЛРО» можно назвать целый комплекс. Рассмотрим некоторые из них, придерживаясь определенной территориальной иерархии и концептуальной значимости: глобальной уровень; уровень страны (России); региональный уровень; микроуровень административного района, или сельского округа в ее составе (как пример первичной «ячейки» муниципального образования).

В настоящей работе, принята трехзвенная по мощности классификация МГЭС (используемая автором с 1995 г.): микро-ГЭС до 100 кВт; мини-ГЭС от 100 до 1000 кВт; малые-ГЭС 1-10 МВт. Классификация, отличается от общепринятой и, может вызвать дискуссию. Но считаем, что различие от 0.1 до 10 МВт (микро-, малые-ГЭС), без введения «переходного» диапазона (мини-ГЭС), слишком велико по технологическим возможностям для территориальной организации локальной энергетики. Конструктивность общепринятого типоразмера низка. Ранее, трехзвенная классификация уже встречалась в источниках. Однако выходные данные для последующих ссылок были утеряны. С тех пор использование именно такой «стратифицированной» классификации объектов малой гидроэнергетики впервые встретилось еще раз в 2002 г. [1.С.240].

Во-первых, Россия находится в активной фазе переговоров о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО). Отсюда очевидно резкое повышение ставки внутренних цен на энергоносители и тарифов на вторичные виды энергии. И как следствие, системный рост цен по цепочке на все виды продукции и услуги. При этом полностью проигнорирована внутренняя платежеспособность населения и особенно сельского в депрессивных регионах, где школьный учитель чуть не олицетворение олигарха, т.к. получает хоть и маленькую, но стабильную заработную плату.

Во-вторых, переход на «мировые стандарты» в России (читай развитых стран), поспешно поставил на повестку дня вопрос реформы энергетики и либерализации энергетического сектора экономики. Есть веские основания считать, что решение принято поспешно, до того, как была выработана стратегия развития и обоснована реальная программа действий. С таким «экспериментальным» подходом страна уже столкнулась в 1992 г. Позже, его негативные последствия очень скромно назвали «некоторыми ошибками».

Очевидно, что полная либерализация рынка, дерегулирование электроэнергетического и газового сектора, уход государства из сферы генерации приведет к «взрывному» скачку цен во всей экономике. Как известно на такие широкомасштабные меры не пошли даже на Западе. Например, в США на подобные эксперименты решились всего три штата. В результате Калифорния весной 2003 г. «успела» оказаться в экономическом коллапсе. В странах Евросоюза планируется в течение 1996-2010 гг. либерализовать не более 30% от национальных рынков электроэнергии (это за 15 лет!). Ряд

[1] Малая гидроэнергетика (МГЭ). В настоящее время в мире, нет общепризнанных критериев выделения категории малых гидроэлектростанций (МГЭС). Более того, сами критерии со временем меняются. Диапазон установленной мощности, выделяющей ГЭС в категорию малых, в различных странах достаточно широк – от 2 до 30 тыс. кВт. В России (СССР) малыми считаются ГЭС в диапазоне мощности от 0.1 до 30 тыс. кВт, при этом было введено ограничение по диаметру рабочего колеса до 3 метров и по мощности на один гидроагрегат до 10 тыс. кВт. Гидроэлектростанции установленной мощностью менее 0.1 тыс. кВт выделены в категорию микро-ГЭС (1989 г.) [2.С.4].

стран Евросоюза, уже достигли 100% уровня дерегулирования рынка, где ставка на эволюционный ход реформы и создание *реальной* конкурентной среды позволили фактически снизить тарифы в среднем на 30-45% (ФРГ, Великобритания, Финляндия и др.) [11].

Новая энергетическая концепция России игнорирует территориальный принцип функционирования и управления энергосистемами. Об этом свидетельствует состав электростанций по оптовым генерирующим компаниям. Таким образом, забыта география страны, принципы построения ЕЭС страны, а игнорировать ее особенности экономически не получится. Очевидно, что кардинальные изменения затронут и транспортную систему России, что также финансово замкнется на потребителе, в том числе и на пользователях продукции (услуг) топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Следовательно, новый виток обострения энергетических проблем, наложится на застарелую проблему преодоления экономических расстояний. Следует особо подчеркнуть, что за последние 15 лет набирает обороты крайне негативная территориальная тенденция, экономически «отсекающая» основные регионы добычи и потребления топлива в России [2].

В третьих, региональные энергетические системы страны дефицитны (за редким исключением), их потенциал технически и морально изношен. Возможности их кардинальной модернизации ограничены по финансовым причинам. Региональная власть не может решать эти проблемы самостоятельно из-за хронического дефицита бюджета.

В четвертых, усиление депопуляции в сельской местности, определяет *нецелесообразность* расширения потенциала централизованного энергоснабжения (тепло-, электро-, газо-). Следовательно, ожидаема смена площадной концепции сельской энергетики на узловую, а местами даже точечную. Отсюда, резкое сокращение зон централизованного энергоснабжения в наиболее «разреженных» сельских регионах. И как следствие, актуализация проблемы возрождения локальной энергетики на «безтопливном» цикле и с небольшим радиусом обслуживания. Следовательно, основной «клиент» объектов МГЭ, это руральное население, его коммунально-бытовые и производственные потребности.

В пятых, выше перечисленные причины, это своего рода «дамоклов меч» для доминирующего типа управленцев в стране (категория номенклатурных «временщиков»). Современный курс укрепления вертикали власти, введение института фактического назначения губернаторов, закон о муниципальных образованиях, разграничение функций между федеральным центром и субъектами устраняет прежнюю «размытость» формулировок и определяет персональную ответственность чиновников. Схема реформы энергетики поставит региональных управленцев в крайне затруднительное положение. Резкое ухудшение социального положения при ожидаемом росте цен (тарифов) и одновременном росте «энергетической бедности» населения, особенно усилится в активной фазе реализации реформы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Так как проблема затрагивает практически все слои населения, вероятно резонанс будет более ощутимым, чем выступления пенсионеров по поводу монетизации льгот в начале 2005 г.

В результате, ситуация может спровоцировать массовые акции протеста. Это и будет своего рода «проверкой на прочность» региональных элит. Большинство из них пришли к власти на волне популизма и не справятся с такой «аттестацией», что и будет использовано как повод для кардинальных кадровых перестановок. Их нынешний состав будет заменен как недееспособный в резко изменившихся социально-экономических условиях. Сегодня такие действия уже находятся в рамках законодательно оформленного «поля». И, как следствие, на региональном уровне следует ожидать прихода «второй волны» управленцев.

Выше рассмотренный перечень причин для возрождения объектов малой гидроэнергетики далеко не полный, но достаточный для осознания необходимости разработки и реализации региональных программ. Сельская местность депрессивных регионов окажется перед необходимостью расчета только на свои внутренние резервы. Таковым можно признать исторический опыт массовой эксплуатации малых гидроэлектростанций (МГЭС). Преимущества выбора базового вида генерации очевидны: отсутствие топливного цикла и относительная независимость. Эти качества позволяют формировать на базе МГЭС локальные энергосистемы. Отсюда понятие «локальная энергетика» и производное от него понятие «локальная энергосистема», может быть рассмотрено с разных точек зрения.

В современных условиях доля транспортных затрат в приведенной себестоимости вторичных видов энергии достигает 30-50%. Зачастую расходы на «провоз» энергоносителей из Восточной макроэкономической зоны России (основные месторождения сырья и топлива) в Западную зону концентрации основного потребителя обходится дороже, чем сама добыча топливно-энергетических ресурсов (ТЭР).

С энергетической точки зрения основой локальной энергетической системы являются объекты генерации малой мощности, что изначально определяет относительно высокую «гибкость» и мобильность смены режимов работы.

С производственно-технологической точки зрения, в отличие от централизованной энергосистемы, локальная энергетика отличается полным отсутствием (автономная схема), или слабой выраженностью технологических связей с общей энергетикой. В свою очередь, по режиму нагрузки локальность определяется ресурсной обеспеченностью конкретной территории и спецификой энергетических нужд потребителя.

С экономической точки зрения выбор МГЭС как основы локальной энергосистемы определяет полную независимость от ценовых ориентиров в условиях корпоративного сговора монополий и их стратегии «скользящего тарифа» на отпускную энергию (по схеме новой реформы, монополизм в энергетике только усилится). Соответственно, локальная энергосистема относительно независима и от ситуации «двойной монополии», экономического «давления» региональных энергокомпаний любого уровня.

Управленческий аспект, законодательно допускает разнообразие форм собственности на объекты МГЭ, в том числе на этапе создания и эксплуатации самих локальных энергосистем, что определяет юридическую независимость от произвола чиновников и фискальных органов.

С географической точки зрения, локальная энергетика охватывает небольшое пространство и соответственно формирует ограниченное «энергетическое поле» обслуживания. Радиус «поля» зависит от установленной мощности базового генератора. Соответственно прямые и обратные связи производства, распределения и потребления энергии формируют территориально ограниченную систему энергоснабжения. И в зависимости от пространственного охвата можно выделить иерархию сельских систем локального энергоснабжения: внутрирайонного значения (часть административного района, один или несколько сельских округов), районного и межрайонного значения (несколько районов или их частей).

Вопросам территориальной организации, необходимо уделить особое и пристальное внимание. В практической плоскости наблюдается ситуация ровно наоборот. Именно географический аспект чаще всего игнорируется при разработке региональных программ социально-экономического обустройства сельской местности. Известно, что по *физическим законам* электроэнергия отличается специфичной особенностью: время ее производства должно синхронно совпадать со временем потребления. Поэтому электроэнергетика наиболее жестко связана с развитием территории, отношения, образованные на ее основе отличаются постоянством хозяйственных связей, мгновенностью действия во времени, выраженностью динамики изменений и высокой технологичностью формируемых производств на ее основе. Именно эти *свойства* энергоносителя и были базисными в концепции ГОЭЛРО. В результате страна создала уникальную в мире Единую электроэнергетическую систему (ЕЭС). Поэтому хотелось бы еще раз подчеркнуть, что экономическая эффективность и технологическая надежность ЕЭС России базируется на *территориальном принципе* построения, синхронизирующем работу потенциала в едином «кольце»[3].

Именно этот проверенный многолетней практикой принцип взят за основу концепции территориальной организации локальной энергетики. Поэтому идея энергокомбината, лежащая в основе районной школы экономической географии, должна получить «вторую жизнь». Локальный энергокомбинат (малая-ГЭС) генерирует дешевую электроэнергию, что позволяет формировать «точку роста» депрессивного региона, где створ объекта МГЭ - это условный центр радиуса обслуживания, а его граница выступает в качестве периферии локальной энергосистемы. Совокупность прямых и обратных связей центр-периферия по перетокам энергии, расширяет «поле» хозяйственной стабилизации, способствует созданию новых рабочих мест, повышает конкурентоспособность местной продукции, обеспечивает рост налогооблагаемой базы для

---

[3] Энергокризис 25 мая 2005 г., затронувший Москву и ряд областей, является системным. Но под системностью здесь явно понимается разное содержание. СМИ «включились» в рассуждения о ненадежности ЕЭС России. Стратегия правления РАО «ЕЭС России», ее *пожарный* подход к технологическим проблемам, это и есть *системная* причина кризиса. В генезисе не просто износ, а его запредельный уровень и объективный *обвал* по принципу «домино». Политика «менеджмента» РАО, ориентирована на доминирование текущих коммерческих целей, в ущерб долгосрочным, государственным. *Сама ЕЭС России как система, базирующаяся на территориальном принципе работы по «кольцу» здесь ни при чем*. Иначе «экспертам» придется отвечать на вопрос, *почему раньше никогда* не было аварий такого масштаба? Ссылки на кризис в Нью-Йорке и в Калифорнии не корректны. Их генезис иной, да и энергосистемы кардинально отличаются по принципу построения. Вот об этом «специалисты» забыли сказать, но предупредили о возможном повторении ситуации. Конечно это так, если за 15 лет только и занимались *выкачиванием средств* из отрасли, полностью забыв о реновации.

пополнения муниципального бюджета, гарантирует снижение степени остроты «энергетической бедности». В сумме, эти и другие эффекты обеспечивают реальный рост уровня жизни населения, при этом не только в условиях депрессии, или периода стабилизации, но и на этапе экономического роста. Очевидно, что цены дешевыми уже не будут, а топливная энергетика образно говоря «сидит на игле» технологической зависимости от первичных энергоносителей.

Функционирование пространственно близких локальных энергосистем, связанных уже существующей распределительной инфраструктурой, позволяет соединить их в единое, пространственно ограниченное «кольцо» (энергосистему). И, как следствие, комплексный подход к проблеме развития локальной энергетики на основе малых-ГЭС позволяет формировать разные территориальные сочетания (узловые, точечные, полосы и т.д.), разного иерархического уровня с заданным вектором расширения «полюса роста» (сельский округ, административный район и т.д.) [4].

Выше рассмотренный алгоритм концепции территориальной организации локальной энергетики соответствует историческому опыту [5], где ставка на географический подход, фактически включала все иные точки зрения на проблему [6]. И как следствие, в зоне обслуживания с течением времени формируется, последовательно развивается и функционирует специфичная территориальная социально-экономическая система «малого уровня» (территориальная общность). В результате, повышается эффективность всей совокупности позитивных предпосылок региона, т.е. формируются условия, когда «территория» перестает быть случайным фактором роста показателей эффективности, качества жизни жителей. Отсюда, последовательное «смыкание» пространственно сопряженных зон формирует предпосылки для последующей смены функций территории.

"Знать" – цель решения проблемы и ее информационное обеспечение (потребитель, экология, ресурсы, энергетические средства, экономика, и т.д.).

"Уметь" – научно-техническое обеспечение решения проблемы, подготовка кадров соответствующей квалификации, развитие научных школ.

"Хотеть" – материальные и моральные стимулы потребителей и производителей энергоустановок на основе ВИЭ, обеспечивающие налоговые и иные льготы для поступательного развития самого направления энергетики.

"Мочь" – материально-техническая и финансовая база решения проблемы, коммерческая привлекательность проектов, возможность и реальные масштабы привлечения государственных и частных инвестиций.

"Успеть" – фактор времени, обеспечивающий ускоренное решение проблемы при наличии конкуренции как внутри страны, так и за рубежом.

Анализ вышеприведенной методологии позволяет высказать минимум два суждения. Во-первых, на современном этапе в России не работают материальные и финансовые стимулы, составляющие разделы «мочь» и «хотеть». *И как следствие, закономерно страдает последнее звено "успеть" и привычное для России состояние "догоняющего" развитые страны. А эта стратегия как известно тупиковая, в том числе и по географическим причинам.* Во-вторых, выявляются «узловые» географические аспекты проблемы. Вероятно, их научно-обоснованная разработка в целом, позволит составить «мозаику» решения системной проблемы вовлечения в общий энергобаланс возобновляемых источников энергии. Следовательно, географический подход, специфичные категории и критерии являются методологической основой исследования.

Следовательно, необходимо изначально придать процессу смены функций территории управляемый характер[7]. И в этом контексте, необходимо одновременно оптимизировать энергопроизводственный цикл, возникающий на основе малой гидроэнергетики с целью коэволюции общества и природы. И здесь наиболее конструктивна позиция целенаправленной территориальной организации локальной энергетики.

Проблема актуальна в условиях неуправляемой децентрализации структуры населенных мест. Подобный ракурс повышает значимость рекомендаций для инженерного обустройства и

---

[4] Небольшой радиус обслуживания минимизирует потери в сетях, из-за высокого износа достигающие в сельских ЛЭП 20-25% от отпущенного объема (норма 10-12%). К тому же, маломощные сельские потребители в зоне централизованного электроснабжения зачастую удалены на 40-60 км от магистрали фидера питающей подстанции.

[5] Что позволило в сжатые временные сроки возродить сельскую местность после разрухи Гражданской и Великой Отечественной войн.

[6] В условиях рыночной экономики проблему вовлечения возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергетический баланс, необходимо рассматривать как алгоритм реализации пятизвенной и взаимосвязанной задачи. При этом каждая группа задач, характеризуется своей ярко выраженной *территориальной* спецификой [4.С.92].

[7] Б.Б. Родоман указывает на некоторые особенности смены функций территории в депрессивных регионах европейской части России. На первый взгляд, наблюдается хаотичность протекания процесса. Вместе с тем, Борис Борисович фиксирует определенную территориальную закономерность, а именно пространственное расширение депрессивных зон и особенно в «приграничье» между субъектами Федерации [7].

архитектурной планировки сельских местностей, что соответствует перспективной роли локальной энергетики на основе малых-ГЭС: государственной и региональной заинтересованности; объективному спросу общества; социальным и экологическим выгодам пользователей. Следовательно, *суть научной проблемы* заключается в выявления географических предпосылок, факторов, закономерностей и последствий территориальной организации региональных систем локального энергоснабжения села, с учетом существующей системы расселения, социально-экономических условий жизни. В том числе с учетом их прогнозных изменений, что определяет многовариантность территориальной и композиционной организации системы сельского энергоснабжения, что и предопределяет разнообразие подходов территориального комбинирования сельской энергетики. Поэтому, значим одновременный учет еще целого ряда концептуальных положений.

Во-первых, общепринятый термин "нетрадиционные источники энергии" и "нетрадиционная энергетика" может быть использован только к действительно «нетрадиционным» на современном этапе развития общества источникам энергии (морских течений, таяния льдов и т.д.).

Поэтому применительно к энергетическим ресурсам ветра, рек, биомассы, термин содержит ложно ориентирующее звучание. Именно эти источники энергии на определенном этапе развития общества прошли стадию признания "традиционности" (парус, дрова, водяные, ветряные колеса и т.д.). Сегодня ведь никому не приходит в голову называть АЭС «нетрадиционными», хотя всего полвека назад они были таковыми.

Во-вторых, с учетом современных потребностей общества в энергии, темпов его прироста, представляется также неудачным и следующие термины: "альтернативные источники энергии", или "альтернативная энергетика". Принципиально важно, что возобновляемые источники энергии не могут на сегодняшний день составить альтернативы углю, нефти, газу и т.д. Отсюда возобновляемые источники энергии не альтернатива (даже с учетом потенциала крупных гидравлических станций всех видов), а ресурс разумного дополнения, позволяющий оптимально варьировать направления и схемы так называемого «традиционного» энергетического снабжения.

С учетом вышерассмотренных позиций, в представленной работе предлагается закрепить и использовать термин "возобновляемые источники энергии" (ВИЭ) и производная "возобновляемая энергетика". ВИЭ отличаются большим видовым разнообразием и в настоящей работе рассматриваются в "узком" диапазоне. Генерализация в отборе видового состава необходима с учетом аспектов наличия потенциала, технической возможности утилизации и экономической целесообразности освоения ресурсов. В соответствии с обозначенным подходом рассматриваются в первую очередь гидравлические ресурсы для развития малой гидроэнергетики (МГЭ). Именно это направление имеет длительную историю хозяйственного использования в ЦЭР России. Поэтому для обоснования перспектив развития возобновляемой энергетики широко использован историко-географический подход. Более подробно эти вопросы применительно к гидравлической энергии и локальным энергосистемам на основе МГЭС рассмотрены на региональном примере Рязанской области.

Изначально для решения территориально оптимизационных задач необходимо выявить депрессивные ареалы региона. На наш взгляд, при наличии множества критериев и подходов, наиболее интегральным является показатель плотности населения. Все иные признаки в той или иной степени являются подтверждением следствия «вымывания» руральных местностей. При этом предлагаем отход от ложно ориентирующей методики (отношение общей численности сельчан на площадь территории). Более объективны расчеты по сельским округам с использованием топокарт (картосхема 1).

Из анализа картосхемы следует, что почти 30% площади Рязанской области может быть отнесено к условной зоне «пустынь» (0.6-2.0 чел. / км^2). Одновременно это территории со слабо развитой транспортной инфраструктурой и наличием наиболее протяженных линий электроснабжения. В случае выхода из строя даже существующей системы централизованного электроснабжения, эта проблема вряд ли будет предметом обсуждения регионального правительства[8]*. Еще порядка 15-20% площади - это зона активного регресса (2.5-4.6 чел. / км^2). В скором времени высока вероятность ее приближения к первому типу, что вытекает из анализа темпов естественной убыли по конкретным сельским округам. Для выявления вектора расширения зон

[8] По инерции, решение основывается на чисто экономических критериях оценки целесообразности проектов возрождения «неперспективных деревень». Сами сельские районы и округа не могут самостоятельно решить проблемы энергоснабжения. В области нет финансово бездефицитного района, а основная часть дотаций из регионального бюджета уходит на заработную плату и топливно-энергетические ресурсы (ТЭР).

«обезлюдения», наиболее демонстративен критерий газификации [9]. Ее территориальный «рисунок», использован для выявления границ расширения депрессивных зон [10].

В России вопрос обеспечения населения теплом и электроэнергией - это не только социально-экономический, но и в высокой степени политизированный вопрос. На начало кардинальных социально-экономических реформ в стране сетевым вариантом в Рязанской области было газифицировано всего 36 сельских поселения (1991 г.) [9].

Закономерно, что наибольшей вероятностью снижения людности характеризуются периферийные части Рязанской области[10]. На севере в Мещерской зоне, сетевая газификация охватывает только отдельные части сельских районов. Как правило, эти пространства примыкают к административным центрам (Касимов, Спас-Клепики, Спаск-Рязанский). Северо-восточную периферию области можно без преувеличения назвать «медвежьими углами» по реализации программ газоснабжения (Ермишинский и Кадомский район). Не менее показателен низкий уровень газификации и на юге, в черноземной полосе (Ново-Деревенский район - исключение), где также как и в Мещере, газоснабжением охвачены лишь отдельные части районов (Сараевский, Ухоловский, Ряжский район), или сетевой вариант полностью отсутствует (Милославский район).

Наиболее разветвленная инфраструктура газоснабжения в Рязанской области присуща только в междуречье Оки и ее правого притока р. Проня. Это территория давнего и интенсивного освоения (историко-географический регион – Рязанская сторона). Конфигурация и плотность сельских газопроводов позволяет признать территорию относительно благополучной. Такие зоны условно могут быть отнесены к категории «транспортных коридоров», одновременно являющихся зонами концентрации сельских жителей Рязанской области. При средней плотности 14-20 человек на км^2, в «транспортном коридоре» Рыбновского, Рязанского, Касимовского, Спасского, Сасовского и Ряжского района дифференцированный показатель значительно выше и составляет вариацию 30-81 человек на км^2.

Обеспечение природным газом коммунально-бытовых потребностей сельского населения - без сомнения показатель комфортности жилищ. Однако, в основе лежит ископаемое топливо с ожидаемым резким ростом цен на газ. Поэтому, без преувеличения можно опять «сесть на иглу» и позже снова оказаться в поисках выхода. Речь не идет о необходимости свертывании региональной программы сельской газификации. Практика свидетельствует, что энергосистема, замкнутая на один вид энергоносителя, не надежна. Отсюда, возникает необходимость оценки потенциала гидравлической энергии и показателей ее региональной дифференциации (картосхема 2). Из анализа картосхемы следует, что валовой потенциал гидравлической энергии региона оценен в объеме ежегодного возобновления 127 млн. кВт/час электроэнергии, в том числе: в Пронской водохозяйственной зоне до 54 млн. кВт/ час; в Восточной – 42 млн. кВт/час; в Рязанской зоне – 16 млн. кВт/час; в Мещере – 11 млн. кВт /час и до 4 млн. кВт/час в Донской водохозяйственной зоне [5-6]. Не меньшую значимость имеет створная оценка ресурса, основанного на историко-географическом подходе. Всего за 1940-1960-е гг. в пределах современных региональных границ было построено 87 объектов МГЭ (суммарной мощностью 13.2 тыс. кВт). МГЭС функционировали в 20-ти из 25-ти районов области. Из сопряженного анализа картосхем 1-2 вытекает, что наблюдается пространственно благоприятное концентрация ресурсов водохозяйственных зон локализации объектов МГЭ в прошлом, территориально совпадающих с современными малолюдными и депрессивными зонами региона.

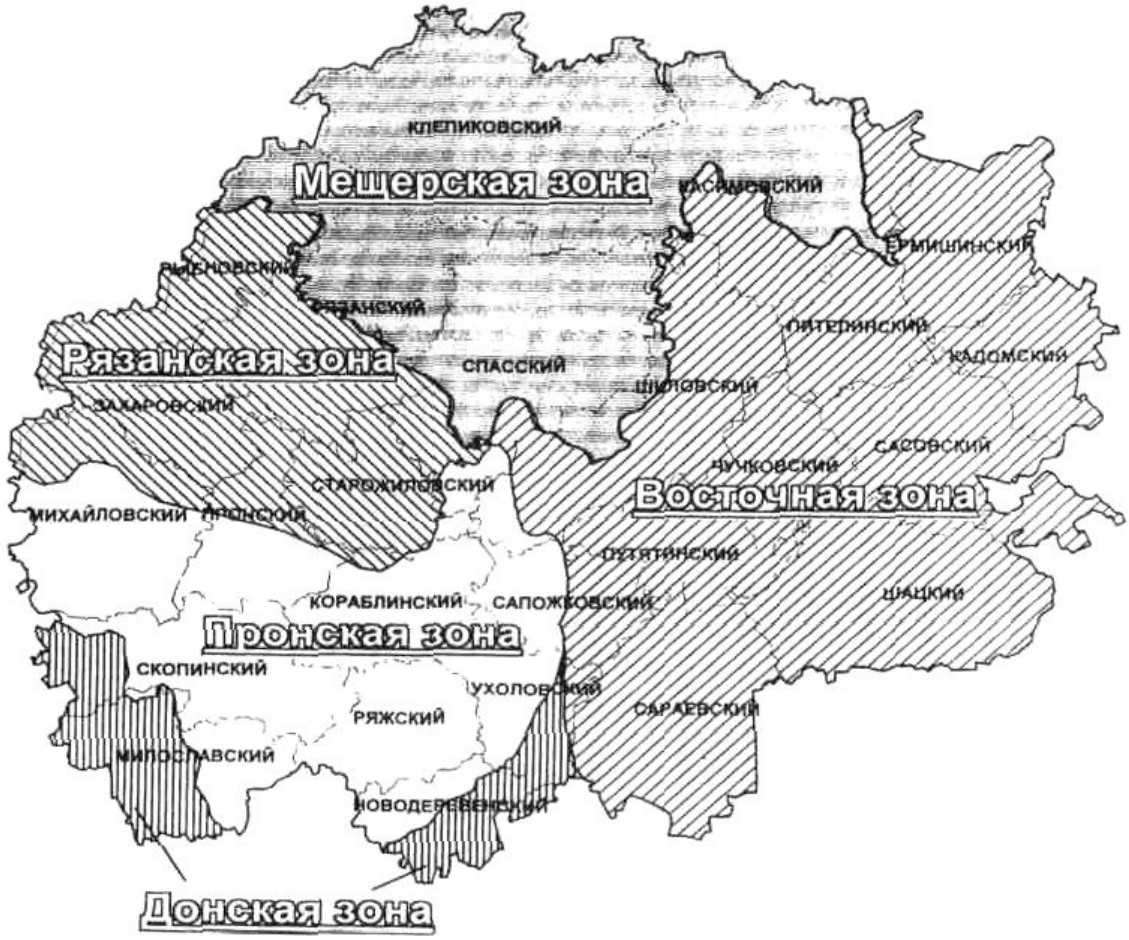
В последующие десятилетия стратегия масштабной централизации, привела к недооценке роли малых-ГЭС в энергобалансе. Объекты вывели из эксплуатации, были «забыты» первоначальные проекты их внедрения в общую схему энергоснабжения, что произошло именно тогда, когда возникли объективные предпосылки для создания на их базе локальных энергосистем [11]. Значимость

---

[9] Показатель электроснабжения не корректен: 1) централизованная сельская электрификация региона уже данность, а газификация нет; 2) низкотемпературные нужды жилищ и соответствующий уровень удобства обеспечивает природный газ 3) строительство газопроводов в 2-3 раза дороже электросетей (на единицу длины сети).

[10]При этом за основу представленного анализа приняты только следующие типы газопроводов: магистральные (каркасные) для региона; газопроводы высокого давления 1-2-й категории (1.2-0.6 МПа) и среднего давления 0.3 Мпа [10]. Анализ оперативных схем газоснабжения свидетельствует, что потенциал возможного «опустынивания» сельской местности Рязанской области может распространиться еще на 10-15% площади. Объективность суждения подтверждается доминированием мельчайших поселений (до 25 человек) и высокими темпами убыли населения.

[11] Еще в 1964 г. в Рязанской области функционировало 8 малых-ГЭС (объем генерации почти 34 млн. кВт·час в год). Объем потребления в сельском хозяйстве региона достигал 102 млн. кВт·час/год (соответственно доля МГЭС = 33% от общей потребности) [З.Л.23-77]. В 2002 г. объем потребления электроэнергии в коммунально-бытовом секторе сельского населения Рязанской области составил 226 млн. кВт·час/год [8]. Таким образом свыше 15% этого объема составляют потери собственной малой гидроэнергетики локального назначения «образца» 1964 г.

Картосхема 2. Водохозяйственные зоны Рязанской области (1995 г.).

”потерянного” потенциала еще не до конца осознана на уровне жесткой необходимости. Практически речь идет о создании предпосылок для решения фундаментальных проблем устойчивого развития Рязанской области: социально-экономического возрождения сельской местности; энергетической безопасности региона; экономии минерального топлива; защите окружающей среды и др. Поэтому органы власти *обязаны* думать не одним днем, а учесть временной лаг развития процесса. Во-первых, на порядок замещения энергии нужно меньше добывать, закупать и завозить минеральное топливо из других регионов. Во вторых, региональный бюджет снимает с повестки дня необходимость дотирования тарифов. В третьих, регион снимает с себя ответственность по энергетическому обеспечению районов, где прокладка традиционных энергосетей экономически неоправданна, одновременно в корне ликвидируется социальная напряженность по поводу отсутствия энергоснабжения и т.д. В этой проблеме как нигде совпадают федеральные и региональные интересы в вопросах возрождения села. Одновременно создаются объективные предпосылки для внебюджетного инвестирования систем жизнеобеспечения села, что предопределяет потенциальные возможности и для изменения системы сельского расселения. Отсюда можно вывести основные направления территориальной организации локальной энергетики, учитывающей определенную вариативность их комбинирования.

1. Для районов с ярко выраженным доминированием малолюдных поселений и «очаговым» расселением, почти единственным источником энергоснабжения является локальная энергосистема, работающая в автономном режиме нагрузки. Централизованное решение энергетических проблем специфичного и территориально «распыленного» класса сельских потребителей чаще всего экономически нецелесообразно.

2. Для регионов с относительно высокой долей малолюдных поселений и равномерным расселением перспективны территориальные схемы комбинирования локальной и централизованной энергосистемы. При этом они работают в согласованном режиме нагрузки и используют единую инфраструктуру распределения. Отличия проявляются на уровне графика загрузки, базовую часть обеспечивает локальная энергетика, а пиковую и полупиковую часть графика «закрывает» централизованная энергосистема.

3. Рекреационные и биологически продуктивные зоны с режимом запрета или щадящего режима природопользования. Здесь также наиболее приемлемы территориальные схемы комбинирования локальных и централизованных энергосистем (базовую нагрузку несет локальная, а переходную часть обеспечивает централизованная энергосистема). Рассмотренный вариант актуален и для экологически неблагополучных территорий, что позволяет снизить антропогенную нагрузку на среду.

4. Сопряженная энергосистема перспективна и для территорий с резко возрастающим спросом на энергоносители (пригородная зона, рентабельные фермерские и личные подсобные хозяйства, коттеджные поселки, сельские зоны массового перехода на электроотопление и т.д.). Место локальной и централизованной энергосистемы в графике нагрузки будет зависеть от конкретных условий местности, объема потребностей в сезонном и суточном разрезе, уровня цен на энергоносители и т.д.

Рассмотренные варианты не ограничивают перечень возможностей территориальной организации и варианты комбинирования систем сельского энергоснабжения, но позволяют выделить перспективный объект географического исследования: территориальные системы сельского энергоснабжения регионов России. Исходя из содержательной сущности объекта исследования, локальная и централизованная система рассматривается как территориальное сочетание. И в этом кроются потенциальные возможности для оптимизации территориальной организации сельской энергетики. Совместное использование инфраструктуры энергоснабжения позволяет снизить эксплуатационные затраты, технологически согласовать режим нагрузки и удовлетворять объективные нужды потребителя. Сама схема производственных отношений наиболее отвечает специфике территориальных связей, формируемых электричеством как универсальным видом энергии. Хозяйственные связи, образующиеся на ее основе, отличаются системообразующей ролью в пространстве и относительным постоянством во времени. Отсюда работа региональных энергосистем с разной ресурсной основой, зоной обслуживания и режимом нагрузки позволяет более эластично решать проблемы сельского энергоснабжения Рязанской области.

Следовательно, географическая концепция территориальной организации локальной энергетики и варианты ее пространственного комбинирования может служить основой для разработки как отраслевых, так и комплексных программ: социально-экономического возрождения сельской местности; использования местных ресурсов возобновляемых источников энергии; развития малой энергетики; энергосбережения в сельском хозяйстве; охраны малых рек; развития судоходства и т.д.

Литература:

1. Данченко А.М., Задде Г.О., Земцов В.А., Инищев Л.И. и др. Кадастр возможностей /Под ред. Б.В. Ликутина. Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – 280с.
2. Малая гидроэнергетика / Л.П. Михайлов, Б.Н. Фельдман, Т.К. Марканова и др.; Под ред. Л.П. Михайлова. – М.: Энергоатомиздат, 1989. – 184с.
3. Материалы Рязанской эксплуатационной конторы Главсельэлектро. – Планово-экономический отдел. Сведения о состоянии сельской электрификации за 1961-1963 годы. ГАРО. Ф. Р-6625. оп. 1. д.195.
4. Муругов В.П., Каргиев В.М. Методология развития автономных энергетических систем в сельском хозяйстве с использованием возобновляемых источников энергии // Автономная энергетика сегодня и завтра. Труды Международного симпозиума (7-12 июня). Сборник докладов. – Ч.1. – СПб.: 1993. – С.87-92.
5. Программа возрождения малых рек и других водных объектов Рязанской области. Том I. Современное состояние малых рек. Книга 1. Пояснительная записка. Рязань. Институт АОЗТ. Рязаньагроводпроект. 1995. – 299с.
6. Программа возрождения малых рек и других водных объектов Рязанской области. Том II. Мероприятия и рекомендации по возрождению малых рек. Книга 1. Пояснительная записка. Рязань. Институт АОЗТ. Рязаньагро-водпроект. 1995. – 162с.
7. Родоман Б.Б. Экологическое значение административных границ // Проблемы приграничных регионов России. Материалы XXI ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Белгород-Харьков, 5-7 июня 2004 г. М.: ИГ РАН, 2004. – С.82-85.
8. Рязанский областной комитет госстатистики. Отдел статистики предприятий и региональных счетов (промышленность). Фондовый материал. Ф. №1,3. Сводные отчеты по энергетике за 1983-2002 гг.
9. Статистический бюллетень по жилищно-коммунальному хозяйству за 1988 г. /Госкомстат РСФСР. Рязань: Рязанское областное управление статистики. 1989. – 34с.
10. Схемы газификации районов Рязанской области. Управление энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Рязанской области. Отдел капитального строительства. Фондовый материал. Рязань: Управление ТЭК и ЖКХ Рязанской области, 2002. – 28л.
11. Энергетика и окружающая среда: Сборник материалов. М.: Центр ядерной экологии и энергетической политике, 2002. – 196с.

Атаева Н.А.

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ МАЛОЙ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ, КАК ОСНОВА СЕЛЬСКОЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1940-1960 гг.)

Еще в 1921 г. в плане ГОЭЛРО указывалось на необходимость использования гидравлических ресурсов страны в качестве основной энергетической базы тех районов, где они имеются [11.С.385]. В Рязанском округе (Московской области), уже в 1934 г. был составлен первый «Гидроэлектропроект Пронского района» [4.Л.1-8]. В 1935 году был разработан проект строительства Борковской (р. Пара, с. Малые-Борки в Сапожковском районе) и Лакашинской гидроэлектростанции (р. Пра, 330 кВт). Типовой проект был составлен и для Гусевского гидроузла в Бельковском районе (река Гусь, 800 кВт) [5.Л.159-167; 6.Л.11-15].

Гидротехнические изыскания особенно усилились после 1939 г. в условиях нарастания военной угрозы, что предопределило специфичный экономический курс: «Создание крупных государственных резервов, прежде всего, по топливу и электроэнергии» [3.С.16-18]. В условиях необходимости укрепления обороноспособности страны была введена жесткая система лимита. Регионам рекомендовалось использовать местные виды топлива и гидроэнергию. И уже в 1940 г. специалисты межобластной конторы «Моссельэлектро» в Рязанской области провели исследования водяных мельниц с целью их последующей реконструкции под малые гидроэлектростанции (МГЭС). Дальнейшие работы были прерваны началом Великой Отечественной войны, однако не были свернуты и возобновились в 1942 г. К началу 1944 г. уже функционировало 2 микро-ГЭС (90 кВт.). Начато строительство Кузьминской малой-ГЭС в Рыбновском районе, самой крупной в регионе до середины 1950-х гг. (1 МВт, р. Ока).

После окончания войны проблема электрификации становится наиболее актуальной для региона. По состоянию на 1946 г. только в 15 районах из 50 имелись электростанции [7.Л.1-2]. Базовый потенциал был представлен малыми тепловыми электростанциями (МТЭС). Их технический износ оценивался как запредельный, что приводило к частым поломкам и простою, не выдерживался план по объемам производства. Даже электроснабжение нужд областного центра осуществлялось на основе электростанций «Мосэнерго» по ЛЭП: Зарайск – Рязань.

Для ликвидации сложившегося положения, был разработан пятилетний план сельской электрификации Рязанской области (1946-1950 гг.) [1]. Программа была составной частью реализации «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.». В общей сложности по региону планировалось электрифицировать 35 районных центров из 50 и 637 колхозов. Из них на базе малых гидростанций - 15 райцентра и 384 колхоза, для чего предполагалось к 1950 г. построить 399 гидростанций мощностью до 14 тыс. кВт (соответственно 510 и 13 010 кВт) [7.Л.1-2]. По состоянию на 1946 г., потенциальная мощность ресурсов гидравлической энергии в регионе была оценена в 15 тыс. кВт, а реальный ресурс в 7 тыс. кВт [2.С.105]. На эти расчетные показатели и ориентировались специалисты при определении конечных результатов реализации программы по малой гидроэнергетике.

С учетом накопленного исторического опыта строительства русловых гидротехнических сооружений и гидроузлов, рекомендовалось исходить из требований 1942 г. В целом, требования были ориентированны на удешевление и сокращение сроков строительства: использовать под объекты малой гидроэнергетики створы и плотинный комплекс водяных мельниц; сроки сооружения гидростанций ограничить 1 годом; затраты на 1 кВт мощности лимитировать суммой 4-6 тыс. руб. (в ценах на соответствующий год). Строительные и вспомогательные материалы предлагалось изыскать на месте. Централизованно выделялось только заводское гидротурбинное и электротехническое оборудование [7.Л.15-16,29]. Динамика и специфика этапов реализации региональной программы развития малой гидроэнергетики представлена в таблице 1.

Анализ таблицы свидетельствует, что в целом за период 1940-1960-х годов, в пределах современных административных границ Рязанской области было построено 87 МГЭС, суммарной мощностью более 13.2 тыс. кВт. При этом их сооружение осуществлялось поэтапно и почти повсеместно (рис. 1).

Таблица 1

Ввод объектов малой гидроэнергетики в Рязанской области

Годы	Общее количество объектов МГЭ	Суммарная мощность, кВт.
1946–1947 гг.	47	2 848
1948–1952 гг.	32	4 962
1953–1961 гг.	8	5 395
Всего	87	13 205

Таблица составлена по данным Государственного архива Рязанской области.

Первый этап самый короткий по времени и приходится на период приобретения начального опыта в практике вовлечения в общий энергобаланс ресурсов малой гидроэнергетики (1946-1947 гг.). Уровень сельской электрификации был практически равен «нулю» и основной целью этапа являлось обеспечение первичных потребностей в электроэнергии.

Изучались возможности электрификации села по альтернативным схемам: за счет использования малых тепловых электростанций (МТЭС), строительства государственных линий электрических передач, сооружения и эксплуатации объектов малой гидроэнергетики. Первые два варианта были признаны экономически нецелесообразными и преждевременными по причине ограничений материально-технического характера. В этих условиях объекты малой гидроэнергетики были приняты основной и почти единственной базой для электроснабжения сельской местности Рязанской области. Финансовые ресурсы для гидротехнического строительства также были ограничены возможностями заинтересованных организаций: колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций и др, что и определяло преимущественное сооружение в этот период класса микро-ГЭС.

Всего по состоянию на начало 1948 г. было построено 47 объектов МГЭ (2 848 кВт), где доминировал класс микро-ГЭС (43 МГЭС, 1 471 кВт). Это были технически примитивные установки с незначительным уровнем производством, мало отличавшиеся от водяных мельниц и часто выходившие из строя. Гидростанции такого типа сооружались повсеместно.

Именно в первый период был накоплен опыт строительства более крупных объектов мини-ГЭС и малых-ГЭС. Сооружение такого класса гидростанций представляло собой сложную задачу для отдельно взятых организаций, поэтому осуществлялось совместное финансирование строительства группой колхозов с последующим совместным владением. Это так называемые «межколхозные» гидроэлектростанции. Практика их эксплуатации свидетельствовала о высокой экономической эффективности сравнительно с маломощными станциями. Сказывался эффект концентрации производства на единичных объектах генерации, в отличие от географически «распыленного рисунка» размещения микро-ГЭС.

Наиболее важным событием рассматриваемого периода следует считать ввод на полную мощность Кузьминской малой-ГЭС (р. Ока, 1 МВт). Потенциал гидростанции позволил электрифицировать Рыбновский район (более 50 колхозов) и частично решить проблему электроснабжения города Рязань. Всего на трех межколхозных мини-ГЭС и одной малой-ГЭС было сосредоточено до 48% суммарной мощности объектов малой гидроэнергетики, построенных за 1946-1947 гг. (1 342 кВт). Высокие производственно-экономические показатели эксплуатации таких гидростанций обусловили ставку на их первоочередное сооружение.

Второй этап сельской электрификации на основе МГЭ может быть ограничен более продолжительным периодом: 1948-1952 гг. Отличительной чертой периода являлось резкое снижение темпов строительства микро-ГЭС при повышении общей доли и значимости мини-ГЭС. По состоянию на начало 1953 г. были введены в эксплуатацию еще 32 МГЭС суммарной мощностью 4 962 кВт. В целом, еще сохранилось количественное доминирование класса микро-ГЭС (20 МГЭС, суммарной мощностью 942 кВт). Однако они значительно уступали малым-ГЭС по показателю установленной мощности. Так, на 12 новых мини-ГЭС и одной малой-ГЭС было сконцентрировано более $^{4}/_{5}$ потенциала мощности новых гидростанций (4 020 кВт). Наиболее значимым событием этапа был ввод в эксплуатацию Гусевской малой-ГЭС (р. Гусь, 1 МВт), что позволило повысить уровень электрификации Касимовского района и г. Касимов.

В рассматриваемый период в размещении объектов МГЭ наиболее ярко проявилась ресурсная специфика оценки энергетического потенциала рек. С учетом густоты речной сети и модуля стока гидроэнергетические ресурсы можно рассматривать как потенциал «площадного» распространения, а с точки зрения локализации удобных створов для гидроэнергетического строительства проявляются явные признаки «точечного» ресурса. В соответствии с изложенной позицией можно отметить заметную разницу и в практике реализации программы развития малой гидроэнергетики в Рязанской области.

На первом этапе (1946-1947 гг.), была предпринята попытка освоения почти всех ранее существовавших створов мельниц (концепция «площадного» освоения энергетических ресурсов рек). Количество планируемых к строительству гидростанций равнялось количеству колхозов (совхозов) или районных центров, которые и предполагалось электрифицировать на основе микро-ГЭС. Учитывая возможности материально-технического обеспечения проектов, в свое время это был наиболее приемлемый вариант. Микро-ГЭС сооружались в непосредственной близости от поселения, используя потенциал существовавших мельниц (створ, гидроузел и плотинный комплекс). Территориальная близость потребителя от МГЭС определяла и минимальные расходы на сооружение сети ЛЭП (2-3 км). Именно на таком расстоянии максимально были удалены микро-ГЭС от потенциального потребителя (совхоз, село, ферма и т.д.). Однако в процессе эксплуатации микро-ГЭС были выявлены существенные недостатки, технически неустранимые на рассматриваемый период.

Мощность такого класса гидроэлектростанций не позволяла производить достаточный объем электроэнергии, поэтому уровень электрификации сельской местности оставался невысоким. Плотинный комплекс в половодье периодически разрушался и по несколько лет не восстанавливался. Эти и другие причины наглядно свидетельствовали о крайней ненадежности сельской электрификации на основе микро-ГЭС. Факторы экономической нецелесообразности и технической ненадежности предопределили в последующем отказ от их сооружения.

Осознание этих обстоятельств на хозяйственном и организационном уровне в Рязанской области произошло еще на начальном этапе реализации программы по МГЭ. Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать объединение материально-технических и финансовых ресурсов колхозов (совхозов) для сооружения межколхозных гидроэлектростанций. Целесообразность преимущественного сооружения таких малых-ГЭС не только сохранила свою актуальность, но и получила окончательное закрепление. Конкретным выражением этих позиций становится новая гидротехническая практика. Под мини-ГЭС подбирались и использовались створы водяных мельниц только с высокими производственными и ресурсными показателями. Несколько иной подход был характерен при сооружении объектов класса малые-ГЭС. Для сооружения Кузьминской МГЭС был использован потенциал гидроузла одноименного шлюза (построенного в течение 1913-1914 г.). Для Гусевской малой-ГЭС, задействован уникальный гидротехнический комплекс XVIII в. Позитивный и негативный опыт предыдущих этапов привел к кардинальному пересмотру планов строительства объектов малой гидроэнергетики в Рязанской области, что наиболее специфично проявилось в следующий и последний период.

Третий этап (1953-1961 гг.). По состоянию на начало 1953 г. приоритетным направлением стало строительство межколхозных ГЭС. Эта стратегия позволила почти утроить потенциал гидроэнергетики сравнительно с предыдущим периодом, введя в эксплуатацию только 8 новых объектов МГЭ, суммарной мощностью 5 395 кВт. При этом всего на 6 мини-ГЭС было сосредоточено более 44% новых мощностей (2 395 кВт), а на 2 малых-ГЭС почти 56% (3 МВт). Именно в это время была построена самая мощная в области Рассыпухинская малая-ГЭС (р. Мокша, Сасовский район, 2 МВт). Потенциал гидростанции обеспечивал электроэнергией Кадомский, Пителинский, Ермишинский, Сасовский районы и г. Сасово [9.Л.34]. В общей сложности на основе Рассыпухинской МГЭС было электрифицировано 60 колхозов, 2 совхоза и 3 машинно-тракторные станции [8.Л.84]. Другой важный объект Теньсюпинская малая-ГЭС в Сасовском районе (р. Цна, 1 МВт), позволил электрифицировать бытовые и производственные нужды 51 населенного пункта, входящих в состав 17 сельсоветов. В обоих рассмотренных случаях под МГЭС использовались створы и гидроузлы судоходных шлюзов.

Одновременно нарастают процессы вывода из эксплуатации технически устаревших и экономически нерентабельных микро-ГЭС. Только в течение 1954 г. выводятся из эксплуатации 15 станций этого класса, построенных в 1946-1948 гг. (суммарной мощностью 540 кВт) [18.Л.9]. Именно в 1954 г. в стране снят лимит ограничения на подключение сельской местности к государственным линиям электрических передач. В последующие годы этот процесс принимает массовый характер, а к

концу 1950-х гг. практически не работает ни одна микро-ГЭС. Колхозы и совхозы, владельцы таких гидростанций, были электрифицированы за счет малых тепловых электростанций или подключились к сетям ЛЭП.

Таким образом, третий период реализации программы характеризуется сопряженным действием ряда взаимосвязанных тенденций: рост значимости государственных энергосистем в электрификации; высокой долей МГЭ в электробалансе; общим наращиванием потенциала энергетики. В результате уровень сельской электрификации области нарастал ускоренными темпами.

С начала 1960-х гг. программы по малой гидроэнергетике были окончательно свернуты. Более того, начали проявляться тенденции к закрытию действующих объектов, находящихся в технически хорошем состоянии. Например, с 1962 г. колхозы-совладельцы Чернослободской МГЭС в Путятинском районе (р. Пара, 120 кВт) начали получать электроэнергию от Шиловской подстанции, что стимулировало постановку вопроса о закрытии гидроэлектростанции. По аналогичным причинам была прекращена эксплуатация Теньсюпинской, Вадовской, Старо-Кадомской, Затонской и Кривельской МГЭС [11]. Централизованная электрификация сельской местности Рязанской области была завершена в начале 1970-х гг. и еще работающие малые гидроэлектростанции вывели из эксплуатации.

После признания малой гидроэнергетики нерентабельным направлением энергетики уточнение их региональных возможностей не проводилось. Однако на современном этапе, разные водопользователи сходятся во мнении о целесообразности восстановления каскадной структуры эксплуатации малых гидроузлов в регионе. Сопряженное энергетическое использование гидроузлов только усилит комплексный эффект, что будет способствовать и сбалансированному развитию территорий.

Литература:

1. Беседы о Великом плане. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. Рязань: Изд-во Рязанской областной газеты «Сталинское знамя», 1946. – 136с.
2. Григорьев С.В. Потенциал энергоресурсов малых рек СССР. Л.: Гидрометеоиздат. Серия IV, вып. 34, 1946. – 105с.
3. Индустриализация СССР за 1938–1941 гг. (Документы и материалы). /АН СССР. Институт истории СССР. Институт экономики. Отв. ред. сб. А.В. Митрофанов. М.: Наука, 1973. – 423с.
4. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. - Сектор сводного планирования. Гидроэлектропроект Пронского района 1934 г. ГАРО. Ф. Р-4775 оп. 2 д. 3.
5. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. - Сектор сводного планирования. Материалы технико-экономического обследования водяных мельниц для реконструкции под гидростанции 1940 г. ГАРО. Ф. Р-4775 оп. 2 д. 21.
6. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. - Сектор сводного планирования. Справка о строительстве сельских электростанций за 1946 г. ГАРО. Ф. Р-4775 оп. 2. д. 129.
7. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. - Сектор сводного планирования. Сведения о строительстве сельских электростанций за 1946 г. ГАРО. Ф. Р-4775 оп. 2. д. 22.
8. Материалы Рязанской эксплуатационной конторы Главсельэлектро. - Планово-экономический отдел. Документы о сдаче в эксплуатацию и работе Рассыпухинской ГЭС 1953 гг. ГАРО. Ф. Р-6625 оп. 1. д. 21.
9. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. - Сектор сводного планирования. Сведения об итогах выполнения плана строительно-монтажных работ Рязанским трестом «Главсельэлектро» за 1955 г. ГАРО. Ф. Р-4775 оп. 2. д. 1416.
10. Материалы Рязанской эксплуатационной конторы «Главсельэлектро» – Планово-экономический отдел – Сведения о работе и ликвидации межколхозной Вадовской и Старо-Кадомской ГЭС Кадомского района Рязанской области. 07.04.1958 – 1963 гг. ГАРО. Ф. Р-6625. оп. 1. д. 107.
11. Техническая энциклопедия. Т.26. Шаровые и трубные мельницы – ящичное производство. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1934. – 827с.

Ляпин А.В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕЗЕРВОВ И ФАКТОРОВ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ АПК В СЕЛЬСКИХ РЕГИОНАХ

Социально-политические и экономические преобразования, происходившие на территории бывшего Советского Союза, не миновали своими негативными последствиями и российское общество. Одним из наиболее существенных фактов, внушающих опасение, стала демографическая ситуация и положение с инвалидами. В течение последних пятнадцати лет россияне и русское население бывших советских республик испытали на себе значительное число природных и техногенных катастроф, локальные войны, этнические чистки, эмоциональные потрясения от экономических экспериментов и шоковой экономики.

Все вышеперечисленное не могло не сказаться на снижении рождаемости и увеличении смертности, общем старении нации, увеличении числа пенсионеров. Кроме того, возникли новые экономические отношения «дикого рынка», когда работодатели сняли с себя ответственность за соблюдение техники безопасности на производстве, норм трудового дня, ремонт и замену устаревшего и изношенного оборудования, спровоцировали валовое увеличение производственных травм и увечий, приводящих к инвалидности работоспособного населения.

Количество инвалидов в современной России неизвестно; приводятся цифры от 4,5 до 9 миллионов человек[12]. Конечно, основным направлением адаптации инвалидов к новым общественно-политическим и экономическим условиям должна стать развитая система институтов социальной реабилитации.

Социальная реабилитация инвалидов представляет собой систему гарантированных государством экономических, общественных, правовых и индивидуально-личностных мер, которые должны обеспечить им объективные условия для преодоления своего дефекта до степени возможности равного со здоровыми гражданами участия в общественной жизни. Но и это пока что нравственный императив. Инвалиды и семьи, имеющие детей инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, обеспечиваются жилым помещением с учетом льгот, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Федерации. Инвалиды имеют право на дополнительную жилую площадь (в виде отдельной комнаты) в соответствии с перечнем заболеваний, утвержденным Правительством России. Кроме того, одинокие инвалиды, нуждающиеся в помощи, имеют право быть помещенными в интернат или дом для инвалидов, где медико-социальные работники смогут проводить с ними всеобъемлющую медицинскую и адаптационную работу.

В схожей с инвалидами ситуации оказались в современной России и старики. Все в нашей жизни изменилось, кроме домов-интернатов для престарелых граждан. Из имеющихся домов-интернатов 75% нуждаются в ремонте, из них 35% - в капитальном ремонте. Не внесены изменения в порядок оформления и поступления в дома-интернаты, сохранилось и разделение их по ведомствам (для актеров, ученых, писателей и т.д.). Да и очередь в них от года до 3 лет, то есть жилых помещений для престарелых, по-прежнему, не хватает.

По причине плохого финансирования условия пребывания в домах-интернатах за последние 5 - 6 лет даже ухудшились. Это касается, прежде всего, обслуживания проживающих в них граждан, их питания и медицинского обеспечения. Персонал домов-интернатов получает мизерные зарплаты, поэтому сотрудников там не хватает. Смертность в домах интернатах, не связанная с острыми соматическими заболеваниями, возросла в 3 - 6 раз. Тем не менее, очередь в дома-интернаты для престарелых граждан не укорачивается.

Единственное, что изменилось сегодня, - возраст пенсионеров, поступающих в дома-интернаты: он стал «моложе». Причины этого омоложения следующие:

1.Социально-экономические (не хватает пенсии, чтобы прокормиться; нежелание быть обузой для детей).

2.Медицинские (в больницу или госпиталь в настоящее время пожилому человеку лечь не просто - лекарства дорогие, да и больничное обслуживание все больше становится платным).

3.Семейные (климат в семьях ухудшился из-за общей социальной неустроенности, растущей агрессивности и нервозности, пожилой человек становится обузой для семьи).

4.Индивидуально-психологические (глубокая разочарованность в жизни, невостребованность, чувство нестабильности и бесперспективности, потеря смысла и радости в жизни).

Все это вместе или в ином сочетании составляет скрытые мотивы бегства из дома в «окончательную обитель». Таков ряд причин, по которым в дома-интернаты для престарелых стремятся люди, которые еще могли бы быть социально активными и полезными членами общества.

В новых (экономических, политических, социально-психологических) условиях старые (в прямом и переносном смысле слова) дома-интернаты для пенсионеров функционально и морально пережили себя. Поэтому нужны новые формы мировоззрения пожилых людей. В развитых западных странах (особенно скандинавских) ушедшие на пенсию люди объединяются для совместного проживания по самым различным признакам, вплоть до увлечения рыбалкой. Отлично функционируют «семьи» пожилых людей из 10 - 50 человек.

[12] См.: Московская правда. 1996. 3 апреля; Российская газета. 1995. 2 декабря.

В Саратовской области (в отличие от большинства российских регионов) придается особое значение медико-социальной помощи инвалидам и пенсионерам. Правительством области принята программа социального развития до 2010 года, которая, в частности, предусматривает строительство реабилитационных центров для инвалидов (бывших участников локальных войн) и детей, ставших по различным причинам инвалидами. Осваиваются новые, европейские подходы к созданию домов интернатов для престарелых граждан.

В рамках предложенной концепции оптимизации медико-социальной помощи инвалидам и престарелым коллектив института «Гипропромсельстрой» разработал и предложил к внедрению ряд новых проектов, одним из которых является реабилитационный центр для детей с ограниченными возможностями в городе Саратове. Главный инженер данного проекта - Крупенникова Л.И. (рис.1).

Проект разработан в рамках целевой программы «Дети России». В составе центра предусмотрены спальные корпуса (с комнатами вожатого и педагогов), административный корпус (с кабинетами врача и методистов, боксов для инфекционных больных и др.), корпус для проживания обслуживающего персонала, котельная. Объемно-планировочная организация зданий данного типа определена в соответствии с характером функционального назначения и создания комфортабельности проживания детей и подростков с ограниченными возможностями. Разработаны индивидуальные планы благоустройства и озеленения прилегающей территории, предложена организация специальных площадок для активного отдыха детей.

Для другой группы - пожилых людей, нуждающихся в медико-социальной заботе со стороны общества и государства, в районном центре с. Озинки Саратовской области запроектировано строительство поселка для пенсионеров и инвалидов (главный инженер проекта - Мазяева Г.Д.).

Данный поселок представлен комплексом для проживания и обслуживания инвалидов войны и труда и является воплощением новой идеи оказания социальной поддержки людям, утратившим здоровье (рис.2). Вместо привычного дома-интерната для инвалидов, где применяется социомодель общежития, настоящий комплекс предполагает поселение людей с ограниченными возможностями в отдельные коттеджи с земельными участками, где жилая среда максимально адаптирована для маломобильных групп населения и органично включена в систему расселения поселка в целом. Такая социальная модель позволяет значительно снизить чувство искусственной изоляции инвалидов.

Архитектурно-планировочными решениями разработано строительство двух типов жилых домов: одноквартирного однокомнатного и двухквартирного с однокомнатными квартирами. В состав квартиры входят гостиная, кухня, совмещенный санузел, кладовая, открытая или закрытая веранда с выходом на приусадебный участок. Широкие коридоры связывают гостиную с кухней, кладовую возможно использовать для хранения инвалидной коляски (при условии проживания в квартире инвалида). Этим же условиям соответствует наличие пандусов при входе в здание, размеры ступеней, веранды, санузла. Эвакуационный выход осуществляется через тамбур непосредственно наружу. Проектные решения разработаны с учетом требований по экономии энергоресурсов.

Найдены индивидуальные решения и по внутренней планировке помещений с учетом специфики будущего контингента жильцов. В проекте предусмотрены однокомнатные домики для инвалидов и пенсионеров, имеющих возможность самообслуживания, и двухкомнатные домики для инвалидов и пенсионеров, нуждающихся в постоянном уходе. В одной комнате будет проживать пенсионер или инвалид, а во второй - медико-социальный работник, наблюдающий за физическим и моральным самочувствием пациента. Кроме того, учтены особенности в оснащении подъездных путей и коммуникаций для инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы. Применены современные строительные и отделочные материалы, отвечающие самым высоким потребительским стандартам.

Однако наиболее важным адаптационным моментом является проживание пенсионеров и инвалидов не в доме-интернате, а в поселке среди людей со схожими социально-бытовыми и физиологическими потребностями. Появляется возможность под постоянным медико-социальным контролем активного внимания к своему здоровью, создания групп по интересам, которые были бы заняты любимыми увлечениями (огородничеством, цветоводством, птицеводством, рыбалкой и т.д.) на свежем воздухе или в специально оборудованных помещениях. Хотя пенсионеры и инвалиды, проживающие в этом комплексе, не смогут прописаться в предоставленных им домиках или привозить на постоянное жительство к себе родственников, – это не исключает частых контактов с родней и близкими людьми, но заметно снижет фактор эмоционального давления со стороны родных,

а

б

в

Рис. 1 Главные фасады реабилитационного центра: а - административного корпуса; б - корпуса для обслуживающего персонала; в - спального корпуса на 25 человек

Рис.2 Районный центр для ветеранов войны и труда

возникающий при постоянном общении с пенсионерами и инвалидами, в наше социально неблагополучное время.

Положительным моментом данных проектов является то, что в них заложено использование новейших материалов деревообрабатывающего комбината Облпотребсоюза, позволяющих возводить данные здания за короткий срок и с различной степенью комфорта, в зависимости от климатического региона страны. Подобные социально-медицинские здания и поселки являются прогрессивным решением многих социальных проблем наиболее незащищенных групп граждан современной России.

Красноярова Б.А

ЦЕЛЕВЫЕ СИСТЕМЫ АГРАРНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Аграрное природопользование (АП), как совокупность хозяйственных отраслей, субъектов различных организационно-экономических форм и видов деятельности, связанных с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, охраной, рациональным использованием и воспроизводством природных ресурсов, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот, имеет место практически во всех региональных системах. Наряду с традиционными технологическими процессами сельскохозяйственного производства, аграрное природопользование охватывает систему мероприятий, направленных на охрану, воспроизводство и восстановление вовлеченных в хозяйственный оборот компонентов природной среды, учитывает наличие и характер расселения сельского населения, а также размещение производственной инфраструктуры. Структурно-графическая модель аграрного природопользования представлена на рис.1.

Системы аграрного природопользования всегда носят *региональный характер* и представляют собой совокупность видов деятельности, связанных с сельскохозяйственным использованием территории и имеющих распространение в данном регионе [1,2]. В основу концепции рационализации территориальной организации аграрного природопользования в регионе положены научные принципы единства природы и общества, приоритета человеческого фактора, геобиосферной неоднородности, иерархии, и, наконец, верификации [3].

Территориальная организация аграрного природопользования (ТО АП) понимается нами как пространственная организация связей и отношений между элементами системы "Аграрное природопользование", обеспечивающая ее эффективное целевое и устойчивое функционирование. Она должна учитывать природные условия региона, биологические и технологические особенности выращивания отдельных видов сельскохозяйственных культур, скота и птицы, общий экологический фон, а также недопущение общей деградации природной среды или отдельных ее компонентов.

Территориальная организация природопользования представляет собой не что иное как целенаправленную пространственно-временную дифференциацию региональных систем для обеспечения их наиболее экономически эффективного и экологически приемлемого функционирования. Возможность управления региональными системами природопользования обеспечивается их внутренними свойствами активной и пассивной адаптации к изменяющимся природно-экологическим и социально-экономическим условиям.

Об определяющей роли природных (в его интерпретации "экологических") факторов при формировании так называемых "зон природопользования" указывал Ю.Н. Куражсковский [4], по мнению которого, главные особенности любых региональных систем природопользования всегда определяются сочетанием климатических и геологических факторов. На комплементарность природного капитала со ссылкой на работы экономистов из Всемирного банка развития [5] указывают так же В.И. Данилов – Данильян и К.С. Лосев, [6,7]. При этом каждому типу климата соответствует всегда определенный, связанный именно с ним комплекс общих особенностей развития природных процессов и явлений. Поэтому биоклиматические зоны - это не только природные зоны, но и зоны природопользования. Геологические же - азональные - факторы предопределяют конкретные черты развития природных процессов и явлений и границы их распространения, определяют провинциально-зональное деление территории и особенности формирования региональных систем аграрного природопользования.

Наряду с зонально-провинциальными условиями существенное значение при формировании региональных систем аграрного природопользования и их территориальной организации имеют такие факторы, как близость крупных индустриальных центров и городских агломераций, наличие богатых месторождений полезных ископаемых, транспортная доступность и инженерное обустройство территории, национальные (этнические) особенности освоения (расселения).

Сегодня мы выделяем два типа территориальной организации региональных систем аграрного природопользования - природообусловленные и целевые. Ранее нами было предложено условное разделение последних на два типа – объектно - и программно-целевые [8,9]. Однако проведенные исследования территориальной организации аграрного природопользования в Алтайском крае подтвердили условность такого деления. Объектно-целевые и программно-целевые системы ТО АПП - это скорее этапы целевой организации, чем различные ее типы, между ними значительно больше общих черт, чем различий.

В основе формирования природообусловленных систем ТО АП лежат провинциально-зональные особенности территории (рельеф, климат, почвы, растительный и животный мир) и соответствующие им виды систем природопользования. Различают степные, лесостепные, лесные,

таежные, горные и т.п. системы природопользования, имеющие сугубо региональный характер. Один и тот же вид системы отличается набором видов природопользования в зависимости от географического положения территории. Например, системы степного природопользования в Сибири и в Европейской части России существенно различаются уровнем сельскохозяйственной освоенности, распаханности, структурой посевных площадей, набором выращиваемых культур и др. Однако, они обладают общими чертами, которые позволяют отнести их к единой системе степного природопользования - это особенности климата, как правило, соотношение тепла и влаги в регионе; рельефа - возможности значительной распашки территории; видовое разнообразие флоры и фауны и др.

Природообусловленные системы организации аграрного природопользования отличаются общностью территории, замкнутостью ареалов, приуроченностью к единым физико-географическим единицам. Формирование региональных систем данного типа осуществлялось в течение длительного временного интервала с учетом национально-этнических особенностей ее освоения и заселения.

Другой тип организации региональных систем аграрного природопользования - целевые системы. Целевые системы, на наш взгляд, следует различать по принципу организованности, выделяя спонтанно и планомерно программно организованные. Исходя из этого, предлагается выделение двух видов целевых систем – объектно и программно - целевые. Объектно-целевые системы формируются, как правило, спонтанно. Их формирование обусловлено либо строительством крупных народно-хозяйственных объектов регионального или локального уровня (городов, заводов, транспортных коммуникаций государственного значения и т.п.), либо наличием каких-либо особых, в какой-то мере аномальных, природных объектов. Таковыми могут стать крупные месторождения полезных ископаемых - от различных руд до термальных и лечебных минеральных вод; климатические курорты и др. Формирование объектно-целевых систем природопользования осуществляется как на субъективных (выбор места расположения индустриальных, либо иных хозяйственных объектов, трасс транспортных коммуникаций), так и на объективных (географическое положение месторождения, климатического или иного курорта, природного объекта рекреации и т.п.) основах. Эти объекты, за редким исключением (гидротехнические мелиоративные объекты, предприятия по переработке сельхозпродукции, заводы по производству минеральных удобрений и т.д.), напрямую не связаны с аграрным природопользованием. Но оказывают опосредованное существенное влияние на его развитие путем изменения структуры сельскохозяйственного производства, отвлечения рабочей силы на строительство и обслуживание этих объектов и т.д. При этом сроки формирования таких систем тем короче, чем выше конъюнктурный спрос на данный вид продукции и услуг.

Формирование программно-целевых систем вызвано необходимостью решения комплексных вопросов территориальной организации регионального природопользования. Их созданию предшествует либо строительство крупного хозяйственного объекта (объектно-целевая система организации природопользования) и необходимость инфраструктурного обустройства территории, либо поставленная извне задача целенаправленного освоения территории. Независимо от отраслевой направленности формирование программно-целевой системы оказывает существенное воздействие на аграрное природопользование. Как правило, происходят изменения в структуре товарной продукции (специализации) сельскохозяйственного производства за счет увеличения доли скоропортящейся и малотранспортабельной продукции, а также в результате перераспределения населения либо изменения функциональной системы расселения.

Названные типы ТО АП не являются однажды обусловленными, они имеют преходящий, временный характер (рис.2) и приурочены либо к периоду нового освоения территории, либо к ее новому этапу. На наш взгляд, все районы нового освоения формируются как территориально-целевые системы на базе какого-либо крупного народнохозяйственного объекта (нефтегазоносные районы тюменского севера, зона БАМа и др.). Вокруг него со временем появляются и развиваются прочие виды деятельности, первоначально имеющие инфраструктурный характер с целью производственного и непроизводственного обслуживания основного производства, затем социальный - создание рабочих мест для вторых членов семьи.

Строительство этих объектов накладывает свой отпечаток и на сельское окружение, которое получает дополнительный импульс для своего развития, приобретая черты пригородной организации аграрного природопользования, отличающегося высоким удельным весом скоропортящейся продукции в общей структуре товарного производства (молоко и молочные продукты, овощи открытого и закрытого грунта). Со временем пригородная зона индустриальных объектов расширяется, более гармонично вписывается в существующую в данном регионе

природообусловленную систему, несколько модифицируя ее. Тем самым формируется новая природообусловленная ТО АП на ином качественном уровне.

Итак, *выделенные типы ТО АП можно рассматривать как отдельные этапы единого цикла освоения территории*:

- первоначальная природообусловленная организация региональной системы природопользования, сложившаяся в регионе под воздействием природно-климатических, экономических, демографических и этнических условий развития территории;
- строительство крупного объекта влечет за собой либо развитие нового вида природопользования в регионе, если предприятие относится к отраслям, тесно связанным с природой (природно-ресурсные - сельское, лесное, водное хозяйство, гидроэнергетика, горнодобыча, промыслы, использующие природу как источник ресурсов; отрасли ландшафтопользования - курортно-оздоровительная деятельность, туризм и организация отдыха, горные, водные виды спорта, заповедно-природоохранная, научно-исследовательская деятельность), либо изменяет сложившуюся в регионе структуру природопользования, увеличивая значимость отдельных его видов;
- формирование нового индустриального ядра и пригородной зоны природопользования, связанной с инфраструктурным обслуживанием данного населенного пункта;
- постепенная адаптация "целевых" (привнесенных) видов хозяйственной деятельности или природопользования к местным условиям с учетом экономической целесообразности и экологической приемлемости их развития на данной территории и формирование новой природообусловленной организации регионального природопользования, как правило, ориентированной на совершенствование удовлетворения спроса и предложений.

Эти этапы формирования разных типов территориальной организации аграрного природопользования отражают процесс адаптации природообусловленных систем к целевым установкам аграрного развития региона - формирование целевых систем; с другой стороны - происходит постепенная адаптация (вписывание) привнесенных видов природопользования в ранее существовавшие природообусловленные системы территориальной организации. То есть происходит ни что иное, как активная адаптация разных типов ТО АП.

Аналогичные процессы происходят и при транформации национально-этнических систем природопользования, когда при нарушении ландшафтного оптимума этнос, как правило, перемещается в близкие условия, либо постепенно адаптируется к изменившимся условиям среды. Развитие этнических традиций природопользования осуществляется эволюционным путем, быстрая смена природопользования этнической группы – явление крайне редкое, и, по большей мере, не долговременное, мало устойчивое.

Процессы этнических адаптаций наблюдаются во многих национальных республиках – на Алтае, в Бурятии, среди северных народов ханты и манси и др. Часть местного населения адаптируется к условиям жизнедеятельности новых переселенцев, часть – уезжает дальше в горы, в тундру и т.д., пытаясь сохранить образ жизни и традиции природопользования своих народов. На Алтае, например, наблюдаются попытки сохранения национальных традиций коренных народов, в том числе путем создания этно-природных парков «Уч-Энмек», «Чой Оозы» и др., где сохраняются памятники культуры, быта, традиций природопользования.

На севере – в Ханты-Мансийском автономном округе – местное население также весьма озабочено сохранением условий своего существования, образа жизни и традиций в религии, культуре, жизнеобеспечения [10]. В степных районах Бурятии сохраняются традиции номадного животноводства, осуществляются меры его адаптации к современным реалиям [11].

С экологической точки зрения наиболее уязвим этап формирования территориально-целевых систем природопользования, так как он несет элементы новизны, привносит новые формы пользования, не всегда полно учитывающие природные особенности территории. На этом этапе особенно важен учет экологической приемлемости того или иного вида природопользования в данном регионе.

С социально-экономической же, наоборот, ТО АПП целевого типа наиболее социально востребована и экономически значима, способствуя обеспечению продовольственной безопасности и занятости местного населения.

В историческом разрезе формирование объектно- и программно - целевой ТО АП может быть рассмотрено на примере бассейна р. Алей, одного из наиболее заселенных и индустриально развитых регионов Алтайского края. Его можно рассматривать как единую территориально организованную систему природопользования, которая сформировалась на базе горнорудного освоения; сельское хозяйство носило попутный характер, занимая лишь наиболее плодородные

пойменные земли и участки вырубок. Интенсивное сельскохозяйственное освоение началось в конце XIX - начале XX веков. С середины прошлого столетия по мере развития города Рубцовска изменилась и система аграрного природопользования в бассейне, происходило наращивание экономического потенциала пригородной зоны. Появились такие виды аграрного природопользования как овощеводство, садоводство. Дальнейшее развитие получила перерабатывающая промышленность.

Однако самым ярким примером параллельно-последовательного объектно-программно-целевого крупномасштабного аграрного освоения территории является Государственная программа освоения целинных и залежных земель, когда только за 1954-1955 гг, по официальным сводкам, в крае было вовлечено в сельскохозяйственный оборот более 2,7 млн. га новых земель [12]. Прирост пашни осуществлялся за счет подъема залежей и трансформации сенокосов и пастбищ. К сожалению, столь крупномасштабное сельскохозяйственное освоение территории не могло не привести к столь же крупным негативным природным процессам и явлениям:

- вовлечение в земледелие тех залежных земель, которые были оставлены вследствие неблагоприятных почвенных условий, а также подверженности эрозии почв в ряде лесостепных районов края привело к развитию эрозионных процессов и дальнейшему оврагообразованию, а также увеличению распаханности за счет малопродуктивных земель и снижению значимости естественных угодий в кормовом балансе;

- распашка значительных площадей солонцов, песков и крутых склонов вызвала усиление дефляционных процессов в степных районах Кулунды и Южно-Приалейской провинции, что проявилось позднее в таких явлениях как пыльные бури и суховеи, и расширение площади солонцовых земель в сельскохозяйственном обороте.

Широкое освоение целинных и залежных земель потребовало внедрения почвозащитных мероприятий и специальных агротехнических приемов противоэрозионного характера. В крае разработана Генеральная схема комплекса противоэрозионных мероприятий, которая постоянно обновляется и перерабатывается, осуществлялось и целенаправленное финансирование ее реализации, в настоящее время – в рамках ФЦП «Плодородие».

Нейтрализация эрозионных процессов потребовала некоторой переориентации целинных районов: в степных районах Кулундинской провинции стало широко развиваться орошение на подземных водах Кулундинского артезианского бассейна для целей кормопроизводства; внедрялись травопольные севообороты; существенно выросло поголовье крупного рогатого скота, особенно коров; в результате многие степные районы имеют ведущей отраслью специализации молочно-мясное скотоводство.

На решение вопросов кормопроизводства направлено и строительство Кулундинского канала, и развитие Алейской оросительной системы, и проектирование и строительство участкой Бурлинской системы. В последние годы, когда практически свернуты работы по повышению плодородия почв, мелиорации земель, защите их от эрозии, ликвидируется крупное товарное производство, не осваиваются высокоэффективные технологии, продуктивность сельскохозяйственного производства, равно как и валовое производство основных видов продукции, неуклонно снижаются. Необходимы новые подходы к привлечению инвестиций на воспроизводство почвенно-земельных ресурсов и повышение их плодородия, в том числе с учетом экологического императива развития аграрного природопользования. Оценка современных систем ТО АП позволит в условиях дефицита материальных и финансовых ресурсов определить перспективные для инвестирования территории и виды АП.

Однако наиболее широкое распространение получили целевые системы пригородного типа. Например, на территории Западной Сибири в настоящее время можно выделить активно формирующуюся макрорегиональную систему пригородного типа, с центром в г. Новосибирске путем слияния пригородных зон Новосибирской, Барнаульской, Томской, Кемерово - Новокузнецкой агломераций и других городов, расположенных вдоль транспортных полимагистралей. Здесь проживает более 5 млн. человек, и система аграрного природопользования существенно отличается от других территорий лесостепной зоны концентрацией птицеводства, более высокой долей млн. человек, овощеводства и картофелеводства, молочного скотоводства и свиноводства. Данная целевая система включает практически все районы, тяготеющие к Транссибирской железнодорожной магистрали, а также к федеральным автомобильным трассам М-52 «Чуйский тракт» и М-53 «Байкал». Особенно ярко пригородный тип организации аграрного природопользования выражен в Кемеровской области.

Литература
1. Бакланов, П.Я. Опыт разработки концепции территориальной организации социально-экономического комплекса бассейна реки Рудной (Приморский край) с целью решения эколого-ресурсных проблем [Текст] /П.Я. Бакланов, М.Т.Романов, А.В. Мошков // География и природные ресурсы. – 1994. - №2. – с. 157 – 163.
2. Ишмуратов, Б.М. Территориальная организация природопользования в таежных районах [Текст] /Б.М. Ишмуратов // География и природные ресурсы.-1994.-№4.-С. 114-120.
3. Котляков, В.М. Экологическая безопасность и возможные стратегии развития [Текст]/К.С.Лосев, В.Ф.Гракович // Изв. РАН. Сер.геогр. – 1991. - № 6. – с.5-13.
4. Куражсковский, Ю.Н. Основы всеобщей экологии [Текст] / Ю.Н. Куражсковский.- Ростов-на-Дону. - 1992.- 144 с.
5. Environmentally Sustainable Economic Development, 1991.
6. Данилов-Данильян, В.И. Окружающая среда между прошлым и будущим: Мир и Россия (опыт эколого-экономического анализа) [Текст] / В.И. Данилов-Данильян, В.Г. Горшков, Ю.М. Арский.– Москва, 1997.– 193 с.
7. Лосев, К.С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI веке [Текст]./ К.С. Лосев, М.: Космосинформ, 2001 г. – 400 с.
8. Красноярова, Б.А. Территориальная организация аграрного природопользования [Текст]/Б.А. Красноярова // География и природные ресурсы.- 1997.- №2.
9. Красноярова, Б.А. Методические подходы к оценке природного потенциала аграрного природопользования [Текст] /Б.А. Красноярова//География и природные ресурсы.- 1999.- №3.- С.121-128.
10. Мазин В.А. Природосообразные характеры ханты и манси в литературе [Текст] / В.А. Мазин // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 5 / МУ «БИС»; НГПИ – Тюмень: Мандрика, 2003. – с. 206 – 211.
11. Намжилова, Л.Г. Эволюция аграрного природопользования в Забайкалье [Текст] /Л.Г. Намжилова, А.К. Тулохонов. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ, Изд-во СО РАН, 2000.-200 с.
12. Природное районирование Алтайского края [Текст]. М.: Изд-во АН СССР. 1958. 210 с.

МиловановС.С.

АНТРОПОТИПЫ ГЕЛИОЗАВИСИМОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ г.САРАТОВА

Влияние различных космических факторов на человека изучалось ранее и изучается до сих пор. В доступной литературе подробно рассмотрено влияние Солнца (Чижевский А.Л., 1975), влияние Луны, космических лучей, невесомости и многих других факторов. Проследить в чистом эксперименте влияние каждого фактора на человека затруднительно не только по объективным причинам, но и по причине наслаивания влияния факторов земного происхождения. Совокупность факторов земного и неземного происхождения объединили в группу гелиокосмических. Нашу планету можно представить как совокупность четырёх составляющих сфер – атмосферы, литосферы, гидросферы, биосферы. Формирование их происходило на фоне постоянного влияния солнечной энергии. В результате между сферами сложились определенные взаимоотношения с характерными параметрами температуры, влажности, ионизации, магнитной и электрической составляющей, радиации и др. (Перлатов П.С., 1972). Все 4 сферы образуют уравновешенную систему, изменения одной из них повлекут к изменениям в другой – повлияют на биологические объекты, человека, ребёнка (Усманов А.И., 1972).

По современным представлениям, солнечно-земные связи в значительной степени обусловлены магнитными взаимодействиями в единой системе крупномасштабных магнитных полей Солнца, солнечной короны и межпланетного пространства. Если рассматривать названное в аспекте магнитоэкологии (Холодов Ю.А., Дубров А.П.), то влияние изменений напряжённости межпланетного поля (МПП), как и солнечной активности на биосферу является твёрдо установленными фактами (Чижевский А.Л., Ягодинский В.Н. и др.).

В многочисленных работах о связи гелиокосмических факторов и человеческого здоровья показано однонаправленная четкая зависимость. Общественные процессы также подвержены влиянию гелиокосмических факторов, что подтверждено некоторыми авторами (Гумилёв Л.Н., 1993).

Социальная стабильность – это такое состояние социальных процессов в стране, которое позволяет обеспечивать поступательное развитие экономики, сохранять политическую стабильность

в обществе[13]. В период реформирования многих сторон жизни России нарастает нестабильность общества.

В г. Саратове в период с 1965 по 1979 гг. изучалось влияние Солнца на заболеваемость 2000 детей от рождения до 15 лет. А.Л.Чижевский пишет: «Мы вправе рассматривать больной организм как систему, выведенную из состояния устойчивого равновесия. Для такой системы достаточно небольшого импульса извне, чтобы неустойчивость постепенно или сразу увеличилась. Такими импульсами могут быть резкие изменения в ходе геофизических факторов». Доказана четкая связь между числами Вольфа и заболеваемостью гемофилией, болезнью Верльгофа, хронической пневмонией, бронхиальной астмой, лейкозом, сепсисом. Следовательно, региональный анализ связи заболеваемости и влияния космических факторов показал четкую однонаправленную связь. Усиление солнечной деятельности способствует нарастанию заболеваний. Но нарастание заболеваний прослеживается не у всех жителей г. Саратова, а только у небольшой части. Изученный возрастной контингент составляет в г. Саратове не более 14-15% от общего числа населения.

На симпозиуме по возрастной периодизации (Москва, НИИ возрастной физиологии, 1965) в целях унификации была рекомендована научным, учебным и другим организациям как сугубо предварительная основа для дальнейшей работы следующая схема: 1. Новорождённый (1 – 10 дней). 2. Грудной возраст (от 10 дней до 1 года). 3. Раннее детство (1 – 3 года). 4. Первое детство (4 – 7 лет). 5. Второе детство (8 – 12 лет – мальчики, 8 – 11 лет - девочки). 6 Подростковый возраст (13 – 16 лет – мальчики, 12-15 лет - девочки). 7. Юношеский возраст (17 – 21 год – юноши, 16 – 20 лет - девушки). 8. Зрелый возраст, I период (22 – 35 лет – мужчины, 21 – 35 лет - женщины), II период (36 – 60 лет – мужчины, 36 – 55 лет - женщины). 9. Пожилой возраст (61 – 74 года – мужчины, 56 – 74 года - женщины). 10. Старческий возраст (75 – 90 лет мужчины и женщины). 11. Долгожители (90 лет и свыше). В понятие здоровья включено физическое развитие. Л.А. Алексина, Л.А. Рудкевич (2002), Е.Н. Хрисанфова с соавт., (2002), А.С. Щедрин (2002) выделяют 6 прогрессивных тенденций эволюции физического развития человека на современном этапе: 1) астенизация - увеличение в популяции доли эктоморфов (астеников) и связанное с этим увеличение людей со слабым типом нервной системы, сниженной агрессивностью и пониженной экстраверсией; 2) увеличение в популяции доли левшей и амбидекстров, которые по психологическому портрету отличаются от правшей слабой нервной системой, меньшей агрессивностью, тенденцией к интроверсии, более высоким интеллектом и большими креативными способностями; 3) замедленный темп онтогенеза - одна из главных предпосылок становления и прогрессивной эволюции человека; психологически ретардированные личности имеют слабую нервную систему, меньшую степень экстравертированности, большую интеллектуальную мотивированность; 4) ювенилизация - усиление мозгового черепа и уменьшение лицевого; 5) грацилизация - снижение весо-ростового индекса, утончение костей конечностей и уменьшение общей массы поперечено-полосатой мускулатуры (не следует смешивать с астенизацией); 6) гинандроморфия или андрогиния - сглаживание половых различий или ослабление полового диморфизма; ретардированные индивиды более ювенильны, грацильны и гинандроморфны.

Для выявления указанных тенденций в популяции взрослого населения г. Саратова в 2001 году исследованы 490 мужчин в возрасте 20-27 лет. 140 исследованных мужчин являлись жителями сел и деревень г. Саратова. У исследованных мужчин выявлены эволюционные тенденции в разной степени выраженности. Диссимметричность строения отмечалась у большинства мужчин, как признак эволюционности. При факторном анализе изученных мужчин выявлено, что мужчины с эволюционными тенденциями более подвержены влиянию многих экзо- и эндогенных факторов. На основании проведенного исследования обрисован портрет человека будущего – худой, высокий, с тонкими конечностями, большой головой и большими глазами со стертыми признаками полового диморфизма человек со значительными признаками диссимметрии строения. На усиление диссимметрии, как показатель усложнения строения живой и неживой материи указывают многие авторы и напротив, усиление симметрии расценивается как упрощение строения.

На основании двух проведенных исследований мы предлагаем выделить антропотипы гелиозависимости: индифферентный тип, переходный тип и лабильный тип. Критерием разграничения мы предлагаем брать антрпоморфные и соматоскопические признаки.

Стабильный тип соответствует следующему описанию: склонен к симметричности строения, отсутствуют признаки подверженности эволюционным изменениям.

[13] budgetrf.nsu.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/1999/vestniksf112-24/vestniksf1К.Э.Лайкам, заместитель Министра труда и социального развития Российской Федерации, кандидат технических наук.

Лабильный тип – склонен к диссимметричности строения, явные признаки всех эволюционных изменений

Переходный тип – симметричность строения сочетается с диссимметричностью. Неярко выражены признаки эволюционных процессов или выражены один или два признака.

В социальном аспекте мы предлагаем рассматривать индифферентный тип как социально-стабильный, лабильный и переходный типы как социально-нестабильные типы. По данным нашего исследования эволюционным тенденциям больше подвержено коренное население г. Саратова, чем жителей Саратовской области. Следовательно, рост социальной нестабильности более возможен в черте города, чем за его пределами.

Выявление процессов эволюционного усложнения строения в населении г. Саратова способствует увеличению гелиозависимых типов, что в конечном итоге может привести к росту социальной нестабильности.

КузьминаН.В., КолчинаА.Г.

К ВОПРОСУ ОБ ЭНДОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПОДРОСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО РЕГИОНА

Многие тысячелетия человечество существовало в гармонии с природой. Однако к концу XIX века между человеком и окружающей средой возник дисбаланс, который продолжает возрастать и по настоящее время. Сейчас объем допустимого воздействия на биосферу, т.е. не приводящего к ее искажению, превышен в 8-10 раз. В процессе жизнедеятельности человека в окружающую среду выбрасываются тысячи тонн веществ, которые ранее ей были не свойственны. По существу, происходит уничтожение биологических и экологических систем.

Вместе с тем, здоровье человека и продолжительность жизни определяются, как известно, биологическими, природными и социальными факторами. Чистый воздух и вода, высококачественные продукты питания, все разнообразие флоры и фауны являются непременными составляющими здоровья. Состояние окружающей среды по данным различных авторов (Алексеев В.П.. Протасов В.Ф., Молчанов А.В. и др.) определяет уровень здоровья населения, примерно, на 18-22%.

Требования любого живого организма к качеству окружающей среды консервативны. При отклонении тех или иных составляющих природной среды от требуемой организму нормы возможны нарушения его жизнедеятельности вплоть до несовместимости этих отклонений с жизнью. Именно поэтому проблема «Окружающая среда и здоровье человека» стоит сейчас очень остро (Лгаджанян Н.Л., Торшин В.И.).

В результате антропогенной деятельности на земном шаре но данным Института Всемирного наблюдения происходит:

- ежегодное возникновение антропогенных пустынь;
- ежегодная потеря плодородного слоя пахотных земель;
- возникновение биологически мертвых озер под воздействием кислотных дождей и т.д.

В атмосферу в огромных количествах поступают оксиды углерода, серы, азота, углеводороды, соединения свинца и т.п.

За последние десятилетия во многих регионах Земли внешняя среда по токсической и радиационной агрессивности стала иной, чем та, в которой происходила эволюция органического мира. По существу, мы как бы переселились на другую, более жестокую планету, лишь внешне похожую на Землю, на которой миллионы лет формировался наш организм. Адаптационные системы человеческого организма оказались беззащитными перед новыми видами биологической агрессии.

Трагедия экологии (состояние внешней для человека среды) переросла в трагедию эндоэкологии (состояние внутренней среды человеческого организма). Загрязнение внешней среды привело к загрязнению среды внутренней. Здоровье жителей Земли катастрофически падает. Появились ранее неизвестные заболевания, многие болезни стали труднее поддаваться излечиванию. Хроническая, экологически обусловленная интоксикация выводит из строя все системы организма: сердечную, дыхательную, пищеварительную и другие, страдает и психическая сфера.

За последние 4 года рождаемость в России упала на 30%, смертность возросла на 15%. К 7-летнему возрасту ' здоровыми остаются 23% детей, а к 17-летию-лишь 14%(!).

До 80% юношей призывного возраста непригодны к службе в армии по состоянию здоровья. С 70 годов прошлого столетия на 50% возросла частота онкологических заболеваний. Дети в возрасте до года умирают в России в 2 раза чаще, чем в США, а наши мужчины живут, в среднем, на 7-10 лег меньше, чем в развитых странах.

В некоторых регионах аллергическими заболеваниями страдает свыше половины детского населения. Можно привести еще много подобных факторов, а для ряда регионов и более острых примеров. В основе всего этого лежит загрязнение организма токсичными веществами и нарушение эндоэкологичсского равновесия из-за перегруженности, а отсюда и несостоятельности систем выведения отходов из организма.

Экологическая токсическая агрессия представляет собой особый вид патологии. Проникнув в организм, экологические яды не задерживаются в крови, а в большей степени концентрируются в межклеточном веществе чаще в виде разнообразных солей. Возникающие нарушения связаны с длительным одновременным накоплением десятков ядовитых веществ в сравнительно малых концентрациях. Это предопределяет своеобразие ядов и их биотрансформации. Характерен комбинационный эффект, отличающийся взаимопотенцированием и извращением действия токсинов. При этом клиническая картина (симптомы) также выходит за рамки привычных представлений о болезни.

Очаги «эндоэкологической болезни» формируются как своеобразная эпидемия. Ее проявления зависят от местных особенностей промышленности, сельского хозяйства, природных условий и других факторов.

По данным статистического отчета «О состоянии окружающей природной среды» Комитета государственного экологического контроля и природопользования Саратовской области в регионе отмечается рост экологической напряженности. Саратовская область занимает достаточно большую территорию в Европейской части России. Ее площадь равна 100,2 тыс.кв. км, а численность населения составляет более 2,5 миллионов человек, из них в Саратове проживают около 850 тысяч человек.

На территории области насчитывается более 45 тысяч стационарных и более 500 тысяч передвижных источников, от которых в атмосферу ежегодно поступает более 100 тысяч тонн загрязняющих веществ. В г. Саратове выбросы вредных веществ составили, например, в 2002 году около 60 тысяч тонн. Основной вклад в выбросы вредных веществ в атмосферу вносят предприятия топливной отрасли (48%), электроэнергетики (28%), химической и нефтехимической (8%) отраслей. Вклад автотранспорта в суммарный выброс города составляет 56%, в его составе окись углерода, окись азота, углеводороды и многие другие токсичные соединения.

Не лучшим образом обстоят дела и с гидроресурсами области. Так, в реку Волгу в 2002 голу поступило более 170 тысяч тонн загрязняющих веществ. По данным ТЦГМГС продолжается ухудшение качества подземных вод, особенно на участках с повышенной техногенной нагрузкой.

Из высоко опасных показателей загрязнения отмечается наличие токсичных концентраций бора, брома, натрия, фтора, метанола, свинца, кадмия.

Все перечисленные соединения и многие другие, на которых мы не останавливаемся в рамках этой статьи, безусловно, негативным образом отражаются на состоянии здоровья населения.

Результаты исследований ГП «СаратовНИгипрозем» показали, что в течение последних 10 лет потери гумуса в почве достигли 16%. Интенсивная обработка почв тяжелыми машинами и орудиями приводит к переуплотнению и ухудшению структуры почвенного покрова, снижению водопроницаемости и увеличению стока талых и ливневых вод, что способствует развитию всех форм эрозивных процессов. Неправильное ведение агротехнических приемов обработки почв, химизация, загрязнение нефтепродуктами и тяжелыми металлами не только значительно снижают плодородие почв, но и резко ухудшают; здоровье людей.

Многие химические вещества, применяемые в сельском хозяйстве, попадая вместе с растениями внутрь организма способны включаться в биохимические процессы, являясь при этом

сильнейшими ядами. Например, открытие ДДТ, в свое время, было оценено Нобелевской премией, его препараты широко использовались для защиты от вредителей сельского хозяйства. Но позже выяснилось, что ДДТ обладал способностью прогрессивно накапливаться в звеньях пищевых цепей, оказывая при этом токсическое воздействие на организм теплокровных, включая и человека. Сейчас его применение запрещено, но в сельском хозяйстве для удобрений используются, например, нитраты, которые также, попадая в организм с пищей, вызывают тяжелые нарушения обменных процессов, аллергию, нервные расстройства и другие.

В продуктах питания современного человека все чаще и во все возрастающих количествах выявляются «чужеродные вещества», к которым относятся: пестициды, тяжелые металлы, нитраты и нитриты, радионуклиды, токсины микроорганизмов и др.

Не останавливаясь на патофизиологических механизмах воздействия этих веществ на процессы жизнедеятельности человека, следует отметить, что все они являются «экологическими ловушками», вызывая непоправимые нарушения здоровья людей.

Так, смертность в Саратовской области в 2002 году возросла на 2%. Основным причинами смертности были: болезни системы кровообращения (57%), отравления и несчастные случаи (13%), новообразования (12%). Увеличилась смертность от болезней органов дыхания на 16%, от болезней органов пищеварения - на 9%. Общая заболеваемость населения Саратовской области за 2002 год увеличилась на 2,5 %.

Отмечается также рост детской патологии. В связи с этим выявление региональных экологически обусловленных заболеваний представляется весьма актуальным.

Нами проведен оригинальный тест-опрос студентов и учащихся старших классов о состоянии их здоровья. Предварительно учащимся прочитывался курс лекций (4 часа в школе и 10 часов в институте) по эндоэкологии, включающий основные положения о здоровье человека и о причинах ею нарушения. Студенты получали современные сведения о влиянии окружающей среды на организм человека: физиологических основах пищеварения, кровообращения, работы эндокринной и нервной систем, об их функционировании в ракурсе рационального или патологического питания. Слушатели получали знания, позволяющие по-другому расценивать свои, порой, привычные, как им казалось, ощущения, и своевременно обратиться к врачу для консультации.

Тест-опрос проводился в виде сочинения в свободной форме изложения на нему: «Мое здоровье», «Почему я болею», «Правильно ли я питаюсь» и т.п.

Всего представлено 318 работ, из которых 30 принадлежало учащимся 10 и 11 классов средней школы №9 г. Саратова, а 288 студентам Педагогического института СГУ.

149 выпускников иностранного факультета (5курс) и 139 студентов 1 курса факультета коррекционной педагогики очного (75 человек) и заочного (64 человека) отделений практически «впервые серьезно размышляли о своем здоровье с точки зрения собственного «вклада» в его разрушение» (цитируется признание слушателей).

Предварительный цикл лекций помог молодым людям разобраться с объективными и субъективными факторами, нарушающими их здоровье. Понятно, что чисто экологические причины не могут быть устранены каждым конкретным субъектом, это проблема может быть решена только на уровне государственных усилий каждой страны и всем мировым сообществом. Но то, что касается здорового образа жизни, качества питания, нравственного поведения, - это находится целиком и руках каждого конкретного человека.

У подавляющего большинства слушателей анализ состояния их здоровья «облегчался» уже зафиксированными диагнозами, так как студенты и школьники уже проходили обследование или даже лечение у врачей по поводу различных отклонений в их здоровье.

Полученные данные, конечно, носят субъективный характер, но, в целом, дают представление о состоянии здоровья нашего молодого поколения.

Всего названо 43 (!) различных патологических состояния, среди которых однозначно первое место в различных группах учащихся занимает патология желудочно-кишечного тракта (ЖК'Т): гастриты, колиты, дисбактериоз, дискинезия жслчевыводящих путей, кариес и др.

Школьники и студенты первого курса очного отделения института составили возрастную группу 16-19 лег, студенты заочного отделения и выпускники иностранного факультета имели возрастные границы от 22 до 30 лет. Мы решили не выделять отдельно группы по полу, так как среди школьников было 8 работ, написанных мальчиками, а среди студентов вуза всего - 6.

Школьники и студенты - первокурсники чаще всего указывали на патологию желудка (гастрит), вегетососудистую дистонию с преобладанием низкого артериального давления, симптомы хронической усталости.

Пятикурсники и студенты заочники нередко подкрепляли эти же диагнозы результатами клинического обследования. Именно в этой группе встречались такие грозные термины как сахарный диабет, мастопатия, кистозное перерождение придатков, различные поражения кожи, гипотиреоз.

В этой же группе в своих сочинениях студенты рассказывали о состоянии здоровья своих детей (18 работ): о различных нарушениях в течение беременности и родов, и о том, что у их детей были выявлены такие заболевания как бронхиальная астма, различные нарушения иммунитета, частые респираторные заболевания, экссудативнно-катаральные диатезы, болезни ЖКТ.

Полученные данные о состоянии здоровья нашего молодого поколения, несмотря на субъективный характер исследования, поражают воображение.

В таблице 1 представлены наиболее часто встречающиеся жалобы и подтвержденные клинические диагнозы.

Многие студенты устно отмечали, что имеющиеся симптомы ими раньше (до цикла лекций) не воспринимались как проявления болезней, поэтому они не обращались к врачам. Большинство из них даже не предполагали, что нарушения их здоровья возникли в результате недостатка или переизбытка тех или иных веществ в продуктах питания.

Следует добавить, что не было ни одной работы, в которой школьник или студент представили бы себя абсолютно здоровыми.

Цикл лекций по эндоэкологии сопровождался доступными советами, позволяющими снизить уровень токсинов в организме до относительно безопасных пределов, используя в питании натуральные продукты - адсорбенты. Однако слушателям объяснялось, что это не является панацеей и не окажет достаточного эффекта, пока каждый из нас и все мы вместе не начнем заботиться об окружающей среде. Только сберегая природу, мы сможем сберечь и свое здоровье.

Таблица 1

Виды патологии	Абсолютное число	%
Патология зубов - кариес,	298	93,7
Гастриты, в т.ч. с пониженной кислотностью	220	69
Ортопедическая патология - сколиоз, плоскостопие, остеохондроз и др.	181	56,9
Плохое качество волос и ногтей как показатель состояния соединительной ткани	132	41,5
Колиты (запоры)	82	25,8
Гинекологическая патология - мастопатия, кисты придатков, нарушение физиологического цикла и	82	25,8
Синдром хронической усталости	71	22,3
Патология зрения - чаще миопия	62	19,5
Патология моче-выделительной системы - пиелонефрит, мочекаменная болезнь	48	15
Дисбактериоз	48	15
Патология щитовидной железы	41	12,9
Постоянные головные боли	32	10,6
Ожирение	24	7,5

Полученные в результате исследования данные свидетельствуют об актуальности и крайней необходимости активизации экологического образования и воспитания молодежи. Также следует безотлагательно пересмотреть тактики и методики проведения профилактических осмотров детей и подростков, которые, зачастую, превращаются в формальность или не проводятся вообще. Своевременным, по нашему мнению, является создание в школах и вузах пунктов для проведения индивидуальных консультаций по вопросам питания, гигиены и т.п.

Кроме того, весьма важно проведение на высоком научном, но при этом доступном для молодежи, уровне систематической просветительной работы об экологической обстановке в регионе проживания и вытекающих из нее последствиях. Все средства и методы этой работы должны быть направлены на то, чтобы уже в школьном возрасте каждый осознал, что для сохранения здоровья в сложившихся условиях экологического неблагополучия периодически следует очищать организм, снижая в нем уровень токсичных веществ.

В связи с этим, первостепенной задачей нашего времени является воспитание экологически грамотного подрастающего поколения и формирование у него мотивации здоровья

Литература

1. Агаджанян Н.А.,Торшин В.И. «Экология человека». - ММ11 «ЭкоцентрКРУК», 1994.
2. Алексеев В.П. Очерки экологии человека. - М., 1993
3. Доклад о состоянии окружающей среды Саратовской области в 2002 году/ Под ред. А.Н.Маликова, В.В.Наталки на, А.Н.Агибалова и др. - Саратов, 2003.
4. Келлер А.А.,Кувакин В.И. Медицинская экология. - С-Пб., 1999.
5. Протасов В.Ф., Молчанов А.В. Экология, здоровье и природопользование в России. - М., 1995.
6. Ревелль П., Ревелль Ч. Среда нашего обитания. - М., 1995
7. Экология человека: Словарь-справочник / Под ред. П.А. Агаджаняна -М.,1997.
8. Экологическое прогнозирование. Программа Юнеско «Человек и биосфера». - М.: Наука, 1989.

Рагимова О.А., Колисник И.И.

ПРОБЛЕМА ЗДОРОВЬЯ ШКОЛЬНИКОВ И МОЛОДЕЖИ В РУСЛЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Трансформация российского общества за последние десять – пятнадцать лет существенно повлияла на здоровье молодого поколения, которое является ресурсом, социальным капиталом, необходимым молодежи для адаптации в новых общественно-экономических условиях.

Между тем на всей России отмечаются неблагоприятные демографические тенденции, прежде всего - высокий уровень заболеваемости и смертности. Не составляет исключения в этом смысле и наша Саратовская область, где смертность населения росла с 11,2 до 16,3 на 1000 жителей с 1990 года по 2001 год, одновременно падала рождаемость: она уменьшилась в Саратовской области в 1,6 раза [1]. Растет количество больных детей (А. Баранов, С. Акопян, М. Руткевич), число детей-инвалидов (Е.Р. Смирнова-Ярская). Что касается современной школы, то она становится дополнительным фактором, ухудшающим здоровье учащихся. Так, по данным А. Разумова с соавт. [2], у школьников с первого по восьмой класс в 6-12 раз нарастают изменения со стороны органов слуха и зрения, в 10 раз – нарушения опорно-двигательного аппарата, в 15 раз - центральной нервной системы. В результате 75% школьников имеют существенные отклонения в состоянии здоровья.

Здоровье в широком смысле этого слова – это база для нормального развития ребенка, подростка. Оно создается в определенных социальных условиях и используется в каждом конкретном случае для адаптации и социализации ребенка. Оно означает физическое, психологическое и социальное благополучие, а не только отсутствие болезней и дефектов [3].

Отрицательные демографические тенденции, а также качественное ухудшение здоровья молодежи и школьников приводят нас к дилемме. С одной стороны возникает необходимость в лучшей подготовке молодых людей в школе. Ее цель – добиться, чтобы молодежь стала более мобильной, конкурентоспособной, активной, могла действовать в экстремальных условиях. С другой стороны, ухудшающееся здоровье молодого поколения уменьшает его ресурсы, образовательные возможности [4, 5]. В этой ситуации не обойтись без специальных социальных служб и социальных технологий, которые должны оказывать в рамках гуманистических традиций помощь и поддержку нуждающимся в оздоровлении школьникам и студентам. Роль здоровья в рамках стратификационной новой системы транзитивного общества и модернизации образования не выяснена до конца.

Актуальным становится и задача, связанная с эмпирическими исследованиями, цель которых – определить какое влияние оказывает модернизация образования на здоровье, а также здоровья - на качество образовательного процесса. Рассмотрим роль здоровья школьников как в русле стратификационных изменений, так и перестройки российского образования. Анкетирование учителей (200) проводили в 1999/2000 учебном году в г. Саратове.

Большинство педагогов тесно связывает влияние здоровья детей на их успехи в учебе, считая, что и учебные нагрузки оказывают воздействие на здоровье школьников. Тем самым подчеркивается взаимовлияние этих двух факторов. Кроме того, на здоровье учащихся влияют и такие социальные факторы, как доход на одного человека в семье и образование родителей. В оценках наших респондентов среди этих факторов на первом месте оказался социально-экономический. Так 83% опрошенных утверждали, что от дохода в семье зависит здоровье школьников, на втором месте – образование родителей. Причем во втором случае только 47% респондентов абсолютно уверены, что у более образованных родителей более здоровые дети, 34% респондента затруднились с выбором ответа на этот вопрос и 19% педагогов считают, что здоровье школьников не зависит от образования родителей.

В связи с актуализацией проблемы здоровья школьников, мы попытались выяснить у учителей их мнение о путях минимизации отрицательных моментов, связанных со здоровьем младших школьников. Результаты таковы: 64% респондентов предлагают пересмотреть образовательные программы, причем 60% из них считают, что необходимо усилить индивидуальный подход к детям при обучении, 52% - изменить структуру программ и лишь 12% и 10%, соответственно - уменьшить или увеличить количество часов на занятиях.

Таким образом педагоги в своих ответах по сохранению здоровья школьников значительную роль отводят изменениям программ обучения, совершенствованию их структуры, а также индивидуализации обучения. Последнее обстоятельство по всей видимости обусловлено различными отклонениями в состоянии здоровья современных младших школьников. Так 42% респондентов считают, что дети стали более подвижными, непослушными. Мы считаем, что это свидетельствует об особенностях нервной системы у детей в современных условиях. Более четверти опрошенных педагогов отметили, что дети за последние пять – десять лет стали менее работоспособными, 22% - что они стали инфантильнее и хуже учатся. Учителя отмечают, что снизилась работоспособность детей на уроках. Это, на наш взгляд, говорит также о снижении здоровья уже в этом возрасте. Отрицательную динамику изменения здоровья младших школьников подтверждают данные медицинской документации (более 1000 человек). Растет количество невротических нарушений, нарушений сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, речи, зрения. В 1999-2000 учебном году только 2,2% младших школьников первых классов нижних слоев российского общества были здоровы.

Для выяснения роли образования в сохранении здоровья молодежи и школьников были проведены опросы студентов, будущих педагогов Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского. Это были студенты 1-2 курса дневного отделения (130 человек) – 2 группа и студенты 1-3 курса (109 человек) – 3 группа заочного отделения. Вторая группа состояла в основном из девушек 95% и 5% юношей от 17 до 20 лет. Опросы проводились на выяснения оценки своего здоровья, социально-экономических условий, в первую очередь - дохода на одного человека в семье (2001-2003 гг.). Использовался метод включенного наблюдения, фиксировались поведенческие реакции, заболеваемость.

Опрос выявил, что за последние три года студенты стали чаще болеть, лечиться в больнице, больше пропускать занятий по болезни, более 50% имели хронические заболевания. В поведенческих реакциях выявлена тенденция быстрого утомления и перевозбуждения при достаточной нагрузке (контрольная работа, зачет, экзамен), часто встречаются невротические реакции. Студенты в этой группе оценивают свое здоровье, в основном, как среднее (60%).

Социально-экономические условия жизни студентов оказались низкими: большая часть – 90% респондентов - имели доход около прожиточного минимума или несколько выше, только 11% студентов дневного отделения имели доход 150% к прожиточному минимуму и больше. Опросы студентов-заочников показали, что несмотря на то, что они работают, их доход в среднем составляет 150% к прожиточному минимуму.

По нашим данным, студенты в 83,5% случаев уверены, что знания по охране здоровья, полученные в университете, пригодятся им в будущем в педагогической деятельности. Используют ли эти знания студенты для сохранения своего здоровья? 41,2% респондентов ответили - да, 55,9% - готовы их использовать иногда и 2,7% ответили, что совсем их не будут использовать.

Таким образом, проведенные нами социологические исследования показали значимость социально-экономических условий в педагогическом процессе, влияние стратификационных изменений на здоровье школьников и студентов. Эти данные раскрывают негативные тенденции в изменении здоровья младших школьников и студентов в современных условиях, показывают тесную связь проблем сохранения здоровья различных групп общества с некоторыми социальными

факторами, где система образования играет важную роль. Анализ и дальнейшее изучение этих вопросов помогут внести вклад в разработку взвешенного и продуманного подхода к модернизации российского образования, где здоровье молодежи и школьников будет играть роль базового ресурса.

Литература

1. Концепция демографической политики в Саратовской области на период до 2015 г. (утверж. пост. Правит. обл. от 23 августа 2003 г. № 77-П). Саратов: Изд-во Прав. Сар. обл.Мин. труда и соц. развития Сар. обл, 2003.
2. Разумов А., Пономаренко В., Пискунов В. Здоровье здорового человека. – М.: Медицина, 1996. – 413 с.
3. БМЭ. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1978. Т.8. - С.356.
4. Рагимова О.А. Здоровье и развитие младших школьников г. Саратова на рубеже веков //Диагностика и коррекция психического развития детей: Сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 2000. – Вып. 2. – С.114-120.
5. Рагимова О.А. Здоровье младших школьников Саратова //Социол. исслед. – 2003. - №11. – С.69-72.

Колисник И.И., Мышковая М.Е.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Обращение к проблемам образования на современном этапе истории России обусловлено целой системой факторов, отражающих сложное, взаимное переплетение позитивных и негативных тенденций в условиях системного кризиса, несущего в себе черты "распада" России как самостоятельной цивилизации. В Российской системе образования сложился свой биполярный путь приумножения сфер и структур образовательного пространства. Приоритетным способом интеграции и единения этого пространства служит воспитание в Российском суперэтносе коллективистского алгоритма жизнедеятельности. Реформирование современного образовательного пространства России должно опираться на коллективистский по духу национально-культурный код месторазвития Российской цивилизации, что является традиционной многовековой базой обновления национальной системы образования.

Устойчивость народного образования вырастает из системы ценностных ориентаций, обеспечивающих национально-культурную целостность как кодового компонента цивилизационного пространства. Ценности человека являются его качественной характеристикой, основой нравственного компонента личности.

Потенциальная универсальность человека, обусловленная наследственной одаренностью, позволяет ему присваивать во всевозможном разнообразии содержание окружающего мира, понимая, что тот мир, который сохраняет жизнь человека, является миром Ценности. Потенциальная открытость человека миру позволяет ему и в процессе присвоения, и в процессе функционирования выходить за пределы знаемого, усвоенного, в том числе за пределы самого себя, создавать новое, творить не только внешнее, но и самое ценное и сложное из всех ценностей – Человека, его жизнь.

Народное образование играет ведущую и основополагающую роль в формировании *общих для людей* ценностей, как смысл жизни, добро, справедливость, красота, истина, свобода, обеспечивающих биопсихосоциальное благополучие, здоровье человека и общества в целом. Усвоенные в процессе обучения эти социальные ценности, которые, являясь продуктом жизнедеятельности общества и социальных групп, освещают жизненный смысл человека под углом зрения устойчивых интересов развития социального целого, преломленных и осмысленных субъектом в качестве ценностных ориентиров его жизни, формулируются как идеалы, модели должного, задающие спектр инвариантных предельных параметров желательных преобразований действительности. Ассимилируясь в структуру личности, в дальнейшем своем функционировании они практически не зависят от ситуативных факторов, являются стабильными, личностно значимыми, задающими векторы жизнедеятельности.

Наиболее интересны, на наш взгляд, ценностные ориентации студенчества. Этот возраст, по утверждению ученых, является сенситивным периодом для развития основных социогенных

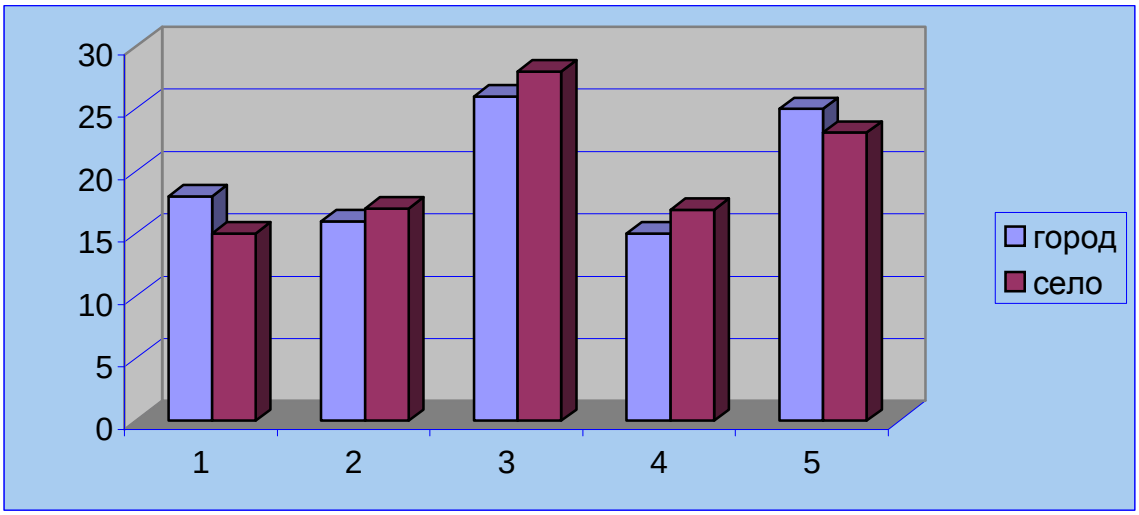
потенций человека. При проведении исследования на 183 студентах Педагогического института СГУ мы использовали анкету для анализа целостной *системы ценностей*. Учитывались интегрирующие ценности, которые, в основном, консолидируют поведение человека, и дифференцирующие - те, которые разъединяют субъектов, выявляя их специфичность и особенность в поведении. *Смысложизненная система* объединяла ценности человеческой жизни, предопределяющие цели бытия, человеческой сущности, ценности свободы, правды, красоты; *витальная* - ценностные суждения, необходимые для сохранения и поддержания повседневной жизни, здоровья, безопасности, комфорта; *интеракционистская* - включала ценностные суждения, важные в межличностном и групповом общении: хорошие отношения, спокойная совесть, власть, взаимопомощь; *социилизационная* - включала те ценности, которые определяют процесс формирования личности и з*доровьесохранная* – те ценности, которые определяют здоровье как основу жизни человека

Среди респондентов выпускники сельской школы составляли 38% и городских школ - 62%.Полученные результаты показали, что на протяжении возрастного периода от 18 до 25 лет у студентов – выпускников как сельских так и городских школ преобладает интеракционистская система ценностей, незначительно ниже ценность здоровья. Молодежь именно в этом возрастном периоде активно реализуется в социуме и ценностные суждения, важные в межличностном и групповом общении, доминируют на фоне значимости здорового организма.

Таким образом, народное образование обеспечивает формирование ценностных ориентаций подрастающего поколения, способствующих социализации человека и приумножению человеческого и социального капиталов.

Таблица 1.

Распределение ценностных ориентаций среди студентов-выпускников городских и сельских школ Саратовской области

1. смысложизненная система ценностей
2. витальная система ценностей
3. интеракционистская система ценностей
4. социализационная система ценностей
5. здоровьесохранная система ценностей

Литература

1. *Алексеева В.Г.* Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол.журнал 1984. Т.5. №5, 84 с.
2. *Сидоров П.В.* Здоровье молодежи - здоровье нации // Высшее образование в России. 2000 г. - № 3.
3. *Ядов В.А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология. Л., 1979, 306 с.

Приваловский А.Н.

ФАКТОРЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СЕТЕЙ В РАЗНЫХ УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Данная статья написана на основе данных, собранных во время личных полевых исследований в Алтайском крае, республиках Башкортостан и Алтай, Самарской и Тюменской областях, Ямало-Ненецком АО в 2004-2005 гг. В ходе исследований изучались транспортные сети регионов и районов, интенсивность пассажиропотоков, проводились социологические опросы. В ряде других регионов России подобные исследования проводились по упрощенной программе.

Главным фактором, влияющим на организацию транспортных сетей всех уровней, является система расселения. Именно на локальном уровне она играет наибольшую роль. Особенности организации транспортных сетей на этом уровне зависят прежде всего от следующих различий расселения в сельских районах разного типа.

1. **Плотнозаселенные сельские районы, расположенные в основной полосе расселения России ,с хорошо развитой транспортной сетью:**
   а). Районный центр – малый город или пгт. Остальные населенные пункты – небольшие села и деревни;
   б). Районный центр – крупное село. Остальные населенные пункты – небольшие села и деревни;
   в). Районный центр – малый город, пгт или крупное село. На территории района есть малые или средние города и/или пгт;
   г). Районный центр – крупный город;
   д). Район, граничащий с крупнейшим городом или городом-миллионером.
2. **Сельские районы с разреженной системой расселения, расположенные в малоосвоенных регионах России, со слабо развитой транспортной сетью:**
   а). Районы с преобладанием автомобильного транспорта;
   б). Районы с преобладанием водного и воздушного транспорта.

В формировании локальных транспортных сетей большую роль играют также следующие факторы, не связанные с расселением:

- уровень экономического развития региона, куда входит данный район;
- физико-географические условия (рельеф, речная сеть);
- местная национально-культурная специфика.

Для анализа интенсивности пассажиропотока необходимо также учитывать мотивацию поездок людей в те или иные населенные пункты. Согласно проведенным опросам, можно выделить следующие основные цели поездок сельского населения в пределах своего сельского района или субъекта РФ:

1. Поездки с целью покупок (конечным пунктом таких поездок выступает, как правило, районный центр, или, что реже, крупный населенный пункт в периферийной части района).
2. Поездки с целью посещения местных органов власти (конечный пункт – районной центр, крупный межрайонный центр, региональный центр).
3. Поездки к родственникам (конечный пункт – малый сельский населенный пункт, районный центр, региональный центр и др.).
4. Поездки культурного характера (сейчас сведены до минимума).

Прежде чем более детально рассмотреть названные группы районов, отметим особенности конфигурации транспортной сети России. В ее основе лежит сеть железных дорог, которые используются преимущественно для междугороднего сообщения. На территории же многих сельских районов России железных дорог нет вообще, а даже если они и присутствуют, то не используются для связи районных центров с населенными пунктами района. Исключением служат лишь окрестности больших городов с хорошо развитой сетью железных дорог (Московская, Ленинградская, Свердловская области).

Что касается сети автомобильных дорог, то она представляет собой следующую структуру: от Москвы расходятся шоссе, ведущие в соседние областные центры и далее, а от областных центров и федеральных трасс отходят дороги в районные центры; от них, в свою очередь, ответвляются дороги к центральным усадьбам сельхозпредприятий. И, если в последние годы внутри регионов эта структура видоизменяется в радиально-кольцевую, и появляется все больше межрайонных дорог, то в

межобластных сообщениях эта тенденция выражена значительно меньше. Межобластные дороги местного значения (не федеральные) появляются, хотя и в небольшом числе, но при этом автобусное сообщение по ним не организуется. Это показывает, что административная граница является трудно преодолимым рубежом при проведении автодорог областного и местного значения. Дело в том, что областные организации, занимающиеся строительством и ремонтом автомобильных дорог, прокладывают в первую очередь дороги в населенные пункты своей области и не считают необходимым продолжать дорогу в соседнюю область. Аналогично поступают и районные организации. А сеть федеральных дорог, по которым проходят главные межобластные автобусные маршруты, еще до конца не сформировалась даже в виде радиальной структуры, поэтому строительству хордовых линий уделяется мало внимания.

Так, например, границу Костромской и Вологодской областей (464 км – топологическая длинна[14]) пересекают 1 магистральная железная дорога, 1 промышленная ветка, 1 шоссе и 2 грунтовых дороги. Причем промышленная железнодорожная ветка и грунтовые дороги практически не используются, а единственное шоссе было построено только в 1990-е гг. (до этого была улучшенная грунтовая дорога).

Отмеченная незавершенность формирования радиально-кольцевой структуры транспортной сети России оказывает влияние и на организацию локальных сетей в районах с разными типами расселения.

Значительная часть сельских районов России имеет своим центром малый город, поселок городского типа или крупное село, в которых сосредоточены местные органы власти, а также значительное количество предприятий торгового и бытового обслуживания (моноцентрический тип транспортной сети). Как правило, в таких районах сеть автомобильных дорог и автобусных маршрутов предельно проста. Из районного центра в разные стороны отходят радиальные дороги, ведущие в центры сельских администраций и другие населенные пункты (за исключением самых мелких (рис. 1)).

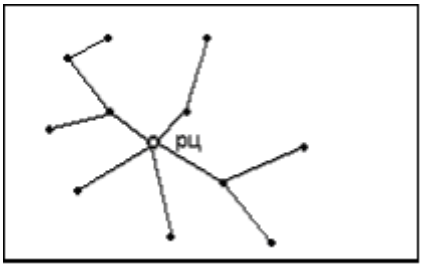

Рис.1. Условная схема автобусных маршрутов района с моноцентрической транспортной сетью.
рц – районный центр

На интенсивность автобусного сообщения по этим маршрутам влияют: численность населения, проживающего в зоне обслуживаемой автобусным маршрутом, уровень благосостояния населения, уровень экономического развития региона в целом и сельского района в частности. В средней полосе России по каждому из маршрутов, связывающих районный центр с селами района, обычно осуществляется 2-3 рейса в сутки ежедневно – утром и вечером, иногда в середине дня. В районах севера, где размер населенных пунктов невелик, а проживают в них в основном пенсионеры с низкой транспортной подвижностью, автобусные маршруты также осуществляются 2 раза в сутки, но не ежедневно, а 1-2 дня в неделю. Обычно эти маршруты приурочены к дням приема населения в органах власти и базарным дням. Главным минусом такой системы, помимо ее ненадежности, является невозможность однодневных поездок между небольшими населенными пунктами в пределах одного района. Необходимо делать пересадку в райцентре, а расписания автобусов, как правило, исключает такую возможность. Надо отметить, что поездки такого рода достаточно востребованы, так как многие сельские жители имеют родственников в других населенных пунктах района.

Бóльшая интенсивность движения существует на автобусных линиях, связывающих районный центр с региональным, либо с ближайшей крупной железнодорожной станцией. Примером может служить Архангельский район Башкирии, где наиболее интенсивное сообщение наблюдается на маршрутах Архангельское – Уфа и Архангельское – станция Приуралье.

В последнее время можно столкнуться с полным отсутствием организованного внутрирайонного автобусного сообщения. Раньше такая ситуация наблюдалась в малоосвоенных

[14] Топологическая длинна границы – сумма расстояний между точками пересечений административной границы путями сообщения.

районах Сибири и Севера, но сейчас такое положение распространяется и в основной полосе расселения России. Как правило, исчезновение автобусного сообщения вызвано банкротством районного автотранспортного предприятия (АТП). В таких случаях жители района нанимают частные микроавтобусы или микроавтобусы сельскохозяйственных предприятий. Сельскохозяйственные предприятия, как правило, идут навстречу своим работникам и предоставляют им транспорт по себестоимости. Такая ситуация сложилась, например, в Большеглушицком районе Самарской области. В результате почти ежедневно в райцентр каждое утро приезжает до 10 нанятых автобусов и микроавтобусов, в середине дня они отправляются назад.

Точно такая же ситуация характерна для ряда районов республик Алтай и Тува, где районных АТП никогда не существовало и ранее. Местное население использует тот же способ добраться до райцентра, что и в Самарской области.

В ряде районов с несколькими крупными населенными пунктами сеть автобусных маршрутов более сложная. Часто бывает, что кроме районного центра, в периферийной части района есть достаточно крупный населенный пункт, являющийся фактическим центром для ближайших сел и деревень. В ряде случаев в таком центре имеется своя собственная автостанция, которая обслуживает тяготеющую к этому центру территорию. То есть сеть автобусных маршрутов района представляет собой следующую структуру (бицентрический тип транспортной сети (рис. 2)).

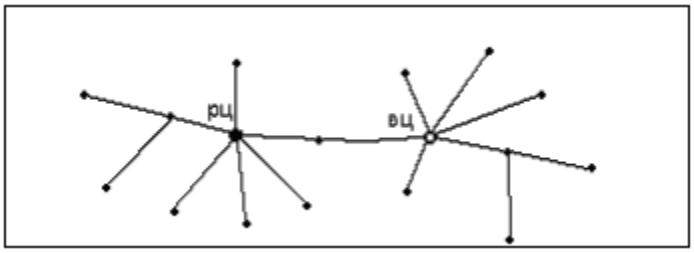

Рис. 2. Условная схема автобусных маршрутов района с бицентрической транспортной сетью. рц – районный центр, вц – внутрирайонный центр.

В качестве примеров можно привести Наро-Фоминский и Шатурский районы Московской области, где внутренними сельскими организационными центрами являются Верея и Дмитровский Погост соответственно. Надо отметить, что в большинстве подобных случаев эти внутрирайонные центры в период максимального разукрупнения сельских районов (1950-е гг.) сами были центрами районов, то есть, они фактически сохранили часть своих неформальных функций. В таких районах максимальная интенсивность пассажиропотока наблюдается между районным и внутрирайонным центром.

Если на территории района находится более двух крупных населенных пунктов, то конфигурация транспортной сети еще более усложняется. Для примера приведем Кинель-Черкасский район Самарской области (полицентрический тип транспортной сети (рис. 3)).

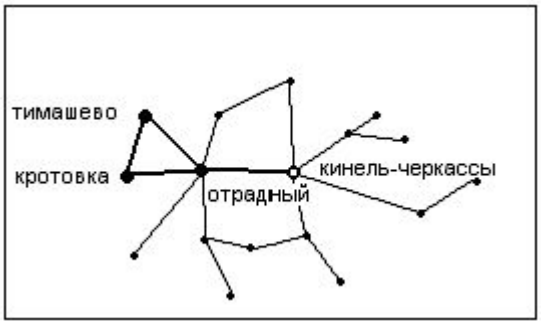

Рис. 3. Условная схема автобусных маршрутов района с полицентрической транспортной сетью. жирными линиями показаны маршруты с максимальным пассажиропотоком

Центром его является село Кинель-Черкассы (более 18 тыс. жит.). Также на территории района расположен город областного подчинения Отрадный (50 тыс. жит.), село (до 2004 г. – пгт) Тимашево (5640 жит.) и с. Кротовка (5440 жит.). Автостанции расположены в Кинель-Черкассах и Отрадном, от которых и отправляется большая часть автобусных маршрутов района. Доехать до большей части центров сельских администраций без пересадок можно как от райцентра, так и от Отрадного. Есть также маршрут Тимашево – Кротовка, связывающий бывший рабочий посёлок с ближайшей железнодорожной станцией. В результате сеть автобусных маршрутов, по сравнению с названными выше, оказывается более удобной для населения, поскольку есть возможность выбрать

оптимальный по времени маршрут, добраться из одного в другой крупный населенный пункт района, не делая пересадку в райцентре.

Еще более сложные сети автобусного и пригородного железнодорожного транспорта имеются в горнодобывающих районах Урала, в Донбассе и Кузбассе, где на сравнительно небольшой по площади территории размещаются десятки городов и рабочих поселков.

В пригородах крупнейших городов складывается совсем другая система организации пассажирского сообщения. Местное население ездит в райцентр в основном в государственные учреждения, а на работу и за покупками ездят, как правило, в крупный город. В итоге сеть маршрутов проложена так, что попасть из населенных пунктов данного района в близлежащий крупный город можно напрямую, минуя райцентр, что зачастую значительно сокращает затраты времени. Яркие примеры такого типа районов – Красногорский, Балашихинский и Ленинский (Московская область). В результате, из некоторых населенных пунктов данных районов попасть в Москву намного легче, чем в районный центр (например из г. Московский в г. Видное).

Отдельно следует рассмотреть локальные транспортные сети в малоосвоенных районах Сибири и Севера. Характерный для всей страны процесс ликвидации малочисленных населенных пунктов, там из-за слабого развития путей сообщения, оказалась наиболее резко выраженным. Люди из мелких сел и деревень в массовом порядке переселялись в более крупные, где была возможность организовать органы власти, учреждения образования, здравоохранения, торговли и бытового обслуживания. С укрупненными населенными пунктами было проще (и экономически эффективней) наладить регулярное сообщение. В результате, значительная часть мелких поселений в малоосвоенных районах России вовсе исчезла (по данным на 2004 г. в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого АО осталось всего 3 населенных пункта). С сохранившимися крупными поселениями было установлено либо водное и авиационное сообщение (на севере) либо автобусное (горные районы Южной Сибири).

Естественно, что транспортная активность населения в малоосвоенных районах намного ниже, чем в среднем по стране. Так, во многие крупные сельские поселения Ямало-Ненецкого АО пассажирские суда заходят 1-2 раза в месяц. Примерно с той же периодичностью летают самолеты и вертолеты местной авиации. Несмотря на дотации из региональных бюджетов, транспортные тарифы в этих районах очень высоки, что, конечно, ведет к невозможности часто пользоваться транспортом, и является одной из причин обезлюдивания непромышленных поселений Крайнего Севера.

Появление надежного наземного сообщения с районным или региональным центром резко увеличивает транспортную подвижность населения. Так, когда несколько лет назад была построена автомобильная дорога Салехард – Аксарка, жители Аксарки и других населенных пунктов Приуральского района стали ездит в Салехард намного чаще.

Среди других факторов, оказывающих влияние на организацию локальных транспортных сетей, в первую очередь нужно отметить уровень доходов населения. Несомненно, что чем выше уровень доходов, тем выше транспортная активность, причем это вовсе не означает, что чем богаче регион, тем лучше там развит общественный транспорт. При росте благосостояния растет и число личных автомобилей, и значительная часть их владельцев не пользуется автобусами и пригородными поездами. Есть еще одно явление, снижающее транспортную активность при росте доходов. В районных центрах с высокими доходами населения в последние годы появляется все больше специализированных магазинов (бытовой техники, одежды и др.). И если раньше для покупки этих товаров приходилось ездить в областной центр, то теперь их можно купить в своем населенном пункте. Особенно активно этот процесс идет в Московской области, а также в богатых сельскохозяйственных регионах Северного Кавказа и Поволжья.

Во многих регионах в последнее время активно развиваются перевозки населения частными компаниями. Частники работают в основном на наиболее рентабельных междугородних линиях, а в районах с преобладанием крупных населенных пунктов также и на пригородных линиях. В ряде регионов частные перевозчики добровольно или вынужденно заключают договоры с местными АТП, и их рейсы включаются в официальные расписания. На эти рейсы можно заранее приобрести билеты, тарифы не превышают государственных. В других регионах (Московская и Ленинградская области, Северный Кавказ) частные перевозчики работают сами по себе, и их автобусы курсируют не по расписанию, а по наполнению пассажирами. Это имеет как свои плюсы, так и минусы. С одной стороны, курсирование по наполнению позволяет избегать порожних рейсов, что экономически более эффективно. С другой стороны, нет точной уверенности, что транспорт пойдет в нужное пассажиру время, и он успеет приехать в пункт назначения в запланированные сроки. К тому же отправление по наполнению не дает возможности воспользоваться этими автобусами пассажирам, проживающим в

промежуточных пунктах по трассе следования автобуса. Например, из п. Лисий Нос (Санкт-Петербург) практически невозможно уехать в Кронштадт, так как во всех микроавтобусах, идущих от Старой Деревни, нет свободных мест.

Территориальное размещение учреждений органов власти в последнее время также стало одним из факторов, влияющих на функционирование локальных и региональных транспортных сетей. В ряде регионов некоторые государственные учреждения обслуживают несколько сельских районов. Такая система существует, в частности, в Алтайском крае. Его территория подразделяется на 60 сельских районов, средняя площадь которых 2,8 тыс. км.кв. Поэтому было признано нерациональным размещать полный набор государственных учреждений (например, Единых информационных расчетных центров) в каждом из них. Это привело к интенсификации межрайонных сообщений, что нехарактерно для России в целом.

Среди физико-географических факторов, влияющих на организацию транспортных сетей, главным является наличие крупных рек. Недостаточное количество мостов приводит к значительным временным и финансовым потерям. Транспортные потоки стягиваются к мостам. Более того, в районах, расположенных вдоль крупных рек, все локальные транспортные сети создаются именно с учетом наличия или отсутствия мостов и паромных переправ. Например, в Тутаевском районе Ярославской области существуют две не связанные между собой сети автобусных маршрутов, одна из которых обслуживает левый берег Волги, а другая – правый. Подобную разорванность локальных транспортных сетей реками можно решать двумя путями. Первый из них – строительство новых мостов. Так, в 2003 г. окончание строительства моста через Волгу между городами Кинешмой и Заволжском позволило соединить областной центр Иваново с Заволжским районом, где проживает 22 тыс. чел. Второй путь – административный. Так, в 1994 г. Сокольский район Ивановской области (16 тыс. жит.) был передан в состав Нижегородской, из-за того, что ранее его жители не имели возможности в межсезонье попасть в областной центр, а зимой им приходилось идти по льду Волги на расстояние до 10 км.

На развитие транспорта, правда, в заметно меньшей степени, влияют также национально-культурные традиции. В районах с преобладанием сельского населения, ведущего традиционный образ жизни, транспорт функционирует намного менее интенсивно. Меньше всего, кончено, пользуются услугами транспорта кочевники Крайнего Севера, а также население некоторых горных районов Дагестана, Алтая и Тувы. Аналогичные примеры есть в Башкирии, Удмуртии и других регионах России. Понижена транспортная активность и в районах с преобладанием старообрядцев. В то же время, отсутствие транспорта позволяет отдельным этническим группам сохранять свою самобытность. Так, сибирские татары, живущие на западе Тобольского района Тюменской области, из-за отсутствия дорог практически не общаются с внешним миром, сохраняя свою культуру и язык в неприкосновенности.

Таким образом, видно, что особенности функционирования локальных транспортных сетей в России зависит от множества факторов. Значение одних постепенно возрастает (дифференциация уровня жизни населения в разных регионах), других убывает (физико-географические условия). Можно сказать, что в основной полосе расселения России в результате экономических процессов постсоветского периода ключевой фактор развития локальных транспортных путей сменился с расселенческо-географического на расселенческо-экономический.

Литература:

Атлас автомобильных дорог от Атлантики до Тихого океана. Минск, «Тривицм», 1999.
Транспорт в России. М.: Госкомстат РФ, 2003.
Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2004 г. М.: ФС ГС (Росстат), 2004.

Семина И. А.

ТРАНСПОРТ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Среди отраслей материального производства транспорт занимает особое место: его функция состоит в перемещении грузов и людей. Без осуществления этой функции немыслима современная экономика. Благодаря транспорту формируется сложная система связей предприятий, расположенных на обширной территории России, в различных странах мира. Ни один проект размещения нового строительства, территориальной организации производства и расселения населения не осуществляется без соответствующего учета транспортных связей, а, следовательно, - без предварительных научно-исследовательских и проектно-изыскательных разработок.

Современный экономико-географический подход к изучению транспорта предполагает изначально исследование особенностей и закономерностей территориального взаимодействия, в процессе которого реализуются информационные свойства территории и формируется территориальная структура хозяйства. Технико-экономические особенности транспорта, экономическая статистика и прочие отраслевые разделы являются дополнительными моментами (а не определяющими) в его географическом изучении. Большее значение имеют не транспортные средства, а инфраструктурные компоненты, которые отражают особенности территории. Это означает, что в экономико-географических исследованиях на первый план выходят задачи повышения надежности и маневрирования хозяйственными связями за счет чисто территориальных особенностей транспортных сетей (например, их конфигурации).

Главная особенность развития дорожной сети связана с тем, что мощность транспортных коммуникаций и их отдельных элементов можно увеличивать лишь определенными более или менее крупными пусковыми комплексами, т. е. она возрастает «дискретно». Что касается роста перевозок, то он в большинстве случаев является непрерывным и характеризуется более или менее плавной зависимостью, которая имеет скачкообразный характер лишь в отдельных ситуациях и на отдельных направлениях перевозок. Поэтому, в общем случае, развитие мощности транспортных коммуникаций не может проводиться в строгом соответствии с ростом перевозок и возникает сложная технико-экономическая задача выбора целесообразной величины фактической мощности транспортных сооружений.

Действительно, немыслимо строить дороги в том же темпе, в каком происходит рост связей. Достигнуть удовлетворительного положения можно в случае, если транспортная сеть обладает резервом их переадресовки. Этот резерв – резерв маневрирования связями – охватывается понятием «транспортная доступность». Поэтому транспортную доступность следует рассматривать не как рядовое свойство транспортной инфраструктуры, а как специфический территориальный ресурс, как одно из важнейших условий развития экономики, на данной территории. Как и всякий ресурс, он должен использоваться рационально, поэтому встает проблема измеряемости, экономической оценки транспортной доступности и учета возможного ее влияния на эффективность хозяйства.

Представление о ресурсной доступности проявилось в виде следующих положений:

1) как доход (финансовые ресурсы) характеризует уровень жизни, так и доступность характеризует условия жизни в том или ином месте [15];

2) при улучшении доступности (средняя скорость перемещения увеличивается в r раз) имеется тенденция к уменьшению количества центров в r 2/3 раз [16];

3) доступность как источник высвобождения свободного времени, уменьшения трудности сообщения и увеличения производительности труда [17];

4) как совокупность реальных и потенциальных возможностей данного места для социально-экономической деятельности [18].

---

[15] Oberg'S. Methods of describing physical access to supply points. - Lund , 1976. – 154 p

[16] Гусейн-Заде С.М. О зависимости размеров территориальных единиц от транспортной освоенности территории // Вестн. моск. ун-та. Сер.5. География.-1983.-№6.-с.31-3

[17] Графаналитический метод в графостроительных исследованиях и проектировании / А.М. Якшин , Г.М. Говоренкова , А.И. Стрельников и др. М., 1979.–188 с.

Дидерихс Ф.Ф. Об особенностях оценки городских территорий // Экономические проблемы оптимизации природопользования. М., 1973. - С.144-150.

[18] Бугроменко В.Н. Транспорт в территориальных системах. М., 1987.–112с

Среди различных видов ресурсов, рассматриваемых как совокупность возможностей развития социально-экономического потенциала той или иной территории, своеобразное место занимают диспозиционные ресурсы, которые представляют собой особые условия в регионе, создаваемые

взаимоположением объектов хозяйства и природы. Эти условия могут быть выгодными (благоприятными) и невыгодными, приводящими к дополнительным издержкам, как в экономике, так и в социальной сфере. К диспозиционным ресурсам относятся транспортно-географическое положение и его аналоги, в частности, интегральная транспортная доступность, в основе которой лежат различные конфигурации транспортных сетей.

В самом общем виде интегральную транспортную доступность можно определить как вероятность достижения любой точки территории (населенного пункта) из любой другой с заданной скоростью или за заданное время. Интегральность транспортной доступности проявляется в том, что доступность выступает не как момент удобства связи до какой-то одной или нескольких точек, она показывает возможность маневрирования грузовыми и пассажирскими связями между ними. Иначе говоря, интегральная транспортная доступность оценивает позиционно-техническую надежность связей в регионе и является характеристикой его транспортно-географического положения. Рисунок 1 показывает территориальные различия по показателю транспортной доступности в Республике Мордовия.

При географических исследованиях региональных транспортных систем возможен рейтинг территорий (административных районов) по качеству их транспортно-инфраструктурного обслуживания, начертания и технического состояния транспортной сети. В данном случае, выделяются зоны с худшей транспортной доступностью – это, как правило, периферийные территории, что подтверждает наличие географических контрастов типа «центр-периферия» в региональном развитии. Контрасты между центрами и периферией – самый элементарный и в то же время мощный импульс возникновения и воспроизводства территориального неравенства, социальной территориальной несправедливости. Последнее можно трактовать и как неравенство транспортных возможностей потребления благ социально-гарантированного минимума. Для нормальной жизнедеятельности необходимо, чтобы место работы (учебы), учреждения бытового и культурного обслуживания, зоны отдыха были досягаемы из мест жительства.

Таким образом, от транспортной доступности во многом зависят материально-техническая база, объем выполняемых услуг, формы деятельности системы организаций, обслуживающих материальное потребление и быт населения. Вполне закономерно, что характеристика транспортной доступности органически вошла в проектирование комплексных схем городов, районные планировки, в модули оценки городских земель, в определение эффективности сельскохозяйственного производства, а так же используется при оценке качества жизни и надежности систем путей сообщения в регионе.

Современный автомобильный транспорт обладает рядом особенностей, которые необходимо учитывать в региональных исследованиях. Уникальность автомобильного транспорта заключается в линейно-узловом характере его организации и наличии такого количества точечных элементов, каким не обладает ни один другой вид транспорта. Рассредоточенность организации как грузовых, так и пассажирских перевозок, технического обслуживания и текущего ремонта подвижного состава, погрузочно-разгрузочных операций, определили использование при анализе состояния автомобильного транспорта большого количества показателей. При этом многие из них малоинформативны, искажают и затушевывают существующее положение. Таким образом, проблематичность создания универсального метода анализа автомобильного транспорта определила авторский подход в исследовании регионального автомобильного транспорта, который заключается в подборе и расчете показателей, характеризующих работу автомобильного транспорта региона и его территориальной организации, выявлении территориальных различий в развитости автодорожной сети и транспортной обслуживаемости административных районов Республики Мордовия.

Республика Мордовия представляет собой аграрно-индустриальный регион, обладающий выгодным экономико-географическим положением в связи с близостью к экономически развитым регионам, а также крупнейшим евразийским трансконтинентальным коридорам страны и ведущим автодорожным и железнодорожным магистралям. В Мордовии административные районы расположены относительно близко к региональному центру. Автомобильный транспорт является ведущим, поскольку именно он выполняет основные пассажироперевозки и перевозки сельскохозяйственных грузов в пределах региона; ряд районов имеют только автодорожную сеть. Природные условия, транспортно-географическое положение, сочетание на территории региона отраслей машиностроительного, агропромышленного и строительного межотраслевых комплексов, устойчивая сеть поселений, относительно небольшие расстояния между столицей, промышленными и

административными центрами – все это способствует экономическому развитию и эффективному функционированию транспортной системы Мордовии. В то же время наличие большого количества средних и малых рек, недостаточная материальная и производственная база, недостаток собственных высококачественных строительных и других природных материалов сдерживают развитие экономики и дорожного строительства

Для выявления территориальных различий в развитии дорожной сети Мордовии нами рассчитаны показатели плотности (Энгеля - Юдзуру Като, Ю.И.Успенского, О.В.Попова, Л. И. Василевского) и конфигурационных особенностей сетей административных районов Мордовии (таблица 1). Следует отметить, что систему показателей, отражающих топологические свойства морфологии транспортных сетей, предложил американский географ Карел Канский. Канским были представлены простые количественные показатели, отражающие уровень топологической сложности сети. К ним можно отнести: индекс формы, индекс связанности, число ребер в сети, которое можно интерпретировать как топологическую протяженность всей сети, число вершин в сети, число изолированных (автономных) компонентов, число циклов в сети (или цикломатическое число), топологический диаметр сети (измеряется числом ребер). Наиболее важными и эффективными из них являются: цикломатическое число, индекс формы, индекс связанности. Цикломатическое число показывает количество замкнутых циклов графа транспортной сети, чем больше зацикленных участков, тем более надежна дорожная сеть при осуществлении перевозок. Индекс связанности отражает уровень развития транспортной сети. При значении индекса меньше 1 сеть считают слабо связанной, при индексе равном 1, в сети имеется один замкнутый контур, при индексе больше 1 сеть считают сложной. Почти во всех административных районах Мордовии (таблица 1) обозначенный индекс близок к 1, чуть меньше - в Атюрьевском, Инсарском и Лямбирском районах. По исследуемым показателям морфологии транспортной сети выделяются Чамзинский, Зубово-Полянский и Ромодановский районы республики

Транспортные системы со сходными количественными показателями - общая протяженность и плотность сети, масса и скорость движения транспортных единиц и прочие, но с разными схемами начертания сети обладают неодинаковыми возможностями выполнения перевозок и развития.

Коэффициент технической надежности (КНТ) показывает отношение фактической и нормативной скоростей, имеет норматив равный 1. Однако, данный показатель не соответствует нормативу ни в одном из районов Мордовии. Лучшими значениями обладают Ельниковский, Ромодановский, Краснослободский и территория Саранского горсовета (таблица 1).

Таблица 1 –

Показатели развитости дорожной сети административных районов Республики Мордовия

Районы	ИТД	КТН	Показатели морфологии сети		
			Цикломa	Индекс	Индекс формы
Ардатовский	0,72	0,76	1	1,0	3,7
Атюрьевский	0,63	0,63	0	0,9	2,6
Атяшевский	0,73	0,76	3	1,1	2,8
Б.Березниковский	0,57	0,79	4	1,1	3,0
Б.Игнатовский	0,81	0,60	1	1,0	3,4
Дубенский	0,53	0,78	4	1,1	3,0
Ельниковский	0,56	0,88	1	1,0	4,0
Зубово-Полянский	1,13	0,69	10	1,2	4,7
Инсарский	0,67	0,77	1	0,9	2,3
Ичалковский	0,61	0,74	2	1,0	4,6
Кадошконский	0,69	0,70	1	1,0	4,0
Ковылкинский	1,58	0,47	4	1,0	6.0
Кочкуровский	0,68	0,67	5	1,1	2,4
Краснослободский	0,67	0,85	1	1,0	3,2
Лямбирский	0,88	0,82	2	0,9	2.0
Ромодановский	0,54	0,88	1	1,1	5,2
Рузаевский	0,41	0,72	4	1,2	4,1
Старошайговский	0,74	0,71	3	1,1	3,3
Темниковский	0,84	0,74	3	1,1	4,5
Теньгушевский	0,93	0,65	6	1,2	4,1
Торбеевский	0,74	0,74	7	1,2	5,0
Чамзинский	0,52	0,76	7	1,2	6,2
Территория Саранского горсовета	0,29	0,82	2	1,1	3,3

Начертание сети рассматриваемых дорог Мордовии представлено ациклической сетью («дерево») и слабосвязанной сетью (с незначительными элементами цикличности). Даже в относительно благоприятных районах (Зубово-Полянский, Чамзинский) надежность начертания их сетей не соответствует нормативу, так как связки, циклические звенья сети имеют, как правило, низкое техническое состояние. Поэтому начертание сети автомобильных дорог Республики Мордовия является крайне ненадежным. Радикальная сеть автомобильных дорог Мордовии сдерживает социально-экономическое развитие региона.

Сравнительный анализ с учетом рассчитанных показателей позволяет выявить территориальные различия и нерешенные проблемы в развитии региональной транспортной сети. В Мордовии прослеживается наличие контраста типа «центр-периферия», с чем связаны условия и образ жизни населения, приоритетность мест жительства. Прогнозирование дальнейшего развития автомобильного транспорта Республики Мордовия требует создания серии синтетических карт.

Для получения типологических синтетических характеристик и дальнейшего их отображения на карте использовался кластерный анализ. Смысл кластеризации заключался в разбиении территориальных единиц по множеству показателей на группы. При разбиении требуется, чтобы в один кластер попали объекты наиболее похожие, «однородные», «близкие», а в различные кластеры попали объекты, наиболее «далекие», «разнородные». Даже при фиксированном числе кластеров существует множество различных способов такого разбиения. Предварительно исходные показатели (ИТД, КТН, цикломатическое число графа, индекс связанности, индекс формы, коэффициенты Энгеля, Успенского, Василевского, Попова) нормируем, чтобы привести их к соизмеримому виду. Нормированные показатели образуют матрицу, на основе которой рассчитываются, евклидовы расстояния. Все рассчитанные расстояния образуют симметричную матрицу с нулевыми элементами по главной диагонали. На основе матрицы евклидовых расстояний строится «дендрит» (рисунок 2) – древовидный неориентированный граф связей территориальных единиц по комплексу обозначенных показателей, который показывает деление административных районов Мордовии на группы. При данном моделировании типологических синтетических характеристик транспортной сети использовался метод Варда, который основывается на анализе дисперсий, группы выделяются так, чтобы вариация внутри них была минимальной, а между ними – максимальной. По результатам данного моделирования была создана карта (рисунок 3).

Для проведения типологии территориальных единиц применим алгоритм оценочной классификации, разработанный Тикуновым В. С. [19] , который позволяет использовать ГИС-технологии для создания синтетической карты, представляющей собой моделирование оценочных характеристик. Территориальным носителем информации выбран административный район. Каждый район характеризуется набором следующих показателей: КТН, пассажирооборот автобусов, индекс связанности, цикломатическое число графа, коэффициент Успенского.

Получение интегральных характеристик выполнено на основе вектора размерности D (n). Вектор различий D (n) показывает степень удаленности (близости) всех реальных территориальных единиц от условной, имеющей наилучшие или наихудшие оценочные условия, в нашем случае показывает степень удаленности от условного «наихудшего» района. По значениям интегрального показателя, отражающего комплекс рассматриваемых характеристик автодорожной сети Мордовии, можно наметить пять групп территориальных еденицы.

На основе полученных данных с помощью ArcView ГИС построена карта, отражающая территориальные особенности автодорожной сети Республики Мордовия. Данная синтетическая карта (рисунок 4) отражает существование пяти типов районов в республике по развитости автодорожной сети и транспортной обслуживаемости : *I тип – развитая, с достаточной обслуживаемостью* (Зубово-Полянский); *II тип – развитая, с недостаточной обслуживаемостью* (Торбеевский, Рузаевский, Чамзинский, Саранский); *III тип – среднеразвитая, с недостаточной обслуживаемостью* (Теньгушевский, Темниковский, Ельниковский, Старошайговский, Ичалковский, Атяшевский, Дубенский, Большеберезниковский, Кочкуровский, Ромодановский); *IV тип – слаборазвитая, с достаточной обслуживаемостью* (Атюрьевский, Краснослободский, Ковылкинский, Кадошкинский, Инсарский, Лямбирский, Ардатовский); *V тип – слаборазвитая, с недостаточной обслуживаемостью* (Большеигнатовский).

[19] Тикунов В.С. Классификации в географии: ренесанс или увядание? (опыт формальных классификаций). – Москва- Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – 367 с.

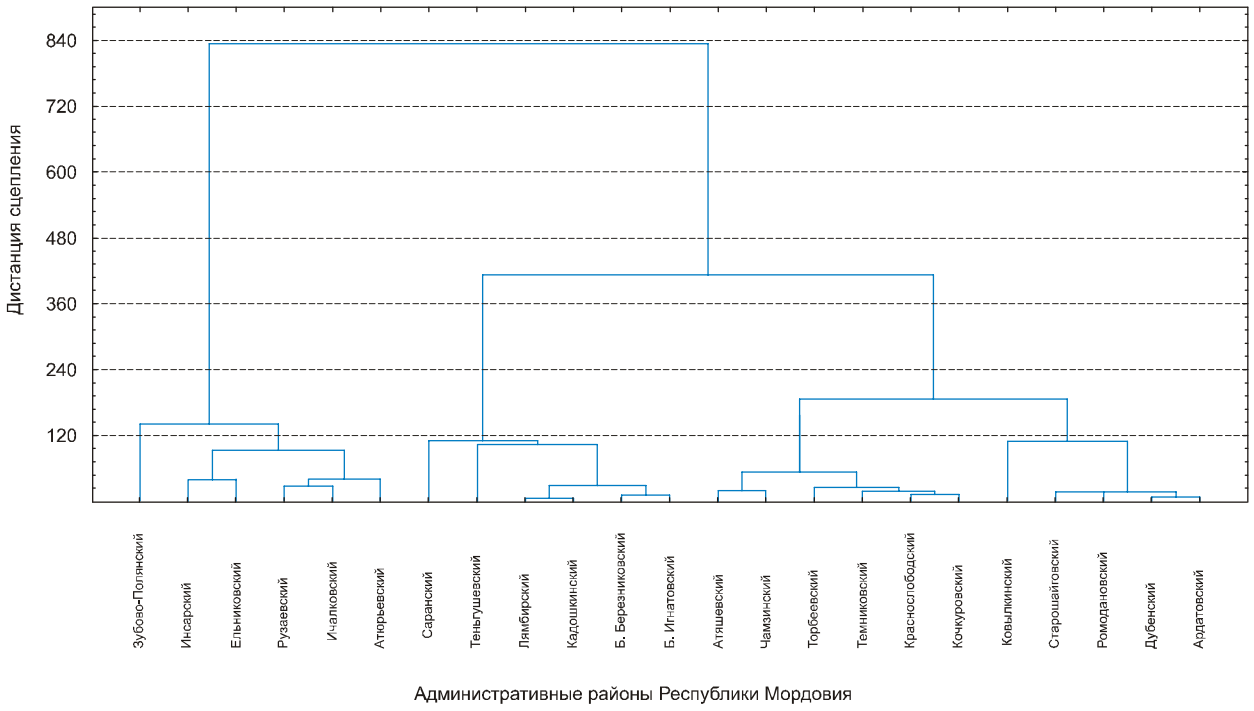

Рисунок 2 – Дендрограмма, построенная по результатам кластерного анализа (методом Варда)

Рисунок 3 – Деление административных районов Мордовии по показателям развитости и плотности автодорожной сети (по методу Варда)

Рисунок 4 - Территориальные особенности автодорожной сети Мордовии

Подводя итог проведенной комплексной оценке развития и функционирования дорожной сети Мордовии, следует отметить, что в республике существует ряд нерешенных транспортных проблем, «недоразвитость» транспортной сети сдерживает социально-экономическое развитие региона. Предложенное моделирование типологических и оценочных синтетических характеристик дорожной сети Республики Мордовия может быть использовано при решении проблем функционирования автомобильного транспорта региона и территориальном планировании.

В заключении выделим некоторые методологические установки, которые важны при планировании территориального развития транспортной сети:

- обеспечение потребностей хозяйственного комплекса и населения в перевозках, имея в виду определенные моменты времени, учет качества начертания сети как дополнительного ресурса социально-экономического развития региона;
- улучшение функционирования транспортной системы за счет увеличения, в первую очередь, скорости движения, а не нагрузки на ось автомобиля;
- различие и стыковка интересов территорий различной иерархии;
- обеспечение пространственно-временного единства территорий проживания и хозяйственной деятельности.

Фоломейкина Л. Н.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ.

Темпы роста объема перевозок и количества автотранспортных средств обусловили тот факт, что транспортные системы в настоящее время выступают мощным техногенным фактором воздействия на окружающую среду. В связи с этим в круг задач географии транспорта как отрасли экономической географии входит изучение закономерностей взаимодействия транспортных систем, как отраслевых, так и региональных, не только с территориально-производственными системами и системами расселения, но и с окружающей средой. Несмотря на остроту экологических проблем функционирования транспорта, данное направление исследований не получило еще достаточно широкого развития. Исследование функционирования автомобильного транспорта в окружающей среде является сложной и многоцелевой задачей.

На наш взгляд, такого рода задачи могут быть успешно решены географической наукой, в рамках которой экономико-географический и геоэкологический подходы позволяют раскрыть территориальные особенности воздействия транспорта на среду.

Актуальность данного исследования определяется также слабой разработкой системного подхода в вопросе взаимодействия транспорта и окружающей среды, отсутствием количественных показателей для изучения распространения воздействий автотранспорта в пределах всей коммуникационной сети и отдельных её звеньев. Для составления комплексных программ социально-экономического и экологического развития регионов с целью учета несовпадающих интересов территорий различной иерархии в транспортных инвестициях, а также при принятии управленческих решений в области регионального развития и охраны окружающей среды необходимо выявить территориальные различия воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду. С этой целью проведем **типологию** административных районов Республики Мордовия ***по степени воздействия автомобильного транспорта, для чего отберем ряд показателей, отображающих данное явление.***

Порайонная количественная оценка воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду, *с учетом выброса загрязняющих веществ*, позволит объективно провести рейтинг районов по величине загрязняющих веществ *в зависимости от класса опасности*, и тем самым определить районы с наибольшей загрязнительной нагрузкой. В таблице 1 представлена обобщающая картина остроты транспортного воздействия, с учетом выброса загрязняющих веществ. «Вес» того или иного загрязняющего вещества неодинаков, и в качестве коэффициентов здесь выступают классы опасности загрязняющих веществ.

Следует отметить, что минимальные значения в ряду очередности присваивались районам с худшими значениями выбранных показателей. Очередность по степени нагрузки указана в таблице целым числом, которое умножается на обозначенный коэффициент и по взвешенной сумме мест определяется их значимость.

На основании результатов расчетов все районы Республики Мордовия можно условно разделить на 3 группы в зависимости от степени нагрузки. К первой группе принадлежат 5 районов (Рузаевский (самый высокий уровень загрязнения), Чамзинский, Краснослободский, Лямбирский и Зубово-Полянский), в которых «загрязнительная» нагрузка в результате функционирования автомобильного транспорта является наибольшей. Здесь присутствует самое большое количество загрязняющих веществ 1-го класса опасности. Во вторую группу входят районы со средней суммой мест от 50 до 120. В третью группу – районы которые имеют лучшие показатели, здесь «загрязнительная» нагрузка занимает в рейтинге самые последние места (Ельниковский, Темниковский, Кочкуровский, Атюрьевский, Кадошкинский, Большеберезняковский, Большеигнатовский).

В таблице 2 представлены *плотностные показатели дорожной сети* РМ, используемые при ранжировании административных районов. В таблице 3 – *показатели воздействия автомобильного транспорта* на среду РМ.

Для проведения типологии применим алгоритм оценочной классификации, разработанный Тикуновым В. С. [2] позволяющий использовать ГИС-технологии для создания синтетической карты интегрального показателя транспортной нагрузки на территорию административных районов Мордовии. Территориальным носителем информации был выбран административный район. Каждая

Таблица 1

Рейтинг административных районов Республики Мордовия с учетом выброса загрязняющих веществ по взвешенной сумме мест

№	Район	Класс опасности загрязняющих веществ				Взвешенная сумма мест
		1	2	3	4	
1	Рузаевский	5	1	1	1	14
2	Чамзинский	9	3	3	2	32
3	Краснослободский	7	2	2	4	33
4	Лямбирский	2	4	6	3	40
5	Зубово-Полянский	3	5	4	6	49
6	Ковылкинский	6	6	5	5	53
7	Ардатовский	8	7	7	6	67
8	Атяшевский	4	8	9	7	75
9	Дубенский	10	9	8	8	84
10	Торбеевский	12	10	10	8	94
11	Инсарский	13	11	11	9	103
12	Ромодановский	1	13	13	11	110
13	Старошайговский	14	12	12	10	114
14	Ельниковский	15	14	14	12	133
15	Ичалковский	13	14	15	13	138
16	Темниковский	16	15	16	13	146
17	Кочкуровский	17	16	17	14	156
18	Теньгушевский	11	17	19	15	162
19	Большеберезниковский	18	18	18	15	168
20	Кадошкинский	20	20	20	17	188
21	Атюрьевский	21	19	22	16	189
22	Большеигнатовский	19	21	21	18	195

территориальная единица характеризуется набором следующих расчетных показателей: коэффициент Энгеля, коэффициент Успенского, коэффициент Василевского, густота автодорог с интенсивностью движения более 1000 автотранспортных средств в сутки, густота федеральных дорог, показатель автотранспортного загрязнения газообразными токсичными веществами [20], взвешенная сумма мест с учетом выброса загрязняющих веществ в зависимости от класса опасности (табл. 1), доля дорожных зон ландшафтов [21], ущерб от загрязнения автотранспортом атмосферы [22]. Их прежде всего следует нормировать, для чего, удобно использовать формулу:

$$\widehat{x}_{ij} = \frac{\left| x_{ij} - \dot{x}_j \right|}{\left| \max/\min x_j - \dot{x}_j \right|}, \quad i = 1,2,3,\ldots,n, \qquad (1)$$

$$j = 1,2,3,\ldots,m,$$

где n - количество территориальных единиц; m - количество показателей (x_{ij}); $\dot{x}$ - наилучшие (или наихудшие) для каждого показателя оценочные значения; $\max/\min x$ - экстремальные значения показателей, наиболее отличающиеся от величин $\dot{x}$:

[20] представляет собой отношение выброса масс токсичных компонентов загрязняющих веществ к площади территории и численности населения;

[21] отвод дорог под дорожное строительство и придорожную территорию; под дорожной зоной ландшафта будем понимать придорожную территорию, формирующуюся в результате функционирования транспортных путей в природных ландшафтах;

[22] рассчитывается по специальной методике и представляет собой денежное выражение ущерба причиняемого годовыми выбросами загрязнений в атмосферный воздух над изучаемой территорией;

$$_{\max/\min} x \equiv_{\min} x \quad если \quad \left|_{\min} x - \dot{x}\right| > \left|_{\max} x - \dot{x}\right|,$$
$$_{\max/\min} x \equiv_{\max} x \quad если \quad \left|_{\min} x - \dot{x}\right| \le \left|_{\max} x - \dot{x}\right|. \qquad (2)$$

Данное нормирование дает возможность выразить отклонения всей системы показателей от наилучших или наихудших оценочных значений и тем самым правильнее с содержательных позиций их соизмерить между собой. Находим суммарные значения показателей (3)

$$S_i = \sum_{j=1}^{m} \frac{\left|x_{ij} - \dot{x}_j\right|}{\left|_{\max/\min} x_j - \dot{x}_j\right|}, \quad i = 1,2,3,\ldots,n, \quad j = 1,2,3,\ldots,m. \qquad (3)$$

Такие величины приближенно характеризуют оценочное положение территориальных единиц за счет того, что чем сильнее их показатели отличаются от наилучших значений ($\dot{x}$), тем величина S_i будет больше, тем хуже синтетическая оценочная характеристика у соответствующей территориальной единицы (и наоборот для наихудших значений). Средние для таксонов величины S_i позволяют дать им качественные характеристики оценки, например, как очень плохие, плохие, хорошие и т. д., а также количественно, хотя и в грубой форме, их сопоставлять между собой.

Проблема выбора показателей остается наиболее сложной и в настоящее время. При решении данной проблемы мы опробовали три варианта систем оценивания показателей. Первый вариант предполагает участие всех показателей транспортной нагрузки. Второй вариант был построен на гипотезе о значительной роли показателя автотранспортного загрязнения дорожной сети.

Ранжирование территориальных единиц достигается вычислением вектора размерности *D°(n)*. Вектор различий *D°(n)* показывает степень удаленности (близости) всех реальных территориальных единиц от условной, имеющей наилучшие или наихудшие оценочные условия $\dot{x}$ (формула 4), в нашем случае удаленности от условного «наихудшего» района.

$$d_{ik} = \sqrt{\sum_{j=1}^{m} (\hat{x}_{ij} - \hat{x}_{kj})^2}, \qquad i = 1,2,3,\ldots,n, \quad k = 1,2,3,\ldots,n, \qquad (4)$$

Ниже приводим три варианта ранжирования административных районов на основе трех информационных массивов, что позволяет сравнить их между собой (табл. 4).

Для того, чтобы сделать исследование более комплексным и наглядным представим графически интегральную оценку транспортного воздействия. Нанесем на график положение всех административных единиц, слева - оценок воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду, справа - плотностных характеристик транспортной сети. (рис. 1)

Такое графическое представление двух взаимосвязанных ранжировок может анализироваться как совместно, так и порознь. Так, прежде всего, бросается в глаза достаточно резкое отличие по комплексу показателей функционирования автодорожной сети Атюрьевского района, где на наш взгляд сложилась наиболее благоприятная ситуация, которая характеризуется достаточной обеспеченностью автодорожной сетью. По показателю воздействия этот район является более благополучным, нежели остальные. Объясняется это тем, что здесь самый маленький пробег автотранспортных средств, поскольку данный район довольно слабо развит в хозяйственном отношении и интегральный показатель транспортной нагрузки на территорию, является максимальным, имеет значение равное единице.

Следующая группа районов имеет средний показатель транспортной нагрузки на территорию от 0,7 до 0,35, в нее вошли 15 районов. Здесь плотностные показатели автодорожной сети имеют лучшие и средние значения. Из этой группы по показателям воздействия выделяются районы: Зубово-Полянский, Лямбирский, Чамзинский,. Наблюдается зависимость: наибольшая плотность автодорожной сети – высокий уровень воздействия автотранспорта.

Таблица 4

Классификация административных районов Мордовии при различных вариациях оценки функционирования автомобильного транспорта

№	район	*D°(n)* С позиций оценки воздействия	*D°(n)* С позиций плотностных характеристик сети	*D°(n)* При учете всех показателей
1	2	3	4	5
1	Ардатовский	0,4137	0,3812	0,1967
2	Атюрьевский	1	1	1
3	Атяшевский	0,4163	0,0968	0
1	2	3	4	5
4	Большеберезниковский	0,9533	0,0499	0,3053
5	Большеигнатовский	0,8755	0,0492	0,2213
6	Дубенский	0,2270	0	0,1885
7	Ельниковский	0,5318	0,5393	0,3238
8	Зубово-Полянский	0,2957	0,4560	0,3463
9	Ичалковский	0,6589	0,7038	0,3730
10	Инсарский	0,7652	0,4135	0,5553
11	Кадошкинский	0,9676	0,5777	0,3155
12	Краснослободский	0,3040	0,0470	0,1865
13	Ковылкинский	0,6278	0,4648	0,3279
14	Кочкуровский	0,3087	0,3768	0,1762
15	Лямбирский	0,1115	0,4472	0,1947
16	Ромодановский	0,5149	0,6510	0,3566
17	Рузаевский	0,0026	0,5205	0,0635
18	Старошайговский	0,0835	0,5616	0,4816
19	Темниковский	0,7056	0,5470	0,2234
20	Теньгушевский	0,6368	0,1848	0,2008
21	Торбеевский	0,5019	0,3856	0,2541
22	Чамзинский	0	0,5924	0,0820

Еще одна группа характеризуется самыми низкими показателями (6 районов), где наименьший интегральный показатель транспортной нагрузки – менее 0,2. К таким районам относятся Теньгушевский, Темниковский, Атяшевский, Большеберезняковский, Кадошкинский, Большеигнатовский. Таким образом, подтверждается ранее замеченная «подчиненность» автотранспортного воздействия плотностным показателям, поскольку по графу наблюдается именно наилучшее расположение этих районов (т. е. показатели воздействия здесь самые низкие) .

Следующим этапом работы было выделение таксонов. Для этого вычисляли приращения последующих ранжированных значений вектора оценочных характеристик *D°* над предыдущими. Из набора (n-1) приращений находили минимальное, и связываемые им территориальные единицы объединяли в один таксон. Данное приращение исключали из дальнейшего анализа и отыскивали новое минимальное приращение, которое позволяло сгруппировать еще две территориальные единицы и т. д. В результате такой процедуры получили иерархически упорядоченные между собой таксоны, необходимые для создания оценочной карты.

На основе полученных данных с помощью ArcView GIS построена карта воздействия автомобильного транспорта республики Мордовия на окружающую среду по интегральному показателю (рис. 2). Синтетическая оценочная карта воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду отражает существование трех типов районов в республике: со слабой (I тип), средней (II тип) и сильной (III тип) степенью воздействия. Атюрьевский, Кадошкинский, Большеигнатовский и Большеберезниковский районы составили первый тип, а Рузаевский, Чамзинский, Лямбирский – третий, наиболее проблемный тип районов.

Таким образом, проведенное исследование показало, что воздействие автомобильного транспорта на окружающую среду в Республике Мордовия проявляется неравномерно. Особенно воздействие усилено в восточной части республики, так как здесь наибольшая густота автомобильных дорог, интенсивность движения и т. п. Зависит это и от ряда факторов, таких как качество дорожной сети, ее техническая оснащенность, загруженность коммуникаций, структура автомобильного потока, скорость транспортных средств, освоенность и озелененность придорожной полосы

Среди географических особенностей воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду, выделим следующие:

- в отличии от промышленного (точечного и стационарного), сельскохозяйственного (ареального) – транспортное воздействие носит линейный и линейно-узловой характер;
- преобладающие моноцентрические типы транспортных сетей способствуют тому, что густота дорог возрастает к центру (город, административный центр, транспортный узел) и соответственно увеличивается транспортная нагрузка на основных подъездах к городу (в пригородных территориях и «транспортных развязках»);
- проявляется сезонная неравномерность транспортной нагрузки на дорожную сеть, что и определяет сезонный характер воздействия на окружающую среду;
- воздействие транспорта на окружающую среду носит пространственный характер, изменяясь (в сторону уменьшения) по мере удаления от магистралей.

Литература

1. Семина И. А. Транспортная инфраструктура и социально-экономический рейтинг мест (на примере Республики Мордовия): Дис. … канд. геогр. наук. – М., 1995. – 160 с.
2. Тикунов В. С. Классификации в географии: ренесанс или увядание ? (опыт формальных классификаций). – Москва – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – 367 с.

Кашутин П.С.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОТОВОЙ СВЯЗИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Мобильная связь в целом, и сотовая в частности, признается глобальной движущей силой социально-экономического прогресса и мощным механизмом содействия промышленности в повышении ее конкурентоспособности и достижения устойчивого экономического роста, а также сбалансированного социального и культурного развития.

Связь наиболее эффективно решает извечную проблему человеческого общества преодоление больших расстояний с минимальными затратами. Перед сотовой связью, как и перед другими видами связи, стоят общие задачи глобализации, интернационализации и интеграции. Разобщенность сетей, линий связи, используемых стандартов, а также различия в количестве населения, площади территории, рельефе различных стран и регионов внутри этих стран уменьшает эффективность всей системы связи и мобильной связи, в частности.

И хотя сотовая связь изначально создавалась для нужд лишь городского населения, на сегодняшний момент она является, чуть ли не единственной возможностью для сельских жителей поддерживать связь с внешним миром.

На сегодняшний момент уровень проникновения сотовых сетей среди, например, сельского населения РФ составляет около 25% при ежегодном приросте 3%, что является не очень высоким показателем. Лидерами по степени проникновения сотовой связи среди сельского населения по итогам 1 квартала 2005 г. являются Северо-Западный и Центральный регионы. Самым крупным рынком по численности абонентов сотовой связи среди сельского населения является Краснодарский край, где объем абонентских баз операторов среди сельского населения превысил 1 млн человек. В лидирующую пятерку входят также: Московская, Ростовская, Ленинградская области и Ставропольский край. Меньше всего абонентов сотовой связи зафиксировано в Дальневосточном регионе.

Более того, при происходящем постоянном насыщении абонентской базы в крупных городах, (например: в Москве плотность сотовых телефонов составляет около 80%), большинство компаний операторов фокусирует в настоящий момент все свои силы и активность именно в регионах. Важно помнить, что хоть Россия и является страной с высоким (более 70%) уровнем урбанизации, большая часть горожан – выходцы из сельских поселений. Подавляющее большинство горожан – это выходцы из села в первом или во втором поколении. Доля горожан в третьем поколении, по примерным оценкам, меньше 20%. А потомков дореволюционных горожан еще меньше, например, в Москве –

около 3%. В малых городах, где проживает более 15% горожан, образ жизни населения остается до сих пор близким к сельскому, немалая часть жителей имеет достаточно развитое подсобное хозяйство. Постоянный контакт городских и сельских жителей, причем как делового, так и личного характера подчеркивает важность развития сотовых сетей не только в городах, но и в сельской местности.

Что же касается рассматриваемого региона – Северной Америки в целом и США в частности в 70-80-х гг. прошлого столетия в сельских районах происходило ускоренное развитие несельскохозяйственных отраслей на фоне долгосрочного сокращения сельскохозяйственного сектора. В результате повысилась степень отраслевого многообразия сельской экономики и по основным пропорциям она приблизилась к городской. Диверсификация экономики сельской местности осуществлялась в значительной степени за счет размещения в ней филиалов крупных городских промышленных компаний. В данном случае применение сотовой, а не стационарной (как это было ранее) связи, также в сельскохозяйственных районах весьма позитивно сказалось на развитие этих регионов. Противоречивые последствия с точки зрения обеспечения более полной занятости сельского населения несет с собой и углубляющаяся хозяйственная специализация сельских районов, их вовлечение в сферу национального разделения труда. Важнейший аспект обеспечения стабильности процесса сельского развития - нахождение оптимального соотношения между автономностью сферы занятости сельской общины и степенью ее интеграции в национальную хозяйственную систему. Таким образом, имея изначально цель обеспечить прочную, удобную и доступную систему связи внутри крупных городов, сотовая связь практически во всех регионах мира начала заменять стационарную, к которой все привыкли до недавнего времени и которая являлась основой контактов, связи и работы людей, проживающих на периферии.

Еще какие то 10-15 лет назад стационарная связь была чуть ли не единственным средством общения людей и никто не мог предположить такого бурного развития мобильной сотовой связи, которая в наши дни все больше вытесняет своего уже весьма слабого конкурента. Все более активное проникновение в жизнь сотовой телефонии естественно отрицательно сказывается на числе абонентских стационарных линий. По оценке крупнейшего продуцента оборудования связи финской компании «Nokia» их число в рассматриваемом регионе и конкретно в США (где до появления мобильной связи многие семьи имели по две стационарные линии) начало сокращаться.

Согласно закону природы практически сразу возник вопрос о рациональности использования стационарной связи и ее возможном исходе в ближайшее время. В связи с этим достаточно интересным является детальное изучение процесса развития и становления сотовой связи в Северной Америке, в условиях весьма сложного и непредсказуемого пользователя ее продукции - человека.

Среди основных социально-экономических факторов развития сотовой связи Северной Америки, на наш взгляд, можно выделить следующие:

- особенности трафика мобильной связи в сравнении с другими регионами мира;
- специфика получения доходов компаниями-операторами;
- влияние сотовых телефонов на здоровье человека.

Объем трафика сотовой связи в странах мира не везде одинаков. Следует отметить, что страны Северной Америки не являются лидерами по данному показателю, уступая скандинавским странам (табл. 1).

Таблица 1.

Исходящий телефонный трафик ведущих стран мира в конце 1998 г.

Страна	Трафик, мин/абонента
Сингапур	689,2
Скандинавские страны	477,2
Канада	230,0
Великобритания	170,3
США	132.3
Испания	110,7
Италия	104,1
ФРГ	101,3
Франция	100,0

Источник: [II.7]

Из таблицы видно, что при сравнении США и Канады с крупными государствами ЕС, первые находятся на более высоком уровне. Не следует также забывать о том, что плотность сотовых телефонов в странах ЕС намного выше, что, безусловно, сказывается и на трафике разговоров.

Еще одним фактором, влияющим на объем трафика, является уменьшение доходов сотовых компаний в Северной Америке и, как следствие, удешевление услуг мобильной связи. В отчете компании Econ One, проводящей исследования рынков, был приведен анализ состояния расходов абонентов США на сотовую связь за 12 месяцев с октября 2002 г. по сентябрь 2003 г. За этот период средние расходы на использование мобильного телефона упали на 13,4%. Анализ проводился по 20 основным городам США и лишь в одном (Тампа, штат Флорида) был зафиксирован рост доходов. Пользователи, попадающие в категорию «500 минут разговоров в месяц», стали платить в месяц 55,22, вместо 61,35 долл., или на 10,3% меньше. Характерно, что для тех, кто говорит меньше 30 минут в месяц, расходы даже возросли на 0,6%. Компания прогнозирует, что в ближайшем будущем пользование мобильной связью будет неуклонно расти (за год рост составил 50%), а расходы падать. Больше всего расходы на связь сократились у жителей Далласа (20,4%), Чикаго (15,5%) и Сан-Франциско (14,9%)[III.3].

Немаловажным фактором, непосредственно влияющим на уровень дохода компаний-операторов в расчете на одного абонента, является процентное соотношение пользователей, работающих по кредитной или авансовой системе оплаты связи. Так, Английская компания «Baskerville» (специализируется на аналитических обзорах по индустрии мобильной связи) подготовила обзор о перспективах использования систем предоплаты услуг мобильной связи компаниями-операторами. В обзоре, в частности, отмечается, что в 2009 г. число абонентов, использующих эти системы, в мире превысит 1,35 млрд, или 59% общего числа абонентов мобильной связи [II.8].

В абонентской базе мобильной связи с системами предоплаты основное место занимают страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Западной Европы и Латинской Америки; в то же время весьма незначительной является доля США и Канады.

Весьма интересными представляются данные информационного агентства The Yankee Group, полученные в ходе опроса населения США в 2002 г. на тему использования мобильных телефонов. Более 2/3 звонков (73%) населения страны являются личными, а 28% соответственно деловыми. Что касается места для разговоров, то 61% опрошенных предпочитают звонить из автомобиля или других транспортных средств, 6% - с работы и 12% из дома. Также компанией был отмечен весьма интересный факт, более характерный, по всей видимости, для представителей западноевропейских государств, что 1/3 американцев при возможном звонке, как со стационарного, так и с сотового телефона, предпочитают последний. Однако 75% населения предполагают, что беспроводные и стационарные телефоны никогда не станут конкурентами и всегда будут «сами по себе». Примерно 1/3 американцев, имеющих детей, сообщили, что, по крайней мере, один их ребенок в возрасте до 18 лет пользуется сотовым телефоном [II.1]. В качестве основной причины покупки телефона своим детям половина населения называет обеспечение их безопасности. Оплату за услуги связи производят также сами родители в большинстве случаев. Одним из наиболее интересных сведений, на наш взгляд, можно считать тот факт, что 40% американцев не интересует использование сотовой связи для выхода в Интернет. Очевидно, американцы не сильно осведомлены о несомненных преимуществах сетей третьего поколения.

Интересной для рассмотрения представляется также еще одна социально-экономическая проблема сотовой связи, такая, как переход от одного оператора связи к другому или вообще отказ от услуг связи. Дело в том, что стремительное развитие мировой отрасли мобильной связи стимулирует появление на рынке новых операторов, и, следовательно, приводит к изменению политики старых операторов, а также создает ожесточенную конкурентную борьбу за клиента. Операторами разрабатываются все новые и новые маркетинговые ходы, изменяется тарифная политика, происходит дальнейшее территориальное и технологическое развитие, совершенствуется и существенно расширяется предоставляемый клиентам сервис. Это предоставляет абонентам экономически развитых стран возможность реального выбора варианта сотового обслуживания, исходя из той суммы, которую они готовы потратить на эти услуги. Усиление конкурентной борьбы и резкое снижение цен создало в этой сфере услуг ситуацию, при которой клиент может легко прекратить пользоваться услугами своей компании и подписать контракт с ее конкурентом. Предупреждение такой ситуации становится для операторов одной из важнейших задач. Положение операторов усугубляется еще и тем, что в 2002 г. в США вводится система, позволяющая абоненту сохранять номер мобильного телефона при переходе от одной компании к другой.

По мнению специалистов, для выявления проблемы отказа абонентов от услуг связи или перехода к другому оператору, провайдеры сотовой связи, в первую очередь, должны быть оснащены специализированной информационной технологией, одна из многочисленных функций которой

заключается в предоставлении сотовой компании информационных и аналитических возможностей для распознавания возникающих проблем. При этом минимальным требованием для поставщика телекоммуникационных услуг является наличие биллинговой системы, напрямую связанной с финансовой и информационной системами.

Интегрированное использование этих систем дает компании возможность провести оперативный анализ количества отказов от услуг связи и наиболее эффективно противодействовать этому процессу. Например, в Великобритании несколько лет назад это явление затронуло компании сотовой связи в пределах 25% в год. Одна из компаний-операторов провела анализ, который позволил установить, что значительная часть абонентов отказывается от услуг примерно через три месяца после заключения контракта. Тогда компания развернула специальную программу удержания клиентов (Loyalty program). Эта программа включала в себя предоставление некоторых бесплатных услуг или скидок, предложенных абонентам при выставлении счетов за третий месяц обслуживания.

Еще одним важным фактором для компании являются счета, выставляемые корпоративным клиентам, поскольку именно на них в мире приходится львиная доля всех финансовых поступлений в пользу оператора. Для телекоммуникационных компаний типичным является их распределение в пропорции 80/20, означающей, что 80 процентов поступлений приходится на 20 процентов подключенных клиентов [III.12]. Правильный подход к работе с корпоративными клиентами очень важен и потому, что, как правило, выход на сотовый рынок новых его участников ориентирует их в сторону наиболее прибыльной клиентуры, уже обслуживаемой у других операторов.

В результате проведенных в США исследований были определены основные причины смены абонентом своего сотового оператора (рис. 1), а также причины отказа от услуг сотовой связи (рис. 2).

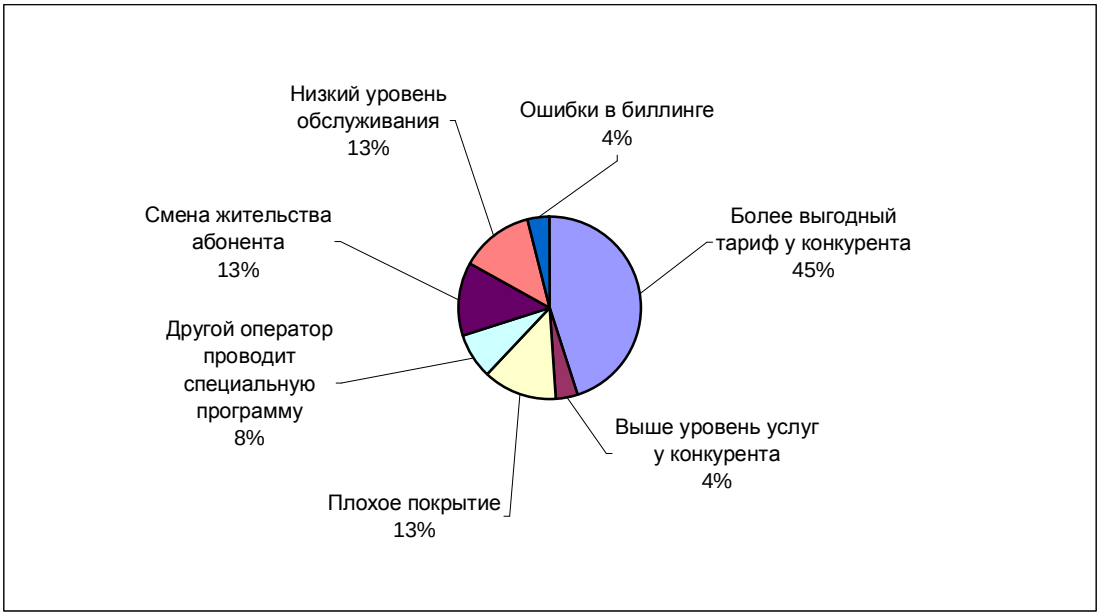

рис. 1Основные причины смены сотового оператора в США. Источник:[III.12]

Эксперты отмечают также то, что основным причиной выбора клиентом того или иного сотового оператора остается минимальная сумма первоначального платежа - цена на сотовый телефон, месячная абонентская плата, тариф за минуту разговора и величина гарантийного взноса.

В то же время сотовым операторам удается добиться существенного увеличения абонентского трафика, добавляя к существующим услугам новые дифференцированные виды обслуживания, увеличивая число успешных соединений, стимулируя использование вызовов внутри конкретной группы, увеличивая базу корпоративных клиентов. Важным фактором расширения абонентской базы является и активный маркетинг, позволяющий различным категориям пользователей узнать о новых, соответствующих их индивидуальным потребностям видах услуг.

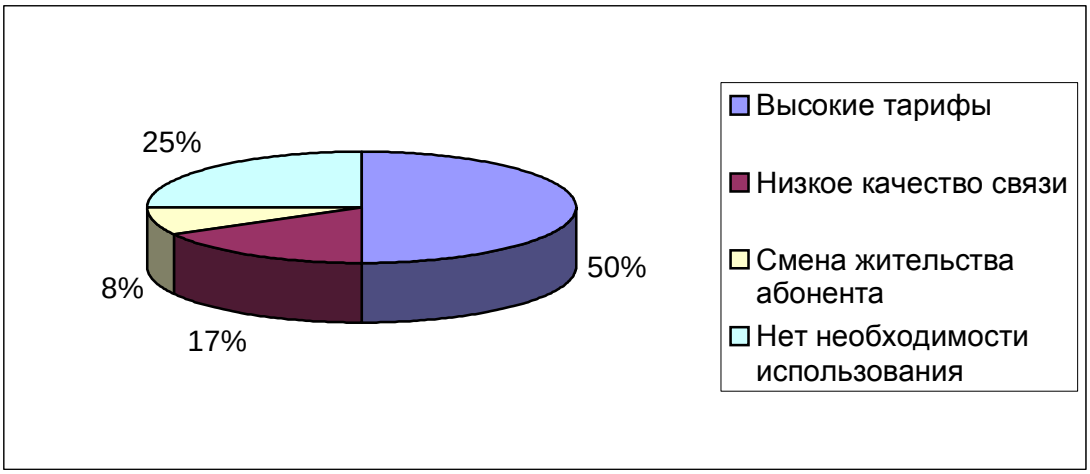

Рис. 2 Основные причины отказа от услуг сотовой связи в США. Источник: [III.12]

Решающим фактором для дальнейшего развития рынка сотовой связи остается и грамотная ценовая политика компаний. Значительное влияние на объем продаж оказывают ценовые скидки и расширение ассортимента услуг. Однако ценовые скидки положительно сказываются лишь до определенной степени. Так, при резком снижении стоимости услуг и быстром увеличении числа пользователей развитие рынка может затормозиться, поскольку средства для дальнейших инвестиций в развитие сетей будут ограничены.

Как было отмечено выше, еще одной интересной для рассмотрения особенностью сотовой связи является влияние мобильных телефонов на здоровье человека.

По мере того, как мобильная телефония все больше и больше входит в нашу жизнь, в мире продолжаются исследования, имеющие целью выяснить определенно: вредят ли сотовые телефоны здоровью человека. Сегодня ни одна лаборатория или медицинский центр еще не смогли точно ответить на этот жизненно важный вопрос. Причиной этого является сложность анализа статистических данных, которыми располагают ученые. На человека в современном мире воздействует такое большое количество вредных веществ и излучений, что выделить роль сотовых телефонов в них довольно трудно. В первую очередь исследуется возможность вредного воздействия излучений на головной мозг: ученые не исключают возможности развития раковых опухолей мозга вследствие использования мобильных телефонов. Однако точного доказательства еще не привел ни один ученый.

Начиная с 90-х гг. на каждое научное исследование, доказывающее, что использование сотовых телефонов может вызывать необратимые изменения здоровья, появляется опровержение, подготовленное не менее авторитетными учеными. Компании сотовой связи и производители телефонов денег на это не жалеют. Весьма необычную реакцию продемонстрировала компания Sony Electronics, когда в конце 1999 г. ей пришлось отозвать 60 тыс. сотовых телефонов, которые не удовлетворяли стандартам, установленным Американской федеральной комиссией по связи. Вместо доработки своих телефонов, компания предложила увеличить предельно допустимый уровень излучения. Для компании Sony увеличение предельно допустимого уровня излучения было необходимо, т.к. американская организация CTIA (The Cellular Telecommunications Industry Association – Ассоциация индустрии сотовой связи) объявила о том, что с 1 августа 2000 г. на упаковке каждого сотового телефона обязательно должна содержаться информация об уровне его электромагнитного излучения, причем в ясной и доступной форме.

Для более точного учета влияния излучения сотового телефона организация CTIA в том же 2000 г. предложила новый показатель – Specific Absorbation Rate SAR (дословный перевод «особый коэффициент поглощения»), который стал весьма популярным. Смысл SAR заключается в учете при оценке степени безопасности телефона только пикового значения излучения за все время работы с ним. Появление SAR вызвало бурную дискуссию в научных кругах, но еще больше обеспокоились производители мобильных телефонов. Дело в том, что на основе SAR начали составляться рейтинги безопасности телефонов, принципиально отличающиеся по распределению мест от тех, что создавались на основе официально принятых в США рекомендаций. Высокий интерес, проявленный пользователями к исследованиям, в результате которых и был предложен SAR, может в итоге привести к изменению покупательских предпочтений в пользу моделей с наилучшими значениями SAR. И, хотя зависимость состояния здоровья абонента от показателя SAR опять-таки не доказана,

население Северной Америки все больше прислушивается к мнению специалистов и регулярно сверяется с публикуемыми списками самых плохих и хороших телефонов [III.10].

В 2001 г. группа шведских ученых, также занимающихся рассматриваемыми проблемами, опубликовала доклад, посвященный влиянию сотовых телефонов на здоровье. Ученые рассмотрели распределение вероятности появления опухоли именно в тех областях мозга, которые обычно наиболее подвержены влиянию электромагнитного излучения от радиотелефона. Как показал статистический анализ, эта вероятность была заметно выше, чем в других областях, один лишь этот факт не может служить основанием для вынесения какого-либо заключения. 12 из 13 больных со злокачественной и доброкачественной опухолью мозга пользовались старыми аналоговыми телефонами с повышенным излучением. Разумеется, такой факт свидетельствует о возможности существования опасности, но статистической выборки явно не достаточно, чтобы дело приняло более серьезный оборот[III.5]. В мае 2005 г. той же группой шведских ученых была опубликована статья о том, что возникновения опухоли мозга намного выше у пользователей сотовых телефонов, проживающих в сельской местности, чем у жителей больших городов. Исследования показали, что у людей живущих в сельской местности и пользующихся цифровой мобильной связью более трех лет, вероятность обнаружения новообразований мозга была в три раза больше чем у горожан.

Подобное исследование проводили американские ученые из Американской ассоциации здоровья в 2000 г. Были обследованы в общей сложности 891 пользователь сотовых телефонов, 469 из которых страдали раком мозга, 422 нет. Как сообщается, в результате исследований был сделан вывод о том, что сотовый телефон никак не увеличивает риск развития опухолей.

В связи с отсутствием точных доказательств большинство мер по предотвращению вредного влияния телефонов носят лишь профилактический характер. Так, руководство студии Уолта Диснея приняло решение о запрете изображений своих киногероев для рекламы мобильных телефонов до тех пор, пока не будет доказана безопасность магнитного излучения телефонных аппаратов для детей. Это произошло после того, как Министерство здравоохранения США заявило, что излучение мобильных телефонов потенциально опасно, особенно для детей.

Весьма неожиданный ответ на вопрос дали финские ученые из г. Турку в своих отчетах. Их последние исследования в данной области показали, что электромагнитное поле мобильного аппарата положительно влияет и на работоспособность человеческого мозга. Под его воздействием значительно ускоряется реакция человека и улучшается функция кратковременной памяти. К такому же выводу пришли эксперты из Гон Конга, которые предложили пройти тест на выявление умственных способностей пользователям и не пользователям сотовых телефонов. Первые оказались умнее. Исследователи сообщили, что каким-то образом электромагнитные лучи заставили мозг работать быстрее обычного.

Литература:

I. Книги и монографии:
1.Ратынский М.В. Основы сотовой связи. - М.: Радио и связь, 2000.
2.Ратынский М.В., Телегин А.В. Телефон в кармане. - М.: Радио и связь, 2000.
3.Социально - экономическая география зарубежного мира, под ред. Вольского В.В. - М.: Крон-пресс, 1998.

II. Статьи в сборниках и периодические издания:
1.Американцы о своих «мобильниках». - в журн. Мир Би Лайн. 2002, №5.
2.Болотин. Мировая экономика за 100 лет. – В журн. Мировая экономика и международные отношения. 2001, №9.
3.Время больших перемен на мировом рынке мобильных телефонов. - БИКИ 1999. №17.
4.Грановский Ю. Беспроводная столица мира. - В газете Ведомости, июнь 2000.
5. Конкуренция между стационарное и мобильной телефонной связью. – БИКИ март 2005, №10.
6.Минздрав США предупреждает. – В газете Известия, май 2000.
7.На мировом рынке услуг связи. – БИКИ 2000. №43.
8.О системах предоплаты услуг мобильной связи. – БИКИ октябрь 2004. №120.
9.Так вреден ли сотовый телефон для здоровья? – В журн. Мир Би Лайн, 2000, №4.
10.Шведова А. Волны страха. – В газете Известия, июль 2000.

III. Internet
1.http://www.annova.com
2.http://www.connect.design.ru/n9_96/truby_v_envope.html
3.http://www.cnews.ruml
4.http://www.ericsson.ru/newworld/aplications.asp
5. http://www.hay.ru/www/chtivo/statya5.html
6.http://www.mobilecomm.ru/magazine/mci_01_00/MobileWorld/Itu.asp
7. http://www.mobiland.ru/news/?id=699
8.http://www.nokia.com
9.http://www.onLineShop.ru
10.http://www.potrebitel.org.ua/news.ua/article.asp
11.http://www.sotovik.ru/news
12.http://www.telecom.com.ua/publications/publish12.htm
13.http://www.telenews.ru/analytics

Черница С.И.

КРУПНЕЙШИЕ МИРОВЫЕ ЦЕНТРЫ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Современная нефтеперерабатывающая промышленность мира – это около 590 *основных* НПЗ[23] (мощностью более 0,8 млн т/год) и свыше 150 мелких нефтеперегонных установок, функционирующих в 122 странах мира, суммарная мощность которых составляет более 4,1 млрд т в год [4]. На основных НПЗ перерабатывается около 99% всего объёма потребляемой нефти. Кроме того, основные НПЗ являются источником получения полного комплекса нефтепродуктов, в т.ч. сырья для нефтехимического производства. Ввиду большого значения для всей нефтеперерабатывающей отрасли, а также важной роли в международной торговле нефтепродуктами изучение крупнейших мировых центров по переработке нефти представляет особый научный интерес.

Самые крупные мировые нефтеперерабатывающие центры условно можно разделить на *нефтеперерабатывающие узлы* и *сверхмощные НПЗ*. Рассмотрим, в каких регионах мира и почему они появились, что общего между ними и в чём различия.

Под *нефтеперерабатывающим узлом* понимают концентрацию на относительно небольшой территории (в пределах одного города) сразу нескольких НПЗ. В настоящее время из 499 пунктов по переработке нефти в мире 66 являются нефтеперерабатывающими узлами с числом НПЗ от 2 до 5 в каждом [4]. Нефтеперерабатывающие узлы получили наибольшее распространение в развитых странах в местах с хорошей транспортной доступностью и благоприятным экономико-географическим положением, например, Антверпен, Роттердам, Корпус-Кристи, Сингапур (см. таблицу 1). Существование немногочисленных узлов в других странах обусловлено, как правило, их местоположением в районе нефтедобычи – сырьевым фактором (Порт-Харкорт в Нигерии, Плоешти в Румынии).

По числу компаний, управляющих НПЗ в узлах, можно говорить о *простых* нефтеперерабатывающих узлах (всеми НПЗ в узле управляет одна компания) и *нефтеперерабатывающих кластерах* (каждый НПЗ в узле принадлежит отдельной фирме). Простые нефтеперерабатывающие узлы получили развитие в тех странах, где нефтеперерабатывающая промышленность находится/находилась под контролем государственной нефтеперерабатывающей компании (например, в России, Азербайджане, КНР, КНДР, Нигерии, Египте). Решение о строительстве нового НПЗ по соседству со старым в таких случаях принимается на правительственном уровне и зачастую продиктовано необходимостью модернизации уже действующего предприятия без его закрытия.

Большинство нефтеперерабатывающих узлов являются кластерами. Впервые термин *промышленный кластер* ввёл в научный обиход М. Портер. Промышленный кластер по Портеру, определяется как «группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определённой сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [2]. Применительно к нефтеперерабатывающей промышленности, *нефтеперерабатывающий кластер* можно определить как нефтеперерабатывающий узел, в котором управление над каждым НПЗ осуществляет отдельно взятая фирма.

Большинство существующих нефтеперерабатывающих кластеров расположено в местах с благоприятным ЭГП, и решение о размещении в них НПЗ принимается в каждой отдельно взятой компании с учетом наличия каких-либо видимых конкурентных преимуществ функционирования НПЗ именно в этом месте (наличие инфраструктуры, хорошая транспортная доступность, наличие рынков сбыта, льготные налоговые условия, отсутствие экологических ограничений и т.д.).

Не смотря на наличие конкурентных преимуществ функционирования в кластере, не все типы компаний присутствуют в кластерах. Зачастую кластер удалён на большое расстояние от источников нефти и рынков сбыта нефтепродуктов, которые есть у нефтеперерабатывающей компании. Поэтому эксплуатация НПЗ в кластере является конкурентным преимуществом только для мощных в финансовом смысле компаний, имеющих развитые сети дистрибуции продукции. По этой причине основная роль в кластере принадлежит крупным нефтяным ТНК[24].

[23] НПЗ – нефтеперерабатывающий завод
[24] ТНК - транснациональная компания

Крупнейшие нефтеперерабатывающие узлы мира представлены в таблице 1. За исключением Уфы и Приоло все перечисленные узлы являются нефтеперерабатывающими кластерами.

Таблица 1

15 крупнейших нефтеперерабатывающих узлов мира в 2003 г.

страна	город	число НПЗ	мощность, млн т/год
Сингапур	Джуронг	3	65,9
США	Лос-Анджелес, Калифорния	5	41
Нидерланды	Пернис	2	39,8
Бельгия	Антверпен	5	39,7
США	Техас-Сити, Техас	3	36,4
США	Корпус-Кристи, Техас	4	35,3
Россия	Уфа	3	35,1
США	Батон-Руж, Луизиана	2	27,1
Саудовская Аравия	Янбу	2	26,5
Япония	Кавасаки	3	24
Италия	Приоло	2	23,1
США	Хьюстон, Техас	3	22,9
Великобритания	Киллингхолм	2	22,4
Япония	Мидзусима	2	22
Япония	Тиба	2	21,9

Источник: [4]

Под *сверхмощными НПЗ* понимают такие нефтеперерабатывающие предприятия, объём переработки нефти на которых исчисляется десятками млн т в год. Мощность этих НПЗ такова, что при полной загрузке одного такого предприятия еженедельно перерабатывается свыше 300 тыс. т сырой нефти (один супертанкер), а ежедневный выпуск нефтепродуктов (бензина, дизельного топлива, керосина, мазута) составляет свыше 45 тыс. т или 900 цистерн (15 железнодорожных составов)!

Сверхмощные НПЗ играют большую роль в мировой нефтеперерабатывающей промышленности. Суммарная мощность 15 крупнейших НПЗ мира составляет более 10% мировых нефтеперерабатывающих мощностей (при доле в общей численности основных НПЗ равной 2,5%) [4]. Крупнейшие современные НПЗ представлены в таблице 2.

Таблица 2

15 крупнейших НПЗ мира в 2003 г.

страна	город	компания	мощность, млн
Венесуэла	Амуай	Парагуана Рифайнинг	47
Республика Корея	Ульсан	СК	40,8
Республика Корея	Йосу	ЭлДжи-Калтекс	30,9
Сингапур	Джуронг	ЭкссонМобил	29,3
США	Бейтаун, Техас	ЭкссонМобил	27,9
Индия	Джамнагар	Релайанс Петролеум	27
Виргинские острова	Санта-Крус	Ховенса	26,3
Республика Корея	Онсан	Ссаньонг Ойл Рифайнинг	26
США	Батон-Руж, Луизиана	ЭкссонМобил	24,7
Сингапур	Джуронг	Шелл	22,9
США	Техас-Сити, Техас	БП	22,3
Кувейт	Мина-эль-Ахмади	Кувейт Нешнл Петролеум	22,1
Россия	Ангарск	ЮКОС	22
Нидерланды	Пернис	Шелл	20,8
Иран	Абадан	Нешнл Ираниан Ойл	20
Саудовская Аравия	Рабиг	Сауди Арамко	20

Источник: [4]

По сравнению с нефтеперерабатывающими узлами сверхмощные НПЗ размещены по земле гораздо более равномерно (они располагаются равно как в развитых, так и в развивающихся странах, в нефтедобывающих странах и в странах, где нефтедобыча отсутствует).

Группа сверхмощных НПЗ неоднородна, и по ряду характеристик (истории возникновения, набору и весу факторов размещения, типу управляющей компании, качественных характеристик предприятия и т.п.) НПЗ существенно отличаются друг от друга. Список крупнейших НПЗ постоянно меняется (возникают новые сверхмощные НПЗ и исчезают старые).

Таким образом, современные нефтеперерабатывающие узлы и сверхмощные НПЗ имеют следующие характеристики:

- крупнейшие нефтеперерабатывающие узлы и сверхмощные НПЗ сопоставимы по мощности (20-40 млн. т нефти в год);
- большинство нефтеперерабатывающих узлов и сверхмощных НПЗ являются транзитными центрами переработки (перерабатывают привозную нефть и экспортируют произведённые нефтепродукты) и имеют приморское положение (исключение составляют российские НПЗ);
- крупнейшие нефтеперерабатывающие узлы расположены главным образом в развитых странах, большинство из них являются нефтеперерабатывающими кластерами, доминирующее положение в кластерах занимает частный акционерный капитал;
- сверхмощные НПЗ размещены по регионам мира более равномерно и принадлежат компаниям с разным видом собственности, сверхмощные НПЗ в развивающихся странах имеют более простые схемы переработки нефти по сравнению со сверхмощными НПЗ в развитых странах;
- сверхмощные НПЗ развитых странах, как правило, входят в состав нефтеперерабатывающих узлов; в развивающихся странах и в России сверхмощные НПЗ являются отдельными предприятиями и не имеют по соседству других нефтеперерабатывающих предприятий;
- нефтеперерабатывающий узел является более старой и более устойчивой формой концентрации нефтеперерабатывающей промышленности, узел формируется постепенно в течение многих лет, число узлов в мире стабильно на протяжении последних десятилетий;
- историю развития сверхмощных НПЗ отличает динамизм, большинство из них появилось в последние 30-40 лет и возникают до сих пор (например, Джамнагар в Индии), некоторые из существовавших в прошлом перестали быть таковыми (например, Кстово и Омск в России, Лисичанск на Украине);
- нефтеперерабатывающий узел является самоорганизующейся системой, возникновение и развитие его – результат не столько внешнего воздействия (решение правительства или руководства частной компании), сколько следствие эволюции нефтеперерабатывающей отрасли (результирующая стратегий развития многих фирм);
- возникновение и развитие сверхмощного НПЗ происходит под действием внешних сил (решение о строительстве принимает правительство или частная компания).

Литература:

1. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: «ДеНово», 1999.
2. Портер М. Конкуренция. М., 2002
3. Отчёт «Международной организации труда» (www.ilo.org)
4. Материалы «Oil&Gas Journal»
5. www.eia.com

Трофимов Д.А.

РОЛЬ И МЕСТО РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МИРА.

Автомобильная промышленность в развивающихся странах начала появляться в первой половине XX века в отдельных странах, где мировые транснациональные компании стали организовывать производство, а точнее сборку автомобилей для внутреннего потребления этих стран. Главное же событие в географии автомобильной промышленности развивающихся стран происходило в течение последних 30-40 лет, когда начался сдвиг отрасли из «центра» (стран Западной Европы, Японии, США и Канады, образующих ядро мирового хозяйства) в развивающие страны, образующие «полупериферию» и «периферию»» мирового хозяйства. С известной долей условности можно считать, что история автомобильной промышленности в развивающихся странах

начинается в середине XX века. Именно к этому времени относится организация автомобильного производства во всех развивающихся странах, где оно присутствует по сей день.

К 1973 году суммарный объем производства и сборки автомобилей в развивающихся странах составлял чуть более 5% от мирового объема производства. Это примерно чуть более 2,1 миллиона единиц. При этом, ежегодный объем производства составил 7,3% от общего объема автопарка развивающихся стран, в то время как в среднем по миру эта величина составляла 13,7%.
Производство автомобилей уже тогда разделялось на четыре подтипа:

- Комплексное производство в стране
- Сборка по принципу CKD (от англ. «Completely knocked down» - полностью разобранные) с использованием небольшой доли продуктов национального производства
- Сборка по принципу CKD с использованием только импортных комплектующих.
- Крупноузловая сборка по принципу SKD (от англ. «Semi-knocked down» - полуразобранные).

Важно заметить, что данные типы автомобильного производства выделяются в географическом аспекте. Так, например, более 95 % автомобильного производства Аргентины или Бразилии представляет собой комплексное производство, с участием крупнейших транснациональных корпораций. Однако немалыми темпами в автомобилестроении развивающихся стран стало расти и сборочное производство. Достаточно отметить, что прирост контрактов на сборку за 10 лет составил 150%. Таким образом, их количество выросло к 1970 году до 430 .

Итак, особенно активно автомобильная промышленность в Латинской Америке начала развиваться в середине в 50-х годов. Прирост выпуска автомобилей составил с 1963 по 1973 г. 280%. Три страны-лидера по автомобильному производству – Мексика, Бразилия, Аргентина - достигли высокого уровня локализации производства. Так, Бразилия достигла полностью внутреннего производственного цикла уже в 1964 году. Отличительной особенностью автомобильной промышленности Латинской Америки является ее «филиальный» характер. Американские компании создали здесь свои первые сборочные предприятия еще в 1920-е годы, европейские – после Второй мировой войны. К началу 1970-х годов на долю пяти американских компаний («Форд», «Дженерал Моторс», «Крайслер», «Америкэн Моторс и Интернешнл») приходилось 44% производства автомобилей в странах Латинской Америки, 35% - на долю германских компаний («Фольксваген» и «Даймлер-Бенц») и около 10% производства обеспечивали местные филиалы французских автомобильных фирм. Оставшаяся часть производства приходилась на итальянские, британские и японские компании.

Одной из ведущих стран в сфере автомобилестроения в Латинской Америке всегда являлась Бразилия, где автомобилестроение началось в первой половине XX века и было представлено лишь сборкой автомобилейамериканскими компаниями. Значительный приток инвестиций в автомобильную отрасль страны начался в 60-е годы, когда ведущие автомобильные концерны стали вкладывать свои финансовые средства в строительство отрасли преимущественно в крупнейших городских агломерациях, являющихся основными рынками сбыта автомобилей. Примерно тогда же правительством Бразилии были введены высокие таможенные пошлины на ввоз автомобилей, что способствовало росту производства внутри страны. По размеру отрасли Бразилия занимала десятое место в мире к началу 70 годов. Бурный рост отрасли вывел Бразилию в лидеры автомобильного производства не только Латинсклой Америки, но и всего Третьего мира. Объем производства вырос с 30 тыс. шт. в 1957 году до 191 тыс. в 1962 году и до 729 тыс. в 1973 г., а число занятых достигло 100 тыс. человек [Bloomfield, 1978]. В это время Бразилия являлась крупнейшим среди развивающихся стран производителем автомобилей. В 1973 году на нее приходилось 34% производства автомобилей развивающихся стран и 1,8% мирового производства. Рост объемов производства автомобилей сопровождался ростом отрасли производства автокомпонентов.

Развитие автомобильной отрасли в Аргентине до 1980-х годов сравнимо с моделью ее развития в Бразилии, хотя рост объемов производства был значительно ниже. Выпуск продукции увеличился с 10 тыс.шт. в 1957 году до 136 тыс.шт. в 1961 году и до 311 тыс.шт. в 1973 году. В 1973 году в отрасли было занято 50 тыс.чел., то есть вдвое меньше, чем в Бразилии. Автомобилестроение страны было представлено на тот период и американскими, и европейскими компаниями, такими как «ФИАТ», «Форд», «Дженерал Моторс» и некоторыми другими. Что касается географии отрасли страны, то производство тяготело, как и в Бразилии, к главному экономическому центру страны – району Буйнэс-Айрэс. Там производилось три четверти всей выпускаемой продукции. Остальная часть производилась в районе Кордова.

Выпуск автомобилей в Мексике вырос с 50 тыс.шт. в 1960 году (преимущественно сборка) до 285 тыс.шт. в 1973 г. [Bloomfield, 1978]. В отрасли было занято 75 тыс.чел. (1973 г.). Автомобильная промышленность страны представляла собой в то время производство, прежде всего, американских и немецких автомобильных компаний, и японской компании «Ниссан» и была сосредоточена преимущественно в радиусе 150 км от Мехико. Еще одним крупным центром автомобильной промышленности являлся город Монтеррей, поблизости от которого был построен завод компании «Фольксваген».

Африка и зарубежная Азия (за исключением Японии и ЮАР) считались 30 лет назад крайней «периферией» в области автомобилестроения, даже среди развивающихся стран. Несмотря на то, сто суммарное население обоих регионов составляло в 1973 году 62% от мирового, объем выпуска автомобилей здесь составлял 0,6% от мирового объема производства, а размеры автопарка не превышали 4% от мирового. Автомобильная промышленность данных регионов находилась в зачаточном состоянии. Это касается как непосредственно производства, так и сборки автомобилей. Характерной дополнительной чертой регионов является высокая доля коммерческих автомобилей – около 40% (в среднем по миру, эта величина составляет около 20%). Вообще, спрос на автомобили здесь даже выше, чем объемы их производства, однако наращивание мощностей связано с финансовыми трудностями. Особую сложность составляет создание благоприятной транспортной инфраструктуры, которая требует колоссальных затрат, но без которой развитие автомобильной промышленности в принципе невозможно.

Максимальное производство автомобилей в 1973 году было в Китае, где оно составило 101 тыс. шт. в год. В остальных развивающихся странах Азии и Африки производство не превышало 100 тыс. шт., что подтверждает тот факт, что автомобильное производство носило локальный и сборочный характер.

Со временем ситуация изменилась. Уже в 1986 году на долю двух главных регионов – Азии и Латинской Америки – пришлось уже 7% автомобильного производства мира. При этом важный сдвиг в размещении произошел внутри развивающихся стран: значительно выросла доля Азии, которая составила в 1986 г. 3,2% (см. табл.1), практически сравнявшись с долей Латинской Америки, которая кстати возросла незначительно с 1973 года – на 0,1% (прирост 15%). Прирост ежегодного производства в развивающихся странах Азии превысил 150%, в то время как среднемировой уровень прироста составил за этот период менее 8%. Тенденция роста доли Азии сохраняется и в наше время.

Таблица 1.

Производство автомобилей в Латинской Америке, развивающихся странах Азии и в мире в целом, 1973-1986 гг. [Bloomfield, 1978; Информационная система ДаймлерКрайслер АГ]

Регион	Тип автомобилей	1973 год			1986 год			Прирост производ-ства, в %%
		Пр-во, в тыс.шт.	Соотн.пр-ва легковых и грузовых автомоби-лей, в %%	Доля региона в мире, в %%	Пр-во, в тыс.шт.	Соотн.пр-ва легковых и грузовых автомоби-лей, в %%	Доля региона в мире, в %%	
Страны Латинской Америки	Легковые	1021,1		3,2	1176,5		3,5	15,2
	Грузовые	487,6		5,1	471,2		5,0	-3,3
	Легковые и грузовые всего	1508,7	68/32	3,7	1647,7	71/29	3,8	
Развивающиеся страны Азии	Легковые	282,2		0,9	734,1		2,2	160,2
	Грузовые	282,8		3,0	681,6		7,2	141
	Легковые и грузовые всего	565,0	50/50	1,4	1415,7	52/48	3,2	150,6
Мир в целом	Легковые	31619,7		100,0	34059,4		100,0	7,7
	Грузовые	9468,5		100,0	9510,0		100,0	0,4
	Легковые и грузовые всего	41088,2	77/23	100,0	43569,4	78/22	100,0	6

За период 1973-1986 гг. несколько изменилось соотношение производства в пользу легковых автомобилей. В странах Латинской Америки процент производства легковых автомобилей вырос на 3% и почти достиг среднемировое соотношение. В Азии также стало видно преобладание производства легковых над коммерческими автомобилями.

Важно также отметить рост количества развивающихся стран, где уровень производства превысил 1 млн.шт. Так, в 1973 году максимальное количество автомобилей было произведено в Бразилии – 729 тыс.шт.. Бразилия стала первым среди развивающихся стран «миллионером» по ежегодному объему производства автомобилей. Хотя в 1988 году ее опередила Южная Корея, в которой к этому времени производство автомобилей также превысило 1 млн. шт. а год. В 1993 году к странам-миллионерам присоединился и Китай, который в настоящее время является лидером по производству автомобилей в развивающихся странах, где выпуск по данным на 2003 год составил 4362 тыс. шт. [Информационная система ДаймлерКрайслер АГ, 2005]. К 1997 году Мексика также произвела более 1 млн. автомобилей.

Соответственно, за последующие 10 лет с середины 1980-х гг. география размещения автомобильной промышленности еще сильнее изменилась, усилив прежние тенденции увеличения доли развивающихся стран в мировом производстве автомобилей в целом, и сместив еще больше основной центр производства в развивающиеся страны Азии и ослабив таким образом значение Латинской Америки.

Таблица 2.

Производство автомобилей в Латинской Америке, развивающихся странах Азии и в мире в целом, 1973-1986 гг. [Информационная система ДаймлерКрайслер АГ, 2005]

Регион	Тип автомобилей	1986 год			1995 год			Прирост производства, в %%
		Пр-во, в шт.	Соотн.пр-ва легковых и грузовых автомобилей, в %%	Доля региона в мире, в %%	Пр-во, в шт.	Соотн.пр-ва легковых и грузовых автомобилей, в %%	Доля региона в мире, в %%	
Страны Латинской Америки	Легковые	1176,5		3,5	2068,7		5,8	76
	Грузовые	471,2		5	542,6		5,2	15
	Легковые и грузовые всего	1647,7	71/29	3,8	2611,3	79/21	5,6	59
Развивающиеся страны Азии	Легковые	734,1		2,2	3434,2		9,6	368
	Грузовые	681,6		7,2	2259,1		21,8	231
	Легковые и грузовые всего	1415,7	52/48	3,2	5693,3	60/40	12,3	302
Мир в целом	Легковые	34059,4		100	35926,0		100	5
	Грузовые	9510,0		100	10376,4		100	9
	Легковые и грузовые всего	43569,4	78/22	100	46302,4	78/22	100	6

Как видно из таблицы, в середине 1990-х гг. на развивающиеся страны Азии и Латинской Америки приходилось в сумме около 18% мирового производства автомобилей, в то время как в 1986 году приходилось лишь 7%. Доля этих стран в производстве коммерческих автомобилей превысила четверть от мирового объема – 27%. Увеличение доли обеспечено огромным приростом производства. Так, в Азии прирост ежегодного производства составил 302%, то есть годовой выпуск автомобилей увеличился с 1986 по 1995 год в 4 раза, что превышает аналогичные показатели в других регионах мира в разы. Наибольшей рост произошел в легковом автомобилестроении, таким образом, структура автомобильного производства в Азии еще значительно изменилась в пользу легкового автомобилестроения. Соотношение производства легковых и грузовых автомобилей

составило 60:40. Большое увеличение выпуска автомобилей в Азии позволило ей опередить Латинскую Америку, доля в мировом производстве которой оказалась меньше приблизительно в 2 раза, чем в Азии, хотя и увеличилась с середины 80-х гг. с 3,8% до 5,6%. Структура автомобильного производства в Латинской Америке также изменилась в пользу легковых автомобилей. Соотношение производства легковых и грузовых автомобилей составило 79:21.

Таким образом, для 1990-х гг. в автомобильной промышленности развивающихся стран стали очевидны следующие тенденции: значительный рост автомобилестроения в странах Азии; относительная стагнация автомобильного производства в странах Латинской Америки на отметке 3 млн.шт. в год, что полностью удовлетворяет внутренний рынок и экспортный потенциал; изменение структуры автомобильного производства с тенденцией роста производства легковых автомобилей; увеличение стран с производством более 1 млн. шт. (в 1994 году их было уже четыре – Бразилия, Мексика, Китай, Южная Корея).

На современном этапе роль развивающихся стран в мировой автомобильной промышленности увеличилась еще больше. Еще нагляднее прослеживается основная тенденция – сдвиг автомобильной отрасли из «центра» на «полупериферию» и «периферию». Данный сдвиг объясняется несколькими, очень важными факторами. Во-первых, развитие хозяйства развивающихся стран, которое повышает уровень благосостояния населения, позволяет увеличивать объемы выпуска автомобилей, вместе с которыми растет и их сбыт. Во-вторых, на фоне роста автомобильной промышленности наблюдается стагнация автомобильной отрасли в промышленно развитых странах, так что доля развивающихся стран в мировом автомобилестроении постоянно увеличивается. В-третьих, значительную роль в увеличении производства автомобилей здесь играют автомобильные транснациональные корпорации, интересом которых является, прежде всего, увеличение собственной прибыли, обеспеченной, прежде всего, ростом производства, которое возможно в настоящее время практически только в развивающихся странах, т.к . ресурс автомобильного рынка в развитых странах почти полностью исчерпан.

По данным международной организации автомобильных производителей на 2003 год, производство автомобилей в развивающихся странах, включая страны Африки, составило 15507,5 тыс. шт., т.е. более четверти от мирого объема производства автомобилей, который составил 60618,5 тыс. шт. Поэтому еще раз необходимо подчеркнуть значимость развивающихся стран в мировом автомобилестроении. Необходимо отметить, что основной центр автомобилестроения в развивающихся странах еще больше сместился в Зарубежную Азию, на долю которой пришлось около ¾ производства в развивающихся странах и 19,5% от мирового выпуска автомобилей. Значение автомобильной промышленности Латинской Америки снизилось. На нее пришлось чуть менее 25% от суммарного производства в развивающихся странах и 6,0% от мирового объема, что лишь на 0,3% больше, чем в 1995 году. Значение автомобильной промышленности развивающихся стран Африки, которая носит локальный характер, очень невелико. На развивающиеся страны этого континента пришлось в 2003 году менее 0,6% от выпуска автомобилей в развивающихся странах и менее 0,15% от мирового выпуска.

Необходимо отметить, что впервые в истории автомобилестроения развивающихся стран Китай вошел в четверку лидеров по выпуску автомобилей, уступая лишь США, Японии и Германии. По тенденции роста проивзводства Китай в ближайшее 1-2 года должен опередить Германию и занять место в тройке лидеров. Так, в 2004 году Китай произвел 5070 тыс. шт [www.oica.net], что лишь на 500 тыс. шт. или на 10% меньше, чем в Германии. Среди развивающихся стран Китай занимает первое место, опередив Южную Корею, которая с начала 90-х гг. до недавнего времени оставалась лидером автомобильного производства в развивающихся странах.

Всего в 2003 году в развивающихся странах стало 5 стран с объемом выпуска более 1 млн. автомобилей в год. На них в сумме пришлось более 80% суммарного производства стран Третьего Мира и более 20% мирового производства (см. табл.3).

Таблица 3.

Производство автомобилей в развивающихся странах и доля развивающихся стран в региональном и мировом производстве в 2003 г., [www.oica.net]

Регион/Страна	Производство, в тыс.шт.	Доля внутри развив.стран своего региона	Доля в производстве развивающихся стран	Доля в мировом производстве
Латинская Америка	3622,6	100,0	23,4	6,0
Бразилия	1827,0	50,4	11,8	3,0
Мексика	1585,9	43,8	10,2	2,6
Аргентина	169,6	4,7	1,1	0,3
Остальные в регионе	40,1	1,1	0,3	0,1
Зарубежная Азия	11805,6	100,0	76,1	19,5
Китай	4443,7	37,7	28,7	7,4
Южная Корея	3177,9	26,9	20,5	5,2
Индия	1160,5	9,8	7,5	1,9
Таиланд	742,1	6,3	4,8	1,2
Иран	567,0	4,8	3,7	0,9
Турция	533,7	4,5	3,4	0,9
Тайвань	386,7	3,3	2,5	0,6
Малайзия	345,0	2,9	2,2	0,6
Индонезия	322,0	2,7	2,1	0,5
Филиппины	53,8	0,5	0,3	0,1
Пакистан	51,7	0,4	0,3	0,1
Вьетнам	21,5	0,2	0,1	<0,1
Африка	79,3	100,0	0,5	>0,1
Египет	50,1	63,2	0,3	0,1
Морокко	18,6	23,4	>0,1	<0,1
Остальные в регионе	10,6	13,4	<0,1	<0,1
Всего развивающиеся страны	15507,5	--	100	25,6

В странах Латинской Америки концентрация размещения производства на страновом уровне по-прежнему остается очень высокой. На Бразилию и Мексику приходится около 94% суммарного производства в региона. Аргентина выпустила в 2003 году около 5% и лишь 1% производства приходится на остальные страны, куда входит Колумбия, Венесуэла, Чили, Эквадор. В других странах регионах, даже если и есть сборка, то она носит в буквальном смысле слова штучный характер. В странах Азии концентрация производства на страновом уровне выражена в меньшей степени. Основной объем производства пришелся на три страны – Китай, Южная Корея и Индия. В сумме они произвели почти 80%. Шесть стран-лидеров обеспечивают региону уже 90% производства. Надо также отметить, что Китай и Южная Корея – единственные из развивающихся стран, доля в мировом производстве которых превышает 5%.

В развивающихся странах Африки основными производителями, а точнее автосборщиками автомобилей являются Египет и Марокко, которые суммарно выпускают 86,6% автомобилей региона. Оставшиеся 13,4% приходятся на остальные страны, куда вошли Нигерия, Зимбабве, Ботсвана, Судан, Кения.

Легковая автомобильная промышленность превалирует практически во всех развивающихся странах за некоторыми лишь исключениями, аналогично развитым странам, где на легковую промышленность приходится около 70% суммарного мирового производства. Хотя, в отличие от развитых стран, доля производства легковых автомобилей здесь ниже, но имеет постоянную тенденцию к увеличению. Характерным примером является Азия, в развивающихся странах которой доля легковой промышленности увеличилась с 52% в 1986 году до 65,0% в 2003 году (см. табл.4). Хотя в Латинской Америке этот показатель составил 66,9%, что меньше чем в 1986 и в 1995 гг., однако такое изменение заключается скорее не в изменении направления развития автомобильной

промышленности, а в том, что те количественные показатели, которых легковая автомобильная промышленность достигла здесь ранее, не соответствовали емкости потребительского рынка, и выпуск легковых автомобилей снизился в отличие от выпуска коммерческих автомобилей, вместе с чем снизилась и доля легковой автомобильной промышленности в производственной структуре.

В мировом легковом автомобилестроении прослеживаются аналогичные тенденции сдвига индустрии из «центра» на на «полупериферию» и «периферию». Так, в 2003 году на развивающиеся страны пришлось 24,2% мирового выпуска легковых автомобилей, что составило более 10 млн.шт. Как и по суммарному производству, доли описываемых регионов по производству легковых автомобилей практически такие же. Так, около 75% автомобилей развивающихся стран производится в Азии. Оставшиеся 23,9% приходится на страны Латинской Америки. Еще 0,5% производят страны Африки. Таким образом, в легковом автомобилестроении развивающихся стран наблюдаются аналогичные тенденции сдвига размещения производства в страны Азии, прежде всего, в Южную Корею, являющуюся лидером по выпуску легковых автомобилей в развивающихся странах, а также в прогрессирующие Китай и Индию.

Таблица 4.

Производство легковых автомобилей в развивающихся странах и доля развивающихся стран в региональном и мировом производстве в 2003 г., [www.oica.net]

Регион/Страна	Производство легковых автомобилей, в тыс.шт.	Доля легковых автомобилей в производственной структуре (%%)	Доля страны внутри развив.стран своего региона (%%)	Доля в производстве развивающихся стран (%%)	Доля в мировом производстве (%%)
Латинская Америка	2423,4	66,9	100,0	23,9	5,8
Бразилия	1505,0	82,4	62,2	14,8	3,5
Мексика	780,8	49,2	32,2	7,7	1,9
Аргентина	109,8	64,7	4,5	1,1	0,3
Остальные в регионе	27,8	69,5	1,1	0,3	<0,1
Зарубежная Азия	7678,1	65,0	100,0	75,6	18,3
Китай	2018,9	45,4	26,4	19,9	4,8
Южная Корея	2767,7	87,1	36,1	27,2	6,6
Индия	906,9	78,1	11,8	8,9	2,2
Таиланд	250,0	33,7	3,3	2,5	0,6
Иран	549,9	97,0	7,2	5,4	1,3
Тайвань	264,7	68,5	3,4	2,6	0,6
Малайзия	325,0	94,2	4,2	3,2	0,8
Турция	294,1	55,1	3,8	2,9	0,7
Индонезия	203,2	63,1	2,6	2	0,5
Филиппины	38,7	71,9	0,5	0,4	0,1
Пакистан	42,2	81,6	0,5	0,4	0,1
Вьетнам	16,8	78,1	0,2	0,2	<0,1
Африка	51,7	65,2	100,0	0,5	>0,1
Египет	32,6	65,0	63,0	0,3	<0,1
Морокко	10,8	58,1	20,8	0,1	<0,1
Остальные в регионе	8,3	78,7	16,2	0,1	<0,1
Всего развивающиеся страны	10153279	65,5	--	100	24,2

По данным на 2003 год, три развивающиеся страны, а именно Южная Корея, Китай и Бразилия, произвели по более чем 1 млн. автомобилей (В 2004 году к ним присоединилась и Индия,

которая выпустила 1178 тыс.автомобилей). В сумме эти три страны выпустили 62,0% суммарного объема производства легковых автомобилей в развивающихся странах.

В странах Латинской Америки на Бразилию пришлось около 62% выпуска региона. При этом легковая промышленность в Бразилии во многом превосходит индустрию коммерческих автомобилей. В производственной структуре на нее приходится более 82% выпуска. Легковая промышленность Мексики, напротив, ослабела как по доле выпуска в регионе (32,2%), так и доле во внутренней структуре производства. В 2003 году в этой стране количество произведенных коммерческих автомобилей было выше, чем число выпущенных легковых автомобилей. Это связано как с некоторым снижением интереса стран-импортеров, т.к. и самой структурой экспорта автомобилей Мексики, основным рынком сбыта которого является США, где доля коммерческих автомобилей в потреблении высока. На долю Аргентины пришлось менее 5% производства, при этом доля легкового автомобилестроения в производственной структуре страны близка к среднестатистической – 69,5%. В целом, Латинская Америка дает 5,8% мирового легкового автомобилестроения. При этом из этой доли 5,4% приходится на Бразилию и Мексику. На остальные страны Латинской Америки, куда вошли Колумбия, Венесуэла и Чили, пришлось чуть более 1% регионального и менее 0,1% мирового производства. Выпуск легковых автомобилей составил здесь 27,8 тыс.шт.

Зарубежная Азия, как основной продуцент легковых автомобилей в развивающихся странах, произвела 7678,1 тыс.автомобилей в 2003 году. Важно подчеркнуть, что это более чем в 5 раз больше, чем в 1986 году. Таким образом, динамика прироста производства здесь очень велика, как и в индустрии коммерческих автомобилей. Концентрация производства легковых автомобилей в данном регионе такова, что на две лидирующие страны, Южную Корею и Китай, приходится около 63% суммарного производства (см. табл.4). Оставшиеся 36% приходятся на Индию, Иран, Малайзию, Турцию, Тайвань, Таиланд, Индонезию. Еще чуть более 1% приходится на Филиппины, Пакистан, Вьетнам. В мировом легковом автомобилестроении на долю Южной Кореи приходится 11,4% выпуска, что ставит ее на 5 место по производству легковых автомобилей в мире, уступая лишь Японии, США, Германии, Франции. Надо отметить, что Южная Корея – единственная из разивающих стран, где высокая экспортная составляющая производства обеспечена выпуском собственных марок автомобилей, постоянно увеличивающих свой сбыт в странах Западной Европы и США. Китай находится на седьмом месте после Испании. На Китай и Южную Корею приходится почти половина (48,5%) суммарного производства легковых автомобилей в развивающихся странах. Как уже отмечено ранее, производственная структура в Азии изменилась в пользу легковых автомобилей, на которые пришлось около 65% суммарного производства. Во многих развивающихся странах Азии доля легковых автомобилей превышает среднемировой показатель. Так, в Южной Корее, в которой изначально акцент делался именно на производстве и экспорте легковых автомобилей, их доля в производственной структуре составила 87,1%. Однако в двух странах, Китае и Таиланде, доля производства легковых автомобилей ниже 50%. Для Китая преобладание производства коммерческих над легковыми автомобилями прослеживалось на протяжении всего развития автомобильной отрасли в этой стране, что связано с низкими доходами населения, препятствующими развитию спроса на автомобили для личного пользования. Рост производства коммерческих автомобилей и сохранение их высокой доли в производственной структуре объясняется стремительным ростом промышленности и сельского хозяйства, что стимулирует потребление коммерческих автомобилей.

Развивающиеся страны Африки дают чуть более одной десятой процента мировому производству легковых автомобилей. В 2003 году было произведено 51,7 тыс.шт. При этом, суммарная доля двух лидирующих стран-производителей, Египта и Марокко, составила почти 84%. Оставшиеся 15% пришлись на Нигерию, Ботсвану, Судан, Кению. В производственной структуре на долю легковых автомобилей приходится 65,2% суммарного выпуска автомобилей в регионе, что практически соответствует среднему показателю для развивающихся стран.

Важным показателем, отражающим состояние и развитие автомобильной промышленности, является занятость в этой отрасли. В 2003 году в мире непосредственно в самой автомобильной индустрии было занято 7959 тыс. чел. [www.un.org], что составляет 5,14% от населения, занятого в промышленности. Китай занимает первое место по этому показателю. В этой стране занято более 1,1 млн. человек, что больше чем в США, где занято 912 тыс. чел. Соответственно, в Китае занято почти 15% от общего населения мира, занятого в автомобильной сфере (см. табл.5). На втором месте по количеству занятых в этой сфере среди развивающихся стран находится Южная Корея.

Таблица 5.

Занятость населения отдельных развитых и развивающихся стран 2003 г., [www.oica.net, www.un.org]

Регион/Страна	Население (тыс. чел.)	Занятость населения в автоиндустрии	Доля занятых страны в мировой занятости в автомобильной промышленности	Доля занятых в автомобильной промышленности от общего населения страны
США	298213	912,0	11,5	0,31
Германия	82689	763,5	9,6	0,92
Япония	128084	858,0	10,8	0,67
Бразилия	186405	249,7	3,1	0,13
Мексика	107030	138,1	1,7	0,13
Аргентина	38748	12,7	0,2	0,03
Китай	1315844	1154,0	14,5	0,09
Южная Корея	47817	333,0	4,2	0,70
Индия	1103371	270,0	3,4	0,02
Турция	73192	167,5	2,1	0,23
Таиланд	64233	182,3	2,3	0,28
Малайзия	25348	34,8	0,4	0,14
Индонезия	222782	49,5	0,6	0,02
Египет	74033	62,1	0,8	0,08

В целом на развивающиеся страны приходится около 34% населения, занятого в мировом автомобилестроении, что составило в 2003 году 2,7 млн.чел. Очевидно, учитывая что доля населения развивающихся стран в мировом автомобилестроении выше, чем доля производимых в развивающихся странах автомобилей в мировом производстве, то производительность труда в развивающихся странах ниже.

Доля занятых в автомобилестроении от общего населения страны также значительно варьируется по миру. Наибольшего значения этот показатель достигает в развитых странах. Среди развивающихся стран по этому показателю лидирует Южная Корея, где производство автомобилей не только велико, но и экспортоориентированно. Количество занятых в автомобильной промышленности составляет здесь 0,7% от общего населения страны. Характерно, что в других развивающихся странах уровень колеблется в основном от 0,05% до 0,2%.

Итак, для автомобильной промышленности развивающихся стран характерны следующие особенности. Прежде всего, наблюдается сдвиг отрасли из «центра» в развивающисеся страны, образующие «полупериферию» и «периферию» мирового хозяйства. Существенно выросла доля развивающихся стран в мировом производстве автомобилей. Что касается истории развития, то автомобильная промышленность развивающихся стран зародилась и получила рост в странах Латинской Америки, где объемы выпуска составляли в 1973 году около 1,5 млн. автомобилей в год. В странах Азии производство составляло 500 тыс.шт. Однако в дальнейшем выявилось смещение отрасли из стран Латинской Америки в развивающиеся страны Азии, которые уже в середине 1980-х гг. стали лидирующим регионом в этой отрасли. В рамках развивающихся стран усилилась концентрация производства на страновом уровне. Так, в Латинской Америке более 90% производства приходится на Бразилию и Мексику. В Азии шесть стран-лидеров производят более 90% автомобилей региона. Выросло число стран с выпуском более 1 млн.автомобилей в год. В 2004 году их стало уже пять. Причем Южная Корея – единственная из развивающихся стран, которая активно реализует продукцию собственного автомобилестроения в развитых странах, а Мексика – единственная из развивающихся стран, вошедшая в экономическую группировку с экономически развитыми странами (НАФТА). Структура автомобильного производства в развивающихся странах меняется в пользу легковых автомобилей, что связано как с изменением потребностей внутренних рынков этих стран, так и с импортной потребностью стран, куда экспортируются автомобили

развивающихся стран. При этом, развивающиеся страны превращаются из нетто-импортеров в нетто-экспортеров автомобилей.

Основу автомобильного производства развивающихся стран составляют крупнейшие транснациональные корпорации, основным интересом которых является расширение производственных мощностей с целью увеличения прибыли. Однако и в развивающихся странах стали появляться собственные ТНК («Хёнде Мотор»), которые теперь играют немалую роль в мировом автомобилестроении и составляют конкуренцию ведущим западноевропейским и североамериканским компаниям. Производительность труда в автомобильной промышленности развивающихся стран ниже, чем в развитых странах. Об этом свидетельствует тот факт, что в развивающихся странах соотношение производства автомобилей к количеству занятых ниже в 1,5 – 2 раза, чем в экономически развитых странах. Однако производительность труда постоянно увеличивается, в т.ч. и с современной тенденцией перехода производства от сборки автомобилей к комплексному производству, увеличивающему автоматизацию производственного процесса. Для развивающихся стран характерна деконцентрация производства внутри самих стран. Так, если в большинстве этих стран производство автомобилей прежде тяготело преимущественно к экономически центрам (столичным регионам), то с ростом рынков сбыта автомобилестроение стало распространяться и к «периферии».

Дальнейшее развитие автомобильной промышленности развивающихся стран определяется возможностями внутренних рынков этих стран, ростом благосостояния населения, а также благоприятными экспортными перспективами развивающихся стран на международном рынке

Литература:

1. Bloomfield G. The World Automotive Industry, London, 1973, 365 pp.
2. Duran C.R., Peters E.D., Tanuura T. Changes in Industrial Organization of the Mexican Automobile Indutry by Economic Liberalization, Institute of Developing Economies, #120, 1997.
3. Mortimore M.M. Getting a lift: modernizing industry by way of Latin American integration schemes. The examples of automobiles/ United nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), 1998, pp.97-136.
4. Salerno M.-S. Changes and Persistences on the Relationship between assemblers and suppliers in Brazil/ Actes du Gerpisa, #24, dec. 1998, pp. 51-66.
5. www.daimlerchrysler.com (Электронная информационная система исследовательского центра концерна ДаймлерКрайслер АГ, Штутгарт)
6. www.oica.net (Официальный сайт международной организации автомобильных производителей)
7. www.un.org (Официальный сайт ООН)
8. www.wto.org (Официальный сайт Всемирной Торговой Организации)